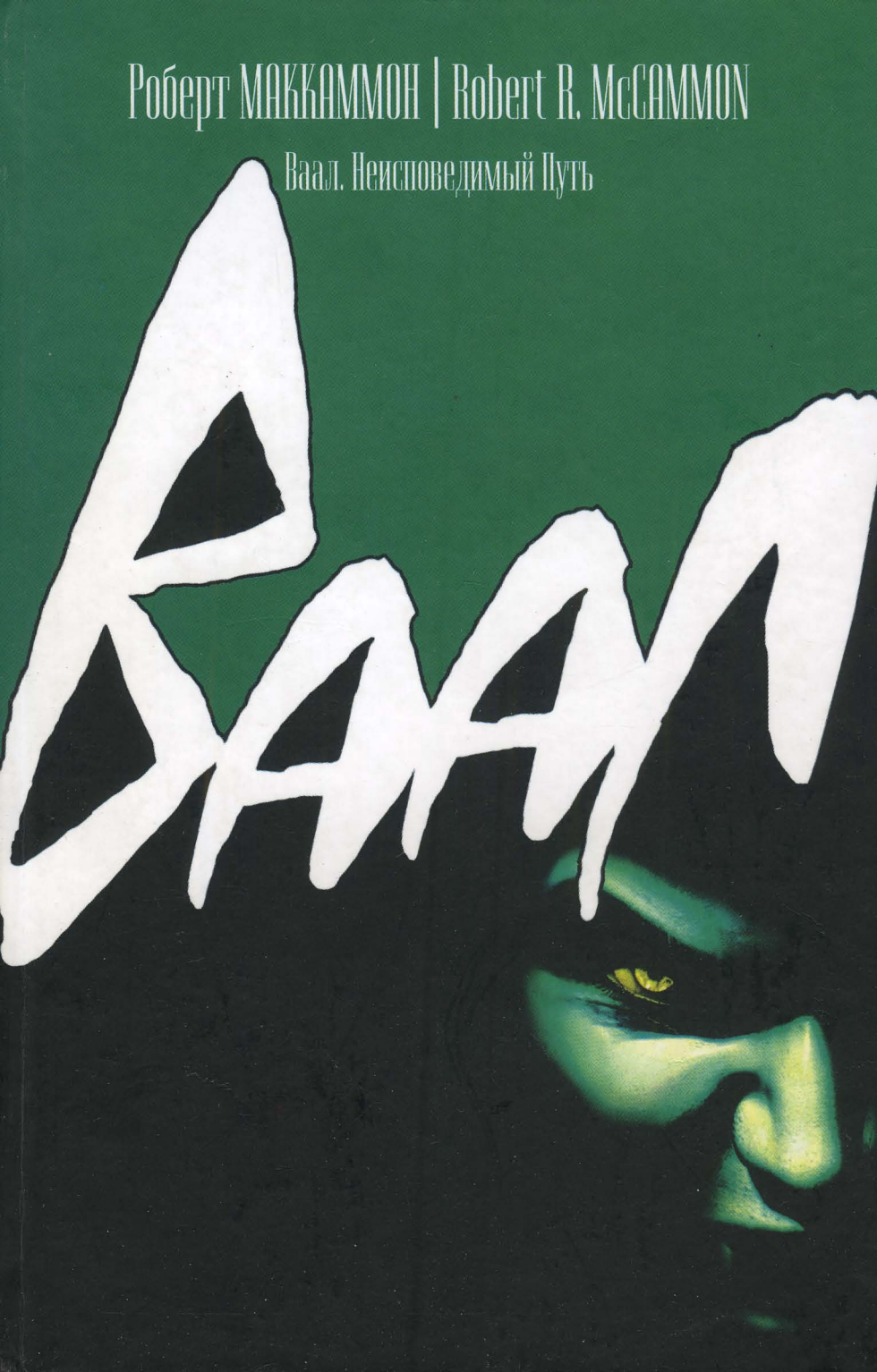
Роберт МАККАММОН | Robert R. McCAMMON

Ваал. Неисповедимый Путь

ВААЛ

Роберт МАККАММОН | R. McCAMMON

Роберт МАККАММОН | R. McCAMMON

Ваал

•

Неисповедимый Путь

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
Москва
2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
М15

Robert R. McCammon
BAAL
THE MYSTERY WALK

Перевод с английского О.Э. Колесникова («Ваал»),
Г.В. Жеболдова и О.Э. Колесникова («Неисповедимый Путь»)

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А.В. Тихомирова

Печатается с разрешения The McCammon Corporation
и литературных агентств Peter Lampack Agency, Inc.
и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 18.11.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5000 экз. Заказ № 3234.

Маккаммон, Р.
М15 Ваал. Неисповедимый Путь : [фантаст. романы: пер. с англ.] / Роберт Маккаммон. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 700, [4] с.

ISBN 5-17-024984-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9578-1097-5 (ООО «Транзиткнига»)

Роберт Маккаммон.
«Живой классик» литературы «ужасов».
СОПЕРНИК Стивена Кинга?
Писатель, в произведениях которого Зло пытается завладеть не душами людей, но — ВСЕМ нашим миром.
Звучит дико?
О нет!
Звучит ПРАВДИВО.
Потому что УЖАС в произведениях Маккаммона НИКОГДА не приходит ИЗВНЕ. Мы сами ПРИДАЕМ ЕМУ СИЛУ!..
В эту книгу вошли классические произведения Роберта Маккаммона — романы «Ваал» и «Неисповедимый Путь».

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Robert R. McCammon, 1978, 1980
© Перевод. О.Э. Колесников, 1998
© Перевод. Г.В. Жеболдов, О.Э Колесников, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Ваал

Посвящается
моему брату Майклу
и моему другу Биллу.

ПРОЛОГ

рость опаляла небо.

Кул-Хазиз почуял ее. Ему почудился лязг оружия, запах мужского пота, свежей крови и старых грехов.

Принюхиваясь, он посмотрел поверх спин мирно пасущихся овец на север. Высоко в белом небе висело тысячелетнее палящее солнце. Его око замечало все, что творилось за скалами, на равнинах, в цветущих лугах и далеких холмах. Оно видело то, чего Кул-Хазиз не видел — только чувствовал.

Кул-Хазиз задержал взгляд на хмуром горизонте. Потом взял сучковатый посох и медленно пошел через вяло бредущее стадо, мягко, почти отечески подталкивая в бока отстающих овец. Он с женой и сынишкой всегда держал путь туда, где недавно прошел дождь: дождь означал свежую траву, а трава для стада означала жизнь. Сейчас он видел, что на севере, у города Асора, собираются темные тени, похожие на грозовые тучи. Однако это были не тучи. В воздухе не пахло дождем — Кул-Хазиз угадал бы его за несколько дней. Нет, дождь был ни при чем. В воздухе пахло только яростью.

Жена Кул-Хазиза, сидевшая в шатре из козьих шкур, перестала штопать и поглядела на небо. На другом краю бугристой, неприметно взбирающейся в гору равнины маленький сын Кул-Хазиза стучал посохом по земле, загоняя в стадо отбившихся овец, и вдруг посмотрел на отца.

Кул-Хазиз стоял на склоне холма, неподвижный, как камень, прикрывая рукой глаза от яркого солнца. Он ничего не знал о том, что происходит, но кое-что слышал от других кочевых семей. Гнев Яхве обрушился на нас, мы обречены, лепетали они заплетающимися языками. Яхве истребит нас за наши прегрешения, вещали пророки из пастухов, кочевники, цари пастбищ и холмов. Сердце у Кул-Хазиза отчаянно колотилось, словно рвалось узнать.

Сын Кул-Хазиза пробрался через стадо. Схватил отца за руку.

Что-то полыхнуло, будто молния, но это не была молния. Вдали, на севере, у города Асора. Ярко-синяя слепящая вспышка, сильная, страшная. Кул-Хазиз закрыл рукой глаза. Сын вцепился в него, пряча лицо. Позади вскрикнула жена, овцы кинулись врассыпную. Кул-Хазизу опалило руку. Когда жар спал, он снова посмотрел на север и ничего не увидел. Сын смотрел на него снизу вверх, в его глазах был вопрос, на который Кул-Хазиз не мог ответить.

А потом он увидел. За дальними скалами, за равниной деревья клонились под ударами страшного ветра, ломались, летели по воздуху, и на их ветвях расцветало пламя, а сама равнина чернела на глазах, словно по ней от Асора шла армия. Огненная армия ползла по равнине, выжигая траву, вспахивая песок, превращая в костры кусты терновника.

Ветер взлетел на поросший травой холм к Кул-Хазизу, заюлил вокруг, дергая пастуха за лохмотья, нашептывая ему на ухо тайные слова. Овцы заблеяли.

Скоро придет огонь. Он поглотил Асор и теперь пожирал всех живых тварей в окрестностях этого города. Кул-Хазиз понял: еще несколько глотков приятно теплого воздуха — и тот превратится в бушующее белое пламя.

Сынишка рядом с ним окликнул:

— Отец?

Пророки были правы. Их черепа и посохи, письмена, начертанные в небе, предсказывали неизбежное. Не называли только срок.

Кул-Хазиз сказал:

— Великого бога Ваала больше нет...

И застыл на холме словно камень.

Пылающий камень.

Часть первая

Кто подобен зверю сему?..

Откровение святого
Иоанна Богослова, 13:4.

1

иктор на телеэкране рассказывал о снижении темпов развития мировой экономики и о недавних землетрясениях в Южной Америке.

Мэри Кейт подвинула чашку кофе по пестреющей сигаретными ожогами стойке к последнему на сегодня клиенту. Тот глянул на нее мутными глазами и буркнул: «Спасибо».

Эрнест, облокотившись на стойку, смотрел ночной выпуск новостей — как всегда. Мэри Кейт наизусть знала, чего от него ждать.

— Господи ты Боже мой! — сказал Эрнест. — Эти чертовы налоги доконают город! Здесь и так уже невозможно заниматься бизнесом!

— И не занимайтесь, — отозвался клиент. — Берите пример с молодежи: пошлите все подальше и спокойно отдыхайте в парке. Мир катится ко всем чертям.

Загремели тарелки: Мэри Кейт убирала со столов.

— Нет, вы посмотрите! — воскликнул Эрнест. С засиженного мухами черно-белого экрана кто-то с важным видом вещал:

— ...Страх перед очередной попыткой заказного убийства...

Мэри глянула на часы. «Поздно-то как! — подумала она. — Завозилась я сегодня! Джо уже вернулся, усталый до чертиков.

И голодный — а уж я-то знаю, что значит не покормить мужчину вовремя! Черт!»

— А знаете, в чем все дело? — допытывался клиент у Эрнеста. — Время такое — мир завершил круг. Понимаете, о чем я? Круг пройден, и теперь, черт побери, пришло время платить по счетам...

— ...был похищен вчера японской террористической организацией «Черные маски». Требование о выкупе еще не поступало... — говорил диктор.

— Завершил круг? — переспросил Эрнест. Он повернулся, чтобы посмотреть на своего собеседника, и голубоватое сияние телеэкрана высветило его лицо с тяжелым подбородком. — Как это?

— Видите ли, человеку отпущено ровно столько времени, сколько отпущено, — ответил посетитель, поглядывая то на Эрнеста, то на диктора. — Как только оно истечет, вы уходите. То же самое можно сказать о городах, даже о странах. Вот, к примеру, вы знаете, что произошло с Римом? Он достиг вершин — и рухнул в пропасть.

— По-вашему, между Нью-Йорком и Римом есть нечто общее, а?

— Конечно. Я где-то читал про это. Или видел по ящику...

Мэри Кейт держала стопку тарелок со следами застывшего жира и окурками. Запах внушал ей отвращение. Люди — настоящие свиньи, размышляла она. Хрю, хрю, хрю — свиньи да и только. Она прошла через широкую двустворчатую дверь на кухню и поставила грязную посуду на полку у раковины. Молодой негр по имени Вудро, повар и судомойка в одном лице, поднял голову и пристально посмотрел на нее. В углу рта была зажата сигарета.

— Подбросить малышку Мэри домой? — спросил он. Вудро всегда задавал этот вопрос в конце рабочего дня.

— Я просила тебя не называть меня так...

— Но я уже привык. Мне по пути, а кроме того, на прошлой неделе я купил классные новые покрышки.

— Доберусь на автобусе.

— Я могу тебе помочь чуток сэкономить.

Мэри Кейт повернулась к Вудро и заметила в его глазах огонек; этот взгляд пугал ее.

— Лучше я сэкономлю твое время. Не надо меня подвозить. Я поеду автобусом, как всегда. Уяснил наконец?

Вудро усмехнулся, не разжимая губ. С сигареты, как мраморные глыбы с вавилонской башни, посыпались хлопья пепла.

— Уяснил, сестричка. Черное мясо тебя не заводит, да?

Мэри Кейт в сердцах хлопнула дверью, и Эрнест резко вскинул голову. Он ненадолго задержал на Мэри пристальный взгляд и вновь отвернулся к телеэкрану. Там длинноногая девушка-синоптик объясняла, что жара, вероятно, продержится до четверга.

Скотина! Мэри Кейт принялась методично протирать грязные пепельницы, расставленные на стойке. Надо менять работу, в сотый раз сказала она себе. Надо найти новую работу и свалить отсюда. Любую работу — лишь бы не здесь. Посмотри на себя, сказала она. Двадцать лет, подавальщица в тошниловке, замужем за недоучившимся словесником, подавшимся в таксисты. Господи! Во что бы то ни стало надо сматываться отсюда, даже если придется сделать то, чего не хочется делать. Интересно, как отреагирует Джо, если однажды ночью в их душной, тесной квартирке она нежно прижмется к нему и шепнет: «Джо, миленький, по-моему, мне куда приятнее было бы работать на панели».

Раздался щелчок — Эрнест выключил телевизор. Клиент уже ушел. Возле кофейной чашки лежал десятицентовик.

— Пора по домам, — проговорил Эрнест. — Еще день, еще доллар. Еще один паршивый доллар. Эй! Вудро! Эй! Ты там запираешь?

В ответ Вудро изобразил раба с плантации:

— Запираю, масса, запираю, а как же!

Мэри аккуратно сложила передник, убрала его под стойку и сказала:

— Я пошла, ладно? Мне надо домой, кормить Джо.

Эрнест все еще подпирал спиной стойку, созерцая погасшее око телевизора. Он, не оглядываясь, ответил:

— Мне-то что? Иди...

Мэри толкнула матовую стеклянную дверь и вышла. Над входом загоралась и гасла красная неоновая вывеска: «Гриль Эрни». Свет, тьма, свет, тьма, и так тысячу раз за день — Мэри однажды сосчитала.

Воздух был спертый и душный, как в парной. Мэри пошла к остановке своего автобуса в трех кварталах от гриль-бара, стараясь покрепче прижимать сумочку к боку, чтобы ее не смогли выхватить ночные воришки.

Одно время она собиралась пойти на курсы секретарей; они с Джо вполне могли прокормиться и, может, даже немного подкопить. Но потом Джо забросил учебу, и начавшаяся у него вслед за этим депрессия захватила и Мэри. Они теперь походили на уцелевших в кораблекрушении, чей спасательный плот дал течь: слишком слабые, чтобы жить, слишком испуганные, чтобы умереть, бесконечно плывущие по течению. Это следовало изменить. Так дальше нельзя.

Вдобавок Мэри поймала себя на том, что не уверена, любит ли мужа по-прежнему. Ей никогда не объясняли, что должна чувствовать женщина в подобной ситуации. Отец ее — он работал механиком в гараже в Нью-Джерси, руки у него вечно были в смазке — был человеком строгих правил и консерватором по натуре, а мать, болтушка, страстно обожающая лото, даже после захода солнца ходила в темных очках, словно надеялась, что ее вдруг найдут и введут в мир кино помощники режиссера, роющиеся в поисках талантов среди уцененных товаров во второсортных супермаркетах.

Конечно, Джо по-прежнему привлекал ее как мужчина. Но любовь? Любовь? Страстное, волнующее погружение в душу другого человека? Мэри затруднялась выразить свои чувства словами, а если бы попросила Джо помочь ей в этом, он поднял бы ее на смех. Дело было не в том, что здоровье Мэри Кейт пошатнулось или ее красота поблекла, — ничего подобного, хотя порой, стоя перед зеркалом, она нехотя признавалась себе, что безобразно худа и взгляд у нее стал пустой и равнодуш-

ный, старушечий. Нет, определенно требовались решительные меры.

Сейчас мысли Мэри витали далеко от гриль-бара. Улицу вдоль края тротуара заливал желтый свет фонарей. Мэри шла мимо фасадов жилых домов, и эти пустые, обезображенные рубцами и шрамами каменные лица угрюмо следили за ней, точно склонившие головы монахи. Переполненные помойные баки, мусор в водостоках, истерические газетные заголовки — убийства, поджоги, угроза войны...

Ох уж эта жара, сказала себе Мэри. Ох уж эта жара. Переносица у нее взмокла. Пот собирался под мышками и тоненькими струйками стекал вниз. Сколько можно? Уже две недели нечем дышать. А ведь лето только начинается, самые жаркие месяцы еще впереди.

Вот и остановка. Нет, до нее еще один квартал. Ее шаги гулко раздавались на пустой улице, эхо отражалось от каменных стен. «На сколько еще меня хватит?» — спросила себя Мэри.

Фонарь впереди был разбит. Кто-то запустил в него камнем или бутылкой и разбил круглый стеклянный колпак, но не сумел полностью уничтожить лампочку, и теперь она судорожно мигала, жужжа, точно огромное насекомое, бьющееся в окне: желтый — тьма, желтый — тьма, желтый — тьма. На жутковатые лица монахов, следивших за Мэри, ложились черные тени.

— Поди сюда, — сказал чей-то голос. Тихий, далекий, похожий на детский.

Мэри обернулась, вытирая потный лоб. Рука стала влажной.

Никого. Улица была пустынной и тихой, только жужжала лампочка над головой. Мэри поправила на плече ремешок сумочки, зажала ее под мышкой и, глядя себе под ноги, пошла к остановке. Скоро придет автобус.

— Поди сюда, — повторил голос, холодный и бросающий в дрожь, словно кусок льда, неожиданно прижатый ко лбу. Мэри Кейт застыла на месте.

Она оглянулась. Дурацкие шутки, подумала она. Какой-то сопляк развлекается.

— Не смешно, — сказала она в пустоту.

Но не успела она сделать и шага, как голос негромко сказал:

— Сюда. Я здесь.

Что-то коснулось ее, бесплотное, словно изменчивые клубящиеся пальцы дыма. Она почувствовала, как они пробрались под ее влажное белье, и покрылась гусиной кожей. Голос взобрался по костяной лестнице ее позвоночника и теперь неторопливо спускался.

— Я здесь, — повторил голос, и Мэри обернулась, чтобы заглянуть в черный грязный переулок, пропахший мочой и потом.

Там кто-то стоял — кто-то высокий. Не ребенок. Мужчина? Да, одежда была мужская. Мужчина. Кто? Грабитель? Мэри пронизало желание бежать. Над ее головой зудел разбитый фонарь — желтый, черный, желтый, черный.

— Я вас знаю? Мы знакомы? — неожиданно для себя спросила Мэри и тут же рассердилась: умнее ничего не придумала? Это же бандит! Она покрепче стиснула сумочку. Сейчас она побежит и не остановится, пока он не отстанет.

— Нет, — негромко возразил неизвестный. — Бежать не надо.

Он по-прежнему оставался в тени. Мэри видела только обшарпанные носы ботинок, выглядывающие из-под темных брюк. Мужчина не пытался приблизиться к ней. Он спокойно стоял, опустив руки вдоль тела — темный силуэт у входа в переулок, — и Мэри Кейт почувствовала, как острое желание убежать уходит. Бежать не надо, сказала она себе. Это знакомый.

— Мы знакомы, — подтвердил он ребяческим шепотом. — Просто мы давно не виделись. Бояться нечего.

— Чего вы от меня хотите?

— Всего минутку. Уделите мне одну-единственную минуту из тех, что отпущены вам для жизни. Или я слишком много прошу у друга?

— Нет. Не слишком. — Мэри испытывала странное тягостное чувство. Ее голову омывали черные и желтые волны, язык налился свинцовой тяжестью.

— Если я подам вам руку, — спросил человек в переулке, — вы пожмете ее?

Мэри задрожала. Нет. Да. Да.

— Мой автобус, — беспомощно пролепетала она чужим голосом.

Из мрака показалась рука: длинные худые пальцы, грязь под ногтями.

Зной тяжело давил на плечи Мэри; пряди потных волос липли к шее. «Задыхаюсь! — беззвучно крикнула она. — Тону! Тону». Свет фонаря проник в ее мозг, и тот вспыхнул слепящим желтым неоном. «Не хочу», — подумала она.

И услышала в ответ:

— Придется.

Его рука коснулась ее руки. Пальцы сомкнулись вокруг кисти, скользнули по ладони, со всевозрастающей силой впились в запястье.

И тогда из мрака переулка на Мэри стремительно надвинулось залитое желтым светом лицо, разинутый в беззвучном крике рот хотел пожрать ее. Она не успела ничего разглядеть; откуда-то густо, одуряюще пахнуло гарью. Чужое тело было потным, неприятно мягким — как губка — и горячим. Мужчина повалил кричащую и царапающуюся Мэри на асфальт.

Он ударил ее головой о тротуар. Еще раз. Еще. Откуда-то потекла кровь. Из уха. Горячая кровь струилась по шее.

— СУКА! — выкрикнул он, и его голос ожег Мэри словно пылающий кнут. — Чертова сука, минетчица, подстилка, все твои любовники — кобели! — Дыхание мужчины было зловонным, обжигающим. Он ударил ее в грудь, раз, другой, и Мэри съежилась. Он разорвал на ней блузку и ногтями расцарапал гладкую кожу на животе.

Крик боли, вырвавшийся у Мэри, слился с гудением фонаря. Где-то захлопнули окно. Потом другое.

Насильник сорвал с Мэри юбку, грубо раздвинул ей ноги и вошел в нее с такой яростной, нечеловеческой силой, что она проехалась задом по асфальту. Ей на глаза надавили чужие пальцы, и у Мэри в голове мелькнуло: «Я умираю, о Господи, я умираю».

— О-О-О-О БО-О-ОЖЕ! — крикнула она на всю улицу. Ее рот вдруг заполнил жадный, юркий чужой язык.

— СДОХНИ, СУКА, СДОХНИ, СУКА, СДОХНИ! — визжал он, врываясь в нее, сминая, врываясь, вонзаясь, пока не пришел оргазм, сотрясший все его тело и вырвавший у Мэри крик боли.

— Эй! Эй! Ты! А ну пошел отсюда! — Рядом взвизгнули покрышки; тяжесть чужого тела исчезла. Мэри вновь ощутила его запах, и ее вырвало на мостовую. Она услышала, как кто-то побежал; нет, побежали, двое — один от нее, другой к ней. О Боже, Боже, помоги мне.

Мэри Кейт открыла глаза и увидела молодого человека. Вудро. К ней бежал Вудро, а за ним виднелся ярко-красный «бьюик», сверкающий хромом колпаков, в которых, как в кривых зеркалах, отражались фонари. Вудро подбежал к ней, нагнулся — сигарета выпала из его губ — и...

2

Он откупорил банку пива, подошел к окну и уставился вниз, на темную тихую улицу. Жена и раньше, бывало, задерживалась, но чтобы так... Автобус никогда так сильно не запаздывал.

Он пробовал дозвониться в гриль, но тот уже закрылся, и к телефону никто не подходил. Может быть, автобус сломался. Нет, она бы позвонила. Может быть, она опоздала на последний автобус и пошла пешком. Нет, уж очень далеко идти. Может быть, с ней что-то случилось. Или нашло затмение, как в тот раз, когда она не появлялась дома двое суток и в конце концов нашлась в парке: она сидела там — просто сидела.

Черт. Ну почему она так со мной обращается? Он выпил пиво и поставил банку на шершавый подоконник. Она должна была вернуться два часа назад. Больше двух часов... где ее носит в такое время? Ночь на дворе! Он снял телефонную трубку и начал набирать номер ее родителей в Джерси-Сити, но вдруг

вспомнил тещин писклявый голос и положил трубку на рычаг. Успеется.

Где-то далеко, за плотными рядами грязных прямоугольников — домов — завыла полицейская сирена. Или это «скорая помощь»? В отличие от некоторых он так и не научился различать их. Что-то случилось. Стоя в маленькой квартирке на пятом этаже, куда втягивало все запахи, ползущие из-под соседских дверей, он вдруг уверился: что-то произошло.

Он оцепенело ждал. Наконец в дверь постучали. Но он знал — это не она. Нет. Полицейский с бесстрастным угреватым лицом сказал:

— У меня внизу машина.

В машине, по дороге в больницу, он спросил:

— С ней все в порядке? В смысле...

— Извините, мистер Рейнс, — ответил констебль, — но меня попросили только привезти вас.

Судорожно стискивая руки, он ждал в стерильно белой комнате на восьмом этаже. Ее сбила машина. Вот оно что. О Господи Иисусе, она шла к автобусной остановке, и ее сбил какой-то пьянчуга.

Даже в столь ранний час «Бельвю» захлестывал лихорадочный ритм жизни и смерти. Он смотрел, как доктора и медицинские сестры вполголоса, с серьезными лицами обсуждают записи в больничных картах и назначения. Потом его до костей пробрал озноб: по больничному коридору, стуча башмаками по линолеуму, пробежал какой-то мужчина в деловом костюме. Он сидел, наблюдая чужие драмы, пока наконец не понял, что рядом с ним кто-то стоит.

— Мистер Джозеф Рейнс? — спросил этот кто-то. Высокий, очень худой, с тугими кольцами седых волос. Он представился: — Лейтенант Хепельман. — Перед глазами Джо мелькнул жетон нью-йоркского полицейского управления, и он поднялся с места.

— Нет, нет. Сидите. — Хепельман положил руку ему на плечо, усадил обратно, сел на соседний стул и придвинулся с ним к Джо, словно был его другом и хотел дать совет по очень личному делу.

— Я заметил, что она опаздывает, и понял, что наверняка что-то случилось, — проговорил Джо, разглядывая свои ладони. — Позвонил ей на работу, но никто не подошел к телефону. — Он поднял голову. — Ее сбила машина? Водитель, конечно, удрал?

Глубоко посаженные синие глаза Хепельмана оставались спокойными и непроницаемыми. Он привык к подобным сценам.

— Нет, мистер Рейнс. Не знаю, кто вам сказал, что вашу жену сбила машина. Нет, мистер Рейнс. На вашу жену... напали. Сейчас она вне опасности, но шок еще не прошел. Она погибла бы, если бы не какой-то черномазый. Он спугнул того типа и гнался за ним целый квартал, но подонок удрал.

— Напали? Что значит — напали?

Хепельман молчал с каменным лицом. Вот он, миг, способный сломить любого, возникающая перед мысленным взором картина: какой-то субъект дергается на ней, между бедер сопротивляющейся жертвы.

— Имел место насильственный половой акт, мистер Рейнс, — пояснил он негромко, словно делился секретом.

Ее изнасиловали. Господи Иисусе. Господи Иисусе. Ее изнасиловали. Джо свирепо взглянул прямо в глаза Хепельману:

— Вы поймали мерзавца?

— Нет. Нам даже не удалось получить его описание. Возможно, это очередной маньяк, на котором висит не одно дело об... изнасиловании. Когда миссис Рейнс придет в себя, мы попросим ее просмотреть нашу картотеку. Мы непременно найдем этого парня.

— О Боже. О Боже, Боже, Боже.

— Послушайте, может, кофе? А, вот. Курите.

Джо взял предложенную ему лейтенантом сигарету.

— Боже, — слабым голосом проговорил он. — Но с ней все в порядке, да? Я хочу сказать, никаких переломов или чего-нибудь в этом роде?

— Нет, переломов нет. — Хепельман наклонился вперед и зашептал прямо в ухо молодому человеку: — Мистер Рейнс, у

меня было много подобных дел. Такое случается сотни раз на дню. Да, это тяжело. Но вы, я думаю, переживете это. А женщины, как правило, приходят в себя быстрее мужчин. Теперь уже все в порядке. Все позади.

Однако Джо реагировал не так, как привык Хепельман. Он сидел и курил, неподвижно глядя куда-то в глубь похожего на тоннель больничного коридора. Кто-то вызывал по внутренней связи доктора Холланда.

— Некоторые люди просто сущие звери, — заметил Хепельман. — Взбредет что-нибудь в голову — значит вынь да положь. Им, черт возьми, наплевать, кто это будет. Я расследовал дела, где жертвами насилия становились восьмидесятилетние бабули! А этим гадам плевать. У них крыша давно съехала.

Джо сидел тихо и неподвижно.

— Знаете, как с ними следует поступать? У меня есть на этот счет твердое мнение. Подонкам надо отрезать яйца. Серьезно.

Кто-то шел к ним по коридору. Джо смотрел, как он подходит. В руках у него был блокнот, и Джо рассудил, что это либо другой полицейский, либо врач.

Хепельман поднялся и поздоровался с пришедшим за руку.

— Доктор Винтер, это мистер Рейнс. Я сказал ему, что все обойдется.

— Верно, мистер Рейнс, — сказал врач. Усталость проложила вокруг его глаз глубокие морщины. — Ваша жена отделалась незначительными повреждениями. Сейчас она в состоянии легкого шока; это естественное следствие того, что ей пришлось пережить, так что не тревожьтесь. Далее: от вас потребуется большое присутствие духа. Когда ваша жена начнет приходить в себя, она будет воспринимать окружающий мир несколько неадекватно. И возможно, решит, что вы стали прохладнее относиться к ней — проблема, с которой сталкиваются многие жертвы сексуального насилия.

Джо кивал.

— Можно ее увидеть?

Взгляд доктора метнулся к Хепельману, потом вернулся к Джо.

— Я бы предпочел, чтобы это произошло не сейчас. Мы пытаемся удерживать ее в состоянии искусственного сна, используя седативные средства. Завтра вы сможете увидеться с ней на несколько минут.

— Я бы хотел увидеть ее сейчас...

Доктор Винтер моргнул.

— Доктор абсолютно прав, — заметил Хепельман, крепко взяв Джо за локоть. — Послушайте. Была трудная ночь. Отправляйтесь домой и поспите. Хорошо? Я готов вас подвезти.

— Завтра, — сказал доктор Винтер. — Свяжитесь со мной завтра.

Джо провел рукой по лицу. Они правы. Ей нужен сон, а кроме того, он все равно ничем не может помочь. Он сказал:

— Ладно.

— Вот и хорошо. — Хепельман подошел к лифтам на другой стороне коридора. — Я отвезу вас домой.

Прежде чем за Рейнсом и полицейским закрылись двери лифта, доктор Винтер успел сказать:

— С ней все будет в полном порядке.

Лифт поехал вниз. Винтер еще некоторое время стоял без движения. Внутри у него все дрожало после встречи с Рейнсом. Кто он? Таксист, сказал Хепельман? А с виду интеллигент: высокий лоб, глаза, которые потеплеют и станут добрыми, когда из них уйдет холодный страх, завитки в меру длинных волос над воротником. Умный парень. Слава Богу, не стал настаивать на том, чтобы увидеть жену.

Доктор Винтер вернулся к сестринскому посту и спросил:

— Миссис Рейнс сейчас отдыхает?

— Да, сэр. Теперь она некоторое время проспит.

— Очень хорошо. А теперь послушайте внимательно. И внушите остальным. — Он понизил голос: — На других этажах о ее состоянии ни гу-гу. Это наша проблема. Договорились?

— Да, сэр.

Винтер кивнул и пошел по коридору к палате, где лежала Мэри Кейт. Уже протянув руку к двери, он вдруг передумал: незачем еще раз заглядывать к ней, незачем разглядывать ее тело и спрашивать себя и дерматолога доктора Бертрама, что это,

черт побери, такое. Он знал ответ. Но что, объясните Христа ради, сказать Рейнсу? Чем, с точки зрения логики, объяснить ожоги на теле его жены? Не трением об асфальт, на который ее повалили, это уж точно.

Ожоги повторяли очертания человеческой руки.

Ожоги первой степени, ничего серьезного, но...

Следы ладоней там, где насильник хватал ее. На животе, предплечьях, бедрах горели отпечатки рук, такие четкие, словно насильник сперва окунул их в красную краску, а потом с размаху прижал к гладкой белой коже девушки.

И два отпечатка пальцев.

По одному на каждом веке.

3

В предрассветный час жара высоко поднялась над крышами — и вновь камнем упала вниз, как канатами опутав гранитные глыбы зданий. И стала ждать восхода, чтобы выжечь и иссушить город.

Джо так и не сомкнул глаз. Опухший от пива, он сидел на треснутом пластиковом стуле у открытого окна и смотрел на далекие, никогда не тускнеющие огни центра.

Боже мой, твердил он про себя, пока ему не начало казаться, что это говорит кто-то другой, стоящий рядом, Боже мой. Как можно допускать такое? Воспаленным внутренним оком он видел — вот пьяный грязный бродяга подстерегает в темноте приближающуюся Мэри Кейт. Потом выскакивает из своего укрытия и, точно тяжелый мешок с дерьмом, сбивает ее с ног. И дергается на ней, дергается, дергается... пока Джо не становится невыносима эта мысль.

С некоторых пор жизнь на планете была не столь уж прекрасна и удивительна; Джо знал это даже слишком хорошо. И вот это; оно ворочалось у Джо внутри, пытаясь вырваться из-за решетки его зубов, заставить Джо схватить револьвер и бешеным псом ринуться на улицы.

Вернувшись, он позвонил ее родителям. Мать Мэри с трудом сдерживала крик: «А ты где был? Только не там, где надо было! Там тебя не было! Нет, ты дома штаны протирал! Ее же могли убить!»

— Виноват ты, Джо, так и знай! — рявкнул отец Мэри, отнимая у жены трубку. — Так хоть сейчас будь мужчиной! В какую больницу ее отвезли?

— К ней не пускают, — тихо сказал он. — Даже меня не пустили.

— Наплевать! Адрес больницы?

Джо осторожно положил трубку на рычаг, оборвав возмущенную тираду тестя. Он ждал сердитого стука в дверь, но они так и не приехали. Возможно, они обзвонили все больницы и нашли ее или, быть может, решили заявиться к нему с утра. Сейчас это его не заботило: он был рад, что не нужно ни с кем объясняться.

Он приехал сюда два года назад со Среднего Запада, стремясь получить образование и набраться «полезного жизненного опыта». Джо вырос в семье, «привязанной к земле», по выражению его отца. Им хотелось, чтобы и он, Джо, пустил корни в родных местах и рос, наливался соками, как пшеничный колос на черноземе. Но такая жизнь была не по нему; Джо давным-давно понял это. Ему хотелось стать учителем, преподавать Шекспира или литературу эпохи Возрождения, но прежде всего ему хотелось жить, вырваться из плена прерий, где он появился на свет, и, может быть, обрести второе рождение в каком-нибудь крупном городе — так ему нашептывал юношеский идеализм.

Джо нашел работу — неполную ставку водителя такси; это вместе с ежемесячной помощью из дома давало ему возможность не только существовать, но и учиться по вечерам. Было время, он даже позволял себе насладиться то «Отелло», то концертом в Центральном парке, то сладкой властью марихуаны.

Потом он повстречал Мэри Кейт. Зашел в первую попавшуюся забегаловку и там вдруг понял, что всерьез заинтересовался тоненькой большеглазой девушкой, которая с грохотом

поставила перед ним тарелки и торопливо выписала счет неуклюжим крупным почерком малообразованного человека. Их объединяло только одно — раннее, незрелое сексуальное томление; после ласк Мэри нравилось читать любовные романы. Родители Джо, узнав о его грядущей женитьбе, энергично воспротивились ей. Сын, написали они ему, если ты это сделаешь, не рассчитывай, что мы по-прежнему будем каждый месяц высылать тебе деньги. Помни, тебе нужно образование. Джо ответил: «Идите к черту».

Но вскоре все его планы рухнули. Очень нужны были деньги; теперь Джо крутил баранку полный день, а курсы английской словесности пошли псу под хвост. Стало мучительно ясно: они с Мэри Кейт не пара, ее безграмотность и невежество заставляли его брезгливо морщиться. Так они и жили, словно соседи по комнате в общежитии, которые вдруг поняли, что мешают друг другу, жили, едва сводя концы с концами и не помышляя о таком дорогом удовольствии, как развод.

Но выпадали и хорошие минуты, минуты близости и нежности. Однажды во время медового месяца они пошли в кино на программу из двух фильмов «ужасов»; они сидели на балконе и бросали воздушной кукурузой в хищные, перемазанные кровью лица на экране, а потом соскользнули вниз, в проход между рядами, и целовались — громко, как старшеклассники. И у них были общие друзья — беззаботные хиппи, снабжавшие их за бесценок первоклассным зельем, и несколько супружеских пар, с которыми Джо познакомился на курсах. Иногда забегали и парни с работы Джо, выпить пива и поиграть в покер; тогда Мэри Кейт подавала им сандвичи и выписывала счета на бумажных салфетках: шутка, которая пользовалась неизменным успехом.

Сидя на стуле в окружении пустых банок из-под пива, он неожиданно понял, что квартира без Мэри стала совсем другой. В этот утренний час Мэри Кейт обычно будила его: она металась во сне, сражаясь с призраками из своей забегаловки. Порой он садился в постели и смотрел, как бегают под закрытыми веками глаза Мэри Кейт. Что ей снилось? Час пик? Обеденная суматоха? Гамбургер пятьдесят футов в поперечнике?

Он нес ответственность за нее, «в горе и в радости», как гласили венчальные обеты. Кому же, как не ему, помогать ей пройти через это? Он собрал банки и высыпал в мусорное ведро. За окном сквозь серую вуаль утренних сумерек пробивался рассвет. Странно, подумал он, до чего небо в это время суток бледное и блеклое — не угадаешь, чего ждать, дождя или солнца. Пустое, словно чье-то бесстрастное лицо, неподвижно взирающее на тебя.

Дождавшись часов посещений, он сел на автобус, который через весь город доставил его в больницу «Бельвю».

На восьмом этаже он остановил медсестру и спросил о жене.

— Извините, сэр, — последовал ответ, — но я не могу пустить вас к миссис Рейнс без официального разрешения доктора Винтера или доктора Бертрама.

— Что? Послушайте, я ее муж. Я имею право увидеться с ней. В какой она палате?

— Извините, сэр, — повторила сестра и пошла к посту в конце коридора.

Что-то тут не то. Он уже почувствовал это раньше и теперь убедился: что-то случилось. Он поймал медсестру за запястье.

— Я намерен немедленно увидеться с женой, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Немедленно, и вы сейчас же отведете меня к ней.

— Хотите, чтобы я вызвала охранника? Сейчас вызову.

— Хорошо, черт подери, валяйте зовите своего паршивого охранника, но все равно вы отведете меня к ней в палату. — Это прозвучало неожиданно жестко. Краешком глаза он заметил, как пялились на него медсестры у поста. Одна из них взяла телефонную трубку и нажала какую-то кнопку.

Угроза сработала.

— Палата 712, — сказала медсестра и вырвалась.

Джо прошагал по коридору к палате 712 и не колеблясь вошел.

Мэри Кейт спала. Ее поместили в отдельную палату с серовато-белыми стенами. Окна были наполовину закрыты белыми занавесками; солнце, пробиваясь сквозь жалюзи, ложилось на кровать тремя полосками.

Он закрыл дверь и приблизился. Мэри Кейт лежала, укрытая одеялом по шею. Бледная, изможденная, хрупкая, она казалась потерявшейся в этом мире. Ее веки были странно красными и припухшими (вероятно, подумал Джо, от слез). Здесь, среди облачно-белых стен, Мэри казалась очень далекой и от аляповатых, кричащих неоновых красок гриль-бара, и от их опустевшей квартиры.

Он приподнял одеяло, чтобы взять ее за руку.

И отшатнулся.

Рука Мэри была покрыта красными пятипалыми следами. Впиваясь в ее тело, царапая его, они ползли вверх по предплечью и исчезали под больничной рубашкой. Красные руки грубо раздвигали ей бедра, на горле был оттиснут багровый след ладони, чужие пальцы украшали щеку, словно диковинный макияж. Джо выпустил одеяло, зная, что алые отпечатки рук в непристойном танце шарят по телу Мэри под рубашкой, тиская и царапая ее. Ее заклеймили, подумал он. Как кусок говядины. Кто-то связал ее и заклеймил.

Кто-то тронул его сзади за плечо. Задержав дыхание, Джо резко обернулся. Прикосновение обожгло его.

Это был доктор Винтер. Черные полукружия у него под глазами ясно свидетельствовали о том, что и он провел бессонную ночь. За ним, в дверях, стояла суровая медсестра.

— Вот этот человек, доктор, — говорила она. — Мы объяснили ему, что пока еще нельзя...

— Все в порядке, — негромко перебил доктор Винтер, внимательно вглядываясь в глаза Джо. — Возвращайтесь на пост и передайте охране, что все в порядке. Ну, идите же.

Сестра посмотрела на доктора Винтера, на поникшего мужчину с пепельно-серым лицом, стоявшего у кровати, и бесшумно закрыла дверь.

— Я не хотел пускать вас к ней, — сказал доктор. — Сейчас.

— Не сейчас? Не сейчас? — Брызгая слюной, Джо вскинул голову. Его смятенный взгляд горел жаждой мщения. — А когда? Господи Иисусе! Что произошло с моей женой? Вы мне сказали, что на нее напали... но, черт вас побери, ни словом не упомянули об этом!

Доктор Винтер аккуратно прикрыл одеялом шею спящей.

— Она не испытывает боли. Действие снотворного еще продолжается. — Он повернулся к молодому человеку. — Мистер Рейнс, хочу быть с вами откровенным. Лейтенант Хепельман попросил меня скрыть от вас некоторые обстоятельства, чтобы вы... не слишком разволновались.

— Боже мой!

Доктор Винтер поднял руку:

— И я дал согласие. Мне казалось, не следует рассказывать вам все подробности. Эти следы представляют собой ожоги первой степени. За ночь миссис Рейнс осмотрели два специалиста по кожным заболеваниям — я поднял их с постели, — и оба пришли к одинаковому заключению. Ожоги. Что-то вроде солнечных ожогов средней тяжести. Мистер Рейнс, я очень давно занимаюсь медициной. Пожалуй, я начал ею заниматься, когда вас еще не было на свете. Но я никогда — никогда! — не видел ничего подобного. Эти ожоги — следы рук человека, напавшего на вашу жену.

Ошеломленный и внезапно очень уставший Джо покачал головой.

— Это что, должно все объяснять?

— Уж извините, — ответил доктор Винтер.

Джо подошел к краю кровати. Протянув руку, осторожно коснулся отпечатка на щеке жены. Еще горячий. Он нажал посильнее. Отпечаток побелел, пропал, но стоило крови прихлынуть обратно, как он вновь проступил багровым пятном.

— Откуда это?.. Господи, неужели...

— Я в своей практике не встречал ничего подобного. Полиция тоже. Серьезных повреждений тканей нет, скоро все заживет — несколько дней кожа будет шелушиться, потом все исчезнет, как при всяком солнечном ожоге. Поразительно другое: у того, кто напал на вашу жену, был такой жар, что на ее теле остались отметины. И я никак не могу сказать, что мне это понятно.

— И вы не хотели, чтобы я видел это, пока у вас нет объяснения тому, что произошло.

— Или по крайней мере вразумительного объяснения тому, почему объяснения нет. Один мой приятель, психолог, предложил свою теорию, хотя сам я отношусь к ней более чем сдержанно, поскольку он сказал мне, что я разбудил его посреди кошмара. Он полагает, что это психосоматическая реакция на нападение, этакий крик души. Но я убежден, что эти ожоги — следствие воздействия теплового излучения... э-э... не природного происхождения. Поэтому вам должно быть понятно, — продолжал доктор Винтер, — почему следует помалкивать об этом. Мы будем наблюдать за вашей женой еще минимум неделю, и нам вовсе ни к чему, чтобы тут шныряли журналисты из какой-нибудь «Нэшнл энквайрер», верно? Вы согласны со мной?

— Да, — ответил Джо, — конечно. Так вы говорите, сейчас она не чувствует боли?

— Нет.

— Господи, — выдохнул он, ошеломленный мозаикой багровых следов, насиловавших тело Мэри, хотя тот, кто оставил их, сейчас был бог весть где. — А тот человек, — выдавил Джо через минуту, — который напал на нее. Он... вы не знаете... он...

— Неотложная помощь провела обычную в таких случаях процедуру. Миссис Рейнс вымыли и обследовали. Был введен диэтилстилбэстрол. Мы еще проведем более тщательное гинекологическое обследование, но, судя по всему, семяизвержение не имело места. По-видимому, насильника спугнули до наступления оргазма.

— Ох ты черт, — проговорил Джо. — Еще неделя? У меня есть страховка, но не знаю... Видите ли, я не богат.

Мэри Кейт на кровати пошевелилась. Она тоненько застонала и принялась слабо отмахиваться от кого-то невидимого.

Джо сел рядом с ней и взял обе ее руки в свои. Руки были холодные.

— Не волнуйся. Я здесь, — проговорил он. — Я здесь.

Она снова пошевелилась и наконец взглянула на него. Распухшее лицо, грязные растрепанные волосы. Она сказала: «Джо? Джо?» — а потом вцепилась в него и горько заплакала, и рубашка у него на груди промокла от слез.

4

Лето пролетело птицей, роняя дни, словно капли горячей крови, и к концу августа выбилось из сил.

Отпечатки ладоней исчезли без следа, как и предполагали врачи, и Мэри Кейт вернулась домой. Жизнь сразу пошла своим чередом, о нападении не вспоминали; сказать по правде, Джо казалось, что Мэри довольна своей работой и жизнью больше прежнего. Впрочем, однажды, когда они смотрели телепередачу о насильнике, терроризировавшем Манхэттен, Мэри Кейт вдруг начала смеяться — сначала тихо, потом все громче, громче и наконец, вся дрожа, разразилась слезами.

Позвонил лейтенант Хепельман, спросил, не зайдет ли она в участок просмотреть картотеку. Мэри Кейт отказалась, объяснив Джо, что, если снова увидит того человека, с ней наверняка случится истерика. Он передал это Хепельману и, не дожидаясь возражений, повесил трубку.

Были и другие звонки и визиты: звонил доктор Винтер — он хотел, чтобы Мэри каждую неделю приезжала к нему в больницу, потому что, как он выразился, «синдром отпечатков рук» не так легко забыть; приезжали родители Мэри, с цветами и бутылкой вина для нее и злыми упреками для Джо.

Как-то поздно вечером, когда они сидели перед черно-белым экраном телевизора, Мэри Кейт посмотрела на него, и он увидел в ее глазах мерцание отраженного изображения.

— Я люблю тебя, — сказала она.

Джо замер. Ему самому эти слова давались с трудом, и слышал он их нечасто.

— Я люблю тебя. Правда люблю. Только в эти последние недели я поняла, как сильно я люблю тебя. — Она обняла его за шею и легонько чмокнула в губы. Мягкие волосы упали ему на лицо.

Он ответил на поцелуй. Язык Мэри Кейт скользнул к нему в рот и обследовал там все уголки, точно влажный Колумб, хотя едва ли этот континент был для него новым. Джо почувствовал, как его тело откликается на зов.

— Так-так, — проговорил он со слабой улыбкой. — Тебе чего-то хочется. Меня не проведешь.

Она крепче прижалась к нему и снова поцеловала. От нее, подумал Джо, всегда пахнет свежей травой, скошенной на росном широком лугу. Возможно, это давал о себе знать его инстинкт потомственного крестьянина. Мэри Кейт потянулась и легонько укусила его за ухо.

— Хочу, — прошептала она, — ребеночка.

И увидела, что муж перевел взгляд на телеэкран.

— Мэри Кейт, — негромко, с трудом сдерживаясь, сказал он. — Мы уже говорили на эту тему. Когда-нибудь у нас обязательно будет ребенок. Ты это знаешь. Но сейчас мы едва можем прокормить себя, какой уж тут лишний рот! К тому же я не желаю растить ребенка здесь, в таком районе.

— Увитого плющом домика в пригороде, о котором ты мечтаешь, — сказала она, — у нас не будет никогда, как ты не поймешь! У нас сейчас ничего нет. Не смотри на меня так, ты знаешь, что я права. У нас есть только то, что мы принесли с собой в эту квартиру, — твои вещи и мои вещи. И ничего, что можно было бы назвать нашим.

— Да ладно, — оборвал он, — ребенок — не игрушка. Нельзя завести ребенка и играть с ним, как с куклой. Тебе придется бросить работу, а мне — вкалывать в две смены. Нет, черт возьми.

Мэри Кейт отстранилась и встала у открытого окна, спиной к Джо, скрестив руки на груди. Наконец она вновь повернулась к мужу.

— Мне нужна перемена, — тихо проговорила она. — Нет, правда нужна. Чтобы что-то изменилось... не знаю что.

— Ты приходишь в себя после страшного переживания. — Джо поморщился. Черт! Молчи про это! — Тебе нужно отдохнуть, малышка. Не расстраивайся. Мы поговорим об этом позже.

Мэри Кейт вдруг побледнела, посуровела и уперлась в него неуступчивыми темно-карими глазами.

— Мы могли бы взять ссуду на то время, что я не буду ходить на работу.

— Мэри Кейт. Прошу тебя.

Она подошла к нему и приложила его руку к своей щеке. Джо с изумлением почувствовал, что она плачет. «Что за черт?» — удивился он. Раньше она никогда не плакала из-за ребенка. Обычно, стоило объяснить экономическую сторону проблемы, и Мэри Кейт безропотно прекращала разговор. Но сегодня она проявляла невиданное упрямство.

— Это был бы чудесный малыш, — тихонько проговорила она.

Джо легко перенес ее через подлокотник кресла, усадил к себе на колени и, шепча: «Конечно!» — принялся целовывать слезы, градом катившиеся по ее гладким щекам.

— Ну, — сказал он и потерся носом о подбородок Мэри Кейт, чтобы вывести ее из мрачного настроения. — Так кто это будет? Ты же понимаешь, что двоих сразу мы сделать не сможем. Либо — либо.

Она улыбнулась и шмыгнула носом:

— Издеваешься? Я этого не люблю.

— Боже упаси. Когда-нибудь у нас действительно будет ребенок. Почему бы не решить заранее, кого мы родим — мальчика или девочку?

— Конечно, мальчика. Я хочу мальчика.

— Все хотят мальчиков. Каково же девочкам рождаться и узнавать, что родители хотели мальчика? Вот где берет начало ощущение собственной неполноценности, преследующее женщин. Девочка была бы ничуть не хуже. Пол усыпан розовыми пеленками, в кресле забыта кукла, так что, когда я сажусь, то подо мной что-то взвизгивает и пугает меня до смерти...

— Снова дразнишься...

— Так ты хочешь мальчика, да? Ничего, тогда будут пластиковые солдатики, которые впиваются в босые ноги, когда в полночь идешь на кухню перекусить. Нормально.

Мэри котенком свернулась у него на груди и крепче прижалась к нему, нежно перебирая волосы на затылке.

— Крупным бизнесменом — вот кем он, наверное, станет, — продолжал фантазировать Джо, целуя Мэри в лоб и в опущен-

ные веки. — А может, и президентом. — Несколько секунд он обдумывал эту идею. — Нет, нет. Это вычеркиваем. Но важной шишкой он станет непременно.

На мерцающем телеэкране призраки чужих фантазий сменяли друг друга. Джо поднял Мэри и понес на диван, который, если шлуть его в нужное место, превращался в кровать с пружинным матрасом. Он уложил жену на прохладные голубые простыни и, торопливо раздеваясь, присоединился к ней. Мэри Кейт обвила его руками и ногами, заключая в сладкий плен страсти.

Он занимался с ней любовью нежно, спокойно. Ее тело, всегда очень чувствительное к ласке, чутко реагировало на малейшее прикосновение его пальцев. Она вскрикнула, и он горлом глубоко вобрал ее крик. Но его не оставляло сознание того, что кто-то другой наслаждался ее телом. Кто-то другой лежал между ее бедер, мощно двигаясь внутри ее. Это видение неотвязно стояло у него перед глазами, и он постарался обуздать свое не в меру разгулявшееся воображение, сосредоточившись исключительно на теле жены — на твердых налитых грудях с набухшими сосками, руках и бедрах, облитых мягким светом, на едва заживших царапинах вдоль живота.

Когда он заснул в ее объятиях, ему приснились отметины, которые он впервые увидел под накрахмаленной больничной простыней. Они алым хороводом двигались по телу Мэри Кейт, круг за кругом, пока вся ее кожа не воспалилась и не вспухла. А потом на лицоДжо легла огненная рука, она хотела выковырять ему глаза и, дымящиеся, поднять на кончиках бесплотных пальцев.

От этого тревожного сна Джо очнулся в холодном поту. Он осторожно выбрался из волглой постели и стоял, глядя из темноты на жену, свернувшуюся калачиком на матрасе. Настроечная таблица на экране телевизора у него за спиной отбрасывала на противоположную стену сеть черно-серых квадратиков. Джо выключил телевизор.

Эти кошмары, подумал он, становятся чересчур реалистичными. Они начались после возвращения Мэри Кейт из больни-

цы. Во сне, когда сознание Джо было беззащитно, они выползали из укрытий и сеяли семена истерии. Сейчас они затаились по углам, хрипло дыша, и слушали, слушали. Ждали, когда он устанет и вернется в постель, чтобы, едва он закроет глаза, выползти, выползти из щелей и трещин и касаться горячими пальцами его лба. Джо был беззащитен перед ними. Что это за теория, спросил он себя, будто телом управляет подсознание? Будто подсознание снами-иероглифами дает знать о страданиях души? Да пошли они, взбунтовался он. Просто я устал как черт.

Он пошел в ванную, выпил стакан холодной воды, вернулся и скользнул в постель к теплой Мэри Кейт. Потом, словно вспомнив что-то, опять откинул одеяло и еще раз проверил, надежно ли заперта входная дверь.

Поутру его разбудило яркое солнце, золотыми полосками расчертившее ему лицо. Мэри жарила ему яичницу с ветчиной — теперь она редко делала это. В последнее время на завтрак у них бывали только сладкие хлопья и подогретый кофе. Мэри Кейт суетилась в тесной кухоньке, и Джо изо всех сил старался быть с ней поласковее. О детях не заговаривали. Прихлебывая свежий крепкий кофе, Джо рассказывал жене о новом диспетчере, которого недавно взяли в таксопарк.

В последующие недели Мэри Кейт ни словом не обмолвилась о ребенке. Джо чувствовал искреннее облегчение от того, что не надо отвечать на ее вопросы о том, почему они не могут позволить себе завести малыша. Кошмары снились ему все реже, и наконец он перестал бояться засыпать. Мэри Кейт вновь вернулась к своему обычному рабочему расписанию, но теперь она всегда уходила из закусочной засветло, и Джо порой думал, что урок пошел впрок. Понимая, что это ему лишь кажется, он тем не менее чувствовал непонятное воодушевление. Он словно родился заново и постепенно стал подумывать, не вернуться ли на курсы.

Наконец, не советуясь с Мэри Кейт, он решился и позвонил приятелю, с которым три семестра назад слушал курс литературной критики:

— Алло, Кеннет? Привет. Это Джо Рейнс. Да, из группы Марша.

— А-а, ну как же, как же! Слушай, тыщу лет тебя не видел. Ты что, ушел в подполье, что ли? Кстати, как ты закончил?

— «Хор.» — и то еле-еле. Послушай, я подумываю вернуться в следующем семестре и хотел узнать, как там дела. Кто какой курс читает. В пятницу я беру выходной и вот хотел... мы хотели... вы с Терри не заглянули бы к нам?

— А ты все еще крутишь баранку?

— Ага. Радости мало, но лучше, чем стоять у станка.

— Я знаю, каково это. Да, нам с тобой есть о чем поговорить. Ведь мы не виделись почти год.

— Ну, — сказал Джо, — дела, понимаешь, то-се...

— Значит, в пятницу? Отлично, договорились. Я тебе привезу расписание. Во сколько? Прихватить бутылочку вина?

— Это мы берем на себя. В семь годится?

— Прекрасно. Вы живете все в той же каморке?

— Верно. — Он хохотнул. — В каморке.

— Тогда лады, увидимся в пятницу. Спасибо, что позвонил.

— Не за что. До скорого.

Мысль о возвращении на курсы взбудоражила Джо. На занятиях он отдыхал от жаркого, сверкающего хромом, запруженного автомобилями Манхэттена, и вместо металлического голоса счетчика в ушах у него звучали певучие голоса куртуазных поэтов.

В тот день после работы он рассказал Мэри Кейт о своем решении и удивился тому, какое искреннее воодушевление это у нее вызвало. Под вечер в пятницу они купили в соседней кулинарии мясо для сандвичей и отправились в ближайший винный магазин поискать хорошее недорогое вино. Нагруженные свертками и пакетами, они поцеловались на ступеньках своего дома, и какой-то проходивший мимо мальчонка с леденцом за щекой рассмеялся.

Кеннет Паркс и его жена Терри принадлежали к той породе молодых людей, что ходят в студенческие походы, любят посидеть у костра и охотно выезжают за город на богартовские фестивали. Он был высокий, худой, идеального сложения для

баскетболиста, хотя сам как-то признался Джо, что никогда не чувствовал желания заниматься спортом. Вместе с Терри — невысокой, с сияющими зелеными глазами и длинными каштановыми волосами — они составляли великолепную пару. Одетые ни чересчур старомодно, ни излишне современно, а, как того требовало новое повальное увлечение, «удобно», Парксы так и просились на журнальную страницу, и стоило им переступить порог тесно заставленной, оклеенной плакатами и афишами квартирки Джо, как тот немедленно почувствовал себя немного неуютно.

— Привет, старик, — проговорил Паркс, стискивая руку Джо. — Давно же я не видал твою физиономию! Уже стал забывать, как ты выглядишь...

Джо закрыл за гостями дверь и представил им жену. Мэри Кейт спокойно улыбалась.

— Джо рассказывал мне о вас, — сказала она Парксу. — Ведь это вы лазаете по пещерам? Вы спе...

— Спелеолог. Да, полагаю, можно сказать и так. — Он взял предложенный ему Джо стакан вина и передал его жене. — Мальчишкой я пропадал в пещерах все выходные.

— А чем вы зарабатываете на жизнь?

— Ну... — Кеннет покосился на жену; Терри смотрела на него поверх края стакана яркими пустыми глазами. — Отец Терри вроде как... субсидирует нас, пока мы учимся. — Он весело хлопнул Джо по плечу: — Старина, еще семестр, а потом я собью себе все ноги в поисках работы!

— С работой сейчас чертовски трудно. Честное слово, мне крупно повезло, что я хоть что-то нашел.

Терри сидела со стаканом в руках и оцепенело смотрела в стену, на плакат, где Кинг-Конг на крыше Эмпайр-Стейт сжатой в огромный кулак волосатой лапой сбивал вертолеты, расстреливавшие его из пулеметов.

— Вам нравится наша квартира? — спросила Мэри Кейт.

Паркс разложил на поцарапанном кофейном столике расписание занятий и показывал Джо отмеченные фломастером курсы.

— А доктор Эзелл читает нам европейскую литературу. Она в этом семестре считается самым тяжелым предметом.

— Серьезно? С Эзеллом, надо думать, легче не становится?

— Черт, конечно, нет. Ему следовало давным-давно уйти на покой. Он как путался в собственных лекциях, так и путается. В прошлый раз, например, он вдруг принялся задавать вопросы совершенно к другому циклу.

Джо хмыкнул.

— Хочешь сандвич?

— Нет, спасибо. — Кеннет бросил быстрый взгляд на Терри и Мэри, заговоривших наконец о чем-то своем. Терри все шире раскрывала глаза. — Итак, — решительно объявил он, снова глядя на Джо, — ты надумал вернуться.

— Да, надумал. Надо! Хочется добиться чего-то большего. То есть работа у меня, конечно, не хуже любой другой, честное слово. Бывает, такое услышишь — обхохочешься, да и чаевые очень приличные. Но я не хочу всю жизнь просидеть за баранкой, как будто я к ней прикован. Надо расти. А для этого надо сделать первый шаг.

— И ты решил получить диплом. Тебе ведь осталось всего два семестра?

— Три.

— Хуже нет, — проговорил Паркс, — чем начать и бросить. Что у тебя тогда стряслось? Рухнул в финансовую пропасть?

— Да. Нет. Не знаю. Я подумал, что смогу зарабатывать, не бросая занятий, и сел в галошу. Не был готов к тому, как придется жить. Стал хуже учиться, потом просто утратил интерес к учебе. — Мэри Кейт что-то сказала ему, но он не услышал и кивнул ей, словно говоря: «Подожди минутку, и я тебя выслушаю». Терри зачарованно наблюдала за ними. — Я не был готов учиться и работать. И сломался.

— Похоже, мне в этом отношении повезло. Спасибо отцу Терри, у нас никаких проблем...

Терри подтолкнула мужа в бок. Кеннет посмотрел на нее, потом на Мэри Кейт.

Мэри Кейт смотрела прямо в лицо Джо.

— Так как мы решили назвать нашего малыша? — вновь спросила она.

Терри пояснила:

— Мэри мне все рассказала. Я думаю, это прекрасно. Просто замечательно. — Она говорила тихо, с придыханием, словно ей было трудно дышать. Что-то здесь не то, подумал Джо и спросил:

— Что?

Мэри Кейт молча смотрела на него. Терри усмехнулась ему в лицо, показав крупные лошадиные зубы.

— Я беременна, — наконец сказала Мэри Кейт и повернулась к Терри: — Он ничего не знал. Это сюрприз.

— Ей-богу, сногсшибательный сюрприз! — воскликнул Паркс, хлопая Джо по спине. — Ну и ну. Это надо отметить! Все наполните стаканы. Ну, Джо, поехали — за вас. Тебе надо набираться сил, чтобы вскрывать упаковки с пеленками. За будущую маму! Джо, ладно тебе, перестань!

— И сколько уже? — спросила Терри. — Вот здорово! Правда, Кенни?

— Чуть меньше месяца, — ответила Мэри Кейт, не спуская глаз с Джо. Тот, глядя в свой стакан, медленно закипал.

— Ребенок, — повторяла Терри, словно завороженная этим словом. — Ребенок. Мы тоже когда-нибудь решимся завести ребенка, верно, Кенни? Когда-нибудь, когда закончим учебу.

Кеннет поднес стакан к губам.

— А как же, — ответил он. — Черт! Ребенок! Это вам не жук начихал.

Терри разливалась соловьем о милых малютках, лежащих в колыбельках среди резиновых утят и розовых погремушек. Мэри Кейт не мигая смотрела на мужа.

— Это, — очень тихо проговорил Джо, — конец всему.

Паркс не расслышал и наклонился поближе:

— Что ты сказал, приятель?

Джо не мог дольше сдерживать ярость; злость вскипела в нем, желчь гейзером ударила из желудка в горло. Волна бешенства захлестнула его, и он вдруг вскочил, сверкая глазами. Стакан с вином вылетел из его руки и с треском, напоминающим

пистолетный выстрел, вдребезги разбился о стену. Густое, как кровь, вино выплеснулось и ручейками потекло вниз, собираясь в овальную лужицу на полу.

Захмелевшая Терри взвизгнула, как от пощечины, и замерла, едва заметно покачиваясь.

Джо стоял, вперив взгляд в кровавое пятно. Его руки висели как плети, словно он разом лишился всех мышц. Швырнув стакан о стену, он исчерпал свои силы. Даже голос у него стал слабым, обморочным:

— Я... я напачкал... Надо убрать.

Мгновение назад в нем, согревая, давая силы идти вперед, теплилась свеча. Теперь же кто-то вдруг задул ее; Джо казалось, что он слышит едкий запах дыма, поднимающегося от фитиля. Он тупо глядел на осколки стекла и лужицу вина у стены до тех пор, пока Мэри Кейт не исчезла на кухне и не вернулась с ведром и бумажными полотенцами.

Паркс старался улыбаться. Улыбка получалась кривая и неловкая. Недоумение в глазах придавало ему испуганный и смущенный вид, словно он вышел на сцену, не зная, какую пьесу играют. Он взял жену за руку и поднялся.

— Нам пора, — проговорил он извиняющимся тоном. — Джо, обязательно позвони мне, хорошо? Насчет занятий. Договорились?

Джо кивнул.

Терри сказала Мэри Кейт:

— По-моему, это чудесно. Надеюсь, Джо не слишком огорчился.

— Доброй ночи, — сказал Паркс, подталкивая жену к выходу, и Мэри Кейт закрыла за гостями дверь.

Она прислонилась спиной к стене и смотрела, как Джо кивает в ответ на последний вопрос Кеннета.

— Месяц? — спросил он наконец, не глядя ей в лицо и внимательно изучая красные капли, медленно сползавшие по стене. — Целый месяц, а ты молчала?

— Я не знала, как...

Джо впился в Мэри горящими глазами. Из-за его плеча на нее так же сердито смотрел Кинг-Конг.

— Этого не может быть. Разве что ты врала мне, будто принимаешь таблетки. Ты мне врала, сознайся. Черт подери!

— Нет, — тихо проговорила она. — Я не врала.

— Теперь это не имеет значения! — Джо снова разозлился.

Он сделал шаг вперед, и Мэри Кейт, холодея от ужаса, поняла, что попала в ловушку между ним и стеной. Джо срывался не в первый раз. Однажды после жаркого телефонного спора с ее отцом из-за денег он вырвал телефонный провод из стены и грохнул аппарат об пол, а потом смел лампу со стола и начал громить квартиру, и тогда Мэри Кейт ушла из дома и два или три дня бродила по городу, покуда полицейский не нашел ее в парке. Она всегда боялась бурных проявлений мужнина гнева, хотя он ни разу не поднимал на нее руку. Сейчас его воспаленные глаза злобно блестели.

— Я хочу знать, — громко сказал он прерывающимся голосом, — когда именно ты решила, что у нас будет ребенок?! Я хочу знать, когда ты решила забыть обо всем, что я вколачивал в твою дурацкую башку!

— Я все время принимала таблетки, — ответила Мэри Кейт. — Все время. Честное слово.

— Врешь! — заорал он, и это было как пощечина. Мэри Кейт вздрогнула и затаила дыхание. Джо потянулся к пепельнице, керамической чаше, которую подарил им на свадьбу один из ее дядей, и хотел было запустить ею через всю кухню, но, ощутив в руке ее тяжесть, передумал. Он понял, что, превратив пепельницу в черепки, никак не избавится от горького разочарования, а главное, от убеждения, что Мэри Кейт окончательно и бесповоротно преступила границы дозволенного. Он выпустил пепельницу из руки и стоял, тяжело дыша, слишком смущенный и злой, чтобы что-нибудь предпринять.

Мэри Кейт почувствовала, что напряжение спало, и торопливо, пока муж вновь не вскипел, проговорила:

— Клянусь тебе, я ни разу не забыла принять таблетки. Я сама ничего не понимаю. Недели две назад я почувствовала, что надо провериться, и врач объяснил мне, в чем дело. Я вынула из ящика счет раньше, чем ты его обнаружил, и заплатила сама.

— Твой врач ошибся! — сказал Джо. — Ошибся!

— Нет, — ответила Мэри Кейт. — Никакой ошибки нет.

Он медленно опустился на диван и закрыл лицо руками.

— Ты не могла забеременеть, если только не... Черт. О Боже. Мэри Кейт, у меня нет таких денег. Я не потяну. Слышишь, не потяну!

Мэри ждала. Убедившись, что гнев Джо утих, она подошла и, бесшумно опустившись на колени у ног мужа, прижалась щекой к его руке.

— Мы можем занять денег. Может быть, у отца.

— Ну да, как же. Он мне и десяти центов не даст!

— Я поговорю с ним. Нет, серьезно.

Джо пожал плечами. Чуть погодя он сказал:

— Ты поговоришь с ним?

— Мы займем у него денег, и все уладится, — ответила Мэри Кейт. — Конечно, будет тяжело. Мы знаем, что будет. Но ведь другие заводят детей, и ничего. Экономят каждый грош, но живут, Джо.

Он отнял руки от лица, посмотрел на ее невинное лицо с огромными глазами и пояснил, не разжимая губ:

— Я не имел в виду расходы на ребенка, Мэри Кейт. Я говорю о деньгах на аборт.

— Черт тебя побери! — крикнула она, отшатываясь и заливаясь слезами. — Никакого аборта! Никто на свете не заставит меня пройти через это!

— Решила докопать меня? — с горечью выкрикнул он. — Вот чего тебе надо! Хочешь меня уничтожить!

— Нет, — процедила Мэри Кейт сквозь стиснутые зубы. — Никаких абортов. Я не шучу. Мне все равно, что от меня потребуется. Буду работать в две смены, днем и ночью. Продам свою кровь, свое тело. Плевать. Никаких абортов.

Джо посмотрел жене в лицо и беззвучно пошевелил губами. Слова не шли с языка. Мелькнула мысль: не это ли заставляет мужчин навсегда уходить из дома, не эта ли нежданная и страшная сила, которая пришла к Мэри Кейт вместе с осознанием того, что она носит в утробе дитя? Король умер — да

здравствует королева! «Но, черт подери, когда это я умер? — спросил он себя. — Два года назад? Минуту назад? Когда?»

Что-то высвобождалось из самой сердцевины костей и тканей Мэри Кейт и, подхваченное током крови, проступало у нее на лице. Оно исказило ее черты и зажгло в глазах злобный звериный огонек. Мэри сказала:

— Ребенок мой.

Джо отпрянул к спинке дивана, безотчетно стремясь увеличить расстояние, отделявшее его от этой женщины, блестевшей в темноте белыми зубами, увенчавшей его черным терновым венцом поражения. Ее лицо, безжизненное и одновременно непреклонное, как древняя маска смерти, проникло в мозг Джо, зависло там, точно марионетка, и заплясало мрачной тенью той, кем эта женщина была всего несколько мгновений назад. К своему удивлению, Джо вздрогнул. Мертвым, невыразительным голосом он произнес:

— Ты меня доконаешь, Мэри Кейт. Не знаю, зачем тебе это надо, но доконаешь. И еще этот ребенок. Последний гвоздь в крышку гроба.

— Ну и черт с тобой, — ответила она.

Мэри встала и повернулась к нему спиной. Ее глаза, отраженные в оконном стекле, смотрели яростно и непримиримо. У меня будет ребенок, сказала она ветру, шелестевшему газетами на улице внизу. Теперь никто на свете не отнимет его у меня. Она стояла так и вдруг почувствовала, что рядом с ней кто-то есть. Его тонкая бледная рука притронулась к ее плечу и обожгла, точно раскаленное клеймо.

У меня будет ребенок.

5

Ребенок родился в конце ненастного марта, когда ветер швырял снежные хлопья в окно палаты Мэри Кейт. И до, и после родов, уже уезжая на каталке по линолеуму больничного коридора в палату, она слышала вой бури.

Ребенок, мальчик с мелкими, плоскими чертами лица и пронзительными, пытливыми голубыми глазами, которые, знала Мэри Кейт, со временем непременно потемнеют, не был красив. И все же она с благодарностью приняла ребенка из рук сиделки и поднесла к груди, чтобы покормить. Ребенок вел себя очень спокойно, почти не шевелился и только пытался поймать крохотными кулачками ее набухшую грудь.

Имя, которое Джо выбрал для ребенка — Эдвард, в честь малоизвестного английского поэта, — ей не понравилось, и она решила дать сыну имя, переходившее в их семье из поколения в поколение. И вот в свидетельстве о рождении, невзирая на слабые протесты Джо — Джеффри-де зовут его двоюродного брата, которого он терпеть не может, — записали: «Джеффри Харпер Рейнс».

Они привезли его домой и уложили в кроватку, которую ему предстояло делить с красногубыми резиновыми зверюшками. Над кроваткой висела прикрепленная к потолку карусель с улыбающимися пластиковыми рыбками. Мэри Кейт водила рыбок по узкому кругу, а Джеффри сидел и смотрел, всегда молча. Кроватку они поставили так, чтобы малышу был виден телевизор. В первые недели после выписки Мэри Кейт тревожило то, что Джеффри очень редко плачет. Она пожаловалась Джо, ведь плач — здоровая реакция новорожденного, но Джо ответил:

— Ну так что же? Возможно, он всем доволен.

Но Джеффри не только мало плакал. Он никогда не смеялся. Даже по субботам утром, когда показывали «Тома и Джерри» и «Хауди-Дуди», Джеффри, у которого резались зубы, молча мусолил зубное кольцо, блуждая взглядом по тесным закоулкам квартиры. Равнодушие Джеффри тревожило Мэри Кейт; его глаза были как у рыбы, плавающей в холодном море, или у змеи, затаившейся в темной норе.

Когда Мэри Кейт брала сына на руки, ей порой казалось, что он не испытывает никакого желания быть рядом с ней. Мальчик отчаянно вырывался, а если мать крепче прижимала его к себе, норовил ущипнуть ее. Время шло. Глядя на Джеффри, в особенности разглядывая его личико, Мэри Кейт трево-

жилась все сильнее. Ребенок не походил ни на нее, ни на Джо. Джо время от времени сухо замечал, что в конце концов мальчик будет похож на него, но Мэри Кейт понимала, что муж далек от истины. А какова была истина? Не была ли она, случайно, похоронена у нее в подсознании, в том его уголке, где хранились смутные воспоминания о воющей сирене «скорой помощи», о белом внутри кузове и людях в белых халатах, которые бесконечно ощупывали ее истерзанное тело?

Несмотря на разочарование, Мэри Кейт не позволяла себе плакать. Она всегда прекращала думать о ребенке раньше, чем хлынут слезы, завертится водоворот сомнений, примерещатся во мраке призрачные фигуры.

Джо теперь три дня в неделю работал в две смены и являлся домой рано утром, мечтая об одном — выпить пару банок пива и рухнуть в постель, иногда даже не раздеваясь. Случалось, он уходил на работу в том же, в чем спал накануне, а бывало, по нескольку дней ходил небритый. У него не было сил даже думать о возвращении в колледж, а его острый обвиняющий взгляд оскорблял Мэри до глубины души. Джо почти перестал разговаривать с женой и обращался к ней только в случае необходимости, а Мэри Кейт научилась поворачиваться к нему спиной в постели.

За те три месяца, в которые квартира постепенно заполнилась резиновыми игрушками и пеленками и пропахла молоком и чем-то кислым, у Джо вошло в привычку уходить из дома и подолгу бродить по городу. Нередко он возвращался, когда Мэри Кейт уже спала. Разбуженная стуком входной двери, она слышала, как он заходит, часто — пьяный, бормоча себе под нос что-то, чего она не могла разобрать. Подонок, думала она. Пьяный подонок. И, не глядя на него, резко бросала: «Сперва разденься, потом ложись».

Спал Джо все хуже, метался, вскрикивал во сне. Тогда Мэри Кейт слышала, как он встает, пьет в ванной воду и, как ни странно, гремит дверной цепочкой, проверяя, надежно ли закрыта входная дверь. Но она лежала тихо как мышка, притворяясь спящей, а когда Джо возвращался в постель, засыпала, точно зная,

что муж еще долго будет лежать в темноте с открытыми глазами, неподвижно глядя ей в спину.

Не раз Мэри Кейт просыпалась и видела его силуэт на фоне освещенного квадрата окна: он стоял над кроваткой, вглядываясь в спящего малыша, стоял очень прямо, сжимая кулаки так, что белели суставы пальцев, и буравил взглядом неподвижную фигурку в белой пижамке. Утром оказывалось, что Джеффри проснулся раньше нее и крепко держится за прутья кроватки, словно хочет до срока улизнуть из тюрьмы младенчества. Темные глаза мальчика пронзали нее; казалось, он сердито смотрит сквозь Мэри Кейт на ее спящего мужа. Однажды, когда Джо взял ребенка на руки, чтобы продемонстрировать отцовскую привязанность (что случалось нечасто), Джеффри чуть не выколол ему глаз, тыча пальцем в карусель с рыбками. Джо чертыхнулся и, потирая пострадавший глаз, опустил ребенка обратно в кроватку.

Мэри Кейт начала бояться Джо. Настало лето, жара накипулась на них, как беспощадный зверь, и Джо все чаще и чаще выходил из себя. Глаза у Джеффри потемнели и превратились в черные, блестящие хитрые щелочки, а волосы росли прямые и черные. Нос удлинился. Мэри Кейт с внезапной тревогой увидела, что подбородок у сына будет с ямочкой. Ей было хорошо известно, что ни у них в роду, ни в роду у Джо таких подбородков не было. Она водила пальцем по краям намечающейся ложбинки, слушая далекий вой сирены, летевший над городскими крышами. Джо тоже заметил ямку. Когда он откупоривал бутылку пива и принимался разглядывать Джеффри, игравшего на полу, у Мэри Кейт возникала твердая уверенность в том, что Джо непременно шнул бы малыша в лицо, если бы мог.

Однажды вечером на исходе лета, когда Джеффри играл с кубиками, разбросанными по ковру, она уселась на пол перед ним и стала изучать его лицо. Джеффри строил башню, а узкие, темные, почти черные глаза равнодушно следили за матерью, словно поддразнивали: ну-ну, смотри-смотри. Тонкие пальчики двигались не по-младенчески неловко, а по-взрослому уверенно.

— Джеффри, — шепнула Мэри.

Ребенок оторвался от кубиков и медленно поднял голову.

Мэри Кейт невольно потупилась. Под пристальным взглядом черных глаз сына у нее перехватило дыхание и закружилась голова, словно она глотнула спиртного. Они были неподвижные, будто нарисованные.

Мэри Кейт протянула руку, чтобы пригладить его спутанные черные волосы.

— Мой Джеффри.

Джеффри размахнулся и развалил башню из кубиков. Они разлетелись по всей комнате, и один ударил Мэри по губам. Она испуганно вскрикнула.

Джеффри подался вперед, его глаза расширились от восторга, и Мэри Кейт пробрала дрожь. Она взяла сына за руку и шлепнула, приговаривая: «Бяка! Бяка!» — но Джеффри не обратил на это никакого внимания. Он коснулся рукой губ матери. На пальцах осталась капелька крови.

Испуганная и зачарованная черным немигающим взглядом ребенка, Мэри Кейт смотрела, как он подносит пальцы ко рту, как высовывает язык и слизывает алую каплю, как глаза его коротко вспыхивают, точно далекий маяк в ночи. Очнувшись, она сказала: «Бяка, нельзя!» — и хотела опять шлепнуть сынишку по руке, но он повернулся к ней спиной и принялся собирать кубики.

Пришла осень, за ней зима. За стенами дни напролет противно свистел ветер. В сточных канавах шуршали листья. Крышки помойных баков покрылись снегом и льдом. Этой угрюмой, унылой зимой Мэри Кейт все больше отдалялась от Джо. Он словно бы сдался; теперь он совсем не пытался общаться с ней. Он давным-давно забыл, что когда-то она делила с ним ложе, и Мэри Кейт понимала, что рано или поздно, отправившись однажды вечером на очередную «прогулку», Джо не вернется домой. Он и сейчас уже порой пропадал на сутки, а когда она, вынужденная выгораживать блудного мужа перед диспетчером, обрушивалась на него, попросту поворачивался на каблуках и вновь исчезал за дверью. Наконец он возвращался —

грязный, небритый, провонявший пивом и потом — и, спотыкаясь, вваливался в дом, бормоча что-то в адрес ребенка. «Дурак, — говорила она. — Жалкий дурень».

И вот однажды вечером, меньше чем за неделю до первого дня рождения Джеффри, Мэри Кейт оставила мальчика с Джо и спустилась за чем-то в магазин, а вернувшись, увидела, что муж невозмутимо раздевает малыша над ванной с кипятком. Мальчик цеплялся ручонками за отцовские плечи, глаза-щелочки хитро поблескивали. На небритом лице Джо краснели царапины. На желтом кафельном полу блестела разбитая бутылка.

Мэри выронила кошелку. Зазвенело стекло.

— Ты что же это делаешь, а?! — крикнула она, когда Джо поднял вырывающегося ребенка над ванной. Он оглянулся, глаза были мутные, испуганные. Мэри выхватила у него Джеффри и крепко прижала к груди.

— Боже мой, — взвизгнула она, и ее голос отразился от кафельных стен. — Ты сошел с ума! О Господи!

Джо присел на край ванны и ссутулился. Казалось, от его лица отхлынула вся кровь, только под глазами лежали серые тени.

— Еще бы минуту, — сказал он каким-то отрешенным, мертвым голосом. — Задержись ты еще на минуту... Всего на одну...

— Боже мой!

— Всего на минуту, — повторил он, — и все закончилось бы.

Она закричала:

— Ты сумасшедший! Боже мой! О Господи Иисусе!

— Да, — проговорил он. — Ты взываешь к Господу. Взываешь к Господу. Но уже поздно. О Господи, поздно! Посмотри на меня. Посмотри на меня, я сказал! Я умираю... клетка за клеткой... умираю, и тебе это известно. — Джо огляделся и заметил на полу осколки. — О нет, — всхлипнул он. — Моя последняя бутылка.

Он поднялся и двинулся к Мэри Кейт. Она попятилась с ребенком на руках. Джо хватился за косяк и встал в дверях ванной, свесив голову и открыв рот, словно собираясь стошнить.

— Мне снятся хорошие сны, Мэри Кейт. Ах, какие сны! Знаешь, что мне снится? Хочешь, расскажу? Мне снятся лица, они летают вокруг меня и выкрикивают мое имя. Тысячу, десять тысяч раз за ночь они будят меня. А еще мне снится ребенок, который выцарапывает мне глаза, и я слепну. О Боже, мне нужно выпить.

— Ты сошел с ума, — с трудом выговорила Мэри Кейт немеющим языком.

— Мне казалось, что если я уйду отсюда, если буду спать где-нибудь в другом месте — в метро, в кино или даже в церкви, — это поможет. Но нет. А знаешь, что еще мне снится, Мэри Кейт? Моя милая Мэри Кейт... Хочешь знать? Мне снится, как ты, моя милая женушка, стоя на коленях, сосешь член мужчины с лицом ребенка. Ребенка, который сидит сейчас у тебя на руках!!!

Мэри Кейт сдержала крик и увидела, что Джо лихорадочно обшаривает взглядом длинные тени, сгустившиеся в комнате.

— Это не мой ребенок, Мэри Кейт, — проговорил он. — Теперь я уверен в этом. А ты знала это с самого начала. Не важно, кто это сделает. Не важно как. Но этот ребенок должен умереть. Мы можем спрятать тело где-нибудь в городе, в помойке, или бросить в реку.

Он не сводил с нее умоляющих глаз, и она вдруг увидела его сквозь набежавшие слезы.

— О Господи, Джо, тебе нужна помощь. Тебе надо помочь.

— Никто мне не поможет. — Джо, пошатываясь, добрел до окна и прислонился лбом к тотчас запотевшему стеклу, хватаясь за покрытые трещинами стены, и закрыл глаза.

— О Господи.

Джеффри у нее на руках зашевелился.

— Я люблю тебя, люблю, люблю, — неслышно зашептала Мэри Кейт на ухо ребенку. — Он сумасшедший. Этот человек сошел с ума и хочет убить тебя. Господи...

Руки ребенка протянулись к ее лицу. Джеффри крепко прижался к ней в поисках тепла. Мэри Кейт посмотрела на него и встретила страшный жаркий взгляд.

Джо, тяжело дыша, привалился к окну. Мэри Кейт увидела, как его дыхание туманит грязное стекло. По ее лицу потекли горячие слезы. Она положила Джеффри в кроватку и прислушалась к бессвязному бормотанию Джо. Джеффри сел, прижимаясь лицом к прутьям кроватки. Он постарается убить нас обоих, сказала себе Мэри Кейт. Обоих. Будь ты проклят! Он хочет убить моего малыша... а потом меня, чтобы я никому не смогла рассказать, что произошло!

Она вернулась в ванную и стала смотреть, как ее слезы капают на длинные зазубренные осколки бутылочного стекла. Он убьет нас обоих. Обоих, обоих, обоих. Он сумасшедший.

Она подхватила с пола бутылочное горлышко и двинулась к мужу.

Джо начал поворачиваться от окна и открыл рот, собираясь что-то сказать.

Мэри Кейт сделала два быстрых шага вперед и вонзила горлышко ему в грудь пониже ключицы. От неожиданности Джо охнул и застыл, так и не закрыв рот и глядя себе на рубашку. Когда боль ворвалась в его сознание, он дико крикнул и оттолкнул от себя жену. Она выдернула бутылочное горлышко из его груди и ударила снова; ослабленная алкоголем рука не смогла остановить ее. Зазубренное стекло проникло в грудную клетку и впилось в легкое. Джо закашлялся, лицо и блузку Мэри Кейт окропил кровавый дождь. Она ударила Джо в лицо. Он в отчаянии попятился, но Мэри Кейт шла на него, обезумев, забыв о жалости, замахиваясь для второго удара в лицо.

Он в панике отступал, и вдруг оказалось, что позади окно. Отчаянный взмах рук, зазвенело стекло, за краем окна мелькнуло бледное лицо Джо с полными ужаса глазами. Мэри Кейт увидела, как муж кончиками пальцев пытается уцепиться за подоконник, — и в следующий миг Джо сорвался.

Его тело с неестественно вывернутой шеей распростерлось на мостовой.

Какой-то прохожий в коричневом пальто нагнулся над трупом и испуганно уставился вверх, на Мэри Кейт.

У нее за спиной Джеффри показывал на карусель.

— Мамочка, — прошепелявил он, — смотри, красивая рыбка!

6

Мальчики, болтливые и проказливые, как молодые обезьянки, вереницей зашли в столовую, мгновенно наполнившуюся гомоном и гвалтом, и бросились занимать свои обычные места за длинным столом, испещренным инициалами их предшественников.

Сестра Мириам сквозь очки в строгой черной оправе наблюдала за детьми, терпеливо дожидаясь, пока все тридцать сорванцов рассядутся по местам. Даже за столом, в ожидании молитвы, неугомонные десятилетки толкались и щипались. Перекрикивая общий шум, сестра Мириам сказала:

— Ну хорошо. А теперь нельзя ли потише?

Они притихли, как булькающее в горшке варево, и уставились на стоявшую перед ними смуглую пожилую женщину в черной рясе. Она взяла в руки блокнот. На нее была возложена обязанность проверять, все ли вернулись с перемены. Сестра Мириам хорошо знала детей и по именам, и в лицо, и все же всегда оставалась возможность, что кто-нибудь — вероятнее всего, кто-нибудь из наименее смышленых, — исхитрится заплутать в лесу, окружавшем сиротский приют. Так уже случилось однажды, давным-давно, когда сестра Мириам только начинала здесь работать и забора еще не было. Ребенок тогда чудом уцелел. С тех пор она никогда не рисковала.

— Перед завтраком мы проведем перекличку, — привычно сообщила она детям. — Джеймс Паттерсон Антонелли?

— Здесь.

— Томас Кини Биллингс?

— Здесь.

— Эдвард Эндрю Бэйлесс?

— Присутствует.

— Джером Дарковски?

— Пришутштвует. — Смешки и гиканье. Сестра Мириам резко подняла голову.

— У вас полчаса до прихода следующей группы, дети. Если будете дурачиться, то лишь зря потратите время. Я, кажется,

просила тишины? — Она снова опустила взгляд к блокноту. — Грегори Холт Фрейзер?

— Здесь.

Сестра Мириам зачитывала список по алфавиту, приближаясь к его имени. Иногда ей хотелось, чтобы он исчез, сбежал из приюта, сгинул в лесной чаще, оставив разве что клочок одежды на изгороди как единственное свидетельство своего существования. Нет, нет, внутренне запротестовала она. Прости. Я не хотела. Она нервно глянула поверх списка на ребят. Он сидел где всегда, во главе стола, и ждал, когда она назовет его имя. На его губах играла едва заметная улыбка, словно он знал, какие мысли роились за непроницаемой маской ее лица.

— Джеффри Харпер Рейнс?

Он не отозвался.

Дети замерли.

Они ждали.

Он ждал.

Сестра Мириам прокашлялась и опустила голову, чтобы не видеть их лиц. С кухни тянуло жареным мясом — там готовили гамбургеры.

— Джеффри Харпер Рейнс, — повторила она.

Он молчал, сложив руки на столе перед собой. Черные глаза, узкие щелочки на бледном лице, смотрели дерзко.

Сестра Мириам бросила блокнот на стол. Нет, довольно! Эта глупая игра излишне затянулась!

— Джеффри, я дважды вызывала тебя. Ты не отозвался. На уроке двести раз напишешь свое имя и покажешь мне. — Она посмотрела на следующее в списке имя. — Эдгар Оливер Торторелли.

Но ответил ей не Торторелли. Прозвучал другой голос. Его голос.

— Вы что-то не назвали мое имя, сестра. — Он так прошипел это «сестра», что в первый момент ей почудилось, он сейчас скажет какую-нибудь непристойность.

Сестра Мириам моргнула. Ей вдруг стало жарко. На кухне гремели подносами и тарелками. Сестра Мириам сказала:

— Как же не назвала? Дети, я ведь называла имя Джеффри? — Она поморщилась. Нет, нет. Нельзя впутывать в это других детей. Это наше с ним дело, остальные тут ни при чем.

Дети заерзали. Их глаза, похожие на темные стеклянные шарики, метались от мальчика к женщине.

— Меня зовут Ваал, — сказал мальчик. — На другие имена я не отзываюсь.

— Давайте обойдемся без этой ерунды, молодой че...

Скрипучий голос Джеффри оборвал ее на полуслове:

— Я ничего не буду писать. И не буду откликаться ни на какие имена, кроме своего.

Она беспомощно застыла под его немигающим взглядом и увидела, что на его губах медленно появилась усмешка, превратившаяся в жестокую улыбку, но глаза... глаза остались холодными и безжалостными, как нацеленная двустволка. Дети за столом вертелись, нервно хихикали, а он — он сидел неподвижно, сложив руки на столе.

Сестра Мириам поглядела в кухню, окликнула хлопотавших там монахинь: «Можно подавать», — и, не взглянув на детей, вышла из столовой. По тускло освещенному коридору мимо классов, по главному коридору, через приемную, за двери-витражи на большое широкое крыльцо, где сбоку от ступеней висит серая металлическая вывеска «ПРИЮТ ЗАБОТЛИВЫХ ПРАВЕДНИКОВ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ». Вдалеке, на детской площадке среди деревьев, уже роняющих свой багряно-золотой осенний убор, кругами, словно пчелы в улье, носились мальчишки из другой группы.

Сестра пересекла двор и направилась по асфальтированной подъездной дороге к маленькому кирпичному строению, совершенно не походившему на келейную, с фронтонами и острыми коньками крыш, громаду приюта. Здесь располагались административные помещения. По соседству, в кольце деревьев, горевших на солнце яркой желтизной, стояла приютская часовня.

Сестра Мириам вошла в кирпичное здание и по тихим, застланным винно-красными коврами коридорам подошла к маленькому кабинету с золотыми буквами «Эмори Т. Даш» на

дверях. Секретарь, хрупкая женщина с желчным лицом, подняла на нее глаза:

— Сестра Мириам? Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Да. Я хотела бы поговорить с отцом Дашом.

— Сожалею, но через десять минут у него назначена встреча. Похоже, для юного Латты нашлась прекрасная семья.

— Мне обязательно нужно с ним поговорить, — сказала сестра Мириам и, к великому изумлению секретарши, постучала в дверь, не слушая, что ей говорит эта легендарная личность, бессменный секретарь отца Дана на протяжении двадцати с лишним лет.

— Войдите, — сказали из-за двери.

— Но, сестра Мириам, — возмущенно проговорила секретарша, — как же можно...

Сестра Мириам закрыла за собой дверь.

Отец Дан вопросительно взглянул на нее из-за широкого, застеленного промокательной бумагой письменного стола. Средних лет, в седых волосах кое-где проглядывают блестящие черные пряди. Серые глаза. Позади, на обшитой дубовыми панелями стене, висело два десятка почетных дипломов за исследования в области теологии и гуманитарных наук. Отец Дан был человеком образованным и принял сан, уже имея гарвардский диплом доктора социологии. Порой сестра Мириам недоумевала: в глазах этого сдержанного, степенного человека нет-нет да и проскакивала искра гнева.

Отец Дан сказал:

— Вам не кажется, что вы довольно бесцеремонны? Я с минуты на минуту жду посетителей. Может быть, вы заглянули бы попозже, ближе к вечеру?

— Прошу вас, святой отец. Мне нужно сказать вам пару слов.

— Может быть, вам мог бы помочь отец Кэри? Или сестра Розамунда?

— Нет, сэр. — Сестра Мириам твердо решила не отступать. Со всеми прочими она уже говорила. Ее вежливо выслушивали и предлагали каждый свои меры — кто либеральные, кто жесткие. Но ничего не помогало. Пришла пора узнать мнение отца

Дана, и сестра Мириам не собиралась уходить, не высказавшись. — Мне нужно поговорить с вами о Джеффри Рейнсе.

Отец Дани едва заметно прищурился; ей почудилось, что устремленный на нее снизу вверх взгляд стал ледяным.

— Ну что ж, присаживайтесь. — Он указал на черное кожаное кресло и включил переговорное устройство на своем столе: — Миссис Бимон, попросите, пожалуйста, мистера и миссис Шир подождать несколько минут.

— Хорошо, сэр.

Отец Дани откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по столу.

— Мне кажется, я уже знаком с этой проблемой, сестра Мириам, — сказал он. — Что, есть новости?

— Сэр, этот ребенок... он совершенно не похож на остальных. Я с ним не справляюсь. Он так меня ненавидит, что я... э-э... почти физически ощущаю его ненависть.

Отец Дани снова протянул руку к переговорному устройству:

— Миссис Бимон, будьте любезны принести мне дело Джеффри Харпера Рейнса. Десяти лет.

— Да, сэр.

— По-моему, вы видели его личное дело? — спросил отец Дани.

— Да, видела, — ответила сестра Мириам.

— Значит, вы знакомы с обстоятельствами его жизни?

— С обстоятельствами — да, но мне абсолютно непонятны его желания и стремления.

— Что ж, — продолжал отец Дани, — вы, возможно, знакомы с моей теорией «младенческого стресса». Знакомы?

— Не совсем. По-моему, я краем уха слышала, как вы с отцом Робсоном беседовали на эту тему.

— Ну, тогда, — сказал отец Дани, — послушайте. Младенец — самое нежное и чувствительное из всех творений Господа. Едва родившись, ребенок уже тянет ручки, чтобы касаниями исследовать новую среду обитания. И реагирует на эту среду, а она в определенной степени формирует его. Младенцы, да и вообще все дети независимо от возраста, необычайно воспри-

имчивы к проявлению различных чувств, переживаний, страстей. — Он многозначительно воздел палец. — И особенно к ненависти. Ребенок способен до конца жизни носить в себе пагубные, разрушительные страсти, пограничные с насилием эмоции. У мальчика, о котором идет речь, жизнь складывалась... сложно. Насилие, учиненное над его матерью, заронило в ее душу малую искру ненависти, которая, беспрепятственно разгораясь, привела к убийству отца Джеффри. Мать мальчика убила мужа на глазах у ребенка. Я полагаю, что именно здесь корень той ненависти, а может быть, страдания, которое носит в себе Джеффри. Сцена жестокого насилия произвела на мальчика сильнейшее впечатление и до сих пор жива где-то на самом дне его памяти...

Вошла миссис Бимон и положила на стол отца Дана желтую папку, помеченную «Рейнс, Джеффри Харпер». Отец Дан поблагодарил и принялся молча листать страницы.

— Возможно, Джеффри не помнит подробностей той ночи... по крайней мере не сознает этого. Но на уровне подсознания он помнит каждое грубое слово, каждый жестокий удар. — Он на мгновение отвлекся от изучения бумаг, желая удостовериться, что собеседница внимательно его слушает. — Вдобавок, сестра Мириам, нам приходится считаться с психологией осиротевшего ребенка. Здесь у нас — сироты от рождения, никому не нужные дети, трудные дети. Они не просили их рожать. Они считают себя ошибкой, следствием того, что кто-то забыл принять противозачаточные таблетки. Нам удается — очень медленно, ценой неимоверных усилий, с ничтожной отдачей — пробиться к некоторым из них. Но этот Рейнс... он пока еще не впустил нас к себе в душу.

— Он пугает меня, — сказала сестра Мириам.

Отец Дан хмыкнул и вновь погрузился в изучение желтой папки.

— Он здесь четыре месяца. Его перевели к нам из школы Святого Франциска в Трентоне. Туда он попал из нью-йоркского приюта Богоматери, успев перед тем побывать в приюте Святого Винсента для мальчиков, тоже в Нью-Йорке. Его несколько раз усыновляли, но по тем или иным причинам он не

приживался. Все приемные родители отмечали его нежелание общаться, неуступчивость... — отец Дани взглянул на сестру Мириам, — грубость и дурные привычки, непокорность родительской власти. И еще одно: он упорно отказывается откликаться на христианские имена. — Священник поднял голову и посмотрел на монахиню. — Что скажете?

— Сейчас он отказывается откликаться даже на свое настоящее имя. Он называет себя Ваалом, и я слышала, как кое-кто из ребят так его называл.

— Да, — проговорил отец Дани, поворачиваясь вместе с креслом к распахнутому окну, чтобы посмотреть на детей, играющих во дворе. — Да. И, насколько я понял, он отказывается ходить на службы в часовню. Это так?

— Да, сэр. Именно так. Он отказывается даже входить в часовню. Мы лишили его возможности смотреть фильмы, играть на площадке с другими детьми, чего только не пробовали, и все зря. Отец Робсон посоветовал восстановить все его права и больше не тратить на это силы.

— Мне кажется, это самое лучшее, — заметил отец Дани. — Очень и очень странно... А что, его отец был человеком верующим?

Сестра Мириам покачала головой, и отец Дани сказал:

— Что ж, я тоже не знаю. Мне известно только то, что содержится в этой папке. Он, кажется, мало общается с другими детьми?

— По-моему, есть несколько таких, кто пользуется его доверием, но все они похожи на него, такие же молчаливые и подозрительные. И все же, несмотря на всю свою непокорность, он прекрасно учится. Он много читает, особенно по истории и географии, и жизнеописания. Могу также отметить его нездоровый интерес к личности Гитлера. Однажды в библиотеке я услышала, как он скрипел зубами. Он читал тогда статью о газовых печах Дахау в старом номере «Лайф» и захлопнул журнал, когда заметил, что я наблюдаю за ним.

Отец Дани хмыкнул.

— Подозреваю, что он куда умнее, чем хочет казаться.

— Сэр?

Священник постучал по раскрытой перед ним странице.

— Судя по результатам стандартных тестов, у него феноменальные способности, и все же отец Робсон, проводивший тестирование, считает, что Джеффри поскромничал. Ему кажется, что на некоторые вопросы мальчик намеренно ответил неверно. Вы можете мне это объяснить?

— Нет, сэр.

— И я не могу, — сознался отец Дани и пробормотал что-то себе под нос.

— Сэр? — переспросила сестра Мириам, наклонившись к нему.

— Ваал... Ваал, — негромко повторил священник. Потом, словно ему в голову пришла неожиданная мысль, снова повернулся к ней: — Он играет с нами, сестра Мириам. И, смею вас уверить, подсознательно хочет прекратить эту игру. Отец Робсон хорошо разбирается в таких... сложных случаях. Я попрошу его поговорить с Джеффри. Однако, сестра Мириам, мы тоже не должны опускать руки. Ради самого мальчика нам нужно проявить столько терпения и силы... — он помолчал, стараясь сформулировать поточнее, — сколько должно. Договорились? — Он вопросительно взглянул на сестру Мириам.

— Да, сэр, — ответила она. — Надеюсь, отцу Робсону удастся понять его лучше, чем мне.

— В таком случае решено. Я попрошу его при первой же возможности поговорить с мальчиком. Всего доброго, сестра Мириам.

— Всего доброго, отец Дани, — ответила она, вежливо наклонив голову, и встала.

Когда дверь за сестрой Мириам закрылась, отец Дани еще мгновение молча смотрел в окно во двор, где бестолково, точно ослепшие от осеннего солнца неопрятные летучие мыши, носились дети. Он потянулся к ящику стола, где лежала коробка с сигарами, но передумал: нет, до вечера — никаких сигар. Предписание врача. Вместо этого он взял с полки за письменным столом книгу о расстройствах психики у детей младшего школьного возраста. Но, пока его взгляд считывал сухую логическую информацию, его память вела поединок с именем Ваал.

Повелитель демонов.

Отец Дани закрыл книгу и снова поглядел в окно. Какие загадочные существа дети, сказал он себе. Живут собственной тайной жизнью и захлопывают двери перед всяким, кто пытается войти; дети очень ревниво относятся к своей загадочной личности и с наступлением ночи совершенно преображаются. Преображаются так, что порой даже родные не могут их узнать.

7

Ребенок медленно шел вдоль высокой сетчатой ограды. Здесь к детской площадке вплотную подступала разноцветная чаща. Он остановился, повернулся спиной к остальным детям, которые с визгом носились по пыльному двору, и устремил неподвижный взгляд туда, где лес прорезала скоростная трасса, идущая через Олбани в город. Мгновение спустя он обернулся, привалился к забору и стал смотреть, как ребята азартно гоняют футбольный мяч.

К нему подошли двое: коренастый крепыш с густой черной шевелюрой и торчащими зубами и мальчик потоньше, рыжеватый блондин с глубоко посаженными голубыми глазами. Рыжеватый сказал:

— Эта очкастая — настоящая ведьма.

Ваал молчал. Его тонкие пальцы были продеты в металлические ячейки ограды.

— Здесь настоящая тюрьма, — отозвался он через секунду. — Они боятся нас. Разве вы этого не чувствуете? И из страха запирают нас в клетку. Но долго им нас не удержать.

— Да разве отсюда сбежишь? — спросил рыжеватый.

Черные глаза сверкнули.

— Вы уже сомневаетесь во мне?

— Нет. Нет, Ваал. Я тебе верю.

— Всему свое время, — тихо проговорил Ваал. — Я изберу друзей и уведу их с собой. Остальные погибнут.

— Возьми меня с собой, Ваал, — заныл коренастый. — Ну возьми...

Ваал ухмыльнулся, однако его черные глаза оставались безжизненными и непроницаемыми. Он протянул руку и, запустив пальцы в темные кудрявые волосы, притянул к себе голову мальчика. Поблескивающие черные глаза оказались всего в нескольких дюймах от лица крепыша.

— Надо любить меня, Томас, — прошептал Ваал. — Любить меня и делать все, что я скажу. Тогда я смогу спасти тебя.

Томас дрожал. Из приоткрытого рта капнула слюна, повисла серебристой нитью на подбородке. Он сморгнул слезы, грозившие хлынуть по щекам, и выдавил:

— Я люблю тебя, Ваал. Не бросай меня.

— Мало говорить, что ты любишь меня. Нужно доказать это, и ты докажешь.

— Докажу, — поспешно заверил Томас. — Докажу, вот увидишь!

Оба мальчика не двигались с места, словно загипнотизированные. Взгляд Ваала не давал им уйти.

Кто-то позвал: «Джеффри! Джеффри!»

Ваал моргнул. Ребята, пригибаясь, побежали через площадку.

Кто-то шел к нему: монахиня в трепещущем на ветру черном платье, сестра Розамунда. Она подошла и, улыбаясь, сказала:

— Джеффри, сегодня ты освобожден от урока чтения. С тобой хочет поговорить отец Робсон.

Ваал кивнул. Он молча последовал за ней через двор, сквозь крикливую толпу детей, расступившихся перед ним, и дальше, в полутемные, затейливо переплетающиеся приютские коридоры. При этом он все время внимательно наблюдал, как обозначаются под просторным платьем ягодицы монахини.

Сестре Розамунде было, вероятно, чуть-чуть за тридцать. Овальное лицо с высоким лбом, очень чистые зеленовато-голубые глаза и золотистые с рыжинкой волосы. Она совсем не походила на прочих воспитательниц с землистыми лицами, в очках с толстыми стеклами; с точки зрения Ваала, она была до-

ступной. Она единственная поощряла детей приходить к ней с личными проблемами и, широко раскрыв глаза, подбадривая и утешая взглядом, снова и снова выслушивала рассказы о пьяницах-отцах и матерях-потаскухах, о побоях и наркотиках. Интересно, думал Ваал, она хоть раз спала с мужиком?

Они поднимались по широкой лестнице. Сестра Розамунда оглянулась, желая убедиться, что мальчик идет за ней, и заметила, как его взгляд метнулся от ее бедер к лицу и снова вернулся к прежнему объекту наблюдения.

У нее пропало желание оглядываться. Она чувствовала, как мальчишка взглядом срывал с нее одежду и обшаривал полные бедра — так пальцы бегают по клавишам: тронуть здесь, здесь и здесь. Сестра Розамунда плотно сжала побелевшие губы; у нее затряслись руки. Взгляд ребенка добрался под платьем до ее нижнего белья и неумолимо скользнул к треугольнику между ног. Она резко обернулась, не в силах дольше сохранять спокойствие:

— Прекрати!

— Прекратить что? — спросил мальчик.

Сестра Розамунда остановилась, дрожа и беззвучно шевеля губами. Она недолго проработала в приюте и тем не менее понимала ребят — и их безобидные шалости, и мерзкий уличный жаргон. Все это было ей понятно. Но этот ребенок... его она не могла понять. В нем было нечто неуловимое, что и привлекало ее, и отталкивало. Сейчас, под его холодным оценивающим взглядом, к ее горлу подкатил ледяной комок страха.

Они остановились перед закрытой дверью библиотеки. Вздрогнув при звуке собственного напряженного голоса, сестра Розамунда сказала:

— Отец Робсон хочет поговорить с тобой.

На пороге он обернулся и неприметно улыбнулся ей, как кот, подкрадывающийся к запертой в клетке канарейке. Сестра Розамунда обмерла и выпустила дверь. Дверь захлопнулась.

В библиотеке пахло старой бумагой и книжными переплетами. Она еще не открылась для посетителей, и на полках царил порядок, все лежало на своих местах. Стулья были аккуратно расставлены вокруг круглых столиков. Взгляд Ваала обе-

жал комнату и уперся в спину мужчине, который стоял в углу, легонько поглаживая пальцем книжные корешки.

Отец Робсон слышал, как закрылась дверь, и краешком глаза наблюдал за мальчиком. Теперь он медленно повернулся к нему от книжных полок.

— Здравствуй, Джеффри. Как дела?

Мальчик не двигался с места. Где-то в дальнем углу библиотеки тикали часы, качался маятник — туда-сюда, туда-сюда.

— Ну, садись, Джеффри. Мне бы хотелось поговорить с тобой...

Ребенок не шелохнулся. Отец Робсон усомнился, слышал ли его мальчик вообще.

— Я не кусаюсь, — сказал отец Робсон. — Иди сюда.

— Зачем?

— Не люблю, когда собеседник далеко. Иначе я попросил бы позвать тебя к телефону в вестибюле.

— И надо было — сэкономили бы время.

Отец Робсон хмыкнул. Крепкий орешек. Кое-как изобразив улыбку, он сказал:

— По-моему, ты любишь книги. Мне казалось, здесь тебе будет уютно.

— Будет, — ответил мальчик, — если вы уйдете.

— Тебе совсем не интересно, почему я захотел поговорить с тобой?

— Нет.

— Почему же?

Мальчик молчал. Приглядываясь к нему в полумраке библиотеки, отец Робсон вдруг отчетливо увидел, что в глазах ребенка на миг вспыхнул красный огонь. Это было так неожиданно, что у него закружилась голова.

— Я это уже знаю, — после минутной паузы ответил Ваал. Он подошел к полкам и стал разглядывать рисунки на суперобложках. — Вас послали сюда поговорить со мной, потому что я, как вы выражаетесь, «неисправимый». Сестра Мириам видит во мне «преступные наклонности». Отец Кэри называет меня смутьяном. Разве не так?

— Да, это правда, — признал отец Робсон, делая шаг к мальчику. — Но я не верю, что ты такой, Джеффри.

Ваал резко повернул голову, и его глаза полыхнули столь жутким и неестественным светом, что отец Робсон остановился, точно наткнулся на стену.

— Не подходите, — негромко предостерег ребенок. Убедившись, что священник готов подчиниться, Ваал вновь обратил взгляд на полки с книгами. — Вы психолог. Что вы видите во мне?

— Я психолог, но не телепат, — ответил Робсон, прищуриваясь. Не почудились ли ему эти красные огоньки? Вероятно, виновато скверное освещение. — Если я не могу подступиться к тебе в обычном смысле этого слова, то уж проникнуть в твое сознание мне и подавно не дано.

— Тогда я сам расскажу вам, что вы во мне видите, — сказал Ваал. — Вы полагаете, что у меня не в порядке психика; вы полагаете, что на меня повлияло некое событие — или ряд событий — моего прошлого. Правильно?

— Да. Как ты это узнал?

— Я очень люблю книги, — ответил Ваал, вскидывая глаза на отца Робсона. — Вы ведь сами так сказали?

Отец Робсон кивнул. С подобным ребенком ему еще не приходилось иметь дела. В нем была некая странность: этот обычный с виду десятилетний мальчик в заплатанных джинсах и свитере был необычайно развит, он обладал такой ясностью ума, которая позволяла предположить в нем экстрасенсорные способности. А аура, окружавшая его, аура гнетущей, властной силы? Такого, сказал себе отец Робсон, я не припомню. Он спросил:

— Почему ты так упорно отрекаешься от своего имени, Джеффри? Хочешь порвать с прошлым?

— Меня зовут Ваал. Это мое единственное имя. И от него я не отрекаюсь. У вас не идет из головы тот случай из моего прошлого, который, по вашему мнению, так повлиял на меня. Вы полагаете, что я перенес душевную травму и поэтому хочу забыть весь тот период.

Отец Робсон заметил в выражении лица ребенка нечто такое, чего он, столько лет проработавший детским психологом, не умел определить.

— Какой случай ты имеешь в виду?

Ваал посмотрел на него. По его губам скользнула усмешка.

— Я... забыл.

— Ты хитришь.

— Нет, — возразил Ваал. — Просто продолжаю игру, которую начали вы.

— Ты умный мальчик, — заметил отец Робсон. — Я не стану говорить с тобой так, как обычно говорю с другими. Буду с тобой откровенен. За последний год ты перебывал в полудюжине семей, и всякий раз тебя возвращали в приют из-за твоего невыносимого, даже агрессивного поведения. По-моему, тебе не очень хочется покидать стены приюта.

Ваал молча слушал.

— Чего же ты хочешь? Чего ты ждешь? Наступит время, когда ты станешь слишком большим, чтобы оставаться в приюте. Что же тогда?

— Тогда... — начал Ваал, и отец Робсон подумал, что сейчас услышит больше, но мальчик медленно закрыл рот. Он стоял, не шевелясь, не говоря ни слова, и смотрел на человека в глубине библиотеки, расчерченной полосками света и тени.

Нет, так толку не будет, сказал себе отец Робсон. Этот ребенок требует постоянного внимания профессионального психолога. Надежда построить мостик между собой и мальчиком оказалась напрасной. Он ничего не достиг. Делая последнюю попытку, он спросил:

— Почему ты не ходишь вместе со всеми в часовню?

— Не хочу.

— Ты неверующий?

— Верующий.

Лаконичный ответ удивил отца Робсона. Он ожидал грубости.

— Значит, ты веришь в Бога? — спросил он.

— В Бога? — повторил Ваал, скользя внимательным взглядом по полкам, плотно заставленным книгами. — Возможно, не в вашего.

— Твой Бог не такой, как наш?

Мальчик медленно повернул голову. Его губы искривила холодная усмешка.

— Ваш Бог, — сказал он, — бог церквей с белыми колокольнями. И только. За церковным порогом он бессилен. Мой бог — бог подворотни, борделя, всего мира. Он — подлинный повелитель.

— Боже мой, Джеффри! — воскликнул отец Робсон, пораженный этим всплеском эмоций. — Как ты стал таким? Кто вбил тебе в голову этот страшный бред? — Он шагнул вперед, чтобы яснее увидеть лицо ребенка.

Ваал прорычал:

— Назад.

Но отец Робсон не послушался. Он хотел подойти ближе, так, чтобы можно было дотронуться до мальчика. Он сказал:

— Джеффри...

В ту же секунду мальчик крикнул: «Назад, я сказал!» — таким голосом, что отца Робсона отбросило к полкам и книжной лавиной свалило на пол. Что-то душило отчаянно сопротивлявшегося священника, парализовало, лишило способности двигаться, дышать, думать.

Мальчик одной рукой сбрасывал книги с полок и расшвыривал по библиотеке; летали пожелтевшие страницы, рвались переплеты. Стиснув зубы, дыша хрипло, точно разъяренный зверь, он ринулся за стеллажи. Отец Робсон увидел, что мальчишка очутился в той части библиотеки, где хранилась религиозная литература. Охваченный страшной, неуправляемой яростью — священник не подчинился ему! — Ваал рвал книги в клочья, и обрывки медленно опускались на пол к его ногам.

Отец Робсон хотел закричать, но неведомая сила, удерживавшая его, сдавила ему горло, и оттуда вырвался лишь едва слышный хрип. Перед глазами у него все плыло, а голова, казалось, разбухла от прихлынувшей крови, стала безобразно несоразмерной, точно у ярмарочного урода, и грозила вот-вот лопнуть.

Но ребенок остановился. Он стоял посреди учиненного им погрома и усмехался отцу Робсону так свирепо, что кровь стыла в жилах.

Потом он медленно, грациозно поднял руку. В ней была зажата Библия в белом переплете. На глазах у отца Робсона книга вдруг задымилась; дым заклубился над головой мальчика и поплыл вверх, к лампам на потолке. Ваал разжал руку, и Библия рассыпалась по полу стопками перепутанных страниц. Ваал объявил:

— Наш разговор окончен.

Резко повернулся и вышел.

Когда ребенок ушел, гнетущая сила освободила отца Робсона из своего плена. Он ощупал шею, уверенный, что за горло его держала чья-то рука, но зная, что синяков не найдет. Он подождал, пока затихнет внезапно пробравшая его дрожь, потом осторожно порылся среди усеявших пол страниц и переплетов. Сильно пахло горелой бумагой, и он искал источник этого запаха.

Он нашел Библию в белом переплете, которую Ваал держал в высоко поднятой руке. На обложке и корешке виднелась бурая подпалина, след, при виде которого у священника мгновенно перехватило дыхание, словно пол вдруг ушел у него из-под ног.

След руки.

8

Отец Робсон, сунув руки в карманы, шел по территории приюта. Заходящее солнце отбрасывало на землю под деревьями пятнистые тени. Покончив с теми немногими бумагами, на которых ему с трудом удалось сосредоточиться, отец Робсон разложил их по папкам в своем кабинете и вышел подышать бодрящим осенним воздухом; холодный канадский ветер принес горьковатый аромат листьев, которые жгли на задних двориках Олбани. Библию он надежно запер в сейф.

Он шел, глядя себе под ноги. В вышине, в пылающих кронах деревьев, вдруг пронесся ветер и осыпал его дождем листьев. Листья цеплялись за пальто и, кружась, медленно падали на землю.

За годы, проведенные в приюте, за все то время, что отец Робсон изучал особенности детской психики, он ни разу не сталкивался ни с чем подобным. Сила ненависти мальчика, выбранное им имя, невероятные, сверхъестественные эрудиция и ум, отпечаток ладони, выжженный на Библии, — возможно, думал священник, это лежит за пределами человеческого опыта. Несколько лет назад ему попался такой же маленький ненавистник, дитя улиц, рано научившееся бороться за выживание. Он ненавидел все и вся, и отец Робсон понимал почему; в случае Джеффри Харпера Рейнса, или Ваала, простого объяснения не было. Возможно, этими приступами ярости, желанием нападать заявляла о себе мания преследования — но след руки, выжженный на обложке?.. Нет, этому не было объяснения.

Он никому не рассказал о случившемся. Наконец успокоившись, он собрал в разгромленной библиотеке все уцелевшие книги и расставил их по местам. О тех, которые требовали замены, он решил поговорить с библиотекарем позже. Зажав Библию под мышкой, отец Робсон вернулся к себе в кабинет, закурил и сидел, глядя на отпечаток ладони, пока глаза ему не застлал дым.

Сейчас, шагая по территории приюта, он решил, что пока не может рассказать все это отцу Данну. Нужно осторожно понаблюдать за ребенком, негласно обследовать его; потом, когда исследование будет завершено, может быть, появится какое-нибудь объяснение. Но до тех пор покоя ему не будет.

Когда отец Робсон пересекал асфальтированную автостоянку, направляясь к административному корпусу, из тени дерева протянулась бледная рука и поймала его за рукав.

Он резко обернулся и оказался лицом к лицу с женщиной в черном. Одна из приютских сестер. Он узнал ее.

— Сестра Розамунда!

— Извините. Вас что-то тревожит? Я видела, как вы шли...

— Нет, нет. — Отец Робсон не поднимал головы. Они шли под деревьями, двое в развевающихся черных одеяниях. — Вам не холодно? Что-то ветрено сегодня.

Сестра Розамунда промолчала. Впереди высилась темная громада приюта; огни в окнах придавали ей сходство с огромным черным бульдогом, который, насупившись, следил за ними, напружинив перед прыжком мощные задние лапы.

— Я слышала сегодня ваш разговор с Джеффри Рейнсом в библиотеке, — чуть погодя сказала она. — Я не хотела подслушивать, но так вышло...

Отец Робсон кивнул. Сестра Розамунда покосилась на него и заметила глубокие складки, избороздившие его лицо, паутинку морщин вокруг настороженных глаз. Он сказал:

— Не знаю, как с ним быть. Здесь, в приюте, больше сотни детей, и с каждым я могу найти общий язык. С каждым. А с этим — нет. Мне даже кажется, что он не хочет, чтобы ему помогли.

— Я думаю, хочет. В глубине души.

Отец Робсон хмыкнул.

— Ну разве что. Вы проработали у нас два месяца. Не разочаровались?

— Ничуть.

— Вас привлекает работа с сиротами?

Она улыбнулась: профессиональное любопытство психолога работало сверхурочно. Он улыбнулся в ответ, однако его глаза внимательно следили за ней.

— Они привлекают меня своей беспомощностью, — созналась она. — Им нужно плечо, на которое можно было бы опереться, и мне нравится его подставлять. Мне невыносима мысль о том, что когда-нибудь их выпихнут в большой мир, а им некуда будет пойти.

— И все же многие из них предпочли бы улицу нашим стенам, — заметил отец Робсон.

— Потому что они по старой памяти боятся нас. Очень сложно разрушить их представление о нас как о строгих, одетых в черные рясы наставниках, которые бьют детей линейкой по рукам.

Отец Робсон кивнул, заинтригованный столь страстной критикой былого приютского воспитания.

— Согласен. Вы сегодня слышали Рейнса. Как по-вашему, не помогла бы здесь пресловутая линейка?

— Нет.

— А что же?

— Уважение и понимание. У него человеческая сердцевина, но, чтобы добраться до нее, нужно очень постараться.

Да, подумал отец Робсон, пробиваться, как долбят киркой камень.

— Мне кажется, он вам интересен. Да?

— Да, — сразу ответила она. — Сама не знаю чем. — Она взглянула на отца Робсона. — Он очень выделяется.

— Да?

— Все остальные дети пассивны, они попросту плывут по течению; это видно по их глазам. А в его глазах — мне так кажется — читается какая-то цель, что-то такое, что он хочет скрыть от нас. Если спросить любого другого воспитанника, кем бы он хотел стать, то получишь один из стандартных ответов: пожарным, частным сыщиком, летчиком и так далее. Но Джеффри всегда отмалчивается. Он почему-то не хочет посвящать нас в свои планы.

Отец Робсон согласно кивнул.

— Хорошее наблюдение. Очень хорошее.

Они приблизились к широкому крыльцу приюта. Отец Робсон остановился, и сестра Розамунда взглянула на него.

— Вы хотели бы мне помочь? — спросил он. — Джеффри теперь ни за что не пойдет на контакт со мной. Он захлопнул передо мной дверь. Мне нужен кто-нибудь, кто сможет поговорить с ним и выяснить, что его беспокоит. Я был бы вам очень признателен, если бы вы время от времени, насколько позволит ваше расписание, приглядывали за ним.

— Его что-то мучит, — сказала сестра Розамунда. — Он пугает меня.

— Мне кажется, он всех пугает.

— По-вашему, он... психически неуравновешен?

— Трудно сказать. Мне необходимо как можно больше узнать о нем, и тут вы могли бы оказать мне огромную услугу.

— Почему вы думаете, что мне повезет больше, чем вам?

— Но ведь он пришел с вами в библиотеку? Поверьте, будь на вашем месте сестра Мириам, она в лучшем случае могла бы рассчитывать на грубость или камень. Только не на послушание.

Ветер ворошил палую листву у них под ногами, сухие листья потрескивали, точно бенгальские огни.

— Хорошо, — сказала сестра Розамунда. Свет из окон заливал ее лицо. — Я попробую как-нибудь расположить его к себе.

— Отлично, — отозвался отец Робсон. — Буду очень благодарен. Доброй ночи.

Он улыбнулся ей и отправился обратно, в свой кабинет, жалея, что не может рассказать ей больше, и проклиная себя за то, что втравил ее в эту историю. Он вдруг обернулся и сказал:

— Будьте осторожны, не давайте ему... укусить, — и исчез в сгущающихся сумерках.

Сестра Розамунда смотрела ему вслед, пока его фигура не растаяла в темноте. На земле перед ней лежал желтоватый прямоугольник света, падавшего из окна четвертого, «спального», этажа. Новый порыв ветра зашелестел вокруг опавшей листвой, и сестра Розамунда, внезапно очнувшись от своей задумчивости, всмотрелась в освещенный квадрат. Ей показалось, будто кто-то метнулся от окна, в светлом прямоугольнике у нее под ногами мелькнула тень. Она отошла от крыльца и посмотрела на освещенное окно; ветер яростно трепал подол ее платья. Занавески были раздвинуты, но в окне никого не было. Сестре Розамунде вдруг стало очень холодно. Она вздрогнула и стала подниматься на крыльцо.

Сестра Розамунда чуть не застукала его, когда он следил за ней из окна. Он видел, как они — сестра Розамунда и отец Робсон — подошли к крыльцу и остановились на шевелящемся под ветром ковре осенней листвы. Речь шла о нем. Отцу Робсону не давало покоя то, что он, Ваал, сделал с книгой; тупица, подумал мальчик, мнящий себя умником. Не лучше была

и сестра Розамунда; она воображала себя ангелом-хранителем, ангелом милосердия, а была обыкновенной шлюхой, рядящейся праведницей.

Он стоял между рядами железных кроватей, по которым в беспорядке были разбросаны одежда, игрушки, комиксы, и смотрел в темноту, опустившуюся на землю, как топор палача.

Позади раздался визгливый голос одной из сестер:

— Джеффри! Ты что же не идешь ужинать?

Он не шелохнулся. Через мгновение он услышал, как монахиня, тяжело ступая, прошла по коридору и стала спускаться по лестнице. Потом наступила тишина, лишь ветер шумел за окном да снизу, из столовой, долетали приглушенные голоса детей.

С другого конца комнаты послышалось:

— Ваал...

Голос был детский. Ваал медленно обернулся и увидел, что это Питер Френсис, хрупкий бледный мальчуган. Он сильно хромал — в раннем детстве с ним приключилось какое-то несчастье. Сейчас мальчик, жалобно глядя на Ваала круглыми от страха глазами, пробирался к нему между кроватями. Питер сказал:

— Ты сегодня не разговариваешь со мной, Ваал. Я что-нибудь сделал не так?

Ваал ничего не ответил.

— Я сделал что-то не так, да? Что?

Ваал негромко велел:

— Иди сюда.

Питер приблизился. В его глазах, словно мелкая рыбешка в темной воде, метался страх.

Ваал сказал:

— Ты чуть не проговорился, правда?

— Нет! Клянусь, что нет! Тебе наврали! Я ничего не сказал, честное слово!

— Тот, от кого я узнал об этом, никогда не лжет. Он никогда не обманывает меня. Ты чуть не проговорился сестре Мириам, ведь так?

Питер увидел, как меняются глаза Ваала: из непроницаемо черных, страшных, они превратились в серые и вдруг запылали, как красные угли, опаляя кожу, но леденя кровь. Мальчик задрожал и, охваченный слепой паникой, огляделся, ища помощи, не сразу сообразив, что все — и дети, и сестры — сейчас внизу, в столовой, и не могут помочь. Глаза Ваала стали густо-алыми, как кровь, потом огненно-белыми, словно расплавленная сталь.

Питер попытался оправдаться:

— Клянусь, она заставила меня! Она хотела все про тебя узнать, все-все! Хотела все выспросить, сказала, на меня можно положиться!

Глаза Ваала жгли, они источали силу, и язык Питера вдруг разбух, сделался толстым, как лягушка в стоячем пруду; он заполнил собой весь рот, и мальчику удалось только что-то невнятно пролепетать. В отчаянии он попытался крикнуть, позвать сестер, любого, кто услышит, — но слова застряли у него в горле.

Ваал сказал:

— Знаешь, Питер, а я читал твое личное дело. Да-да, читал. Их хранят в темной пещере под приютом, но однажды я проник туда и прочел их все. Знаешь, почему ты хромой, Питер?

— Нет... — прохрипел Питер. — Пожалуйста... — Он упал на колени и обхватил ноги Ваала, но тот быстро шагнул назад, и Питер ткнулся лицом в пол и тоненько заскулил, ожидая свиста плети.

— Тебе этого так и не объяснили, да? — прошептал Ваал. — Тогда вспомни, Питер... вспомни... вспомни.

— Нет... не надо...

— Надо. Вспомни. Ведь тебя вообще не хотели, верно, Питер? И твой отец — твой пьяный старик — поднял тебя... припоминаешь?

— Нет... — Питер зажал уши и припик к полу. Перед его глазами возник злобно ухмыляющийся человек с налитыми кровью глазами. Человек этот подхватил его и, отчаянно, зло выругавшись, швырнул в однообразно белое пространство, которое можно было бы принять за снежный покров, если бы не тре-

щины. А потом падение, вниз, вниз, обжигающая, нестерпимая боль в бедре и красное пятно на белизне.

— Нет! — выкрикнул он, вновь чувствуя, как сломанные кости безжалостно рвут младенческую плоть, и зарыдал, не поднимаясь с пола, плотно зажимая уши, но зная, что одним этим боль не унять. — Этого... этого не было... не было, — всхлипывал он несчастным голосом. — Не бы...

Ваал взял мальчика рукой за лицо и так сжал, что оно побелело, а из глаз Питера исчезла всякая надежда.

— Было, — сказал он. — Раз я говорю было, значит, было. Теперь ты мой. В моих руках и твое прошлое, и твое будущее.

Питер сжался в комок и беззвучно плакал.

Красное пламя в глазах Ваала медленно погасло, и в них вновь вернулась кромешная чернота бездонной пропасти. Он разжал пальцы и погладил мальчугана, как гладят собаку, сперва угостив ее хлыстом.

— Питер, можешь забыть обо всех своих бедах. Теперь все хорошо. Здесь им тебя не достать.

Мальчик обхватил ноги Ваала.

— Не достать? Правда? — лепетал он распухшими губами.

— Нет. Призраки ушли. Покуда ты мой, им не добраться до тебя.

— Я твой... твой, твой...

— Питер, — мягко проговорил Ваал, — сестра Мириам ничего не должна знать. Никто не должен, кроме нас. Если они узнают, они постараются убить нас. Понимаешь?

— Да.

— А если сестра Мириам... если кто-нибудь станет расспрашивать обо мне, молчи. Ты должен молчать. Я хочу, чтобы ты держался подальше от сестры Мириам. Вообще не говори с ней, даже если она заговорит с тобой. Она злая, Питер. Она может вернуть призраков.

Мальчуган у его ног напрягся.

— Нет!

— Не бойся, — успокоил Ваал. — Все в порядке. Вставай.

Питер поднялся. Ноги его дрожали, на подбородке повисла готовая капнуть слезинка. Он вдруг вскинул голову и по-

смотрел куда-то за плечо Ваала. Сам Ваал точно окаменел. Позади них кто-то стоял; кто-то уже несколько минут наблюдал за ними.

Ваал обернулся и встретился взглядом с сестрой Розамундой. Она стояла в дверях, безвольно опустив руки, на лице застыло вопросительное выражение. Он был слишком занят Питером, чтобы заметить ее раньше.

— Джеффри, — сказала она, — ты не пришел ужинать, и я поднялась узнать, не случилось ли чего. — Ее голос едва заметно дрожал, а в глазах просвечивала неуверенность.

— Питер... споткнулся и ушибся, — ответил Ваал. Он поднес руку к подбородку мальчика, поймал в ладонь упавшую слезинку и предъявил ее, круглую, блестящую, сестре Розамунде. — Он плакал. Видите?

— Да, — ответила она. — Вижу. Питер, с тобой все в порядке? Тебе больно?

— Все нормально, — ответил Питер, вытирая лицо рукавом. — Я обо что-то споткнулся.

Она подошла ближе, под круглые плафоны, чтобы получше разглядеть мальчиков.

— Питер, ты этак останешься без ужина. Ступай вниз, поешь.

— Да, мэм, — послушно отозвался он и, в последний раз оглянувшись на Ваала, прошел мимо сестры Розамунды. Они услышали, как он спускается по лестнице.

— Я тоже опаздываю на ужин, — заметил Ваал. — Пойду-ка я.

— Нет, — поспешно возразила она.

Он взглянул ей в лицо и прищурился:

— А разве вы не за этим пришли? Вы же пришли позвать меня на ужин?

— Да, я пришла сюда именно за этим. Но я видела вас с Питером и знаю, что он не падал.

— А я говорю, он упал.

— Я стояла здесь и все видела, Джеффри.

— Тогда, возможно, — прошептал Ваал так тихо, что ей пришлось напрячь слух, — вы плохо видите.

Сестра Розамунда вдруг поняла, что ее дыхание участилось. Внезапно ей показалось, что в комнате холодно, хотя окно было закрыто. Ах да, окно. То самое, которое она видела снизу. Она протерла заслезившиеся глаза; щипало так, словно она промыла их рассолом.

— Глаза...

— Похоже, у вас что-то с глазами, сестра, — заметил Ваал. — Но, конечно, ваш разлюбезный Иисус убережет свою служанку от слепоты?

Боль усиливалась. Сестра Розамунда охнула и прижала ладони к глазам, а когда отняла руки, то увидела все как в тумане, смутно, расплывчато, словно окружающее отражалось в кривых зеркалах. На месте головы мальчика ярко светился белый шар, похожий на плафоны, висящие под потолком. Сестра заморгала, и с ресниц закапала влага. Что-то попало мне в глаза, подумала она. Наверное, пыль. Я промою их водой, и все придет в норму. Но эта боль...

— У меня что-то с глазами, — снова сказала она и смутилась: ее голос, отразившийся от стен, дрожал.

Она вытянула руки, чтобы ощупью пробраться между кроватями к двери. Однако Ваал вдруг крепко взял ее за запястье. Он не собирался отпускать ее.

Сестра Розамунда разглядела сквозь мутные слезы, что мальчик шагнул вперед. Он легонько провел пальцами по ее векам, и сестра ощутила странный жар, который, проникая под череп, собирался где-то в области затылка.

— Не нужно бояться, — сказал мальчик. — Пока не нужно.

Сестра Розамунда моргнула.

Она стояла на углу улицы. Нет, это была автобусная остановка. Город вокруг нее был пропитан синевой ранних сумерек. Грязный снег, собранный в сугробы вдоль тротуаров и в переулках, искрился, отражая бесчисленные огни, кричащий неон, мигающий ослепительно белый свет фонарей. Вместо черного монашеского платья на сестре Розамунде было длинное темное пальто и темные перчатки. Что у нее под пальто, она тоже знала: темно-синее платье с полосатым поясом. Его подарок ко дню рождения.

Рядом, дыша на озябшие руки, стоял Кристофер. Его глаза, обычно такие беспечные и веселые, были холодны, как пронизывающий февральский ветер, который налетал из глубины улицы. Кристофер сказал:

— Другого времени сказать мне об этом ты не нашла. Господи, как же все это не вовремя!

— Прости, Крис, — сказала она и тут же мысленно отругала себя: слишком уж часто она просила прощения. Она устала объяснять свое решение. Последние несколько дней были заполнены бесконечными слезливыми междугородными разговорами — звонили родители из Хартфорда. И вот теперь этот человек, с которым у нее тянулся бесконечный роман, причем периоды влюбленности чередовались с периодами охлаждения, снова допытывался причин.

— Я надеялась, ты поймешь, — сказала она. — Я действительно думала, что ты меня поймешь.

— Это потому, что ты чувствуешь себя никчемной, да? Да? Неужели рядом со мной ты чувствуешь себя ни на что не способной, никому не нужной? Дело в этом?

— Нет, — ответила она и мысленно поморщилась. Да, и поэтому тоже. Ее влекло к нему главным образом физически. Душу же, осознала Розамунда со временем, эта любовь не затрагивала. Что называется, ни уму ни сердцу. — Приняв обет, я получу возможность заниматься тем, к чему чувствую призвание. Мы с тобой уже обсуждали это, Крис. Ты же знаешь.

— Да, обсуждали. Обсуждали. Но теперь ты действительно связалась с ними и собираешься осуществить свои планы. Черт возьми, да это все равно что сунуть голову в петлю!

— В петлю? Я думаю иначе. Для меня это новая перспектива.

Кристофер покачал головой и пнул слежавшийся снег.

— Ну да, конечно. Перспектива. Послушай, ты что, хочешь состариться в женском монастыре? Хочешь от всего отказаться? Отказаться от... нас?

Розамунда обернулась и взглянула ему в лицо. Боже, подумала она, да он это вполне серьезно!

— Я решила, — твердо ответила она, — что право распоряжаться моей жизнью принадлежит мне и только мне.

— Право загубить ее, — уточнил Кристофер.

— Я приму обет, поскольку верю, что тогда смогу хоть что-нибудь хоть для кого-нибудь сделать. Я думала достаточно долго. Это правильный выбор.

Кристофер стоял и смотрел на нее так, словно ждал, что она вдруг засмеется и подтолкнет его локтем в бок, давая понять, что все это розыгрыш. Он пробормотал:

— Не понимаю. От чего ты бежишь?

Она посмотрела в конец улицы. Ее автобус, разбрызгивая колесами грязь, уже повернул за угол и должен был вот-вот подойти.

— Я ни от чего не бегу, Крис. Я стремлюсь хоть к чему-то прийти.

— Не понимаю, — вновь повторил он, потирая шею. — Впервые вижу человека, которому захотелось уйти в монастырь.

Автобус сбавил ход, подъезжая к остановке. Захрустел под колесами наст. Деньги на билет Розамунда приготовила давно и крепко сжимала их в кулаке. Кристофер стоял понурясь. Со стороны казалось, что он сосредоточенно наблюдает за тем, как слякоть затейливыми ручейками исчезает в решетке слива. Мелочь в руке у Розамунды звякнула.

Кристофер вдруг поднял голову.

— Я женюсь на тебе. Ты этого хочешь? Нет, серьезно. Я не шучу. Я женюсь на тебе.

Автобус затормозил у остановки. Двери с шипением открылись, водитель выжидательно поглядел на Розамунду.

Она поднялась в автобус.

— Я женюсь на тебе, — повторил Кристофер. — Я позвоню тебе сегодня вечером, Рози. Ладно? Покумекаем вместе. Договорились?

Она бросила мелочь в кассу. Монетки загремели, как канонада, словно где-то за тридевять земель рвались снаряды. Двери за ней закрылись, обрубив фразу Кристофера на середине так бесповоротно, словно отсекли ему голову. Она села. Автобус тронулся, отъехал от кромки тротуара, Розамунда огляну-

лась и сквозь белое облако автобусного выхлопа увидела Кристофера.

Мальчик убрал руки с ее глаз. Нет, не мальчик. Кристофер. Она увидела его, озаренного резким белым светом ламп в круглых плафонах. Кристофер улыбался, глядел светло, спокойно. Он пришел к ней! Он наконец нашел ее!

Ваал опустил руку. Туман перед глазами сестры Розамунды медленно рассеялся, и тогда она узнала черные прищуренные глаза. Она дышала хрипло и тяжело и вся заледенела, словно только что вошла с мороза.

Ваал сказал:

— Вам следовало выйти за него. Вы разбили ему сердце, сестра. Он был бы вам хорошим мужем.

Нет, нет, мысленно крикнула она. Ничего этого нет!

— Он не понимал, что мне было нужно, — пробормотала она. — Ему только так казалось.

— Досадно, — отозвался Ваал. — Он ведь так вас любил. А теперь уже поздно.

— Что? — переспросила она, и в висках у нее застучало. — Что?

— А вы не знали? Потому он и не искал вас. Потому и не звонил вашим родителям. Он мертв, сестра. Погиб в автомобильной катастрофе...

Она зажала рот рукой и сдавленно охнула.

— ...и его так страшно изуродовало, что вы бы его не узнали. Его вынимали из машины... по кусочкам.

— Лжешь! — закричала она. — Лжешь!

— Тогда почему же, — спросил Ваал, — вы мне верите?

— Родители позвонили бы мне! Ты лжешь! — Прижимая руку ко рту (она знала, что губы у нее сейчас мертвенно-белые, как ломкие иссохшие кости), сестра Розамунда попятилась от него в коридор. Ваал усмехнулся, и его усмешка превратилась в широкую улыбку... улыбку Кристофера. Кристофер протянул к ней руки и заговорил тихим, далеким голосом: «Рози? Я здесь. Я знаю, как я нужен тебе сейчас. И ты мне нужна, дорогая. Я все время засыпаю за рулем...»

С пронзительным криком, от которого у нее запершило в горле, сестра Розамунда метнулась из спальни в коридор. Сбегая в развевающемся платье по лестнице, она вдруг заметила внизу других сестер. Они шептались, бросая на нее удивленные взгляды.

Она остановилась, чтобы успокоиться, и тотчас ухватилась за перила, чтобы не упасть: ее вдруг затошнило. «Я схожу с ума? — подумала она. — Я схожу с ума?» Она так крепко сжимала перила, что на руках проступили вены и стало видно, как кровь бежит по ним к ее бешено бьющемуся сердцу.

9

Следующие несколько недель сестра Розамунда избегала мальчика, не в силах быть рядом с ним: в памяти сразу всплывало улыбающееся лицо Кристофера, венчающее тело ребенка.

Иногда, даже во время уроков истории или в часовне, ее вдруг охватывала неудержимая дрожь. Однажды это случилось во время ужина: она уронила поднос, тарелки разбились, и осколки разлетелись по полу. Все чаще и чаще она ловила на себе осторожные, любопытные взгляды коллег.

Она позвонила родителям, чтобы хоть что-нибудь узнать о Кристофере, однако те уже несколько лет ничего о нем не слышали. Оставался единственный человек, с которым можно было связаться, — брат Кристофера в Детройте. Но, набирая номер детройтской справочной службы, сестра Розамунда вдруг бросила трубку. Она не была уверена, хочет ли узнать о судьбе Кристофера; возможно, правда доконала бы ее. Она хотела и боялась узнать и по ночам ворочалась в постели, простыня и одеяло становились влажными от пота.

Возможно, я все-таки ошиблась, без конца повторяла она себе в ночной тиши. Да, она отвернулась от Кристофера, когда он нуждался в ней. Теперь давняя ошибка связала ее по рукам и ногам. Кристофер был прав: она тогда бежала и, что самое скверное, с самого начала знала об этом. Она хотела укрыться

от суровой реальности, спрятаться где-нибудь, где угодно, и до последнего вздоха цепляться за свое убежище.

Теперь она стала понимать, как ей не хватает интимной стороны любви. Она тосковала по сильным и нежным рукам, ласкавшим ее на смятой широкой постели в его квартире; ей хотелось вновь очутиться в его объятиях, чтобы он, зарывшись лицом в ее волосы, нашептывал ей, как прекрасно ее тело. Она тосковала по физической близости почти так же сильно, как по самому Кристоферу. До чего несправедливо, думала она, отказывать себе в том, что так необходимо! Теперь она чувствовала себя чужой и одинокой среди строгих черных одеяний, в атмосфере благочестия. Неожиданно она оказалась окружена уродами, которые так же отрекались от себя, отказывали себе во всем. Посмей сестра Розамунда признаться, какие мысли ее одолевают, ей ответили бы суровой отповедью и, вероятно, отослали бы к отцу Робсону.

Я еще молода, твердила она по ночам. Здесь я состарюсь до срока и до конца жизни буду носить черную сутану и прятать от всех свои чувства. О Боже, Боже, это несправедливо.

Каждый новый ускользающий день напоминал ей об ушедшем безвозвратно; она пыталась забыться, с головой погружаясь в работу и коротая свободное время в одиночестве, за книгами, но не могла подавить растущие сомнения и чувство неуверенности. Каждое утро она готовилась увидеть в зеркале паутину крохотных морщинок под глазами, обнаружить сходство с пожилыми сестрами, для которых не существовало жизни вне стен приюта. Вскоре сестра Розамунда стала есть у себя в комнате и отказываться от участия в маленьких развлечениях — празднованиях дней рождения, коллективных просмотрах фильмов. И наконец усомнилась в справедливости Высшего Судии, которому понадобилось запереть ее здесь, как красивое холеное животное в клетке, сгноить в этих унылых стенах.

Однажды утром, после урока истории, когда отпущенные ею ученики вереницей потянулись на следующий урок, в класс вошел отец Робсон и плотно притворил за собой дверь.

Сестра Розамунда сидела за учительским столом и смотрела, как он идет к ней. Итак, подумала она, все-таки... Отец Роб-

сон улыбнулся, и она принялась сосредоточенно раскладывать на столе листки с контрольными работами.

— Доброе утро, сестра Розамунда. Вы заняты?

— Сегодня мы писали контрольную.

— Да, я вижу. — Он огляделся и посмотрел на стенд, где висели детские рисунки: выставка, посвященная Томасу Джефферсону. На одном из портретов волосы у этого уважаемого государственного мужа были зеленые, а зубы черные. На доске отец Робсон увидел написанные рукой сестры Розамунды вопросы к теме «Американская конституция». Неровный почерк, налезающие друг на друга буквы, строки, взбирающиеся от середины доски к верхнему ее краю, говорили о стрессе. Он мысленно отметил это обстоятельство.

— А знаете, я в свое время очень интересовался историей. Создавал в начальных классах всевозможные исторические кружки, даже удостоился нескольких наград педагогического совета. Мне всегда была интересна история древнего мира — зарождение цивилизаций и тому подобное. Захватывающий предмет.

— Боюсь, дети к нему еще не совсем готовы.

— Что ж, — согласился он, — может быть.

— Я очень занята, — напомнила сестра Розамунда. — Через несколько минут у меня урок.

Отец Робсон кивнул.

— Могу я поговорить с вами? Всего минуту.

Она не ответила.

Он стоял перед ней, пока она не подняла глаза. Поймав ее взгляд, он сказал:

— Сестра Розамунда, вас что-то беспокоит?

— С чего вы взяли?

— Я не утверждаю, что вас что-то беспокоит, — мягко заметил он. — Я только спросил. Некрасиво отвечать вопросом на вопрос.

— На свете много некрасивого, — проговорила она и сразу опустила глаза.

Отец Робсон уловил сарказм в ее голосе и понял, что беспокойство сестер относительно ее поведения в последние недели небеспочвенно.

— Нет, — возразил он. — Я так не думаю. Вы не хотели бы об этом поговорить?

— Вы путаете меня с детьми. Вас кто-то просил поговорить со мной? Отец Дани?

— Нет. Я заметил резкую и внезапную перемену в вашем поведении. Все заметили, даже дети. И мне захотелось узнать, не могу ли я чем-нибудь помочь.

— Нет, — решительно отрезала она. — Не можете.

— Что ж, ладно, — сказал он. — Простите, что побеспокоил. Еще один вопрос, и я уйду. Вы помните наш разговор о Джеффри Рейнсе?

Она оторвала взгляд от бумаг, и отец Робсон заметил, что ее лицо на несколько секунд побелело. Это встревожило его.

— Прошу прощения, — сказала сестра Розамунда после минутной паузы. — Я совсем забыла, что вы просили меня присмотреть за ним.

— Нет, нет, ничего страшного. Я понимаю. У вас и без того довольно работы. К тому же взять на себя ответственность за этого ребенка следовало бы мне.

Она открыла ящик стола и принялась убирать туда листки.

Ну-ка копни здесь поглубже, сказал себе отец Робсон. Тут что-то очень неладно.

— Ваше отношение к мальчику изменилось? Вы по-прежнему полагаете, что контакт с ним возможен?

Она закрыла ящик стола.

— Он... очень трудный ребенок.

Отец Робсон хмыкнул, соглашаясь. На лице сестры Розамунды так отчетливо проступило напряжение, словно по ее чертам прошелся резец скульптора; пальцы ее постоянно то сжимались, то разжимались. Он заметил в ней странное сходство с ребенком, о котором шла речь — отстраненность, отчуждение, язвительную холодность, — и вдруг испугался.

— Этот ребенок как-то связан с вашей проблемой, сестра? — спросил он и тотчас пожалел о грубоватой прямолинейности вопроса.

В глазах сестры Розамунды блеснул огонек, но она быстро справилась с собой, и отец Робсон почувствовал, как утихают

ее гнев и смятение. Ему показалось, что она не ответит, но сестра Розамунда вдруг сказала:

— Почему вы так думаете?

— Вот, пожалуйста, — он попытался изобразить улыбку, — вы вновь отвечаете вопросом на вопрос. Я попросил вас поговорить с ним, и почти сразу после этого вас... как подменили. Подавленность, замкнутость, отчужденность... Мне кажется, от мальчика исходит некая тревожная сила. Поэтому...

— Я же вам сказала, — ответила сестра Розамунда, — я еще не говорила с ним. — Она попыталась посмотреть священнику прямо в глаза, однако ее взгляд ушел в сторону.

— Вы уклоняетесь от разговора, сестра, — сказал отец Робсон. — Раз вы не можете выговориться передо мной, поговорите с кем-нибудь еще. Мне больно видеть вас такой грустной и подавленной.

В класс уже заходили дети. Заточив карандаши в точилке, укрепленной на стене, они рассаживались по местам.

— У меня контрольная, — снова напомнила сестра Розамунда.

— Что ж, хорошо, — вздохнул отец Робсон, предпринимая заключительную попытку разглядеть, что скрыто в глубине ее глаз. — Если я вам понадоблюсь, вы знаете, где меня найти. — Он в последний раз улыбнулся и направился к двери.

Но, когда он потянулся к дверной ручке, сестра Розамунда сказала:

— Отец Робсон...

Отчаяние в ее голосе остановило его. В нем было что-то, готовое сломаться, как хрупкий осколок стекла.

Держа руку на ручке двери, он обернулся.

— Как по-вашему, я привлекательная женщина? — спросила сестра Розамунда. Она дрожала; ее нога под столом нервно постукивала по деревянному полу.

Он очень мягко ответил:

— Да, сестра Розамунда. Я считаю вас привлекательной во многих, самых разных, отношениях. Вы очень добрый, чуткий, отзывчивый человек.

Дети притихли и слушали.

— Я имею в виду не это. Я хочу сказать... — Но она вдруг перестала понимать, что же она хочет сказать. Незаконченная фраза умерла на ее дрожащих губах. Сестра Розамунда залилась краской. Дети захихикали.

Отец Робсон спросил:

— Да?

— У нас контрольная, — проговорила она, отводя взгляд. — Прошу прощения, но...

— Ну конечно, — воскликнул он. — Простите, что отнял у вас столько времени.

Сестра Розамунда зашелестела бумагами, и он понял, что больше ничего не услышит.

В коридоре он задумался, не оказалась ли работа с детьми непосильной ответственностью для сестры Розамунды; возможно, сироты угнетающе действовали на ее чувствительную натуру. Впрочем, это могло быть и нечто совершенно иное... Он вспомнил, как посерело ее лицо при упоминании о Джеффри Рейнсе. Что-то произошло — страшное, возможно, непоправимое. Это только кажется, сказал он себе. Только кажется. Он сунул руки в карманы и пошел по тускло освещенному коридору, машинально пересчитывая квадратики линолеума на полу.

Вскоре сестра Розамунда, отгородившаяся невидимой стеной от любопытных взглядов и шепотков окружающих, начала бояться себя. Она плохо спала; ей часто снился Кристофер — облаченный в белые одежды, он стоял среди высоких золотистых барханов в курящейся песком пустыне и протягивал руки навстречу ей, нагой, умирающей от желания. Но, едва их пальцы сплетались, кожа Кристофера приобретала холодный серый оттенок сырого песка, а губы кривились в непристойной гримасе. Он сбрасывал одежды, являя карикатурную, фантасмагорическую наготу, и, швырнув Розамунду на золотистое песчаное ложе, грубо раздвигал ей ноги. И тогда медленно, очень медленно черты его менялись, Кристофер превращался в кого-то

другого, в кого-то бледного, с горящими черными глазами, подобными глубоким колодцам, где на дне развели огонь. Она узнавала мальчишку и просыпалась, затрудненно дыша: он был такой тяжелый, когда лежал на ней, щекоча слюнявым языком ее набухшие соски.

Многоцветье осени сменилось унылым однообразием зимы. Деревья с отчаянной, безнадежной решимостью сбросили последние листья и стыли в своей хрупкой наготе под хмурым низким небом. Трава побурела, стала жесткой и ломкой, а сам приют превратился в искрящуюся инеем темную каменную глыбу.

Сестра Розамунда заподозрила, что теряет рассудок. Она делалась все более рассеянной и порой посреди фразы забывала, о чем говорит. Ее сны стали ярче, живее; мальчишка и Кристофер слились в одно. Иногда ей казалось, что лицо Джеффри знакомо ей с незапамятных времен; ей снилось, что она садится в городской автобус, а когда тот отъезжает, оборачивается и видит мальчика, как будто бы машущего ей с края тротуара, — но в этом она не была уверена. Никогда. Она содрогалась, сгорала и знала, что безумна.

Было принято решение перевести сестру Розамунду из приюта. Отец Робсон считал, что ее мрачные настроения, отрешенность и замкнутость сказываются на детях. Ему стало казаться, что дети о чем-то шепчутся у него за спиной, словно за какие-то несколько месяцев они вдруг повзрослели, стали более скрытными. Шумные игры, естественные в их возрасте, полностью прекратились. Теперь дети разговаривали и держались почти как взрослые, зрелые люди, а в их глазах светилась нездоровая сообразительность, по мнению отца Робсона, чудовищно — чудовищно! — недетская.

И отдельно от всех, над всеми, был этот мальчик. Сейчас он в одиночестве гулял на морозном ветру по детской площадке, медленно сжимая и разжимая кулаки. Отец Робсон не видел, чтобы он с кем-нибудь заговаривал, и никто не заговаривал с ним, но священник заметил, как мальчик обегал глазами лица воспитанников. Под его взглядом дети ежились, старались уйти

в сторону — и отец Робсон сам опустил глаза, притворившись, что ничего не видел.

Для всего этого существовало лишь одно определение, и отец Робсон знал его. Власть. Сидя за столом в своем заваленном бумагами кабинете, он, задумчиво покусывая карандаш, листал читаные-перечитаные журналы по психологии. Власть. Власть. Власть. Растущая подобно тени, неосязаемая, неуловимая. Быть может, схожая (тут по спине у него пробежал холодок) с той тенью, которую он заметил в глазах сестры Розамунды.

Власть, сила мальчика росла с каждым днем. Отец Робсон чувствовал, как она поднимается, точно кобра из плетеной корзины, покачиваясь в тусклых, пыльных солнечных лучах. Она неизбежно должна была напасть. Но на кого?.. На что?..

Он отложил журналы и выпрямился, скрестив руки на груди. На него вновь нахлынули парализующее изумление, которое он испытал, когда мальчишка одной фразой отшвырнул его от себя, и холодный ужас, обуявший его при виде следа ладони, выжженного на книжном переплете зловещей, необъяснимой силой. Пожалуй, пора отправить мальчика в Нью-Йорк на обследование к психиатру, имеющему опыт общения с трудными детьми, и получить ответы на свои вопросы. И пожалуй, пора отпереть сейф и сделать обгорелую Библию достоянием гласности. Да. Пора. Давно пора.

Во дворе приюта, особняком от всех, стоял под ударами ледяного ветра Ваал.

Он смотрел, как к нему через площадку идут двое. Один хромал. Они дрожали в своих пальтишках, сутулясь, чтобы уберечь от ветра хоть каплю тепла. Он ждал, не шевелясь.

Погода была отвратительная. Сплошной облачный покров то светлел до грязноватой белизны, то наливался чернотой бездонной пропасти. Ребята подошли к Ваалу. Ветер ерошил им волосы.

Молчание.

Ваал посмотрел им в глаза.

— Сегодня вечером, — сказал он.

10

Сестра Розамунда вся взмокла. Она резко откинула одеяло, хотя в окна комнаты скребся резкий холодный ветер. Только что сестра Розамунда ворочалась и металась в сырой от пота постели: ей снились прекрасные звери, они расхаживали по клетке из угла в угол, но о них забывали, и их плоть превращалась в тлен. О Боже мой, Боже, как я ошиблась, как я ошиблась, где моя вера? Где моя вера?

Твоя вера, послышался чей-то голос, сейчас ищет, как спасти тебя. Твоя вера крепнет, крепнет. Вне этих стен ты будешь сильна и свободна.

Неужели? Возможно ли?

Да. Но не здесь. О заблудшая, о сбившаяся с пути истинного, приди ко мне.

Она зажала уши руками.

Кто-то, теперь совсем близко, продолжал:

Ты пытаешься спрятаться. Твой страх взлелеет новую ошибку. Есть тот, кому ты нужна. Он хочет забрать тебя отсюда. Его зовут...

Кристофер.

Кристофер. Он ждет тебя, но он не может ждать долго. Его срок отмерен, как и твой. А в этой обители тлена, в этих мрачных стенах тебе и вовсе не отпущен срок. Приди ко мне.

Липкие простыни опутали ее, не пускали. Сестра Розамунда рванулась, и треск полотна разбудил ее. Она лежала неподвижно, пока дыхание не выровнялось, не стало размеренным. Кто зовет меня? Кто?

Ответа не было.

Она знала, что голос шел из противоположного крыла здания, где спали дети. Поднявшись с постели (тихо, чтобы не разбудить остальных), она потянулась к выключателю, но одернула себя. Нет, нет, подумала она. Они станут допытываться, в чем дело, помешают мне, скажут, что я сошла с ума, что по ночам надо спать. Сестра Розамунда пошарила в ящике комода свечу и спички и зажгла фитиль. Маленький огонек вытянулся

белым острым язычком. Босиком, в одной серой сорочке, держа перед собой свечу, она двинулась по коридорам к детской спальне, к... Кристоферу. Да, да. К Кристоферу, который пришел, чтобы увести ее отсюда. Свеча трещала, горячий воск капал на руку, но сестра Розамунда не чувствовала боли.

Отец Робсон допечатал последнюю страницу своих заметок и потер глаза. Он потянулся за кофе и, к своему разочарованию, обнаружил, что чашка пуста. Однако он не зря засиделся в своем кабинете допоздна: обобщающая докладная о поведении Джеффри Харпера Рейнса и сестры Розамунды закончена и утром ляжет на стол к отцу Данну. Он заранее знал, как отреагирует отец Данн: что? Вздор! И тогда придется убеждать его, что лучший способ помочь сестре Розамунде — это перевести ее из приюта и что мальчику необходимо тщательное обследование у специалистов. В его пользу будет свидетельствовать обгорелая Библия — поистине с фактами не поспоришь. Даже такой твердолобый упрямец, как Данн, при виде отпечатка руки на Библии поймет: необходима помощь извне. Им придется на несколько недель отправить мальчика в город; обследование займет не один день. Отец Робсон почувствовал облегчение от того, что наконец-то нашел конструктивное решение этой проблемы. В то же время он с неудовольствием сознавал, что не имеет возможности заняться ею так, как хотелось бы. Впрочем, нет, лучше прибегнуть к услугам специалистов и отослать мальчика в город. Тогда, возможно, мрачное уныние, опустившееся на приют с приходом зимы, отчасти рассеется. Да, наконец сказал он себе, выключая свет и запирая двери кабинета, так будет правильно.

Выйдя из кирпичного домика, он пошел на стоянку к своей машине. В лицо дул холодный ветер. Утомительные полчаса езды, и он дома; взявшись сортировать и записывать свои соображения, он потерял счет времени. Отец Робсон вдруг понял, что по-прежнему знает не больше, чем в начале работы, только теперь пугающие вопросы были черным по белому отпечатаны на бумаге. Он пожалел, что не может выпить еще кофе, прежде чем сядет за руль.

На полпути к машине он вдруг остановился.

Что это он сейчас увидел? Там, наверху, за окнами? Четвертый этаж, спальни детей. Темные окна; в этот ранний предутренний час все, разумеется, крепко спят, и все же... все же...

Кто-то прошел мимо окна, мелькнул огонек. Фонарик? Свеча? И сразу — или это разыгралось его воображение, разбуженное пляской теней, которые отбрасывали в лунном свете, качаясь под ветром, голые ветки? — он увидел за темными стеклами стремительное движение множества фигур. На миг отец Робсон замер, но сразу озяб и поплотнее запахнул воротник пальто. Да! Вот оно! За окном плыл огонек свечи!

Он снова пересек стоянку, поднялся на крыльцо приюта, где в щелястых досках свистел ветер, и отпер дверь универсальным ключом.

Первый этаж был погружен в тишину. Когда глаза отца Робсона привыкли к темноте, пустые классы и коридоры вдруг заполнили длинные тени; они внезапно выскакивали у него из-под ног или бесшумно скользили по обоям. Он пошел по лестнице, миновал площадку третьего этажа, где лежал рваный ковер, пропахший нафталином, и поднялся на четвертый этаж. Одной рукой он держался за гладкие деревянные перила и осторожно ступал в темноте, стараясь производить как можно меньше шума. По некой причине, какой — он не хотел признаваться даже себе, отец Робсон не желал объявлять о своем присутствии тому, кто сейчас бродил среди спящих детей.

На четвертом этаже он сразу определил, где прошел неизвестный со свечой; сильный запах воска вел в глубь коридора к закрытым дверям спальни. Отец Робсон двинулся вперед. Один раз он, вздрогнув, остановился — под ногой скрипнула половица, — потом его рука коснулась дверей спальни. Снизу не пробивалось ни лучика света, не слышно было и движения. Он прислушался. Он надеялся столкнуться здесь с сестрой, которая, возможно, поднялась в столь ранний час, чтобы взглянуть на прихворнувшего ребенка, но безжалостный стук сердца и оглушительный шум крови в ушах напомнили отцу Робсону, что он уже знает — дело в другом.

За дверью кто-то — или что-то — ждал его. За дверью был мальчик.

Отцу Робсону показалось, что руке его передалась слабая дрожь, словно кто-то (или их было несколько?) стоял за дверью и слушал, как бьется его сердце, считал удары, хихикая в кулак. Уходи, сказал он себе, уходи. Уйди от этой двери, из этих стен. Поезжай домой, а утром вернись как ни в чем не бывало, словно ты никогда не видел мелькающего в окне белого огонька свечи. Уходи. Уходи, пока не поздно.

Но нет. Нет.

Отец Робсон открыл дверь и переступил порог спальни.

Казалось, там было темнее, чем в коридоре. Напрягая зрение, он с трудом разглядел лабиринт железных кроватей. По полу змеилась тонкая полоска лунного света, разрезанная на трети и четвертушки тенями ветвей. Одна ветка мазнула по стеклу, и по спине у отца Робсона поползли мурашки: звук был такой, словно кто-то царапнул ногтями по классной доске.

И тут он кое-что заметил — заметил слишком поздно; от нахлынувшего страха глаза его невольно округлились, и он попятился к двери. К плотно закрытой двери.

Кровати.

Кровати были пусты.

Отца Робсона схватили за ноги; по его телу холодными муравьями заползали дюжины рук. Он споткнулся, хотел за что-нибудь ухватиться, — но уже падал, падал, падал на пол под тяжестью тех, кто кинулся на него из черноты у дверей. Он увидел блеск зубов, круглые безумные глаза, угрожающе скрюченные пальцы и хотел закричать, но ему заткнули рот кулаком. Его дергали за волосы, пытались выцарапать глаза, не давали подняться с пола. Отец Робсон отчаянно забился, пытаясь вырваться, но те, кого он стряхивал с себя, налетали снова, как разъяренные осы. Избитый, весь в синяках, он затих, понимая, что это еще не конец.

Кто-то рывком повернул его голову направо.

В углу, привалясь к стене, стоял мальчик. Он держал свечу; воск таял и капал на пол, застывая там круглой лужицей. Пламя бесшумно колебалось, отбрасывая красноватые тени на сте-

ну вокруг головы мальчишки. Тень скрывала и его глаза, тусклое сияние свечи заливало лишь плотно сжатые губы. Губы взрослого мужчины, подумал отец Робсон.

Мальчик прошептал:

— Мы дожидались тебя, сучий поп. Теперь можно начинать.

Дети ждали. Блестели в свете свечи глаза. Отец Робсон слышал их хриплое дыхание, затуманившее холодные оконные стекла. Начинать? Начинать? Он понял, что опоздал. Мальчишка подмял их своей властью, заразил безумием, околдовал, и они превратились в бледные тени его черной ярости. Отцу Робсону захотелось закричать, громко позвать на помощь — звать, звать, звать, не стыдясь. Кого угодно. Господа. Но он боялся подать голос; он боялся, что его не услышат, боялся, что поймет, какая ему уготована участь, — и тогда сойдет с ума.

Ваал наблюдал за бледным лицом человека, простертого перед ним на полу. Пламя вдруг вытянулось, как лезвие ножа, и высветило глаза, которые хищно растерзали душу священника и вырвали его сердце.

В глубине комнаты, среди кроватей, что-то пошевелилось. Трое детей кого-то удерживали там, кого-то вырывающегося, мотающего головой, кого-то с огромными блестящими глазами. Женщину. На железной койке была распята растрепанная женщина в ночной сорочке. Отец Робсон стал вырываться, чтобы увидеть ее лицо, но тщетно. Его держали чересчур крепко. Он увидел ее раскинутые руки и ноги, хрупкие, белые. Пальцы беспомощно сжимали металлические прутья изголовья.

Ваал распорядился:

— Ричард, сходи запри дверь из крыла сестер на лестницу. Живо. — Мальчик кивнул и скользнул в темноту. Через несколько минут он вернулся, и Ваал, видя, что приказ выполнен, похвалил: — Молодец, мой славный Ричард.

Взгляд Ваала уперся в отца Робсона, и священник увидел на губах мальчишки слабую улыбку, словно тот уже объявил себя победителем в этой гнусной игре. Ваал сказал:

— Поздно бороться, сучий поп. Что есть, то есть. С каждым днем моя сила росла. Теперь это мои чада. Здесь был мой полигон; последним испытанием стало это... — Он поднял свечу. —

Детская душа проста и невинна. Взрослые... сложнее. Явился мой ангел света. Он принес дары, сучий поп. Дар жизни, дар свободы. Я дарую свободу тем, кто истинно верит в меня. Да! Одним касанием я возношу их на царский престол. Одним касанием уничтожаю. Они в моей власти. И ты тоже.

Лицо отца Робсона исказил страх. На глазах выступили слезы, из носа закапало на пол. Ваал сказал:

— К чему слезы, сучий поп? Ведь тебя ждет вечная награда. Или ты грешил, драл по углам сестер? Божий человек, где твой Бог? Где Он? — Ваал склонился к подставленному ему мертвенно-бледному лицу. — Где Он сейчас, сукин отец? Я скажу тебе. Съежился от страха и не знает, куда деваться. Прячется в темноте, загораживаясь крестом.

Ваал выпрямился.

— А теперь я возлягу с моим ангелом света и познаю его, — насмешливо проговорил он, и дети расступились, давая ему дорогу. Отец Робсон с трудом повернул голову ему вслед.

Ваал — пламя освещало его суровое, решительное лицо — остановился у кровати, на которой лежала женщина, и отдал свечу одному из детей. Отец Робсон увидел, как женщина замерла. Она не шелохнулась, даже когда дети отпустили ее. Ваал неторопливо снял трусы и жадными руками развел в стороны ноги женщины. Он пристроился сверху и вдруг, вмиг обезумев, царапая до крови, разорвал на ней сорочку. Отец Робсон заскрипел зубами и закрыл глаза, чтобы не видеть страшного мгновения, но остались звуки: шлепки, шорохи, стоны женщины, прерывистое дыхание мальчишки. Наконец Ваал выплеснул семя, издавая такие звуки, что отца Робсона чуть не вывернуло. Скрипнули пружины; мальчишка поднялся и натянул трусы. Вдруг отец Робсон в поту и слезах выдрался из державших его рук и рывком поднял голову.

Он услышал потрескивание огня. Мальчишка свечой поджег матрас. Огонь подкрадывался к истерзанному нагому женскому телу. Повалил темный дым. О Боже, подумал священник, мальчишка убьет нас. Он забился, кусая губы, но все было напрасно.

Ваал отступил от кровати. Языки пламени отражались в его красных глазах. Он перешел к другой койке и обеими руками сорвал с нее простыни. Отец Робсон в ужасе следил за ним. Ваал поджег кровать не свечой, как он подумал. Огонь пришел от рук мальчишки, от его тела. Ваал вдруг застыл, и ткань в его пальцах обуглилась. Женщина на полыхающем матрасе не шевелилась; пламя лизнуло изорванную сорочку, побежало по волосам, и отец Робсон отвернулся.

Мальчишка с торжественно простертыми руками, точно дирижируя симфонией огня, шел по спальне, касаясь одеял, подушек, матрасов, отдавая их ненасытному быстрому пламени. Отцу Робсону стало трудно дышать, он услышал, как дети вокруг закашляли, — но никто не пытался потушить пожар. От жара лопнуло стекло, потолок почернел от копоти. Перед лицом отца Робсона кобрами покачивались языки пламени. Ему почудился запах горелого мяса — его мяса.

Он сознавал, что дым из-под двери сочится в коридор. Вскоре жар и запах гари поднимут сестер. Но что-то сдавило ему горло, не давая вздохнуть. Он поверхнулся своими нелепыми надеждами на спасение. Крыло, где спали монахини, было отрезано от коридора. Они не почувствуют запаха дыма, пока огонь не доберется до лестницы.

Над ним на фоне бушующего пламени встал Ваал. Все смотрели на него, их одежда дымилась. Ваал сказал, перекрывая шум: «Разорвите его на куски», — и дети кинулись на отца Робсона, как стая жадных крыс на разбухший труп, прокусывая кровеносные сосуды. Когда все было кончено, они замерли среди алых луж, искательно протягивая руки к Ваалу.

Мальчишка ходил среди них, не замечая страшного жара, и заглядывал каждому в глаза. Иногда он осторожно касался пальцем чьего-нибудь лба, оставляя там маленький ожог — затейливый узор завитков, и нарекал отмеченного:

— Верен.

— Кресиль.

— Астарот.

Они, казалось, не чувствовали боли и радовались его обжигающему прикосновению. Блестели глаза, опускался палец.

— Карро.

— Зоннейльтон.

— Асмодей.

От жара в спальне полопались окна. В комнате билось огромное огненное сердце.

— Оливье.

— Веррье.

— Карниван.

Не отмеченные Ваалом падали перед ним на колени. Он бросил последний взгляд на коленопреклоненную толпу и распахнул дверь; ветер, ворвавшийся через разбитые окна, вынес в коридор дым и искры. Девять избранных вышли следом за Ваалом из горящей спальни, и последний, хромой Зоннейльтон, которого когда-то звали Питером, хладнокровно запер дверь.

Избранные с Ваалом во главе подошли к лестнице. Из другого крыла доносились приглушенные крики о помощи; зазвенело разбитое стекло — кто-то пытался выбраться через окно. Гонимый ветром дым втягивался под запертые двери, чтобы задушить угодивших в ловушку женщин.

Дети спустились с крыльца и двинулись через двор. Там, где начинались деревья, Ваал поднял руку, остановился и повернулся, чтобы увидеть финал устроенной им огненной потехи.

Ревущий ветер швырял искры в небо. Пламя целиком поглотило четвертый этаж; на глазах у детей со страшным треском рухнуло перекрытие пятого этажа, и на месте библиотеки, где были собраны древние тома, заплясали огненные языки. Запылала двускатная крыша, запылала черепица, и на губах Ваала появилась тонкая усмешка. Внутри здания кто-то закричал, протяжно, пронзительно, на миг перекрыв треск пламени. Другой голос воззвал к Господу, и крики прекратились.

Кровля с протяжным скрипом обрушилась. В небо полетели горящие доски. Огонь перекинулся на крышу административного корпуса, и в следующий миг небольшой кирпичный домик запылал.

Ваал повернулся к девяти избранным. Позади него трещало дерево, звенели и лопались стекла, в черном небе клубился

белый дым. Он не повысил голоса, но его услышали и в реве пожара. Ваал сказал:

— Мы теперь мужчины в мире детей. Мы станем учить их, что видеть, что говорить, что думать. Они покорятся, ничего иного им не остается. А мы, если захотим, предадим огню весь мир.

Черные глаза Ваала оглядывали спутников: дымящаяся одежда, алые отпечатки пальца на лбах. Ваал двинулся в глубь темного леса, и новообращенные, не оглядываясь, последовали за ним.

Приют сотрясался на подточенных огнем ногах; его кровь испарилась с дымом, который в бешеной пляске вздымался все выше, как дым языческого жертвенного костра. Здание испустило последний безнадежный стон, содрогнулось и рухнуло. К небу взметнулось пламя. Еще до рассвета оно превратит лес в золу.

Часть вторая

...и кто может сразиться с ним?

Откровение святого
Иоанна Богослова, 13:4.

11

Он проснулся в шесть и сейчас завтракал в уютном уголке своей тихой квартиры, просматривая утренние газеты. Вставало солнце; внизу, на мощеной булыжником улице, лежали косые лиловые тени.

Он больше всего любил именно этот утренний час, когда город еще спал. Вскоре Бостон начнет свое шумное пробуждение, погонит его из дому с набитым бумагами портфелем. А сейчас он прихлебывал из чашки крепкий горячий чай и смотрел, как разгорается новый день, любуясь пушистыми перистыми облаками над городом — какими прекрасными и далекими они казались! В последние несколько лет оказалось, что его стали бесконечно радовать кажущиеся пустяки: терпкий вкус чая, облака на оживающей от их белизны синеве неба, мирная тишина квартиры с книжными полками и гипсовыми Моисеем и Соломоном... в такие минуты он жалел, что не может поделиться всем этим с Кэтрин. Впрочем, он понимал, что смерть не есть завершение. Смерть жены заставила его пересмотреть свою жизнь; теперь он знал, что Кэтрин обрела тот благословенный покой, к которому он наконец научился приобщаться.

Он пробежал глазами первую страницу газеты: отчет о том, что творилось в мире, пока он спал. Заголовки кричали о не-

насытной тяге общества то ли к освобождению, то ли к самоуничтожению. Все утра были одинаковы; чего греха таить, страшное стало общим местом. В одном только Бостоне зарегистрировано больше дюжины убийств. Похищения, поджоги, ограбления, драки захлестывали нацию, как кровь из рваной раны. От взрыва бомбы в Лос-Анджелесе погибли десять и серьезно пострадали втрое больше человек (возможно, он в это самое время ворочался во сне), в Атланте произошло массовое убийство (он как раз поплотнее закутывался в одеяло), в Нью-Йорке гремела перестрелка (покуда его глаза под веками метались в погоне за снами). Верх страницы был отдан самоубийству, нижняя колонка — брошенным детям. Взрыв трамвая в Лондоне, самосожжение монаха на улицах Нью-Дели, угрозы группы пражских террористов медленно, одного за другим, убивать заложников во имя Господа.

Ночью, пока он спал, мир жил и страдал. Корчился, одолеваемый страстями. Открывались старые раны, оживала давнишняя ненависть, и становились слышны только свист пуль и грохот взрывов. Да и те нынче попритихли. Может статься, очень скоро в ночи грянет самый громкий из всех голосов, тот, что потрясет народы и обратит в пыль города. И когда, проснувшись поутру, он взглянет на газетные заголовки, то, возможно, не увидит их, ни единого, только знак вопроса, ибо тогда все слова на свете будут бессильны.

Он допил чай и отодвинул чашку. Боль минувшей ночи утихла. Но боль грядущей ночи уже была нестерпимой. Он знал, что не одинок в своих терзаниях: многие его коллеги по университету испытывали такое же разочарование от того, что их слова не находили отклика.

Много лет назад он возлагал большие надежды на свои труды по философии и теологии, но, хотя в академических кругах его книги имели успех, все они тихо почили на этой крошечной арене. Теперь-то он понимал, что никакой книге не изменить человека, никакой книге не замедлить сверхстремительный темп городской жизни, не исцелить города от лихорадки насилия. Возможно, философы ошибались, и меч сей-

час был гораздо более мощным оружием, чем книга. Начертанные мечом страшные багряные строки вдруг перевесили черные буквы на белых страницах. Скоро, подумал он, размышления выйдут из моды, и люди, как бездушные роботы, схватятся за оружие, чтобы оставить автограф в живой плоти.

Он взглянул на большие напольные часы в коридоре. Сегодня темой его утреннего занятия были Книга Иова и человеческое страдание. Его давно беспокоило то, как быстро бежит время; вот уже шестнадцать лет изо дня в день он вел занятия в университете и всего несколько раз нарушил заведенный порядок, посетив Святую Землю. Он испугался, что навеки обречен либо ездить, либо корпеть над очередной книгой. В конце концов, сказал он себе, мне уже минуло шестьдесят пять (через несколько месяцев ему исполнялось шестьдесят семь), а время уходит. Он боялся маразма, этого бича стариков, страшного призрака со слюнявыми губами и равнодушным, бессмысленным взглядом — боялся отчасти потому, что в последние годы у него на глазах состарились несколько коллег. Именно ему как главе кафедры вменялось в обязанность урезать им учебные часы или возможно тактичнее предлагать заняться независимыми исследованиями. Ему претила роль администратора-палача, но спорить с ученым советом было бесполезно. Он боялся, как бы через несколько лет самому не положить голову на эту академическую плаху.

Привычной дорогой он приехал в университет и с портфелем в руке стал подниматься по широким ступеням Теологического корпуса, мимо потрескавшихся от времени ангелов, готовых взмыть в небо, глядя, как здание оживает в золотистом свете утра. Он пересек вестибюль с мраморным полом и поднялся на лифте к себе на четвертый этаж.

С ним поздоровалась его секретарша. Он был очень ею доволен: она всегда приходила раньше его, чтобы привести в порядок его бумаги и увязать расписание деловых встреч с расписанием занятий. Они обменялись несколькими словами; он спросил о поездке в Канаду, куда она собиралась через пару недель, и ушел за дверь с матовыми стеклами, на которой чер-

ными буквами значилось «Джеймс Н. Вирга» и буковками помельче «профессор теологии, заведующий кафедрой». В уютном кабинете, устланном темно-синим ковром, он уселся за письменный стол и принялся разбирать свои заметки к Книге Иова. В дверь постучали. Секретарь принесла расписание на сегодня.

Профессор пробежал глазами фамилии, чтобы получить представление о том, что его ждет. Встреча за чашкой кофе с преподобным Томасом Гриффитом из Первой бостонской методистской церкви; в одиннадцать заседание финансового совета университета, на котором планировалось составить примерный бюджет на следующий финансовый год; сразу после обеда — специальный семинар с профессорами Лэндоном и О'Дэнисом на тему о Распятии, подготовка к записи на телевидении; ближе к вечеру встреча с Дональдом Нотоном, представителем младшего поколения профессуры и близким личным другом. Вирга поблагодарил секретаршу и попросил оставить вечер пятницы свободным от встреч и приглашений.

Час спустя он уже расхаживал по кафедре у доски, на которой его крупным почерком прослеживалось вероятное происхождение Иова, устанавливающее его тождество с вторым царем Едомским.

Студенты в аудитории-амфитеатре наблюдали за ним, то склоняясь к тетрадям, то вновь поднимая головы, если Вирга подчеркивал свои слова размашистыми жестами.

— Еще на заре своего осмысленного существования, — говорил он, — человек вдруг стал задумываться над тем, почему, собственно, он должен страдать. Почему? — Вирга воздел руки. — Почему я, Господи? Я не сделал ничего дурного! Почему же страдать должен я, а не парень, который живет в пещере на другой стороне расселины?

Послышались приглушенные вежливые смешки.

— Этот вопрос, — продолжал он, — совершенно, казалось бы, логичный, люди задают себе и поныне. Мы не в силах понять такого Бога, который предстает перед нами как добрый Отец и тем не менее не делает ничего — по крайней мере в нашем огра-

ничешном понимании, — чтобы избавить от страданий невинные души. Возьмем Иова, или Иовава. Всю жизнь он придерживался мнения, что он честный, порядочный человек, грешный, как все мы, но не более того. И тем не менее в самом расцвете его поразила проказа, осложненная тем, что сейчас мы называем слоновой болезнью. Его тело страшно распухло, и при каждом движении кожа лопалась, а ткани рвались; его верблюжьи стада угнали халдейские воры; семь тысяч его овец истребила буря; десять его детей убил ураган. И все же Иов, зная себя, заявляет, что невиновен. Он говорит: «Доколе не умру, не уступлю непорочности моей!» Поразительна глубина его веры: даже испытание не отвратило Иова от Господа.

Книга Иова, — продолжал он, — это прежде всего философское размышление о неисповедимых путях Господа. Здесь же исследуются отношения между Господом и Сатаной; Господь наблюдает за тем, как Сатана испытывает силу веры Иова. В таком случае возникает вопрос: не является ли человеческое страдание плодом вечного противоборства Бога и Дьявола? Быть может, мы лишь пешки в потрясающей воображение игре, и плоть дана нам исключительно для истязания?

Студенты на секунду оторвались от тетрадей и вновь стали записывать.

Вирга вскинул руку:

— Если это действительно так, то весь мир, Вселенная, космос — все это Иов. И мы либо терпим неизбежно приходящее страдание, взывая о помощи, либо, подобно библейскому Иову, утверждаем непорочность. Вот философское ядро книги. Непорочность. Чистота. Мужество. Самопознание.

Он пообедал у себя в кабинете сандвичем с ветчиной и выпил чашку кофе, набрасывая план семинара по Распятию. Вернувшись с последней пары, он уселся за недавно опубликованный труд «Христиане против львов» — пространное исследование на тему раннего христианства в Риме, принадлежавшее перу его друга и коллеги, преподавателя Библейского колледжа. В окно за его плечом светило послеполуденное солнце. Вирга внимательно прочитывал страницу за страницей, браня себя за

то, что стал так небрежен с друзьями: он ничего не слышал о книге, а вот сегодня она объявилась в утренней почте. Он решил завтра же позвонить автору.

В кабинет заглянула его секретарша:

— Доктор Вирга...

— Да?

— Пришел доктор Нотон.

Он оторвался от книги:

— А? Да. Пожалуйста, пригласите его сюда.

Нотону, высокому, худощавому, с пытливыми синими глазами, еще не было сорока, но за три года, проведенных им в университете, его светлые волосы заметно отступили от лба к темени. Человек тихий, Нотон редко бывал на кафедральных обедах и чаепитиях, предпочитая в одиночестве работать у себя в кабинете в конце коридора. Вирге он нравился своим консерватизмом, который делал его спокойным, добросовестным преподавателем. Сейчас Нотон занимался историей мессианских культов; необходимые исследования отнимали огромное количество времени, и в последние несколько недель Вирга редко виделся с ним.

— Привет, Дональд, — проговорил Вирга, жестом приглашая его сесть. — Как дела?

— Прекрасно, сэр, — ответил Нотон, опускаясь на стул возле письменного стола.

Вирга вновь раскурил трубку.

— Я собирался в скором времени пригласить вас с Джудит на обед, но, похоже, в последнее время вы так заняты, что даже жена не может уследить за вашими передвижениями.

Нотон улыбнулся:

— Боюсь, я увяз в работе. Я столько времени провел в библиотеках, что начал казаться себе книжным червем.

— Мне знакомо это чувство. — Вирга взглянул через стол Нотону в глаза. — Но я знаю, что игра стоит свеч. Когда я смогу увидеть черновой вариант?

— Надеюсь, что скоро. Кроме того, я надеюсь, что, прочитав его, вы не утратите ощущения, что работа теоретически оправданна.

— Как это?

— Видите ли, — сказал Нотон, едва заметно подаваясь вперед, — я собрал обширный материал по поздним культам, с конца восемнадцатого века до наших дней. Почти все эти культы имеют в своей основе поклонение не деяниям очередного мессии, а его личности, способности обращать иноверцев, привлекать их в свою паству; не провидению Божию, а дару подняться над толпой. Поэтому самые поздние культы возникали вокруг чрезвычайно волевых фанатиков, мастерски умеющих внушить свои убеждения другим.

Вирга хмыкнул.

— Значит, вы угодили в этакое змеиное гнездо от религии?

— Именно, что змеиное, — согласился Нотон. — Что бы ни двигало «мессиями», неизменно прослеживаются два общих мотива: деньги и сексуальное господство. В начале девятнадцатого столетия в Великобритании преподобный Генри Принс объявил себя пророком Илией и возглавил религиозное движение, рассматривавшее всех своих последовательниц как огромный гарем. Алистер Кроули выстроил замок на берегу озера Лох-Несс, провозгласил себя Великим Зверем и сделал сотни женщин своими наложницами. Френсис Пенковик, Кришна Вента, основал в долине Сан-Фернандо Мировой источник и погиб впоследствии от рук взбунтовавшегося ученика. Пауль Бауманн, Великий Магистр Метерниты, культа, распространенного главным образом в Швейцарии, ратовал за очищение обращенных женщин посредством полового контакта. Чарльз Мэнсон удерживал в повиновении свою Семью угрозами сексуального насилия и убийства. Невероятно, но этот перечень все пополняется.

От трубки Вирги поднимался голубой дымок. Нотон продолжал:

— Возможно, вам интересно будет узнать, что Кроули однажды посреди званого обеда снял брюки, испражнился и приказал гостям сохранить его экскременты, ибо, по его словам, они имели божественное происхождение.

— Человечеством управляют безумцы, — задумчиво промолвил Вирга. — Что ж, Дональд, такая книга необходима. Бо-

юсь только, люди сами рвутся пойти за теми, кто трубит о своей божественности, но на деле божественны не более чем... дары господина Кроули.

Нотон кивнул. Умные серые глаза Вирги спокойно и зорко глядели на него сквозь тонкую пелену дыма. Молодой человек в который уже раз поразился тому, как мало по Вирге было заметно приближение старости. Глубокие морщины у глаз, венчик седых волос вместо былой шевелюры — но ни в выражении лица, ни в манере держаться не было и намека на непорядки с головой или здоровьем — беду многих ровесников Вирги. Всегда сдержанный, ясно мыслящий... Нотон очень уважал профессора Виргу. Вирга едва заметно улыбнулся и уперся ладонями в крышку стола.

— Вы хотели встретиться со мной по какому-то конкретному поводу? Что-нибудь срочное?

Нотон ответил:

— Да. Наш общий друг, доктор Диган из Центра Святой Католической Церкви, последние несколько недель помогал мне обрабатывать данные.

— Да что вы? Как у него дела?

— Прекрасно; просил вас позвонить. Но я вот о чем: пару дней назад он переслал мне отчет семьи миссионеров из Ирана. У них сложилось впечатление, что кувейтские нефтяные магнаты финансируют нового мессию. Они не смогли разузнать подробности, но доктор Диган утверждает, что в столицу Кувейта хлынули огромные толпы паломников.

— Я ничего об этом не слышал, — сказал Вирга, — но, полагаю, лишь потому, что я практически не отрываюсь от книг.

— Пока что миссионерам кажется, что это нелегальное движение, — продолжал Нотон, — крайне мало или вовсе не афиширующее себя. Они сами узнали о нем только тогда, когда крестьяне из их деревни отправились в Кувейт. Бросили все свое имущество и ушли. Вот так.

— Не мне вам говорить, — заметил Вирга, — что история знает множество подобных случаев. Некая влиятельная фигура получает финансовую поддержку и заражает несчастных не-

вежд своим религиозным пылом. Это не ново. Что же проповедует ваш новоявленный мессия?

— Неизвестно, — ответил Нотон. — Миссионеры не сумели узнать даже того, как его зовут или какой он национальности. Однако очевидно, что в движение каким-то образом вовлечены дети.

— Откуда вы знаете?

— Наши друзья-миссионеры пишут, что в упомянутом районе наблюдается неслыханный наплыв детей из Ирана, Ирака и Саудовской Аравии. Однако они затрудняются объяснить, какое отношение дети имеют к движению. Впрочем, они сами отбывают в Кувейт и в дальнейшем станут давать информацию непосредственно с места событий.

— Что ж, — пожал плечами Вирга, — подобные субъекты и раньше превращали детей в передовой отряд своей паствы, подражая Христу. Здесь как будто бы видна та же схема.

— И тем не менее интригует полное отсутствие гласности. Вспомните, совсем недавно очередной мессия откупил целую страницу «Нью-Йорк таймс» под свою рекламу. А наш господин — если, конечно, это господин, а не дама — предпочитает секретность.

— Да, — согласился Вирга. Он зажег спичку и поднес ее к трубке. — Да, это весьма интересно. Это не вполне укладывается в обычную схему. Как правило, когда «мессия» приобретает определенную власть над массой, по стране внезапно прокатывается волна «духовного возрождения» и имя «пророка» гремит, слетая с губ тех несчастных его последователей, которые слишком поздно обнаруживают, что их надули.

Нотон откашлялся.

— До сих пор я хоронил себя в библиотеках, перерывая чужие труды ради чужих наблюдений касательно мессианских культов. До сих пор я мог лишь компилировать сведения, полученные из вторых рук. Сейчас я чувствую, что мне выпала великолепная возможность лично собрать материал на интересующую меня тему. Поэтому я хотел бы просить у вас разрешения отлучиться.

— Ах вот как?

— Да, сэр. Я сам хочу съездить в Кувейт. Мне хотелось бы получить ваше разрешение сейчас, чтобы успеть все уладить до отъезда.

Вирга подался вперед, блестя глазами. Он и сам не отказался бы от такой поездки.

— А деньги у вас есть?

— Да, — ответил Нотон. — Джудит тоже хотела поехать, но я не разрешил. Вдвоем получается чересчур дорого.

Вирга улыбнулся и повернулся в кресле так, что послеполуденное солнце осветило его лицо. Небо за окном было мягко-синее, с розоватыми по краям облаками.

— Я устрою так, что вас отпустят, — сказал он после минутного молчания. — Прочь с земли, в небеса.

— Сэр?

— Мысли вслух. Если бы я мог, я бы поехал с вами. Мне нужен глоток чужеземного воздуха. Но кому-то нужно присматривать за конторой. — Он опять повернулся к Нотону. — Могу я попросить вас держать меня в курсе событий? Мне очень любопытно, что вы там обнаружите.

— Конечно, — ответил Нотон, вставая. — Спасибо.

— Просто упомяните обо мне в своей работе, — отозвался Вирга. — Хотелось бы, чтобы мое имя еще один, последний, раз появилось в печати. Кстати, мое приглашение остается в силе: я надеюсь пообедать с вами и Джудит до вашего отъезда.

— Хорошо, — ответил Нотон. — Созвонимся. — Он подошел к двери и взялся за ручку. Вирга снова открыл книгу и откинулся на спинку кресла.

Нотон вдруг обернулся, и Вирга поднял голову.

— Вы знаете, сэр, я вдруг обнаружил, что мне не дает покоя вопрос, которым люди задаются со времен Иисуса Христа. А что, если этот мессия... другой? Что, если он настоящий? Что тогда?

— Если он лжец, — после минутного раздумья ответил Вирга, — то вы посмотрите, как одурачивают народ. Ну а если он

подлинный мессия, тогда, — он улыбнулся, — в вашей книге будет снисходительная последняя глава, верно?

Нотон несколько секунд стоял на пороге. Потом кивнул и закрыл за собой дверь.

12

В грязном городишке посреди пустыни, окаймленном хибарками с жестяными стенами, Нотону казалось, что он спит, что, когда машину резко подбросило на ухабе и он вообразил, будто проснулся, он, наверное, продолжал видеть кошмар. Но нет. Ослепительно белое солнце в сверкающем синем небе говорило: нет. Это не был кошмар, откуда он мог бы выпырнуть, выплыть по мутным водам сна. Это была реальность. Очень реальная реальность.

Такси Нотона (за рулем сидел мужчина средних лет с гнилыми передними зубами; под ввалившимися глазами у него темнели круги) остановилось на одной из улочек предместья, где движение было перекрыто из-за аварии. Впереди оглушительно галдели по-арабски, оживленно жестикулировали: кого-то сбила машина; несчастный, силой удара отброшенный с дороги, лежал в сточной канаве. Шоферы — участники инцидента, огромные, очень смуглые, ожесточенно выясняли отношения. Оба были на грани истерики. Но Нотона это не интересовало. Его взгляд был устремлен из окна машины куда-то поверх песка и разбитого асфальта, за вонючие лачуги, на другую сторону улицы, темной лентой опоясывавшей башни Кувейта.

Там, в канаве, в песок были прочно воткнуты две рогульки. Между ними горел костер из старых газет и тряпок. Над огнем два полуголых мальчугана поворачивали насаженный на палку освежеванный собачий труп. Мальчишки внимательно приглядывались к мясу, выбирая, куда вонзиться зубами, когда лакомство будет готово, а мертвые, выпученные собачьи глаза, похожие на белые мраморные шарики, так же

внимательно приглядывались к ним. Ноздрей Нотона коснулся запах, распространявшийся от костра, и он вздрогнул от отвращения. Следовало бы закрыть окно, но в такую жару даже думать об этом было страшно; к тому же в конце концов запах все равно проник бы в машину через разбитое ветровое стекло.

Над самым ухом у него что-то громко выстрелило, и он вздрогнул. Выхлоп? Воздух впереди был сизым от дыма.

Таксист вполголоса выругался и выехал из ряда. Такси покатило по тротуару. Проезжая мимо места аварии, Нотон выглянул в окно. Один из шоферов лежал на асфальте, из раны на животе лилась кровь. Другой, расставив ноги, стоял над ним с дымящимся пистолетом в руке. Такси съехало обратно на мостовую, и тот, кто лежал на земле, бессильно попытался уцепиться за колесо.

Нотон перекричал вой мотора:

— Там человека застрелили!

Водитель мотнул головой на короткой шее.

— Застрелили! Вы что, не понимаете? Нужно остановиться и помочь!

Таксист хрипло рассмеялся.

— Ха! Ох уж эти американцы!

Нотон оглянулся и увидел, что человек с пистолетом все еще стоит над своей поверженной жертвой. Машины объезжали место происшествия, и потревоженный их движением синий дым лениво вился над головой лежащего.

Такси ехало по неровному ухабистому асфальту через лабиринт самодельного жилья к городской окраине. Повсюду были люди, смуглые люди в развевающемся тряпье; они ухмылялись и тянулись к Нотону в окно ускользающей машины. Они полулежали в сточных канавах, широко раскрыв настороженные глаза, но лица их уже были мертвы. Они выходили из проулков на мостовую и жадно наблюдали за приближением такси, словно Нотона везла машина разрушения, которое было здесь желанным и уважаемым гостем.

Нотон готов был увидеть нищету, но не такую. В этой стране его постоянно снедала тревога, точно в любой момент без

всякого предупреждения что-нибудь могло обрушиться ему на голову. Он вдыхал это ощущение с едкой дымкой, висевшей над Кувейтом. Дым начинал наползать на город в ранние утренние часы, он плыл с запада, оттуда, где изгибалась и покачивала бедрами гибкая смуглая женщина — пустыня. Ночью со своего балкона с мозаичным полом Нотон увидел тысячи мерцающих огней, соперничавших с холодным серебром звезд. Он изумился тому, как их много; он затрепетал. Миссионеры насчитывали их до трех тысяч, но это было давно. Сейчас Нотон был уверен, что там, за песчаными валами, собралось более пяти тысяч человек.

Узрев это великое сборище, он немедленно написал Джудит и доктору Вирге.

Доктору Вирге он писал о чудовищных контрастах этой страны: с одной стороны, нищие и попрошайки, не дающие прохода туристам, с другой — буровые вышки в пустыне и шейхи в дишдашах, проносящиеся в сверкающих «феррари» по обсаженным пальмами проспектам. Грань между бедностью и богатством была здесь омерзительно четкой. Он написал Вирге о стечении народа в окрестности города и о по-прежнему безымянном мессии, добраться до которого было совершенно невозможно: Нотон до сих пор не выяснил даже того, кто этот человек по национальности. Но в пустыне его ждали. Каждый день Нотон видел, как паломники, стоя на коленях лицом к солнцу, крикливо сетуют на то, что мессия вновь не счел их достойными услышать его.

Джудит он писал о самой стране, о ее загадочной безликости, о красках пустыни, о золотом мерцании полуденного марева и о густых, черных тенях, выползающих на закате.

Однако кое-что он утаил. Его тревожило то, скольким случаям насилия он стал свидетелем за те две недели, что минули с момента его приезда; казалось, страна бурлит от растущей ненависти. В воздухе пахло порохом. Эта земля воевала сама с собой.

Нотон сознавал, что здешняя атмосфера сказывается и на нем. Общее безразличие к бедности и насильственной смерти

медленно, но верно ожесточало его сердце. В другое время он непременно потребовал бы, чтобы таксист остановился и вызвал «скорую помощь» к раненому, мимо которого они проехали. Теперь же он с недоумением обнаружил, что ему решительно все равно — и ничуть не стыдно за свое равнодушие. Да, происшедшее потрясло его, как потряс бы его любой другой акт грубого насилия, но он трезво и рассудительно объяснил себе, что ничем не может помочь, и на этом успокоился. Эта земля порождает насилие, сказал он себе. В этой суровой стране, столь не похожей на Америку, он чувствовал себя подлинным пришельцем с другой планеты, чужим, одиноким. Возможно, аборигены жили в нищете и погибали от пули или ножа потому, что так им было назначено судьбой; распорядиться иначе означало бы нарушать гармонию миропорядка, посеять хаос, распространяющийся как круги по воде. Люди здесь умирали оттого, что становились помехой. Насилие, взлелеянное их образом жизни, воцарялось над всем, жгучее, как здешнее раскаленное солнце.

Ряды лачуг остались позади, и теперь такси катило по гладкой безлюдной дороге, прорезавшей плоское пространство пустыни, над которым дрожал горячий воздух. Страна спешно строилась. На горизонте вставали мрачные силуэты нефтяных вышек. Скоростные автострады рассекали пустыню только для того, чтобы сгинуть под слоем песка вдали от своих истоков. Многие дороги не вели никуда и лишь бесконечно кружили и петляли, словно кто-то строил их от нечего делать, чтобы скоротать время, а потом, наскучив этой забавой, бросил ее на середине.

Впереди среди барханов, подвижных, точно драконьи хвосты, расположился лагерь. Нотон каждый день приезжал сюда и ходил с диктофоном на плече среди шатров из козьих шкур и жестяных шалашей; он осторожно ступал по утоптанному загаженному песку и время от времени останавливался и заговаривал с бедуинами и кувейтцами, которые, подозрительно оглядев его, неизменно поворачивались к нему спиной. По лагерю рыскали стаи воющих, дерущихся из-за объедков собак, темными тучами роились мухи, тысячами слетевшиеся сюда вслед

за паломниками из разных частей страны пировать на гниющих язвах и болячках. Больные, приковылявшие сюда из окрестных деревень, держались особняком; Нотон видел, как их били и пинали, когда они клянчили еду.

В лагере, как и в городе, существовала четкая граница. По одну ее сторону ночевали в простых палатках или прямо на песке бедняки, по другую высились узорчатые просторные шатры богатых шейхов, где было все: дорогие ковры, слуги с опахалами, отгонявшие мух, и слуги с ружьями, отгонявшие нищих и бродяг. Для состоятельного человека пересечь эту невидимую границу было равносильно самоубийству. На пятый день своих наблюдений Нотон увидел, как один из таких, одурманенный гашишем, заступил за эту черту и оказался в царстве бедноты. В мгновение ока два десятка человек накинулись на него, схватили, швырнули на землю. Остальные горящими глазами наблюдали за происходящим, женщины дико хохотали. Бедняга попытался удрать, но с него сорвали одежды и голого, избитого, пинками вышвырнули обратно, точно тощего пса из хозяйского дома. Нотон молча смотрел, прочитав на распаленных лицах, что вмешаться — значит подписать себе смертный приговор.

Такси свернуло на длинную немощеную дорогу, которая вела в самое сердце лагеря. Нотон увидел слепящий блеск жести — лачуги под солнцем, почувствовал зловоние перенаселенного лагеря, куда стекались все новые индивиды, чтобы ждать... кого?

Нотон спросил шофера:

— Кто этот человек?

Тот не ответил. В зеркале заднего вида отражались его непроницаемые глаза.

Нотон наклонился вперед. Возможно, шофер не слышал. Он повторил громче:

— Тот человек, ради которого они собрались, — вы что-нибудь знаете о нем?

Вновь не получив ответа, Нотон невнятно чертыхнулся. Попробуем иначе.

— Он пророк?

Шайка отсталых ублюдков, подумал Нотон. Сплошь выродки и подонки. Негодяй-таксист был таким же необщительным, как все прочие. Нотон откинулся на жестком сиденье с выпирающими пружинами и стал смотреть на бегущие навстречу ряды хибарок.

За два дня лагерь изменился к худшему. Хижины лепились вплотную друг к другу, словно в пустыне вдруг возникли трущобы. От крыши к крыше были протянуты веревки с сохнущим тряпьем. На такси, медленно ехавшее по лабиринту сооруженных на скорую руку жилищ, коршунами налетели попрошайки; они ухмылялись, показывая щербатые зубы, а когда машина проезжала мимо, выкрикивали ей вслед непристойности. По земле в пыли катались двое нищих; они дрались, а орущая от восторга толпа передавала из рук в руки деньги. Шофер Нотона нажал на клаксон, такси вильнуло в сторону. По кварталу больных, швыряя камнями или песком в тех, кто не мог подняться, носились голые ребятишки. Повсюду толклись оборванцы. Люди походили на взбесившихся зверей с пеной на морде; Нотон увидел, как человек с ножом напал какую-то женщину, и та с воплем упала на колени, умоляя о пощаде. Нотону хотелось обрушиться на этих людей, бесследно стереть с лица земли, словно он был их Творцом.

Машина замедлила ход: кучка бродяг замолотила по капоту. Водитель крикнул: «Убирайтесь, а то задавлю!»

Нотон потянулся, чтобы, несмотря на жару, поднять окно. Кто-то схватил его за руку и легонько сжал ее. Он поднял голову и встретился с умоляющим взглядом темных глаз молоденькой девушки лет пятнадцати-шестнадцати, прижавшейся к дверце автомобиля.

Она тихо, устало проговорила:

— Пожалуйста, деньги.

Нотон заметил, что девушка была бы очень хорошенькой, если бы не выпирающие кости, ввалившийся рот и равнодушный взгляд, из-за которых она казалась уже мертвой. Должно быть, она долго голодала. «Пожалуйста, деньги», — прохныкала девушка.

Ее пальцы больно впивались ему в руку. Нотон пошарил в кармане несколько мелких монет и отдал ей.

— Вот, — проговорил он. — Купишь себе поесть.

Она схватила деньги и посмотрела ему в прямо глаза; Нотон уловил в этом пристальном взгляде панический трепет. Девушка вдруг задрала грязный подол длинной юбки, и взгляд американца уперся в темный треугольник между костлявыми бедрами. Ноги девушки были покрыты неровными царапинами и синими кровоподтеками, из десятков открытых болячек выделялась и стекала вниз, почти до колен, желтоватая жидкость. Нотон в ужасе отпрянул; увидев его глаза, девушка громко захохотала, брызгая слюной. Такси отъехало, а она все смеялась, не опуская подол — знамя шлюхи. Нотона передернуло от здешнего скотства.

Они проехали через весь лагерь и оказались перед чистыми шатрами богатых паломников, разбросанными по равнине и каменистому обрыву над ней. Здесь пахло пряностями, дорогими духами, благовониями и струящимися шелками. Возле огромных сверкающих автомобилей, чьи бока пестрели царапинами, оставленными камнями и телами бедняков, дежурили вооруженные слуги. В одном месте Нотон увидел «мерседес-бенц» с помятым радиатором и разбитой фарой. По крылу была размазана уже засохшая кровь.

Нотон расплатился с шофером и попросил заехать за ним ближе к вечеру. Шофер смотрел безучастно, и Нотон понял, что снова придется тащиться пешком по дороге и ловить попутную машину. Он захлопнул дверцу, и такси укатило в облаке песка и темных выхлопных газов.

Сволочь, сказал Нотон вслед удаляющейся машине. Все вы здесь сволочи. Он подключил к магнитофону микрофон, намотал шнур на руку и под подозрительными взглядами вооруженных слуг пошел между богатыми шатрами. Заметив, как на него смотрят, он двинулся было к одному из охранников, но тот положил руку на пистолет, и Нотон отступил в сторону вонючих лачуг.

Тогда-то он и заметил нечто новое. На чистом участке белого песка, в стороне от грязного прямоугольника лагеря, за

ночь вырос громадный овальный шатер. Вокруг него двигались грузовики с электрооборудованием, и Нотон увидел, что рабочие обносят изгородью генератор. Горячий ветер с Персидского залива лениво колыхал складки огромного шатра. Поблизости не было видно ни палаток, ни хижин, и такая обособленность пробудила любопытство Нотона. Увязая в песке, он двинулся к грузовикам.

— Эй! Прошу прощения, старина! Я уже пробовал. Не обломилось.

Нотон обернулся на голос.

Из просвета между шатрами показался человек в хаки. Он был невысокий, коренастый, широкоплечий, на голых руках бугрились мышцы. На шее висели два фотоаппарата, на ходу стукавшиеся друг о друга. Человек в хаки подошел к Нотону. Лет ему было тридцать пять, не меньше. Спутанные светлые волосы, серые глаза, покрасневшие от избытка солнца. Солнце вообще не пощадило его: он страшно обгорел, и его лоб и переносица лоснились от какой-то жирной мази.

— Я уже попробовал расспросить рабочих. Но они ничего не знают. Им платят за работу, и все, — сказал он.

Нотон ответил:

— Я надеялся, может, они намекнут мне, что здесь происходит.

Мужчина пожал плечами.

— Их прислали из города. Они ничего не знают. — Он протянул Нотону руку: — Джордж Каспар, Би-би-си. Ищу тему для репортажа. Чуть не сгорел живьем на этом проклятом солнце. А вы от кого?

— От кого я?

— Да. От какой газеты? Вы ведь американец, верно? И не говорите мне, будто вашим неинтересно, что здесь происходит.

— А-а. Нет-нет. Меня зовут Дональд Нотон. Я профессор теологии, преподаю в Бостонском университете. Собираю материал для книги о пророках и мессиях. А насчет солнца вы правы. Ничего подобного я себе не представлял.

— Око зверя, — кивнул Каспар в сторону пылающего огненного пятна. — Взгляните на меня. Зажарен живьем и освежеван в дюжине мест. Вы здесь с группой?

— Увы, нет, поскольку приехал за свой счет.

Каспар хмыкнул.

— А, черт, — проговорил он, сгоняя с руки муху. — Эти проклятые твари не отстанут, пока не высосут вас досуха. — Он протянул флягу Нотону. — Вот. Берите.

— Спасибо, у меня есть вода, — ответил Нотон, показывая точно такую же флягу.

Каспар захохотал и отхлебнул.

— Вода, черт побери! Это виски — хорошее виски. Что бы я без него делал! Сижу тут по уши в песке, а остальных носит хрен знает где. И оператора, и обоих ассистентов. Укатили куда-то в нашем фургоне, сукины дети, а меня бросили здесь. Сволочи поганые. Я тут уже три дня торчу, обрыдло. — Он прищурился. — Нет, я серьезно. На хер обрыдло. Вся эта срань, вся эта вонь... вы писатель? Пишете про здешнюю заваруху?

— Профессор, — поправил Нотон и, загораживаясь рукой от солнца, оглянулся на рабочих, которые теперь подсоединяли к генератору кабели. — Что же это они делают, интересно знать? Вы что-нибудь слыхали?

— А как же! Я много чего слыхал, но все это враки. — Каспар прихлопнул муху, кружившую у него над головой. — Би-би-си пыталось узнать, что происходит, используя дипломатические каналы. Ничего не вышло. Потом через личных друзей. Ничего. Тысячи этих мерзавцев сидят в пустыне и ждут. Ничего не делают — ждут! Вчера я засек тут пару ребят из «Таймс», корреспондента одного из ваших журналов и несколько человек из местных изданий. Но от такого скопления народа тошно делается. Мне велели убираться; как будто я поперся бы сюда добровольно, придурки! Мне и так не миновать больницы, когда вернусь.

Нотон пошел прочь от огромного шатра туда, где над бесконечными хижинами и палатками поднимались дымы. Каспар шагал рядом.

— Надеюсь, вы не собираетесь лезть в эту кашу? В тутошнем котле запросто можно жизни лишиться.

Они отошли от роскошных шатров и, перейдя невидимую границу, оказались на другой стороне. В лицо им ударил густой запах экскрементов и еще чего-то неописуемо гнусного. Каспар попятился, но, увидев, что Нотон не останавливается, пошел следом за ним.

— Что это вы говорили насчет книги? — спросил Каспар. — Вы пишете книгу?

— Да. Мне нужен непосредственный контакт с таким вот религиозным собранием, чтобы...

— Суки драные, — перебил Каспар. — Бросили меня тут, паразиты. Ну я им покажу!

Они шагали плечом к плечу между стен из козьих шкур и разогретой солнцем, слепящей жести. Со всех сторон слышались крики и рыдания, всхлипы, визг, гневные вопли и дикий, безудержный смех. В одном месте Нотон с Каспаром угодили в черную тучу роящихся мух. Вокруг на кучах мусора плясало оранжевое пламя; пласт стлавшегося по земле желтого дыма напоминал дверь, отрезающую путь к отступлению. Огибая скопление жестяных лачуг, Каспар явственно охнул и попятился, налетев на Нотона. Перед ними катался по земле клубок псов, дерущихся не на жизнь, а на смерть, клыки грозно щелкали над рваным, кровавым куском мяса. Ни Каспар, ни Нотон не осмелились даже предположить, чем изначально был этот истерзанный кусок плоти; держась на почтительном расстоянии, они обошли собак стороной, и вскоре злобное рычание затихло вдали.

— Я возвращаюсь, — сказал вдруг Каспар. — С меня, черт возьми, хватит.

— Валяйте. Только учтите: заблудиться здесь проще простого, — заметил Нотон.

— Плевать, — ответил Каспар. Он помахал Нотону и развернулся, чтобы направить свои стопы в противоположную сторону.

И неожиданно застыл на солнцепеке. Нотон услышал, как столкнулись фотоаппараты, висевшие у репортера на груди, —

брень-брень, и оглянулся, желая выяснить, в чем дело. Оборачиваясь, он вдруг понял, что в тускло-желтой дымке мелькают какие-то фигуры, а за стенами и бочками с водой притаились тени. От дыма у Нотона запершило в горле.

— Господи Боже! Кто там? Вы их видели? — воскликнул Каспар.

Нотон замер, приглядываясь, но те, кто ему померещился, прятались. Желтые стены близко надвинулись на них с Каспаром, тесные, как в каземате.

— Они идут за нами, — наконец сказал Нотон. — Пошли.

Он схватил своего спутника за плечо и потащил за собой в узкие проулки. Каспар оглянулся, и Нотон почувствовал, как репортер напрягся, поняв, что их преследователи, кто бы они ни были, по-прежнему идут за ними, держась вне пределов досягаемости и прячась всякий раз, как они оглядываются. В конце концов Каспар обернулся и крикнул: «Катитесь к черту, сволочи!» — и услышал в ответ пронзительный смех, донесшийся из безмолвия дыма.

Они продолжали свой путь. Их преследовали визгливый смех, бормотание, крики, звучавшие со всех сторон. Угрюмые смуглые лица поворачивались им вслед; угрюмые темные лица с воспаленными глазами и оскаленными желтыми зубами, острыми, как у собак, дерущихся из-за объедков.

Наконец они оказались на дальней окраине лагеря, куда были изгнаны больные и увечные. Солнце немилосердно жгло этих несчастных, харкавших на песок кровью и густой мокротой. Одни лежали на походных койках, другие распростерлись на земле, словно отстаивая право умереть на каком-то конкретном месте. Осторожно пробираясь среди палаток и тел, мужчины то и дело оглядывались, желая убедиться, что за ними не идут.

Каспар спросил:

— Что это за место? Что здесь происходит?

— Не знаю, — ответил Нотон. — Что-то тут не так. Все это безумие.

— Безумие? — переспросил кто-то. — Безумие? Кто здесь?

Нотон оглянулся. На песке под жестяной стеной сидел худой старик, иссохший как скелет. Седые волосы, чистые, белые как снег, контрастировали с почти черной кожей. Старик сидел по-турецки, уронив на колени хрупкие руки, уставясь прямо на полуденное солнце. Глаза у него были невероятно черные, пустые. Нотон понял, что здешнее яростное солнце выжгло их.

— Безумие? — повторил старик, наклоняя голову в ту сторону, откуда донесся голос. — Здесь есть кто-нибудь?

Щурясь от солнца, отраженного в металлической стене, Нотон нагнулся и осторожно коснулся жесткой щеки старика. Тот вздрогнул и отпрянул, но Нотон сказал:

— Я вас не обижу.

— Куда свалили эти гады? — спросил Каспар.

— Кто здесь? — спросил старик, неуверенно нашаривая руку Нотона. После долгих поисков его жесткие пальцы коснулись пальцев молодого американца. — Неженка, — проговорил он, ощупывая руку Нотона. — Не работал под открытым небом. Я слепой.

— Да, — согласился Нотон, глядя в бездонные глазницы. — Вы ослепили себя.

— Снялись, понимаешь, с места, а меня бросили тут, — пробурчал Каспар, и его дорогие «Никоны» снова стукнулись друг о друга. Звук был сухой и громкий, как выстрел. — Убью гадов.

— За нами шли, — сказал Нотон старику.

— Да. Я слышу, как бьется твое сердце. От тебя пахнет страхом.

— Я американец, — продолжал Нотон. — Я хочу знать, что здесь происходит. Эти люди безумны?

Старик улыбнулся, показав пожелтевшие зубы, сломанные и стертые до пеньков, и затряс головой, словно с ним шутили.

— Безумны? Безумны? Нет. Безумия больше нет. Теперь есть только то, что есть. — Он подставил лицо жаркому солнцу, и его золотой огонь проник в незрячие глаза старика. — Я еще вижу солнце, значит, я еще не совсем ослеп. Но пока я могу видеть, надежды для меня нет.

— Что? — спросил Нотон. — Что?

Каспар сказал:

— Пошли отсюда, старина. В пустыню и на шоссе.

— Я пришел сюда с дочерью и ее мужем, — говорил старик. — Новая жизнь, сказали они. Здесь мы обретем новую жизнь. И бросили меня. Я не знаю, где они. Она была мне хорошей дочерью, пока не пришла сюда; здесь я перестал узнавать ее. Я должен их выжечь. Я должен их выжечь.

— А? — спросил озадаченный Каспар. — Что болтает этот старый хрыч?

Нотон наклонился к старику.

— Ради кого собрались эти люди? Кто даст твоей дочери новую жизнь?

Старик кивнул:

— Да. Вот и она так сказала — «новую жизнь».

— Кто даст ей новую жизнь?

Старик ощупал лицо Нотона, провел пальцами по его носу, губам, по щекам.

— Помогите мне найти их. Может быть, мы еще уйдем отсюда, все вместе. Помогите.

— Пошли, Нотон. Старик не в себе.

— Нет! — резко бросил через плечо Нотон и снова повернулся к старику. — Я помогу тебе. Но кто... как зовут человека, ради которого вы пришли сюда?

Старик снова улыбнулся.

— Ваал, — сказал он. — Ваал.

Что-то с грохотом отлетело от жестяной стены к ногам Нотона. Камень.

Он выпрямился и увидел, что Каспар пригнулся, прикрывая рукой объективы своих фотоаппаратов. А позади Каспара стояли полукругом худые оборванные мужчины и женщины. Нотон слышал их хриплое горячее дыхание. В руках у оборванцев были острые камни. Тощий бедуин в пестром тряпье размахнулся и швырнул свой снаряд. Нотон увернулся; камень просвистел мимо его головы и с лязгом отскочил от железа.

— Господи Иисусе! — заорал Каспар. — Вы что, совсем рехнулись, козлы? Я гражданин Великобритании!

В ответ какая-то женщина запустила в него камнем, и Нотон услышал, как Каспар охнул. Камни посыпались градом, забарабанили по жести и по рукам Нотона, которыми он прикрывал голову. Нотон поглядел на старика и увидел над незрячими глазами рваную рану. Каспар вскрикнул от боли и покачнулся, схватившись за грудь, где болталась камера с разбитым объективом. Следующий камень попал Каспару в голову, и репортер упал на колени.

Оборванцы пошли в наступление. Кто-то размахнулся, чтобы метнуть очередной камень, и Нотон понял, куда тот ударит: в лоб над его правым глазом; он десятки раз видел это во сне и просыпался в поту. Он прижался спиной к раскаленной жестяной стене.

Между Нотоном и оборванцами с ревом промчался длинный, блестящий черный лимузин. На ноги Нотону посыпался песок. Он услышал глухое «бум!» — предназначавшийся ему камень отскочил от окна машины. Нотон бессильно опустился на песок и увидел, что Каспар едва дышит.

Дверцы машины распахнулись. Два кувейтца в белых просторных одеяниях отогнали нищих. Те забормотали какие-то угрозы, но тем не менее подобострастно подчинились. Кто-то взял Нотона за руку и помог ему подняться.

— Вы ранены? — спросил этот человек. Из-под традиционного головного убора смотрели быстрые темные глаза, над полными женственными губами топорщились тонкие усики.

Нотон тряхнул головой, чтобы прийти в себя.

— Нет. Нет, я в порядке. Но еще полминуты, и ответ мог бы быть иным.

Мужчина хмыкнул и покивал. Он заметил старика, но не сделал попытки прийти на помощь.

— От этого сброда одни неприятности. Будем знакомы: Хайбер Талат Мусаллим. Вы американец?

— Да. Тут мой друг... боюсь, он сильно пострадал.

Мусаллим мельком взглянул на Каспара, лежавшего в луже крови.

— От этого сброда одни неприятности, — повторил он и повел пухлой рукой: — Прошу в машину...

Обессиленный, потрясенный Нотон кивнул и, тяжело опираясь на Мусаллима, побрел к лимузину. В пропахшей пряными духами машине, где работал кондиционер, сидели шофер в белой форме и бледный блондин в темно-синем деловом костюме. Нотон заплетающимся языком пробормотал: «Моего друга ранили. Я должен им заняться», — и попытался вылезти из машины, но Мусаллим удержал его за плечо.

Блондин в синем костюме отсутствующе смотрел на него. Вдруг он медленно открыл дверцу, поднялся и сказал:

— Я займусь вашим другом.

Нотон запротестовал:

— Нет, я...

— Я займусь вашим другом, — повторил бледный человек в темно-синем костюме и пошел к лежавшей на земле фигуре. Нотон заметил, что он заметно хромает, словно с его бедром что-то было не в порядке.

Мусаллим похлопал Нотона по руке:

— Все будет хорошо. Вы теперь среди друзей.

Лимузин с ревом помчался сквозь лабиринт сверкающих стен и истощенных, чахлых, изуренных болезнями тел. Нотон повернулся на сиденье, вдруг окончательно обессилев: ему показалось (он был почти уверен в этом), что он увидел, как оборванцы вновь подбираются к Каспару — крадучись, медленно, крепко зажав в кулаках новые камни.

А мужчина в темно-синем костюме спокойно наблюдает за этим.

13

— Прошу, — сказал Мусаллим, снимая с подноса, который держал слуга в белой форме, две серебряные чашечки размером с наперсток. — Чай освежит вас. Я знаю, иностранцы с трудом переносят нашу жару. Что до меня, я родился в пустыне.

Нотон взял предложенную ему чашечку и пригубил. Чай был черный, очень крепкий, с привкусом гвоздики. Они сидели

в великолепном, расшитом золотом шатре Мусаллима на краю лагеря. Песок устилали дорогие ало-золотистые ковры. Мусаллим сидел за широким резным бюро, а Нотон расположился в одном из двух полотняных шезлонгов под благословенной сенью шатра.

— Отличный чай, — похвалил Нотон.

— Когда-нибудь вся пустыня станет моей, — сказал Мусаллим. — Я уже режу ее, точно искусный хирург. Водопроводы, газопроводы... я протяну их по пескам, как... — он сделал такой жест, словно сшивал что-то в воздухе, — ...как накладывают швы. Народ оценит это.

Нотон кивнул. Издалека сквозь монотонный голос Мусаллима пробивался многоголосый гвалт: лагерь бурлил, точно огромный котел.

— Вы не могли бы навести справки о моем друге? — спросил он.

— О вашем друге?

— Да, о том человеке, с которым я был. О мистере Каспаре.

Мусаллим взмахнул рукой и откинулся на спинку своего кресла. На фоне ослепительно белой дишдаши его кожа приобрела ржавый оттенок.

— Он в хороших руках... Здешний сброд способен кого угодно вывести из терпения! Жарко, не правда ли?

Нотон допил чай, поставил чашку на круглый столик у шезлонга и заглянул в полуприкрытые сонные глаза своего собеседника.

— Я не понимаю, что здесь происходит, — признался он. — Я уже несколько недель собираю материал для своей книги, я видел, как росла эта толпа. Теперь, кажется, они окончательно распоясались. Не знаю... — Он провел ладонью по лбу, стирая капли пота, которые собрались над бровями, готовые закапать вниз. — Я никогда еще не видел ничего подобного. Это отвратительно. Это... не знаю.

Мусаллим помолчал, поглаживая тяжелыми от золотых перстней пальцами позолоченные завитушки, украшавшие резные подлокотники его кресла.

— Мистер Нотон, — сказал он наконец, — в жизни есть много такого, что кажется отвратительным. Безобразным. Но если приглядеться повнимательнее, начинаешь видеть своеобразную красоту. То, что здесь происходит, тревожит вас оттого, что вы еще не поняли. А я спокоен — я понимаю. Я не позволил бы использовать свою землю в подобных целях, если бы не чувствовал, как это важно и что игра стоит свеч. Вот увидите, мистер Нотон, эта песчаная унылая равнина войдет в историю как место проявления божественной воли.

Нотон резко поднял голову.

— Это ваша земля?

— Да, и этот клочок, и земли на много миль вокруг. Хотите еще чаю?

— Нет, спасибо. — На руке Мусаллима, краем глаза заметил Нотон, остро сверкнул бриллиант. — Тогда объясните мне, пожалуйста. Я вижу здесь безумие и смерть. А вы видите еще что-нибудь?

— А я вижу все остальное, — ответил Мусаллим. Несколько секунд он смотрел на Нотона, потом взгляд его темных глаз обежал шатер. Казалось, он подбирает верные слова. — Моя семья была из очень бедных, мистер Нотон... или так мне тогда казалось. — Он выразительно поднял палец. — Они были бедуины, кочевники. Мой отец... О, я помню отца — на прекрасном белом коне, зубы блестят на солнце! — так вот, мой отец был человеком необычайно решительным, брал что хотел и когда хотел, — он опять взглянул на Нотона и смущенно улыбнулся, — и, бывало, бил жену и детей, если считал, что это необходимо. Он был истинным сыном пустыни, мистер Нотон, а главное, он был человеком необычайной силы духа.

— Силы духа? — переспросил Нотон.

— Когда он был еще совсем молод, ему принадлежали шесть семей с их колодцами. С ним приходилось считаться. Конечно, у него были... враги. Они презирали его, как трусливый пес из страха презирает благородных волков. Даже родня восставала против отца. Я помню, однажды ночью мы разбили шатры на каменном утесе, откуда отец мог смотреть на залив... Помню,

светила полная луна, ветер с моря шевелил полог нашего шатра, а внизу шумел залив. Враг отца Асед — его родной брат! — пришел сказать ему, что он зашел слишком далеко. Слишком далеко, сказал Асед. Но это было все равно что велеть морю не подтачивать сушу.

Отец тогда убил хранителя колодца. Тот человек обманывал его, и отец насадил его голову на кол, чтобы кровь капала в воду и отравляла ее в назидание тем, кто не желал выказывать отцу должного уважения. И вот брат пришел сказать отцу, что семья отреклась от него. Ты опозорил наше имя, сказал Асед и плюнул отцу под ноги. Я помню это: я видел, как слюна блеснула в лунном свете.

Глаза Мусаллима горели. Он подался вперед, его пальцы рисовали в воздухе перед лицом Нотона какие-то загадочные фигуры.

— Асед повернулся и пошел к лошади, — говорил Мусаллим, — но это был еще не конец. О нет. Такого не могло быть. Мой отец, как я уже говорил, был необычайно решительным человеком. На поясе у него висел нож. Он выхватил его из ножен, и мать закрыла мне глаза руками, но я вырвался. При виде ножа мужчины у костра заулыбались. Нож отца никогда не возвращался в ножны чистым. И отец ударил своего брата: нож вошел ему в спину чуть повыше лопатки. Но Асед тоже был сильным человеком, хоть и слабым в житейском смысле. Он обернулся и схватил отца за горло. Они стали бороться; отец шипел проклятия, Асед хрипел: из его спины торчала черная рукоять ножа. Потом они оказались на краю обрыва, и отец, повернув нож в ране (я помню, как лезвие царапнуло кость), сбросил Аседа со скал в залив. — Он вдруг поднял голову и заглянул Нотону в глаза: — Без сожаления.

Нотона потрясло равнодушие в голосе Мусаллима: тот как будто не понимал, что стал свидетелем хладнокровного убийства. Нотон спросил:

— Он убил своего брата? Почему?

По губам Мусаллима скользнула слабая жестокая улыбка. В ней отразилось какое-то странное удовлетворение.

— Почему? А почему лев охотится на ягненка? Почему стервятник ждет, чтобы его жертва испустила последний вздох? Такова природа зверя, мистер Нотон. Звери-победители выслеживают добычу, и когда наступит подходящий момент... — Мусаллим быстрым движением поймал что-то невидимое. — И им достается награда. Колесо жертв вращает мир, мистер Нотон. Кто не выслеживает сам, того выслеживают — третьего не дано. От этого никуда не деться.

— Но, — сказал Нотон, — все-таки, я надеюсь, человек ушел от львов и стервятников достаточно далеко для того, чтобы утратить потребность выслеживать жертву.

— Ах. — Мусаллим поднял руку. — Эту землю со всеми ее обитателями создал мудрый Господь. Он создал естественный ритм жизни и смерти, круг хищника и жертвы. Не замечать Его священную мудрость — кощунство.

Нотон сидел совершенно неподвижно. Гам снаружи усиливался. Казалось, от крика трепещут складки шатра.

— Какие благородные создания — львы, — промолвил Мусаллим. — Их силу питают тела слабых. Как мудры и добры стервятники, рвущие когтями мертвую и умирающую плоть, — они расчищают путь сильным. Борьба жизни со смертью отнюдь не бессмысленна, мистер Нотон, и по-своему красива. Понимаете?

Нотон взял чашку и взболтал осевшие на дне чаинки. Ему не хотелось смотреть в лицо человеку, сидящему напротив: глаза философствующего Мусаллима страшно мерцали, и это было жутко.

— Отец почти не оставил мне земли, — говорил Мусаллим, — но мне явились тайны, скрытые от него. Однажды я обнаружил, что мой клочок земли плавает в густом темном озере, поднявшемся из недр. Я черпал эту влагу ведрами. Я вымазал ею лицо и катался в ней. В тот день я сменил свою скромную одежду на роскошное одеяние богача. В тот день я наконец узнал, какое могущество досталось мне в наследство. Теперь я могу возводить города, двигать горы и поворачивать реки. Теперь я наконец могу приобщить мир к логике моего отца.

— Не понимаю.

Мусаллим знаком велел слуге унести серебряные чашечки. Слуга поклонился и пятясь выбрался из шатра.

— Я встретил человека, — после непродолжительного молчания сказал Мусаллим, — который научил меня видеть то, что до сих пор мне не удавалось увидеть. Благодаря ему я познал очарование власти. Для меня все совершенно ясно, мистер Нотон: он — клык льва, коготь стервятника. Я предался ему, чтобы жить в чести и славе.

Имя, которое назвал старик. Нотон никак не мог его вспомнить. Что это было за имя?

— Поначалу я видел в нем только пророка. Сейчас я понимаю, что он — нечто большее. Неизмеримо большее. Прежние пророки говорили о боге, который видел мир таким, каким он никогда не сможет стать. Ваал видит то, что есть и будет всегда.

Нотон невольно напрягся. Ваал. Ваал. Вот оно. Когда-то где-то он уже что-то читал об этом. В голове у него промелькнуло: «Ханаан».

— Ваал, — повторил Нотон.

— Да, — сказал Мусаллим. — Ваал. Живой Мухаммед.

Нотон вдруг встал и подошел к выходу из шатра. Вдали, в лагере, бесновались безумцы; дым, поднимающийся к небу, заволакивал закатное солнце. Ему вдруг стало тяжело дышать, и он задумался, не опасно ли будет попробовать вернуться в город.

— Это безумие, — сказал он. — Это... безумие.

— Нет, друг мой. Безумие — не принимать реальный мир таким, каков он есть. А вот внезапно понять, что после стольких лет обмана впервые по-настоящему видишь жизнь... это значит излечиться от безумия. Вы согласны со мной?

Нотон молчал. В сгущающихся сумерках ему был виден огромный овальный шатер за лагерем. Он сказал:

— Этот человек взял себе имя языческого бога. Ни больше ни меньше.

— Да? — прошептал Мусаллим, неслышно подошедший сзади. Он осторожно притронулся к спине американца чуть повыше лопатки, и его прикосновение показалось Нотону странно

похожим на укол ножа. — Я так же относился к нему, покуда своими глазами не увидел его чудеса. Я видел, как из его пальцев вырывается священное пламя. Я видел, как там, где он поцеловал песок, вырос цветок. Скоро вам откроется истина, которая заставит умолкнуть все лживые голоса. Толпа ждет Ваала. Его ученики скитаются по этой земле, чтобы прошептать его имя тем, кто услышит. Я видел, как прибывают обращенные, как с каждым днем растет их число. Этой ночью, мистер Нотон, Ваал нарушит свое молчание... там. — Он показал на огромный шатер и гудящий генератор. — Завтра будет первый день нового мира.

Нотон обернулся и торопливо сказал:

— Мне нужно срочно дать телеграмму. Здесь есть где-нибудь телеграф?

Мусаллим остановил его, подняв руку.

— Поздно, мой друг. Поздно. — И едва он умолк, как где-то в лагере громко, гулко заговорил колокол; он звонил и звонил, звонил и звонил, пока к его голосу не присоединился стон сперва одного человека, потом дюжины, потом сотни и, наконец, весь лагерь не наполнился звуком.

— Он идет! — сказал Мусаллим дрожащим от волнения голосом. — Он идет!

14

День цеплялся за жизнь тонкой красной нитью, прочертившей горизонт. Выше чернело беззвездное небо — словно опустили светомаскировку.

По всему лагерю горели костры: огни города, прилепившегося на краю пустынной ничейной земли. С мерными ударами колокола шум толпы — вопли, причитания, проклятия — внезапно пошел на убыль и наконец затих. Слышался лишь лай собак.

И тогда на глазах у похолодевшего Нотона, замершего у входа в шатер Мусаллима, из продымленного лагеря хлынула

людская масса. Отбросив всякое достоинство, эти люди в грязном тряпье, а кто и нагишом (и таких было немало), мчались к овальному шатру, как взбесившаяся стая, огрызаясь и рыча друг на друга, снова и снова выкрикивая имя, визжа, что-то выпрашивая, о чем-то униженно умоляя, а среди шатров, как пустынный смерч, гуляло облако поднятого ими песка. Многие гибли под ногами толпы; стоило упасть одному, и о него спотыкались два десятка других, начиналась страшная куча мала, хрустели кости, мелькали руки, ноги, головы: каждый отчаянно рвался поскорее выбраться и захватить местечко внутри огромного шатра, темневшего впереди. Богачи в сверкающих златотканых одеждах, в ослепительных драгоценностях бежали вместе с чернью, оглашая воздух пронзительными криками; их слуги бежали впереди, расталкивая люд прикладами карабинов. Колокол все гудел, точно громоподобный повелительный голос, и толпа вторила ему: «Ваал, Ваал, Ваал!» — пока этот общий стон не стал таким громким и страшным, что Нотон зажал уши.

Где бы ни проходила обезумевшая толпа, на земле во множестве оставались искалеченные тела мертвых и умирающих. Следом, увязая в рыхлом песке, тянулись больные: одни ковыляли на костылях, другие ползли, точно ожившие змеиные скелеты. Собаки со злыми глазами хватали их за пятки или, поймав за лохмотья, безжалостно терзали увечные тела.

Мусаллим спокойно сказал:

— Пора, мистер Нотон. Нам приготовлено место. — Он выдвинул ящик стола и достал оттуда блестящий, инкрустированный рубинами револьвер.

Нотон наблюдал за дракой, вспыхнувшей у входа в шатер; каждый из дерущихся кулаками отстаивал свое право войти раньше других. Свалку скрыло облако песка. Мусаллим взял Нотона за локоть и вытолкнул из спасительного укрытия в беснующуюся толпу.

Только приблизившись к шатру, Нотон понял, до чего тот огромен. Ветер раздувал исполинские стенки, за пологом исчезали целые оравы оборванных фигур. Что-то щелкнуло — Му-

саллим снял револьвер с предохранителя. Они попали в круговерть оскаленных зубов, жадных рук, голосов, выкрикивавших имя даже в драке. Мусаллим крикнул каким-то нищим, чтобы те освободили дорогу, и один из них, со свирепыми жестокими глазами, прыгнул на Нотона. Мусаллим вскинул руку с револьвером, и выстрел отшвырнул оборванца прочь.

У запруженного орущей толпой входа в шатер Мусаллим, к ужасу Нотона, начал без разбора палить по темной стене тел. В ней возник узкий проход, и они смогли проскользнуть внутрь.

Внутри на песке плечом к плечу стояли на коленях больше тысячи человек. С потолка свисали сверкающие позолоченные люстры, заливавшие резким белым светом волнующееся море голов. Мусаллим, орудуя локтями, размахивая револьвером и выкрикивая угрозы, прокладывал себе путь через толпу. Нотон шел за ним, то и дело осторожно оглядываясь на случай нападения сзади. Они пробились в первые ряды этого кричащего, рыдающего собрания, и Нотон увидел огромного идола, которому они молились. На высоком золотом пьедестале стояла примитивно изваянная мужская фигура: высокомерно сложенные на груди руки, продолговатая, почти треугольная голова, узкие щелки глаз, тонкие жестокие губы. Но самой примечательной и, бесспорно, самой смущающей особенностью этого диковинного произведения древнего искусства были детородные органы: почти четырехфутовый торчащий пенис и огромные, черные округлые яички. На миг Нотон замер, вглядываясь в эту фигуру; Мусаллим рядом с ним упал на колени, и его умоляющий голос слился с общим хором. У фигуры, вырезанной давно забытым мастером, под черным камнем бугрились живые мышцы, лицо было жестокое и требовательное. Казалось, она следила за Нотоном, когда тот отделился от толпы и потянулся к холодному камню.

И чуть не упал, споткнувшись обо что-то, с тихим криком метнувшееся в сторону. Нотон поглядел под ноги и увидел оборванного арапчонка с огромными испуганными глазами. Ребенок был чудовищно худой, кожа да кости; локти были острые

как кинжалы, а колени плоские, этакие едва заметные утолщения на палочках-ногах. Нотон решил, что это мальчик; вероятно, его сбили с ног и помяли в толпе. Но, приглядевшись повнимательнее, он увидел на шее ребенка металлический ошейник, соединенный тремя футами ненатянутой сейчас цепочки с врытым в песок заостренным металлическим колышком. Ребенок, казалось, вот-вот отчаянно разрыдается: он сжался в комочек и вскинул руки, умоляя возвышавшегося над ним человека пощадить его.

Нотон отступил на несколько шагов, испытывая странное, доселе незнакомое ему чувство собственного могущества: он вдруг понял, что одним точно рассчитанным ударом башмака мог бы пришибить мальчишку.

Гулкий звон колокола оборвался так внезапно, что от наступившей тишины у Нотона зазвенело в ушах. Собрание притихло; одни паломники пали ниц, другие преклонили колена перед изваянием. Взмокший от невыносимого страха Нотон огляделся в поисках Мусаллима, но того, а с ним и гарантию их безопасности — револьвер, давно всосал людской водоворот. Толпа источала кислый запах пота и враждебность. Нотон вновь почувствовал непреодолимое желание посмотреть в глаза идолу. Взгляд изваяния приковал молодого американца к месту. В голове у Нотона зашумело, словно кто-то пытался докричаться до него издалека, и у него вырвалось: «Нет, этого не может быть!»

Его приводила в трепет абсолютная власть фигуры, которая, торжествуя, стояла над ребенком. Нотон вдруг подумал: вот он — сильный, вечный. Наш господин. Когда все мы умрем и плоть наша, истлев, вновь обратится в прах, он, уверенный, величавый, по-прежнему будет здесь, в своем каменном теле, износившем столько покровов столетий, что и не счесть. Он вдруг устыдился собственной бренности. Ему захотелось рухнуть на колени и спрятать лицо, но он не мог. Он задрожал, пойманный в ловушку между идолом и толпой, не в силах повернуться спиной ни к кому из них.

Нотон вдруг понял, что слышит новый звук: голос ветра снаружи поднялся до пронзительного воя. По стенам шатра

колотили кулаками те, кто не сумел попасть внутрь. Шатер содрогался. Стонали веревки и балки. На миг Нотону показалось, что надвигающаяся песчаная буря сметет и шатер, и все, что в нем.

У него за спиной, в задних рядах толпы, послышался сдавленный крик. Нотон обернулся, но ничего не увидел — источник шума находился слишком далеко. Он подумал, началась очередная драка, но вдруг совсем рядом с ним какой-то бедуин вскрикнул, зажал руками уши, грянулся наземь и принялся кататься по песку.

Нотон стоял неподвижно, как в трансе. Пот, выступивший на лице, капал на воротник рубахи.

Агония распространялась по толпе. Состоятельные кувейтцы и нищие бедуины равно подхватывали единый стон, единый вопль ненависти. В разных местах шатра вспыхивали драки. Нотон заметил кровожадный блеск в глазах людей, хвативших друг друга за горло, и попятился к изваянию, странным образом чувствуя себя под защитой его громады. Мужчины и женщины, с трудом поднявшись на ноги, без промедления бросались в бой; вопли и стоны звучали все громче, и в конце концов Нотону начало казаться, что он сходит с ума. От невыносимого гвалта больно стучало в висках. Нотон съежился, не в состоянии защититься от шума.

Он видел, как мужчины срывали с женщин одежду и совокуплялись с ними на взвихренном песке. Женщины, задрав подол на голову, раздвигали ноги перед всяким желающим. Драка постепенно переросла в нескончаемые любовные поединки, но то здесь, то там недавние партнеры накидывались друг на друга с кулаками. Нотон видел, как они избивали друг друга, не чувствуя ни вины, ни стыда; грубо употребив одну женщину, ее отшвыривали в сторону ради новой пары с готовностью раздвинутых бедер. Его замутило, но он не мог отвернуться, это было выше его сил. К нему подкатилась совокупляющаяся пара, и он отступил, освобождая дорогу. Какой-то бедуин прокричал что-то Нотону в ухо и бросился на него. Американец вырвался и увидел, как бедуина утянуло вниз, в

огромный клубок дерущихся. Он стал отступать от этих потных голых тел, облепленных песком, и снова споткнулся о ребенка. Чертыхнувшись, Нотон пнул наугад, попал в кого-то и услышал слабый вскрик. Женщина с запавшими глазами, с серыми гнилыми зубами зашарила у него между ног. Внутри у Нотона все перевернулось, он замахнулся и сильно ударил ее в подбородок. Другая женщина вцепилась ему в спину, укусила за ухо, разодрала ногтями рубашку. Нотон выругался и стряхнул ее с себя. Он тяжело дышал, из разорванной мочки уха капала кровь. Изможденный араб в перепачканной одежде пнул Нотона в пах, но Нотон поймал его за лодыжку, дернул на себя, и араб опрокинулся на какую-то впавшую в ступор голую парочку.

У Нотона не было времени на раздумья. Кровь бросилась ему в голову. Будьте вы прокляты, сказал он. Будьте вы все прокляты, провалитесь вы к черту. Они поубивают друг друга и его, они не успокоятся, пока не погибнут. Он услышал выстрелы и задумался, сумеет ли отыскать Мусаллима. Вонь стояла такая, что трудно было дышать. Нотон задыхался. Будьте вы прокляты, сказал он. Вы хотите убить меня. Он наткнулся на двух бедуинов с ножами в руках; у одного на груди была глубокая рана, потухший взгляд говорил о том, что этот человек истекает кровью. Он заметил Нотона и, с проклятием повернувшись к нему, замахнулся. Его противник немедленно воспользовался этим и с быстротой молнии вонзил нож ему в поясницу.

Нотон подхватил нож упавшего бродяги и попятился от победителя. Он крикнул: «Проваливай!» — но его голос затерялся в невыносимом шуме. Американец прочел в глазах бедуина свой смертный приговор. Позади, над самым ухом у Нотона, послышался яростный вопль. Резко обернувшись, чтобы нанести удар, Нотон споткнулся о чье-то тело и тяжело рухнул на землю, полосуя ножом воздух в новообретенном стремлении спасти свою жизнь.

Стон вдруг оборвался.

Те, что боролись в окровавленном песке, застыли, словно чья-то рука неожиданно вырвала их из тисков злобы и гнева.

Совокупляющиеся тела замедлили свои содрогания. Посреди шатра Нотон увидел Мусаллима с револьвером в руке. Их взгляды встретились.

Нотон дрожал от ярости и смятения. Его руки и грудь были горячими и липкими от пота, он смутно сознавал, что прокусил нижнюю губу. Его лихорадило, ноги подкашивались. Когда его ноздрей коснулся сладковатый запах крови, он выронил нож и, как раненый зверь, уткнулся лицом в песок.

Он перерезал горло ребенку.

Нотон вскрикнул, оттолкнул от себя обмякшее тельце и стал отползать в сторону. Открытые глаза мальчика над чудовищно искромсанным горлом безразлично смотрели на Нотона, рана походила на смеющийся окровавленный рот. Нотон переполз через людей, которые старались дотронуться до него, вцепиться ему в мгновенно осунувшееся лицо, оторвать лоскуток от лохмотьев рубашки. Он прятал лицо, ежился от легких, любовных прикосновений неуклюжих рук.

Вдруг шум возобновился с новой силой — выкрикивали имя. Нотону показалось, что он замурован в склепе со стенами из живой плоти. Он протянул руку и коснулся обнаженного женского бедра. Женщина жадно присосалась к его губам. Вокруг воздевали руки. «Ваал, Ваал, Ваал!» — кружило над головой. Нотон вздохнул — это было дыхание Ваала. Стиснул скользкую плоть — это была плоть Ваала. Впился в кривящийся рот — это был рот Ваала.

Глаза Нотону заливал пот, все плыло, туманилось, как во сне. Его вдруг обуял восторг, он чувствовал, что свободен, что его ласкает женщина или женщины, каких он прежде никогда не встречал. Запах крови лишь обострял чувственное восприятие. Нотон рванул с себя остатки рубашки, движимый внезапным желанием избавиться от них, и женщина впилась зубами ему в живот, как тигрица. Голоса вокруг достигли недосягаемых высот, и Нотон отдался во власть безумия. Имя билось внутри него. Он еще не заговорил, а оно уже заполнило его рот. И Нотон сказал: «Ваал».

Сквозь плавающий в глазах туман он различил каких-то людей, ходивших среди паломников. Одного он как будто бы

узнал, но не мог припомнить, где его видел. Охваченная неистовством толпа испустила истошный многоголосый крик. Нотон хотел встать, но он был слишком слаб и, понурив голову, опустился на прежнее место. Потом кто-то взял его за плечо и настойчиво потянул вверх. Рука была цепкая, сильная, ногти больно впивались в тело. Нотон попытался рассмотреть, кто это, и не смог; неизвестный возвышался над ним, словно изваяние с гигантскими гениталиями.

Лба Нотона коснулся палец.

Американцу показалось, что по его телу пробежал слабый электрический разряд, и он открыл рот, чтобы вскрикнуть в сладкой муке: его кровь обратилась в жидкий огонь. Тогда незнакомец отпустил его и исчез в толчее.

Нотон пошатнулся, но кто-то, подошедший сбоку, поддержал его. Молодой человек огляделся и с трудом различил сквозь дымку усталое, но спокойное и безмятежное лицо Мусаллима. Грудь богатого кувейтца была исцарапана, бурнус исчез. Нотон моргнул. На лбу у Мусаллима, точно между глаз, краснела какая-то отметина. Пятно? Нет, поправил себя Нотон, не пятно. Не пятно. След пальца.

Когда он протянул руку, чтобы дотронуться до алой метки, колени у него подломились.

15

Собирая чемоданы, Вирга наткнулся на относительно свежий номер «Тайм». Журнал пришел по почте несколько дней назад, и профессор еще тогда прочел его от корки до корки, основное внимание обратив на интересную для себя статью. Сейчас он взял журнал и по застланному серым ковром коридору отправился в кабинет. Он включил свет и сел за письменный стол, чтобы перечитать статью: за последние несколько дней она наполнилась новым, неожиданным и важным смыслом.

Статья, опубликованная в разделе «Религия», начиналась двумя словами, набранными жирным журнальным шрифтом:

Здесь же помещалась фотография: оборванные мужчины и женщины у костра, бурно жестикулируя, неприветливо смотрели в объектив. На другом снимке, очень зернистом из-за большого увеличения, на балконе настоящего дворца с башенками кто-то стоял. Подпись гласила: «Ваал».

Вирга взял со стола трубку и задумчиво раскурил ее. В статье воссоздавалась обрывочная картина неслыханного наплыва паломников в Кувейт. Толпы людей прибывали в страну и собирались у святилища, возведенного в пустыне. Было очевидно, что автор статьи имел доступ к информации только из вторых рук, ввиду чего философия движения «ваализма» оставалась неясной, упоминалось только, что «ваализм» стремится возродить власть индивида. Но ключевая фигура, таинственный субъект, именующий себя Ваалом, никому не давал интервью и не делал никаких официальных заявлений. «Само присутствие этого человека, которого многие признают Мухаммедом, избранным, мессией, — говорилось в статье, — поставило город Кувейт и окрестные деревни на грань религиозной истерии». Вирга закрыл журнал и отодвинул его на середину стола.

Некоторое время он сидел неподвижно. Безусловно, это безумец, взявший себе имя древнего ханаанского бога плотской любви и жертвоприношений. Но зачем? С какой целью? Культ Ваала, существовавший еще за полторы тысячи лет до возникновения христианства, — это и фантастически омерзительные оргии, и принесение в жертву детей, и превращение храма в обитель блуда и содомии. Вирге не верилось, что человек в здравом уме может отождествлять себя с тем, кого Иегова изгнал из Ханаани. Под властью Ваала, первоначально — бога плодородия, земля ханаанская превратилась в огромный публичный дом, в царство жестокости; Вирга помнил, как потрясли современный мир омерзительные находки, сделанные археологами на раскопках разрушенных ханаанских городов Асора и Мегиддона, — скелеты младенцев, втиснутые в грубо вылепленные земляные сосуды для ритуальных похорон, идолы с лицами воинов и непомерно огромными чреслами... Имя «Ваал»

всплывало и в иных местах, в иные времена: примерно за три тысячи лет до нашей эры он был «богом грома» у аморитов; в шестнадцатом веке, давным-давно утратив расположение Иеговы, он предпочел связать свою судьбу с темными силами — демонолог Жан Вье описывал его как «демона о трех головах, кошачьей, жабьей и человечьей, коему подвластны все прочие демоны».

И этого-то человека, этого «Ваала» отправился искать Нотон.

Однажды днем Вирге в университет позвонила Джудит Нотон.

— Я хотела узнать, — ровным голосом спросила она, — не было ли за последнюю неделю вестей от Дональда?

— Нет, — ответил Вирга. — Я полагал, он уже вернулся. Нет?

— Нет.

Вирга подождал, не скажет ли Джудит еще что-нибудь. Миссис Нотон молчала, и он неловко сказал:

— Что ж, возможно, он с головой ушел в свой проект. Вы же знаете, иногда в процессе работы так называемые ученые мужи ведут себя точно малые дети. Мы полностью утрачиваем чувство времени. Кстати, кажется, на прошлой неделе у Тимми был день рождения? Сколько же ему сейчас? Семь?

— Да. Семь. Дональд перед отъездом купил ему подарок.

— А-а. Честно говоря, я полагал к этому времени узнать от Дональда несколько больше. Я получил от него два или три письма с общей информацией о том, как продвигаются его дела, но последнее пришло три недели назад, и с тех пор — ничего. Признаться, он мне очень нужен: пора составлять учебный план на следующий семестр, и я хотел бы получить определенное представление о том материале, который собирается давать студентам Дональд. Неизвестно, когда он вернется?

— Нет, — сказала Джудит, и Вирга услышал в трубке приглушенное рыдание.

— Джудит, — спросил он, — что-нибудь случилось?

На следующий день, встретившись с ней за обедом, он заметил, что руки у нее дрожат, а глаза припухли. Он заказал для нее бокал вина и сказал:

— Ну-с, вы так и не объяснили мне, в чем проблема. Я из кожи вон лезу, чтобы вас подбодрить, а вы словно воды в рот набрали. — Он осторожно улыбнулся. — Не понимаю я современных женщин. Наверное, и пытаться не стоит.

Джудит принужденно улыбнулась в ответ, и Вирга заметил, что ей очень не по себе. Наклонившись к ней, он сказал:

— Я хотел бы помочь вам, если это в моих силах.

Джудит смотрела в свой бокал; Вирга понял, что она намеренно избегает встречаться с ним глазами. Теребя ножку бокала, она проговорила:

— Я получила письмо от Дональда. Неделю назад. И не знала, что делать, с кем поговорить. Я подумала, может, это какой-то розыгрыш... не знаю, что я подумала. — Она покопалась в сумочке. Письмо шло долго: оно было мятое, в пятнах, потертое на сгибах. Джудит подтолкнула его по столу к Вирге. — Вот, — сказала она.

Вирга открыл конверт и аккуратно развернул потрепанный листок. На нем неразборчивыми каракулями было нацарапано всего одно слово: «Прощай».

Вирга заметил:

— Но это не почерк Дональда. Не он послал это.

— Нет он, — возразила Джудит. — Я узнаю почерк — просто он писал второпях. — Она закрыла лицо руками. — Не знаю, что я такого сделала. — Она задрожала и подавила рыдание.

— Он говорил вам, где он остановился?

— Да. Я звонила туда, но мне сказали, что он оставил всю свою одежду, все чемоданы и... исчез. — Джудит вдруг умоляюще посмотрела на Виргу. — У нас никогда не было никаких проблем. Честно. Так, небольшие споры по пустякам. Но ничего такого, что заставило бы Дональда бросить меня вот так, без предупреждения. Это совсем на него не похоже... — Она опустила глаза, устыдившись того, что втягивает Виргу в их семейные дела. — Что мне делать?

Вирга сидел, подперев руками подбородок. На столе рядом с ним лежал «Тайм». Потерянный, безнадежный взгляд Джудит ускорил его решение. Обсудив с доктором Лэндоном, смо-

жет ли тот в течение недели исполнять обязанности заведующего кафедрой, профессор заказал билет на самолет и забронировал номер в гостинице.

Джудит была права; такой поступок был не в характере спокойного, сдержанного Нотона. И почерк — Вирге врезались в память едва разборчивые каракули, словно по бумаге царапал лапой бешеный зверь. А теперь еще и это... этот ненормальный, именующий себя Ваалом и, возможно, прямо или косвенно ответственный за письмо Нотона. Вирге стало жарко: он почувствовал, что ему брошен вызов. Сумасшедший, лжемессия, соблазняет тысячи людей собраться в пустыне и присягнуть ему на верность. Разумный, интеллигентный человек вдруг одним кое-как накорябанным словом перечеркивает свой брак, свою работу, свою жизнь. Существовала ли здесь взаимосвязь? Исполнившись новой решимости, Вирга встал и вернулся в спальню, чтобы закончить сборы.

На следующий день в лучах восходящего солнца Вирга летел Боингом компании ТВА в Лиссабон. От конечного пункта назначения профессора отделяло еще много часов пути. Ему предстоял перелет из Лиссабона в Каир, а оттуда, через выступающий треугольник Саудовской Аравии, в Кувейт. Проглотив две порции шотландского виски, он попытался сосредоточиться на «Легендах о богах», которые он прихватил в дорогу, желая освежить в памяти дохристианские обряды, посвященные ханаейскому богу плодородия, и значение бога-воителя Ваала. Ваал, насколько ему было известно (в студенческие годы Вирга в числе прочего прослушал курс лекций по дохристианским культам), был изгнан из Ханаана Иеговой, которого в тот исторический период называли Яхве. С тех пор последователи Яхве презирали даже память о Ваале.

Вирге было интересно, как бог Ваал превратился в демона Ваала. Возможно, виновата была людская память, откликнувшаяся таким образом на гнусные оргии и жертвоприношения детей в его храмах; возможно, причина крылась в воспоминаниях об уничтожении Ханаана разгневанным Яхве, передававшихся из уст в уста у племенных костров и наконец с книгой Иисуса Навина попавших в Ветхий Завет. Но профессора не-

отвязно преследовал вопрос: мифическая ли фигура Ваал? Если Иегова — историческая личность, в чем сам Вирга не сомневался, то что насчет младших богов, Ваала и Сета, Мота и Митры? Но, как бы там ни было, новый мессия намеренно принял имя «Ваал», и Вирге очень хотелось узнать почему.

Он оказался не готов к суматохе кувейтского международного аэропорта. Чудовищно утомленный перелетом, еле держась на ногах, он подхватил чемоданы и подозвал такси, чтобы как можно скорее удрать от журналистов с их камерами и микрофонами на «удочках». Над шоссе, которое вело в город, дрожал разогретый солнцем воздух; горячие волны катились над землей и выплескивались на окрестные равнины. Вирга много раз бывал на Ближнем Востоке, хорошо знал местные язык и обычаи и неизменно находил эту землю либо очень древней, либо очень юной, либо разрушенной временем, либо только пробуждающейся от многовекового сна. Он вынул из кармана пиджака тюбик — мазь от солнечных ожогов — и намазал лоб и переносицу. Шоссе было запружено самыми разными средствами передвижения — от лимузинов до ослов. Периодически Вирга замечал следы дорожных происшествий. По обеим сторонам автострады горели остовы разбитых и брошенных машин. Вдали в зыбком знойном мареве вставали башни города, а южнее в небо тысячью темных стягов поднимался дым. Вирга понял, что это и есть лагерь, о котором писал Нотон.

На окраине города Вирга увидел наспех сколоченные лачуги, сооруженные для того, чтобы справиться с наплывом народа. На плоской земле жарились на солнце тесно поставленные сборные домики и палатки из козьих шкур, а в небе медленно клубился дым; время от времени ветер выносил его на шоссе, и тогда водители сворачивали на обочину, чтобы не въехать ненароком в кучу гниющих отбросов или ворох тряпья.

В городе Вирга почувствовал, что наконец попал на театр военных действий. Ему стало страшно. Оравы нищих со злыми глазами забрасывали камнями проезжающие машины, поровя попасть в окно, а кувейтские полицейские, вооруженные револьверами и дубинками, врезались в самую гущу смутьянов, чтобы отогнать от дороги. Оборванцы раскачивали припаркован-

ные у тротуаров автомобили и опрокидывали их. В барачных кварталах пылали пожары, горело и несколько зданий в центре города. Дважды водитель Вирги чертыхался и резко выруливал, чтобы не переехать распростертого на дороге человека.

Таксист вдавил педаль газа в пол, и машина с ревом промчалась сквозь группу арабов, ожидавших, что шофер притормозит. Арабы с руганью кинулись врассыпную. В крыло такси ударил камень, и Вирга понял, что попал в страну безумцев. Безумие здесь было неразлучно с дымом. Ветер с залива разносил его повсюду, и Вирга испугался, что, надышавшись им, сам лишится рассудка.

Они прибыли в гостиницу. Через разбитые стеклянные двери Вирга внес чемоданы в вестибюль. На роскошных темно-красных коврах блестели осколки. Он заметил, что в стене темнеют два аккуратных круглых пулевых отверстия.

Портье, молодой кувейтец в светлом костюме, позвонил коридорному.

— Доктор Вирга, правильно? Хорошо, что вы забронировали номер заранее.

— Не знал, что здесь идет война, — сказал Вирга, кивая на разбитые окна.

— Прошлой ночью эти подонки наводнили город. «Холлидэй Инн» и «Хилтон» сгорели дотла — поджог. Мы в общем-то ничего не можем поделать.

— Я видел на улицах полицию.

— Это их долг, — ответил молодой человек, пожимая плечами. — Иначе здесь был бы полный бедлам. Три четверти полицейских и так уволились. В город введены войска, объявлен комендантский час, но остановить уничтожение собственности практически невозможно. Больницы и тюрьмы переполнены. Что можно поделать с этими людьми? Я даже начал носить с собой оружие.

Вирга осмотрел вестибюль. Ни души. Перевернутые стулья, разбитые зеркала, черепки декоративной керамики. Золотисто-зеленый гобелен разорван от потолка до пола. Маленький фонтан, сейчас без воды, засыпан битым стеклом.

— Извините за состояние вестибюля, — сказал портье. — Слишком много камней и никого, кто сумел бы обуздать эту публику.

— Ничего, — ответил Вирга. — Все в порядке. Я понимаю.

— Вы, разумеется, приехали, — продолжал портье, — увидеть Ваала?

Вирга удивленно поднял брови. Подошедший к стойке стройный молодой человек нагнулся за его чемоданами.

— Всем прочим только этого и надо. В аэропорту давка, по шоссе не проехать. Не удивлюсь, если вскоре аэропорт закроют по приказу военного командования. Едут отовсюду — из Греции, из Италии, из Испании. Богатые успели первыми, одни приплыли на собственных яхтах — они швартуются в бухте, другие прилетели на личных самолетах. Беднота добиралась кто как мог. Конечно, в городе никто из них не остался. Они все там... в пустыне.

— А вы сами видели этого человека? — поинтересовался Вирга.

— О нет. Я не видел. Но я знаю людей, которые видели его. И само собой, наша гостиница битком набита журналистами, рвущимися взять у него интервью.

Вирга сунул руку во внутренний карман пиджака и развернул страницу из «Тайм» с фотографией человека на балконе.

— Вы знаете, где это?

Кувейтец перегнулся через стойку и внимательно вгляделся в снимок. Вирга услышал далекую перестрелку; казалось, ей не будет конца. Потом с пугающей неожиданностью выстрелы прекратились. Портье сказал:

— В старом городе. Это особняк Хайбера Талата Мусаллима. Вы слышали о нем?

— Нет.

— О-о. Это новый пророк и ученик Ваала. Странно, что есть такой снимок. Я не знал, что часовые разрешают фотографам приближаться к стенам особняка. — Он оторвал взгляд от фотографии и посмотрел на Виргу. — Так, значит, вы здесь, чтобы увидеть его.

— Да. — Вирга взял ключ, протянутый ему портье. — А теперь мне хотелось бы принять горячую ванну. Я весь пропах дымом.

— Вода поступает нерегулярно, — крикнул ему вслед молодой араб. — Что-то с трубами.

Вирга пошел следом за носильщиком к лифтам. Внезапно он остановился и уставился на круглую лужу уже запекшейся крови на гладком мраморном полу. Молодой человек, который нес его чемоданы, равнодушно оглянулся.

— Простите великодушно, — сказал портье. — У нас сейчас нет возможности поддерживать такую чистоту, какую хотелось бы. Вчера ночью я был вынужден застрелить человека. Он истек кровью на этом самом месте.

Вирга поднял голову:

— Истек кровью?

— Звонить в «скорую» не было смысла. Я ведь уже говорил вам, что все больницы переполнены.

Вирга заморгал. Ему вдруг стало нехорошо.

— Если вам неприятно, мы уберем, — сказал портье.

За спиной у Вирги открылись двери лифта.

16

Из своего номера Вирга позвонил в отель, где остановился Нотон. Там ему объяснили, в общем, то же самое, что он еще раньше узнал от Джудит. Нотон бесследно исчез, бросив все свои вещи в гостинице. Пропал без единого слова предупреждения. Может быть, спросили Виргу, коль скоро он — друг мистера Нотона, он оплатит его счет и заберет его чемоданы? Вирга ответил, что еще позвонит, и повесил трубку.

Он хотел выспаться, чтобы избавиться от неприятных последствий перелета, но не мог уснуть. Беспокойно поворочавшись в постели, он наконец улегся на спину и уставился на расписной потолок. В распахнутые окна, выходившие на маленький балкон, волнами наплывал жестокий зной, но закрыть

их означало лишить себя последнего дуновения свежего воздуха. Кондиционер не работал. Поэтому Вирга лежал на кровати, чувствуя, как под мышками и на висках собирается пот, и слушал резкий уличный шум: внизу гудели клаксоны, визжали покрышки, слышались крики, брань и время от времени оглушительные хлопки — то ли автомобильный выхлоп, то ли выстрелы. Он смотрел, как эти звуки, клубясь, поднимаются к потолку и паутиной повисают среди раззолоченных резных завитушек, к которым арабы питают столь неумеренную страсть.

Он повернулся на бок и развернул журнальную страницу с фотографией. Фигура на балконе была высокая, тонкая, черты лица сливались в неясное пятно. Вирга задумался о том, каков на самом деле этот человек, именующий себя Ваалом. Вдруг оказалось, что он мысленно соединяет фрагменты разных лиц, но всякий раз выходило не то. Каков бы ни был этот человек, кем бы он ни был, его присутствие ввергло эту землю в пучину помешательства. Вирга внезапно осознал, что власть нового мессии распространилась и за границы Кувейта, заражая другие страны: об этом говорил молодой портье. Мысль о человеке, вслед за божеством, у которого он позаимствовал имя, использующем подобную власть для того, чтобы превращать людей в свирепых дикарей, тревожила и пугала, как кошмар, в котором нужно бежать, но не пускает невидимая трясина.

И еще одно беспокоило профессора. Как он ни старался, ему не удавалось увидеть в новом движении ничего положительного. За фасадом обещаний «власти индивида» крылось насилие в своем крайнем выражении и власть толпы. Еще немного, и порядок в этой стране будет окончательно свергнут.

Вирга встал с кровати, снял галстук, стащил с себя рубашку и пошел набрать воды в ванну. Открывая краны, он мельком увидел свое отражение в зеркале: обширная лысина, темные старческие мешки под глазами, расслабленный усталый рот. Старость медленно, но верно прибирала его к рукам — морщина за морщиной, день за днем, ночь за ночью, но он совершенно не помнил, как это происходило. С шеи Вирги свисало маленькое золотое распятие, подарок Кэтрин.

Кэтрин.

Он снял крестик и бережно положил его на стол в номере. Вернувшись, он заметил на дне ванны осадок: песок.

Облачившись в легкий голубой костюм и вновь намазав лицо бальзамом от солнечных ожогов, Вирга запер дверь и спустился на лифте в вестибюль. Кровь с пола так и не отмыли.

Он вышел из гостиницы на жаркую улицу и остановился, поджидая такси и наблюдая тем временем за беспорядочным движением на дороге.

У таксиста была клочковатая седая борода, лоб закрывала низко надвинутая грязная белая кепка. Вирга сел на заднее сиденье и показал ему снимок из журнала.

— Узнаете, где это?

— Да, — ответил тот.

— Вы можете отвезти меня туда?

Водитель вырулил на дорогу. Некоторое время они ехали в полном молчании. Иногда приходилось искать объезд: часть улиц была перекрыта полицией. Мелькали военные патрули. Один раз Вирга увидел на тротуаре раздутый труп в армейской форме. В другой раз им не дали проехать по какой-то разгромленной улице трое солдат, казалось, только что из боя; у одного была забинтована голова, другой опирался на винтовку, как на костыль.

Они ехали по узким пустынным улицам и переулкам.

Водитель сказал:

— Все туда рвутся. Зачем вам встречаться с ним?

— Я очень любопытен, — ответил Вирга.

— Вас туда не пустят.

— Почему?

— Он никого не принимает.

— А вы многих туда возили? — поинтересовался Вирга.

— И туда, и обратно, когда их оттуда заворачивали. И вас завернут. И вас обратно повезу.

— Возможно.

Водитель фыркнул:

— Какое там «возможно»! Вы американец? Журналист?

— Американец. Но не журналист.

— Тогда зачем вы хотите с ним встретиться?

— Я доктор теологии, — ответил Вирга. — И много о нем наслышан.

— Он, — повторил водитель, — никого не принимает.

Вирга решил, что спорить бессмысленно. Ему бросился в глаза лозунг, намалеванный белой краской на стене пустующего здания. Арабские буквы призывали: «Убивайте евреев!»

По лабиринту нищих хибарок они выехали на окраину и оказались в старой части города, где змеились каменные стены, а разбитые мостовые были вымощены грубым камнем. За приземистыми домами с плоскими крышами, внутри высоких стен, Вирга увидел внушительное сооружение с башнями. Подъехав ближе, он увидел множество легковых машин и фургонов и целую ораву репортеров с камерами и микрофонами. Под стенами резиденции слонялись или сидели на земле, прижавшись лбом к камню, люди в самых разных одеждах. Подъездная дорога исчезала за запертыми железными воротами особняка. Их, заметил Вирга, охраняли два бедуина в белых дишдашах, с автоматами.

Таксист остановил машину под стеной и, не оборачиваясь, сказал:

— Счетчик я не выключаю.

Вирга пренебрежительно посмотрел на него и прошел те пятнадцать ярдов, что отделяли его от основной толпы журналистов, сгрудившихся у решетчатых ворот. За ними он снова увидел здание с башнями и мгновенно проникся ощущением богатства и величия. Подъездная дорога за воротами продолжалась, огибала с двух сторон островок аккуратно подстриженных кустов и упиралась в широкую каменную лестницу, которая вела к тяжелой двери под балдахином. Само здание было не столько широким, сколько высоким, устремленным вверх. Башни (где в окнах, заметил Вирга, почти не осталось целых стекол) казались совершенно необитаемыми. Особняк стоял на зеленой, безукоризненно ровной лужайке с маленьким прудом. За ухоженным кустарником просвечивал металлический ангар. Над асфальтом струились волны горячего воздуха.

Виргу кто-то толкнул. Кто-то уронил камеру на камни, и объектив разлетелся вдребезги. Послышались крики, ругань, и Вирга неожиданно для себя вдруг очутился посреди группы журналистов, среди которых, как ему показалось, не было ни одного американца. Кто-то закричал что-то по-французски бедуинам у ворот, и Вирга с тревогой, граничившей с паникой, увидел, что один из охранников хладнокровно, привычно вскинул автомат. Рассерженный француз не унимался и продолжал сыпать оскорблениями. Охранник шагнул вперед и схватил его за ядовито-зеленую куртку. Кто-то бросил язвительную реплику на незнакомом Вирге языке, и в первых рядах завязалась потасовка. Замелькали кулаки. Охранник-бедуин качнулся от ворот, и толпа журналистов, усмотрев в этом свой шанс, с камерами наперевес ринулась к воротам в надежде пробиться внутрь. Второй охранник попятился.

Вирга стал проталкиваться через толпу. Людской поток нес его вперед, в какой-то момент профессора чуть не сбили с ног. Кто-то рядом с ним истошно вопил по-арабски: «Один кадр! Один кадр!» Репортер впереди Вирги упал, и Вирга споткнулся о его ноги. Он машинально вытянул руку, чтобы за что-нибудь ухватиться, и вдруг оказалось, что он прижат лицом к обжигающему железу, а его пальцы судорожно стискивают прутья решетки ворот.

Вирга задержал дыхание и попробовал оторваться от решетки, но сзади наседали остервенелые журналисты.

Послышалось глухое угрожающее рычание.

Вирга смотрел прямо в оскаленную морду доберман-пинчера, стоявшего за воротами. Расширенные от ярости глаза предвещали неизбежное нападение, острые зубы белели всего в нескольких дюймах от лица профессора. Если бы не цепь, удерживавшая пса, Вирге бы несдобровать.

— Боже мой, — вырвалось у него.

Позади щелкали фотоаппараты, стрекотали камеры. Журналисты напирали на ворота.

Человек, державший добермана, выпустил цепь из рук.

Вирга едва успел отпрянуть: собака бросилась на ворота. Она подпрыгивала на задних лапах, рыча и щелкая зубами, по-

ровя вцепиться в репортеров, которые, испуганно пятясь, продолжали снимать. Откуда-то выскочил второй доберман. Рыча, готовый в любую минуту прыгнуть, он настороженно следил, не появится ли новая угроза.

Охранники-бедуины с автоматами наперевес врезались в толпу журналистов, отгоняя их от ворот. Прогремела очередь; пули прошли в считанных дюймах над головами репортеров, на землю посыпались гильзы. Другой бедуин грубо схватил Виргу за шиворот и поволок прочь.

— Нет, — вдруг сказал мужчина за воротами — тот, что спустил на Виргу добермана. — Этого оставьте.

Бедуин поднял голову. Он тотчас выпустил Виргу и занялся другими.

Человек за воротами подобрал с земли конец цепочки и подтащил собаку к себе. Еще кто-то отозвал второго пса.

Вирга тряхнул головой: от удара о ворота она кружилась. Он встал, медленно отряхнулся и посмотрел через решетку на высокого блондина с одутловатым, неприятно бледным лицом. Глаза этого человека казались мертвыми, они смотрели сквозь Виргу. Рядом со светловолосым стоял второй мужчина, смуглый, кудрявый и широкоплечий. Оба глядели одинаково равнодушно и надменно. И у обоих, бросилось в глаза профессору, на лбу были одинаковые странные отметины. Какие, он затруднялся сказать.

Светловолосый сказал по-английски:

— Я слышал, как вы что-то сказали. Вы американец?

— Да, — ответил Вирга. У него вдруг разболелась голова. — Американец.

— Журналист? — спросил блондин. Собака сидела у его ног, плотоядно глядя на Виргу.

— Нет. — Он на миг задумался о том, кто же он, но головная боль мешала вспомнить.

— Ваше имя?

— Вирга, — ответил он. — Джеймс Вирга.

Светловолосый кивнул, взглянул на смуглого, и тот без единого слова повернулся и пошел по подъездной дороге к особняку.

Вирга вдруг вспомнил:

— Я теолог.

— Я знаю, — ответил блондин. Он отодвинул засов, потом другой и наконец распахнул ворота.

Толпа позади Вирги вновь устремилась вперед. Светловолосый схватил Виргу за плечо, втащил во двор и под охраной добермана торопливо задвинул засовы. Толпа отшвырнула от ворот сыплющих проклятиями бедуинов; люди с криками и мольбами напирали на решетку.

Светловолосый спокойно распорядился:

— Рашид, пристрели троих.

Его слова возымели действие. Журналисты шарахнулись от ворот; каждый старался спрятаться за чужую спину, отчаянно цепляясь за коллег и топча тех, кто не удержался на ногах.

Но один из охранников уже выступил вперед. Довольно улыбаясь, он нарочито медленно поднял автомат, и в следующий миг по охваченной ужасом толпе ударила очередь. Во все стороны полетели гильзы.

Взяв добермана на короткий поводок, светловолосый пошел по подъездной дороге от ворот. Увидев, что Вирга медлит, он обернулся и негромко спросил:

— Идете?

Вирга смотрел сквозь решетку на убитого. Толпа журналистов рассеялась; кое-кто и убегая продолжал снимать. Один из бедуинов пнул мертвеца в лицо. Вирга отвернулся.

— Да, — сказал он. — Иду.

17

Вирга шагал по полутемным коридорам следом за блондином, который всего за несколько минут до этого приказал казнить трех человек.

Они поднялись по длинной мраморной лестнице, испачканной остатками еды и экскрементами, и профессор задался вопросом, не гуляют ли здешние доберманы сами по себе. Они

очутились в начале узкого коридора с дюжиной закрытых дверей и прошли мимо них туда, где коридор то оборачивался огромным залом, то вдруг расширялся нишей. Один участок больше походил на разгромленный музей исламского искусства — Вирга увидел картины, изодранные в клочья, словно ногтями безумца, и черепки древних и, вероятно, бесценных глиняных сосудов. Останки некогда прекрасных предметов теперь хрустели у них под ногами.

Вирге было тревожно в этом неприветливом окружении. Ему казалось, что за ним неотступно следят чьи-то глаза, что за ним отовсюду подсматривают и подглядывают, хотя по дороге они никого не видели и не встречали. Он чувствовал, вернее, чуял, чье-то зловещее присутствие, бывшее частью этого места. Он не мог избавиться от ощущения, что в полумраке что-то прячется, глядит ему в спину из тени. К тому же он заметил: стены, пол, даже потолок сырого коридора покрывали бесчисленные рисунки — треугольники, круги, странные письмена, — бессмысленные, с его точки зрения, и тем не менее наполнявшие его необъяснимым страхом. Вирга очень надеялся, что блондин не заметит, что он дрожит.

Но было и еще кое-что. Запах, отвратительное зловоние. Своим происхождением оно было отчасти обязано экскрементам, размазанным повсюду, даже по стенам, отчасти протухшей еде, но было и еще что-то, что-то, что вилось у Вирги над головой, цеплялось за одежду, словно пожираемый тленом призрак. В коридорах особняка разило смертью — или, может быть, чем-то, давно миновавшим этот этап.

— Вы тоже американец? — спросил Вирга у блондина. Его голос эхом разнесся по коридору.

— Я родился в Америке, — ответил тот, не оборачиваясь.

Вирга неслышно чертыхнулся: он-то надеялся, что блондин обернется. Ему хотелось рассмотреть, что у того на лбу.

— Как вас зовут?

— Оливье.

— И все?

— Да. И все.

Впереди коридор заканчивался двустворчатыми дверями, украшенными золотым орнаментом. Двери были закрыты. Стены и потолок покрывали все те же странные символы, треугольники и круги. Над дверями, прямо по центру, Вирга увидел перевернутое распятие.

Блондин вдруг обернулся:

— Полагаю, мы еще увидимся. А сейчас я вас покину. — Он открыл двери, и Вирга вошел, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть во мраке, обступившем его в этих безмолвных стенах. Блондин решительно затворил за ним дверь.

Едва она закрылась, как Виргу охватило непереносимое, жуткое чувство: ему померещилось, что он заперт в темнице, откуда нет выхода. Он задрожал. В комнате, как ни странно, было холодно. Когда глаза Вирги привыкли к полумраку, он увидел, что стоит в своего рода библиотеке. Вокруг были полки, забитые тысячами и тысячами книг. Не желая выдавать своего страха, он попытался унять дрожь и подавил свой первый порыв — повернуть к дверям и, если возможно, возвратиться прежним путем на залитую жарким солнцем улицу. В этой комнате чужое присутствие было агрессивным, давящим, впивалось в спину, как оскаленные зубы добермана.

Вдруг по спине у Вирги побежали мурашки. Он понял, что он не один.

В глубине комнаты кто-то дышал — тихо, размеренно. В узкую щель между шторами пробивался единственный узкий луч света. Он падал на плечи какому-то человеку.

Он неподвижно сидел за широким столом, сложив перед собой руки. Разбитая на темные и светлые квадраты столешница представляла собой шахматную доску. Войска уже были выведены на позиции; фигуры грозно смотрели друг на друга. Вирга шагнул вперед. Он еще смутно различал лицо сидящего, скрытое широкой полосой тени, но ясно видел руки этого человека, чрезвычайно костлявые и такие белые, словно они были выточены из льда или слоновой кости. Руки были неподвижны, но, приблизившись, Вирга понял, что незнакомец чуть-чуть — почти незаметно — повернул к нему голову. Взгляд не-

видимых профессору глаз проник в его мозг, и Вирга почувствовал, что раскрыт и беззащитен.

— Доктор Вирга? — негромко осведомился Ваал.

Профессор удивился. Неужели этот человек знал о его присутствии? Он остановился. Он боялся подойти ближе.

— Вы доктор Вирга, не так ли? — снова спросил мужчина.

— Да. Совершенно верно.

Человек за шахматной доской покивал. Тонкий палец шевельнулся, указывая на книжные полки:

— Здесь есть ваши работы. Я читал их. Я прочел все тома этой библиотеки.

Вирга хмыкнул. Не может быть.

— Это действительно так.

Он оцепенел. Разве он высказал свои сомнения вслух? Разве? Из-за гнетущей атмосферы он с трудом мог сосредоточиться. Да, через мгновение решил он, я сказал это вслух.

— Ваш коллега, доктор Нотон, — продолжал Ваал, — очень много рассказывал мне о вас. И разумеется, ваша добрая слава, слава выдающегося ученого, опережает вас.

— Нотон? Он здесь?

— Конечно. Разве вы приехали сюда не за тем, чтобы найти доктора Нотона? Да, мне думается, это и есть причина вашего визита. Доктор Нотон тоже чрезвычайно умный и образованный человек, очень прозорливый человек. Он умеет распознать свой шанс, и следовательно, он — хозяин своей судьбы.

Вирга напряг глаза, чтобы разглядеть тонущее в полумраке лицо своего собеседника. Ему показалось, что он различил резкие черты, высокие скулы, узкие глаза.

— Я приехал издалека и хотел бы повидать доктора Нотона.

Ваал улыбнулся. Вирге почудилось что-то непристойное в том, как искривился его рот и блеснули зубы. От этого человека исходило нечто гнетущее, наполнявшее его тревогой.

— Доктор Нотон все свое время посвящает работе над исследованием. Скоро его книга будет закончена.

— Книга?

— Полагаю, он обсуждал это с вами перед отъездом из Америки. Книга о лжемессиях, первоначально искажавшая правду. Однако я помог доктору Нотону с материалом, и последняя глава его труда будет посвящена моей философии.

— Я бы хотел увидеться с ним. Вы же не прогоните меня — я ведь проделал такой длинный путь... Нотон здесь, не правда ли?

— Здесь, — ответил Ваал. — Но работает.

Вирга ждал, однако Ваал молчал. Делая последнюю попытку, Вирга сказал:

— У меня письмо от его жены.

— У него нет жены.

Вирга вдруг почувствовал, что ему совершенно необходимо ясно увидеть лицо Ваала, и шагнул вперед, к самому краю шахматной доски.

И с трудом удержался, чтобы не отпрянуть под властным, грозным взглядом Ваала. Он вдруг обнаружил, что не может долго смотреть в эти темные, глубоко посаженные глаза, в которых искрились жестокий ум и безграничная ненависть, и отвернулся. Судя по широким крепким плечам, Ваал при всей своей худобе физически был очень силен. Вирга решил, что ему лет двадцать пять — тридцать, не больше. Он превосходно говорил по-английски, без малейшего намека на какой-либо акцент, а его голос был мягким и умиротворяющим, как первая волна, набежавшая на берег сна. Только его глаза, страшные, живые на мертвенно-бледном лице с твердым подбородком, придавали ему некоторое сходство со смертью.

— Вы американец? — спросил Вирга.

— Я Ваал, — ответил мужчина, словно это отвечало на вопрос профессора.

Вирга внезапно обратил внимание на шахматные фигуры, вырезанные из красивого блестящего камня. Белые (Вирга стоял у их половины доски) были представлены монахами в развевающихся рясах, скромными монашками, суровыми священниками и стройными готическими соборами. Ферзь, женщина в накинутом на голову покрывале, возводил очи горе. Король,

бородатая фигурка Христа, воздев руки, о чем-то молил Отца. На противоположном краю шахматного поля — Вирга теперь заметил, что Ваал уже сделал несколько ходов черными, начав игру, — стояли колдуны, варвары, размахивающие мечами, горбатые демоны; короля и ферзя изображали соответственно некто поджарый, лукаво изогнувший стан и манящий кого-то пальцем, и женщина со змеиным языком.

Ваал заметил интерес Вирги к шахматным фигурам.

— Играете? — спросил он.

— От случая к случаю. Я вижу, вы атакуете. Но вам недостает противника.

— Атакую? — спокойно переспросил Ваал. Он подался вперед и впился в Виргу горящим взглядом. — О нет, еще нет. Я еще только учусь искусству маневра.

— Это требует времени.

— Оно у меня есть.

Вирга поднял глаза от шахматной доски и посмотрел в лицо Ваалу. Наконец профессор почувствовал, что не смеет дольше выдерживать его пристальный взгляд.

— Скажите, — спросил он, — кто вы на самом деле? Почему вы выбрали имя бога дикарства, жестокости и жертвоприношений?

— Мое имя это... мое имя. Меня всегда звали и будут звать Ваалом. А жестокость и жертвоприношения, дражайший доктор Вирга, в этом мире — причастие истинного Бога.

— Кто же этот истинный Бог?

Ваал опять улыбнулся, словно был причастен тайне, которую Вирге было не постичь.

— Вы же не слепой. Вы не могли не заметить действия определенных сил в этой стране — да и во всем мире. Следовательно, вы сами можете ответить на свой бессмысленный вопрос: кто истинный Бог?

— Я вижу людей, которые становятся все меньше похожи на людей. Я вижу жестокость, насилие, убийства и хочу знать, какова ваша роль во всем этом. Чего вам надо? Политической власти? Денег?

Угроза во взгляде Ваала стала более явственной. Виргу охватило желание отступить на несколько шагов.

— Я располагаю любыми деньгами, какие мне требуются. Политическая же власть ничего не стоит. Нет. Моя власть — власть насаждать волю подлинного Вседержителя этой юдоли. И будет так! Меня слушают — слушают. Люди устали от того, что их учат и школят, как неразумных детей. Настоящие люди должны жить в настоящем мире, а настоящий мир учит одному — выживанию. Выживи, даже если тебе придется пройти по трупам тех, кто надеется сломать твой хребет. Это мир живых и мертвых, умных и дураков.

— Плоды вашей философии, философии пауков в банке, — то, что здесь творится. Город сошел с ума. Я видел вещи, невообразимые для цивилизованной страны!

— Напротив, город пришел в себя.

— В таком случае, — сказал Вирга, — безумны вы. Вы проповедуете смерть и разрушение, пожары и ненависть. Вы прекрасно выбрали себе имя! Ваш тезка и предшественник был подлинной язвой на теле Иеговы.

Ваал сидел не шевелясь. Вирге показалось, будто что-то холодное и твердое сдавило ему горло. Ваал чрезвычайно медленно поднял голову: с белого лица смотрели глаза змеи.

— У меня не было ни тезки, ни предшественника, — промолвил он. — Я знаю Иегову. — Он выплюнул это имя, как гной. — Вам и не снилось, как хорошо я его знаю. Вефиль, Гай, Иерихон, Асор... все эти славные города обратились в золу. — Его лицо неожиданно исказилось, голос из бархатистого превратился в утробный вой бури. — Война, — выдохнул он. — Война — вот власть моего Бога, и он отлично знает, как ею распорядиться. Назваться Иеговой и склонять людей предать их главную суть — грех. Извращая мир ложью, Иегова сам роет себе яму. Ему хочется скрыть правду.

Глаза Ваала сверкнули.

— Довольно игр, — сказал он.

— Боже мой, — в ужасе прошептал Вирга. — Вы и в самом деле хотите хаоса и смерти. Кто вы?

— Я — Ваал, — ответил тот с другого края шахматной доски, и Вирге почудился мимолетный пугающий промелькнул красного огня в его глазах. — А вот вы — у меня в пальцах.

Взмахом руки он смел фигуры с доски, рассыпав белые по полу у ног Вирги. У Вирги тяжело застучало в висках; он подумал, уж не получил ли он сотрясение мозга, ударившись о ворота. Да, но ощущение, что кто-то держит его за горло? Теперь профессор не сомневался: чьи-то ледяные бесплотные пальцы сдавливали ему шею. Он приложил ладонь ко лбу. Лоб был потный и горячий, словно у Вирги начиналась лихорадка. Он пошатнулся и тряхнул головой, чувствуя на себе горящий взгляд Ваала. О Боже, жжет, жжет... как больно... больно...

— Да, — негромко подтвердил Ваал. — Больно.

В голове у Вирги клубился черный дым: горел мозг. Дым мешал видеть, мешал дышать. Профессор затряс головой, чтобы прийти в себя, но это не помогло. Спотыкаясь, он попятился от Ваала и чуть не упал.

— Вы здесь не случайно, — сказал Ваал. — Мы вас ждали. Вас привело сюда письмо Нотона.

Вирге казалось, что Ваал говорит сразу несколькими голосами. Они то сливались, то дробились на сотни отчетливых звуков, пробивались сквозь калейдоскоп дыма, щипавшего Вирге глаза.

Ваал сказал:

— Вы — уважаемый теолог, у вас репутация трезво и логически мыслящего, разумного человека. Я найду вам дело. Вы будете...

Стук в висках не прекращался. Вирга никак не мог его унять. Голос оглушал его, он не слышал ничего, кроме этого голоса, кроме приказов, кроме Ваала.

— ...приводить ко мне других. Рассказывать о том, как мне, нищему американскому мальчишке, во сне явился Бог и приказал повести людей по лабиринту знания. Вы сделаете это. Вы сделаете больше. Намного, намного больше. Вы публично заявите, что верите в меня и отрекаетесь от иудейской заразы. Я — огонь очищающий.

— Нет, — пробормотал Вирга, стараясь удержаться на ногах. Он закрыл глаза, но безжалостные голоса не смолкали. — Нет... не... буду...

— Да-аааа, — зашипели тысяча голосов, и эхо, отраженное от стен библиотеки, прошило его, словно пули, летящие со всех сторон. — Да-аааа...

Вирга, сопротивляясь, затряс головой. Черный дым душил его. Нет. Нет.

— Да, — простонал он, падая на колени. — Да. Больно. Больно.

Ваал поднялся. Он обошел вокруг стола, и Вирга увидел, что к нему неестественно медленно, как в кошмаре, тянется тонкая рука с растопыренными пальцами.

— Да-а, — сказал Ваал в самое ухо профессору. — Да-аааа.

Вирге стало нечем дышать, он задыхался в этой вонючей комнате. Судорожно разевая рот, он, дергая, распустил узел галстука, рванул ворот рубашки, и солнце блеснуло на маленьком распятии.

Ваал не шелохнулся.

— Снимите это, — очень тихо велел он. — Вы слышали, что я сказал? — Его голос был как острие ножа.

Вирга пошевелился, чувствуя, что бесплотные пальцы на его горле чуть-чуть ослабили хватку. Он попытался встать, но не смог.

Ваал по-прежнему не двигался с места.

— Снимите это. — Его глаза расширились и покраснели.

— Нет, — ответил Вирга. Внутри у него все горело. — Нет.

— ПРОКЛЯТЫЙ ПЕС! ШЛЮХИНО ОТРОДЬЕ! — прорычал Ваал сквозь стиснутые зубы. — БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ! БУДЬ ЖЕ ТЫ ПРОКЛЯТ!

Вирга отчаянно замотал головой, чтобы в ней прояснилось. Ваал замахнулся, но отпрянул; он не мог подойти к распятию ближе. Вирга рванул цепочку и простер руку к Ваалу: на ладони дерзко блестел золотой крест.

Он слишком поздно заметил, что двери распахнулись и в библиотеку ворвались двое мужчин, темноволосый и белокурый. Ваал сделал знак рукой, Вирга обернулся и получил силь-

ный удар кулаком в висок. Застонав от боли, он повалился ничком, сжимая распятие слабеющей рукой.

— ЗАБЕРИТЕ ЭТО У НЕГО! — приказал Ваал, не сходя с места.

Оба ученика взялись за стиснутую руку Вирги так, словно она была из раскаленного железа, и стали разжимать ему пальцы. Вирга, плохо сознававший, что происходит, сопротивлялся, понимая, что, если он лишится распятия, он погиб. Тогда его, беззащитного, поглотит чудовищная утроба Вааловой власти.

Пальцы Вирги не желали разжиматься. Темноволосый в сердцах выругался и наступил профессору на руку. Захрустели кости, и Вирга потерял сознание. Человек, сломавший ему руку, увидел распятие и носком ботинка отшвырнул его в темный угол.

— Сволочь, — шепотом выругался Ваал над самой головой Вирги. — Ты думал, это будет легко. Нет, мой друг, это нелегко. Ты научишься любить меня и презирать это. Его прикосновение, один только его вид будет жечь, слабый ты ублюдок. — Ваал умолк и поглядел на искалеченную руку Вирги: на ладони показалась кровь. Ваал грубо расправил сломанные пальцы и впился взглядом в рану на том месте, где башмак темноволосого вдавил в ладонь золотую безделушку.

Рана повторяла очертания распятия.

Ваал с громким проклятием выпустил руку профессора и отпрянул.

— РУКА! — вскрикнул он. — Закройте ее! Закройте!

Белокурый ученик приподнял Виргу за воротник и вновь бросил на пол, так что отвратительная для Ваала рана оказалась под телом профессора, и тоже попятился, дрожа.

— Мы многого добились, — промолвил Ваал, — и все же этого мало. Когда-нибудь мы сможем справиться и с этим, но не сейчас... не сейчас. Наш добрый доктор Вирга — наш мерзкий ублюдок доктор Вирга — должен был проторить нам дорогу. Но теперь... — Он прищурился. — Есть иной путь. Есть иной путь.

— А его куда? — спросил темноволосый.

Ваал повернулся, стараясь не смотреть в дальний угол библиотеки, и навис над неподвижным телом профессора.

— Он осквернен этим знаком. С культей от него не будет толку. Но я не хочу, чтобы его труп нашли где-нибудь поблизости от этого места. Ты понял, Верен?

— Да, — ответил тот.

— В таком случае вы с Кресилем можете делать с ним все что угодно; труп бросите в пустыне, стервятникам.

Белокурый — Кресиль — нагнулся и, оставляя на полу кровавый след, поволок Виргу к дверям. Верен шел следом, как шакал, почуявший смерть.

18

Вирга пришел в себя от того, что на лицо ему бросили губку. Нет, это была не губка, моментально сообразил он, а его собственная распухшая и окровавленная кисть. Он вспомнил, как страшно захрустели кости — словно прутья, переломленные сильными руками, — и почувствовал позыв к рвоте, но не мог пошевелиться. Вирга с усилием проглотил обжигающую горечь, подступившую к горлу, и попробовал определить, где находится.

Он посмотрел на яркие звезды, вершившие свой божественный путь по небосводу. Ночь только начиналась; там, где солнце скользнуло за горизонт, небо еще сохраняло неприметный лиловый отлив. Виргу куда-то везли — громко ревел мотор, машину подбрасывало на ухабах. Соленый запах моря исчез, слышен был лишь сухой горьковатый запах остывающей в ночи пустыни.

Колени Вирги были высоко подняты и плотно прижаты друг к другу, ноги затекли. Он лежал на полу в кузове «лендровера» и, только когда хотел повернуть голову, понял, что во рту у него тряпичный кляп. За рулем сидел кто-то смутно знакомый. Вирга напрягся и вспомнил: да, блондин из библиотеки Ваала. Рядом с ним сидел темноволосый. Обоих Вирга успел увидеть лишь

мельком, за долю секунды до того, как кулак погрузил его в небытие. Сейчас он разглядел у них на поясе пистолеты.

Вирга не имел никакой возможности определить, как далеко они забрались в пустыню. Он не знал ни куда они едут, ни зачем, однако ни звуком, ни шорохом не выдавал того, что очнулся.

В голове у профессора отчаянно гудело, за глазами немилосердно ломило и жгло. Сестры-мучительницы, головная боль и боль в раздробленной руке, встречались где-то в районе его плеча.

Он понял: распятие спасло его, оно, как ни удивительно, отпугнуло Ваала, точно он был вампиром. Еще миг, и моментально взмокшего, вопящего Виргу смыла бы чудовищная волна ужаса и невыразимого блаженства. До сих пор перед глазами профессора, передразнивая звезды, кружили глаза Ваала.

«Лендровер» нырял и покачивался на барханах, как корабль в море. Ученики Ваала молчали; за них говорило оружие. Вирга подумал, что его или убьют, или будут держать где-нибудь до тех пор, пока он не согласится сотрудничать с Ваалом. Возможно, его даже будут пытать. Эти люди, как и их зловещий господин, не знали ни стыда, ни угрызений совести, ни жалости.

Вирга отогнал незаметно подкравшуюся новую волну беспамятства. Его раздавленные, скрюченные пальцы посинели. На запястье вздулись вены, а поврежденная кисть распухла и стала в два раза толще. Вот тебе и язвы Иова, почти весело подумал Вирга. «Лендровер» тряхнуло на камнях, профессор вернулся в страшную реальность и понял, что должен хотя бы попытаться сбежать.

Он медленно выпрямился, держа в поле зрения своих конвоиров. Пострадала как будто бы только рука, других повреждений не было. Вот только ноги совсем одеревенели. Если бы удалось выпрыгнуть из «лендровера» и где-нибудь спрятаться в темноте, быть может, тогда... но Вирга боялся, что ноги подведут его. Если он упадет, его либо просто переедут (если собираются его убить), либо вновь затолкают в машину (если

собираются держать его под стражей). Морщась от боли, Вирга осторожно приподнялся и выглянул в темноту. Со всех сторон их окружала голая, неприветливая пустыня. Свет фар — единственный свет, какой заметил Вирга, — выхватывал из мрака ровный плоский песок и местами выступающие из-под него камни. Профессор убрал голову.

Другого шанса у него не будет. Элемент неожиданности должен сыграть ему на руку. Возможно, найти укрытие не удастся, но придется рискнуть. Поступок вполне логичный и в случае, если его собираются убить, и в том случае, если его собираются пытать: он скорее умрет, чем станет помогать этому безумцу, который называет себя Ваалом. Сипло дыша через тряпку, Вирга освободил ноги, напряг их для прыжка, расслабил, снова напряг, снова расслабил. С громко бьющимся сердцем он ждал, чтобы волна адреналина подхватила его.

«Лендровер» взбирался вверх по склону. Под колесами глухо постукивали камни. Пора!

Вирга стиснул зубы и, оттолкнувшись ногами, перевалился через борт «лендровера».

Он бережно прижимал к груди поврежденную руку, но при падении на камни сильно расшиб локти и разорвал пиджак. Он невольно вскрикнул и понял, что выдал себя. Съезжая по камням на гладкий песок у подножия склона, Вирга увидел, что его конвоиры заглядывают в опустевший кузов «лендровера».

«Лендровер» резко развернулся. Желтые фары обшаривали тьму, как паучьи глаза.

Вирга торопливо поднялся на ноги, обливаясь потом от нестерпимой боли, и побежал, увязая в песке. Позади все громче ревел мотор. Вирга не смел оглянуться. Вдруг сухо треснул пистолетный выстрел, и пуля взметнула песок меньше чем в футе от профессора. Вирга понял, что его хотят убить. Впереди расстилалась песчано-каменная равнина; там «лендровер» нагонит его в два счета. Перед ним и так уже бежала его тень, заключенная в полосу света, который неумолимо приближался. Вирга чертыхнулся и почувствовал, что внутри растет холодная паника. Спрятаться было негде!

Но нет! Вирга пригнул голову и побежал, ловя ноздрями песчаную пыль, летящую из-под рубчатых шин. Равнина впереди внезапно обрывалась в темноту: там была узкая расселина с неровными краями. Если он успеет добежать до нее, «лендроверу» придется затормозить, чтобы не перевернуться. Но насколько глубок провал? Это никак нельзя было определить. Вирга мог пролететь десять футов и упасть в мягкий песок, а мог приземлиться на острые как бритва камни в двадцати пяти футах от края обрыва. Сейчас некогда было раздумывать, что лучше — смерть от пули или смерть в свободном падении. «Лендровер» ревел за самой спиной профессора; пуля просвистела мимо его левого уха. Вирга сделал глубокий вдох и прыгнул с обрыва в пустоту.

Падение оказалось таким долгим, что, несмотря на кляп, Вирга пронзительно вскрикнул. Наконец, весь исцарапавшись о выступы скалы и кусты, профессор упал на усеянный камнями песок и, до крови обдирая локти и колени, откатился под прикрытие стены провала. Здоровой рукой он вырвал кляп изо рта и, тяжело дыша, прислушался, не грянет ли новый выстрел.

В десятке футов над его головой по противоположной стене расселины скользнул свет: фары «лендровера». Две темные фигуры заглянули в расселину. Вирга распластался по стене обрыва, испугавшись, что громкий стук сердца выдаст его, и постарался выровнять прерывистое дыхание. Прошло несколько бесконечно долгих минут, и Вирга увидел, как свет переместился на десяток ярдов дальше.

Вирга встрепенулся. Может быть, они окончательно потеряли его. Может быть, они решили, что он идет по дну расселины или даже что он разбился насмерть, и теперь искали тело. «Лендровер» очень медленно ехал по краю извилистой трещины. Вирга смотрел, как удаляются желтые огни фар. Да! Они потеряли его! Но он не спешил встать; не обращая внимания на мучительную боль в руке, он, щурясь, вглядывался в обступавшую его густую тьму, опасаясь подвоха. Вдруг один из тех двоих спустился в расселину и сейчас подкрадывается к нему с пистолетом в руке?

Но тут из «лендровера» открыли беспорядочную стрельбу по расселине, наугад рассылая пули. Они запели в воздухе вокруг Вирги; он вздрогнул, съежился и увидел, как рикошеты высекают искры из скалистых стен. Стрельба продолжалась до тех пор, пока Вирга не услышал холостые щелчки. Его преследователи вернулись в машину, и «лендровер» помчался прочь, вздымая тучи песка.

Прошло очень много времени, прежде чем Вирга добрался до верха обрыва. Дважды он срывался, оступившись на камнях или ненадежно ухватившись за кусты, и лишь с третьей попытки перевалился через край расселины и увидел очень далекие, но еще различимые красные огоньки — задние фары «лендровера».

Глядя, как машина исчезает в ночи, Вирга наконец почувствовал боль, которая, прокравшись вверх по руке к плечу, разлилась по груди и теперь рассылала по плацдармам плоти своих разведчиков острые внезапные уколы. Коварная, она медленно и незаметно завладела сразу занемевшей шеей Вирги, а когда добралась до висков, он скорчился и ткнулся губами в песок.

Очнувшись, профессор понял, почему они так сравнительно легко отказались от попыток найти его. Он с трудом поднялся на ноги под безжалостно алым рассветным небом (рука висела плетью и казалась тяжелой, как мешок с цементом) и увидел бескрайнюю пустыню, которая даже в столь ранний час дышала зноем. На многие мили вокруг простирались лишь белые барханы и плоские прокаленные равнины. Бог весть, далеко ли до шоссе или бедуинского колодца. Вскоре над далекой полоской земли вспыхнет солнце и утопит его в океане соленого пота. Ослепительный огненный край уже показался из-за горизонта, и, просыпаясь в своих песчаных норах, загудели насекомые. Над головой Вирги замельтешили мухи, то и дело слетая выпить каплю пота; почуяв кровь, они жадно облепили запекшуюся рану на ладони профессора.

Виргу бросили в пустыне, не заботясь о том, жив он или мертв, потому что выжить здесь было невозможно. У него не

было ни воды, ни надежды отыскать хоть клочок тени. Впрочем, еще четкие следы шин на песке указывали, в каком направлении уехал «лендровер». Благословляя исчезающие вдали глубокие колеи за то, что они по крайней мере не дадут ему сбиться с пути, Вирга снял пиджак, соорудил из него нечто вроде арабского головного убора, чтобы защитить от солнца лицо и лысину, и, щурясь от солнца, белым шаром повисшего на горизонте, двинулся вперед.

Солнце взбиралось все выше. К зною добавилось новое испытание — насекомые. Они впивались в незащищенные участки кожи. Они роились над головой Вирги, а когда он пригибался, пытаясь увернуться, спускались следом. Они лезли в глаза, набивались в ноздри, разбивались о его лицо. Вирга шел по плоской каменистой земле, шел по барханам, по колено утопая в песке, а солнце висело в небе — неподвижное воспаленное око, разверстый окровавленный рот.

Мысли Вирги лихорадочно кипели. Ноги сводила судорога, он без конца спотыкался, и тогда приходилось садиться на песок и здоровой рукой разминать мышцы до тех пор, пока не появлялась возможность идти дальше. Вскоре Вирга обнаружил, что, одурманенный жарой, потерял след протекторов. Стряхнув дремоту, он всмотрелся в горизонт, надеясь увидеть телефонную линию или буровые вышки, но ничего не увидел. Губы профессора потрескались на невыносимом полуденном солнце, мысль о прохладной воде сводила с ума, но прогнать ее было очень трудно. Он уже не чувствовал ни боли, ни страха, его занимало только одно — голубое мерцание реки, привидевшейся ему далеко-далеко впереди.

Он вспомнил, как стоял на палубе «Чарльза»: Кэтрин — ее обветренные щеки горели, темные волосы разлетались — цеплялась за его руку, над ними хлопал парус, и Вирга вдыхал чудесную речную свежесть, глядя на далекие прекрасные берега. Сейчас, за тысячи миль от этой реки, он удивился, почему не набрал тогда пригоршню воды и не поднес ее к губам, бережно... вот так.

Он открыл глаза, покачнулся и выплюнул песок.

Кэтрин, сказал он, закрывая глаза, чтобы не видеть солнца. Кэтрин. Мир вращался вокруг ее лица, центра вселенной. У него на глазах Кэтрин превратилась из ирландской девчонки-сорванца в очаровательную изящную женщину. Он вспомнил, какие выразительные были у нее руки. Они не знали покоя, порхали, точно белые бабочки, и он не мог отвести глаз от этого представления. Кэтрин говорила, что этот постоянный монолог ткущих что-то невидимое пальцев, — их фамильная черта, переходившая из поколения в поколение по линии ее матери. Кэтрин была прекрасна. И память о ней была прекрасна. Кэтрин была энергия и жизнь, красота и надежда.

Вирга вспомнил, как она радовалась, поняв, что беременна. Когда после двух выкидышей впервые закралась мысль, что ей не суждено иметь детей, она ничем не выдала своих чувств. Может быть, шептала она ему, когда они лежали в постели, слушая, как трещат дрова в камине и дождь выстукивает на окнах свою негромкую мелодию, может быть, ее предназначение не в детях.

— Как ты можешь судить об этом? — спросил он тогда.

— Не знаю. Просто чувствую, вот и все.

— Миссис Вирга, — проговорил он с шутливой угрозой, — берегитесь. Вы легкомысленно вторгаетесь в область теорий предопределения.

— Нет, я серьезно.

Он всмотрелся в ее безмятежные глаза, в их бездонную синеву, и увидел, что так и есть. Он сказал:

— Говорят, на третий раз все проходит удачно.

— Это последний, — сказала Кэтрин. — Если опять что-нибудь случится, я не знаю, что я сделаю. Вряд ли я смогу снова пройти через это.

— Ничего не случится, — твердо сказал он.

— Я боюсь, — ответила она, прижимаясь к нему. В камине треснуло полено. — Правда боюсь. Я никогда ничего так не боялась.

— А я не боюсь. — Он заглянул Кэтрин в глаза. — Не боюсь, потому что знаю: все будет нормально. Что бы ни случилось, все будет хорошо.

Но все было «хорошо» очень недолго. Несколько месяцев спустя Кэтрин, сияющая, с огромным животом, споткнулась о сбившийся ковер на лестнице, беспомощно взмахнула руками и с отчаянным криком скатилась вниз по ступенькам.

Интересно, кто бы у них родился? Мальчик, решил Вирга. Может быть, похожий на Нотона.

Он открыл глаза, вспугнув мух движением век. Он заснул на ходу! Солнце было все таким же горячим, пустыня — все такой же безлюдной. Он мог брести по ней уже не один день. Мог ходить кругами. Вирга не знал. Поглядев на горизонт, он почувствовал, как сведенный судорогой желудок вдруг взорвался жгучей болью.

Впереди лежал бесконечный ровный песок.

Вирга потерял след «лендровера».

Куда ни глянь, всюду была только слепящая белизна. Больше ничего. Вирга залез в карман изорванного пиджака, нашел пузырек с бальзамом от солнечных ожогов и намазал лицо. Пальцы нащупали потрескавшуюся кожу и начинающие набухать огромные волдыри. Два или три лопнули от его прикосновения, и по лицу заструилась жидкость, приманившая новые орды насекомых. Вирга, спотыкаясь, упрямо двигался вперед к заливу, как он полагал, но вскоре решил: нет, я иду неправильно. Он развернулся и пошел обратно по своим следам; несколько минут спустя профессору показалось, что он вновь ошибся, выбирая направление, и он отправился в другую сторону.

Солнце, прожигая череп Вирги, добиралось до мозга. Огромный белый круг темнел, темнел, темнел, пока не стал черным, как око Ваала. Вирга увидел лицо этого человека, громадное, как солнечная система, где одним глазом было солнце, а другим — луна. Пленennая им планета была под вечным его надзором. Вирга увидел, как Ваал в черных развевающихся одеждах воздвигается над городами, растет, растет, и тень его наползает на лик Земли. Наконец страшный силуэт заслонил звезды, и все творение поглотила черная трясина бездны. Вирга затряс головой, чтобы избавиться от непосильных для человеческого

рассудка видений, но и после этого он видел висящую в небе исполинскую голову Ваала с разверстым ртом, готовым поглотить библиотеки, музеи, все то прекрасное, что создал человек.

Вирга упал на четвереньки. Мухи густо облепили его голову. Он слабо отмахнулся от них почерневшей распухшей рукой. Час пробил. Он читал это на песке, в ослепительно сверкающем небе, на колеблющемся горизонте. Сотни безумцев, сотни мошенников объявляли себя мессиями, но этот был не такой.

С подбородка у него закапала жидкость, вытекшая из лопнувших волдырей. Он всматривался в рисунок, в который складывались следы капель на песке.

Этот был не такой. Зверь и человек. Рассудительность и хитрость человека сочетались в нем с силой и свирепостью хищного зверя. Этот был... не такой. Он уже заразил своим безумием тысячи; скольких он заразит еще? А значит, резня и хаос не закончатся до тех пор, пока последний палец не потянется к кнопке на стальном цилиндре. Грянет взрыв, и четыре ветра разнесут по земле стон: «Ваал, Ваал, Ваал», — и взрыв этот начертает его имя на истерзанном бетоне и опаленной плоти. И тогда будет слишком поздно. Может быть, уже слишком поздно? Возможно ли это? Дрожа, Вирга замотал головой. Антихрист. Он посмотрел на солнце — не сжалится ли над ним огненный бог? — но оно лишь сильнее обожгло ему лицо. Антихрист. Рассудок Вирги держался на волоске: палачи-насекомые толкали профессора за грань безумия. Насосавшись крови, они улетали в поры и гнезда, чтобы переварить ее, и возвращались за новой. В ушах у Вирги стояло их тонкое, пронзительное зудение. Откуда-то издалека сквозь безмолвие пустыни к нему доносился миллионоголосый крик: «Антихрист, Антихрист».

Силы Вирги иссякли. Он увидел свое отражение в луже, натекшей с его лица. Это были соки его тела. Его жизнь.

Сознание покидало его. Миллионоголосый хор грянул громче, громче, и падающий ничком в песок Вирга полностью оглох.

19

Откуда-то из глубин тьмы возникла рука и закружила над его лицом, целясь выцарапать ему глаза. Вирга в отчаянии попытался отдернуть голову, отвернуться, но не мог этого сделать. Он был словно пришпилен к земле, лишен возможности защищаться. Он застонал и забился, пытаясь увернуться от страшных скрюченных пальцев, которые, подрагивая, медленно приближались к его открытым глазам. Рука постепенно разрасталась, делалась все шире и жилистее, заслоняла от Вирги весь мир. Он заметил, как дрожат сухожилия, предвещая острую боль в глазницах, которые вот-вот опустеют. С истошным «Нет!» Вирга начал сопротивляться.

Рука вдруг вспыхнула. В считанные секунды она сгорела дотла и рассыпалась пеплом. Он увидел очертания другой руки. Она легла ему на лоб, и ее прикосновение успокоило Виргу, принесло блаженное избавление от боли, с каждым вдохом разрывавшей все его тело. Он попробовал разглядеть, кто это, но ему на глаза легла ладонь, и он забыл обо всем, кроме неги отдохновения.

Незнакомый мужской голос произнес:

— Жара нет. Спите.

И Вирга провалился в сон, в котором он снова шел под парусом на «Чарльзе», а рядом, крепко держа его за руку, стояла Кэтрин, и от нее пахло корицей.

Когда он опять открыл глаза, ему почудилось, будто он наяву чувствует запах теплого дерева обшивки, мягкую податливость реки. Но вокруг по-прежнему царила тьма, и в первый момент Вирга подумал, что его сон продолжается. Он лежал с открытыми глазами и прислушивался.

Вдалеке гудели насекомые; вспомнив о них, Вирга вздрогнул. Что-то горело. Вирга слышал тихое потрескивание, чувствовал запах дыма. Он лежал на раскладушке в палатке из козьих шкур. За откинутым пологом в маленьком костре трещали палки и ветки. Была ночь, но сколько прошло времени с тех пор, как он заблудился в пустыне, Вирга не знал. Попытавшись

подняться, он понял, что ему на руку наложена самодельная шина — несколько прутьев, притянутых к кисти тряпичным бинтом.

Вирга осторожно откинул одеяло, встал и покачнулся, оглушенный внезапным приливом крови к голове. Когда головокружение прошло, он подошел к выходу из палатки. Снаружи стоял потрепанный джип с лобовым стеклом в паутине трещин. Над огнем жарилось на вертеле не то мясо, не то какая-то птица. Вирга хотел уже выйти из палатки, когда в его поле зрения появился высокий худощавый человек в широкополой шляпе и охотничьей куртке с множеством карманов. Он нагнулся и стал подкладывать в костер прутья и ветки из принесенной им охапки, затем занялся мясом. Вирга прищурившись смотрел, как он поворачивает вертел, чтобы мясо не пригорело, а потом садится у огня, подобрав под себя ноги, и замирает без движения, устремив взгляд на далекие костры, мерцающие на другом краю пустыни.

Человек этот, казалось, чего-то ждал. Выражение напряженного спокойствия не сходило с его лица. Лет ему вроде бы немного, но точно определить его возраст Вирге мешал неверный свет костра. Незнакомец был светловолосый, белокожий — вне всяких сомнений, не араб — и казался даже хрупким, но у него были странные глаза. Они смущали, и Вирга засомневался, сможет ли выдержать их прямой взгляд. Они блестели, отражая огонь костра, и словно бы впитывали на миг золотистый отблеск пламени, прежде чем вновь потемнеть, как будто не имели своего постоянного цвета. Человек протянул руку к вертелу и при этом повернул голову на несколько дюймов влево. Он посмотрел прямо на Виргу, точно с самого начала знал, что тот прячется за пологом палатки, посмотрел так внезапно и пристально, с такой силой, что сердце у Вирги бешено заколотилось, и профессор попятился.

Незнакомец поднялся. В нем оказалось больше шести футов роста, а его худоба делала его еще выше. Заметив испуг Вирги, он притушил ярость во взгляде, и ее постепенно сменил сдержанный интерес. Отвернувшись, он молча занял свое прежнее место у костра.

Вирга стоял у входа в палатку. Он вдруг почувствовал, как болезненно пульсирует его покалеченная рука. Незнакомец, казалось, не замечал его; он, как и прежде, сидел, неподвижно глядя на огненные точки в черной дали. От голода у Вирги подвело живот. Это заставило его пренебречь той опасностью, какую мог представлять для него этот человек, и рискнуть. Помедлив, он спросил распухшими губами:

— Вы собираетесь съесть это или сжечь?

Взгляд неизвестного метнулся к костру. Он снял вертел с огня, ножом, висевшим на поясе, отрезал ломоть жилистого мяса и очень отчетливо проговорил:

— Будьте осторожны. До сих пор, чем бы я вас ни кормил, вас рвало.

Вирга взял мясо и благодарно впился в него зубами. Вытерев жирные пальцы о брюки, он с великим трудом опустился на землю напротив незнакомца, загораживая лицо от огня: ему казалось, будто от жаркого дыхания костра его покрытая волдырями кожа ссыхается и сморщивается.

— У вас начиналось заражение, — сказал светловолосый, глядя не столько на Виргу, сколько куда-то сквозь него. — Я очистил рану и наложил повязку.

— Благодарю вас.

— Я нашел вас в нескольких милях отсюда. Что вы там делали?

Вирга не знал, можно ли доверять этому человеку. Он отвел взгляд, но это мало помогло. Он чувствовал, что незнакомец внимательно следит за ним.

— Меня там бросили, — пояснил он.

— Понятно.

Незнакомец вдруг вновь целиком и полностью сосредоточился на далеких огнях. Оглянувшись, Вирга увидел огромный язык оранжевого пламени, взвившийся к небу среди малых костров.

— Что это, взрыв? — спросил он.

— Они жгут книги, — негромко ответил незнакомец. — Со вчерашнего дня. Сперва прочесали библиотеки, потом частные собрания. Скоро они перейдут к другим вещам.

Вирга безнадежно вздохнул и опасливо потрогал подсыхающие волдыри на лбу и щеках.

— Они зашли слишком далеко. Их уже ничто не остановит.

— Кто вы?

— Джеймс Вирга. Профессор теологии.

Незнакомец поднял бровь:

— Вот как?

— А вы? Хотелось бы знать, кто спас мне жизнь.

— Спас вам жизнь? Ничего подобного, я просто нашел вас в пустыне.

— Разве это не одно и то же?

Тот помедлил с ответом, а потом сказал:

— Меня зовут Майкл.

— Вы тоже американец?

— Нет, — последовал ответ, — не американец.

Вирга принялся обгладывать кость. Жар костра заставил его пересесть подальше. Он выбросил кость и сказал:

— Почему вы здесь? Почему вы не в городе?

Майкл со слабой улыбкой махнул в сторону джипа.

— Я ездил в город, — объяснил он, — но не смог пробиться через толпу так... чтобы никому не повредить. Это было больше двух недель назад. И я решил, что лучше будет расположиться здесь. В городе слишком быстро растет волна насилия.

— Я никогда еще не видел ничего подобного. Никогда.

— В таком случае приготовьтесь увидеть гораздо больше, — сказал Майкл так резко, что Вирга вскинул на него глаза, оторвавшись от очередного куска мяса. — Это только начало.

Вирга непонимающе уставился на него.

— Это далеко не самое худшее место, оно просто наиболее известно. На Ближнем Востоке несть числа деревням и поселкам, которые были сожжены дотла своими обитателями. А те, окончательно и бесповоротно покончив с тем, что их окружало, в конце концов перебили друг друга. Аль-Ахмади, Аль-Джара, Сефван, даже Абадан и Басра. Иран, Ирак, на очереди Турция... Я знаю, потому что видел.

— Все это так неожиданно, — проговорил Вирга. — Никто и не подозревал, что происходит.

— Неожиданно? — переспросил Майкл. — Нет, вовсе не неожиданно. Эта отчаянная последняя схватка назревала с начала времен, там истоки этого наследия гибели. Нет. Ничего неожиданного в этом нет.

— А Святая Земля?

Майкл скользнул по нему — сквозь него — быстрым взглядом.

— Скоро, — проговорил он.

— Боже мой, — охнул Вирга. — Если это безумие когда-нибудь занесут в Америку...

Майкл некоторое время хранил молчание, наблюдая, как догорают мириады понятий и идей. Потом сказал:

— Последние четыре дня вы пролежали в горячке. Сперва я подумал, что вы умрете, но вы постепенно, понемногу стали пить. Все это время — четыре дня — вы одной ногой стояли в могиле. Вчера жар спал, и вы на мгновение очнулись.

— Четыре дня... — повторил Вирга.

— В пустыне мне время от времени попадались дезертиры, — сказал Майкл. — Те, кто, неведомо как сохранив в этой свистопляске остатки здравого смысла, пытается покинуть страну. Но их мало. Полиция и армия чудовищно ослаблены. Четыре дня можно считать очень долгим сроком; этой стране осталось немного. Использовав ее до конца, Ваал отправится куда-нибудь еще.

Услышав это гнусное имя, Вирга содрогнулся. Он вспомнил фигуру в темноте за шахматной доской.

— Откуда вы все это знаете? — спросил он.

— У меня есть свои источники информации.

— Какие?

Майкл улыбнулся:

— Вы задаете слишком много вопросов.

— Но я хочу понять, — сказал Вирга. — Я должен понять... Боже мой, должен...

Майкл чуть наклонился вперед, пронзая Виргу взглядом:

— Вам больно от того, что вы увидели здесь, — небрежно констатировал он.

— Да. Я увидел смерть и дикость. Я встретился с Ваалом и едва спасся.

Майкл, казалось, удивился. Он едва заметно прищурился:

— Вы виделись с Ваалом?

— У него мой коллега, доктор Нотон.

— Он его последователь?

— Черт подери, нет! — воскликнул Вирга и тотчас понял, что не знает этого наверняка. — Вероятно, он узник... Не знаю. Но Ваал сказал мне, что Нотон у него.

— Если он не погиб, — заметил Майкл, — то наверняка предался Ваалу. Третьего не дано. Как же вам удалось сбежать? — В его голосе прозвучали осторожные, недоверчивые нотки.

— Не знаю. Сам удивляюсь. У меня было распятие...

Майкл кивнул.

— ...и, покуда я держал его на виду, он не мог ко мне притронуться. А ведь над его дверью, на самом видном месте, я тоже заметил крест...

— Но, — сказал Майкл, — наверное, перевернутый?

Вирга вспомнил:

— Да, верно.

Майкл, по-видимому, довольный, вновь выпрямился.

— Мне хотелось бы знать, — продолжал Вирга, — откуда вы столько знаете об этом человеке?

Ожидая ответа, Вирга краем глаза заметил, что в небо вновь поднялись оранжевые языки пламени.

Майкл сказал:

— Я давно уже охочусь за Ваалом. Я выслеживал его по всему миру и не остановлюсь, пока не настигну его. Мне известно его прошлое и настоящее, мной будет начертано его будущее.

— Чего вы хотите? Убить его?

Собеседник Вирги медлил с ответом, глядя по-прежнему настороженно.

— Нет. Я хочу остановить его, прежде чем болезнь безбожия поразит главные центры человечества. Уничтожения вполне довольно, возможно, оно даже оправданно, хотя об этом не мне судить. Но сдирать с творения покровы разума и достоинства, как кошка сдирает шкурку с раненой мыши... нет, это чересчур.

— А вы сами его когда-нибудь видели?

— Да, мы знакомы, — ответил Майкл.

— И вы полагаете, что его власть и могущество безграничны?

— Пока нет, но это вопрос времени. Они будут расти, и он в конце концов сметет нынешние барьеры.

— Боже, — выдохнул Вирга. — Вы хотите сказать, что он еще не вполне развил свои способности?

Майкл поднял глаза:

— Несомненно.

— Едва зайдя к нему в комнату, я ощутил его силу. До сих пор не пойму, что это было — какой-то гипноз? Своего рода промывка мозгов?

— Да, — ответил Майкл. — Именно.

— Он чуть не сломал меня, — сознался Вирга. — Бог весть, что он сделал с Нотоном.

— Помните эти минуты. Помните, что Ваал не знает жалости. Он существует лишь для того, чтобы осрамить творение перед его Творцом.

Вирга снова отметил термин «творение». К нему закралось подозрение, что перед ним фанатик.

— Если вы не убьете, — спросил он мгновение спустя, — как же вы его остановите? Стоит вам подобраться к нему, и его присные растерзают вас.

Майкл словно не слышал. Он сидел у костра такой неподвижный, словно был частью пустыни, кустом верблюжьей колючки. Потом, очень спокойно, он сказал:

— Его влияние следует ограничить.

— Это не так-то просто сделать.

— Да. Не так-то просто.

Повисла сухая, напряженная тишина. Вирга ждал, что его собеседник скажет больше, но внимание Майкла, казалось, было полностью сосредоточено на книгах, горевших за много миль от их костра. Каждый новый столб огня, вздымавшийся к небу, заставлял его неприметно вздрагивать.

У Вирги болела рука. Ему хотелось продолжать разговор, чтобы не оставаться наедине с болью.

— Вы сказали, что охотились на Ваала. Откуда началась ваша охота?

— Не важно. Важно то, что происходит здесь и сейчас.

— Мне интересно.

— Ничего подобного, — ответил собеседник.

Вирга возразил:

— Нет. Я хочу знать.

Майкл оторвался от созерцания огня, посмотрел на Виргу и вновь уставился в костер. Потом он с усилием проговорил:

— Я вышел на его след в Калифорнии несколько лет назад. Он со своими учениками — их тогда было немного — подчинил себе Борху, городишко у мексиканской границы. Горожане, полиция, священники — все поначалу сочли их общиной фанатиков, а потом подпали под влияние тех сил, которые вы видите в действии здесь. Вскоре вспыхнула вражда всех со всеми. Кое-кого Ваал ввел в свой круг, прочих уничтожил. И начало было положено: слово Ваала тайно дошло до каждого безумца, который хотел его услышать. Ваал брал под свое крыло банды байкеров, наркоманов, одержимых властолюбцев. Когда закончился подготовительный этап, община, в которой насчитывалось более пятисот верных последователей Ваала, раскололась на четыре группы, быстро снискавшие дурную славу. Не зная и не желая знать зачем, они превратились в убийц и террористов. Гниль незаметно разъедала их души. Но они были лишь частью воспитания в духе Ваала.

— Воспитания в духе Ваала? — переспросил Вирга, наблюдая за игрой огненных бликов на лице своего собеседника.

— Его власть, сила, могущество тем больше, чем больше у него последователей. Те, кого он прибирает к рукам, вливая свои силы в его движение, позволяют ему исподволь, чрезвычайно незаметно влиять на тысячи людей. В то время ему еще не нужны были фанфары и стяги. Он был не готов к этому. Его община покинула Калифорнию и где-то в Неваде отыскала сатанистов, которые существовали на деньги некой Ван Линн и базировались в пустыне. За несколько недель Ваал завладел и людьми, и деньгами; они поклонялись ему как господину их хозяина. Несколько лет Ваал держался миссис Ван

Лиш, а его сподвижники тем временем тайно вербовали под их знамена людей в Америке и Европе. Он с самого начала знал, что ему делать: взывать к низменнейшим желаниям человека, пробуждать жажду насилия, жажду власти. Дурманить иллюзиями. Он внушил своим последователям, что Бог, по чьим заветам они жили, мертв, что его представления о мире и гармонии давным-давно обесценились. Следовательно, говорил Ваал, человек может выжить лишь одним путем: подобно зверю, в ожесточенной борьбе, где побеждает сильнейший.

— От порядка до хаоса, — заметил Вирга, — всего один шаг.

Майкл мотнул головой.

— Нет, к сожалению, нет. Прихватив остаток денег миссис Ван Лиш, Ваал покинул Америку. В Европе он принялся за старое: избирал учеников и рассеивал их по миру, дабы влиять на остальных. Но ему нужны были деньги — много денег — и власть, еще большая власть, и тогда он пришел туда, где нефть.

— Значит, за всем тем, что здесь творится, стоит Ваал?

— Да.

— И ведет нас к... — Вирга осекся. Слишком уж страшен был ответ.

— Да, — ответил Майкл. — К полному уничтожению порядка. К смерти и разрушению.

— Но что им движет? И почему он назвался именем бога жертвоприношений?

Майкл не ответил.

— Покуда мы с вами еще в здравом уме, — сказал Вирга, — мы не можем сидеть сложа руки. Должен быть кто-то, кого можно предупредить... предостеречь... кто-то, кому можно все это рассказать.

— Мы? Мы? — Майкл зорко поглядел на Виргу поверх догорающего огня. — Вас это не касается.

Виргу не смутил его пристальный взгляд. Подавшись вперед, он проговорил:

— Нет. Я не могу бросить Нотона и сделаю все, чтобы помочь ему.

— Глупец. Вы не представляете, с чем имеете дело.

Вирга ответил:

— Согласен, я глупец.

Майкл на миг впился в него глазами, и его взгляд смягчился.

— Все люди — глупцы. А глупцы опасны, — пробормотал он.

— Вы сказали, что знакомы с Ваалом, — вспомнил Вирга. — Где же вы познакомились?

Поначалу ему показалось, что ответа он не услышит. Потом Майкл медленно расстегнул воротник куртки и вздернул подбородок.

— Где — вас не касается, — отрубил он. — Достаточно сказать, что мы встречались.

Вирга отшатнулся.

В горло Майкла глубоко впечатались два ожога, следы рук, пытавшихся задушить его.

20

Когда поутру Вирга проснулся, его трясло от страха, что кошмары, пережитые им во сне, станут явью.

Он рывком сел на койке и робко ощупал поврежденную руку. От запястья до кончиков пальцев она полностью онемела. Когда Вирга попробовал пошевелить сломанными пальцами, где-то глубоко внутри предплечья возникла боль. Она стремительно взлетела по истерзанным нервам Вирги вверх к плечу и дальше по шее в мозг. Профессору стало страшно, что привести руку в порядок уже не удастся. Он вышел из палатки под белое солнце пустыни, плоской, ровной, уходящей в вечность, и увидел Майкла, сидевшего на земле почти на том же месте, что накануне ночью. Щурясь от ослепительного света, Майкл высматривал что-то в бескрайних просторах.

Вирга огляделся. И надобность в объяснениях отпала.

У горизонта, где они видели ночью костры, в облачном небе, свивая кольца, как гнездо гадюк, клубился черный дым, густой, тяжелый, словно там взорвалась исполинская бомба. При виде этой зловещей картины, в предчувствии грядущих событий

Виргу пробрала дрожь. Он смотрел, как потоки воздуха разносят дым по небу, понимая, что вскоре к ним донесется тошнотворный запах.

— Что это? — спросил он.

— Город, — ответил Майкл.

— Они разрушили свои дома? Как они могли?

— Там ни у кого больше нет дома, — негромко откликнулся его собеседник. — Они ушли к Ваалу и подожгли город. Может быть, это их жертва новому богу.

Вирга стоял, опустив руки, и смотрел, как дым заполняет небо. Никогда в жизни он не чувствовал себя столь беспомощным; нет, поправил себя он, был один случай, когда он не менее остро сознавал свое бессилие, но память о нем он упрятал так далеко, что она не причиняла боли. Сейчас Вирга казался себе пылинкой на ладони мироздания и ничего не мог поделать с тем, чья власть вырастала до небес, как столбы черного дыма. Никакие слова не могли их спасти — ни философская мудрость святых, ни даже учение Христа. Ваал дал им то, чего им хотелось; им милостиво разрешили крушить путеводные силы разума, и они теперь будут, как бешеные псы, грызться на улицах, пока безумие не овладеет ими.

Дым клубился уже совсем рядом. Он угрожающе навис над пустыней. Вирга следил за его приближением. Он сказал:

— Я должен во что бы то ни стало узнать, жив Нотон или мертв.

— Он мертв.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, — ответил Майкл. — Возможно, он еще ходит, дышит и не утратил способности мыслить, но он мертв.

— Не верю, — пробормотал Вирга и немедленно распознал фальшь в своем голосе. Если Нотон попал в лапы к Ваалу, его уже ничто не спасет.

Майкл встал рядом с Виргой — высокий, прямой.

— Вы знаете, кто такой Ваал, вы знаете, что он собой представляет. Вы чувствуете это. Не отворачивайтесь; глаза выдают вас. Скоро Ваал сможет сжечь дотла всю эту страну. Может ли человек противостоять такой силе?

— А может ли человек закрыть на это глаза? — задал Вирга встречный вопрос. — Нет. Закрыть глаза на происходящее — это покориться Ваалу. Нет, если я могу вырвать у него хоть что-то, пусть даже труп Нотона, я не отступлюсь.

Грязный дым коснулся белого песка пустыни, и тот немедленно почернел. Вскоре тьма накатит на них и поглотит, как туман над морем. Вирга вдохнул резкий едкий запах, и его замутило.

Майкл сказал:

— Вы уже пожилой человек.

— Но человек! — резко ответил Вирга. Он дрожал и не мог унять дрожь. — Чтобы я больше такого не слышал!

Майкл подождал, пока гнев Вирги утихнет. Потом заговорил снова:

— Вы хотите найти своего друга?

— Я найду моего друга.

— Что ж, хорошо. Мы отправляемся в город, точнее, в то, что от него осталось, вряд ли много. Может быть, мы найдем сразу и вашего друга, и Ваала. — Он взглянул Вирге в глаза. — Впрочем, не исключено, что ваш друг, когда мы его найдем, уже не будет вашим другом.

И Майкл прошел мимо Вирги к джипу. Он уже садился в него, когда вдруг замер, прислушался и огляделся, обшаривая взглядом горизонт. Вирга тоже завертел головой, но ничего не увидел за безмолвной стеной дыма. Он почувствовал, что Майкл насторожился, и услышал:

— Здесь водятся призраки. Я слышу, как безумные боги требуют мести. Слушайте...

Вирга ничего не слышал. Он подумал, что Майкл не в себе, и сказал:

— Ничего не слыхать.

— Нет, — мягко возразил Майкл. — Нет, еще как слыхать.

Он сел за руль. Вирга устроился рядом. Джип с ревом сорвался с места и, разбрасывая песок, исчез в дыму. Двадцатью минутами позже они уже были на безлюдной окраине города. Повсюду лежали трупы людей и животных, словно по городу пронесся страшный ураган. Все было неподвижно, мертво. Вне-

реди пожары жадно пожирали город, равно и старый, и новый, а небо, насколько хватал глаз, представляло собой водоворот огня и черного вихрящегося дыма, калейдоскоп хаоса.

Рев пожаров оглушал. Казалось, по улицам шествует великан с факелом, поджигая все, что попадется на глаза. Вирга был полон отвращения; он никогда еще не видел такой бойни, такого погрома. Майкл гнал джип вперед, крепко сжимая руль, стреляя прищуренными глазами по сторонам — что там во мгле? Людская буря безжалостно промчалась по торговому центру города, оставив после себя разбитые витрины и разграбленные магазины. Улицы были усеяны всевозможным товаром, и джип вилял, словно ехал по полосе препятствий.

Майкл первый услышал это. Вирга увидел, как он неуловимо подался вперед, а потом тоже услышал громкий, прорывающийся через помехи голос, говоривший по-арабски: «...невозможно точно сосчитать, сколько здесь людей... также представители прессы из США, СССР, Великобритании и Японии... власти не способны обеспечить порядок. Все машины «скорой помощи» уже... организованные здесь медицинские центры разграблены, вероятно, в поисках наркотиков. Не знаю, слышит ли меня кто-нибудь...»

Майкл резко притер джип к тротуару и заглушил мотор. В разбитой витрине хозяйственного магазина среди побитого и поломанного товара он увидел три телевизора. Два были перевернуты и бесполезны, зато третий работал, хотя изображение то тускнело, то разгоралось. Над улицей гремел близкий к панике голос:

— ...но мы постараемся держать вас в курсе событий. — Диктор, стройный араб в темных очках, стоял на платформе над безбрежным морем голов. Не прерывая передачи, он то и дело беспокойно оглядывался на собравшуюся внизу толпу. Вирга увидел, как платформа дрожит под натиском сгрудившихся у ее основания тел.

Тележурналист продолжал:

— ...Одни называют его живым Мухаммедом, другие Дьяволом, но не вызывает сомнений одно: сила этого человека. Он объявил себя недосягаемым, неприкасаемым спасителем

человечества, и сотни тысяч собрались здесь присягнуть ему на верность. Даже сейчас я вижу... вижу пожары — это горит старый город. С этого места Ваал объявил о начале новой эры, своей эры, и собравшиеся здесь его почитатели вскоре заложат первый камень в фундамент его города. Сейчас он... — Голос диктора заглушили помехи, и Вирга приставил к уху ладонь. Когда изображение вновь стало четким, камера панорамировала, и профессор увидел страшные подробности: одни катались по песку, другие кружились в безумном танце, одетые или нагие. В отдалении виднелись грузовики с эмблемами ближневосточных, европейских и прочих зарубежных телекомпаний. Над толпой, как нефтяные вышки, поднимались мачты с телекамерами.

— ...Я впервые вижу подобное, — продолжал комментатор. Платформа задрожала. Он взялся за перила, чтобы не упасть. — Я чувствую странную смесь страха и восторга, робости и воодушевления. Это невозможно описать словами. Остается лишь уповать на то, что происходящее здесь творится действительно во благо человечества...

Оцепеневший Майкл впился глазами в экран. Позади них затрещало дерево: пламя побежало по крыше здания на другой стороне улицы.

— Здесь собрались люди из разных уголков нашей планеты, — говорил араб. — То, что здесь сейчас происходит, не имеет аналогов. Говорят, Ваал от рождения отмечен небесами. Он пришел в этот мир, чтобы повести народы к вратам величия. Впрочем, будущее рассудит. Несомненно одно: это — начало новой эры... — Он поправил наушники и некоторое время слушал. Изображение расплылось и опять стало четким. — Да... да. Мы получили подтверждение. Да. Он сейчас в толпе! Смотрите! Люди падают на колени, волна за волной, — он идет в самую их гущу! Я вижу его! — Вновь пошла панорама; камера задергалась, зашарила по толпе и наконец выхватила живописную сцену: коленопреклоненные фигуры запрокидывали головы, чтобы проходящий мимо Ваал коснулся их. Вирга узнал широкие плечи человека, сидевшего напротив него за шахматной доской. Ваал, по-прежнему далекий и едва видный в толпе, при-

трагивался к подставленным ему лицам, и люди падали наземь в экстатических судорогах.

— Он здесь, среди масс! — вскричал корреспондент. — Нам впервые представляется возможность получить хорошее изображение, хотя еще не вполне понятно... — Платформа вдруг сильно затряслась. Корреспондент крикнул: — Осторожнее, микрофон! Марш отсюда! — За кадром кто-то, видимо, помощник оператора, заорал: «Всем отойти от платформы!»

Комментатор упрямо пытался сохранять спокойствие.

— Власти не в состоянии контролировать эту толпу, — говорил он, — пробираться через нее очень рискованно. Минуту назад я своими глазами видел, как кто-то упал и был растоптан; толпа чересчур... — Он резко обернулся к волнующемуся людскому морю. Камера снимала поверх его плеча.

Неожиданно Майкл весь подался к телевизору, заметив что-то, что ускользнуло от внимания Вирги.

— Что это? — пронзительно вскрикнул корреспондент. Платформа зашаталась. Толпа напирала, и Вирга услышал что-то похожее на протяжный стон, который становился все громче и громче. — Я только что услышал нечто странное! — волновался корреспондент на экране. — Но что? — Он потряс наушник. — Эй! Что это было? Хасан! Ты слышишь меня?

Он прислушался. Людская масса позади него вдруг хлынула вперед. Крики и стоны многотысячной толпы заглушили голос журналиста, отчаянно кричавшего что-то в микрофон. Он вдруг осунулся и посерел.

Краем сознания Вирга отметил, что дома на противоположной стороне улицы целиком объяты пламенем и вокруг них с Майклом на мостовую сыплются горящие доски.

— ...несколько секунд назад. Мы до сих пор не знаем, кто и зачем... — Журналист посмотрел наверх, как будто усомнился, идет ли репортаж в эфир, и кому-то кивнул. — Там Хасан со звукозаписывающей аппаратурой, но у него какие-то проблемы со связью... Плохо слышно. А сейчас... кажется, прогремели два выстрела... Толпа не останавливается... СОБЕРИ ОБОРУДОВАНИЕ! — Платформа задрожала и накренилась. Что-то треснуло. — СКОРО КОНЕЦ!

Одно из зданий за спиной у Майкла и Вирги развалилось, изрыгнув тучу черного дыма. По разбитому тротуару разлетелись куски бетона. Вирга инстинктивно втянул голову в плечи.

Комментатор перегнулся через перила.

— ТОЛПА РАЗРЫВАЕТ ЕГО НА КУСКИ! ОН МОЛИТ О ПОЩАДЕ, НО ЕГО НЕ СЛУШАЮТ! — Он приложил руку к наушникам. — Что? Проваливай оттуда немедленно! Они и тебя растерзают! — И в микрофон: — Какой-то еврей дважды выстрелил в Ваала, почти в упор! Толпа подхватывает Ваала... несет... не вижу куда, вокруг слишком много народа... Его сажают в машину, но люди по-прежнему толпятся вокруг него... ОТОЙДИТЕ ОТ НЕГО! ДАЙТЕ МЕСТО! — Араб задохнулся и умолк. На его щеках блестели слезы то ли ярости, то ли разочарования. Когда он вновь заговорил, помехи исказили его голос.

— ...мне передали... он серьезно ранен... Повторяю, Ваал серьезно ранен. Теперь с этой толпой невозможно совладать. Они набрасываются друг на друга... Еврей, который стрелял в Ваала... его растерзали, останки расшвыряли по площади... Мы вызываем по радио вертолет, чтобы выбраться отсюда! Машина уезжает... Не знаю, куда именно его увозят; не знаю, кто стрелял; не знаю... — Он вдруг накренился вперед и снова вцепился в поручень. Внизу вспыхивали драки. Толпа громко кричала, требуя крови. Корреспондент рявкнул: — Отойдите от платформы! Не наступайте на кабель! Отойдите от... — Изображение вдруг пропало, на пустом экране замелькал серо-черный «снег» помех.

Майкл завел мотор и дал газ. На другой стороне улицы взорвалось еще одно здание. Вниз дождем посыпался пепел. Чтобы не клюнуть носом, Вирге пришлось ухватиться здоровой рукой за приборный щиток. Майкл гнал машину по горящим улицам, словно преследовал кого-то или кто-то преследовал его. Он въезжал на тротуары, нырял в вонючие узкие улочки, проносился через пепелища когда-то элегантных домов. Вирга стиснул зубы и что было мочи вцепился в сиденье. Джип выскочил из нового города в старый, где зола уже остыла и дорогу по обугленной земле, смыкавшейся с серым небом, освещали лишь ред-

кие очаги красного пламени. На миг Вирга увидел, как вдали, за развалинами сожженных жилищ, промелькнули опаленные стены и башни особняка Мусаллима.

Они свернули на длинную улицу, вымощенную неровными, разбитыми каменными квадратами. С обеих сторон потянулись высокие стены, покрытые сеткой трещин и исписанные лозунгами на арабском языке. Прямо в камне были прорублены двери. Кое-где Вирга заметил на земле трупы.

Мотор взвыл: Майкл до упора вдавил педаль газа. Вирга вскрикнул:

— Какого черта?!

Впереди, подпрыгивая на неровностях мостовой, ехал сверкающий черный лимузин с зашторенным задним окном. Стиснув зубы, полный решимости Майкл нагонял его. Джип поравнялся с лимузином с его левого бока, и Вирга увидел, что заглянуть на заднее сиденье невозможно — все шторки в этой части машины были закрыты. Шофер, который до сих пор не подозревал о погоне, оглянулся — и широко раскрыл глаза.

Вирга увидел, что это Оливье.

Майкл крутанул руль, и джип резко ушел вправо. Лязгнул металл. Запахло жженой резиной. Вирга вскрикнул, поняв, что Майкл задумал вогнать лимузин в стену. Он увидел, как чья-то рука приспустила шторку. Из темноты выглянули черные, страшные глаза. Пальцы разжались, и шторка поднялась.

Не обращая внимания на громкие протесты Вирги, Майкл снова вывернул руль. На сей раз Оливье встретил его на середине мостовой, и оба автомобиля, как сцепившиеся рогами быки, с ревом понеслись по улице. Что-то маленькое, металлическое, похожее на колпак вылетело из-под лимузина и, вращаясь, просвистело мимо головы Вирги. Профессор скорчился на сиденье.

Теперь уже Оливье старался прижать джип к стене. Надсадно ревя мотором, лимузин все ближе прижимал джип к каменной ограде. Они мчались так быстро, что намалеванные на древних стенах лозунги превратились в сплошные полосы основных цветов. Снова лязгнул металл; джип тряхнуло, и руки Майкла на руле побелели от напряжения. Лимузин теснил их к

стене. Из разбитой фары посыпалось стекло. Вирга мельком увидел лицо Оливье, бледное и оскаленное, как череп. Джип задел дальнюю стену; сминаясь, металл застонал человеческим голосом, и Вирга понял, что это его собственный голос.

Майкл ударил по тормозам. Лимузин прошел впритирку к джипу, оцарапав ему бок, вернулся на середину улицы и помчался прочь. Майкл сражался с рулем, стараясь предотвратить лобовое столкновение; на шее у него вздулись жилы. Почти не снижая скорости, он отвернул от стены и тоже очутился на середине улицы. Далеко впереди лимузин скрылся за углом.

Они рванулись следом и увидели, как лимузин сворачивает в боковую улочку. Новый резкий поворот — и он исчез из виду.

Через несколько секунд перед ними возник дворец Мусаллима. Осыпавшаяся каменная кладка придавала ему заброшенный, нежилой вид; повсюду толстым слоем лежал пепел — как пыль. Особняк, казалось, вымер; Вирга не заметил ни охранников, ни собак. Ворота были сорваны с петель. Джип влетел за ограду, во двор, пошел юзом и выскочил с подъездной дороги на выжженную солнцем землю. Майкл затормозил. Мотор заглох.

Майкл вытащил ключ из замка зажигания и осмотрелся. Никаких признаков того, что здесь кто-то жил, не было. Обгорелый кирпич, битое стекло — особняк мог простоять так тысячу лет, и никто не заметил бы разницы. Вирга увидел распахнутую настежь огромную дверь и непристойно разъявленный вход.

Майкл вылез из джипа, но не успел сделать и шага, как послышался вой набирающих обороты двигателей. В следующий миг — ни Майкл, ни Вирга никак не успели бы добежать до взлетной полосы, — промчавшись по черному асфальту, в небо взмыл блестящий белый самолет. Последний поворот штурвала, едва заметная дрожь, пробежавшая вдоль хвоста, — и, унося с собой призрачное стенание моторов, самолет взял курс на северо-запад.

Майкл смотрел, как поднятый при взлете ветер шевелит траву. Потом тихо, словно только для себя, сказал:

— Я опоздал.

— А что вы хотели здесь найти? — поинтересовался Вирга. — Особняк разрушен. Никого.

— Да. Теперь никого.

— Куда же они повезут Ваала? Все больницы сожжены.

Майкл, казалось, не слушал. Он провел рукой по лбу и посмотрел на копоть, оставшуюся на пальцах.

— Вы слышите меня? Нужно узнать, куда отвезли Ваала.

— Что? — переспросил Майкл, но потом, казалось, сообразил, о чем речь. — Ваал улетел на том самолете. Вероятно, сейчас он покидает страну, а может быть, и континент.

— Что? Откуда вы знаете?

— Просто знаю, — ответил Майкл.

— Но ведь без медицинской помощи он истечет кровью. Куда его повезли?

Майкл ничего не ответил и отвернулся. Он пошел по голой земле ко входу в особняк, Вирга — за ним. У самой двери Майкл остановился и оглядел сырое помещение с грязными стенами.

— Что-то не так, — негромко сказал он.

— Ловушка?

— Не знаю. Кажется, что здесь никого нет... и все же... идите за мной как можно тише и не отставайте ни на шаг. Договорились?

— Да, — ответил Вирга. — Хорошо.

Майкл вошел, и Вирга последовал за ним, стараясь не наступать на битое стекло и обгорелые ковры. В особняке полный разгром. Обгорелые ободранные стены, изорванные в клочья ковры, вдребезги разбитые огромные зеркала, резная мебель тонкой работы, изрубленная словно топорами. Все окутывал густой дым, сильно пахло помойкой. Особняк убили, и от него уже несло мертвечиной. Майкл обернулся, чтобы убедиться, что Вирга в состоянии идти дальше, и они двинулись по коридору мимо огромных комнат и мраморных лестниц, поскальзываясь то на стекле, то на экскрементах.

В доме стояла мертвая тишина. Никого не осталось, подумал Вирга, никого. Ученики испарились вместе со своим раненым учителем. Профессор с Майклом молча шли по извилис-

тым темным коридорам, и им казалось, будто они пробираются по кишкам обугленного трупа.

Вдруг за одной из закрытых дверей резко звякнуло стекло. Майкл напрягся и прислушался, схватив Виргу за руку, чтобы тот не двигался, но шум не повторился.

Майкл весь подобрался и пинком вышиб дверь. Та сорвалась с дряхлых петель и грохнулась на потрескавшийся каменный пол.

Они оказались в разгромленной столовой. Перевернутые стулья в беспорядке валялись вокруг обгорелого, засыпанного золой стола, накрытого как для банкета: на нем еще стояли тарелки с остатками пищи и оловянные кубки. Три кубка были опрокинуты, питье растеклось под ними вязкими лужицами. По комнате, словно духи умерших, плавали сизые клубы дыма. Пахло гарью, гнилью и чем-то еще, чем-то, что заставило Виргу с отвращением стиснуть зубы. Это был густой, тошнотворно-сладкий запах склепа. Вирга почувствовал, как Майкл рядом с ним весь напружинился.

За столом кто-то сидел.

Кто-то сгорбленный тяжело навалился грудью на стол, перевернув хрустальный графин. Кто-то, чье лицо пряталось в тени. Изможденный, бледный, в ужасных лохмотьях. Увидев страшные темные пятна на голой руке, Вирга охнул. Человек за столом пошевелился, повернул голову, и мутный свет, струившийся в дверной проем, упал на его лицо.

— Боже мой! — воскликнул Вирга. — Это Нотон.

Однако он тотчас понял, что перед ним не тот Нотон, которого он знал. Тот, кто сидел за столом, возможно, и обнаруживал схожие с Нотоном черты — высокий, красивой лепки лоб (теперь покрытый гнойниками), знакомый нос (теперь полусъеденный какой-то страшной болезнью), светлые волосы (кто-то вырывал их клочьями, сдирая кожу; на проплешинах запеклась кровь), — но в то же время это не был Дональд Нотон.

Глаза человека за столом загорелись лютой яростью. Он сграбастал кубок и, выкрикивая нечто невнятное, запустил им в незваных гостей.

Майкл пригнулся. Кубок с грохотом ударил в дальнюю стену. Нотон с трудом поднялся, поднял над головой стул и швырнул в них; от усилия он пошатнулся, упал на четвереньки, рыча отбежал в темный угол и засверкал оттуда красными горящими глазами.

— Бог мой, — ужаснулся Вирга, — они превратили его в животное! О Господи!

— Не подходите! — приказал Майкл. Он сделал шаг вперед. Нотон взвыл, как взбешенный пес, и в Майкла полетели ножи, вилки, осколки стекла — все, что попадалось Нотону под руку. Майкл негромко спросил Виргу: — Как его звали?

— Дональд, — ответил Вирга. «Звали»? Майкл сказал «звали»?

Нотон в своем углу уселся на корточки.

Майкл сделал еще шаг вперед, и Нотон оскалился.

— Тихо, — проговорил Майкл спокойно и властно. — Тихо. Вы — Дональд Нотон. Вы помните это имя?

Нотон наклонил голову набок, слушая. Потом прижал руки к ушам и уперся подбородком в грудь.

— Дональд Нотон, послушайте меня, — сказал Майкл. — Вы по-прежнему человек. Вы по-прежнему можете сопротивляться этому. Я хочу, чтобы вы сопротивлялись этому. НУ ЖЕ!

Нотон глухо заворчал и стал озираться, отыскивая, что бы еще бросить.

Майкл сделал третий шаг вперед, пригнулся и посмотрел прямо в глаза Нотону.

— Сопротивляйтесь, — скомандовал он и внезапно протянул Нотону руку с раскрытой ладонью. — Верьте мне. Верьте. С этим можно бороться.

Казалось, Нотон растерялся. Он бессмысленно затряс головой, повернулся и стал царапать стену в поисках лазейки, через которую можно было бы сбежать.

— ДОНАЛЬД НОТОН! — загремел Майкл.

— НЕЕЕЕЕТ! — застонало животное на полу. — БОЛЬШЕ НЕ ДОНАЛЬД НОТОН! НЕТ!

— Господи Иисусе! — едва слышно пробормотал Вирга.

Майкл мгновенно выпрямился и, когда больной повернулся от стены, коршуном кинулся на него. Нотон испустил дикий крик страха и ярости. Майкл прижал ладони к вискам Нотона, и Вирга увидел, как у него на руках вздулись вены.

— ДОНАЛЬД НОТОН!

Тот затрясся, из раскрытого рта потекла слюна. Медленно, очень медленно выражение его глаз стало меняться. Мелькнула искра осознания. Он расслабился, предаваясь рукам Майкла, потом всхрапнул, наполнив зал вонючим дыханием, и обмяк. Майкл очень осторожно уложил сотрясаемого рыданиями Нотона на каменный пол и знаком велел Вирге подойти.

Вирга наклонился над своим другом. Гноящиеся болячки вблизи оказались еще ужаснее, чем он полагал. Неведомый и невообразимый недуг, как жадный пес, терзал плоть Нотона. Майкл, бережно поддерживавший голову Нотона, сказал:

— Этот человек умирает. Для него это единственное спасение от боли.

— Мне уже нельзя помочь, — пробормотал Нотон непослушными губами. Взгляд его остекленел. — Поздно. Уже поздно... — Он посмотрел на Виргу, не веря своим глазам. — Вы... доктор... Вирга?

— Да. Боже мой. Боже мой. Что они с вами сделали?

Нотон застонал. Боль была нестерпимой. Ему удавалось забывать о ней лишь на жалкие мгновения, и она неизменно возвращалась с новой силой.

— Они все ушли, — едва слышно прошептал он, запинаясь на каждом слове. — Кресиль, Верен, Зоннейльтон, Каро... все. Ваал увел их.

— В Ваала стреляли, он ранен, — сообщил Вирга. — Куда его могли отвезти?

Нотон посмотрел на него. Вирге почудилось, что он улыбается, но это была лишь тень улыбки.

— Ранен... Нет.

— Куда его отвезли? — снова спросил Вирга.

Нотон прерывисто задышал. Боль возвращалась. Она ласкала его раскаленными пальцами. Он задрожал, и Майкл положил руку ему на лоб.

— Ушел, — пробормотал Нотон, судорожно хватая ртом воздух.

— Что? — Майкл наклонился ниже. — Куда ушел?

— Тот ребенок, тот ребенок, — бормотал Нотон, заливаясь слезами. — Господи, у меня был нож... я не знал... я и подумать не мог... — Майкл осторожно вытер ему мокрые щеки. — Теперь его никто не остановит, — прошептал Нотон.

— В Ваала стреляли, — сказал Вирга. Он быстро взглянул на Майкла: — Верно?

— Дважды... — выдавил Нотон. — Два раза. Арабы поднимутся, чтобы отомстить за убийство живого Мухам... о-о Боже, больно, больно, больно-о-о-о-о! — Он стиснул зубы, пытаясь бороться с болью.

Вирга понял, что плачет.

— Зачем? — услышал он свой голос. Нотон взглянул на него мутными от боли глазами.

— Уничтожить евреев... полностью... всех до одного... террор по всему миру... тотальный...

— Зачем?

Майкл пристально посмотрел на Виргу.

— Месть, — ответил он за Нотона.

В горле у Нотона заклокотало.

— Он задумал воскресение... покуда его ученики будут повсюду сеять вражду и хаос... он будет ждать... и... о Господи, больно-о-о!

Боже правый, выдохнул Вирга. Боже правый.

— А когда он вернется, с ним придет Владыка...

Этот человек болен, он безумен. Боже правый. Черт, черт, черт.

— Не понимаю, — пробормотал Вирга себе под нос. — Ваала застрелили... застрелили...

Майкл мягко спросил:

— Куда ушел Ваал?

— Его никому не найти, — проговорил Нотон. Он захрипел, пуская омерзительно пахнущие слюни. — Слишком далеко...

— Куда? — не отступался Майкл. Его взгляд испугал Виргу; в тусклом свете глаза Майкла, страшно золотые, светились яростью.

Нотон заморгал. Перед глазами у него все плыло, и Вирга увидел, что его друг вновь погружается в забытье.

— Я видел... карты, — наконец проговорил он. — И кое-что слышал. Они бросили меня здесь умирать... но я видел карты.

Майкл подался вперед.

— Они в Гренландии, — прохрипел Нотон. — Готовятся... эскимосское селение... Аватик... потом через льды... — Он посмотрел мимо Майкла, отыскивая взглядом Виргу, и дотронулся до руки профессора: — Джудит... С ней все в порядке?

— Да. У Джудит все хорошо.

— Меня заставили написать письмо... Он собирался использовать вас...

— Я знаю.

Казалось, бледный свет в глазах Нотона вот-вот погаснет. Лицо у него побелело, а губы едва шевелились, когда он говорил. Постанывая от боли, он вдруг умоляюще посмотрел на Виргу полными слез глазами.

— Я не хочу умирать... так, — сказал он. — Так... не хочу.

Вирга молчал: умирающий Нотон смотрел так беспомощно, что профессору сдавило горло.

Майкл прижал руку ко лбу Нотона.

— Все в порядке, — прошептал он. — Отдохните. Закройте глаза и немного отдохните.

— О-о, — тихо выдохнул Нотон. Вирга увидел, как свет жизни в глазах Дональда замерцал и погас. Майкл сложил руки Нотона на груди и встал.

— Вы заберете его тело в Штаты. Этот дом будет сожжен, а пепел — погребен в земле.

— Он был прекрасным человеком.

— И наконец обрел упокоение.

Вирга вдруг резко вскинул голову:

— Я отправлю его морем, жене, пусть похоронит его как положено. А я еще не собираюсь возвращаться.

Майкл медленно повернулся к профессору. Он излучал осязаемую силу.

— Вы добились своего. Нашли своего друга. Дальнейшее — не ваше дело.

— Будьте добры объяснить, как вы будете выслеживать его в одиночку?

— А как я выслеживал его целых... столько лет? Один.

— Я отправляюсь с вами.

— Нет.

— Да.

Майкл сказал:

— А знаете, я могу заставить вас остаться.

— Не знаю, кто вы такой, но вот что я вам скажу: я полностью отдаю себе отчет в том, на что способен Ваал, и не собираюсь сиднем сидеть в Бостоне.

Несколько секунд Майкл молча смотрел на него. Потом пожал плечами:

— Как угодно. Мне все равно, я не собираюсь присматривать за вами, я вам не нянька. Но повторяю: вы глупец.

— Пусть, — ответил Вирга.

— М-да, — хмыкнул Майкл. — В Гренландии вот-вот должна начаться полярная ночь — полагаю, это вам известно. А посему вам не мешало бы пополнить свой гардероб. Поедем порознь. Я буду ждать вас в Аватике в течение трех дней. Если за это время вы не появитесь, я уеду без вас.

— Я появлюсь.

— Да, полагаю, что так. Стало быть, утрясайте формальности и как можно скорее улетайте из этой страны. Не думаю, что у нее большое будущее. Ну-ка дайте я помогу вам вынести отсюда вашего друга.

Часть третья

...И видел я... стеклянное море, смешанное с огнем...

Откровение
Иоанна Богослова, 15:2.

21

ад белыми песчаными просторами в краю медленно кипящего зноя, над укрытой пологом зимы Европой, над бесконечными синими нитями рек и широкими долами, где путь Человека был отмечен вехами городов, Вирга думал только о Ваале.

Ваал был носителем той бациллы безумия, что, притаившись в телах некогда здоровых людей, медленно заражала весь мир; он был погибелью человечества. Почему Вирге так страстно хотелось снова выступить против него? Профессор вновь и вновь задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Майкл был прав. В грядущих событиях ему, Вирге, не находилось ни роли, ни места. Он был всего лишь человеком, да и немолодым человеком, и его мучило страшное предчувствие, что назревает нечто выше его понимания. Блестящие золотые глаза Майкла вселяли в профессора не меньшую тревогу, чем темный лик Ваала. Эти двое должны были непременно встретиться, сойтись лицом к лицу, если не в Гренландии, то где-нибудь еще, в ином уединенном уголке земного шара, где будет лишь один свидетель: он сам. Ему необходимо видеть их встречу; он твердо решил увидеть ее, и это-то, заключил Вирга, и гнало его вперед.

К макушке земного шара Вирга добирался на перекладных, наблюдая, как солнце все ниже спускается к горизонту, кроваво-красным шаром повисает в ледяном небе. Один аэропорт сменял другой, рейс следовал за рейсом, а Вирга, всматриваясь

в лица пассажиров, недоумевал, как можно ни о чем не подозревать. Бизнесмены в темных костюмах, с вечными черными «дипломатами», молодые туристы, путешественники-одиночки — все безмятежные, все такие беспечные. А ведь везде журналы и газеты на всех языках кричали с первых страниц о бомбежках и убийствах, и с фотографий смотрели воинственные, рвущиеся в бой лица. Ваал, возможно, спрятанный сейчас даже от всевидящего ока Господня, трудился не покладая рук. Вирга отвернулся от улыбающейся стюардессы авиакомпании «САС» и поглядел в овальное окошко на море темнеющих облаков. Где же Бог? — спросил он себя. Неужели человек ныне так безнадежно погряз в пороке, что Господь умыл руки? Или Ваал стал до того силен, что даже Его охватил ужас? От этой мысли Виргу зазнобило. Ему вдруг начало казаться, что великий механизм, отмеряющий последние минуты человечества, уже запущен и, точно исполинские часы с маятником, отсчитывает секунды.

Вирга был выжат как лимон. Жесткий график перелетов, необходимый для того, чтобы уложиться в сроки, установленные Майклом, вконец измотал его. От усталости профессор не мог даже спать. В туалете на него взглянул из зеркала испуганный неряшливый старик — отросшие встрепанные бакенбарды, новые морщины у глаз.

В сверкающем от инея морозном Копенгагене Вирга купил сапоги и теплую одежду. Теперь до окончания путешествия оставались считанные часы. Ему предстояла посадка в Рейкьявике, затем на грузовом аэродроме в Сэндрестримфьорде, а там нужно было договориться, чтобы чартерным рейсом добраться вдоль западного побережья в Аватик, крошечную точку на карте Гренландии.

Исландия осталась позади, и солнце исчезло за горизонтом, оставив в небе лишь тончайшую багровую полоску. Они перегнали его ослепительное сверкание и мчались теперь к темному полюсу.

Вирга выпил последнюю порцию виски и вдруг подумал, что Майкл мог обмануть его. Возможно, он вовсе не собирался никого ждать, и, прибыв в Аватик, Вирга не застанет его там. Тогда долгое путешествие окажется напрасным. Он, растерян-

ный и одинокий, будет гадать, остаться ли в Аватике или, похоронив всякие надежды, вернуться в Соединенные Штаты, теперь такие же чужие для него, как эскимосское селение.

Но незаметно для себя, чувствуя, как все сильнее сосет под ложечкой, Вирга пустился размышлять над тем, что они будут делать, когда — и если — найдут Ваала. Его можно было остановить единственным способом — убив, но, убив его, они лишь упрочат философию насилия, выросшую в его тени. Нет, Вирга еще не был готов выступить в роли религиозного фанатика-убийцы, в мире и без того пролилось уже довольно крови.

На аэродроме в Сэндрестримфьорде Вирга обнаружил, что насилие прибыло туда вместе с Ваалом. Датские власти тщательно проверяли паспорта и багаж. В зале ожидания под сиденьем, пояснил таможенник человеку, за которым стоял в очереди Вирга, кто-то оставил бомбу, спрятанную в чемодане. Взрывом убило четверых и шестерых ранило. Проверив единственную сумку Вирги, таможенник махнул рукой: проходите. Вирга прошел через зону взрыва; на месте сидений торчали металлические пеньки, на линолеуме темнели пятна. На миг Вирга задумался, кем были эти люди.

Без особого труда, что несказанно удивило его, поскольку он не знал датского, Вирга выяснил у темноволосой девушки в информационном центре, что да, частные самолеты совершают чартерные рейсы вдоль побережья, но следовало сделать заказ заранее. Нет, сказал Вирга, так не пойдет. Он заплатит пилоту столько, сколько тот скажет, — ему жизненно важно попасть в Аватик к утру. Девушка поморщилась и потянулась за списком пилотов. Вирга выбрал наугад: Хельмер Ингесталь. Только услышав сонный голос в телефонной трубке, Вирга сообразил, что на дворе давно ночь; он потерял ощущение времени и едва держался на ногах.

— Аватик? — переспросил на другом конце провода голос с сильным датским акцентом. — Знаю такой поселок. Там есть посадочная полоса. Кто дал вам этот номер?

— Я звоню из аэропорта, — сказал Вирга, медленно, чтобы Ингесталь понял. — Вы не представляете, как мне важно немедленно попасть в Аватик.

— А в чем дело? — поинтересовался Ингесталь. — Вы занимаетесь чем-то незаконным?

— Нет. Я заплачу любые деньги.

Молчание. Потом Ингесталь спросил:

— Что, правда?

— Да, — подтвердил Вирга.

Ингесталь хмыкнул.

— Ну ладно, — проговорил он, — тогда я, пожалуй, прощу вам, что вы меня разбудили.

Ингесталь оказался широкоплечим здоровяком с рыжевато-каштановыми волосами и толстой бычьей шеей. Когда они шагали по заснеженному летному полю к его ангару, он поглядел на волчью шубу, купленную Виргой в Копенгагене, и расхохотался.

— Вы собираетесь ходить в этом? — спросил он. — Ха! Только яйца отморозите.

Самолет оказался маленьким, старым, американского производства. Его, сознался Ингесталь, он купил на свалке и сам довел до ума. То, как пилот пинал шипованные шины и дергал предкрылки, не прибавило профессору оптимизма.

— Хороша старушка, — крякнул Ингесталь. — Молодцы американцы.

Через двадцать минут они уже катили по заледенелой взлетной полосе. Самолет в последний раз содрогнулся, моторы взвыли, и они оторвались от земли. Вихрящийся снег на миг залепил стекла кабины, но не успел Вирга испугаться, как они поднялись над облаками и помчались выше, выше, выше, во тьму.

Ингесталь выругался и сильно стукнул по обогревателю. Тот затрещал и отказался работать. Вирга повыше поднял воротник, кутая горящие от мороза уши, и стал дышать медленно и неглубоко, чтобы не застудить легкие. Самолет продолжал набирать высоту. Когда подъем был закончен, Ингесталь открыл термос с кофе, отхлебнул и протянул термос Вирге.

— Вы так и не сказали, зачем вы туда летите, — заметил пилот. — И не собираетесь?

Вокруг поднимались темные горные вершины. Солнце скрылось совсем, хотя тьма у горизонта была чуть серее и про-

зрачнее. Внизу на много миль раскинулась заснеженная земля, кое-где отмеченная редкими огнями поселков. Это был суровый край. Даже с такой высоты нельзя было этого не заметить. Вирга надел капюшон и стянул завязки под подбородком. Ледяной воздух обжигал щеки, как стылый металл. Светилась зеленым приборная панель, зеленый отсвет ложился на лицо Ингесталя, а Вирга сидел с дымящимся термосом в руках и, если оборачивался, видел в темноте мигающий габаритный огонь на конце крыла.

— Мне надо кое с кем встретиться, — сказал он наконец.

— Что ж. Мое дело маленькое. Вы платите, я везу. Похоже, вы упали?

— Что?

— Похоже, вы упали. Рука.

— Ах это. Несчастный случай.

Пилот кивнул:

— Я сам раз упал. Сломал плечо, ключицу и левую ногу. Ха! — Его смех был похож на кашель. — Аварийное приземление. Я тогда служил испытателем в Манитобе.

Вирга отхлебнул из термоса. Брр! По-видимому, кофе не раз подогревали. Впрочем, он был горячий, а это главное. Вирга выглянул в запотевшее окошко и увидел грозные ледники, неумолимо сползавшие к морю. Теперь ничто не нарушало однообразия снежной равнины, кроме редких темных сопок. Но вот горная страна осталась позади, и под крылом самолета поплыли плоские ледяные поля, у горизонта сливавшиеся с небом. Казалось, им не будет конца. Это было царство двух красок, черной и белой; черный и белый чередовались, повторялись в самых различных сочетаниях, смешивались и все же оставались пугающе отдельными. Лишь два цветных пятнышка вторгались в этот монотонный пейзаж: габаритный огонь на крыле и зеленое свечение приборной доски.

— Не знаю, зачем вы туда летите, — проговорил Ингесталь, — но хочу вам кое-что сказать. Это суровая земля. Она убаюкивает вас, а когда вы уснете, убивает. По вашему лицу видно, что вы не привыкли к холодам. И потом, вы знаете эскимосский, а?

— Нет.

— Как я и думал. Вы чужак, по-ихнему, «краслунас». Вам здесь не место. Так что глядите в оба.

Передавая друг другу термос, они допили кофе. Когда полет уже подходил к концу и внизу снова замелькали черные скалы и белый снег, обогреватель вдруг щелкнул и кабину затопило благословенное тепло. Вирга снял перчатки и поднес руки к печке.

— Возвращаться скоро будете? — поинтересовался Ингесталь. — Если заплатите, могу вас подождать.

— Нет, — отозвался Вирга. — Толком не знаю. Не стоит меня ждать.

Ингесталь кивнул.

— В Аватике с эскимосами живет одна датская семья. Пастор-лютеранин и его жена. Приехали сюда года четыре назад. Прилетите как раз к завтраку. — Он показал рукой куда-то вперед. Далеко внизу слева на огромном паке светились огни. — Вот Аватик. Здешние эскимосы — серединка на половинку: живут слишком далеко на юге, чтобы кочевать, и слишком далеко на севере, чтобы стать частью современной Гренландии. Сами увидите.

Самолет начал плавный разворот. Вирга увидел два ряда расставленных на произвольном расстоянии друг от друга железных бочек, в которых горел бензин: они отмечали короткую посадочную полосу. Ингесталь продолжал снижение, и наконец Вирга смог разглядеть бледный желтый свет в окнах убогих жилищ. За Аватиком высились ледяные горы, похожие на засыпанные снегом бескровные тела. Ингесталь посадил самолет на полосу, спокойно прекратил опасное скольжение юзом и остановил самолет, подняв тучу снега и льдинок.

Не выключая мотор, Ингесталь вытащил из-за сидений чемодан Вирги. Он подождал, пока пассажир выберется на снег, бросил ему багаж, показал большой палец и, перекрикивая шум пропеллера, пожелал: «Удачи!»

Вирга отошел с дороги, остановился и, не обращая внимания на колючий снег, жаливший лицо, посмотрел, как самоле-

тик промчался между рядами ярко горящих бочек, поднялся в воздух и устремился во тьму.

Поплотнее запахнув шубу от морозного ветра, Вирга по хрусткому снегу пошел в сторону поселка. В конце взлетной полосы стоял железный сарай, обложенный битым камнем. У распахнутых настежь дверей были рассыпаны пустые ящики. На другом краю ледяного поля виднелись сборные домики Аватика. За окнами (двойными, подумал Вирга, иначе им было бы не выдержать отрицательных температур) поблескивали фонари.

Впереди залаяли и завыли собаки. Затем послышался пронзительный визг и поскуливание, словно одну из них — а может, и не одну — ударили или укусили. Потом собаки угомонились, и остался только свист ветра и шорох снега под ногами.

Вдруг из просвета между домиками появился кто-то укутанный в меха. Испуганно замерев, Вирга наблюдал за приближением неизвестного. Он слышал хруст снега под тяжелыми сапогами. Там, откуда шел этот человек, снова завыли собаки; послышались звуки драки...

Майкл подошел к Вирге и сказал:

— Вы опоздали.

22

Они пошли мимо примитивных хижин. Вирга понял, что если бы не густой снег, ровным слоем запорошивший землю, то его вывернуло бы наизнанку. Повсюду валялся смерзшийся мусор, обрывки веревок, собачий кал, какие-то банки и ящики. Майкл и Вирга перешагивали через застывшие лужи черной крови, поблескивавшей в падавшем из окон свете фонарей, и один раз профессор испуганно вздрогнул при виде замерзшей оскаленной пасти огромного тюленя; выпученные глаза зверя походили на бейсбольные мячи.

Возле многих сборных домиков лежали собаки, привязанные к вбитым в землю железным колышкам. Когда Вирга с Майклом проходили мимо, громадные звери с умными глаза-

ми поднимались со снега, запутывая свои веревки. Вирга заметил среди них и больных, и жестоко порванных в собачьих баталиях — эти бедолаги, свернувшись белыми меховыми клубками, позволяли более сильным беспрепятственно переступать через них.

— Вы здесь давно? — спросил Вирга.

— Со вчерашнего дня. Прилетел чартерным рейсом. И попросил выставить для вас бочки с бензином.

Вирга кивнул. Теперь он чувствовал, что из окошек за ними украдкой следит множество глаз. Он услышал скрип дверных петель, но стоило ему обернуться, как дверь громко захлопнулась, заставив упряжку ездовых собак вскочить в ожидании свиста хлыста.

Впереди поднимался высокий шпиль деревянной церкви. Ледяные ветры не пощадили его. Над аркой входа было прибито гипсовое изображение Иисуса; его глаза грустно смотрели на входящих. Защищенная от ужасного ветра лишь обычными для Назарета просторными одеждами, фигура Христа показалась Вирге нелепой.

Слева от церкви был сборный дом с несколькими окнами и каменным дымоходом, над которым стоял короткий столб белого дыма. В окне кто-то мелькнул, и в следующий миг дверь распахнулась.

Сутулый пожилой человек в темно-коричневом свитере сказал:

— Доктор Вирга, верно? Мы ждали вас. Проходите, пожалуйста.

Вирга вошел в комнату, освещенную керосиновыми лампами. Для лучшей теплоизоляции стены были оклеены старыми газетами. Вирга увидел картину — аляповатое изображение Христа в золотом нимбе. На полу лежали шкуры. В широком каменном очаге горел огонь, и Вирга немедленно подошел к нему, чтобы вобрать тепло. Человек в свитере взял у Вирги шубу и перчатки и сказал:

— Вы издалека?

— Да. Я очень долго добирался сюда.

— Меня зовут Томас Лар. Я местный священник.

Вирга пожал протянутую ему руку. Ладонь у Лара оказалась жесткая, как продубленная кожа. Вирга спросил:

— Вы лютеранский пастор?

— Да. Мы приехали сюда, когда мой предшественник заболел и умер. Его могила на окраине поселка. — Пастор крикнул кому-то в соседнюю комнату: — Дорти, у нас новый гость. Чай готов?

В комнату вошла женщина одних лет с пастором. С морщинистого обветренного лица смотрели глаза, в которых ярко светилась живительная надежда. Пасторша поздоровалась и спросила:

— Доктор Вирга?

— Да.

— Покушаете с дороги? Хотите бульону?

— Да, это было бы превосходно. Благодарю вас.

Она улыбнулась и, кивая, вернулась в маленькую кухоньку.

Майкл неторопливо снял огромную шубу, потом более легкую парку и повесил их сушиться на деревянную вешалку у огня.

Вирга заметил за окном лучи света и движение призрачных фигур в темноте.

— Эскимосы очень любопытный народ, — объяснил Лар. — Они не имеют в виду ничего плохого. Вы напугали их, а теперь они успокоились и вышли набрать льда, чтобы растопить его и получить воду. Их растревожил шум самолета и внезапное оживление в поселке.

— Они ведь не тронут ящик? — спросил Майкл.

— Нет, нет, — заверил Лар. — Пусть это вас не тревожит.

— Что за ящик? — спросил Вирга, поворачиваясь к Майклу.

— Я кое-что привез.

— Я его не видел.

Лар сказал:

— Мы оставили его на складе. Там с ним абсолютно ничего не случится. Никто его не тронет.

Вирга по-прежнему смотрел на Майкла.

— А что в нем? — спросил он.

Вошла пасторша с чаем. Чай был густой, черный и оседал на стенках глиняных чашек. Майкл и Вирга молча стали пить.

Лар удобно устроился на стуле у огня и сказал:

— Вот так. Мы с вашим другом обсуждали проблемы распространения христианского учения среди эскимосов-кочевников, доктор Вирга. Его взгляды показались мне чрезвычайно интересными.

— Вы здесь единственная датская семья? — спросил Вирга.

— Да. Как ни странно, эскимосы отнеслись к нам очень хорошо. Мы к ним тоже. Удивительный народ! Когда я решил, что хочу отправиться миссионером на Север, я перечитал множество книг о местных обычаях. Даже ходил на лекции по эскимосской культуре. Но все это не идет ни в какое сравнение с личными наблюдениями. Связь эскимосов с землей, с природой абсолютна.

— Белые люди, явившиеся сюда проповедовать им учение Христа, — заметил Майкл из угла комнаты, — в некоторых отношениях очень им повредили.

Старый пастор засмеялся и махнул рукой:

— Да, да. Совершенно с вами согласен. Здесь побывало несколько нечистоплотных субъектов, выдававших себя за миссионеров. К несчастью, с ними сюда попали венерические болезни и алкоголизм. Сейчас правительству Дании приходится ограничивать ежемесячное поступление спиртного к эскимосам: бутылка спирта, две бутылки вина или двадцать маленьких бутылок пива. Пьянство — вот главный недуг Гренландии. И еще самоубийства. В этом году здесь у нас покончили с собой шесть человек. Почему, не знаю. У них так быстро меняется настроение. Они непредсказуемы. А знаете ли вы, — повернулся он к Вирге, — что много лет назад, наслушавшись голландских миссионеров-христиан, отцы-эскимосы убивали сыновей, чтобы этим доказать свою преданность религии? Да, это правда. Невероятно, но правда. Но, конечно, тогда эскимосы были куда наивнее. И все же, — продолжал Лар, — в них по-прежнему много первобытного. В летние месяцы, когда лед в заливе начинает таять, пиньярторсьюты, лучшие охотники, прежде чем выйти

на лед, молятся каждый своему — и только своему — божеству. Животным, ветрам, приливам: у всех у них есть духи, такие же переменчивые, как сами эскимосы.

— Ваша задача, должно быть, очень сложна, — заметил Вирга, допивая чай и отставляя чашку.

— Я рассматриваю это как полезный опыт. Мы уже не уедем отсюда. Я даже думать не могу о том, чтобы снова жить в Копенгагене. Все это теперь кажется слишком далеким, чтобы быть реальностью. Вот, — пастор твердыми смуглыми руками очертил в воздухе круг, — реальность. Реальные люди. Четыре года я улаживал их семейные неурядицы, смеялся и плакал вместе с ними, наблюдал за их рождением и смертью. Нет, мы уже не уедем отсюда и, когда умрем, ляжем в здешнюю прекрасную землю. А! Вот и бульон. Пейте, пока он горячий.

Когда Вирга поднес дымящуюся кружку к губам, Лар наклонился к нему и негромко сказал:

— Стало быть, вы с вашим другом идете на север, а? Их вертолеты полетели туда.

Вирга уставился на него. Майкл не шелохнулся.

— О. — Пастор посмотрел на Майкла. — Вы ничего ему не рассказали?

— Нет.

— Так. — Лар снова повернулся к Вирге. — Они появились здесь с неделю назад. Привезли стройматериалы и припасы и поставили у взлетной полосы сарай, чтобы ничего не отсырело. Не знаю, кто это были такие, но... что ж, признаюсь, я сделал вид, что ничего не происходит, и посоветовал старейшинам последовать моему примеру. Эскимосы не выходили из хижин. Даже собаки боялись чужаков. Я подумал, не связаться ли с ледовым патрулем — вдруг эти люди задумали недоброе? — но ко мне пришел молодой охотник, Ингсавик, и сказал, что разговаривал с ними и они назвались метеорологической экспедицией. Парень уверял, что все в порядке и не стоит беспокоить власти. Я послушался его совета, и вскоре эти «метеорологи» улетели. Я подумал, что на этом можно поставить точку, — продолжал пастор. — Но несколько дней назад они вернулись, заб-

рали свои запасы и улетели на север, в сторону ледяных равнин. Тем все и закончилось, вот только...

— Что «только»? — спросил Вирга.

— Возможно, здесь нет никакой связи. Я заметил, что Ингсавик запил, стал бить жену, и это, вероятно, имело самое прямое отношение к визиту «метеорологов». Но потом случилось вот что: Ингсавик разделся догола и ушел в буран. Его жена голосила и умоляла его не ходить, но он избил ее до бесчувствия и бросил в снегу. Я целый километр шел вместе с ним, хотел узнать, не могу ли я чем-нибудь помочь, но он в ярости набросился на меня. Потом вдруг попросил прощения и побежал прочь по равнине. Это освященный веками способ самоубийства.

Вирга сидел неподвижно. За его спиной в очаге трещало пламя.

Лар сказал:

— Кто были эти люди? Вы ведь знаете, правда?

— Да, — отозвался Майкл. — Знаем.

— Но не можете мне сказать?

— Нет. Не можем. Но если вы поймете, что мы действуем во имя справедливости, вы, пожалуй, сумеете помочь нам. Мы с доктором Виргой хотели бы выступить как можно скорее; уже сейчас может быть поздно. Нам нужен проводник, кто-нибудь, кто хорошо знает эти ледяные равнины, потом сани и собаки.

Пастор пожал плечами:

— Все эскимосы прекрасно знают эти льды, но по натуре они осторожны и сторонятся чужаков. И уж конечно, никто из них не захочет, рискуя жизнью, повести на север двух краснокожих. Там тяжело пройти. Сами вы льдов не знаете, а того, кто согласится быть вашим проводником, соплеменники немедленно запишут в дураки.

— А нельзя с ними сторговаться?

— Возможно. — Лар повернул голову: дверь открылась, и в комнату, опасливо поглядывая на Виргу и Майкла, зашел юноша-эскимос с двумя ведрами колотого льда. Лар сказал:

— Заходи, не бойся. Это Чипоганук, он приносит нам по утрам свежий лед. Будь добр, отнеси это на кухню. В позапрош-

лом году Дорти помогла появиться на свет его младшему братишке, и он таким образом думает вернуть долг.

Юноша, с ног до головы укутанный в густой грязный мех, щуря и без того узкие, быстрые глаза, что-то сказал Лару по-эскимосски. Вирге показалось, будто мальчик защелкал языком и неожиданно закашлялся. Лар покачал головой и ответил. Юноша поглядел на чужаков и стал осторожно пятиться к двери. Лар пояснил:

— Он боится, что вы «пиктонгитоки», дьяволы, как люди из вертолетов.

Он что-то сказал, успокаивая Чипоганука, но эскимос, с явным страхом заглянув в сияющие глаза Майкла, выскочил за дверь и скрылся в темноте.

— Что ж, — проговорил Лар после недолгого молчания, — древние суеверия живучи, и здесь я бессилен что-либо изменить. Я могу рассказывать этим людям о всепрощающем и всемогущем Господе и славе Христа, но не могу заставить их забыть древнюю веру. И не знаю, стоит ли.

Лар посмотрел в огонь, словно пытался прочесть там ответ на вопрос, который он задавал себе. Потом снова повернулся к Вирге.

— Я попросил Чипоганука прислать сюда отца, Мигатука. Он — один из здешних старейшин и может найти вам проводника, хотя вряд ли увидит в вашей затее что-нибудь помимо пустого риска. Извините за прямоту, но так обстоят дела.

— Мы понимаем, — отозвался Майкл.

— Полагаю, мой друг Мигатук не сразу нанесет нам визит, — продолжал пастор. Он собрал пустые чашки и направился на кухню. — Я принесу еще чаю, а потом вы, ребята, расскажете мне, что происходит на более низких широтах. Боюсь, что большинство тех новостей, которые доходят сюда ко мне, уже давно устарели.

Когда Лар вышел из комнаты, Вирга сказал Майклу:

— Я не понимаю, как вам удалось добраться сюда раньше меня.

Майкл посмотрел на него и ничего не сказал.

— Спасибо, что подождали, — сказал Вирга.

Майкл кивнул.

Они выпили еще чаю, поговорили — Лар внимательно слушал, негодуя по поводу убийств и бомбежек, — и дверь вновь отворилась.

С порывом ледяного ветра, засыпавшего пол снегом, вошел коренастый эскимос с непокрытой головой. Узкие глаза смотрели испытующе, губы из осторожности были крепко сжаты. Во рту у эскимоса дымился окурок сигареты, и Вирга почувствовал острый запах пота и дешевого табака. Эскимос прикрыл дверь и почтительным кивком поздоровался с Ларом.

— Сын сказал, вы меня звали, — проговорил мужчина по-английски с заметным датским акцентом.

— Садись, Мигатук. Сюда, к огню. Вот так. Выпьешь?

— Нет. — Эскимос оглядывал чужаков.

— Дома все здоровы?

— Да.

— Жена теперь спит хорошо?

— Да.

Лар объяснил Вирге:

— Жене Мигатука вдруг начали сниться очень неприятные сны. Кошмары. — Он снова повернулся к коренастому эскимосу. — Ты мой друг, Мигатук. Я очень высоко ценю твою дружбу. И, поскольку ты мой друг, я знаю, что могу попросить тебя об одном одолжении, а ты, прежде чем ответить, все тщательно взвесь.

Мигатук склонил голову набок.

— Эти люди хотят пройти в глубь равнин, — сказал Лар. Эскимос кивнул. Он смотрел по-прежнему бесстрастно, но Вирге почудился в его лице намек на насмешливую улыбку. Мигатук выбросил окурок в огонь. — Они проделали очень длинный путь, чтобы попасть сюда, — продолжал пастор. — Но они ничего не знают о льдах.

— Нуна сутакасьюток, — сказал эскимос. — Зачем вам туда? Там только лед да несколько крошечных деревушек. В темноте плохая охота. Так зачем?

— Это из-за тех людей, которые оставляли здесь свои припасы, — ответил Майкл. — Мы должны найти их.

Мигатук пожал плечами:

— Они ушли. Они полетели отсюда на север, это верно, но почему вы уверены, что они потом не изменили курс?

— Такая возможность есть. Но, может быть, в северных поселках видели их вертолеты.

Лар сказал:

— Я хотел просить тебя, Мигатук, вот о чем: посоветуй этим людям, кого им взять в проводники. Да, я знаю. Они не знают льдов, и из-за этого переход будет очень опасным. Но я верю в то, что ими движет, хоть они и предпочитают помалкивать о своих резонах.

— Чего-то я здесь не понимаю, — жестко проговорил Мигатук. Несколько секунд он смотрел на Майкла, потом вновь взглянул на Лара. — Я не стану никого просить. И сам их не поведу.

Лар был явно разочарован. Он кивнул, помолчал, потом сказал:

— Ну что ж, на нет и суда нет. Я тебя понимаю. Но, если мои друзья позволят, я попрошу тебя еще об одном. Как, по-твоему, двухголовый может им помочь?

Насмешливая улыбка сошла с лица Мигатука. Он неторопливо закурил новую сигарету и пожал плечами.

— Отведешь их к двухголовому? — спросил Лар. — Если да, то ты очень меня этим обяжешь. Буду перед тобой в неоплатном долгу.

Мигатук пробормотал что-то по-эскимосски, Лар ответил. Несколько минут они переговаривались, и Вирга заметил в темных глазах эскимоса едва сдерживаемый страх. Некоторое время Мигатук сидел неподвижно, разглядывая свои загрубелые руки в мозолях, потом огляпулся на Виргу и Майкла и властно объявил:

— Я отведу вас к человеку с двумя головами. Но не дальше. Выходим утром. Я попрошу женщин подыскать вам унты и рукавицы на собачьем меху. — Он в последний раз затянулся и отправил ее в огонь вслед за первым окурком. Потом кивнул Лару и ушел.

— Прекрасный человек, — сказал Лар. — Немногие ради вас решились бы на такое.

— Что это за двухголовый? — поинтересовался Вирга.

— Шаман, — ответил Майкл. — Колдун.

Лар с удивлением посмотрел на него:

— Так вы знаете язык? Значит, вы уже поняли, что эти люди очень уважают человека с двумя головами. Он живет в нескольких километрах к северу и уже несколько лет — в полном одиночестве. Теперь редко услышишь слово «шаман». Это в общем-то нечто такое, о чем говорят старики, вспоминая давно минувшее. Я сам никогда его не видел, хотя прошлым летом побывал в тех местах с охотниками, которые очень неохотно согласились проводить меня туда. Я видел его хижину, но ни собак, ни саней там не было.

— Почему его прозвали двухголовым?

— Не знаю. Согласно легендам, шаман всегда урод или калека, но мне кажется, причина в общей убежденности, будто у него и впрямь две головы. Судя по всему, он прекрасный охотник. Раз в год, перед оттепелью, избранным старейшинам дозволяется прийти к нему и спросить, чего ждать от наступающего сезона охоты. Возможно, он поможет вам определить, куда полетели вертолеты; говорят, у него глаза повсюду. Но есть и другая возможность: он может отказаться говорить с вами, потому что вы — белые, и значит, с точки зрения эскимоса, далеки от совершенства.

Лар выглянул в окно. Проследив за его взглядом, Вирга различил в темноте какую-то фигуру с качающейся керосиновой лампой в руке. Кто-то шел к дому пастора.

— А! — воскликнул Лар. — Чиноганук идет, чтобы помочь вам собраться в дорогу. Пожалуйста, не обижайтесь, если женщины примутся обсуждать ваши мужские достоинства. Они так редко видят краслупасов!

23

Несколько часов они двигались против резкого ветра, с воем налетавшего с морозных ледников. Сила его была такова, что собаки еле плелись, и Мигатук щелкал кнутом над головами упряжки лишь для того, чтобы на несколько градусов изменить

курс. На широкие нарты с металлическими полозьями было навалено столько припасов, что хватило бы переждать любую пургу. Там лежали запасные унты и парки, торбаса из тюленьей кожи на собачьем меху и палатка, сшитая из шкур белого медведя, которую можно было поставить, вбив в лед железные колышки. Еще к саням был накрепко привязан длинный, завернутый в полотно ящик, который привез с собой Майкл. Ящик был такой тяжелый, что они втроем с трудом взгромоздили его на нарты; Мигатук громко выражал свое недовольство тем, что его собакам придется тащить такой груз, но Майкл ни словом не обмолвился относительно содержимого свертка.

Впереди была сплошная чернота, словно они не то ползли, не то падали в исполинскую нору. Даже лед казался черным. Мигатук предупредил их, что, если им вдруг покажется, что щеки или нос теряют чувствительность, следует энергично растирать онемевшие места, ибо это, сказал он, первый признак обморожения. После появятся белые язвочки. Поэтому после каждого порыва яростного ветра Вирга робко ощупывал лицо, страшась того, что может обнаружить.

В Аватике пузатые эскимоски с сильными руками, подгоняя по чужакам дохи, хихикали и обменивались ехидными замечаниями в их адрес. Вирге и Майклу выдали теплое белье и теплые брюки, которые, впрочем, сильно уступали штанам из шкуры белого медведя, в которых гордо щеголяли эскимосы. Потом, усевшись рядом с Мигатуком — он старательно чистил ружье, поясняя, что во льдах ружейное масло замерзнет в два счета, — они узнали, что же от них требуется. Мигатук прямо заявил: не разговаривать без нужды, не сходить с санной колеи и ни при каких обстоятельствах не приближаться к собакам. Майкл согласился, и, загрузив вместе с несколькими эскимосами нарты, они крепко уснули у огня в доме Лара.

Наутро (хотя, если бы Лар не сказал Вирге, что это утро, сам профессор ни за что бы не догадался) усилившийся за ночь ветер швырял хлопья снега в окна. Подкрепившись чаем, Вирга и Майкл вышли на мороз и увидели, что Мигатук с сыном распутывают постромки, собираясь запрягать собак. Мигатук крикнул: «Гама! Гама!», упряжка рванула с места, махнул на

прощание Лар, и вот уже теплые огни поселка затерялись на бескрайней равнине.

Холод стоял страшный, но все же не такой, как ожидал Вирга. Морозный ветер не мог проникнуть под теплые брюки и парку. Ступни и кисти рук не мерзли благодаря перчаткам и торбасам, предоставленным Мигатуком. Оставалось открытым только лицо, и Вирга чувствовал, как у него индевеют брови и щетина на подбородке.

Майкл, который шел рядом, на шаг впереди профессора, казалось, вовсе не замечал холода.

Время шло. Вирге вдруг стало казаться, что Мигатук сбился с пути. Сам Вирга полностью утратил здесь чувство направления. Все было чужим, холодным, ни камней, ни брошенных хижин, которые могли бы послужить вехами на их пути. Но порой слышался щелчок кнута, обиженное тявканье, и нарты, шурша полозьями по слежавшемуся снегу, брали то чуть правее, то чуть левее, и Вирга с Майклом опять молча брели за ними наперекор ветру.

Внезапно снежную равнину сменили обледенелые камни. Земля как будто бы пошла под уклон, и собаки замедлили бег, чтобы не падать. Со всех сторон поднимались огромные черные утесы. Они укрывали путников от ветра, но Вирга слышал, как он зловеще воет в расселинах и трещинах, чтобы затем взвиться на недосягаемую высоту. Мигатук щелкал кнутом и окликал собак, чтобы подбодрить и успокоить их.

Вирга вгляделся в темноту. Ему показалось, что где-то очень далеко впереди мерцает огонек. У него заколотилось сердце. Мигатук снова закричал на собак, и Вирге почудилось, что он расслышал в его голосе дрожь. Они продолжали идти. Кнут щелкал то справа, то слева, чтобы собаки не свернули в сторону.

У подножия склона вновь начался крепкий, ровный снег и лед. Ветер здесь задувал менее яростно; впереди на равнине Вирга разглядел приземистый прямоугольный силуэт сборной хижины. В единственном окне горел свет. За хижиной висел плотный занавес кромешной тьмы.

Мигатук что-то прокричал собакам, и нарты внезапно остановились, хотя до хижины было еще неблизко. В полной тишине слышно было, как тяжело дышат собаки и где-то далеко в скалах воет ветер. Мигатук сказал:

— Дальше я не смею идти. Там живет двухголовый.

В следующий миг у Вирги зазвенело в ушах от резкого, взрывного треска. Собаки испуганно заскулили. Мигатук круто обернулся. Перед самыми санями, осыпав лица путников крошечными льдинками, взметнулся снежный фонтанчик. По равнине к скованному льдом морю прокатилось гулкое эхо выстрела.

— Мейксук! — крикнул Мигатук и полоснул кнутом по боку вожака упряжки, всем телом наваливаясь на нарты, чтобы развернуть их на сто восемьдесят градусов. Собаки рванулись вперед. Виргу швырнуло назад и, вылетая из саней, он увидел, что Майкл тоже очутился на снегу. Мигатук щелкнул кнутом. Сани задрожали, набирая скорость. Когда упряжка начала подниматься по склону, Вирга увидел, как свет, падавший из окна, сверкнул на ноже в руке эскимоса. Мигатук избавлялся от груза, чтобы выиграть в скорости. Оборудование и тяжелый полотняный сверток были сброшены с саней и заскользили к подножию склона. Сани, сразу ставшие легкими, полетели птицей. Собаки взрывали лапами снег; миг — и нарты, уносящие обезумевшего от страха Мигатука в спасительный Аватик, скрылись среди утесов.

Майкл перекатился на живот, прищурился и принялся вглядываться и вслушиваться в обступившую их темноту. Эхо выстрела еще не затихло и ворочалось где-то далекими раскатами грома. За хижиной шамана оглушительно залаяли собаки.

Растерянный Вирга стоял, беспомощно озираясь. Он понимал, что представляет идеальную мишень, но, странное дело, почему-то не мог припомнить, что следует сделать.

— Стойте где стоите, — раздался суровый мужской голос. Сказано это было негромко, небрежно, но тоном приказа.

Вирга повернулся на голос. Он шел откуда-то справа; уголком глаза профессор уловил какое-то движение. Со льда кто-то поднялся. Сперва Вирге показалось, будто ноги у этого челове-

ка отняты по колено, но, приглядевшись, он понял, что тот прятался за низеньким белым заслоном. Покинув свое убежище, человек остановился, целясь из ружья в точку между Виргой и Майклом, сказал что-то по-датски и подождал. Потом заговорил по-английски:

— Лечь на лед! Расставить ноги и руки и не двигаться. Ага, поняли. Хорошо. Вот так, это очень несложно.

Он медленно пошел к ним. Вирга увидел его торбаса, не новые, из тюленьей кожи, оторочешные пожелтевшим мехом белого медведя. Мужчина методично прощупал подмышки и талии чужаков, проверяя, нет ли оружия. Удовлетворенный результатами осмотра, он отступил на несколько шагов и спокойно сказал:

— Перевернитесь, очень медленно. Если мне не понравится, как вы дышите, я убью вас.

Они послушно перевернулись. Укутанный в меха, одетый в штаны из медвежьей шкуры, шаман высился над ними бесформенной, безликой громадой. Он молча изучал в темноте их лица.

— Вы не эскимосы и не датчане. Кто вы?

— Мы приехали из Аватика, чтобы найти вас, — ответил Майкл, и в его голосе слышались страшные умиротворяющие нотки. — Мы не желаем вам зла. Мы просто хотим поговорить с вами.

Ствол винтовки опустился от силы на дюйм.

— Ко мне уже приходили «поговорить», — ответил шаман. — Им нужны были медвежьи шкуры, которые я добыл на охоте. Они не успели досказать: я убил их. Что нужно вам?

— Помощь, — хладнокровно отозвался Майкл.

Шаман молчал.

— Мы можем встать? — спросил Майкл.

Шаман отошел, вновь вскидывая винтовку.

— Ну, вставайте, — разрешил он. — Но помните, что я вижу и в темноте.

Они поднялись на ноги и отряхнулись. Майкл сказал:

— В тепле говорить было бы удобнее.

— Я не боюсь холода.

— Зато я боюсь, — возразил Майкл.

Шаман хмыкнул и повел ружьем:

— Идите вперед. Но даже не думайте обмануть меня. Даже не думайте.

Возле хижины на цепи сидели собаки: большие, красивые, с горящими угольками глаз. Когда люди приблизились, они поднялись, дружелюбно ворча. Сбоку от хижины стояли нарты, а вокруг валялись пустые жестянки и мусор — точь-в-точь как в Аватике. Шаман сказал: «Стоп», — не опуская ружья, обошел своих гостей и распахнул дверь. Сам он отступил от порога и проводил их внимательным взглядом.

Внутри потрескивала маленькая печка, наполняя хижину теплом. Две керосиновые лампы излучали тусклый желтый свет. В углу стояла раскладушка, покрытая шкурами белого медведя. На грязном полу этой единственной комнаты виднелись пятна крови. По обитым медвежьими шкурами стенам были развешаны вырезанные из журналов картинки с изображением смазливых девиц. Обнаженные, они беспечно возлежали на кроватях, диванах и солнечных пляжах.

— Эх! — вдруг рявкнул шаман. — Хорошие у меня подружки, а?

Вирга повернулся к нему.

Шаман снимал свою огромную, выпачканную кровью шубу. Громоздкий, широкоплечий, он и сам напоминал медведя. Ростом он не уступал Майклу и головой почти доставал до потолка. Длинные, нечесаные черные волосы, черная борода, заиндевевшая вокруг рта; густая синева глаз, лицо, на котором оставили свой след стихии. На лбу и вокруг глаз морщины. Вирга заметил небольшие шрамы-оспины, оставшиеся, вероятно, на месте отмороженных участков кожи, которые шаман срезал сам. Глаза шамана смотрели с прищуром, приобретенным за годы, проведенные в краю, где солнце, не заходя по полгода, ослепительно сверкает, отражаясь от зеленовато-голубого льда. Смуглая кожа и высокие скулы говорили о том, что в жилах этого человека течет толика эскимосской крови. Вирге вдруг подумалось, что шаман говорил с легким русским акцентом, хотя в его речи слышались и другие, менее узнаваемые говоры.

Майкл сказал:

— Мы думали увидеть здесь человека с двумя головами.

Шаман неприметно кивнул. Он поставил ружье в угол, но его настороженные умные глаза не отрывались от гостей. Он опустился на обшарпанный стул и закинул ноги на выступ печурки.

— Эскимосы выражаются по-своему, — сказал он. — Ладно, вот вы меня нашли. Кто вы, черт подери?

— Меня зовут Майкл. Это доктор Джеймс Вирга. А вас как величать?

— Здесь я задаю вопросы. Что вы здесь делаете?

— Я уже отвечал на этот вопрос. Нам рассказали о вас в Аватике, и мы нашли вас.

— А могли найти и пулю в придачу, — отозвался шаман. — Смотрите, это еще можно исправить.

— Вы увидели нас на спуске? — поинтересовался Майкл.

— Увидел? Черта с два, — ответил шаман. Он подался вперед, многозначительно глядя на Майкла. — Я вас учуял.

Майкл хмыкнул и оглядел стены.

— Меня звать Рипп Зарк, — сказал шаман после непродолжительной паузы, в течение которой он оценивал чужаков. — Вы, мужики, не полярники; вам тут ловить нечего. Так на кой я вам сдался?

Майкл пододвинул себе другой стул и уселся у огня.

— Мы располагаем сведениями, что несколько дней назад здесь пролетели вертолеты. Мы хотим знать, где они сели.

Зарк едва заметно прищурился и осторожно сказал:

— Их видели охотники из дальнего поселка. Пташки развернулись и полетели на восток. А что?

— Нам надо знать, где они сели, — ровным, бесстрастным голосом повторил Майкл, впиваясь глазами в шамана.

Несколько секунд Зарк выдерживал этот взгляд, затем хмыкнул и откинулся на спинку стула. Он полез в карман своей парки, вытащил курительную трубку, больше похожую на полую кость, проворно набил ее черным маслянистым табаком — и из его рта и ноздрей поплыли струйки сизого дыма.

— Этого я не знаю. И знать не хочу. Не мое дело.

— А мы-то думали, — сказал Майкл, — что вы человек умный, шаман.

— Шаман? Черта с два. Я хороший охотник и, бывает, подсказываю эскимосам, где искать тюленя или медведя. Я слышу, как поет ветер, и умею по облакам угадать пургу. Я знаю эту землю, знаю людей, а лучше всего знаю себя. Но я не шаман. — Он энергично затянулся, поглядывая на гостей. — Вам не сказали, что есть эскимосы, которые ходят по моим следам, потому что верят, будто я протаптываю тропу удачи? Про меня говорят: ему не нужно искать медведя, медведь сам найдет его. Будь оно и впрямь так, я бы дотопал аж до Копенгагена и всех их увел бы с собой. Шаман! Давненько я не слыхал этого слова.

— Если вы знаете себя, то вы сильнее многих, — заметил Майкл.

— Может, и так. Когда много лет назад я приехал сюда, я чуть не умер с голоду. Меня спасли эскимосы; они накормили меня и научили, как прокормиться самому. Потому-то бывает, что, отправляясь на охоту, я нет-нет да и намекну охотникам-эскимосам, где искать медведя или тюленя. Я всегда возвращаю долги.

— А с остальным миром вы продолжаете поддерживать связь? Вам известно, что происходит в других широтах?

— С остальным миром? Ха! Никакого другого мира, кроме этого, нет.

Майкл сказал:

— С этими вертолетами сюда прибыл один человек. Ему дана необычайная и мрачная сила: он властен сделать что угодно с кем угодно. Мы должны найти этого человека — и быстро.

Зарк слушал, попыхивая трубкой.

— А мне-то что? Я вам ничем не могу помочь.

— Да нет же, можете. Вы знаете местность, вы сами это сказали. Нам с доктором Виргой нужен человек, который провел бы нас на северо-восток.

— Че-го? Вы рехнулись? Я не турбюро. Идти через льды с людьми, ничего не знающими об этой земле? Да я уж лучше сразу повешусь. Вы меня для этого искали?

— Да, — подтвердил Майкл.

— Возвращайтесь в Аватик. Возвращайтесь туда, откуда вы прикатили. Я с дураками по льдам не хожу.

— Я заплачу.

— Я сказал — нет.

Майкл покосился на Виргу и вновь посмотрел в глаза Зарку:

— У нас нет возможности вернуться.

— Чертов трус, — буркнул Зарк. — Одна пуля — и он уже давай Бог ноги, как старая баба. Надо было всадить ему пулю в задницу! Ну ладно. Утром пойдете со мной в Сагитак; тамошние жители приглядят, чтоб вы благополучно вернулись в Аватик. Но за мои хлопоты с вас причитается.

— Мы ищем человека по имени Ваал, — после недолгого молчания проговорил Майкл. — Нам жизненно необходимо отыскать его. Мы не вернемся. Из Сагитака мы отправимся на северо-восток.

— Но не со мной. Может, вам удастся нанять проводника в Сагитаке. За пару бутылок хорошего виски они на все готовы. Виски-то у вас есть?

— Нет.

— Ну тогда, — пожал плечами Зарк, — вы в полном дерьме, ребята.

Майкл, блестя глазами, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал и поудобнее уселся на стуле.

— Так вы нам не поможете?

— И не мечтайте. У меня своих забот полон рот. Послушайте, добраться сюда из Аватика — плевое дело, колченогая старуха и та бы справилась. Но на севере, куда вы собрались, камни, скалы, кряжи, торосы, здоровенные, как военные корабли. Там, дружище, вам понадобятся хорошие глаза и хорошая дыхалка, само собой, какой-никакой опыт полярных переходов.

Он вдруг умолк и стал вслушиваться в повисшую в комнате тишину. Через несколько секунд залаяли привязанные у дома собаки. Зарк взял ружье и прошептал: «У нас гость».

Он встал у окна, вглядываясь в темноту. Вирга не видел ничего, кроме сплошной черноты. Зарк вдруг подошел к двери хижины и впустил тучного эскимоса с зоркими, как у ястреба, глазами и шрамом на переносице. Эскимос стряхнул с себя снег, с подозрением покосился на Виргу и Майкла и задал какой-то вопрос на родном языке. Зарк показал на своих гостей и кив-

нул. Тогда эскимос снова заговорил, глядя куда-то Зарку под ноги и нарочито униженно втягивая голову в плечи, хотя, несомненно, был старше Зарка. Закончив свою жалобную речь, он продолжал смотреть в пол.

Зарк повернулся и посмотрел на американцев. Потом кивнул и что-то сказал эскимосу. Тот схватил Зарка за руку, отпустил и скрылся в ночи.

Вирга полюбопытствовал:

— Что это было?

— Этот человек, — пояснил Зарк, — охотник из восточного поселка. Его новая невеста хочет родить, а его огонь, как это ни печально, потух. Вот он и привел ее сюда, ко мне.

— Что?

— Черт возьми! Надо думать, у меня полно детей и к югу, и к северу от Полярного круга! Не знаю, по-моему, считается, что, если я сделал чьей-нибудь жене ребенка, это большая честь. Да и женщины здесь не так уж плохи. Такие жирные, что похожи на большие, мягкие пуховые подушки.

— Этот охотник считает вас настоящим шаманом, — заметил Майкл. — Он не может зачать ребенка — это позор. Вот он и надеется, что сын, унаследовавший качества шамана, вернет честь его роду.

— Видно, так, — согласился Зарк. — Мне-то, в общем, все равно. Ну, что там у нас? Молоденькая...

Эскимос ввел в хижину невесту, которая ждала в санях снаружи. Он снял с нее подбитую мехом парку и приподнял подбородок девушки, чтобы показать, как она красива. Девушка была очень молоденькая, лет девятнадцати, не больше, но лицо ее уже носило следы жизненных тягот. Она стояла, как и ее муж, потупясь, не смея встретиться глазами с пронзительным взглядом Зарка. Вирга подумал, что по эскимосским стандартам она, вероятно, настоящая красавица. Ее полные губы дрожали, но круглые темные глаза светились изумительным внутренним покоем. Блестящие черные волосы, освобожденные от тесного капюшона парки, густой волной рассыпались по плечам.

Пока эскимос говорил, Зарк разглядывал лицо девушки. Он кивнул, и охотник просиял. Коричневыми шершавыми паль-

цами он нежно коснулся щеки своей нареченной и что-то сказал ей. Потом потерся носом о ее лицо, словно обнюхал, и повернулся, чтобы уйти. Девушка вцепилась ему в руку, но он строго прикрикнул на нее, и она тут же отпустила его. Эскимос вышел за дверь, и через мгновение стало слышно, как он кричит на собак, погоняя упряжку вверх по склону.

Девушка, дрожа и не поднимая глаз, стояла посреди хижины. Зарк обошел вокруг нее и сказал:

— Красивая. Очень даже. Отличные сильные руки и бедра. Смотрите, какие мускулы. Видите? Еще не успела нагулять жиры.

Вирга медленно покраснел.

— Нам что же, придется смотреть на это?

Зарк оторвался от созерцания крепких девичьих ягодиц и удивленно посмотрел на профессора.

— А как же? Неужто пойдете морозить задницу? Черт возьми, мне все равно. Не хотите смотреть — закройте глаза. Или, может, хотите сами попробовать, а? — Он посмотрел на Майкла.

— Нет, спасибо, — ответил тот.

Зарк пожал плечами.

— Вольному воля.

Он обошел вокруг девушки и что-то негромко сказал ей. Она не ответила. Зарк взял ее за подбородок и приподнял ей голову, но она упрямо глядела в пол. Медленно, нежно Зарк потерся носом о ее нос, щеки, глаза, как это делал охотник. Наконец, ободренная его лаской, она подняла глаза и встретилась с его взглядом. Зарк улыбнулся.

24

Свернувшийся калачиком на грязном полу Вирга пошевелился. Что-то резко и методично утыкалось ему в ребра.

Он перевернулся на спину. Над ним стоял Зарк и толкал его в бок носком унты. Зарк нагнулся и сунул Вирге в руку кружку с дымящейся темной жидкостью.

— Держите, — сказал он. — Это вас разбудит.

Майкл, проснувшийся раньше Вирги, прихлебывая из кружки, снимал свои вещи с вешалки над печуркой, где он накануне оставил их сушиться. Вирга осторожно попробовал питье и обнаружил, что это солоноватое темное пиво. Девушки в хижине уже не было. Спал он плохо, уж очень шумела парочка, катавшаяся и трепыхавшаяся на постели, точно пара диких зверей. Но он был отчасти доволен: ему удалось кое-что узнать о Зарке. Когда шаман прикрутил фитиль керосиновой лампы, собираясь лечь к девушке, которая уже ждала его на медвежьей шкуре, Вирга мельком увидел его широкую голую спину. На ней красовалась великолепная татуировка, голова древнего китайского мудреца, такая четкая и изящная, что Вирга позавидовал бы, будь он сторонником татуировок.

— А где девушка? — спросил он.

— Муж увез, — ответил Зарк, отрезая ломтики мяса от большого куска, извлеченного им из обложенной льдом металлической бочки, стоявшей в глубине хижины. — Им поутру всегда делается чуток обидно. Вы пробовали когда-нибудь моржатину?

— Нет.

— Тогда привыкайте.

Вирга и Майкл взяли по куску волокнистого темного мяса. Майкл уплетал за обе щеки, но Вирге показалось, что он не сможет проглотить ни кусочка скользкого, остро пахнущего кислятиной мяса. Пиво не облегчало задачу, однако есть хотелось, и Вирга был рад хоть чем-нибудь наполнить желудок. Когда ему удалось не давясь проглотить последний кусочек, он страшно возгордился, но, когда Зарк предложил ему второй кусок, отрицательно мотнул головой.

Зарк пожал плечами, откусил сам и спросил:

— А что это за сверток вы привезли? Ящик со сборными блоками для хижины?

— Нет, — ответил Майкл. — Это мои вещи.

— Господи Иисусе. Небось притащили сюда все свое барахло. Я тут сходил поглядел на хлам, который ваш эскимос скинул с саней. Вы, видно, рассчитывали идти не спеша?

— Мы привезли только необходимое.

— Необходимое, черт побери! Человеку нужны только хорошие крепкие нарты да восьмерка сильных собак. Тогда — хоть на полюс и обратно, земля прокормит. И сборные домишки эти ни к чему, можно выдолбить землянку прямо во льду, как делали охотники в старые времена. Но вы краслупасы, вам невдомек, о чем я толкую. — Он взглянул на Виргу. — Что вы за доктор?

— Я профессор. Теолог.

— С чем это едят?

— Изучаю религиозные концепции.

— Зарабатываете себе на кусок хлеба Писанием, так, что ли?

— Можно и так сказать, — ответил Вирга.

Зарк кивнул:

— Да, уж кому-кому, а святошам в мире всегда места хватает. — Он понес остатки мяса в ледник. — Все перевираете, болтаете о том, в чем сами ни ухом ни рылом. И если вам что не по нутру — ага! Именем Господа, грех! — Зарк снял крышку с бочки и, прежде чем уложить мясо на лед, завернул его в газету. — Сделали из Господа козла отпущения! — Он со стуком закрыл металлическую крышку.

Вирга почувствовал, что Зарк пытается затеять спор, и раздраженно ответил:

— Бывает и так.

Зарк хмыкнул и переключился на Майкла.

— Вы, надо думать, тоже чуть что на Господа киваете?

— Нет, — возразил Майкл, блестя глазами в тусклом свете керосиновых ламп. — Я всегда вину только людей.

Зарк остановился перед ним и заглянул ему в лицо, словно не был уверен, что там видит. Он раздул ноздри, потом вдруг улыбнулся и спросил:

— Тебе случалось убивать, сынок?

— Насколько я знаю, нет.

— По тебе не скажешь. Поглядеть на тебя, ты человека пристрелишь и не поморщишься. Ей-богу, убить человека все равно что убить любого другого зверя. Особенно если он сам хочет тебя убить. Что, святоша, не нравится такой разговор?

— Я человек широких взглядов, — ответил Вирга.

— Хорошо, — сказал Зарк. — Это хорошо.

Майкл спросил:

— Вы не передумали? Может, все-таки возьметесь провести нас от Сагитака на северо-восток?

— Нет. Не передумал и не передумаю. Ладно, я пошел запрягать собак; когда вернусь, загрузим в нарты ваше добро. — Он вышел, впустив в хижину порыв ледяного воздуха, и в следующий миг Вирга и Майкл услышали, как он покрикивает на собак.

— Что же делать? — спросил Вирга. — Вернуться в Аватик и нанять проводника там? На этом мы потеряем еще три дня.

— Да, три дня. Возможно, и без того уже слишком поздно. — Майкл посмотрел на Виргу. — Но если я упустил его здесь, я догоню его в другом месте. Я не остановлюсь. А вы?

— Не знаю. Я уже два дня не читал газет и не слушал радио. Мне страшно узнать, что происходит.

— Нужно всегда, — негромко проговорил Майкл, — быть готовым к худшему.

— Откуда в вас такая отчаянная решимость преследовать Ваала? — спросил Вирга. — Разве вы... разве мы можем помешать ему убивать?

— Сначала нужно найти его. Потом я разберусь с ним... по-своему.

Дверь снова распахнулась, и Зарк сказал:

— Так-с. Нужна грубая сила.

В морозной тьме они втроем с трудом взгромоздили укутанный холстом ящик на видавшие виды нарты Зарка. Зарк чертыхнулся и буркнул:

— Ваша чертова штуковина моим собакам спины поломает!

Они собрали и привязали к саням остальное снаряжение и следом за Зарком вернулись в хижину, чтобы прихватить еще кое-что. Зарк тщательно вычистил ружье и ракетницу с резиновой рукояткой, сложил патроны и ракеты в торбу из тюленьей шкуры, увязал кусок моржатины и проверил, довольно ли керосина в одной из ламп. Майкл спросил:

— Ледоруб берете?

— Да, — ответил Зарк. — А что?

Майкл молча накинул на голову капюшон.

Снаружи Зарк стал натирать снегом полозья саней, и Вирге представился случай оценить его упряжку. Керосиновая лампа освещала широкогрудых, крепких, густошерстых собак, нетерпеливо натягивавших постромки. Все держались на почтительном расстоянии от вожака, одноглазого черныша с испещренными шрамами боками, и хотя они злобно рычали друг на друга, никто ни разу не оскалился в его сторону.

Зарк проверил, надежно ли привязано снаряжение, и вновь помянул недобрым словом его количество. Вдруг он крикнул: «Поехали!» — и не успел Вирга понять, что это была команда упряжке, как нарты вздрогнули и помчались вверх по склону. Майкл бежал рядом.

Зарк щелкал кнутом над головой вожака. Собаки единым махом одолели подъем; они рвались вперед, словно были бесконечно рады бежать по снегу. Сани скользнули между россыпями острых камней и мигом очутились на открытой ледяной равнине, где отвратительно завывал ветер.

Вирга заметил, что Зарк куда ловчее управляется с упряжкой, чем Мигатук. Он лишь изредка щелкал кнутом или подавал голос; казалось, собаки понимали хозяина и тогда, когда его ручищи чуть сильнее сжимали валек. Человек и упряжка за долгие, трудные годы, проведенные рядом, подумал Вирга, стали единым целым. Он слышал рассказы о свирепости эскимосских собак, знал, что они способны ни с того ни с сего остервенело набрасываться и на себе подобных, и на маленьких эскимосов, но здесь, сейчас они были частью прекрасной живой машины, повергавшей в трепет своим первобытным изяществом.

Майкла, казалось, ничуть не озаботил отказ Зарка стать их проводником, но Вирга упал духом. Он испытывал ребяческое безнадежное разочарование и потихоньку закипал, вспоминая, как Зарк искушал его в хижине. Зарк не понимал, как важно было найти Ваала; вероятно, он был из тех упрямцев, которые до конца, при любых обстоятельствах стоят на своем. Виргу одо-

левали страх и беспомощность. Долгий путь, огромные расходы, и все это пустил псу под хвост один — один-единственный — человек, отказавшийся стать их проводником. Он выругался. Если Ваала не удастся найти, разве он, Вирга, сможет вернуться в университет, к своей повседневной жизни, зная всю полноту власти Ваала, зная, что на краткий миг почти поддался этой власти, зная, что это еще может произойти? Что он скажет Джудит? Что будет чувствовать, пробуждаясь в своей бостонской квартире от тревожного сна, более одинокий и страшащийся будущего, чем когда-либо?

Он оглянулся и увидел, что на точеном лице Майкла застыла решимость. Здесь, в этом морозном краю, под небом черным, как врата смерти, не было иного пути, кроме пути вперед.

Одолев около мили, они увидели первый кряж. Огромные глыбы льда в беспорядке громоздились друг на друга, как бетонные блоки. Зарк, пригибаясь под ударами встречного ветра, заработал ледорубом и в конце концов расчистил узкий проход, где могли пройти нарты. Путники перевалили через завал, оставили позади пересеченную местность и заскользили по гладкому льду. Дорогу им освещала керосиновая лампа. Время от времени Зарк выправлял курс на несколько градусов в ту или иную сторону, хотя как он определял, куда ехать, для Вирги оставалось загадкой.

Через некоторое время (у Вирги на бровях и отросшей бородке намерз лед, и он не видел вокруг ничего, кроме тьмы и пустоты) Зарк махнул рукой и, тормозя пятками, медленно остановил упряжку.

— Привал, — перекричал он ветер. — Это середина пути.

Зарк поставил палатку из медвежьих шкур, вогнав в лед маленькие крюки, так, чтобы она гасила порывы ветра. Собаки стали мочиться в снег, Зарк бесцеремонно последовал их примеру, а Вирга и Майкл, прихватив фонарь, заползли в палатку и стали греться его светом.

В палатке тоже было холодно, но по крайней мере не дул пронизывающий ветер. Зарк наконец заполз в палатку, раскурил свою костяную трубку и проверил, не обморозил ли лицо. Подняв лампу повыше, он осмотрел лица своих спутников, и,

довольный тем, что все в порядке, поставил ее в центр их маленького кружка. На стены палатки легли черные тени.

Вирга, болезненно морщась, растирал заледенелые руки.

— Сильный мороз? — спросил он у Зарка.

— Это еще тепло, бывает и хуже. Градусов сорок.

— Откуда вы знаете?

Зарк фыркнул:

— В сорок градусов мороза моча замерзает сразу, как попадает на землю. В пятьдесят градусов она замерзает еще на лету. А попробуете помочиться в шестьдесят, хозяйство отвалится. — Он выпустил густое облако синеватого дыма и посмотрел, как оно, клубясь, поднимается к коническому потолку палатки.

— Вы ведь не чистокровный эскимос, — сказал Майкл, помолчав. — Что вы здесь делаете?

Зарк невозмутимо грел руки теплой трубкой, словно не слышал вопроса. По-видимому, он не собирался отвечать. Вирга уже хотел спросить его, как собаки переносят такие холода, когда Зарк сказал:

— Отчасти я эскимос. В достаточной мере, чтобы чувствовать лед в своей крови, в достаточной мере, чтобы знать, что моя родина здесь.

— Вы родились в Гренландии?

— Черт побери, я не датчанин. Я родился в Горьком. Мой отец был наполовину эскимос, наполовину русский. Мой дед был эскимос, и черт меня побери, если я помню, как его звали, но он был отличный охотник, великий вождь своего племени. Я ничего о нем не помню, но отец рассказывал, что дед пропал во льдах, когда с костяным гарпуном пошел добывать нарвала. У нас в Горьком была маленькая квартирка; отец работал сварщиком. Квартирка была такая крохотная, что высморкаться было негде. Отцу это было как нож острый, но ему хотелось угодить моей матери. Он мечтал жить на северном побережье, а она любила город.

У лица Зарка клубился дым. Синие глаза холодно поблескивали. Так, подумал Вирга, должно быть, блестит лед под бледным летним солнцем.

— Он очень старался угодить ей, — повторил Зарк, — да разве бабе угодишь... Отец стал пить, и в конце концов они расстались. Я помню, как он разозлился, когда мать сказала, что уходит и оставляет меня ему. Что он, что ты, сказала мать, два сапога пара. Оба дикие, нелюдимые злыдни. А я как раз перед тем чуть не пришиб в драке соседского мальчишку... но это уже совсем другая история. Мать сказала правду: мы с отцом были похожи как две капли воды. Мы оба любили свободу. Эскимосская кровь звала нас вернуться во льды.

Зарк помолчал. Северный ветер тряс палатку; казалось, Зарк прислушивался к его свисту. Он настороженно оглядел лица своих собеседников, словно сомневался, стоит ли продолжать.

— И вы оба приехали сюда? — спросил Вирга. Ему было интересно услышать продолжение истории и страшно не хотелось вылезать из палатки на холод и ветер.

— Нет, — ответил Зарк. — Отец кочевал с места на место, постоянно менял работу, и я кочевал вместе с ним. Но с каждым переездом мы оказывались все ближе к Северному морю. Вот куда мы направлялись. Отцу не нужно было ничего объяснять мне; я и сам все знал. Но прежде чем мы добрались до побережья, отец заболел: что-то с легкими. Я пошел работать, на полную смену, брался за любую работу, какую удавалось найти, чаще всего дорожным рабочим или бетонщиком. Одно время я участвовал в платных боях в мужских клубах. Дрались на кулаках, и я не раз видел, как сбивали с ног настоящих силачей. Видели когда-нибудь кулачный бой? — Зарк посмотрел на Виргу.

— Нет, не приходилось.

— Так я и думал. Слишком грубо для вашей породы, да? Кое-кто из бойцов обдирал костяшки и ждал, пока рубцы загрубеют. Получался настоящий кастет. Мы дрались до тех пор, пока не переставали соображать, где мы, — просто топтались на месте, выискивая, куда бы ударить. Последний, кому удавалось удержаться на ногах, считался победителем и срывал приличный по тем временам куш. Но отцу становилось хуже. Он вечно кашлял, вечно приставал ко мне, чтобы я отвез его на север. Однажды утром я нашел его мертвым. Он лежал в той же

позе, что и накануне вечером, засыпая. Это была единственная ночь, когда он не задыхался от кашля, — помню, я еще подумал, что, может быть, он оправится настолько, чтобы выдержать дорогу. В день похорон шел снег. Что ж, — Зарк пожал плечами и яростно затянулся, чтобы разогнать дым, — я добрался до моря. Нанялся на грузовое судно, которое перевозило железный лом. Святоша, ты когда-нибудь вкалывал на море?

— Нет.

— Тяжелая работа. Зато чертовски многому можно научиться. Когда драться, а когда поджимать хвост, когда упираться, а когда удирать во все лопатки. Несколько лет я таскался на старых корытах из дока в док. Раз на Балтике одна такая посудина чуть не разъехалась по швам. Но я люблю море; оно живет своей жизнью. Никогда не спешит, никогда не умолкает. А потом я устроился старшим помощником на ржавую калошу, перевозившую снегоочистители из Риги по Белому морю, и не поладил с боцманом. Сукин сын, враль, шулер. Не помню даже, какой он из себя, хотя, Господь свидетель, предостаточно наглядеться на его паскудную рожу. Он все время придирался, постоянно меня доставал. И достал, едрена вошь.

Зарк вдруг рассмеялся, хрипло, отрывисто, словно залаял пес.

— Достал, сукин кот. Я прикончил его на баке, под луной. Двумя ударами по голове. Двумя первоклассными ударами, которые сделали бы мне честь на любом ринге. — Зарк выбросил вперед огромный кулак. — Засранец повалился как куль, пикнуть не успел. Меня хотели посадить под замок и в порту Русанова сдать властям. Но от этой сволочи натерпелся не я один, ребята не знали, как меня благодарить, что я его убрал. И вот однажды ночью в Баренцевом море они отвернулись, и я спустил на воду спасательную шлюпку и поплыл в сторону айсбергов. На корабле решили, что живым я оттуда не выберусь, что я не иначе как решил покончить с собой. Дураки! Черта с два! Я греб что было сил, лишь бы побыстрее убраться оттуда.

Он разглядывал Виргу и Майкла сквозь сизоватый табачный дым. Глаза над темной кустистой бородой были темными, запавшими.

— Вы не знаете, каково это — очутиться одному в море, где вокруг только лед, ничего, кроме льда, громадные ледяные глыбы, с замороженный город каждая. Куда ни глянь, ничего, кроме огромной толщи воды и айсбергов, белых, темно-синих, бледно-зеленых. И в этих льдах отражается океанская пучина. А иногда вы слышите — или не слышите — рев и скрежет, когда две ледяные громады сталкиваются и дробятся на куски поменьше. Иногда чуть ли не прямо подо мной всплывала льдина с мою лодку величиной. Может быть, этого-то я и боялся пуще всего: что такой осколок вдруг всплывет из глубины и потопит меня в ледяной воде... На третий день, — продолжал Зарк, — я заблудился. Ветра не было, айсберги на фоне белого неба казались мне одинаковыми, грязными, серыми бетонными глыбами. Я, едрена вошь, плавал кругами, а вокруг все было одно и то же. У меня кончилась еда. Следующие три дня я проплавал впроголодь и видел только низкие облака, белесое море и эти ледяные горы. На седьмой день я проснулся и увидел его.

Зарк сидел неподвижно, зажав в зубах трубку, глядя на своих слушателей черными печальными глазами.

— Его? — переспросил Вирга. — Кого?

Зарк пожал плечами:

— Не знаю. Не знаю, кой черт это был. Он появился между айсбергами с моего правого борта, эскимос в каяке. Я начал грести следом за ним, но он так и не подпустил меня к своей лодчонке, не дал увидеть его лицо. Так и не дал. Но это был мужик, я понял это по тому, как он управлялся со своим каяком. Я скрипел зубами и налегал на весла так, что чуть не подох, а он знай себе шлепал по воде впереди меня. За каяком я плыл два дня. Я кричал, грозил, ругался, но этот парень так и не заговорил со мной. Обернется, поглядит, плыву я за ним или нет, и шлепает дальше. Он вел меня по ледяным тоннелям, мимо айсбергов высоких, как дома в Москве. Эти говенные воды он знал, что правда, то правда. Но спустя три дня я потерял его. Он скользнул в расселину между двумя айсбергами, а я поплыл кружным путем, и когда оказался на другой стороне, его уж и след простыл. Тогда далеко-далеко справа я увидел эскимосов в каяках. Они взяли меня с собой на остров, досыта напоили бульоном,

накормили моржатиной, и я проспал целых два дня. Когда я спросил, кто вывел меня к ним, они удивились. Они ничего не знали и сказали только, что ни один охотник еще не забирался так далеко. Поэтому я до сих пор понятия не имею, кто это был. А хотелось бы знать.

Майкл кивал. Он сказал:

— Шаманам бывают видения.

— А? Да черт с этим. В общем, я отправился вместе с эскимосами-кочевниками через льды в Гренландию, да так здесь и остался. Охота здесь чертовски хороша, а человек отвечает только перед самим собой и больше ни перед кем. Все путем.

Некоторое время они сидели молча. В трубке Зарка тихонько потрескивал тлеющий табак. Наконец Зарк пошевелился и сказал:

— Пора в дорогу. Мне хочется, чтобы через пару часов вы уже были бы в Сагитаке.

25

Ветер внезапно стих, и на смену ему пришел полный покой, подействовавший на Виргу самым страшным образом: профессора вдруг охватили тревога и страх, заледенившие его изнутри так же, как морозный ветер леденил его щеки. Не слышно было даже хриплого, прерывистого дыхания собак, только шуршали по льду полозья, мягко, ровно, словно парты приближались к гнезду свернувшихся кольцами белых змей.

Они продолжали движение на север. Зарк изредка выправлял курс, легко пошевеливая валек. Поднимая глаза, Вирга видел на черном своде безлунных небес яркие редкие звезды. Их тусклое серебристое мерцание расплескивалось по равнине, окрашивая ее в густо-синий цвет.

Они достигли начала пологого спуска. Зарк одним тихим словом остановил упряжку, поднялся с фонарем в руке и начал вглядываться в даль, в задернутый занавес тьмы.

К нему подошел Майкл.

— Что-нибудь не так?

— Тихо, — велел Зарк.

Он к чему-то прислушивался, обшаривая взглядом прищуренных глаз горизонт. Потом мельком глянул на звезды и вновь стал всматриваться в далекий пейзаж.

— Там нет огней, — сказал Зарк.

— Что? — не понял Вирга.

— Нет огней, — повторил Зарк. — Там впереди — Сагитак. В окнах должен гореть свет.

— Они ведут кочевой образ жизни? Возможно, они покинули поселок, — с надеждой предположил Вирга. Зарку придется доставить их на место!

— Черт, — буркнул Зарк. Он сходил к саням за ракетницей и мешочком из тюленьей кожи, раздернул завязки и вытащил красную ракету. Держа ракетницу в вытянутой руке над головой, Зарк выстрелил в сторону поселка. Послышался негромкий хлопок, их омыло алым светом, и вспышка, медленно чертившая в небе огненную дугу, высветила далекие очертания хижин и что-то еще — какой-то темный, прерывистый полукруг. Зарк напрягся, Вирга почувствовал, как это напряжение передалось Майклу. Охотник опустился в снег на одно колено и стал ждать ответных ракеты или света.

Ни того, ни другого.

Жалобно заскулила собака. Другая подхватила. Черныш угрюмо молчал; когда заскулил третий пес, вожак клацнул зубами у его бока.

Зарк тряхнул головой.

— Ничего не понимаю, — негромко пробормотал он себе под нос. — Гама! — крикнул он собакам, и нарты заскользили вниз по склону.

Не прошло и четверти часа, как они очутились на равнине. Ракета погасла, и их вновь обступила тьма. Вирга слышал, как тяжело дышит Зарк. Собаки натягивали постромки — может быть, они узнали место, где получали еду и отдых. Вирга напряженно вглядывался в темноту, но стариковские глаза ничего не могли разглядеть, и он проклял свою слабость.

Вдруг собаки с обиженным тявканьем остановились, сбившись в клубок, словно разом налетели на стеклянную стену.

Зарк выругался. Он крепче стиснул валек и щелкнул кнутом над головой вожака. Черныш рванул вперед, натягивая постромки, но упряжка, поджав хвосты, артачилась и упиралась. Зарк вытянул их кнутом, но ничего не добился.

На снегу отпечатались уходящие в сторону Сагитака следы множества полозьев, и Вирга рассудил, что в таком случае вряд ли их нарты наткнулись на камни или иное препятствие. Если глазомер его не подвел, до поселка оставалось около ста ярдов.

Проклинающий все и вся Зарк отшвырнул кнут, выхватил из саней ружье и бросил попутчикам:

— Собаки уперлись. Я пойду вперед. Вы со мной?

— А в чем дело? — спросил Вирга, боясь услышать ответ. Кромешная тьма впереди вселяла страх.

Глаза Зарка на миг вспыхнули.

— Это я и собираюсь выяснить. — Он взял фонарь и пошел за его желтоватым светом по изъезженному снегу. Вирга и Майкл поплелись за ним. Дважды Зарк останавливался, нагибался и внимательно рассматривал следы полозьев.

Позади жалобно повизгивали собаки. Неожиданно Зарк остановился и принюхался. Лицо его в желтоватом свете фонаря было сосредоточенным и напряженным.

— Чуете? — спросил он Майкла.

— Нет. А что чуете вы?

— Кровь, — ответил охотник. Он поднял фонарь повыше и пошел вперед.

На снегу застыли черные лужи. Вирга старательно обходил их, чувствуя, как отчаянно колотится сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Собак больше не было слышно. Вирга затосковал по любому, какому угодно звуку, пусть бы даже это был пронзительный вой ветра.

Зарк снова остановился и вытянул вперед руку с фонарем. Мягкий свет разлился по окровавленному снегу, заскользил вперед вдоль узкой тропы, которая постепенно расширялась, и

наконец выхватил из мрака нечто такое, отчего Вирга сдавленно охнул, а Зарк застыл на месте как вкопанный.

Перед ними был труп эскимоса в окровавленной кухлянке, привязанный сыромятными ремнями к грубо сколоченному кресту, вбитому в вечную мерзлоту. Крест был перевернут, и остекленелые глаза эскимоса находились у самой земли. Вирга вдруг вспомнил, что где-то уже видел над дверью перевернутое распятие, но внезапно прихлынувшая к голове кровь помешала ему сообразить, где именно он его видел.

Зарк посветил чуть в сторону, и они увидели на горле бедняги глубокую резаную рану. В глубине белела кость; под головой с разинутым в невыразимом, первобытном ужасе ртом натекла лужа черной маслянистой крови.

Он был не один.

Зарк быстро посветил фонарем вправо, потом влево. Они увидели длинную шеренгу трупов. Одни были выпотрошены, другие обезглавлены, и все висели на кощунственных крестах, ровным строем уходивших в темноту за пределы круга света, куда-то, как показалось им, в бесконечность. Вирга уловил запах крови, который еще издалека учуял Зарк, и с глухой тревогой заметил, что стоит в замерзшей кровавой луже. Его торбаса присыпал красный снег.

— Тридцать шесть мужчин, — внезапно сказал Зарк таким голосом, словно силы полностью оставили его. — Двадцать восемь женщин. Все убиты.

— Граница, — обронил Майкл.

— Что? — не понял Вирга, с трудом отрывая взгляд от исковерканных трупов на крестах.

— Это предостережение всякому, кто доберется досюда. Наглядный пример того, что ждет его за этой границей.

— Все, — бормотал Зарк. Он водил фонарем и, не веря своим глазам, смотрел на длинный ряд страшных распятий. Выхваченные из темноты лица устремляли на него неподвижный взгляд покрытых ледяной коркой глаз. Из разинутых перекошенных ртов рвался беззвучный предсмертный крик. Скрюченные пальцы раскинутых рук старались удержать последние крохи жизни. Эти люди умерли страшной, мучительной смер-

тью — еще более страшной и мучительной от ужасного сознания того, что их ждет.

Зарк пошел вдоль крестов, освещая одно перевернутое лицо, другое, третье, четвертое... Одних он бережно касался, возле других останавливался и что-то негромко говорил им на их родном языке. Вирга содрогнулся и, покосившись на Майкла, понял, что тот смотрит за шеренгу трупов, на окутанные тьмой бесплодные просторы.

— Это были хорошие, славные люди, — выдавил Зарк. — Хорошие охотники, верные жены. А теперь... — Он вдруг повернулся к Майклу: — Кто это сделал?

— Ваал, — негромко ответил Майкл.

— Тот, которого вы ищете?

— Тот, которого мы ищем.

— И все это он сделал один? Один перебил всех в поселке и подвесил их, как собачатину?

— Он не один. С ним пришли и другие.

— Сколько их?

— Трое или четверо.

Зарк злобно выругался.

— Как мог человек сделать такое?

— Это были ваши друзья?

— Я знал их, — ответил Зарк. — Они спрашивали моего совета. Они доверяли мне. Я их знал.

В глазах Зарка закипала дикая злоба; казалось, она вот-вот вырвется наружу. Вирга переступил с ноги на ногу, хрустнув коркой кровавого льда.

— Что за человек, — спросил Зарк, — этот Ваал?

— То, что Ваал сделал здесь, не идет ни в какое сравнение с тем, что он творил в иных широтах, — ответил Майкл. — Это лишь бледная тень того, на что он способен. Нужно найти его как можно скорее.

Охотник повернулся и, качая головой, оглядел вереницу крестов.

— Это припахивает нечистой силой, — пробормотал он.

— Да, — подтвердил Майкл так тихо, что Вирга с трудом расслышал.

— Это последний поселок перед Великой равниной, — сказал Зарк. — Я проведу вас следом за его пташками. Но вот что: с этим Ваалом я должен сквитаться сам.

Майкл окинул собеседника оценивающим взглядом и отрицательно покачал головой:

— Нет. Этого я не могу вам обещать. Не стану объяснять почему. Я понимаю, вам хочется отомстить. Месть бывает благородной. Но в нашем случае месть — безнадежное дело.

Месть. Месть. Месть. Это слово билось у Вирги в мозгу. Он уже слышал его, оно тогда привело его в ужас. Но где это было? Где?

— Безнадежное или нет, — прогремел Зарк, — но я отомщу!

— Нет, — повторил Майкл. — Не сможете.

— Вы сами хотите разделаться с ним? Тогда вот что я вам скажу: сперва вам придется схлестнуться со мной. А я от вас мокрого места не оставлю.

— Возможно.

Они задиристо смотрели друг на друга.

— Нужно уходить, — сказал Вирга. — Здесь мы уже ничем не поможем.

Зарк моргнул. Его взгляд метнулся к Вирге. Потом, бросив последний бешеный взгляд на Майкла, он отвернулся. «Что-то здесь не так, — пробормотал он. Свет фонаря ложился на его окровавленные уши. — Черт меня побери, что-то здесь не так!» Он пошел вдоль шеренги трупов, светя в перекошенные лица.

— В поселке было больше двадцати детей. Здесь их нет. Трупов нет.

— Надо уходить, — напомнил Майкл.

— Где их трупы? — не унимался Зарк, расхаживая у «барьера», точно огромный неповоротливый зверь.

— Зарк! — послышалась команда, призывающая к вниманию, резкая и холодная. Охотник остановился как вкопанный и очень медленно повернул голову к худощавому властному человеку, стоявшему рядом с ним. Майкл положил руку ему на плечо: — Уходим.

Зарк весь подобрался, готовый обрушить на Майкла поток брани, но, увидев на его лице угрюмую решимость, пода-

вил гнев. Он стряхнул руку Майкла, резко развернулся и пошел к саням.

— Уходим, — объявил он.

На обратном пути Майкл догнал Виргу и негромко сказал:

— Готовьтесь к худшему.

— Что вы имеете в виду?

— Тела детей забрали с определенной целью. С той же целью, ради которой детей тысячами ввозили в Кувейт.

Вирга молчал, и Майкл сказал:

— Ничего. Поживем — увидим. А объяснять Зарку всю глубину власти Ваала — пустая трата времени.

Зарк щелкнул кнутом слева от вожака, и тот повел упряжку в объезд страшной преграды. Поначалу собаки робели, но неукротимый вожак натягивал постромки и яростно рычал, и остальные, поняв наконец, что их больше не заставляют бежать туда, где отвратительно пахнет смертью, дружно взяли с места. Сани помчались параллельно горизонту в ста ярдах за барьером. Как ни ругался Зарк, как ни щелкал кнутом, упряжка, как показалось седокам, битый час отказывалась повернуть к северу. В конце концов Зарк щелкнул кнутом над головой вожака и что было сил налег на валек. Сани вздрогнули. Собаки начали разворот и несколько минут спустя уже бежали прежним курсом, оставив позади картину смерти.

Ехали молча. Зарк, мрачнее тучи, угрюмо размышлял над чем-то, устремив неподвижный взгляд на неразличимый — во всяком случае, для непривычного глаза Вирги — горизонт. Воздух был тих и неподвижен, но и здесь, вдали от поселка, витал запах крови.

Со всех сторон путников обступала черная пустота, усеянная вездесущими звездами. Вирга видел, как частицы, сгорающие в атмосфере Земли, прочерчивают красные и голубые следы на небосводе. Один такой метеор, сверкнув на горизонте, унесся за сотни миль к востоку, и там сгорел, залив небо ярким красным сиянием. Вирга подумал, что примитивные народы усмотрели бы в этом знак свыше, возможно, решили бы, что прогневили небесное божество. Жрецы дни напролет просиживали бы у ритуальных костров, обсуждая значение огненного зна-

мения, споря, чего теперь ждать — засухи, голода или войны. Самым загадочным было то, что многие предсказания древних, сделанные на основании наблюдений за небом, сбывались. Всякое падение с небес, утверждали жрецы, предвещает упадок terra firma.

Прежде чем Майкл снова обратился к профессору, прошло добрых два часа (или так показалось Вирге).

— Вы устали? Может быть, пора отдохнуть?

Вирга отрицательно помотал головой. Он покривил душой — ему не хотелось задерживать их. Профессор чувствовал слабость, глаза у него ввалились, но спать он и не думал. Слишком свежи были в памяти мертвые лица, чтобы обрести желанный покой; он знал, что едва закроет глаза, как вновь увидит их и во сне сам будет одним из них, будет тщетно месить ногами кровавый снег, зная, что ему никогда не убежать от них достаточно далеко.

Время от времени Зарк останавливал нарты, уходил на несколько ярдов вперед, опускался на одно колено и замирал, вглядываясь в снег яростно прищуренными глазами. Потом он возвращался и дотошно проверял, весь ли груз надежно приторочен к саням, осматривал ружье и подливал в лампу керосин из маленькой металлической канистры.

— Как по-вашему, далеко еще? — спросил Вирга.

— Трудно сказать. Может, километр, может, десять. Может, сто. Но я не промахнусь. Сюда даже эскимосы носа не кажут. Тут ничего нет.

— Вы уверены, что мы двигаемся правильным курсом?

— Берем к востоку, вслед за птахами. Верьте мне, а я буду верить вот им. — Он коснулся уголка глаза и носа.

Звезды исчезли. Прерывистое дыхание собак и щелканье кнута Зарка слились в ритмичную мелодию. Ноги у Вирги точно налились свинцом, глаза слипались, и он тяжело навалился на сани, увлекавшие его вперед. Вскоре окружающая местность начала меняться; теперь из вечной мерзлоты пробивались черные камни в корке наледи, а с ними соседствовали огромные торосы с темно-зелеными прожилками, этакие приземистые эскимосские небоскребы.

Сани, разгоняясь, заскользили по склонам: вниз-вверх. Зарк управлял санями с помощью валька и собственных пяток, при необходимости тормозя ими о землю.

Потом, так внезапно, что у них захватило дух, земля исчезла из-под ног. Шурша полозьями, нарты взлетели на очередной склон и ракетой помчались вниз по синему искристому льду. Майкла отбросило в сторону, и он покатился под уклон на животе. Зарк пытался тормозить, но лед был слишком гладкий. Его пальцы разжались, и, выкрикивая ругательства, он слетел с саней.

Вирга, который продолжал цепляться за нарты, увидел, что собаки пытаются не то свернуть с дороги перегруженных снаряжением саней, не то — что было уж совсем невозможно — бежать впереди них. Нарты вильнули вправо, накренились; упряжка потеряла равновесие и запутала постромки. Вирге на голову обрушилась степа снега и льда, и он на мгновение ослеп. Он услышал отчаянный крик Зарка: «Прыгайте!»

У подножия крутого склона начиналась плоская ледяная равнина. Нарты неслись прямо туда. Собаки испуганно визжали. Вирга выпустил деревянные перильца и рванулся влево, подальше от стремительно несущихся саней. Он упал на бок и покатился по стеклянной поверхности льда, пытаясь уберечь поврежденную руку. Внизу, на равнине, загрохотал по камням металл. Посыпались искры. Потом скольжение прекратилось: Вирга, тяжело дыша, лежал у подножия склона, уткнувшись лицом в снег.

Зарк, уже успевший подняться на ноги, осторожно одолевал последнюю треть спуска. Пониже барахтался, стараясь подняться, Майкл.

Вирга протер глаза и ругнулся. Черт! Три или четыре пса пострадали. Впереди темнели нарты. Собаки, так и не порвавшие своих постромок, рассеялись вокруг. Почти все они уже вскочили на лапы и ждали нового приказа, но были и такие, что неподвижно лежали на снегу.

Пересчитывая пострадавших собак, Вирга заметил вспышку света на расстоянии примерно полумили.

Он замер. Майкл был уже почти рядом. Вирга встал, не замечая боли, которая с новой силой запульсировала в руке, и показал в ту сторону.

— Свет, — сказал он. — Я видел там свет.

— Будь оно все проклято! — проворчал Зарк за его спиной. Охотник на ходу отряхивал снег с дохи. Борода у него покрылась сплошной коркой льда, и он стал похож на древнего старика. — Как пить дать сорвало полоз, в бога душу! А собаки...

— Зарк, — спокойно перебил Майкл. Он показал на далекий мерцающий огонек.

Зарк хмыкнул и прошептал:

— Может, еще кто охотится во льдах. Но тут охота не ахти. И все же...

— Далеко дотуда? — поинтересовался Вирга. — С полмили будет?

— Пожалуй, — откликнулся Зарк. — Нет, чуток поболе. Будьте покойны, чертовы нарты грохнули о камень так, что и там было слыхать. Похоже, кто-то идет сюда на своих двоих... на нартах было бы быстрее. — Он еще секунду-другую смотрел на мелькающий огонек, потом быстро отошел к нартам и стал осматривать собак, что-то негромко им говоря.

— С вами все в порядке? — спросил Майкл у Вирги.

— Да. Все отлично.

— Хорошо. Я думаю, это свет в лагере Ваала. Может оказаться, что самого Ваала там уже нет. Если так, я вернусь в Аватик и буду продолжать поиски в другом месте. А вы? Вернетесь в Америку?

— Не знаю. Понятия не имею, что я буду делать.

Коротко взвизгнула собака. Они обернулись и увидели, как Зарк замахивается ружьем и бьет прикладом по голове второго пса. Потом третьего и четвертого. Охотник нагнулся, вынул откуда-то из-под дохи нож и перерезал постромки мертвых собак. Потом внимательно осмотрел полозья и вернулся к своим спутникам.

— Три поломали лапы, а четвертая — хребет, — сообщил он. — Еще помяло полоз. Поедем медленно, здесь нарты не починишь. Вы оба в порядке? Кости целы? Хорошо. — Зарк со-

брал то немногое, что при ударе вылетело из саней, и заново привязал к партам. Потом намотал кнут на руку и убедился, что все постромки распутаны. — Теперь, — проговорил он, — молчите. Чтоб я ни слова не слышал. Дышать тихо. Кто-то уже знает, что мы здесь. Возможно, он не знает, кто мы и сколько нас, но он уже услышал, что мы здесь. Фонарем не светить! — Он взялся за валек и очень тихо приказал собакам: — Гама!

26

Когда не слышно ни единого звука, который могло бы зафиксировать сознание, оно, чтобы поддерживать нервную активность, непременно изобретет что-нибудь свое — например, кажущийся треск электрических разрядов или громкий сухой звон.

В ушах Вирги этот звон превратился в протестующий рев обездоленных нервных окончаний. Профессор с Майклом шли в нескольких десятках ярдов позади Зарка, который время от времени поднимал руку, делая им знак замереть, и осторожно опускался на корточки на снег, нюхая воздух и поводя головой из стороны в сторону, чтобы не пропустить и отголоска звука.

Когда огонек впереди мигнул и исчез, они бросили нарты и больше ста ярдов прошли пешком. Но по-прежнему впереди была лишь густая беспросветная тьма. Вирга весь покрылся гусиной кожей; страх заполнил его рот привкусом крови. Рядом с ним бесшумно, как тень, двигался Майкл.

Зарк поднял руку, присел и прислушался. Вирга ничего не слышал. Вокруг камни и перевернутые глыбы льда зловещими вехами отмечали тропу, терявшуюся во мраке. Они были достаточно велики, чтобы за ними укрылось целое здание, достаточно велики, чтобы приютить сколько угодно народа, — быть может, и сейчас за путниками кто-то внимательно наблюдал. Сказать по правде, Вирге вдруг действительно начало казаться, что за ним следят, хотя он гнал от себя эту мысль: у страха глаза велики. Вокруг был только грозный черный камень и блестящий лед, ничего больше.

Зарк встал.

Что-то звякнуло.

Сперва Вирге показалось, что звук пришел со стороны охотника, но тот резко повернул голову, и профессор понял, что в камнях кто-то прятался.

Они кинулись наземь, и в тот же миг среди иззубренных камней и синего льда заметалось эхо выстрела. Слева от Зарка, меньше чем в футе от него, взметнулся фонтанчик ледяной крошки, и охотник откатился в сторону. Майкл вскочил и бросился бежать. Он рывком поставил Виргу на ноги и потащил за собой под прикрытие обледенелых камней. Прогремел второй выстрел. Над головой Майкла брызнули искры. К ним подполз Зарк с ружьем. Он целиком втиснулся в щель и доложил:

— Один слева. Другой заходит сзади. Сперва придется побеспокоиться о том, что слева, — второго ублюдка нельзя будет достать еще с минуту.

Грянул выстрел. Над их головами просвистела пуля, посыпались осколки льда.

— Ха! — заорал Зарк и сразу понизил голос. — Этому козлу нас не достать, но он носу не даст нам отсюда высунуть, пока не подойдет тот второй. — Он приподнялся и пристроил ружье на камнях так, чтобы дуло не плясало. Зарк не стрелял — он ждал.

Слева вновь прогремел выстрел. Вирга увидел оранжевую вспышку. Пуля пропела над их головами и улетела в сторону полюса.

— Тэк-с, — негромко пробормотал Зарк. — Давай еще разок, мразь. Ну, еще разок!

Ружье их противника вновь плюнуло огнем. Вспышка была короткой, но Зарк успел взять стрелка на мушку. Когда пуля ударила в камень перед ним и с визгом унеслась прочь, Зарк нажал на спуск. Ружье вздрогнуло. Зарк мгновенно обернулся и обстрелял человека в дохе, подбиравшегося к ним сзади. Их разделяло около двадцати футов, но незнакомец отлетел назад и, приоткрыв рот, свалился на обледенелые камни. Его ружье с грохотом съехало вниз и, крутясь, подкатилось почти под ноги Вирге.

Зарк ждал, напряженно щурясь. Наконец он сказал: «Готово!» — и поднялся. Он пошарил под дохой и нащупал кероси-

новую лампу, подвешенную к поясу на короткой веревке. Стекло потрескалось, но ни капли керосина не вытекло.

— Вы знали, что они там, — упрекнул Майкл.

— Знал. Пришлось сделаться мишенью. Но, надо сказать, этот гад чуть не снес мне башку. — Увидев лица Майкла и Вирги, Зарк хохотнул: — Нельзя застрелить того, кого не видишь. Зато можно засечь другую цель — вспышку выстрела. Не лень подойти туда? Я покажу вам дырку у него в сердце.

— Я верю вам на слово.

— Так я и думал. Ладно. Все мы в одной связке. Святоша, если вы прихватите ружье нашего друга, мы сможем пойти дальше. Ну же, оно не укусит. Молодчина. Повесьте его на плечо.

Они двинулись вперед в обход камней. Вирге повсюду чудились черные тени, везде мерещились люди с ружьями. Ему доводилось стрелять только из пистолета, только по бумажным мишеням и очень давно. В огнестрельном оружии профессор разбирался слабо, но с ружьем за спиной все-таки чувствовал себя в большей безопасности. Его тяжесть вселяла в Виргу уверенность.

Шли молча. Под ногами сухо поскрипывал снег. Глыбы льда вокруг неуклонно увеличивались в размерах. Здесь к небу тянулись острые каменные пальцы, там за путниками следили призрачные, мертвенно-голубые ледяные лица. Зарк по-прежнему время от времени приседал и прислушивался; Вирга посматривал по сторонам, а Майкл наблюдал за тылами.

Зарк остановился, точно зверь, почуявший добычу, и Майкл остановился рядом с ним.

Впереди, там, где ледяные и каменные громады расступались и начиналась новая равнина, виднелось длинное сборное строение с высокой кровлей. Стены и крышу покрывал лед, широкие двери, похожие на двери ангара, открывались наружу. В щелку сочился тусклый свет. Справа от строения высилась радиобашня с тонким шпилем. За ней обледенелая тропка вела к новому нагромождению камней.

Сделав своим спутникам знак молчать, Зарк остановился. Он снял с пояса керосиновую лампу и зажег ее. Потом привязал ее к стволу ружья и, держа его в вытянутой руке, двинулся

вперед. Они шли за кружком света по снегу, истоптанному множеством ног. Оказавшись у длинного строения, Зарк бесшумно и осторожно приоткрыл створку двери, чтобы проскользнуть внутрь. Треснул лед, намерзший на дверях.

Зарк остановился на пороге и посветил фонарем. Внутри среди штабелей ящиков стоял черный вертолет без опознавательных знаков. В глубине ангара, в закутке, освещенном тремя керосиновыми лампами, работал передатчик, слышен был треск помех. Зарк снял лампу с ружейного дула и двинулся в сторону радиорубки. Вирга и Майкл последовали за ним.

Глаза Вирги настолько привыкли к темноте, что, очутившись в комнатушке, он в первый миг зажмурился. Перед передатчиком стоял стул, рядом — столик, а на столике — кофейник и чашка.

Зарк пощупал кофейник.

— Еще теплый.

Послышался топот: по ангару кто-то бежал. Зарк грубо оттолкнул своих спутников в сторону и встал в дверях радиорубки, вскинув ружье. Какой-то мужчина как раз выскакивал из дверей ангара на снег. Ружье Зарка глухо бухнуло. Человек вскрикнул и упал.

Майкл первым очутился подле него. Он перевернул тело на спину и увидел, что пуля снесла несчастному темя. На изможденном, усталом лице застыл ужас. Этого человека он видел впервые.

— Узнаете? — спросил он Виргу, оглядываясь через плечо.

— Нет.

— Ублюдок наверняка прятался за ящиками, — буркнул Зарк. — Это радист.

— Ни к чему было убивать его, — сказал Майкл, вставая. Вирга впервые увидел, как в глубине его глаз разгорается багровое пламя гнева. — У него можно было узнать, где Ваал.

Зарка ошарашила ярость, отразившаяся на лице Майкла. Он справился с собой и весь напружинился под дохой.

— Черт возьми! — сказал он. — Если он один из тех, кто уничтожил эскимосский поселок, он заслужил смерть! Я не задаю вопросов мертвецам!

— Мне кажется, — твердо сказал Майкл, — что вы думаете главным образом тем пальцем, которым спускаете курок.

Лицо охотника потемнело от гнева. Он сжал кулаки и шагнул вперед.

— Ваал еще здесь, — резко вмешался Вирга. — Сейчас не время ссориться. Коль скоро нужны были вертолет и радист, значит, Ваал еще здесь.

Зарк несколько секунд смотрел на Виргу, потом снова уставился на Майкла.

— Он прав. Отбой.

Майкл успокаивался на глазах. Казалось, он недоволен собственной несдержанностью. Он сказал:

— Хорошо. Если он еще здесь, мы найдем его.

Зарк показал на тропинку, исчезавшую в грозном нагромождении камней, и пошел по ней, осторожно ступая по скользкому льду. Не прошли они и сотни футов, как охотник поднял руку, веля им остановиться. Рука дрожала.

Впереди был лабиринт из льда и строительных блоков. Огромные тесаные ледяные глыбы поддерживали обледенелую крышу. Во все стороны расходились петляющие коридоры. Это было расползшееся сооружение, возникшее, казалось, из кошмара, — бесформенное, бессмысленное, извилистый лабиринт ледовых тоннелей.

Но не это остановило Зарка. Он выставил фонарь вперед; свет отразился от льда по сторонам тропинки, и охотник застыл, дикими глазами глядя куда-то мимо света.

Во льду что-то было.

Маленькое, темное, таких очертаний, что Виргу до костей пробрал холод. Он не смел глядеть и не мог не глядеть, завороженный кощунственностью этого зрелища. Зарк сделал шаг вперед, сипло дыша сквозь стиснутые зубы, и поднес лампу ко льду. Желтый свет ясно обозначил открытые глаза, широко раскрытый, забитый тьмой рот, скрюченные пальчики маленького эскимоса. И справа, и слева свет выхватывал тела, тела, тела. Лед был нашпигован детскими трупиками, застывшими как бабочки под стеклом. Трое вошли в страшный музей смерти. Вирга почувствовал слабость и дурноту; он покачнулся и упал бы, если

бы Майкл не обернулся и не подхватил его. Казалось, все глаза молят его о милосердии, рты вопиют о мести.

Месть.

Месть.

Вирга с силой тряхнул головой, избавляясь от наваждения.

— Господи! — хрипло выдохнул Зарк, хватаясь за ледяную стену, чтобы не упасть. Но он тут же отдернул руку: его ладонь накрыла пару молящих глаз.

— Я предупреждал вас, — проговорил Майкл, не отпуская руку Вирги, — готовьтесь к худшему. Древний культ Ваала означал жертвоприношения детей и погребение их тел в стенах жилищ, что, по языческим понятиям, отвращало беду. Я же сказал вам — готовьтесь.

Зарк тряс головой, не веря своим глазам. Он не мог оторвать взгляд от рассыпанных во льду страшных силуэтов. Такого он еще не видывал. Он потерял почву под ногами и плохо сознавал что к чему.

— Нужно идти дальше! — сказал Майкл. — Они мертвы, и им уже ничем нельзя помочь. — Он взял у Зарка фонарь и зашагал по тропинке, потом остановился и стал ждать, когда его спутники придут в себя. Виргу тихо стошнило. Он вытер лицо и пошел за Майклом.

Они вошли в ледовые коридоры. Свет одинокого фонаря пятном ложился на сборный пол и мерцал в открытых глазах детей по обе стороны тоннеля. Зарк старался держаться подальше от трупов, поближе к середине прохода. Они шли и шли, забредая в бесчисленные тупики и возвращаясь по своим следам в один, другой, третий погребальный зал. Коридоры водили их кругами, раздваивались, растраивались, оканчивались в пустых, похожих на склепы пещерах. С каждой глухой стеной, в которую упирались путники, Майкл все больше мрачнел, и выражение его лица делалось все решительнее. Поиски продолжались; путники, избегая смотреть на умоляющие детские личики, все дальше углублялись в ледовый лабиринт — коридор за коридором, сотня за сотней переходов. Вирге начало казаться, что им никогда не найти пути назад. Они навсегда останутся здесь, и никто не найдет их замерзшие трупы даже через тыся-

чу лет. Профессор чувствовал, как смыкаются стены, сужаются коридоры — скоро скованные морозом пальцы дотянутся до них из-подо льда и утянут к себе. Он был на грани первого срыва и начинал опасаться за свой рассудок. Я не могу идти дальше, сказал он себе. Боже милостивый, не могу.

Но тут коридор резко повернул направо, и они увидели кого-то, кто сидел в кресле в огромном ледяном зале.

Майкл остановился. Из его поздрей вырывались белые облачка пара.

Человек сидел в темноте. Майкл вытянул руку, и фонарь осветил горящие глаза над свирепо перекошенным ртом. На человеке была тяжелая шуба из темного меха. Руки покоились на подлокотниках кресла.

— Итак, ты все же нашел меня, — негромко резюмировал Ваал.

— Нет, сукин ты сын! — загремел голос разъяренного Зарка. Охотник вышел из-за спины Майкла, поднимая ружье для выстрела в упор. — Это я тебя нашел!

— ПОДОЖДИ! — вскричал Майкл. Зарк качнулся назад и затряс головой, как от удара. Он медленно опустил ружье и стоял, глядя на Майкла.

Ваал рассмеялся. В его холодном смехе не было ни капли веселья.

— Давай, Майкл. Пусть выстрелит. Ты! Иди сюда!

Зарк пошевелился. Он заморгал, взглянул в темные глаза Ваала, сделал шаг вперед, и Майкл немедленно очутился перед ним, загораживая ему дорогу. Майкл с силой проговорил:

— Ты не сделаешь ни шагу дальше. Вы оба с места не сойдете, понятно? Я хочу, чтобы вы очень ясно поняли: вы никогда не будете приближаться к Ваалу, я всегда должен находиться между вами и им. Вы не будете смотреть ему в глаза. Вы ни под каким видом не будете прикасаться к нему или позволять ему прикасаться к вам. Понятно? — Он встряхнул Зарка. — Понятно?

— Да, — хрипло проговорил Зарк. — Понятно.

— То же самое относится и к вам, доктор Вирга.

— Да. Ладно.

— Доктор Вирга? — Ваал посмотрел на профессора, но тот отвел глаза. Ваал отрывисто рассмеялся. — Ладно, ладно. Мой славный доктор Вирга! Я вижу, вы поранили руку. Какая жалость! Вероятно, вы уже никогда не сможете пользоваться ею. Скажите, а левой рукой вы можете мастурбировать?

Настороженные глаза Майкла над фонарем горели золотом. Он сказал:

— Твое время истекло. Ты начертал свое имя пылающими буквами зла. Теперь этому пришел конец.

Ваал чуть заметно подался вперед.

— Ну уж нет. Ты опоздал. Да, ты нашел меня. Но теперь, когда ты нашел меня, что ты можешь сделать? Ничего, отродье гулящей девки. Ничего! Мои ученики в Америке, Африке, Южной Америке разносят весть о воскресении мессии. На Ближнем Востоке огромные толпы требуют войны с евреями, дабы покарать негодяев за мою смерть. Вскоре в конфликт окажутся втянуты супердержавы. Им никак этого не избежать — район слишком важен стратегически, слишком необходимы для существования их цивилизации нефтяные промыслы. Начало будет банальным: несколько ракет, может быть, яростная пехотная атака... — Он улыбнулся, медленно и насмешливо. — Видишь? Ты ничего не можешь сделать. А я с удовольствием пообщаюсь с жидами. Мой повелитель ударит в самый центр хаоса.

— Кого ты отдал на растерзание толпе в Кувейте?

— Американского еврейчика, корреспондента какой-то газетенки. Мы «уговорили» его выстрелить. Потом мои ученики распустили слух, что это — американо-еврейский заговор. На следующий день средства массовой информации сообщили, что Ваал погиб от руки террориста-еврея, выпустившего в него две пули. Бейрут отреагировал как мы и ожидали: волной праведного гнева, переросшего в жажду праведной мести. Тело — естественно, не мое — кремировали, а пепел поместили в золотую урну. Арабы теперь вооружены моим учением; их ярость, вызванную гибелью живого Мухаммеда, не остановить. Нет, Майкл... ты опоздал.

— На этот раз я пришел подготовленным, — заметил Майкл.

Ваал наклонил голову:

— Да? Каким же образом?

— Как и все те, кто предался темным силам, ты не можешь противостоять могуществу Креста. Он сжигает тебя своей чистотой. Ты, как все сатанисты, способен лишь глумиться над ним, перевернутым.

— Ах вот как? — негромко откликнулся Ваал. — Осторожнее. Ты недооцениваешь меня. Ты судишь о моей нынешней силе по моей прошлой слабости.

— Напрасно ты так думаешь, — заметил Майкл.

— Что же ты намерен предпринять? Выжечь крест в моей плоти? Распять меня и бросить в снегах? Бесполезно, Майкл. Иисус из меня получится неважнецкий. Я лишь найду иной подход.

— Знаю.

Зарк наконец опомнился. Еще слабым голосом он проговорил:

— Оставь его мне. Я выпущу ему кишки.

Ваал рассмеялся.

— Да, Майкл. Да. Оставь меня этому тупице и отправляйся обратно в твердой уверенности, что тебе никогда больше не придется иметь дела со мной. Он не подкачает, Майкл.

— Нет. Ты пойдешь с нами. Ты выведешь нас отсюда.

— С какой стати? Я могу не согласиться — плутайте по этим коридорам, покуда не выбьетесь из сил. И тогда... — Он усмехнулся, холодно глядя на своих противников.

— Ты выведешь нас отсюда, потому что одна из твоих величайших слабостей — любопытство. Тебе захочется узнать, как я подготовился к нашей встрече.

— Когда мы встречались в последний раз, в Неваде, я был куда слабее, чем сейчас, — с угрозой сказал Ваал. — Берегись! У меня сила миллиона — нет, больше. Ты твердо уверен в том, что хочешь бросить мне вызов?

Майкл хранил молчание.

— Подумай, — продолжал Ваал. — Хорошенько подумай, Майкл. Перейди ты на мою сторону... подумай, что мы получили бы! Все! Ты был бы не наемником таких вот ублюдков, — он

кивнул в сторону Вирги и Зарка, — ты был бы господином и повелителем! Как можно отказываться от подобной власти?

— А твой хозяин? Ты что же, и впрямь полагаешь, что, когда ты отдашь ему все, чего он желал, он поделится с тобой трофеями? Ты действительно думаешь получить на откуп Израиль?

Ваал прохрипел:

— Он снова будет моим.

— Встань, — приказал Майкл.

Ваал не шелохнулся. В его темных глазах вдруг появился красноватый блеск, и вот уже на бледном как смерть лице горели багровые уголья. Ваал чрезвычайно медленно и осторожно поднялся с кресла. Его взгляд метался между Зарком и Виргой.

— Пора поразвлечься, — проговорил он.

Майкл подошел к нему почти вплотную и угрюмо распорядился:

— Ты выведешь нас отсюда. Пойдешь впереди.

— А если я откажусь?

— Тогда и ты отсюда не выйдешь.

Ваал кивнул:

— Значит, ты все-таки решился? Значит, так? По примеру святых мучеников, которых ты тщишься превзойти, ни дна им ни покрышки?

— Если понадобится — да.

— Вонючий сукин сын, — прорычал Ваал. — Трусливый хересос.

— Я сказал, пойдешь впереди нас. Доктор Вирга, дайте нам пройти.

Вирга отошел на почтительное расстояние, пропуская Майкла и Ваала. Когда Ваал проходил мимо, на профессора нахлынуло отвращение и вместе с тем странное желание протянуть руку и коснуться этого человека. Рядом с Ваалом очутился Майкл, и порыв Вирги прошел. Ваал, судя по всему, прекрасно представлял себе, какие движения души вызывает у окружающих. Он с ухмылкой обернулся, ожег профессора взглядом огненных ярко-алых глаз и вышел в коридор.

Майкл с фонарем шел за Ваалом, Вирга и Зарк замыкали шествие. Зарк не переставал трясти головой, словно прогонял дурман, и что-то бормотал себе под нос.

— С вами все в порядке? — спросил Вирга.

— Оставьте его мне, — ответил охотник. — Оставьте его мне.

Наконец им в лицо пахнул чистый холодный воздух: страшный лабиринт смерти остался позади. Они прошли мимо антенны и ангара и двинулись через камни по тропинке, которая должна была привести их к партам Зарка. На морозе Зарк полностью пришел в себя. Держа ружье наготове, он наблюдал за тылами на случай возможного нападения. Собаки возле парт не сразу почуяли Ваала и радостно заворчали, приветствуя Зарка. Но вот их ноздрей коснулся чужой запах, и они мгновенно заскулили и, поджав хвосты, стали пятиться от приближавшихся фигур. Даже вожак дрожал.

Зарк пошел вперед, чтобы успокоить их.

— Рабочая скотина, — фыркнул Ваал. — Вот ты кто, Майкл. И быть тебе рабочей скотиной, покуда ты не найдешь в себе смелости покончить с этим.

Майкл извлек из горы снаряжения, привязанного к партам, полотняный сверток. Оттуда он достал наручники, соединенные короткой цепочкой, и пошел к Ваалу. Тот равнодушно наблюдал за Майклом и даже вытянул вперед руки, чтобы их сковали. Майкл надел на него наручники и защелкнул их.

— Дурак, — сказал Ваал прямо в лицо Майклу. — Жалкий дурак.

27

Зарк намотал кнут на руку и взглянул на Майкла:

— Что вы сказали?

— Я сказал, — ответил тот, — что мы не едем в Аватик.

— А куда ж мы едем?

— К морю. Я хочу, чтобы вы вывели нас к замерзшему морю.

— Чего? — переспросил Зарк. — Да до побережья самое малое два дня пути. С этим я не поеду.

— Не бойтесь, — сказал Майкл. — Пока вы будете делать так, как я прошу, вам нечего будет бояться.

— Почему к морю? — полюбопытствовал Вирга.

— Потому что так надо. Больше я ничего не скажу. — Ваал, стоявший чуть поодаль, следил за ними горящими глазами.

Зарк все еще колебался. Он тряхнул головой.

— Ничего не понимаю. Не понимаю ни этого вашего Ваала, ни вас.

— От вас это и не требуется. Просто доверьтесь мне и делайте, как я прошу.

Несколько секунд Майкл выдерживал пристальный взгляд Зарка. Потом охотник кивнул и сказал:

— Ладно, черт подери. К морю так к морю. Но только до берега, на лед не полезу. А почему не убить эту мразь здесь и сейчас?

Майкл не ответил. Он демонстративно повернулся к Зарку спиной и отошел к Ваалу, чтобы загородить от него своих спутников.

Зарк выругался и щелкнул кнутом над головами упряжки. Собаки рванулись вперед, и нарты с поврежденным полозом тяжело снялись с места. Вирга увидел, что за ними остается глубокий кривой след.

— Не нравится мне это, — сказал Зарк Вирге. — Надо было прикончить эту мразь здесь и уехать. Он заслуживает смерти.

Вирга промолчал. Он был в смятении. Столкнувшись с Ваалом лицом к лицу, профессор вдруг усомнился в том, что кто бы то ни было, даже Майкл, в силах обуздать этого человека. Паника, внезапно охватившая его под злобным взглядом Ваала, еще сосала под ложечкой. Вирге казалось, что он вечно будет видеть эти страшные красные глаза. Он не смел и гадать, зачем Майклу понадобилось к морю, и не мог избавиться от ощущения, что сила Ваала вот-вот вырвется на волю во всей своей необузданной дикости, обратится на них и испепелит. Тогда им не поможет никакой Майкл. Взмокший от страха Вирга вздрогнул. Он чувствовал себя бесконечно одиноким,

беспомощным, грубо вырванным из привычной университетской жизни, необратимо изменившимся. А сколько у него накопилось вопросов! Они витали подле него, и он отшатывался под их натиском.

— Сукин сын! — крикнул Ваал Майклу. Они шагали справа от еле ползущих парт. — Сволочь!

Вирга опустил подбородок на грудь и ухватился за парты, чтобы не упасть, стараясь отгородиться от потока чудовищных непристойностей, лившегося изо рта Ваала. Поток этот не иссякал, а лишь набирал силу, и выкрики становились все вульгарнее. Ваал бесновался над самым ухом у Майкла, и Вирга восхитился выдержкой своего спутника. Потом голос Ваала изменился, хриплый баритон превратился в истошный детский визг. — Херосос! Попам задницу лижешь! Я убью тебя! А тебе меня не уничтожить, ты раньше сгниешь! — И вдруг — невероятно! — молодой женский голос. Вирга обернулся. Зарк усилием воли не позволил себе оторвать взгляд от ледяной равнины впереди. — Глаза твои вывалятся из орбит, сукин ты сын! Я прикажу ослепить тебя! Будь ты проклят! Будь ты проклят!

Вирга заткнул уши.

Зарк резко обернулся.

— ЗАТКНИСЬ! ЗАТКНИСЬ!

И голоса — голос Ваала — неожиданно стихли, и льды услышали смех, низкий и ленивый, довольный и благодарный, словно смеялся кто-то, кто только что выиграл шахматную партию.

Собаки, поскуливая, натягивали постромки; парты царапали лед. Шагая, Вирга слышал, как полозья то шуршат по снегу, то со скрежетом проходятся по камням, шурр-скрип, шурр-скрип, шурр-скрип, пока в голове у него не загудело от этих чередующихся звуков. Не открывая глаз, по одним только звукам, доносившимся из-под полозьев, он определял, что под ногами: плотный, слежавшийся снег или гладкий лед, камни величиной с кулак или камни с бритвенно-острыми краями, способные изрезать собакам лапы. Однажды, изучая свои новые способности, Вирга задремал на ходу, а когда вновь открыл глаза, то оказалось, что он смотрит на Ваала. Покрывшись испариной, перепуганный Вирга с усилием отвернулся.

Он оступился и упал, и Зарк остановил упряжку. Он помог профессору подняться и крикнул Майклу:

— Надо передохнуть. Не то протянем ноги.

Майкл подумал и согласился.

— Что ж, хорошо. Привал.

Зарк поставил палатку из медвежьей шкуры и забрался внутрь. Вирга — от усталости у него дрожали ноги и руки, а лицо застыло на морозе неподвижной маской — заполз следом и, тяжело дыша, привалился к стене. Снаружи заскулили собаки: подошли Майкл с Ваалом. Майкл первым залез в палатку, подождал, пока в нее заползет Ваал, и опять демонстративно уселся между ним и остальными.

Зарк развернул пакет с моржатиной и отрезал ломоть для Вирги. Профессор жадно впился в него зубами. Охотник предложил кусок Майклу (тот отказался), отрезал порцию себе, после чего аккуратно завернул мясо и убрал. Откуда-то появилась трубка. Зарк раскурил ее, откинулся на туго натянутую стенку палатки, закрыл глаза и затянулся.

Вирга свернулся калачиком, чтобы было теплее.

Майкл и не пытался заснуть. Взгляд Ваала жег ему затылок. Он сидел, скрестив ноги, и смотрел на своих усталых товарищей, погруженных в глубокий сон без видений.

И вдруг палатку заполнил страшный пронзительный вопль, от которого даже у Майкла по телу поползли мурашки. Вирга вскинулся, вытаращив воспаленные глаза: ему почудился крик Нотона в темном углу пропахшей злом трапезной. Зарк спросонок схватил ружье и выскочил из палатки в метель.

Вирга понял, где находится, и тряхнул головой. По палатке распространилось смрадное дыхание. Ваал в своем углу негромко смеялся, скаля зубы. Глаза его горели как уголья.

Через несколько секунд в палатку ввалился Зарк. У него заиндевели ресницы, в грязную бороду набился снег.

— Там был медведь! Я слышал! Черт меня подери, если я не... — Услышав издевательский смешок, охотник осекся, и его щеки залил румянец гнева. — Ах ты сукин сын! — рявкнул он, пытаясь мимо Майкла дотянуться до Ваала. — Убью!

Майкл перехватил его руку.

Смех внезапно стих.

Ваал проговорил:

— Дотронься до меня. Ну! Давай!

— Сядьте, — велел Майкл.

— Я убью его. — Зарк выдыхал облака пара. — Клянусь, я убью его!

— Сядьте, — резко повторил Майкл. Он сдавил руку Зарка, и взгляд охотника медленно прояснился. Он устало плюхнулся на снег, под стену палатки, и замер.

— Я не дам вам спать, — прошептал Ваал. — Попробуйте уснуть — и все повторится. Очень скоро вы превратитесь в комок нервов и будете пугаться даже моего дыхания. Рискните. — Он усмехнулся. — Закройте глаза.

В оцепенелом от мороза мозгу Вирги еще витал образ Нотона: молодой человек лежал навзничь в загаженном углу и что-то шептал, шептал...

— Убейте его, — пробормотал Зарк. — Сейчас же.

Что это было? Что он сказал? Что он сказал?

— Есть только один путь. Ты! Эскимос! Нет, не отворачивайся. Ты мне нужен. Мы с тобой уйдем отсюда... этих двоих мы оставим здесь и вернемся в Аватик. Как только мы избавимся от них, я дам тебе выспаться. Слушай меня, — шептал Ваал. — Слушай!

Майкл решительно сжал могучее плечо охотника.

— Оставайтесь там, где вы есть, — негромко велел он.

— Если ты не выспишься, ты не сможешь идти. Ты никогда не доберешься до моря. Упадешь замертво на дороге.

Вирга дрожал. Он видел, как Нотон открывает рот — шире, шире...

— Отпусти меня, — не унимался Ваал.

Нотон прошептал: «Ме...»

— Месть, — закончил Вирга.

Майкл равнодушно взглянул на него. Ваал молчал.

Вирга спросил:

— Что вы хотели этим сказать? Когда я спросил, какую цель преследует Ваал, и вы, и Нотон ответили: месть.

— Нотон? — прошептал Ваал из своего угла. — Вы нашли Нотона? Ублюдок! Проклятый предатель! Надо было вырвать ему глаза и язык!

— Однако, — заметил Майкл, — вы этого не сделали. — И добавил, обращаясь к Вирге: — Да, я так сказал. Такова правда.

— Для вас — может быть. Но мне это недоступно. А здесь творятся вещи столь далекие от моего понимания, что я начинаю терять рассудок!

Зарк проговорил:

— Мы должны убить его здесь, сейчас же, — и хрипло забормотал что-то невнятное.

— Я с самого начала говорил вам, — напомнил Майкл Вирге, — что многое из того, чему вы станете свидетелем, будет выше вашего понимания.

Вирга продолжал:

— Я хочу знать. Я должен знать.

— Тогда для начала уясните вот что. Назад пути нет. Вы никогда не будете собой прежним. Вы застрянете между жизнью после смерти и смертью при жизни. Если вы решите заговорить, вас не станут слушать. Вас заклеймят как безумца.

— Я уже не смогу повернуть назад, — признался Вирга.

Майкл некоторое время молчал, безжалостно выискивая что-то в глазах профессора. Ваал за его спиной дышал, как зверь в период гона. Наконец Майкл сказал:

— Вы будете слушать меня, но не будете слышать. То, о чем я буду говорить, недоступно человеческому пониманию. Вы верите в Иегову?

Вопрос удивил Виргу. Он ответил:

— Да, конечно.

— Значит, вы верите и в Сатану?

Вирга ответил, но уже менее уверенно:

— Да...

— Великие силы. Свет и Тьма. Одна — терпелива и терпима, другая — безрассудна и жестока, и обе — воительницы. Меж ними — смешение стихий, смешение элементов, Сущее. В сочетании добра и зла есть некая завершенность. Вы понимаете? Без одного не может существовать другое — таков Закон. Закон Су-

щего. Он — основа космического равновесия; сместите баланс сил, и воцарятся хаос и безумие. Что вы сейчас и наблюдаете.

— Пес! — прошипел Ваал.

— Сатана никогда не был второстепенной или производной силой. Он — тьма, уравновешивающая свет Иеговы. На заре времен Иегова и Сатана вместе создали космос. Космос был и есть сочетание небесного и демонического начал. Ваши предки были его частью. Вы его часть. Часть его и Ваал.

— Языческий бог, чьим именем назвался этот человек, — пояснил Вирга.

Ваал негромко гортанно засмеялся.

Майкл возразил:

— Нет. Перед вами лишь бренная оболочка, сущность же представляет собой бесформенный сгусток энергии. Это Ваал в том обличье, которое делает его приемлемым для человеческого глаза. Для тех, кого он жаждет подчинить себе.

Вирга сидел очень тихо. Рядом с ним хрипло дышал Зарк.

— Свет и тьма не всегда враждовали. Сатана, как я уже говорил, безрассуден. Его заботит лишь одно: как накопить больше сил, стяжать большую власть. Отмените Закон Сущего, и с ним исчезнет и Сатана — но его, точно слюнявого пса, волнует лишь сиюминутное. В начале творение равно признает лишь два божества: бога света и бога тьмы. Но Сатана смекнул, что можно прирастить свои силы, сделав демонов языческими богами. Одним из самых удачливых оказался Ваал; он уже был силен и снедаем безрассудной жаждой власти и величия. По наущению Сатаны Ваал стал ханаанским божеством. Он требовал от ханаанеев жертвоприношений детей, склонял их к содомскому греху, блуду, осквернению храмов. Сатана был доволен; все больше демонов с его легкой руки объявляли себя божествами перед смятенным и истерзанным творением. Иным способом Сатана не мог превзойти Иегову. Все это Иегова терпел, покуда Сатана не покусился на иудеев, избранный Иеговой народ, стремясь ввергнуть их в пучину тьмы и чернокнижия. Равновесие нарушилось. Желая дать урок Сатане, Он обрушился на Ваала, самого удачливого из демонов, и с помощью израильтян сровнял Ханаан с землей. Гнев Его был ужасен: Он прика-

зал Своему небесному воинству сжечь грешный город дотла, дабы земля обратилась в огненный камень бесплодный. Вааловы идолы и храмы были разрушены, те же, кто поклонялся демону, стерты с лица земли. В Ваале сочетались обе силы, свет и тьма, но он предал первую и теперь ищет убежища у второй.

— Ложь, — прошипел Ваал позади Майкла. — Лож-жж-жь.

— Урон был нанесен. Сатана узнал вкус крови. И тогда началась битва, исход которой решит: быть или не быть Закону Мироздания. Она бушует здесь, сейчас. Сатана через Ваала обрушивает на творение хаос, Ваал же стремится отомстить, истребить израильтян, уничтоживших Ханаан, его царство. Он успел переменить множество обличий и с каждым новым воплощением оказывался на шаг ближе к цели, своей и своего хозяина. Ваал — безумное божество, одержимое силами тьмы.

Вирга дрожал, но ничего не мог с собой поделать. Стараясь унять эту дрожь, он, запинаясь, проговорил:

— Ваал человек... всего-навсего человек...

— Как угодно, — мягко ответил Майкл. — Вы спросили, я ответил.

— Отпустите меня, — детским голосочком попросил Ваал.

— Нам нельзя останавливаться. Вы готовы пойти дальше? — Майкл внимательно посмотрел на Виргу.

Зарк рядом с Виргой открыл глаза и принялся растирать затекшие шею и плечи.

— Не знаю. Не знаю. Я очень устал.

— Я спрашиваю о другом. Вы готовы пойти дальше по избранному нами пути?

— Нет, Майкл, — вмешался Ваал. — Брось свою затею. Отпусти меня. Присоединяйся ко мне.

Майкл посмотрел на охотника.

— Вы в силах идти?

Зарк растирал руки. Он взглянул на Майкла, потом на Виргу, потом снова на Майкла.

— Да, — ответил он.

— Хорошо. Доктор Вирга?

Вирга не знал, что ответить. Ему вдруг стало трудно дышать.

— Я так устал, — пробормотал он.

— Я ведь предупреждал вас. Разве нет? — спросил Майкл. — Мы должны как можно скорее добраться до моря. Выбор прост: или вы идете с нами, или мы бросаем вас здесь.

Вирга взглянул на него, удивленный поставленным ультиматумом. Он провел рукой по лицу:

— Хорош выбор! Я иду с вами.

Майкл кивнул:

— Отлично. Мы с Ваалом первыми выбираемся из палатки. Потом вы и Зарк.

Палатку из медвежьих шкур свернули и привязали к партам, Зарк свистнул, поднимая собак, меховыми клубками лежавших на снегу, упряжка натянула постромки, с которых осыпался иней, и парты покатили по бесплодной ледяной равнине, оставляя неровный извилистый след. Путники шли, как и прежде: Зарк и Вирга у самых саней, Майкл, живой щит между ними и Ваалом, поодаль справа. Мороз больно кусал Вирге щеки, но вместо того, чтобы бодрить, лишь усугублял неимоверную усталость. Пошатываясь, Вирга брел вперед, не зная, где он.

Через несколько минут — или часов — кто-то окликнул его шепотом: «Вирга!»

Профессор тряхнул головой. Это ему пригрезилось. Шаги сливались в непрерывный глухой ритм. Он парил между сном и явью, страшась и того, и другого.

«Вирга», — снова прошептал кто-то.

Он открыл глаза.

Впереди маячила широкая спина Зарка, из-за косматой дохи похожая на медвежью. Размеренно бежали собаки, из-под лап летела ледяная крошка. Вирга медленно повернул голову направо, где во мраке шагали двое, и не смог различить их лиц. Он прищурился.

За плечом Майкла горели красные глаза Ваала. Сам Майкл не замечал этого. Виргу вдруг закружил бездонный водоворот — ниже, ниже, ниже...

Красные глаза вспыхнули, как страшные маяки.

— Джеймс, — окликнула она. — Джеймс!

Вирга вскрикнул: «Кто это?» — однако этот голос был хорошо ему знаком, и он задохнулся от волнения, в горле встал ком. Сердце профессора учащенно забилось. Я хочу слышать твой голос, сказал он. Я хочу слышать твой голос.

— Джеймс, — снова проговорила она так умоляюще, что сердце Вирги едва не разорвалось. На его глаза навернулись слезы, и он поспешил вытереть их, пока они не замерзли. — Я здесь, рядом с тобой. Разве ты не видишь меня?

— Нет, — прошептал он. — Не вижу.

— Я здесь. Ты нужен мне, Джеймс. Я не хочу возвращаться.

— Возвращаться? Куда?

— Туда, где я была, — ответила она, сдерживая рыдания. — Туда, где страшно и холодно, где серые стены. Я не понимаю, Джеймс. Не понимаю. Я помню падение. Помню больницу и людей, которые склонились надо мной. И... ничего. Все исчезло... все стало серым, как эти стены. Я не могу туда вернуться. Пожалуйста, не заставляй меня возвращаться.

Напрягая глаза, Вирга всмотрелся в далекую тьму, но там ничего не было. Он не увидел Кэтрин. Обжигающее дыхание холода напомнило профессору, что он не спит, и все же Вирга едва переставлял ноги, словно лед вдруг превратился в вязкую пасту, оседавшую на торбасах. Да, это был ее голос — невероятно, но факт. Но где же она сама? Где? Ее голос. Да. Ее голос.

— Ответь мне, Джеймс, — молила она. — Пожалуйста, дай мне знать, что ты слышишь меня.

— Я слышу тебя, — отозвался он. — Где ты?

— Здесь, рядом с тобой. Я иду рядом с тобой, но между нами какая-то преграда, и я не могу коснуться тебя. О Боже, ты так близко. Почему ты не видишь меня? — В голосе пульсировал страх; он разъедал Виргу как кислота.

Вирга резко повернулся и зашарил в воздухе. И ничего не нашел. Он подавил крик ярости и горького разочарования.

— Здесь ничего нет! — выдавил он.

Кэтрин заплакала. Вирга тоже не сумел сдержать слез.

— Я не хочу возвращаться! Не хочу!

— Тогда оставайся! Помоги мне найти тебя! Вытяни руку и коснись моей руки! Ты можешь сделать это?

— Не вполне. Не совсем. Между нами что-то есть. Помоги мне!

— Как? Как я могу тебе помочь? — Вирга лихорадочно огляделся в поисках Кэтрин. Замерзшие слезы тонкой ледяной корочкой заполнили морщины вокруг его рта.

Стонущий голос Кэтрин затих. Вирга с новой решимостью зашарил во тьме, пытаясь ухватить говоривший с ним призрак, — казалось, он где-то совсем рядом, вот здесь, чуть правее...

Потом она всхлипнула:

— Они хотят, чтобы я вернулась, Джеймс. Они говорят, что так надо, что нельзя остаться. Коснись меня. Я не хочу уходить!

Тяжело дыша, Вирга воскликнул:

— Я не могу найти тебя!

— Я так хочу остаться. Очень хочу. Помоги мне!

— Да. Но как?

— Нам мешает, — проговорила она прерывающимся голосом, — тот, кто идет впереди тебя. Пока он здесь, я не могу пробиться к тебе. Когда его не станет, мне позволят коснуться тебя...

Перед глазами у Вирги закружился калейдоскоп видений: улыбающаяся Кэтрин, Кэтрин хмурая, сердитая, плачущая... В голове у него страшно зашумело, на шею легла огромная тяжесть. «Если его не станет?» — слабым, чужим голосом спросил он.

Кэтрин всхлипнула.

— У тебя за плечом ружье...

— Где ты? — закричал Вирга. — Я не вижу тебя!

— Ружье... О Боже, меня зовут!

Растерянный и обессиливший, Вирга вдруг испугался, что споткнется и упадет. Впереди, всего в нескольких футах, виднелась мишень, которую назвала ему Кэтрин, — спина Зарка. Грубый, жестокий человек, зверь, убийца. Почему он должен жить, а Кэтрин — страдать? Почему он должен жить?..

— Ружье, — напомнила она. — Джеймс... — Ее голос стал затихать.

— Нет! Не уходи... не сейчас! — Вирга поднял ружье поврежденной рукой и положил палец на спусковой крючок. Из-за этого выродка Кэтрин страдает! Он ее мучитель!

— Джеймс, — сказала она, но так далеко, что по щекам Вирги вновь покатились слезы.

Не целясь — с такого расстояния невозможно было промахнуться, — он спустил курок.

Но кто-то подскочил к нему и рванул ствол ружья вверх. Грохот выстрела оглушил Виргу, отдача больно толкнула в плечо, и профессор едва устоял на ногах. Пламя на миг высветило изумленное, неверящее лицо Зарка, метнувшегося в сторону. Пуля просвистела у его правого плеча и ушла в темноту.

— Господи! — сказал Зарк.

Майкл вырвал ружье у Вирги и впился в профессора немигающими золотыми глазами. Вирга почувствовал слабость в коленях, но не упал: Майкл подхватил его и бережно посадил на лед. За спиной у Майкла неподвижно стоял Ваал в наручниках.

— Он спятил? — спросил Зарк. — Чуть не снес мне башку!

— Она была там, — шепотом сказал Вирга Майклу. На его щеках стыли горячие слезы стыда и раскаяния. — Она все время была рядом со мной, а я не мог даже дотронуться до нее...

Майкл негромко проговорил:

— Ее там не было.

— Была! Я слышал ее голос! Она пыталась коснуться меня!

— Нет. Ее здесь не было.

— Была... — начал Вирга и умолк, испугавшись безысходного отчаяния в собственном голосе.

Медленно, с великой неохотой, рождавшейся из глубокой, страшной опустошенности, Вирга отпустил ее. Ружейный выстрел прогнал ее голос, но образ Кэтрин еще стоял перед глазами профессора. Сейчас, сморгнув слезы, вспомнив, кто стоит над ним, Вирга увидел, как ее прекрасное лицо становится безжизненным, блекнет. Лучистый свет, искрившийся в глазах, которые он не забыл и за тысячу тусклых одиноких ночей в своей квартире, пропахшей пыльными книгами, бесполезной керамикой и едким табачным дымом, потускнел и превратился в бесплотную тень реальности. Кэтрин отступала за серую стену тумана, и у Вирги застучало в висках от страха вновь потерять ее.

Он потянулся к ней.

Майкл удержал его руку.

— Она мертва.

— Нет, — взмолился Вирга. — Нет.

За спиной у Майкла визгливо, по-бабьи, захохотал Ваал.

Глаза Майкла вспыхнули. Вирга инстинктивно отпрянул перед огнем, который, казалось, заструился с его лица. Майкл поднялся и, медленно выпрямляясь во весь свой немалый рост, зашагал по льду к Ваалу и остановился нос к носу с ним. Они стояли и, точно хитрые звери перед схваткой, прикидывали свои шансы на победу.

Майкл сжал кулаки.

— Ну? Что же ты? — ухмыльнулся Ваал. — Давай! Заодно покончишь с собой. Неужто ты готов сгинуть навсегда ради какого-то старикашки? Нет, вряд ли. Тебе, как и мне, нравится твое нынешнее воплощение.

Майкл стиснул зубы. На щеках у него заиграли желваки. Воздух на том месте, где встретились взгляды противников, казалось, раскалился добела.

— Ну же, — прошептал Ваал.

Майкл с презрением отвернулся и пошел к Вирге. Он помог профессору подняться и снова протянул ему винтовку.

— Идите рядом с Зарком, плечом к плечу, — приказал он. — Пусть один все время видит, что собирается делать другой.

— Трус, — процедил Ваал из-за его плеча. — Глупый мешок с блевотиной! Вонючая поповская подстилка!

— Теперь с вами все в порядке? — спросил Майкл у Вирги. — Вы можете идти дальше?

— Да. Думаю, что могу.

Зарк пробормотал:

— Ради всего святого, приглядывайте за ним. Я не хочу получить пулю в спину.

Вирга наконец окончательно пришел в себя и вспомнил, где он и как здесь оказался. Черный миг полного беспамятства и отчуждения миновал. Но профессор никогда еще не чувствовал себя таким усталым.

— Вы вполне уверены? — спросил Майкл.

Вирга нагнулся, набрал пригоршню снега, растер его по лицу и тут же, пока не успели смерзнуться веки, вытерся рукавом. Кожу начало жечь.

— Со мной все в порядке, — сказал Вирга, — но, Богом клянусь, со мной говорила моя жена!

— Если вы вновь услышите ее голос, вы поймете что к чему. Если бы вы убили Зарка, чего очень хотелось Ваалу, мы остались бы без проводника, и тогда прощай, море.

— Господи Иисусе, — выдохнул Зарк и покосился на Ваала. — Что ж ты за человек? — И тотчас опустил глаза, вспомнив, что говорил Майкл.

— Лучше любого из вас, — огрызнулся Ваал. — Ты воображаешь, Майкл, будто можешь остановить меня, заточить или даже убить? Ты отлично знаешь, что тебе это не под силу. Если кто-то и проиграет, это будешь ты. — Его взгляд метнулся к Зарку и Вирге. — А вы? Что тогда будете делать вы? Когда я прикончу его, вам негде будет укрыться. Послушайте меня внимательно. На всей земле не найдется уголка, чтобы вам укрыться. Я найду вас. У меня десять миллионов глаз-помощников.

Вирга задрожал. Голос Ваала прорывал тьму и жалил его.

— Я при ружье, — сказал Зарк. — Не забыл?

— Ни в коем случае. И не забуду.

— Пускай собак, Зарк, — скомандовал Майкл. — Помни, я хочу, чтобы вы шли рядом, бок о бок. Вот так, верно.

Нарты, вихляя, поехали дальше. Собаки устали, и Зарк то и дело останавливался и подкармливал их ломтиками мяса. Кусок моржатины быстро уменьшался. Майкл сунул руки в рукава, чтобы согреться, и внимательно следил за своими спутниками — все ли ладно.

— Меня не остановить, — шептал Ваал. — Я зашел слишком далеко. Я никогда еще не был так силен.

— Именно поэтому я должен остановить тебя. Еще немного, и ты победишь. Станешь сильнее меня. Могущественнее. Я понимаю это. И поэтому твое время должно кончиться.

— Предупреждаю, — очень тихо проговорил Ваал. — Берегись! Ты с самого начала возомнил, будто можешь одолеть меня. Меня, которому присягнули на верность сотни тысяч! А ведь

их будет больше. Больше. Больше. И тогда я сокрушу своих врагов и займу предназначенное мне место. Глупый ублюдок, грязный кусок дерьма, ты преступил границы!

— Свои — чтобы загнать тебя в твои пределы.

— Поздно, — сказал Ваал.

— Посмотрим.

— Будь ты проклят! — взорвался Ваал. — Прятаться за говенным крестом! Ты знаешь, что тебе не победить, и все-таки надеешься! Ты перекраиваешь грядущее.

— Нет. Я стремлюсь охранить его. Да, будут войны, засуха, голод, и хлеба обратятся в прах, а плоть иссохнет под обжигающим солнцем, но не по твоей воле. Ты уже начал истлевать. Я не позволю тебе исковеркать людские души так, что для них не останется ни искупления, ни спасения.

В глазах Ваала вспыхнули алчность и ненасытная жажда власти. Он насмешливо проговорил:

— Мой господин и я предлагаем им ненависть, и они с радостью принимают ее. Они убивают, грабят и плюют на все, что свято для вас. Становятся на нашу сторону, не на вашу. Славят наши, а не ваши имена. Они принадлежат нам, а не вам.

— Замолчи! — велел Майкл.

Ваал холодно засмеялся:

— А-а. Правда глаза колет.

Майкл даже не взглянул на него.

Ледяной простор впереди смыкался с морем.

28

Собаки проголодались. Три вдруг накинулись на четвертую, поранившую лапу об острые камни. Напрасно Зарк, бранясь на чем свет стоит, охаживал кнутом рычащий клубок тел. Летели клочья шерсти, раненого пса повалили на снег. Вожак, бессильный перед голодом, стоял в стороне, словно презирал их каннибализм. Поваленный пес не мог подняться, придавленный к земле тяжестью своры, тем не менее щелкал клыками, защи-

щая горло. Собаки, путаясь в постромках, взяли его в плотное кольцо, выжидая удобного момента. Наконец коренастый серопятнистый пес подскочил к жертве, две другие собаки — за ним, и их челюсти сомкнулись на шее бедняги.

— Черт вас подери! — заорал Зарк, ожесточенно орудуя кнутом. — Фу!

Однако голод заглушал боль. Умирающий пес заскулил.

Ваал рассмеялся.

— Закон жизни, — проговорил он.

Зарк ничего не мог поделать. Он опустил кнут и брезгливо покачал головой.

— Отличный был пес, — бормотал он. — Пес был что надо.

— Далеко еще до моря? — спросил Майкл.

Зарк пожал плечами:

— Пара часов пути. Может, больше. Если я потеряю еще хоть одну собаку, нам не добраться туда. А вернемся ли, черт его знает. Еда у нас кончилась, лампу заправить будет нечем. Придется идти в полной темноте, а это очень опасно.

Вирга снова оперся на нарты, борясь с охватившим его приступом слабости. Мороз стоял такой, что было трудно дышать, а щетина на подбородке заиндевела. Еще несколько часов назад Вирга узнал от Зарка, что на щеках у него появились первые признаки обморожения, белые пятна, и теперь ему казалось, что они разрастаются, как холодная раковая опухоль. Но что он мог поделать? Ничего! Ноги профессора, даже в теплых меховых носках и унтах, быстро немели, пальцы потеряли чувствительность еще накануне, и теперь он заставлял себя идти лишь усилием воли.

Не удалось избежать обморожения и Зарку. Белые оспины усеяли его щеки и переносицу, а борода покрылась такой толстой коркой льда, что Зарк сгибался под ее тяжестью, и казалось, будто каждый шаг прибавляет ему несколько лет. Вирга пытался втянуть охотника в беседу, чтобы не заснуть, но Зарк, по-видимому, не был расположен к разговорам и отвечал Вирге тихо и невнятно, что делало общение невозможным.

Впереди, много правее, вне желтой дорожки света фонаря, виднелись две темные фигуры, Майкл и Ваал. Они подолгу

шагали молча, потом вдруг Ваал разражался проклятиями, швыряя в лицо Майклу страшные, кощунственные слова, издеваясь над Виргой и Зарком, напоминая им, что очень скоро они будут в полной его власти, что, покончив с Майклом, он растерзает их в клочья, что, лишившись защиты, они нигде не смогут от него укрыться.

— Вирга, — внезапно окликнул Ваал, перекрывая рычание собак, — что, спотыкаешься, мешок с дерьмом? А ты знаешь, что подохнешь здесь? Думаешь, я не знаю, что ты уже заколел до полусмерти? Ответь мне, какая корысть вашему драгоценному Боженьке в том, что твое тело превратится в огромную ледышку?

— Заткнись, негодяй, — еле ворочая языком, выговорил Вирга, не зная, слышит ли его Ваал. Он повысил голос: — ЗАТКНИСЬ.

— Вирга, — снова проник сквозь разделявшую их завесу тьмы голос Ваала, — помолись своему разлюбезному Боженьке, чтобы мороз убил тебя раньше, чем я начну мстить. Иди сюда, Вирга. Иди ко мне. Я тебя согрею.

— Господи, помоги нам, — забормотал Зарк. — Давно надо было прикончить этого мерзавца.

— Зарк, — окликнул Майкл. — Помочь с упряжкой?

— Нет. Справлюсь сам. — Охотник увидел, что от загрызенного пса мало что осталось. Он взял из саней ружье, прикладом отогнал собак от трупа, нагнулся и зашвырнул подальше растерзанные останки, после чего осторожно, но спокойно принялся расправлять постромки. Одноглазый свирепый черныш-вожак повернулся к своей упряжке, готовый в любую минуту встать на защиту хозяина. Через пару минут Зарк распутал постромки. Можно было двигаться дальше.

На подходе к береговой отмели равнина вздыбилась огромными обледенелыми глыбами. Грозные, неприступные каменные громады внезапно возникали из мрака, преграждая путь, и Зарк, щадя собак, выбрал другую, более длинную, но более ровную дорогу. С моря налетел сильный ветер; он с воем заметался где-то в вышине и ударил прямо в лицо путникам. Вирга съежился, пытаясь согреться, но тщетно. Ваал угадал: он замерз до полусмерти.

Они с черепашьей скоростью пересекли широкую полосу черных исхлестанных ветром утесов, и им открылась такая картина, что у Вирги захватило дух.

Над скованным льдами горизонтом стояла огромная кровавая луна — пулевое отверстие в чернейшей плоти. Ее ослепительный алый свет, отражаясь от льда, ложился на лица закутанных в меха людей. Вокруг на многие мили расстилалась гладкая багровая земля, светлая и чужая, словно инопланетная пустыня.

Зарк бросил через плечо: «Мелвилл-Бей», — и Майкл кивнул.

Море молчало. Не было слышно ни шума волн, ни грохота разбивающихся о камни валов; толстый слой льда глушил всякие звуки. Только свирепый полярный ветер с воем проносился над заливом и, прокружив в прибрежных скалах, улетал в глубь Гренландии.

Майкл сказал:

— Я хочу отыскать место, где можно будет пробить лед.

— Что? — Зарк обернулся. — Теперь вам взбрело в голову дырявить лед? Боже!

— Толщина льда?

— Несколько метров. Лед у берега твердый как железо и только летом чуток подтаивает.

— А подальше он тоньше?

— Черт подери! — сказал Зарк. — Мы договаривались, что я отведу вас к морю. А насчет льда разговору не было.

Майкл оставил его слова без внимания.

— Надо найти очень глубокое место. Я полагаю, для этого придется пройти около километра? Или больше?

Глаза стоявшего рядом с ним Ваала превратились в горящие щелки. Он посмотрел на Майкла, на охотника, потом опять на Майкла.

— Пожалуй что так, — ответил Зарк и выругался. — С километр.

— Поможете?

Зарк хрипло рассмеялся:

— Черт подери! А у меня есть выбор? — Он что-то скомандовал собакам, перекричав ветер, и упряжка поволокла мно-

гострадальные нарты туда, где за последней россыпью береговых камней начиналась черная гладь залива.

— Что ты задумал? — поинтересовался Ваал.

Майкл промолчал.

— Разве приговоренный к смерти не имеет права знать?

Майкл смотрел на алый горизонт. Луна висела над ним, как замерзшее солнце.

— Сволочь, — едва слышно сказал Ваал. — Берегись! Скоро уже нельзя будет повернуть назад. Отпусти меня, пока не поздно. — Он подождал ответа. Майкл, казалось, не слушал его. — Ты, должно быть, очень рвешься погибнуть, — продолжал Ваал, — но зачем? Какой в этом смысл? Ты пылью рассеешься среди звезд — ради чего? Посмотри на этих двоих. Посмотри! Великолепные образчики того, что ты хочешь спасти. Слабые, ничтожные, жалкие комки грязи, не более. Один уже ходячий мертвец, да и второму недолго осталось.

Майкл медленно повернул голову:

— Ты не можешь спастись?

Ваал скривил губы в пародии на усмешку. Он вдруг подался вперед. На губах у него блестела слюна.

— А кто спасет тебя, Майкл?

Ветер с воем ударил им в лицо. Вирга с трудом преодолевал его напор. Суша осталась позади, и собаки забеспокоились. Кнут Зарка без передышки щелкал над их головами; вожак, рыча и огрызаясь, гнал упряжку вперед.

Под ногами путников был коварный, предательский лед, гладкостью превосходивший самое гладкое стекло, пронизанный белыми, синими и темно-зелеными прожилками. Вирге, который одной рукой держался за нарты, чтобы не упасть, передавалась через подошвы торбасов слабая дрожь — это море ворочалось у них под ногами, перекатывало волны под толщей льда. Вирга поразился его глубине, его ярости, и вдруг испугался, что, ступив где-нибудь на тонкий лед, провалится в ледяную воду и мгновенно замерзнет. Он неуверенно переставлял трясущиеся ноги. Иди же, твердил он себе. Иди. Шаг. Еще один. Еще. Еще...

Зарк, шагавший с другой стороны от саней, каждые несколько минут останавливал упряжку, опускался на колени и с помощью топорика проверял толщину льда. Выпрямившись, он делал знак двигаться дальше, а через несколько ярдов все повторялось.

Ваал, отгороженный от остальных Майклом, вдруг издал пронзительный вопль, эхо которого, подхваченное ветром, закружилось у Вирги над головой. Вопль делался все оглушительнее, и профессор съежился — такая нечеловеческая ярость слышалась в этом протяжном вое, сотрясавшем даже далекие ледовые горы впереди. Собаки закрутились на месте, заскулили.

Ваал глухо прорычал:

— Я убью вас, всех. Медленно, очень медленно, невероятно медленно. Вы станете молить о смерти, но она будет на моей стороне. Я обещаю вам века страданий.

Зарк встал с ледорубом в опущенной руке.

— Дальше я не пойду, — объявил он. — Лед здесь тонкий. Дальше нарты не пройдут.

Майкл подошел к охотнику, взял у него ледоруб и присел возле нарт. Несколько секунд он долбил лед, потом поднялся.

— Здесь глубоко?

— Черт подери, откуда я знаю! Довольно-таки глубоко.

— А дальше мы не можем пройти?

— Нет. Слишком опасно.

Майкл повернулся и стал разглядывать завернутый в холстину ящик, привязанный к нартам Зарка. Потом покорно вернул ледоруб охотнику и сказал:

— Прорубь должна быть достаточно широкой, чтобы в нее прошло содержимое этого ящика. Начинайте, а я закончу.

Зарк мотнул головой в сторону свертка:

— А что это за штука?

Майкл молча подошел к саням и стал возиться с веревками, время от времени поглядывая на Ваала. Зарк с Виргой помогли ему распутать веревки. Вирга, тяжело дыша, отступил в сторону, и Зарк ледорубом вспорол холстину. Отделив большой лоскут, охотник лихорадочно принялся отрывать доски. Майкл помогал. Вскоре показалось что-то большое, продолговатое.

Гроб.

Впрочем, не гроб, а скорее просто вместилище — темное, аскетически строгое, обшитое металлом. Ни вензелей, ни резных завитушек, ни орнамента — темная громада, созданная для того, чтобы заточить в ней страшную, яростную силу.

Смех Ваала резанул их по сердцу. Он ухмыльнулся, облизнул губы.

— Ты морочишь мне голову, Майкл.

— Нет, — ответил тот. — Если я уничтожу тебя, то и сам погибну. И останутся твои ученики, демоны в людском обличье, разносчики твоей заразы. Я опущу тебя на дно моря, скованного льдом. Твоя страшная душа не сможет вырваться из этого плена, не сможет вновь возродиться в семени Сатаны. Никто не найдет тебя, никто не освободит.

Изо рта Ваала, как из пасти разъяренного зверя, потекла слюна.

— Ничто не может удержать меня, глупец!

— Это — может, — заверил Майкл. — И удержит. — Он снял рукавицу, положил правую руку на гроб, сжал пальцы и очень медленно провел по крышке. По спине у Вирги побежали мурашки. Зарк, выпучив глаза, неслышно чертыхнулся.

Рука Майкла оставляла на металле голубоватый светящийся след, который словно бы вплавлялся в металл. Он был таким ярким, что Вирга загородил глаза и попятился. Рука Майкла чертила вдоль крышки гроба широкую прямую линию. Закончив, Майкл вернулся к середине прямой и перечеркнул ее второй, короткой, линией. На крышке гроба запульсировало голубоватым светом распятие, начерченное силой внутренней энергии Майкла.

Ваал, звякнув наручниками, закрыл лицо руками и прорычал сквозь стиснутые зубы:

— Сукин сын! Ублюдок! Я убью тебя!

Но что-то было не так: у Ваала хитро поблескивали глаза. Майкл опустил руку, медленно повернулся и, прищурившись, посмотрел на него.

Ваал попятился от сияющего голубого распятия.

— Это вам даром не пройдет! — закричал он. — Я убью вас всех!

— Господи, смилуйся над нами, грешными! — прошептал Зарк. Голубоватый свет омывал его усталое, осунувшееся лицо с темными кругами под глазами. — Господи помилуй, ты не человек!

Майкл взял из рук Зарка ледоруб. Он нагнулся и принялся с чудовищной силой долбить лед. Ваал все это время то громко, то тихо цедил сквозь зубы проклятия.

Во все стороны летели куски льда. Глядя на Майкла, Вирга почувствовал, как в душе закопошился новый страх — страх, что совсем рядом находится нечто столь ужасное и непостижимое. В голове у него вертелось единственное возможное объяснение тому, что связывало Майкла и Ваала. Ответ на этот вопрос — светящееся голубое распятие, начертанное бренной рукой на металле, — горел на крышке гроба. Вирге хотелось так много спросить, так много узнать, а времени оставалось так мало. На один ужасный миг профессору показалось, что, придя в этот край бесплодных ледяных равнин, он очутился на грани безумия.

Ледоруб поднимался и опускался, поднимался и опускался. Ошеломленный Зарк стоял, разинув рот, но не издавал ни звука. Ваал стоял в стороне. Но на ничтожную долю секунды его глаза вдруг ярко вспыхнули, точно красные угли.

Майкл, осыпанный солеными брызгами — в проделанной им широкой проруби кипела черная бездонная вода, — поднялся и выпрямился во весь рост. Он отодвинул щеколды, удерживавшие крышку гроба, и поднял ее. Внутри был тот же голый металл. Майкл взглянул на Ваала.

— Иди сюда, — приказал он.

Ваал прорычал:

— Сволочь!

— Иди сюда! — Зарк с Виргой вздрогнули. Голос Майкла прогремел как гром или пушечный выстрел, и над заливом раскатилось мощное эхо.

Казалось, даже Ваал задрожал. Но он по-прежнему отказывался повиноваться.

И вдруг глаза Майкла начали меняться: из карих они стали ореховыми, из ореховых — золотыми с ореховыми крапинками. В следующий миг — Вирга только и успел, что судорожно вздохнуть, — в глазах Майкла забурлило чистое золото, яростное и обжигающее. Зарк вскрикнул, закрыл лицо локтем и, шатаясь, попятился к перепуганным псам. У Вирги подкосились ноги. В висках застучало.

— Иди сюда! — повторил Майкл.

Ваал, не отнимая рук от лица, взревел как раненый зверь и в смятении отступил на шаг.

Майкл очутился рядом с ним, рванул цепочку наручников и швырнул Ваала на снег. Ваал застонал от боли и пополз к нартам.

— Ползи, — проговорил Майкл. — Ползи в свою могилу, порождение мерзости. Ползи!

Шипя и бранясь, Ваал с трудом поднялся, но Майкл вновь сбил его с ног.

— Данной мне властью я заставлю тебя пресмыкаться на чреве своем, как ты заставлял других, невинных и слабых. Мне противна слепая грубая сила, что живет в тебе и твоем хозяине. Ты убивал и жег, громил и насиловал...

Ваал попытался схватить Майкла, но тот отбросил его руку.

— ...нападал на слабых, неразумных, беспомощных. И никогда — на сильных. — Майкл сверкнул глазами. — Волею Иеговы твоя черная душа будет заключена в вечности. — Открытый гроб был уже совсем рядом. Майкл поймал Ваала за цепочку наручников и заставил подняться. Глаза Ваала горели свирепым красным огнем. Зарк снова вскрикнул, а Вирга закрыл лицо руками.

Майкл хлестнул Ваала по щеке, и тот рухнул в гроб.

Ваал хрипло зашептал:

— Мой господин еще победит. На Мегиддонской равнине. Милый погибший Мегиддон! — Майкл захлопнул крышку и тщательно запер щеколды. Казалось, противоборство с Ваалом отняло у него все силы. Синеватое сияние осветило темные круги у него под глазами. Знаком подзывая на помощь своих спутников, Майкл покачнулся.

Они втроем что было сил налегли на гроб. Чрезвычайно медленно, дюйм за дюймом гроб выполз за край полыньи и накренился над морем. Наконец скрежет металла по льду прекратился, гроб выскользнул у них из рук и ушел в черную воду. Некоторое время они еще видели распятие: оно становилось все меньше, и наконец утроба Мелвилл-Бей поглотила его.

— Кончено, — невыразительно пробормотал Майкл. Он провел рукой по лицу. — Я устал. Как же я устал.

— Его больше нет, — прошептал Вирга. — Слава Богу.

Зарк заглядывал в прорубь, словно усомнившись, что видел все это наяву.

— Кто это был? — слабым, безжизненным голосом спросил он.

— Тот, кто никогда не умирает, — ответил Майкл, — а только ждет.

Зарк поглядел на Майкла. Его обледенелая борода красновато поблескивала под луной. Он с трудом отошел и припялся за собак, проверяя, все ли в порядке с постромками.

— Пора возвращаться, — сказал он через некоторое время. — Путешествие вышло долгое.

— Да, — согласился Майкл. — Очень долгое.

Зарк щелкнул кнутом, и собаки, все еще испуганные, зашевелились. Нарты медленно двинулись вперед. Вирга засунул руки в недра своей дохи, чтобы согреться, и побрел следом.

Глаза Майкла снова вспыхнули. Он повернулся к проруби, в которой бурлила темная вода.

Собаки вдруг остановились, налетая друг на друга и запутывая постромки. Огромный одноглазый вожак в страхе завыл.

Вирга оглянулся, глотая обжигающе-холодный воздух. Что это было? Какой-то звук-звук-звук. Что это было? Рядом с ним неподвижно застыл Зарк, сжимая кулаки, так что побелели суставы.

Звук повторился.

Взрывной треск ломающегося льда. Льда в фут толщиной.

Трещина, появившаяся у края полыньи, росла, расширялась, ветвилась, голубоватыми и зелеными жилками резала ледяную равнину, превращая ее в подобие головоломки, картин-

ки-загадки. Справа, слева, впереди, позади путников пролегли трещины.

Море всколыхнулось. Повалил призрачно-белый пар. Взбесившаяся черная фурия, Мелвилл-Бей, затопил края полыньи и плескался у людей под ногами. Даже сквозь толстый слой льда Вирга почувствовал ярость моря. Он с трудом сохранял равновесие — подо льдом, грозя взломать его и вырваться на волю, билась могучая сила.

— Это еще что за черт? — крикнул Зарк, хватаясь за нарты и широко расставив ноги, чтобы не упасть.

Но Майкл не пожелал или не смог ответить.

Огромная толща льда с ужасающим треском раскололась, и из воды вылетел гроб с оторванной крышкой. Он подпрыгнул на льду раз, другой, повалился набок, заполнился водой и вновь ушел на дно.

И тогда лед у них под ногами вскрылся.

Воздух наполнился стоном и скрежетом: под напором моря вверх поднимались огромные ледяные глыбы. Черные волны вырвались на волю. Трещины превратились в щели, щели в расселины, расселины в пропасти. Люди отчаянно старались удержаться на ходивших ходуном льдинах, вокруг которых бушевал океан. Вирга беспомощно взмахнул руками, покачнулся и упал на колени. Ружье соскользнуло с его плеча и, вертясь, поехало по льду. Вирга потянулся за ним и увидел, как ружье исчезло в одной из трещин. Майкл неподвижно стоял на широкой льдине, сжав кулаки. Вдруг Зарк, цеплявшийся за нарты, издал нечленораздельный протяжный вопль.

Сначала они увидели пальцы.

Они показались из воды там, где только что исчез гроб, — голые скрюченные пальцы, цепляющиеся за лед.

За пальцами показались руки. За руками — плечи и темя. А потом Вирга, так и не вставши с колен, увидел лицо Ваала, вынырнувшее на поверхность, увидел две красные луны, отраженные в его глазах, увидел растянутый в широкой мстительной ухмылке рот.

И Вирга понял. Он услышал, как вскрикнул Майкл, и понял. И познал первые мгновения смерти.

Майкл опоздал. Сила Ваала удвоилась, утроилась; теперь и Крест не мог одолеть его. Он позволил привести себя сюда, зная, что им некуда будет деться. Здесь он был Мессия, а они — неверные.

Ваал, от которого валил густой пар, выбрался на лед.

Зарк вдруг упал. Лед вокруг него со страшным треском раскололся, покрывшись огромными трещинами. Собаки, натягивая постромки, рвались прочь от опасного места. Нарты перевернулись, рассыпая снаряжение, и почти все оно, в том числе и ружье Зарка, крутясь, промчалось мимо Ваала в море.

Ваал открыл рот и испустил тонкий пронзительный вопль, от которого у Вирги чуть не лопнули барабанные перепонки. Профессор зажал руками уши и съежился.

Одноглазый черныш, оказавшийся неподалеку от Ваала, прыгнул ему на горло, но постромки не дали ему добраться до цели, и его челюсти щелкнули в пустоте. Ваал же, разевая рот в страшном боевом кличе, схватил пса за шею и сдавил обеими руками. Собака дергалась и царапалась. Вирга почувствовал запах гари. Одноглазый пес вспыхнул вдруг ярким пламенем. Послышался короткий предсмертный визг, и Ваал выпустил из рук огненный комок. Собаки, лишившись вожака, в ужасе кинулись бежать, волоча за собой перевернутые нарты. Лед под ними расступился, и увлекаемая тяжестью нарт упряжка с воем провалилась в трещину.

В тот же миг кто-то огромный, неуклюжий бросился на Ваала. Ваал отшатнулся, блестя глазами. Кулаком, от которого валил пар, он ударил Зарка — но тот увернулся.

Майкл устремился к Ваалу, перепрыгивая с льдины на льдину.

Зарк ударил Ваала в лицо. Звук был такой, словно он бил не кулаком, а ледорубом. Ваал покачнулся и отступил на два шага, но тут же опомнился, подныряул под руку Зарка, наносящую второй удар, и вцепился охотнику в горло. Он легко оторвал Зарка от земли, поднял, вытянул руку вперед. Зарк закричал, умоляюще глядя на Виргу, а потом доха охотника занялась. Огонь перекинулся на волосы. Потом Зарк превратился в сгусток желтого пламени, и дым, поваливший от обугливающейся

плоти, смешался с паром, поднимавшимся от тела Ваала. Но Майкл был уже совсем рядом, и Ваал с беззаботностью малыша, увидевшего новую игрушку, отбросил тело охотника в сторону. Скрипя зубами, он повернулся к своему врагу.

Они бросились друг на друга. Захрустели кости. Майкл ударил Ваала локтем в подбородок и отшвырнул в глубь ходившей ходуном ледяной равнины, но когда попытался еще раз приблизиться к нему, колено Ваала вонзилось ему в живот. Ваал тотчас огрел Майкла по темени, да так сильно, что Вирга, скорчившийся на снегу в нескольких ярдах от дерущихся, услышал звук удара. Майкл упал на четвереньки и получил пинок в лицо. Оглушенный, он замотал головой, а Вирга в смятении увидел, как скрюченные пальцы Ваала протянулись к горлу Майкла.

Глаза Вирге застлала красная пелена.

Не стой сложа руки!

Он не смог сдвинуться с места.

Старик! Жалкий ничтожный старик! Вперед!

Он наконец поднялся, мучительно медленно. Все его тело бурно протестовало. Вирга поискал какое-нибудь оружие. Что-нибудь, зазубренный кусок льда, что угодно. Господи, беззвучно завизжал он, помоги мне, помоги-помоги-помоги! У него за спиной руки Ваала обожгли Майклу горло. Майкл слабо сопротивлялся. В глазах его читались растерянность и крушение надежд.

И тут Вирга заметил ракетницу и заряды, рассыпавшиеся, когда парты перевернулись. Они лежали довольно далеко, чтобы добраться до них, нужно было миновать Ваала. Выбора у Вирги не было. Он вскочил, пригибаясь, чтобы лучше сохранять равновесие, и побежал к двум фигурам, видневшимся впереди.

Ваал резко вскинул голову.

Его глаза вспыхнули. Он посмотрел туда, где лежала ракетница, и Вирга понял, что Ваал сообразил, что он намерен предпринять. Ваал выпустил Майкла и, круто обернувшись, простер руки к Вирге, чтобы уничтожить его, как уничтожил Зарка.

В последний миг, в нескольких дюймах от пальцев Ваала, Вирга упал на живот и проскользнул под рукой двуногой тва-

ри, навстречу вихрю ледяной крошки, здоровой рукой нашаривая ракетницу. Он нащупал ее и, схватив патрон, перекатился на спину, чтобы предупредить возможную атаку с тыла.

Но Ваал с оскаленными зубами, с глазами как два бездонных колодца разрушительной энергии был уже совсем рядом. От его покрасневших пальцев валил пар.

Вирга в отчаянии ударил ракетницей по льду, чтобы открыть затвор.

Ваал потянулся к нему.

Вирга вставил патрон.

Ваал зарычал и простер к Вирге руки.

Вирга обернулся, держа палец на спусковом крючке, и в нескольких дюймах от себя увидел кончики пальцев Ваала. В горле Ваала клокотал хищный крик.

И Вирга выстрелил Ваалу в лицо. В упор.

Ракета взорвалась мириадами красных и желтых искр, осыпавших лицо и волосы Ваала. Его одежда занялась. Он возвышался над Виргой, раскинув руки — человек-огонь, — и ухмылялся.

Изрыгая пламя обугленными губами, он зычно заревел, предвкушая последующие события. И по-прежнему тянулся к горлу Вирги. Зная, что не успеет перезарядить ракетницу, Вирга открыл рот, чтобы закричать от бессилия...

...но слева от Ваала что-то мелькнуло, и чьи-то пальцы впились ему в горло — Майкл пришел в себя. Они боролись молча, как звери, молча покачивались, переступая по истерзанному льду, и Ваал ухватил Майкла за шею.

Между противниками сверкнуло что-то вроде молнии, бело-голубое. Майкла и Ваала, поглощенных яростной схваткой, очертило по контуру таинственное сияние, разгоравшееся все ярче. Оно пульсировало, пульсировало, пульсировало, точно огромное сердце.

А потом раздался такой грохот, что Вирга подумал: настал конец света.

Взрывная волна подхватила Виргу и отнесла на тридцать с лишним ярдов по льду. Он тщетно хватался за какие-то осколки. В ушах у него гудело эхо взрыва, море обрушивало на про-

фессора волну за волной. Он цеплялся за лед, пока не исцарапал в кровь пальцы. Вокруг не было ничего, кроме белизны плавающего льда и черноты поднимающейся воды. Грохот взрыва не утихал, он отразился от дальнего берега и вернулся с новой силой. Вирга закричал. Вокруг градом сыпались на снег большие куски льда, подброшенные взрывом в небо. Под их ударами профессор отчаянно старался не потерять сознание.

Грохот медленно затих вдали. Море вернулось в свои берега. На огромном пространстве вскрывшегося залива со стоном и скрипом сталкивались льдины. Потом стихло все, кроме воя ветра в вышине и вздохов бурлящего подо льдом моря.

Через некоторое время Вирга, мокрый и замерзший, с трудом поднялся на ноги. Лед был взломан до самого горизонта. Повсюду зияли пробоины с рваными краями. Самая большая, в эпицентре взрыва, была полностью свободна от льда. Вирга нащупал омертвевшими пальцами ожоги на лице и вдруг, ни с того ни с сего развеселившись, понял, что лишился бровей и отросшей за время их путешествия щетины на подбородке. Трупов не было. За мгновение до взрыва Вирге показалось, что он увидел, как Ваал с Майклом попросту исчезли. Тело Зарка, вероятно, взрывом унесло в залив. Не важно, подумал Вирга, дрожа от пронизывающего холода, вскоре и я умру.

Он лег на спину, закрыл глаза и стал ждать. Говорят, замерзнуть — все равно что уснуть, только перед самой смертью становится очень тепло? Возможно. Его медленно окутывало забытье. Оставалось так много незаданных вопросов. Теперь он надеялся очень скоро получить на них ответы. Ветер свистел у него над ухом. Вирга с нетерпением ждал первых признаков смерти.

Ученики Ваала.

Вирга ждал. У него еще оставались последние крохи сил. Кто-то зашептал у него над ухом, но он не узнавал этот голос.

Ученики Ваала.

Это еще не все, сказал себе Вирга. С Ваалом покончено, но остаются его ученики, демоны в людском обличье, распространяющие заразу насилия, жестокости, кощунства и войны. Они надеются отнять у человека разум, лишить его способности

мыслить и таким образом лишить его последнего шанса. С Ваалом покончено, но они остаются.

Что-то опалило его сознание. Перед глазами Вирги замелькали сцены убийств, разборки уличных банд, реактивные истребители, с воем проносящиеся над равнинами, где бились армии, высокие атомные грибы, обгорелые тела, рев ветра в разрушенных городах. Очень медленно профессор стал подниматься из теплых глубин к холодному краю обрыва под названием Жизнь. Он наконец услышал сквозь визг ветра какой-то шум. Что-то нависло над ним. Фох-фох-фох-фох-фох-фох.

Он открыл глаза, и они наполнились слезами.

Вертолет. На сером металлическом подбрюшье был нарисован датский флаг. Из открытого грузового люка высовывались двое в дохах. Они смотрели на Виргу. Один из них поднес к губам мегафон и что-то сказал по-датски.

Не дождавшись от Вирги ни знака, ни ответа, человек заговорил по-английски:

— Это ледовый патруль. Дайте нам знак, поднимите руку. Мы опустим спасательный трос.

Вирга заморгал, но не шелохнулся. Он чувствовал себя старым, никому не нужным, выжатым как лимон и выброшенным за ненадобностью. Он боялся, что не сумеет сдвинуться с места. Но едва Вирга понял, чего боится, он понял также, что ему ужасно хочется дать сигнал. Ему хотелось цепляться за жизнь.

Кто-то над самым его ухом прошептал:

— Ученики Ваала.

И Вирга поднял руку.

Неисповедимый Путь

ПРОЛОГ

а, — наконец произнесла женщина, поднимая голову и опираясь на подлокотник кресла-качалки вишневого дерева. Все время, пока двое костлявых мужчин, одетых в залатанные накидки и стоптанные рабочие башмаки, говорили, она глядела на пламя в камине. Ее глубоко посаженные газельи глаза излучали глубокую внутреннюю силу. Рамона Крикмор была на четверть индианкой. Об этом свидетельствовали ее острые высокие скулы и взгляд — спокойный, как лесное озеро в полночь.

Когда она начала говорить, Джон Крикмор, сидевший в противоположном углу комнаты, беспокойно заерзал на стуле. Он не встревал в разговор, не желая оказаться причастным к происходящему. Он держал на коленях потрепанную Библию, смотрел на огонь и думал о сжимающихся вокруг него кольцах Ада. Вытянутое, худое, обветренное, покрытое морщинами лицо Джона Крикмора напоминало поверхность тонкого осеннего льда. Густые курчавые волосы имели рыжевато-коричневый оттенок, а глаза были голубыми. Рамона часто повторяла, что видит в них голубое небо, когда он весел, облака, когда он сердит, и дождь, когда он печален. Если бы она внимательно присмотрелась к его глазам сейчас, то увидела бы надвигающийся шторм.

Мужчины стояли неподвижно, прислонясь к стене по обе стороны камина, и напоминали два одетых в голубые джинсы

держателя для книг. Джон положил ладони на Библию и уставился в затылок жены.

— Да, — тихо повторила Рамона. — Я пойду.

— Нет, она никуда не пойдет! — резко сказал Джон.

Мужчины взглянули на него и снова замерли в ожидании. Это разозлило Джона, и он продолжил:

— Вы двое приехали сюда попусту! Я сожалею, что день сегодня неважный и тому подобное. Я знаю, почему вы здесь, и знаю, почему вы думаете, что Рамона может вам помочь, но мы сыты по горло! Все осталось в прошлом, и мы оба стараемся забыть об этом.

Джон поднялся со стула, сжимая в руках Библию. В нем было добрых шесть футов, а широкие плечи распирали фланелевую рубашку.

— Моя жена не может вам помочь. Неужели вы не видите, что она беременна?

Рамона осторожно погладила свой живот. Иногда она чувствовала, как ребенок бьет ножкой, но сейчас он — да, это обязательно будет мальчик — лежал спокойно, как будто показывая свои хорошие манеры незваным гостям. Но Рамона чувствовала, как в глубине ее, напоминая мягкое трепетание пытающейся взлететь птицы, бьется его сердечко.

— Мистер Крикмор, — тихо произнес мужчина с бородой Санта Клауса — Стентон. Он был настолько бледен и худ, что Джону показалось, будто он очень долго питался супом из своих старых ботинок. — Мы не можем оставить все как есть, неужели вы не понимаете? — Его лицо исказилось, словно от боли. — Боже мой, мы просто не можем!

— В моем доме не произносят имя Божье всуе! — прогремел Джон. Он сделал шаг вперед, поднимая Библию, как оружие. — Если бы люди в Чипене помнили о Святом Слове, тогда, возможно, и не случилось бы этой беды! Может быть, Господь таким образом дает вам понять, что вы согрешили. Может быть, это значит...

— Это не выход, — устало произнес Захария, второй мужчина. Он повернулся к огню и подтолкнул ногой выпавший из камина кусочек полена. — Бог свидетель, мы не хотели приез-

жать сюда. Но... нам пришлось. Люди знают о вашей жене, мистер Крикмор. О, не все, разумеется, а некоторые. Те, кто в ней нуждался. А теперь... — Захария взглянул прямо в глаза Рамоны, — в ней нуждаемся мы.

— Но вы не имеете на это никакого права!

— Да, может быть, — кивнул Захария. — Но мы пришли, попросили и теперь ждем ответа.

— Ну что ж, я отвечу. — Джон поднял Библию еще выше, и на ее кожаном переплете блеснуло отражение огня. — Вам нужно ЭТО, а не моя жена.

— Мистер Крикмор, — сказал Захария, — вы не поняли. Я — чиненский священник.

У Джона отвисла челюсть. Кровь отхлынула от его лица, а Библия медленно опустилась вниз.

— Священник? — эхом откликнулся он. — И вы... вы тоже видели эту штуку?

— Да, — сказал Стентон и хмуро уставился на огонь. — О да, я ее видел. Не очень ясно и недостаточно близко... но видел.

Последовала долгая пауза, лишь поленья потрескивали в камине, да ноябрьский ветер тихо напевал на крыше. Рамона, скрестив руки на животе, качалась в кресле и смотрела на Джона.

— Поймите меня, — произнес священник. — Мы не хотели приезжать сюда. Но это... это нечестно — не пытаться сделать хоть что-нибудь. Я сделал все что мог, а смог я, как выяснилось, очень мало. Есть люди, которые знают о вашей жене. Благодаря им и мы узнали о ней. Я молил Бога об этом, хотя и не понимаю этого, однако мы пришли сюда и попросили. Вам понятно, мистер Крикмор?

Джон вздохнул, стиснул челюсти и снова уселся на стул.

— Нет. Совершенно непонятно.

Теперь его внимание было приковано к жене. Что она скажет? Библия холодила ему руки, как металлический щит.

— Такого не может быть, — сказал он. — Никогда не бывало. И никогда не будет.

Рамона слегка повернула голову, и ее профиль четко высветился на фоне огня. Просители ждут, они проделали долгий путь и теперь должны получить ответ.

— Пожалуйста, оставьте нас на пару минут вдвоем, — обратилась она к священнику.

— Конечно, мэм. Мы выйдем и подождем в грузовике.

Мужчины вышли наружу в сгущающиеся сумерки. В открытую дверь ворвался холодный ветер, и языки пламени неистово затрещали.

Рамона некоторое время молча раскачивалась в кресле, ожидая, что муж заговорит первым.

— Ну? Что дальше? — спросил Джон.

— Мне надо ехать.

Джон испустил долгий вздох.

— Я думал, все кончено, — произнес он. — Я думал, ты больше не можешь... делать такие вещи.

— Я никогда ничего подобного не говорила. Никогда.

— Это грешно, Рамона. Тебе грозит Ад. Ты понимаешь это?

— Чей Ад, Джон? Твой? Я не верю в Ад, находящийся в центре земли, и чертей, бегающих с вилами и сковородками. Ад находится прямо здесь, на земле, Джон, и люди могут попасть туда, даже не подозревая об этом, а назад им уже не выбраться...

— Прекрати!

Джон вскочил со стула и быстро подошел к камину. Рамона перехватила его руку и прижала ее к своей теплой щеке.

— Неужели ты не понимаешь, что я стараюсь делать все возможное? — мягко спросила она дрожащим голосом. — Так устроен мир: нужно стараться делать все возможное, все, что в твоих силах...

Неожиданно Джон опустился на колени и поцеловал ее руки. Рамона почувствовала, что он плачет.

— Я люблю тебя! Бог свидетель, как я люблю тебя и ребенка, которого ты скоро родишь. Но я не могу сказать «да» всему этому. Просто... не могу... — Его голос сорвался. Он высвободил руку и встал, повернувшись лицом к огню. — Это грешно, это нечестиво, вот все, что я знаю. И если ты настаиваешь, Бог

тебе судья. — Джон вздрогнул, услышав, что Рамона поднялась с кресла.

Она тихонько коснулась его плеча, но он не обернулся.

— Это не мой выбор, — произнесла Рамона. — Но я такой родилась. И буду нести свой крест.

Она вышла в маленькую спальню, где сквозняки просачивались сквозь мельчайшие щели в сосновых стенах. Прямо над изголовьем кровати висела прекрасно выполненная вышивка, на которой был изображен пламенеющий красными и оранжевыми красками осенний лес — вид с передней террасы дома. Возле комода из кленового дерева, свадебного подарка матери, — календарь на 1951 год. Первые пятнадцать дней ноября были вычеркнуты.

Рамона — ее живот казался просто огромным! — приложила немало усилий, чтобы влезть в джинсы и тяжелый коричневый свитер. Затем она надела толстые коричневые носки, мокасины и обвязала вокруг головы бледно-розовый шарф. После долгого бабьего лета погода словно сорвалась с цепи, и дождевые облака наползали с севера. Холодный ноябрь — большая редкость в Алабаме, но нынешний месяц напоминал неуклюжего серого медведя в шубе из ледяного дождя. Сражаясь со своим стареньким пальто из шотландки, Рамона заметила, что Джон стоит на пороге спальни. Он строгал перочинным ножом деревяшку, но когда Рамона поинтересовалась, не желает ли он составить ей компанию, повернулся и снова уселся на свой стул. «Нет, конечно же, нет», — подумала она. Ей придется действовать, как всегда, одной.

Стентон и Захария терпеливо ждали в своем стареньком зеленом «форде»-пикапе. Пробираясь под порывами ветра к грузовичку, Рамона заметила, что большая часть увядших коричневых листьев на ясенях и вязах, окружающих маленькую ферму, подобно цепким сморщенным летучим мышам, крепко держится за свои ветви. Это значило, что зима будет суровой.

Захария открыл дверь и протянул ей руку.

— Теперь я готова, — кивнула она.

Когда машина двинулась по грязной узкой проселочной дороге, прорезающей сосновый бор и соединяющейся с шоссе

№ 35 округа Файет, Рамона оглянулась и мельком увидела застывшего у окна Джона. Ее сердце защемило от грусти, и она быстро отвернулась.

Грузовик выехал на шоссе и свернул на север, прочь от серого скопления ферм и домов, составляющих город Готорн. Впереди всего в пятнадцати милях лежал шумный город Файет с населением чуть больше трех тысяч человек, а еще в пятидесяти милях, на северо-востоке, находился Чипен — унылый городишко немного больше Готорна.

По дороге Захария изложил Рамоне суть дела. Это произошло почти два года назад, когда фермер по имени Джо Ролингз ехал со своей женой Кесс в танцевальный клуб к северу от Чипена. Он был хороший христианин, объяснил Захария, и никто не понял, почему или как это произошло... и почему это продолжает происходить. Грузовик Ролингза по какой-то причине съехал с дороги и на скорости сорок пять миль в час врезался в дуб Палач. «Это не так уж и удивительно, — сказал Захария, — ночью шел дождь, и шоссе стало скользким. Кроме них, на повороте у Палача погибло еще четыре человека». Несчастные случаи происходят там постоянно. Спустя пару месяцев после гибели Ролингзов проезжавшие мимо ребята видели ЭТО. Конный полицейский — тоже. Потом список пополнил старик Уолтерс, а затем — и что хуже всего — Тесса, сестра Кесс Ролингз. Именно Тесса попросила помощи у священника.

Миля бежала за милей. Начала сгущаться темнота. Они проезжали мимо брошенных бензозаправок и пустых домов, утонувших в зарослях вьющейся лозы кадзу. Тонкие вечнозеленые растения качались на фоне неба под ледяными струями дождя. Стентон включил фары, одна из которых горела вполнакала.

— Не возражаете, если мы включим музыку? — спросил он нервно дрожащим голосом и, поскольку вопрос остался без ответа, включил дешевый «Филко», из которого Хэнк Вильямс запел о цепях вокруг его сердца. Порывы ветра то старались выдавить ветровое стекло, то толкали грузовик вперед, срывая сухие листья с придорожных деревьев и кружа их в бешеном танце.

Стентон покрутил верньер, скосив один глаз на змеящуюся впереди дорогу. Далекие голоса и музыка прерывались шорохом статических разрядов. Затем из слабенького динамика загудел солидный, внушительный голос:

— Вы не можете одурачить Иисуса, ближние мои! И вы не можете солгать Иисусу!

Последовала пауза, и голос заструился снова. Рамоне он напоминал хорошо обработанное дерево, но иногда в нем проскальзывали маслянистые потки.

— Вы не должны давать обещания, которые не можете сдержать, ближние мои, ибо на Небесах имеются списки, в кои заносятся ваши имена! И если вы нарветесь на неприятности и скажете: «И-и-и-исус, вытащи меня отсюда, и я положу пять долларов на поднос в следующее воскресенье», — а затем забудете про свое обещание, то... БЕРЕГИТЕСЬ! Да, берегитесь, ибо Иисус ничего не забывает!

— Джимми Джед Фалькопер, — пояснил Захария. — Трансляция из Файета. Мощная проповедь.

— Однажды я слушал его проповедь в Тускалузе, — вставил Стентон. — Он собрал аудиторию размером с футбольное поле.

Рамона закрыла глаза и скрестила руки на животе. Слова проповедника вызывали у нее легкое беспокойство. Она попыталась сосредоточиться на том, что ей предстоит сделать, но голос Фалькопера снова и снова перебивал и путал ее мысли.

Через полчаса они проехали через центр Чипена, чрезвычайно похожего на Готорн: не знаешь — спутаешь. Затем свернули на темную узкую дорогу, обрамленную по обочинам кустарником, скелетами деревьев и редкими, лежащими в руинах домами. Рамона заметила, что Стентон судорожно вцепился в руль, и поняла, что они почти на месте.

— Это прямо по ходу. — Священник подался вперед и выключил радио.

Грузовик вписался в поворот и замедлил ход. Рамона неожиданно почувствовала, что ребенок внутри нее шевельнулся, затем утих. Фары машины выхватили из темноты огромный

сучковатый дуб. Его ветви, похожие на зовущие руки, тянулись к дороге. Рамона заметила шрамы на массивном стволе дерева и уродливый деревянный пузырчатый нарост, выросший по соседству с глубокой раной.

Стентон съехал на обочину, выключил двигатель и потушил фары.

— Ну, — произнес он и продолжил, прочистив горло, — вот здесь это случается.

Захария глубоко вздохнул. Затем открыл дверцу пикапа, вышел наружу и придержал ее, помогая выйти Рамоне. Она осторожно вылезла из машины на пронизывающий жесткий ветер, который задувал за воротник ее пальто, стараясь распахнуть его. Рамона поплотнее запахнулась, чувствуя, что ветер может опрокинуть ее и, как сухой лист, унести в темноту. Несколько мертвых деревьев неподалеку покачивались взад-вперед, как церковный хор. Женщина направилась к смутно вырисовывающемуся Палачу, раздвигая высокую траву и шелестя упавшими листьями. Стентон и Захария стояли у грузовика, глядя на нее и дрожа.

Не доходя десяти футов до Палача, Рамона внезапно остановилась и перевела дыхание. Она чувствовала присутствие чего-то холодного, в сотни раз холоднее ветра. Оно было тяжелое, темное и очень старое.

— Оно на дереве, — услышала она свой голос.

— Что? — откликнулся Захария.

— Дерево, — произнесла Рамона шепотом. Она приблизилась к Палачу и почувствовала, как ее кожа покрывается мурашками, которые то появлялись, то исчезали, волосы потрескивали от статического электричества. Она знала, что здесь кроется опасность — да, да, здесь затаилось зло, — и когда она протянула руки по направлению к раненому дереву, то смогла почувствовать его. Она коснулась дерева; сперва кончиками пальцев, а затем приложила к нему ладони. Острая боль прокатилась по ее позвоночнику и сконцентрировалась в области шеи. Женщина быстро отпрянула назад. Под ногами она заметила втоптанный в землю дорожный знак, на котором виднелась сде-

лашая черными буквами надпись: «ЗДЕСЬ ПОГИБЛИ ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕК. ВАША ЖИЗНЬ В ВАШИХ РУКАХ. ЕЗДИТЕ ОСТОРОЖНЕЕ».

— Миссис Крикмор? — осторожно окликнул ее Захария. Рамона обернулась. — Это происходит не каждую ночь. Мы можем сделать хоть что-нибудь прямо здесь и прямо сейчас, чтобы... остановить это?

— Нет. Я буду ждать.

— В таком случае пойдемте в грузовик. Там будет теплее. Но я уже сказал, это происходит не каждую ночь. Я слышал, что на прошлой неделе это было дважды, а... ух, до чего холодно!

— Я буду ждать, — повторила Рамона, и Захария отметил, что теперь ее голос звучал более решительно. Глаза женщины были полузакрыты, длинные пряди рыжевато-коричневых волос выбились из-под розового шарфа, а руки баюкали выпирающий под пальто живот. Неожиданно он испугался: она может простудиться на ветру, и это отразится на ребенке. Из того, что о ней говорили, он знал, что ей достаточно произнести несколько индейских слов, чтобы все закончилось, но...

— Со мной все в порядке, — тихо проговорила Рамона. — Я не знаю, сколько придется ждать. Это может не произойти совсем. Но я останусь здесь.

— Ну ладно. Тогда я останусь с вами.

— Нет. Я должна быть одна. Вы и мистер Стентон, если хотите, можете подождать в машине.

Захария замер в нерешительности, затем кивнул и двинулся обратно к дороге, где, дыша на ладони и притопывая ногами, стоял Сэм Стентон. Пройдя несколько шагов, он обернулся.

— Я... я ничего не понимаю, миссис Крикмор Я не понимаю, как это... как это случается.

Рамона не ответила. Она смотрела в сторону поворота, который проселочная дорога делала возле сосновой рощи. В развевающемся на ветру пальто она прошла мимо дуба и остановилась прямо на обочине. Продрогший до костей Захария вернулся в автомобиль.

Ночная тьма окутала лес. Вглядываясь в ночь, Рамона представила себе гонимые ветром низкие облака, пролетающие прямо над раскачивающимися верхушками деревьев. Казалось, весь мир находится в темном буйном движении, и она сконцентрировалась на том, чтобы укорениться на его поверхности подобно камышу, который под порывами ветра гнется, но не ломается. Позади себя она чувствовала старый дуб, внутри которого, словно больное сердце, пульсировало зло. Дерево нужно спилить, пень выкорчевать, как больной зуб, а оставшуюся яму засыпать солью... Ветви дуба зашевелились, словно щупальца гигантского кальмара. Сухие листья, кружась, поднялись с земли и полетели ей в лицо.

— Вам не нужен свет? — прокричал Стентон из грузовика. Видя, что женщина не двигается и не отвечает, он смущенно посмотрел на Захарию: — Я думаю, свет ей не нужен.

Он замолчал, мечтая увидеть хоть лучик лунного света, который может спасти от мыслей о том, что движется по этой дороге во мраке ночи.

Меж сосен мелькнул свет фар. Рамона широко открыла глаза. Невдалеке выросла тень. Это был старый «паккард». За рулем сидел старик негр. Он притормозил, чтобы взглянуть на стоящую под Палачом женщину, а затем набрал скорость и укатил прочь. Рамона снова расслабилась. Она решила ждать до последнего, пока жизнь внутри нее не возопит о тепле. «Ребенок должен вырасти крепким, — подумала она, — и надо сразу приучать его к тяжелым условиям».

Спустя почти три часа Стентон спросил, грея дыханием руки:

— Что она там делает?

— Ничего, — ответил священник. — Она просто стоит. Мы ошиблись, когда обратились к ней, Сэм. Все это просто сплетни.

— Именно сегодня это не произойдет, святой отец. Вдруг она испугала это?

— Не знаю. — Захария благоговейно и озадаченно покачал головой. В его темно-карих глазах сквозило отчаяние. — Мо-

жет быть, это и не сплетни... Может быть, если она действительно верит в свои силы, тогда...

Он умолк. Несколько капель дождя упали на ветровое стекло. С тех пор, как они привезли сюда эту женщину, ладони Захарии были холодными и влажными. Он согласился обратиться к Рамоне Крикмор за помощью после того, как услышал рассказы про ее удивительные способности, но теперь по-настоящему испугался. В том, что делала эта женщина, не было ничего от Бога — если она действительно делала то, что ей приписывали, — и Захария чувствовал себя замешанным в грехе.

— Хорошо. — Он согласно кивнул. — Давай отвезем ее домой.

Они вылезли из грузовика и двинулись к Палачу. Температура воздуха упала еще ниже.

— Миссис Крикмор, — позвал Захария, — давайте заканчивать!

Рамона не шевелилась.

— Миссис Крикмор! — снова крикнул священник, стараясь перекричать завывание ветра. А затем остановился как вкопанный. Прямо за поворотом, между стволами сосен, виднелось мерцание, похожее на голубые огоньки. Захария глядел на них, не в силах сдвинуться с места.

Рамона вышла на дорогу и повернулась к приближавшемуся нечто.

— Я вижу это! Бог мой, я вижу! — заголосил за спиной у священника Стентон. Сам Захария видел только мерцающие голубые полосы и поэтому крикнул:

— Что там? Что ты видишь?

Но Стентон, казалось, потерял дар речи. Он издал невнятное мычание, а затем согнулся под очередным порывом ветра, пронесшимся со скоростью курьерского поезда.

Рамона видела все очень ясно. Грузовик-пикап, оторочен-ный синим пламенем, беззвучно скользил по дороге. Когда он оказался достаточно близко, она увидела, что стеклоочистители автомобиля работают вовсю, а за ними виднеются два лица: мужское и женское. На голове у женщины красовалась шляпка, а ее круглое, как яблоко, лицо лучилось в предвкушении

многочисленных удовольствий на вечеринке с танцами. Вдруг морщинистое загорелое лицо мужчины исказилось, словно от внезапной боли, а руки, отпустив рулевое колесо, обхватили голову. Голубые фары неслись прямо на Рамону, застывшую посреди дороги.

— В сторону! — диким криком прорезался голос Стентона.

Рамона протянула руки по направлению к голубому грузовику и тихо проговорила:

— Нет страха. Нет боли. Только мир и покой.

Ей показалось, что она слышит шум двигателя и визжание шин в тот момент, когда грузовик заскользил и начал съезжать с дороги. Женщина в шляпке отчаянно пыталась дотянуться до руля. Мужчина рядом с ней корчился от боли и беззвучно кричал.

— Нет страха, — повторила Рамона; грузовик был уже менее чем в десяти футах от нее. — Нет боли. Только мир и покой. Будьте свободны. Будьте свободны. Будьте...

В тот момент, когда голубое пламя приблизилось к ней вплотную, она услышала отчаянный крик Стентона и почувствовала ужасную боль в голове (ту самую боль, что почувствовал два часа назад Джо Ролингз). Рамона ощутила растерянность и ужас женщины. Она крепко сжимала челюсти, подавляя в себе крик агонии. В следующую секунду объятый голубым пламенем грузовик на полной скорости врезался в нее.

Захария и Стентон так и не поняли, что именно они увидели далее. Впоследствии они ни разу не говорили друг с другом на эту тему. Соприкоснувшись с женщиной, грузовик сдулся, как воздушный шарик, и превратился в голубой туман, который начал медленно всасываться в тело Рамоны, как вода в губку. Стентон рассмотрел все детали — грузовик, лица пассажиров, — в то время как Захария только почувствовал чье-то присутствие, видел вихрь голубого тумана и ощущал странный запах горящей резины. Оба они видели, как пошатнулась Рамона Крикмор в тот момент, когда голубой туман окружил ее, и схватилась за голову, будто опасаясь, что она вот-вот взорвется.

Затем все закончилось; то есть абсолютно все. Ветер шумел и шуршал опавшей листвой. Вокруг царил полный мрак. Одна-

ко горящий синим пламенем грузовик, продолжал стоять перед глазами Сэма Стентона, и доживи он до ста лет, ему все равно не забыть жуткой картины исчезновения призрака в теле женщины-колдуньи.

Рамона, шатаясь, сошла с дороги и опустилась на колени. Долго-долго двое мужчин не решались сдвинуться с места. Захария слышал свой голос, шепчущий Двадцать третий псалом. Спустя некоторое время он заставил себе пройти немного вперед. Послышался тихий стон.

Священник бросился к Рамоне Крикмор, Сэм Стентон за ним. Лицо женщины посерело, а из нижней прокушенной губы сочилась кровь. Она обхватила живот и смотрела на мужчин широко открытыми, испуганными глазами.

Стентона как будто ударили обухом по голове.

— Боже праведный, — только и смог он произнести, — она же вот-вот родит!

1. ГОТОРН

1

ражающийся с домашним заданием по арифметике черноволосый десятилетний мальчик неожиданно поглядел в окно. Мягкое, приглушенное пение ветра стихло, и лес заполнила глубокая тишина. Он увидел голые ветви, качающиеся на фоне серого ломтика неба, и его тело затрепетало от радостного возбуждения. Мальчик отложил карандаш, тетрадь, книгу и поднялся с пола. Что-то не так, он понял, что-то изменилось. Он подошел к окну и присмотрелся внимательнее.

Поначалу все показалось ему таким, как всегда. Числа, сложения и вычитания копошились в голове, звеня, стуча и мешая сосредоточиться. Но затем его глаза широко раскрылись — он увидел первые белые хлопья, летящие с неба.

— Папа! — возбужденно крикнул мальчик. — Снег пошел!

Джон Крикмор, читавший Библию сидя у камина, выглянул в окно и не смог сдержать улыбку.

— И вправду! — Он подался вперед, изумленный, как и его сын. — Хвала Всевышнему, в первый раз метеорологи не ошиблись.

Здесь, на юге Алабамы, снегопады считались редкостью — последний был в 1954-м, когда Биллу исполнилось только три года. В ту зиму им пришлось жить на церковные подаяния, после того как летняя засуха уничтожила все посевы зерна и бобов. По сравнению с тем ужасным годом последние урожаи

казались истинным изобилием. Однако Джон Крикмор помнил, что никогда не следует предаваться греху гордыни, поскольку Бог в любое мгновение может забрать назад все, чем он тебя обеспечил. По крайней мере в этом году у них с Рамоной есть что есть и кое-какая сумма, чтобы прожить остаток зимы. Но сейчас Джо заразился легкомысленным возбуждением Билла и подошел к окну, чтобы понаблюдать за хлопьями вместе с сыном.

— Снег может падать всю ночь, — сказал он. — Может под утро насыпать по самую крышу.

— Ух ты! — выдохнул Билли, и его светлые глаза, странно контрастирующие с унаследованной от матери смуглой кожей, округлились от удовольствия и от страха; он представил себе, как все вокруг замерзает, и они, подобно медведям, впадают в спячку до апреля, пока не проклюнутся первые цветы.

— Но он не может долго оставаться таким глубоким, правда?

Джон рассмеялся и потрепал курчавые волосы сына.

— Нет. Он не будет даже липнуть и скоро кончится.

Билли еще немного полюбовался снегопадом, а затем с криком «Мама!» побежал через маленький коридор в соседнюю комнату, где, лежа в кровати и опершись на подушки, Рамона Крикмор чинила рождественский подарок Билли: коричневый свитер. Со дня Рождества прошло меньше месяца, а Билли уже успел разорвать рукав, лазая по деревьям и бегая по лесу.

— Мама, на дворе снег! — сказал Билли, показывая на маленькое окошко.

— Я же говорила тебе, что это снеговые тучи. — Рамона улыбнулась. Вокруг ее глаз залегли глубокие морщины, а волосы посерели. Годы не пощадили жену священника. Сразу после рождения Билли она чуть не умерла от пневмонии и с тех пор так и не оправилась до конца. Большую часть времени она проводила в доме, придумывая хитроумные вышивки и готовя себе домашние травяные настойки, помогающие бороться с ознобом и лихорадкой. В результате она несколько располнела, однако ее лицо было по-прежнему симпатичным, а волосы — длинными и блестящими.

— Холода еще впереди, — сказала она и вернулась к своей работе. Рамона постоянно удивлялась тому, как быстро Билли растет; одежду, которая покупалась всего месяц назад, уже надо было сдавать в готорнскую комиссионку.

— Ты не хочешь пойти посмотреть?

— Я знаю, как это выглядит. Все белое.

Внезапно Билли понял, что мать не любит ни холод, ни снег. По ночам она часто кашляла, и через тонкую стену он слышал, как отец увещевает ее. «Ты не должна вставать, — говорил он быстро, — тебе лучше побольше лежать».

Джон подошел к сыну и положил обветренную руку ему на плечо.

— Почему бы нам не прогуляться?

— Да, сэр! — Билли широко улыбнулся и помчался за своей зеленой паркой.

Джон взял из гардероба голубую джинсовую куртку с подкладкой из овчины, надел ее, затем натянул на голову черную вязаную шапочку. За прошедшие десять лет он похудел и посуровел; его широкие плечи немного ссутулились в результате полевых работ и регулярного ремонта ветхого домика. Ему было всего тридцать семь, но морщины на лице — глубокие и прямые, как борозды, которые он пропахивал на полях, — старили его лет на десять. Тонкие губы обычно придавали лицу священника хмурое выражение, но если рядом находился Билл, они почти всегда улыбались. Кое-кто в Готорне говорил, что Джон Крикмор — прирожденный проповедник, зарывший в землю свой талант, и что, если он сердится или недолюбливает кого-то, его взгляд может насквозь пробуравить дощатую стену амбара.

— Ну вот я и готов, — сказал Джон. — Кто желает прогуляться?

— Я, — пропел Билли.

— Не будем терять время, — произнес Джон и потянулся к сыну. Они взялись за руки, и Джон сразу почувствовал тепло, исходящее от ладони мальчика. Когда Джон был рядом с Билли, таким живым, настороженным и удивленным, он впитывал в себя часть его юношеского задора.

Они вышли через сосновую дверь в тамбур, а затем, открыв наружную дверь, окунулись в холодный серый день. Замерзшая грязь дороги, соединявшей владения Крикморов с главным шоссе, хрустела под башмаками, и сквозь этот хруст Билли слышал мягкий шелест снежных хлопьев, падающих на листья вечнозеленой изгороди. Они миновали маленький пруд с грязно-коричневой водой, белый почтовый ящик с надписью «ДЖ. КРИКМОР» и двинулись по обочине шоссе по направлению к Готорну. Снег то падал хлопьями, то перемежался дождем. Джон проверил, хорошо ли сын надел капюшон и крепко ли завязал под подбородком тесемки.

Уже началась настоящая зима, хотя не прошло и половины января. Несколько раз шел дождь со снегом, а однажды случился ужасный град, который переколотил стекла по всему округу Файет. «Однако, — думал Джон, — точно так же, как день сменяет ночь, на смену зиме придет весна, а с ней и пора сельскохозяйственных работ». Снова нужно будет сажать кукурузу и бобы, томаты и турнепс. Следовало бы поставить новое пугало, однако в последние годы даже вороны поумнели и не желают обманываться. Несколько лет Джон терял большую часть урожая из-за птиц и вредителей, а то, что все-таки сохранялось, вырастало слабым и болезненным. У него была хорошая, благословенная Богом земля, но она, похоже, начала истощаться. Джон, конечно, знал про севооборот, нитраты и химические удобрения, которые торговые агенты пытались ему всучить, однако все эти добавки в отличие от известного с древних времен старого доброго удобрения — нарушение промысла Господня. И если ваша земля истощилась, значит, так тому и быть.

«Да, беспокойные времена настали повсеместно, — думал Джон. — Этот католик, ставший президентом, коммунисты, снова поднявшие голову, разговоры о полете человека в космос». Долгие зимние вечера Джон любил проводить в парикмахерской Куртиса Пила, где мужчины играли в карты, подогревая себя портвейном, и слушали старый приемник. Джон не сомневался, что большинство людей согласится с тем, что наступили Последние дни, и что он должен ткнуть пальцем в Апо-

калипсис, чтобы показать зубоскалам, какое зло падет на человечество в ближайшие десять лет... если мир продержится такой срок. А здесь, в готорнской церкви, настали совсем уж тревожные времена. Преподобный Хортон старался из последних сил, но его проповеди никого не убеждали. Вдобавок священника видели в Дасктауне, где он ел из одного котелка с черномазыми. С тех пор по окончании службы никто не желал пожать Хортону руку.

Рука Билли дернулась, стараясь поймать снежинки. Одна крохотная белая блестка опустилась ему на кончик пальца, и несколько мгновений мальчик изучал ее — тонкую и ажурную, как мамина вышивка, — пока она не исчезла. Мама рассказывала ему о погоде, о том, как она говорит множеством голосов, когда меняется ее настроение; только для того, чтобы различить эти голоса, надо стоять тихо-тихо и слушать. Она научила его видеть прекрасные картины, которые складываются из облаков, слышать осторожные звуки, которые издают пугливые лесные жители. Отец научил его надувать лягушек и купил ему рогатку для охоты на белок, однако Билли не нравилось, как зверьки верещали, когда он в них попадал.

Они шли, минуя маленькие щитовые домики, стоявшие вдоль единственной главной улицы Готорна. В зеленом доме с белыми ставнями, расположенном чуть поодаль, жил Вилл Букер, лучший друг Билли; у него были младшая сестра Кэти и собака по кличке Бу.

От снега, лежащего на дороге, отразился свет фар: черный грузовик-пикап преодолевал подъем. Когда он подъехал поближе, стекло кабины водителя опустилось, и из окна высунулась стриженая голова Ли Сейера, владельца магазина, где Джон Крикмор подрабатывал в выходные.

— Эй, Джон! Куда направляешься?

— Да так, просто гуляю с сыном. Поздоровайся с мистером Сейером, Билли.

— Здравствуйте, мистер Сейер.

— Билли, ты растешь как на дрожжах! Могу поспорить, в тебе будет не менее шести с половиной футов. Как ты относишься к тому, чтобы стать футболистом?

— Да, сэр, это было бы здорово.

Сейер улыбнулся. На его румяном, полноватом лице резко выделялись глаза — зеленые, как у тростникового кота.

— Есть кое-какие новости о мистере Хортоне, — произнес он, понизив голос. — Похоже, он не только разделяет трапезу со своими чернокожими друзьями. Нам надо это обсудить.

Джон что-то тихо проворчал. Билли в это время восхищался белыми клубами, вырывавшимися из выхлопной трубы машины мистера Сейера. Колеса грузовика оставили на гладкой снежной поверхности темные полосы, и Билли ждал, когда клубы заполнят их.

— Не будем откладывать это дело, — продолжал Сейер. — Приходи к Пилу завтра днем, часа в четыре. — Сейер помахал Билли и весело произнес: — Ты должен хорошо заботиться об отце, Билли! Смотри, чтобы он не потерялся.

— Хорошо! — прокричал в ответ Билли, но мистер Сейер уже закрыл окно, и грузовик двинулся дальше. «Приятный человек мистер Сейер, — подумал Билли, — но у него почему-то очень испуганные глаза». Однажды апрельским днем Билли стоял на поле для софтбола и наблюдал, как над поросшими лесом холмами движется гроза. Он смотрел, как клубятся похожие на разбегающийся табун диких лошадей черные тучи и как пики молний колят землю. Внезапно молния ударила совсем рядом. Мальчик побежал домой, но все-таки попал под ливень и получил от отца хорошую трепку.

Воспоминания об этой грозе пронеслись в голове Билли, пока он смотрел вслед удалявшемуся пикапу. В глазах у мистера Сейера была молния, она искала место, куда ударить.

Снегопад уже заканчивался, и вокруг не осталось ничего белого, только серая мокрота, означавшая, что завтра придется идти в школу, а сегодня еще надо доделать домашнее задание по математике, которое задала миссис Кулленс.

— Вот и все, парнище, — сказал Джон, у которого от холода покраснело лицо. — Становится немножко прохладнее. Может, повернем обратно?

— Да, пожалуй, — ответил Билли, хотя думал совершенно иначе. Ему давно уже не давал покоя один каверзный вопрос:

сколько бы вы ни прошли по дороге, она все равно куда-то ведет, а в стороны отходят проселочные и лесные дороги, которые тоже куда-то ведут; но что находится там, где они кончаются? Билли казалось, что, сколько бы человек ни шел, в действительности он никогда не достигнет конца.

Они прошли еще несколько минут по направлению к единственному в городе светофору. Перекресток, на котором он стоял, окружали парикмахерская, продовольственный магазин Коя Тренгера, бензоколонка «Тексако» и готорнская почта. Остальные дома — деревянно-кирпичные строения, напоминающие беспорядочно разбросанные детской рукой кубики конструктора, — располагались по обе стороны шоссе, которое через старый мост уходило вверх к коричневым холмам. Острый белый шпиль церкви Первокрестителя возвышался над голыми деревьями, как предостерегающий палец. На другой стороне неиспользуемых железнодорожных путей виднелось скопление бараков и лачуг, известное как Дасктаун. Пути заменяли колючую проволоку, разделяя черную и белую части Готорна. Джона беспокоило, что преподобный Хортон в ущерб своим основным обязанностям стал посещать Дасктаун. Ведь у нормального человека просто нет причин пересекать пути, а Хортон, похоже, старался вытащить на поверхность то, что лучше всего глубоко закопать.

— Пойдем-ка лучше домой, — сказал Джон и взял сына за руку.

Через несколько мгновений они оказались рядом с маленьким добротным зеленым домиком, стоявшим от них по правую руку. Это был один из самых последних домов, построенных в Готорне. Из каминной трубы поднимался дымок и змеился над выкрашенной в белый цвет террасой, на которую вели несколько ступенек. Билли взглянул на дом, пригляделся и увидел мистера Букера, сидевшего на террасе. На нем была желтая, а-ля Джон Дир, шляпа и голубая куртка с короткими рукавами. Он помахал лучшему другу отца, но мистер Букер глядел сквозь них, словно не замечая.

— Папа... — тревожно произнес Билли.

— Что, парнище? — спросил Джон, а затем увидел сидящего, как скала, Дейва Букера. Он нахмурился и крикнул: — Добрый день, Дейв! Холодновато немного, а?

Букер даже не шевельнулся. Джон присмотрелся и увидел, что его старый товарищ по рыбной ловле уставился на холмы с таким видом, как будто пытается разглядеть Миссисипи. Обратив внимание на его летнюю куртку, Джон тихо спросил:

— Дейв, с тобой все в порядке?

Они с Билли медленно пересекли коричневую лужайку и остановились у ступеней, ведущих на террасу. Шляпу Букера украшали рыболовные крючки, его лицо побелело от холода, но когда он моргнул, стало ясно, что по крайней мере он жив.

— Не возражаешь, если мы зайдем ненадолго? — спросил Джон.

— Заходите, коли пришли.

Голос Букера звучал как-то неестественно и здорово испугал Билли.

— Покорнейше благодарим.

Джон и Билли взошли на террасу. Занавеска на ближайшем окне сдвинулась в сторону, за ней показалось лицо Джули-Энн, жены Дейва, но через несколько секунд исчезло.

— Что скажешь по поводу снега? Наверное, через несколько минут все закончится, а?

— Снег? — Букер сдвинул густые брови. Белки его глаз были залиты кровью, а вялые губы имели страшный ярко-красный цвет. — Да-да, конечно.

Он кивнул, и крючки на шляпе зазвенели.

— С тобой все в порядке, Дейв?

— А что со мной может быть?

Взгляд Букера снова перенесся с Джона на Миссисипи.

— Не знаю, я просто... — Джон замолчал, не закончив фразу. На полу рядом со стулом Дейва были разбросаны окурки сигарет «Принц Альберт» и лежала бейсбольная бита, измазанная чем-то вроде засохшей крови. «Нет, — подумал Джон, — просто грязь. Конечно, грязь». Он крепче сжал руку Билли.

— Человек может сидеть на своей собственной террасе, не так ли? — тихо спросил Дейв. — Мне кажется, я слышал что-то

в этом роде. И еще я слышал, что это свободная страна. Или что-то изменилось?

Дейв повернулся, и Джон ясно увидел страшную холодную ярость в глазах у друга. По спине у него побежали мурашки. Он увидел погнутые бородки крючков, торчащих из шляпы заядлого рыбака, и вспомнил, что в прошлое воскресенье они хотели поехать на озеро Симмес, но этому помешал очередной приступ мигрени у Дейва.

— Чертова свободная страна, — произнес Дейв и неожиданно злобно улыбнулся.

Джон почувствовал раздражение — Дейв не должен был употреблять подобные выражения в присутствии ребенка, — однако решил оставить это без внимания.

Открылась входная дверь, и из дома выглянула Джули-Энн. Это была высокая стройная женщина с вьющимися каштановыми волосами и мягкими голубыми глазами.

— Джон Крикмор! Что занесло тебя в наши края? Билли, это ты постарался? Входите и выпейте по чашечке кофе.

— Нет, спасибо. Нам с Билли пора...

— Пожалуйста, — прошептала Джули-Энн. В ее глазах показались слезы. — Только по чашечке. — И, открыв дверь, она крикнула: — Вилл! Билли Крикмор пришел!

— ЗАТКНИ СВОЙ ПРОКЛЯТЫЙ РОТ, ЖЕНЩИНА! — прогремел Дейв, крутанувшись на стуле и приложив ладонь ко лбу. — Я ПРИШИБУ ТЕБЯ, КЛЯНУСЬ ГОСПОДОМ!

Джон, Билли и Джули-Энн замерли на месте. Билл слышал, как в доме всхлипывает маленькая Кэти. Затем раздался вопросительный голос Вилла: «Мама?» На губах Джули-Энн застыла улыбка; она стояла так, как будто любое ее движение могло спровоцировать приступ ярости у Дейва. Внезапно Букер отвернулся, пошарил в заднем кармане, извлек оттуда пузырек аспирина, отвернул крышку и принялся заглатывать таблетки.

— Прибью, — прошептал он, не обращаясь ни к кому конкретно. Его глаза сверкали на фоне окружавших их темно-синих кругов. — Выбью из тебя дерьмо...

Джон подтолкнул Билли вперед, и они вошли в дом. Пока Джули-Энн закрывала дверь, Дейв насмешливо произнес:

— Снова хочешь перемывать мужу косточки, а? Грязная сука...

Джули-Энн закрыла дверь, и проклятия Дейва превратились в приглушенное, невнятное бормотание.

2

В гостиной царил полумрак. На серо-зеленом ковре Джон заметил осколки стекла. В углу валялся сломанный стул, а на журнальном столике лежали два пузырька из-под аспирина. На одной стене висела вставленная в рамку репродукция картины «Тайная Вечеря», а на противоположной — серебристо-голубое чучело окуня. В дополнение к угольной печке в камине трещали сосновые поленья, распространяя по комнате специфический аромат.

— Прошу прощения за беспорядок. — Джули-Энн дрожала, но старалась улыбаться. — У нас... были сегодня кое-какие неприятности. Билли, если хочешь к Виллу, то он в своей комнате.

— Можно? — спросил Билли у отца и, когда Дейв кивнул, ракетой вылетел в коридор, который вел в комнату Вилла и его младшей сестренки. Он знал дом как свои пять пальцев, поскольку несколько раз почевал здесь. Последний раз они с Виллом обследовали лес в поисках львов, а когда за ними увязалась Кэти, то заставили ее нести свои ружья, что она и делала, называя мальчиков «бвана». Это слово Вилл вычитал из комиксов про Джангл Джима. Теперь, однако, дом выглядел другим: в нем стало темнее и тише, и, возможно, Билли испугался бы, не знай он, что в соседней комнате находится его отец.

Когда Билли вошел в детскую, Вилл ползал среди пластиковых солдат времен Гражданской войны, расставленных на полу. Вилл был одного возраста с Билли, маленький, хрупкий паренек с непослушными каштановыми волосами. На носу у

него сидели очки в коричневой оправе с дужкой, обмотанной скотчем. На кровати, стоявшей рядом, лежала свернувшись клубочком и зарывшись лицом в подушку его сестра Кэти.

— Я Роберт Ли, — сообщил Вилл. Его болезненное лицо осветилось, когда он увидел своего друга. — А ты можешь быть генералом Грантом.

— Я не янки! — возмутился Билли, но через минуту уже командовал голубыми мундирами, атакуя Дидмен-хилл.

В холле Джон, усевшись на софу, наблюдал, как Джули-Энн мерит шагами комнату, время от времени останавливаясь, выглядывая в окно и снова возобновляя хождение.

— Он убил Бу, Джон, — напряженно прошептала она. — Забил до смерти бейсбольной битой, а потом повесил на дереве. Я пыталась помешать ему, но он такой сильный... — Из распухших глаз женщины потекли слезы, и Джон быстро перевел глаза на часы, стоявшие на камине. Стрелки показывали без десять пять, и Джон пожалел, что предложил Биллу прогуляться. — Он очень сильный, — повторила Джули-Энн и громко всхлипнула. — Бу... умирал так тяжело.

Джон беспокойно заерзал.

— Почему же он сделал это? Что с ним случилось?

Джули-Энн прижала палец к губам и боязливо посмотрела на дверь. Она на дыша подошла к окну, выглянула и увидела, что ее муж продолжает сидеть на холоде, жуя очередную таблетку аспирина.

— Дети не знают о Бу, — продолжила Джули-Энн. — Это случилось утром, когда они ушли в школу. Я спрятала Бу в лесу — Боже, как это было ужасно! — и они думают, что он бродит где-нибудь, как обычно. Дейв не ходил сегодня в гараж, даже не сообщил никому, что болен. Вчера он проснулся с мигренью, сильнее которой у него еще не было, и этой ночью не сомкнул глаз. Как и я. — Джули начала грызть ногти, и дешевое, но симпатичное свадебное колечко с маленьким бриллиантом весело сверкнуло в свете камина. — Сегодня... сегодня боль усилилась до невозможности. До невозможности. Дейв кричал, швырял вещи на пол; сначала он говорил, что не может согреться, затем

вышел наружу, на холод. Он сказал, что убьет меня, Джон. — Ее глаза сделались большими и испуганными. — Он сказал, что знает все, что я вытворяла у него за спиной. Но я клянусь, что ничего подобного никогда не было, могу поклясться на Биб...

— Успокойся, пожалуйста, — прошептал Джон, быстро взглянув на дверь. — Не принимай близко к сердцу. Почему ты не сообщила доктору Скотту?

— Я не могу! Я попробовала сегодня утром, но он... он сказал, что сделает со мной то, что сделал с Бу, и... — она всхлипнула, — я боюсь! У Дейва и раньше были заскоки, я никому не рассказывала, но до такого никогда не доходило! Таким я его ни разу не видела! Слышал бы ты, как он недавно орал на Кэти; а этот аспирин: он жует его, как конфеты, но это совершенно не помогает.

— Ну-ну. — Джон взглянул на измученное лицо Джули-Энн и почувствовал, что его губы растягиваются в глупой широкой улыбке. — Все будет хорошо. Вот увидишь. Доктор знает, что делать с мигренями Дейва.

— Нет! — закричала она, и Джон вздрогнул. Джули-Энн замолчала и замерла — им обоим показалось, что на террасе заскрипел стул Дейва. — Доктор Скотт сказал, что у него воспаление! Этот старик давно потерял квалификацию, и ты знаешь это! Ведь он тянул и с твоей женой, пока она чуть не...

Она заморгала, не желая заканчивать фразу. «Умерла, — подумала она, — ужасное слово, которое нельзя употреблять, когда говоришь о ком-нибудь ныне здравствующем».

— Да, вероятно. Но за мигренью Дейва врачи никогда не наблюдали. Может, ты уговоришь его лечь в файетский госпиталь?

Женщина безнадежно покачала головой.

— Я пыталась. Но Дейв сказал, что все это ерунда и что он не собирается тратить деньги на всякие глупости. Я не знаю, что делать!

Джон нервно прокашлялся, а затем встал, избегая взгляда Джули-Энн.

— Думаю, нам с Билли пора. Мы слишком загулялись.

Он двинулся через холл, но Джули-Энн крепко схватила его за запястье. Джон испуганно обернулся.

— Я боюсь, — прошептала женщина, и из ее глаз покатились слезы. — Я не хочу уходить, но боюсь оставаться здесь на ночь.

— Оставить Дейва одного? Послушай, это не дело. Он твой муж. — Джон высвободил руку. — Ты не можешь просто так собраться и уйти!

Краем глаза Джон увидел сломанный стул в углу и отметины на камине в тех местах, где Дейв содрал краску, засовывая внутрь поленья и лучину.

— Утром все станет на свои места. Я знаю Дейва достаточно хорошо и знаю, как он любит тебя.

— Я не могу...

Джон не стал дожидаться, пока Джули-Энн договорит. Он хотел побыстрее покинуть дом Дейва. Он заглянул в соседнюю комнату и увидел двух мальчиков, играющих в солдатиков, и Кэти, трущую красные глаза и наблюдающую за игрой.

— Готов! — крикнул Вилл. — Этот убит! Бам! Бам! Этот, на лошади, тоже убит!

— Он только ранен в руку! — ответил Билли. — БА-БАХ! Это стреляла пушка. У тебя разорвало вот этих двух и еще вон ту повозку.

— Нет! — пронзительно закричал Вилл.

— Война окончена, ребята, — вмешался Джон. Нечто странное и зловещее, витающее в этом доме, холодным потом легло ему на шею. — Пора домой, Билли. Скажи «до свидания» Вилли и Кэти. Увидитесь позже.

— Пока, Вилл, — сказал Билли и пошел вслед за отцом в гостиную.

— Пока! — крикнул Вилл вдогонку и вернулся к озвучиванию ружей и пушек.

Джули-Энн застегнула парку Билли, а затем умоляюще взглянула на Джона.

— Помоги мне.

— Подожди до утра, прежде чем что-то решать. Поспи. Билли, поблагодари миссис Букер за гостеприимство.

— Спасибо за гостеприимство, миссис Букер.

— Молодец.

Джон повел сына к двери и открыл ее, не дожидаясь, пока Джули-Энн скажет еще что-нибудь. Дейв Букер сидел с зажатым в зубах окурком. Его глаза запали, а странная улыбка напоминала ухмылку, вырезанную на тыкве к празднику всех святых.

— Тебе надо успокоиться, Дейв, — сказал Джон и хотел было положить руку на плечо старого друга. Но рука замерла, когда Дейв повернул к нему свое смертельно бледное лицо с убийственной улыбкой.

— Не приходи сюда больше, — прошептал Дейв. — Это мой дом. Только попробуй сюда прийти еще раз.

Джули-Энн захлопнула дверь.

Джон схватил Билли за руку и заспешил вниз по ступенькам и дальше, через коричневую лужайку, к дороге. Его сердце бешено колотилось, и пока они шли прочь от дома Букера, он чувствовал на себе холодный взгляд Дейва и знал, что вскоре Дейв встанет со стула, войдет в дом, и тогда... Да поможет Господь Джули-Энн! Джон почувствовал себя улизнувшей от хозяина собакой, и перед его глазами возник белый труп Бу, качающийся на дереве с лесочной петлей на шее и выпученными, налитыми кровью глазами.

Билли попытался оглянуться; на его ресницах таяли снежинки.

Джон еще крепче сжал руку мальчика и отрывисто произнес:

— Не оглядывайся.

3

Готорн давно отошел ко сну, но примерно в пять часов утра на лесопилке, принадлежащей братьям Четем, пронзительно засвистел паровой гудок. Когда на долину спускалась тьма, по этому свистку местные жители определяли время ужина, после которого можно сесть у огня почитать Библию или полистать

«Домашний журнал для женщин» либо «Новости южных ферм». Счастливые обладатели радио слушали популярные программы. Телевизор считался роскошью, позволить себе которую в Готорне могли только несколько семей, к тому же ретранслятор в Файете передавал только одну станцию. Дома на окраине города все еще имели надворные строения. Свет на террасе — у тех, кто мог позволить себе электричество, — обычно горел до семи часов, говоря, что там рады гостям даже холодными январскими вечерами, а когда он гас, это означало, что хозяева легли спать.

Билли Крикмор лежал на узкой деревянной кровати, стоящей между передней и маленькой кухней. Ему снилось, что миссис Куллене смотрит на него из-под своих похожих на рыбьи глаза очков и требует объяснить, почему он не выполнил домашнее задание по арифметике. Билли пытался сказать ей, что задание сделано, но по дороге в школу он попал в снежную бурю, спасаясь от которой заблудился в лесу и потерял свою голубую тетрадь с решенными примерами. Неожиданно, повинуясь течению сна, мальчик оказался в густом зеленом лесу, на незнакомой каменистой тропке, которая вела на вершину холма. Он шел по ней, пока не наткнулся на мистера Букера, сидящего на большом камне и глядящего в пространство страшным невидящим взглядом. Подойдя ближе, Билли увидел, что в камнях полно гремучих змей, ползающих, трещащих и собирающихся в клубки. Мистер Букер с глазами черными, как свежий уголь для отопительной системы, поднял одну змею за погремушку и погрозил ею Билли. Затем он открыл рот, и Билли услышал пронзительный крик, который становился все громче, громче и громче...

Он все еще звенел в ушах, когда мальчик, всхлипывая, уселся на кровати и услышал, как звук замирает вдали.

В следующий момент Билли услышал за стеной тихие голоса родителей. Открылась и закрылась дверь гардероба, скрипнула половица. Он вылез из кровати, попал под сквозняк, от которого у него застучали зубы, и в темноте направился в спальню родителей. У дверей он остановился, прислушиваясь к шепоту, раздающемуся из спальни и припоминая, как однажды

вошел в комнату родителей без стука и увидел, что они странно танцуют лежа. Его отец тогда очень сильно рассердился, а мать, объяснив, что взрослым иногда необходимо бывать в одиночестве и тишине, попросила в следующий раз стучаться. Но все это было ничто по сравнению с долгими ссорами. Тогда из-за двери в основном раздавался громкий голос отца. Но хуже всего были его пронзительные вопли, после которых в доме на несколько дней воцарялась долгая холодная тишина.

Билли собрал всю свою храбрость и постучал. Шепот смолк. Вдалеке — в стороне шоссе, подумал он, — послышался еще один крик, похожий на крик привидения с готорнского кладбища. Открылась дверь, и в тусклом свете керосиновой лампы на пороге показался отец с накинутым на плечи плащом, бледный, с заспанными глазами.

— Иди в кровать, сынок, — сказал Джон.

— Ты куда-то собрался?

— Я съезжу в город, узнать в чем дело. Ты останься здесь, с мамой, а я вернусь через несколько... — Он умолк, прислушиваясь к очередному гудку сирены.

— Можно мне с тобой? — спросил Билли.

— Нет, — твердо ответил Джон. — Ты останешься здесь. Я вернусь, как только все разузнаю, — добавил он обращаясь к Рамоне, которая вышла в переднюю вслед за мужем, держа в руке масляную лампу. Джон открыл дверь, и на петлях скрипнул намерзший лед. Он направился к своему видавшему виды «олдсмобилю» пятьдесят пятого года, различные части которого, пострадавшие в ряде аварий, отличались друг от друга цветом. Кристаллики льда, как искорки, блестели в воздухе. Джон сел за руль, газанул, чтобы прогреть двигатель, и, выпуская синие клубы выхлопных газов, машина тронулась по грязной дороге по направлению к главному шоссе. Вырулив на шоссе, ведущее к Готорну, он сразу увидел красные кометы мерцающих сигналов и с ужасом понял, что полицейские машины припаркованы у дома Дейва Букера.

Джон оцепенел, когда увидел сами полицейские машины, машины «скорой помощи», а также темные фигуры, снующие рядом. Фары «олдса» выхватили из темноты полицейского в

накидке, говорящего по рации; поодаль стояли Хэнк Вайтерспун и его жена Паула в пальто, натянутых поверх пижам. Они жили в ближайшем от Букеров доме. Окна дома Букеров сияли ярким светом, который освещал фигуры входящих и выходящих из дома людей. Джон остановил машину и, подавшись вправо, опустил стекло пассажирской двери.

— Хэнк! — позвал он. — Что случилось?

Вайтерспун и его жена стояли, вцепившись друг в друга. Когда мужчина обернулся, Джон увидел на его сером лице испуганные, остекленевшие глаза. Вайтерспун издал хныкающий звук, затем повернулся и, пошатываясь, пошел прочь. Пройдя несколько шагов, он поскользнулся и упал в лужу, собравшуюся на ледяном бетоне.

Полицейский с ястребиным носом высунулся из окна патрульной машины.

— Проезжай, парень. Здесь и так зевак больше, чем нужно.

— Я... просто хотел узнать, что произошло. Я живу прямо по шоссе и услышал гудок...

— Вы родственник Букеров?

— Нет, но... они мои друзья. Я подумал, что смогу чем-то помочь, если...

Полицейский подхватил свою готовую улететь фуражку и повторил:

— Проезжай.

Но в следующую минуту внимание Джона отвлекли два человека в белых халатах. Они выносили из дома носилки, покрытые плотным коричневым одеялом. Увидеть, что именно несут эти люди, не было никакой возможности. Но следом в дверях показались вторые носилки, накрытые окровавленной простыней. У Джона перехватило дыхание.

— Несите назад, — крикнул полицейский. — На подходе еще одна «скорая» из Файета!

Первые носилки стали погружать в «скорую», стоящую всего в десяти футах от Джона; вторые, накрытые окровавленной простыней, лежали прямо напротив окна его машины. Ветер завернул угол простыни, и из-под нее, словно пытаясь подхва-

тить улетающий покров, выпала белая рука. Джон ясно увидел обручальное кольцо с бриллиантом в форме сердечка. Он услышал, как один из санитаров произнес: «О Боже!» и снова прикрыл руку.

— Сносите их всех вниз! — крикнул полицейский.

— Пожалуйста, — произнес Джон и схватил полицейского за рукав, — скажите мне, что случилось?

— Они все мертвы, мистер. Все до единого. — Он ударил ладонью по капоту «олдса» и закричал: — А теперь убирай отсюда эту кучу металлолома!

Джон нажал на акселератор. Пока он разворачивался, чтобы ехать домой, появилась еще одна «скорая».

4

Угли в железной печке, стоявшей в передней парикмахерской Куртиса Пила, пылали, как свежепролитая кровь. Вокруг печки располагались стулья, на которых в клубах дыма сидели пятеро мужчин. Здесь было только одно парикмахерское кресло: монстр с красными виниловыми подлокотниками. Оно могло наклоняться назад, и Джон Крикмор часто подшучивал над Рилом, говоря, что его клиентам можно одновременно стричь волосы, дергать зубы и чистить ботинки. Часы в корпусе орехового дерева, подобранные в заброшенной железнодорожной станции, лениво помахивали латунным маятником. На белом кафельном полу вокруг упомянутого единственного кресла валялись обрезки волос Линка Паттерсона. Сквозь витрину парикмахерской в помещение проникал свет ясного, но очень холодного дня. Издалека, словно писк августовского москита, слышался звук работающей на лесопилке пилы.

— Мне становится не по себе, когда я думаю об этом, — нарушил тишину Линк Паттерсон. Он затянулся пару раз сигаретой и бросил окурок в банку из-под персиков, стоявшую на полу. Его гладкие, коротко подстриженные волосы блестели от бриолина. Линк был стройным, хорошо сложенным мужчиной

с жестко очерченным лбом, темными внимательными глазами и узким костлявым подбородком.

— Говорят, этот парень двинулся давным-давно. А ведь я видел его два раза в неделю и ни разу ничего такого не заметил! Будет тут не по себе!

— Да, — отозвался Хайрам Келлер. Его тело состояло из жесткого мяса и костей, которые, как сучки, выпирали при каждом движении. Лицо Келлера украшали серые с проседью усы. Вытянув вперед руки, он грел их над углями. — Один Бог знает, что произошло в том доме прошлой ночью. Эта симпатичная маленькая девочка...

— Безумный, как пьяный индеец.

Ральф Лейтон зашевелился, чтобы стряхнуть пепел в предназначенную для этого чашку, и стул под ним жалобно скрипнул. Лейтон был крупным мужчиной, но не ощущал собственных габаритов. Он легко мог сбить с ног прохожего, случайно столкнувшись с ним на тротуаре. Двадцать лет назад он играл в американский футбол за команду Файетского округа и слыл в Готорне героем, пока однажды в куче мале из шести человек его нога не сломалась, как ивовый прутик. После этого для Ральфа Лейтона начались горькие годы возделывания земли и размышлений по поводу того, чей же вес приняла его нога, лишив своего хозяина будущего в футболе. Угловатое лицо Ральфа казалось вытесанным из камня. Его серые глаза без любопытства рассматривали сидящего напротив Джона Крикмора. Все ожидали, как этот умник отреагирует.

— Я думаю, на похоронах гробы не откроют.

— А я стриг этого человека, должно быть, тысячу раз. — Пил вынул изо рта черную трубку и в раздумье покачал головой. — И Вилла тоже. Букер не был особенно приветлив. Я обычно стриг его летом и подравнивал зимой. Кто-нибудь слышал, когда будут похороны?

— Говорят, завтра утром, — ответил Линк. — Я думаю, они хотят побыстрее покончить с этим.

— Крикмор, — тихо произнес Лейтон, — что-то ты сегодня молчалив.

Джон пожал плечами и, затянувшись сигаретой, выпустил дым в сторону спрашивающего.

— Но вы же часто рыбачили вместе с Букером. Выходит, ты знаешь его лучше нас. Почему он решился на это?

— Откуда я знаю? — Голос Джона выдавал его напряжение. — Я рыбачил с ним, но не был его сиделкой.

Ральф оглядел всех присутствующих, а затем поднял брови.

— Джон, ты был его другом? Следовательно, ты знал, что он ненормальный, задолго до вчерашнего дня...

Лицо Крикмора покраснело от гнева.

— Ты пытаешься обвинить меня в случившемся, Лейтон? Ты лучше следи за своими словами!

— Он не хотел обидеть тебя, Джон, — вмешался Линк. — Слезь с этой лошади, пока она тебя не сбросила. Черт возьми, мы все сегодня на нервах.

— У Дейва Букера была мигрень. Это все, что я знаю, — холодно проговорил Джон, а затем умолк.

Куртис Пил раскурил свою трубку и прислушался к далекому пению пилы. На его памяти это было самое ужасное происшествие в Готорне. Благодаря профессии Пил занимал в городе особое положение: обо всех происшествиях он знал куда больше, чем шериф Бромли или преподобный Хортон.

— Хэнка Вайтерспуна забрали в госпиталь в Файет, — сообщил он. — У бедного старика мотор почти отказал. Мей Макси сказала мне, что Вайтерспун услышал выстрелы и решил посмотреть, что случилось. Он ворвался в дом и обнаружил голого Букера, сидящего на софе. Тот упер оба ствола себе под подбородок и пальцем ноги нажал на спуск. Хэнк даже не сразу понял, кого это он нашел. — Прежде чем еще раз затянуться сигаретой, Пил выпустил изо рта струйку голубого дыма. — Я думаю, остальных обнаружили полицейские. Мне нравилась Джули-Энн. У нее всегда находилось доброе слово. А их дети, такие прелестные, как цветы в петлице выходного костюма. Боже всемогущий, какое несчастье...

— Полицейские еще рыщут в их доме, — сказал Лейтон, бросив быстрый взгляд на Джона. Он не любил этого сукино-

го сына, женатого на полукровке. Он, как и все, сидящие вокруг печки, слышал рассказы об этой женщине. Она нечасто бывает в городе, но когда появляется, держит себя так, будто ей принадлежит вся улица, вместо того чтобы на коленях ползти в церковь и молиться за свою душу. А этот ее темнокожий щенок ничуть не лучше ее. Лейтон надеялся, что его собственный двенадцатилетний сын когда-нибудь выбьет всю чертовщину из этого маленького недоноска. — Подчищают, что осталось, я думаю. Чему они удивляются, так это тому, куда подевался мальчик.

— Мей Макси рассказала мне, что его кровать была залита кровью, вся-вся. Но возможно, он все-таки убежал и спрятался в лесу.

Джон тихонько хмыкнул. Мей Макси была готорнской телефонисткой и даже спала с телефонной трубкой у уха.

— Слава Богу, все это закончилось. — Он постарался произнести это как можно тверже.

— Нет, — глаза Хайрама блеснули, — еще не закончилось. — Он оглядел всех по очереди и остановил свой взгляд на Джоне. — Был ли Дейв Букер ненормальным, не был ли, а если и был, то насколько, все это не имеет значения. То, что он сделал, — чистое зло, которое, будучи выпущенным на свободу, сразу пускает корни, как чертова лоза кадзу. Конечно, в Готорне и раньше случались различные бедствия, но... Помните мои слова, это еще не закончилось.

Открылась входная дверь, и маленький колокольчик, висящий на притолоке, тихо звякнул. В помещение вошел Ли Сейер, одетый в коричнево-зеленый жилет, на котором, словно знаки доблести, виднелись кровавые пятна. Он старательно закрыл дверь и подошел к печке обогреться.

— Холодно, как у ведьмы за пазухой.

Сейер снял коричневую кожаную кепку и повесил ее на крючок. Встав рядом с Джоном, он начал мять руки по мере того, как они отогревались.

— Я слышал, сегодня утром приехала мать Джули-Энн. Ей позволили войти в дом, и с ней случилась истерика. Это ужасно, вся семья погибла, да еще так...

— Не вся, — напомнил ему Джон. — Может быть, мальчик спасся.

— Тот, кто в это верит, может попробовать посвистеть своей задницей. — Сейер взял стул, перевернул его и уселся верхом так, чтобы положить локти на спинку. — Следующей версией будет то, что именно мальчишка всех шлепнул.

Слова Сейера заставили всех замереть, но Джон знал, что это не так. Нет, Вилл либо бродит где-то в лесу, либо Букер надежно спрятал его тело. Он клял себя за то, что не разглядел болезнь в тех вспышках гнева, которые иногда возникали у Дейва во время рыбалок. Однажды Дейва разозлила запутанная леска, и в результате он выбросил за борт совершенно новую снасть, а затем, пока встревоженный Джон греб к берегу, сидел, обхватив голову руками, и плакал. «Боже мой, — думал Джон, — она же умоляла меня вчера спасти им жизнь!» Джон никому не рассказывал, что заходил к Букерам накануне происшествия. Страх и стыд повесили на его рот огромный замок.

— Да, это ужасно, — сказал Ли. — Но жизнь — для живых, не так ли? Надо бы обсудить, что нам делать с преподобным Хортоном.

— Чертов любитель негров. — Ральф подался вперед и сплюнул коричневую табачную слюну. — Мне никогда не нравился этот хвастливый ублюдок.

— Что будем делать? — спросил у сидящих Ли. — Устроим очередное собрание?

— Все лейтенанты здесь, — растягивая слова, ответил Хайрам. — Мы можем решить все сейчас и покончить с этим.

— Я не знаю, Ли, — нерешительно сказал Куртис. — Может, Хортон и якшается с ниггерами, но он все же священник. Знаете, он был так добр с моей Луизой, когда заболела ее мать.

— О чем ты говоришь, приятель? Хортон хочет, чтобы ниггеры ходили на службу вместе с белыми! Он все время крутится в Дасктауне и бог знает что там делает! — Ли заговорщицки понизил голос. — Я слышал, что ему приглянулся один черный хвост, и он время от времени к ней наведывается. Неужели мы будем это терпеть?

— Шиш, — сказал Ральф. — Назад дороги нет.

— Джон, что-то ты сегодня все молчишь. Я, конечно, понимаю, что это из-за вчерашнего происшествия, ведь ты был лучшим другом Дейва Букера и все такое. Но все-таки что ты думаешь по поводу Хортона?

Джон почувствовал, что все ждут его ответа. Он не любил принимать решения и не хотел оставаться лейтенантом, но они настояли.

— Я думаю, надо дождаться окончания похорон, — сказал он неуверенно и почувствовал на себе волчий взгляд Ральфа Лейтона. — Хортон собирается отслужить службу, и я думаю, что мы должны проявить уважение к погибшим. А потом... — Он пожал плечами. — Потом я присоединюсь к большинству.

— Прекрасно. — Ли хлопнул Джона по плечу. — Я как раз хотел сказать то же самое. Мы подождем, пока похоронят Букеров, а затем нанесем визит Хортону. Я все подготовлю. Куртис, оповести всех наших.

Они еще немного поговорили, а затем вернулись к теме убийства. Когда Куртис стал в деталях пересказывать то, что услышал от Мей Макси, Джон неожиданно встал и сказал, что ему пора домой. Когда он выходил, в парикмахерской стояла тишина, но Джон прекрасно знал, кто будет предметом разговора после того, как за ним захлопнется дверь, — Рамона. В его присутствии ее имя никогда не упоминалось, но Джон знал, что стоит ему уйти, как приятели начнут перемывать косточки его жене, обсуждая то, что им в ней не нравится, и то, чего они боятся. Джон не мог их винить. Но он оставался сыном Готорна, и в его присутствии они были почтительны. «Все, за исключением этой толстой свиньи Лейтона», — подумал Джон, направляясь к своему автомобилю.

Он уселся в кабину «олдсмобиля» и съехал с обочины. Притормозив у дома Букеров — «помоги мне, помоги мне», говорила Джули-Энн, — он увидел два припаркованных полицейских автомобиля. Один полицейский бродил между деревьев позади дома, тыкая щупом землю. Еще двое методично отдирали обшивку террасы. «Никогда они не найдут мальчишку, — подумал Джон. — Если он все-таки убежал, то так напуган, что

никогда не вернется обратно. А если он мертв, то Дейв позаботился о трупе».

Мельком взглянув на шоссе, он не поверил своим глазам. Две одинокие фигуры стояли на обочине прямо перед домом Букеров. Рамона, одетая в свое тяжелое коричневое пальто, держала за руку Билли. Ее глаза были закрыты, а голова слегка откинута назад. Джон ударил по тормозам «олдса» и, даже не успев до конца опустить стекло, закричал:

— Рамона! Идите сюда оба! Залезайте в автомобиль!

Билли испуганно вздрогнул, а Рамона еще мгновение продолжала спокойно стоять с открытыми глазами.

— РАМОНА! — прогремел Джон, и его лицо покраснело от гнева. Удивительно, что жена отважилась выйти из дома в такой леденящий холод, — она редко покидала дом даже в жаркие летние дни. Тем не менее она притащилась сюда и зачем-то привела с собой Билли.

— Садитесь в машину сейчас же!

Наконец они перешли дорогу и забрались в автомобиль. Билли дрожал, сидя между родителями. Джон переключил скорость и тронулся вперед.

— Что ты здесь делала? — сердито спросил он Рамону. — Зачем привела мальчика? Разве ты не знаешь, что произошло здесь ночью?

— Знаю.

— Значит, ты привела Билли посмотреть на *это?* Боже мой! — Он чувствовал себя как фитиль динамитной шашки. — Ты думаешь, он не узнает про это в школе?

— Узнаю о чем? — слабым голосом спросил Билли, чувствуя, что искры ссоры вот-вот разгорятся бушующим пламенем.

— Ничего, — ответил Джон. — Тебе не следует волноваться, сынок.

— Он должен знать. И должен услышать это от нас, а не в школе...

— Замолчи! — неожиданно закричал Джон. — Замолчи, поняла?

Он ехал так быстро, что едва не проскочил поворот. Тормоза завизжали, и «олдс» неуклюже повернул к дому. Рамона смот-

рела в окно, сцепив руки на коленях, а Билли сидел, низко наклонив голову. Он хотел узнать, что делают полицейские машины возле дома Вилла и почему Вилл не был сегодня в школе. Он слышал какие-то разговоры, от которых ему становилось не по себе. Случилось нечто ужасное, но никто не знал точно, что именно. Джонни Паркер произнес слова «дом убийства», но Билли испуганно заткнул уши.

— Не можешь не вмешаться, да? — проговорил Джон сквозь стиснутые зубы. «Олдс» ехал по проселочной дороге, раскидывая камни и разбрызгивая грязь. — Тебе еще недостаточно смерти и зла? Ты хочешь и сына вовлечь в это дело? Нет, ты не можешь сидеть спокойно, не можешь остаться в стороне, когда чувствуешь в воздухе смерть? Ты не можешь вести себя, как другие...

— Достаточно, — тихо, но твердо перебила его Рамона.

На несколько секунд кровь отхлынула от лица Джона, но затем оно приобрело отвратительный багровый цвет.

— ЧЕРТ ПОБЕРИ! — заорал он. — Ты не должна уходить из дома и разгуливать по городу! Ты должна затаиться, как мышка, поняла? — Джон остановил машину и выдернул ключ из замка зажигания. — Не смей больше подходить к этому дому, ясно?

Он протянул руку и схватил Рамону за подбородок, так, чтобы поймать ее взгляд, который оказался отрешенным и далеким. Этот взгляд окончательно вывел Джона из себя. Ему мучительно захотелось ударить жену, но он вовремя вспомнил о Билли.

— Я больше не желаю слышать весь этот твой бред, ты слышишь меня? Отвечай, когда я с тобой разговариваю!

В неожиданно наступившей гнетущей тишине Джон услышал всхлипывания Билли. Его пронзило чувство стыда, однако гнев еще не остыл.

— ОТВЕЧАЙ МНЕ! — закричал он.

Рамона стояла тихо и неподвижно. В ее глазах были слезы. Она долго внимательно смотрела на мужа, прежде чем ответить, а он в это время чувствовал себя как жук, только что вскарабкавшийся на скалу.

— Я слышу тебя, — тихо произнесла Рамона.

— Так-то лучше!

Он отпустил ее подбородок, вылез из машины и заспешил в дом, не решаясь оглянуться на жену и сына, поскольку гнев, страх и чувство вины стали медленно засасывать его, как мокрая земля засасывает плуг. В гостиной он вцепился в Библию, желая найти в ней слова, способные облегчить мучительную боль в душе.

Когда Рамона и Билли вошли в дом, Джон уже сидел у камина, листая Библию. Он читал, сдвинув брови и шевеля губами. Рамона сжала плечо сына, давая ему понять, чтобы он тихо прошел к себе, а затем удалилась на кухню заканчивать овощной пирог, сделанный из остатков нескольких обедов. Билли подкинул в камин еще одно полено, а затем с кочергой уселся у огня. В воздухе еще носились отголоски бури, но большая ее часть уже миновала, и он надеялся, что теперь все пойдет на лад. Он хотел спросить у отца, что же на самом деле случилось с Виллом и почему те мужчины ломали террасу, но чувствовал, что случилось что-то плохое, что вызвало очередную ссору между родителями. Он отложил кочергу, одобрительно взглянул на отца — тот, погрузившись в Книгу пророка Даниила, не глядел на сына, — сел за свой маленький столик, стоящий рядом с кроватью, и стал заниматься домашним заданием.

В доме стояла полная тишина, нарушаемая только потрескиванием поленьев да звоном посуды на кухне. Билли читал слова, которые следовало заучить, но его мысли возвращались к тому, что говорил в машине отец: «Смерть и зло... смерть и зло... тебе еще недостаточно смерти и зла?» Он жевал ластик, размышляя о том, что имел в виду папа: означает ли это, что смерть и зло ходят вместе, подстриженные на один манер и в одинаковой одежде, как братья Массей? Или они имеют одно и то же происхождение, но впоследствии каким-то образом стали отличаться друг от друга, как если бы, скажем, один из братьев Массей стал поклоняться Сатане, а другой обратился к Богу. Билли обнаружил, что таращится на отца, читающего Библию, и подумал, что однажды он поймет все эти вещи так,

как их понимают взрослые. Он заставил себя вернуться к домашнему заданию, но перед глазами вставал и вставал темный тихий дом и люди, отдиравшие обшивку террасы.

Тем временем Джон восхищался силою слов Даниила. Ему нравилось думать, что они с Даниилом сошлись бы. Иногда Джону казалось, что вся жизнь — это львиный ров. Кровожадные животные рычат со всех сторон, а Дьявол смеется над муками очередной жертвы. «По крайней мере, — думал он, — для меня это почти что правда». Он подался вперед и прочитал речь Даниила перед Дарием: «Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что пред Ним я оказался чист...»

...пред Ним оказался чист...

Джон перечитал отрывок и захлопнул книгу. Чист. Он ничего не мог тогда сделать для Джули-Энн, Кэти, Вилла или Дейва Букера. Он чувствовал, эта выдержка из Священного Писания говорит ему: все было правильно, и теперь надо прогнать тревогу, оставить прошлое в покое.

Он взглянул на потрескивающее пламя. Когда он женился на Рамоне — бог знает, почему он женился на ней, если не считать, что ему казалось, будто Рамона самая прекрасная девушка в мире, что ему было всего двадцать и что он понятия не имел о любви, долге и ответственности, — он вступил в львиный ров, не подозревая об этом, и теперь ему приходится постоянно быть настороже, дабы не попасть в лапы Дьявола. Джон снова и снова молился, чтобы его сына не коснулись ее темные силы. Если же это произойдет... Джон вздрогнул, мысленно представив себя на месте Дейва Букера, раскраивающим головы Рамоны и Билли бейсбольной битой, а затем подпирающим ружьем свой подбородок. «Боже праведный!» — мысленно воскликнул он и прогнал видение прочь.

Отложив Библию, он встал и направился в спальню. Его сердце забилось чаще, когда он вспомнил о преподобном Хортоне, пробирающемся в Дасктаун. Он не желал участвовать в намечающемся мероприятии, но знал, что этого ждут от него другие. Он открыл гардероб и достал перевязанную шпагатом

коробку. Разрезав веревку перочинным ножом, Джон снял крышку и разложил на кровати свой клановский балахон.

Сшитый из желтой хлопчатобумажной ткани, он выглядел мятым и грязным, но, сжав материал в кулаке, Джон почувствовал исходящую от него силу правосудия.

А на кухне Рамона, замешивая тесто, услышала далекий крик голубой сойки и поняла, что зимние холода подошли к концу.

5

Преподобный Джим Хортон, придерживая руль старенького «форда», устало тер глаза, пытаясь сосредоточить внимание на дороге. Заканчивалась долгая ужасная неделя; завтра воскресенье, а ему еще нужно закончить текст проповеди, которую он озаглавил «Почему Господь допустил это?». Сегодняшнюю ночь придется провести за письменным столом. Хортон понимал, что в последнее время они с женой все более отдаляются друг от друга, но он предупреждал ее много лет назад: жизненный путь супруги деревенского священника отнюдь не усыпан розами.

Фары автомобиля прорезали дыры в темноте. Несмотря на то что сегодня к вечеру стало заметно теплее, печка все равно не помогала. Хортон вспоминал, как опускались в мерзлую землю тела Дейва Букера, Джули-Энн и Кэти. Во время отпевания гробы, разумеется, были закрыты, а мать Джули-Энн, миссис Миммс, почти обессилела от горя. Вечером Хортон проехал пятнадцать миль до дома миссис Миммс, чтобы немного поговорить с ней, поскольку старушка жила одна, а эта трагедия почти сокрушила ее. Он предложил ей приехать завтра утром в церковь, а когда стал уходить, старая леди вцепилась ему в руку и зарыдала, как ребенок.

Хортон знал, что шериф все еще разыскивает труп Вилла. Вчера, исследуя землю щупом, полицейские почувствовали запах разлагающегося мяса, но когда рабочие выкопали труп, это

оказался Бу, пес Букеров. В частной беседе Бромли сказал священнику, что скорее всего Вилла никогда не найдут, поскольку существует слишком много мест, где Дейв мог запрятать тело. «Возможно, это и к лучшему, — думал Хортон, — миссис Миммс этого не выдержит, как, впрочем, и Готорн».

Хортон знал, что ходит по лезвию ножа. Мир менялся благодаря таким людям, как доктор Мартин Лютер Кинг, но не настолько быстро, чтобы люди в Дасктауне уже сейчас вздохнули свободно. В последние несколько недель он чувствовал, что кое-чего достиг: он помогал старейшинам Дасктауна отстраивать сгоревшую церковь, вошел в комитет по организации благотворительных обедов, достал деньги на покупку строевого леса на лесопилке. Но еще многое предстояло сделать.

Его размышления прервал ослепительный свет фар. Он инстинктивно крутанул руль влево, прежде чем понял, что свет отражается от зеркала заднего вида. Мимо промчался красный «шевроле», обогнав его так, будто машина священника стояла на месте. На мгновение Хортону показалось, что из салона на него глядело чье-то бледное лицо. Он услышал, как впереди «шевроле» трижды просигналил. «Сумасбродные дети субботней ночью», — подумал священник. Через несколько минут он будет в Готорне; Кэрол, наверное, уже сварила кофе. Когда Хортон проехал поворот, за которым исчез «шевроле», ему показалось, что он видит на дороге какое-то красноватое мерцание. Священник сразу же вспомнил похороны Букеров и Рамону Крикмор. Рамона вышла из толпы и остановилась на краю могилы Джули-Энн. Ее руки поднимались и опускались; красные лепестки диких цветов, должно быть, растущих в каких-нибудь укромных, заповедных уголках леса, медленно падали на землю. Хортон знал, что Рамону Крикмор недолюбливают, однако за восемь месяцев, проведенных им в должности священника Готорна, так и не определил почему. Рамона никогда не посещала церковь, да и в городе Хортон видел ее всего несколько раз, но она всегда выглядела мило и не напоминала человека, которого нужно бояться...

Впереди на дороге мелькнула какая-то тень. Хортон думал о лепестках, падающих вниз, а потом...

Фары выхватили из темноты два больших стога сена, которые перегораживали дорогу «форду». Со страхом священник понял, что не успеет затормозить. Он резко бросил машину вправо, и автомобиль врезался в один из стогов. От рывка Хортон лязгнул зубами и с размаху стукнулся плечом о рулевое колесо. «Форд», потерявший управление, съехал с дороги и пропахал густые сорняки. Попав передними колесами в кювет, он накренился, взбаламучивая грязь на дне глубокой канавы. Двигатель фыркнул и заглох.

Ошеломленный Хортон дрожащей рукой погладил нижнюю губу, затем взглянул на пальцы и, увидев на них красные лепестки, понял, что прикусил язык. Внезапно в темноте вокруг автомобиля возникли странные светлячки, которые окружили его и стали приближаться.

Дверь машины распахнулась. Священник испуганно вгляделся в ослепительный свет карманных фонарей, за которым виднелись белые фигуры. Кто-то закричал:

— Оттащите это дерьмо от дороги! Быстрее!

Хортон понял, откуда появились стоги сена, и сглотнул кровавую слюну. Его левый глаз заплыл, а к голове подкатила волна боли. Голос напротив него произнес:

— Он весь в крови!

И другой, приглушенный маской, ответил:

— Черт с ним! Ты готов им заняться? Хортон, веди себя тихо, понял? Нам бы не хотелось действовать грубо.

Белые фигуры в капюшонах вытащили Хортона из «форда». Чьи-то руки завязали ему глаза повязкой из грубой материи.

Клановцы бросили священника на сиденье пикапа и накрыли мешковиной. Двигатель взревел, и грузовик двинулся по лесной дороге. Хортона держали несколько человек. Он представлял, что с ним могут сделать, но сопротивляться было бесполезно. Он продолжал сплевывать кровь, пока кто-то не дернул его и не прошептал:

— Перестань, ты, любитель ниггеров!

— Вы не понимаете, — проговорил Хортон, шевеля искалеченными губами. — Позвольте мне...

Кто-то схватил его за волосы и заскрежетал прямо в ухо:

— Ты думаешь, мы идиоты? — Хортон почти узнал этот голос: Ли Сейер? Ральф Лейтон? — Ниггеры пытаются подмять под себя всю страну, а белая дрянь вроде тебя, к сожалению, помогает им! Ты тащишь их в школы и церкви, а они тянут тебя туда, где находятся сами. Клянусь Господом, пока я дышу и пока моя рука держит пистолет, ни один ниггер не возьмет того, что принадлежит мне по праву!

— Вы не... — начал священник, но понял, что это бесполезно. Грузовик притормозил, объезжая последнюю колдобину на дороге, и остановился.

— Мы поймали его! — выкрикнул кто-то. — Как два пальца...

— Свяжите ему руки, — приказал грубый голос.

6

Кэрол Хортон знала, что ее муж мог задержаться у миссис Миммс или заехать к кому-нибудь по дороге. Но стрелки часов показывали уже полдвенадцатого, и она сильно беспокоилась. Вдруг что-то случилось с автомобилем: прокол или другая какая-нибудь неприятность? Джим уехал уставшим и расстроенным, и Кэрол долго еще размышляла о той непосильной ноше, которую взвалил на себя ее муж.

Она оторвалась от книги по истории Гражданской войны и взглянула на телефон. Миссис Миммс наверняка спит. Может, позвонить шерифу? Нет, когда Бромли услышит, почему она его беспокоит...

В дверь быстро постучали. Кэрол подпрыгнула на стуле и поспешила открыть, пытаясь придать своему лицу спокойное выражение. Если за дверью стоит шериф Бромли, который привез известие о несчастном случае на дороге, она этого не выдержит. Подойдя к двери, Кэрол услышала шум отъезжающего грузовика и мужской смех. С громко стучащим сердцем она отперла дверь.

Кэрол облегченно вздохнула, не найдя никого за дверью. Это была шутка, подумала она; кто-то решил испугать ее. Но в

следующий момент у нее перехватило дыхание, когда она заметила под соснами черно-белый клубок тряпья. Холодный ветер оторвал несколько белых лоскутков и унес их прочь.

«Перья», — неожиданно поняла Кэрол и рассмеялась. Но кому пришло в голову притащить к ним во двор кучу перьев? Женщина спустилась с террасы, но, не дойдя до странного предмета пяти шагов, остановилась, ее ноги стали ватными. Перед ней сидел человек, на шее которого болтался грубо сделанный рукописный плакат: «ЛЮБИТЕЛЬ НЕГРОВ (ВОТ ТАК С НИМИ ПОСТУПАЮТ)».

Кэрол не вскрикнула, когда сидящий открыл глаза, большие и белые, как у нарисованного менестреля. Она не закричала, когда ужасное распухшее лицо, блестя в темноте, повернулось к ней. Она сдержалась, когда его рука, черная и смердящая, медленно поднялась, хватаясь за воздух.

Крик вырвался из ее груди, когда человек открыл облепленный дегтем рот и прошептал ее имя.

Перья плясали на ветру. Готэм лежал в долине, как спящий ребенок. Ветер, как живое существо, бродил по комнатам темного дома Букеров, где на стенах и потолке виднелись бурые пятна засохшей крови, слышались неуверенные шаги и тихое тоскливое рыдание.

2. КУЧА УГЛЯ

7

— Вот она, Билли!

— Обними ее, Билли!

— Жених и невеста, жених и невеста...

Эта ужасная присказка переполнила чашу его терпения. Он бросился на своих мучителей — Джонни Паркера, Рикки Сейлса и Батча Брайанта, — как булавой, размахивая подвязанны-

ми на резиновой ленте школьными учебниками. Мальчики бросились врассыпную, дразнясь и показывая Билли нос, а он остался стоять в центре софтбольного поля, шипя и брызжа слюной.

Они никак не могли понять, почему Билли стал обращать внимание на Мелиссу Петтус. Конечно, у нее были длинные красивые светлые волосы, перехваченные резинкой, но вы же не станете суетиться, например, из-за симпатичного щенка. Поэтому сегодня, увидев на поле для софтбола идущую впереди Мелиссу, приятели решили повеселиться за счет Билли. Они не ожидали такой бурной реакции и ужасно обрадовались, особенно когда все заметили, что Мелисса остановилась и наблюдает за происходящим.

— Любовник, любовник, Билли — любов... — каркал Рикки Сейлс. Он быстро увернулся, потому что Билли бросился к нему, вращая учебниками, словно паровая машина.

Неожиданно резина с жалобным стоном лопнула, и книги шлепнулись на землю, подняв тучу пыли.

— О... черт возьми! — сказал Билли и немедленно устыдился своих слов.

Мальчишки завыли от смеха, однако вся злость у него сразу испарилась: он знал, что миссис Куртис больше всего не любит грязные учебники по арифметике, а тем более — рваные. Приятели еще немного попрыгали вокруг Билли, стараясь не подходить слишком близко, но заметив, что он больше не обращает на них внимания, побежали на другую сторону поля. Рикки оглянулся и крикнул:

— Увидимся позже, Билли! Хорошо?

Билли нехотя помахал в ответ, думая о перепачканных книгах. Он повернулся, чтобы поднять учебник по арифметике, но увидел, что его уже подняла Мелисса. На ее щеках дрожала желтая пыльца, а волосы, сверкая в солнечном свете, казались золотыми нитями. Застенчиво улыбаясь, она протянула ему книгу.

— Спасибо, — пробормотал Билли и взял учебник. «Что мне ей сказать?» — подумал он, обтирая обложку о свои брюки. Он

направился к дому, чувствуя, что Мелисса идет следом за ним, всего в нескольких шагах. Это почему-то приводило его в возбуждение.

— Я видела, что твои книги упали, — после продолжительного молчания проговорила Мелисса.

— Да, все в порядке. Они немножко запачкались.

— Мне на сегодня задали сто слогов.

— О, — ему задали всего восемьдесят пять, — я пару сложных слов пропустил.

Из зарослей травы, по которой они шагали, то и дело вылетали желтые бабочки. Из леса доносился звук работающей лесопилки, прерываемый треском оттаскиваемых конвейером бревен.

«Что мне ей сказать?» — снова спросил себя Билли, впадая в панику.

— Тебе нравится «Одинокий странник»?

— Не знаю, — пожала плечами Мелисса.

— В прошлую субботу мы ездили в кинотеатр Файета и знаешь, что мы смотрели? «Одинокий странник и золотой каньон», но я заснул, прежде чем он закончился. Он ездил на лошади по кличке Серебрянка и стрелял серебряными пулями.

— Почему серебряными?

Билли взглянул на Мелиссу, пораженный таким вопросом.

— Потому что серебряные пули наверняка убивают плохих парней, — объяснил он. — А еще там были индейцы-апачи. Я тоже немножко индеец, ты знаешь? Мама говорит, что я частично чокто. Чокто — лесное племя, жившее давным-давно в этих местах. Они охотились, ловили рыбу и жили в хижинах.

— А я американка, — сказала Мелисса. — Если ты индеец, почему на тебе нет боевой раскраски и мокасин?

— Потому что я не на тропе войны. Кроме того, мама говорила, что чокто были миролюбивые и не любили воевать.

Мелиссе Билли казался привлекательным, но родители говорили о Крикморах страшные вещи: что Рамона хранит на пол-

ках в кухне банки с крыльями летучих мышей, глазами ящериц и могильной землей; что вышивки, которые она делает, — самые сложные в мире, потому что почною порой ей помогают их делать демоны, и что Билли, который очень похож на мать и совершенно не похож на отца, тоже заражен греховной кровью, бурлящей в его венах, как красное варево в ведьминой кастрюле. Но несмотря ни на что, Билли Мелиссе нравился. Хотя она не могла позволить ему проводить ее до самого дома — вдруг родители увидят их вместе?

Они подошли к узкой дорожке, ведущей к дому Петтусов.

— Ну я пойду, — сказала Мелисса. — Пока!

Она двинулась к дому, держа в охапке учебники и отбиваясь от сорняков, которые цеплялись за подол ее платья.

— До свидания! — крикнул Билли ей вслед. — Спасибо за помощь!

Он думал, Мелисса не обернется, а когда она обернулась — с солнечной улыбкой, — почувствовал, что тает, как вишневая конфетка. Небо сразу стало таким огромным и голубым, как подарочные подносы, которые Грэм сделал для своей мамы на день рождения в прошлом месяце. Билли развернулся и пошел через поле к своему дому. Обнаружив в кармане десятицентовик, он зашел в магазин, купил «Баттерфингер» и, жуя его, двинулся по шоссе. «Жених и невеста, жених и невеста!» Может быть, Мелисса станет его подружкой, неожиданно подумал он. Краска стыда залила лицо Билли, когда он вспомнил обложки журналов «Настоящая любовь», «Рассказы о любви» и «Молодой романтик», которые часто отвлекали его внимание, когда он копался в комиксах, лежащих на прилавке книжного магазина.

Вдруг на него упала тень. Он поднял голову и увидел дом Букеров.

Билли замер. Зеленый дом стал серым, краска отошла от стен длинными полосами. Грязные белые ставни качались на поломанных петлях и не закрывали окна с разбитыми стеклами. Входная дверь осела, на ней было написано красными буквами: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ! НЕ ВХО-

ДИТЬ!» Сорняки и лоза кадзу облепили стены дома и заполонили все пространство вокруг него. Билли показалось, что волос коснулось мягкое, приглушенное дыхание бриза, и он вспомнил удивительно печальное стихотворение, которое как-то раз читала в классе миссис Кулленс. В нем говорилось о доме, в котором никто не живет, и Билли понял, что если он сейчас же не уйдет отсюда, то почувствует в воздухе печаль.

Но он не двинулся с места. Он обещал папе еще тогда, в январе, сразу после случившегося, что никогда близко не подойдет к этому дому, ни разу даже не остановится рядом с ним, как он сделал это сейчас. Он хранил свое обещание более трех месяцев, но ежедневно проходя по дороге в школу мимо дома Букеров, обнаружил, что с каждым разом проходит на один-два шага ближе к парадной двери. Стоя сейчас в тени дома, накрывшей его, как холодная простыня, Билли понял, что ему ужасно хочется подняться по ступеням на террасу. Он был уверен, что дом хранит какую-то тайну, но стоит ему войти и посмотреть на все самому — все загадки, связанные с сумасшествием мистера Букера и гибелью его семьи, разрешатся как по мановению волшебной палочки.

Мама пыталась рассказать ему о Смерти, о том, что Букеры «перенеслись» в другое место и что Вилл, вероятно, тоже «перенесся», только никто не знает, где лежит его тело. Она говорила, что скорее всего он спит где-нибудь в лесу, на кровати из зеленой травы и подушке из сухих листьев, а белые грибы растут вокруг него, как тоненькие свечки, спасающие от темноты.

Билли поднялся на две ступени и стоял, глядя на входную дверь. Он же обещал папе не ходить сюда! Билли мучился, но не мог повернуть обратно. То, что с ним сейчас происходит, напоминало рассказ об Адаме и Еве, который папа читал ему несколько раз. Билли хотел быть хорошим и жить в Раю, но этот дом — «дом убийства», как все его называли, — был для него Запретным Плодом с древа Познания. Мальчик переминался с ноги на ногу и никак не мог принять решение.

Иногда, когда Билли проходил мимо дома Букеров, даже не взглянув на него, ему казалось, что он слышит мягкий тоскливый звук, раздающийся в ветвях деревьев, который заставлял его обернуться; иногда ему казалось, что кто-то шепчет его имя, а один раз ему привиделась маленькая фигурка, стоящая возле одного из открытых окон. «Знаешь, что я слышал? — спросил его несколько дней назад Джонни Паркер. — В доме Букеров полно привидений! Папа не позволяет мне играть около него, потому что ночью люди видели там огни и слышали крики. Старик Келлер рассказывал моему папе, что мистер Букер отрезал Кэти голову и повесил ее на спинку кровати, а мой папа считает, что мистер Букер разрезал Вилла на маленькие кусочки и разбросал по лесу».

«Вилл был моим лучшим другом, — подумал Билли, — в доме нет ничего, что могло бы мне повредить...» «Только взгляни одним глазком», — уговаривало его любопытство.

Он взглянул на шоссе, думая о своем отце, работающем сейчас на кукурузном поле. *Только одним глазком.* Билли положил учебники на ступени, поднялся на террасу и со стучащим сердцем встал перед осевшей дверью. Никогда раньше она не казалась ему такой массивной, а дом таким темным и полным тайн. История Адама и Евы пронеслась у него в голове как последний шанс повернуть назад. «Согрешив однажды, — думал Билли, — сунувшись однажды туда, куда не следует, человек никогда не вернется на прежний путь; покинув однажды Рай, назад не вернуться...»

Крик голубой сойки заставил его подпрыгнуть. Ему показалось, что кто-то с тихим вздохом произнес его имя. Мальчик внимательно прислушался, но больше ничего не услышал. «Мама зовет меня, — подумал Билли, — потому что я опаздываю. Надо поторопиться!» Он взглянул налево, в дыру, где полицейские искали тело Вилла. Затем взялся за дверную ручку. Дверь отвратительно заскрипела, и в лицо Билли пахнуло пылью.

«Вступив однажды из Рая во Тьму...»

Он глубоко вдохнул застоявшийся воздух и через образовавшуюся щель вошел в дом убийства.

8

Из огромной гостиной была вывезена вся мебель. Исчезли даже репродукция «Тайной Вечери» и чучело рыбы. На полу валялись пожелтевшие газеты. Лоза кадзу, сквозь щели в окнах проникнув в дом, змеилась под потолком. Взгляд Билли остановился на большом буром пятне на потолке как раз над тем местом, где раньше стояла софа. В доме царил густой зеленый полумрак, в углах блестела паутина, и две осы летали по комнате в поисках места для гнезда. Природа трудилась вовсю, разбирая дом Букеров на исходные элементы.

Пересекая комнату, Билли сдвинул несколько газет, открыв ужасные коричневые пятна на полу. Мальчик аккуратно накрыл их снова. Выходя в переднюю, он попал головой в паутину, и у него по спине пробежал холодок. В комнате, принадлежавшей мистеру и миссис Букер, тоже не было ничего, кроме сломанного стула и газет на полу. В комнате Вилла и Кэти коричневые пятна и подтеки покрывали все стены, как будто кто-то стрелял здесь краской из ружья. Билли быстро вышел из детской, сердце вдруг застучало так, будто ему не хватало воздуха. В комнатах было тихо, но дом казался живым существом: поскрипывали половицы, стены, оседавшие в землю. До Билли донеслось визжание циркулярной пилы и лай собаки. В теплом апрельском воздухе звуки разносились удивительно далеко.

В кухне мальчик обнаружил металлическую бочку со странным набором предметов: бигуди, судочки для льда, моток рыболовной лески, комиксы и газеты, испачканные коричневым тряпки, битые чашки и тарелки, вешалка для шляп, пара старых кед, принадлежавших Виллу.

Сердце Билла сжалось от тоски. «Это все, что осталось от Букеров», — подумал он и положил ладонь на холодный обод бочки. Где та жизнь, что была здесь? Он не понимал, что такое Смерть, и почувствовал ужасное одиночество, охватившее его как январский ветер. Листья змееобразных лоз, нашедших дорогу сквозь разбитые окна, казалось, предупреждали его: «Уходи отсюда, уходи отсюда, уходи отсюда... пока не поздно».

Билли повернулся и побежал в переднюю, оглядываясь, чтобы убедиться, что за ним не гонится распухший и улыбающийся труп мистера Букера с ружьем и желтой шляпой на голове.

Слезы страха обожгли глаза, лицо и волосы покрылись паутиной. Скорее, скорее на улицу! Но в тот момент, когда Билли пробегал мимо двери, ведущей в погреб, что-то резко стукнуло в нее изнутри.

Билли завизжал и бросился обратно. Прижимаясь к кухонной стене, он впился взглядом в дверную ручку подвальной двери, ожидая, что она... медленно... повернется. Но ничего подобного не произошло. Билли взглянул на входную дверь, готовый бежать, не дожидаясь, пока то, что обитает в доме убийства, выпрыгнет на него из подвала.

А затем... Бам! Тишина! Глаза Билли расширились от страха, а глубоко в горле возник низкий бурлящий звук.

Бам!

Когда звук прозвучал в третий раз, мальчик понял, откуда он раздается: кто-то бросал в дверь кусочки угля, подбирая их из большой кучи, лежащей в подвале рядом с топкой обогревательной системы.

Наступила долгая тишина.

— Кто там? — произнес Билли.

В ответ послышался шум, похожий на шум осыпающегося угля. Он продолжался и продолжался, пока Билли не зажал пальцами уши, а затем внезапно прекратился.

— Кем бы вы ни были, вы не имеете права находиться здесь! — крикнул Билли. — Это частная собственность!

Он попытался придать своему голосу как можно больше внушительности.

Заставив себя подойти к страшной двери, мальчик медленно взялся за дверную ручку, и в нем сразу что-то запульсировало, как будто через его тело пропустили электрический ток. Он распахнул дверь и отскочил к противоположной стене. В подвале было темно, как в пещере, и из темноты доносился холодный масляный запах.

— Я позову шерифа Бромли! — предупредил Билли.

Никакой реакции не последовало, и Билли увидел, что на верхних ступенях лестницы нет ни кусочка угля. Наверное, они скатились вниз или отскочили назад, решил он. Однако теперь у него не было сомнений в том, что сердце тайны, которая три месяца изо дня в день шаг за шагом притягивала его к дому Букеров, бьется в тишине этого подвала. Он собрал всю свою храбрость — «ничто здесь не может мне повредить» — и шагнул в темноту.

Несколько серых лучиков света проникали в подвал сквозь маленькие грязные окна. Топка системы отопления походила на опаленную железную маску, рядом с ней возвышалась гора матово поблескивающего угля. Ступени закончились, и Билли нащупал ногой красный глиняный пол. Треугольный штык небольшой лопаты, прислоненный к стене, напоминал голову готовой к прыжку змеи. Билли обошел ее и осторожно, шаг за шагом, подходя к угольной куче, заметил, что у него изо рта идет пар. В подвале было гораздо холоднее, чем в доме. Руки Билли покрылись гусиной кожей, а волосы на затылке встали дыбом.

Билли остановился в нескольких футах от кучи угля, которая оказалась на несколько футов выше него. Глаза привыкли к полумраку, и теперь он уже мог разглядеть все закоулки подвала. Ну вот, никого не видно, и все же...

— Есть тут кто-нибудь? — спросил мальчик дрожащим голосом.

«Нет, — подумал он, — никого здесь нет. Но кто же тогда кидался в дверь?..»

Мысли внезапно застыли. Билли глядел на кучу угля и видел, что она шевелится.

Кусочки угля маленькой лавиной посыпались вниз. *«Беги!»* — крикнул внутренний голос. Но ноги Билли приклеились к полу, и он не мог оторвать взгляд от кучи. Что-то вылезало из угля: может быть, ключ к разгадке ужасной тайны, или улыбающийся мистер Букер в своей желтой шляпе, или сама сущность Зла, пришедшая, чтобы утащить его в Ад.

Неожиданно на поверхности кучи, примерно в трех футах над головой Билли, появилась маленькая белая ладонь. За ней — рука и плечо. Куски угля покатились в разные стороны. Через мгновение показалась маленькая голова, и ужасное, измученное лицо Вилла Букера с безнадежным отчаянием уставилось на него белыми невидящими глазами.

Рот пытался сложить серые губы в слова:

— Билли, скажи им, где я, Билли... скажи им, где я...

Горло Билли разорвал мучительный вой, и он, как бешеный краб, начал карабкаться по ступенькам погреба. Он слышал, как внизу перекатывается уголь, словно собираясь за ним в погоню. В передней мальчик упал, но тут же поднялся на ноги, услышав, как дом наполняет крик, похожий на звук выпускающего пар чайника. Он выскочил на террасу и побежал, забыв о своих учебниках, забыв все, кроме ужаса, находящегося в подвале Букеров, и крича всю дорогу до дома.

9

Джон тихонько приоткрыл дверь спальни. Мальчик лежал, свернувшись под одеялом и зарывшись лицом в подушку, но по крайней мере он перестал издавать эти ужасные всхлипывающие звуки. Билли плакал почти целый час с тех пор, как вернулся из школы. Джон думал, что никогда не забудет белое как мел лицо сына, перекошенное от ужаса.

Они с Рамоной уложили его в спальне, и он наконец-то успокоился. Пока Джон смотрел на сына, Билли дрожал под одеялом и бормотал что-то похожее на «угол, в углу». Джон подошел, чтобы поправить на Билли одеяло, и только тут увидел, что глаза сына широко открыты и неподвижно глядят в дальний угол комнаты.

Джон присел на кровать.

— Как ты себя чувствуешь?

Он потрогал лоб мальчика, хотя Рамона сказала, что лихорадки нет и не похоже, чтобы Билли был болен физически. Они

раздели его и осмотрели все тело в поисках змеиного укуса (Билли обожал лазить по самым темным уголкам леса), но ничего не нашли.

— Расскажи, что случилось?

Билли отрицательно потряс головой.

— Мама уже накрывает к ужину. Ты голоден?

Мальчик прошептал что-то похожее на «Баттерфингер».

— Что? Хочешь конфету? У нас есть сладкий картофель, подойдет?

Билли не ответил и стал смотреть прямо перед собой с такой напряженностью, что Джону стало не по себе. Он сжал плечо мальчика:

— Когда ты захочешь все рассказать, я тебя выслушаю.

Джон встал с постели, решив, что Билли наступил в лесу на змею, но не хочет признаться. Он пошел на кухню, где у печки хозяйничала Рамона. Кухню заливали лучи предвечернего солнца, из разнокалиберных кастрюль, стоящих на плите, поднимался ароматный пар.

— Ему лучше? — спросила Рамона.

— Немного успокоился. Что он говорил, когда прибежал?

— Ничего. Он не мог говорить, только всхлипывал. Я схватила его, обняла, и тут ты вернулся с поля.

— Да, — мрачно произнес Джон. — Я видел его лицо. Белое как мел. Интересно, во что же он вляпался?

Джон вздохнул и взъерошил волосы.

— Я думаю, он должен немного поспать. Когда он захочет поговорить, то обязательно даст нам знать.

— Да! Знаешь, что он хочет? «Баттерфингер», черт побери! — Джон остановился, наблюдая за женой, расставляющей тарелки на обеденном столе, а затем пошарил в карманах и достал несколько монет. — Может, съездить в магазин, пока он не закрылся, и купить ему парочку? Может, ему сразу станет легче?

Рамона согласно кивнула.

— Я накрою на стол через десять минут.

Джон вытащил из кармана ключи от машины и вышел во двор. Рамона продолжала стоять у печки, пока не услышала шум отъезжающей машины. Затем она сняла кастрюли с конфорок,

попробовала кукурузные лепешки и поспешила в спальню, на ходу вытирая мозолистые руки о фартук. Замерев у кровати, она взглянула на сына глазами, сверкающими, как полированный янтарь.

— Билли, — тихо позвала она.

Мальчик дернулся, но не ответил. Рамона коснулась пальцами его щеки.

— Нам нужно поговорить. Быстро, пока не вернулся отец.

— Нет... — всхлипнул Билли, прижимаясь лицом к подушке.

— Я хочу знать, куда ты ходил. Я хочу знать, что произошло. Билли, пожалуйста, посмотри на меня.

Билли повернулся так, чтобы видеть мать уголком распухшего от слез глаза. Его тело все еще сотрясали рыдания, которые он не мог сдержать.

— Наверное, ты пошел туда, куда папа запретил тебе ходить. Да? Ты ходил в дом Букеров. — Мальчик напрягся. — Я права?

Билли дрожал, схватившись руками за покрывало. Слезы снова потекли у него из глаз. В отчаянии он проговорил сквозь зубы:

— Я не хотел ходить туда, я обещал, что не буду! Я не плохой! Но я слышал... я слышал... я слышал... это в подвале, и я... я захотел посмотреть, в чем дело, а там... там... ужасно!

Лицо мальчика мучительно перекосилось, и Рамона, обнимая его, чтобы успокоить, почувствовала, как бешено стучит маленькое сердце. Но ей нужно было разобраться во всем до того, как вернется Джон, поэтому она продолжила расспросы.

— Что ты видел?

— Нет! Не могу... не могу сказать. Пожалуйста, не спрашивай.

— Что-то в подвале?

Билли содрогнулся. Видение, возникшее в мозгу, казалось сплошным гадким кошмаром, обрушившимся на него, как мокрая гнилая тряпка.

— Я ничего не видел!

Рамона схватила сына за плечи и внимательно поглядела в заплаканные глаза.

— Твой папа через несколько минут вернется. В душе он добрый человек, Билли, и я люблю в нем эту доброту, но я хочу, чтобы ты запомнил следующее: твой папа напуган и не может разобраться в том, чего он боится, потому что не понимает этого. Он любит нас; он любит тебя больше всего на свете, и я люблю тебя так, как ты и не догадываешься. А сейчас ты должен довериться мне, сынок. Это... то, что ты видел, разговаривало с тобой?

Взгляд Билли остекленел. Он с усилием утвердительно качнул головой, и из его полуоткрытого рта на одеяло потекла струйка слюны.

— Я так и думала, — тихо проговорила Рамона. Ее глаза просияли, но на лице появились глубокая озабоченность и ожидание скорой беды. «Он всего лишь маленький мальчик, — думала она, — он еще недостаточно крепок!» Рамона прикусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

— Я люблю тебя, — сказала она сыну. — И всегда поддержу, когда в этом будет необходимость...

Гудок парового котла лесопилки и стук входной двери слились в единое целое, заставив обоих вздрогнуть.

— Ужин еще не остыл? — с порога спросил Джон.

Рамона поцеловала сына в щеку и уложила его голову на подушку; Билли снова свернулся клубком и уставился невидящим взглядом в стену. «Шок, — подумала она. — Я тоже была в таком состоянии, когда это случилось со мной в первый раз. За ним надо присматривать несколько дней».

Когда Рамона подняла глаза, Джон стоял у двери. В правой руке он держал два «Баттерфингера», а левой опирался о косяк. Рамона понимала, что это игра ее воображения и, возможно, тусклого вечернего света, но ей показалось, что, вернувшись из города, муж постарел лет на десять. На его губах промелькнула усталая улыбка, когда он подошел к кровати и предложил Билли конфеты.

— Получай, сынок. Тебе лучше?

Билли с благодарностью взял конфеты, хотя не был голоден и не понимал, почему отец купил их.

— У тебя лицо словно пуфик, — сказал Джон. — Наверное, ты в лесу не туда свернул и увидел змею, а? — И не дожидаясь, пока Билли ответит, добавил: — Ну ладно. В следующий раз смотри себе под ноги. Не надо так пугать бедную маленькую гремучку.

Первый раз за день на губах Билли появилась слабая улыбка. «Он быстро оправится», — подумала Рамона.

— Я пойду накрывать на стол, — сказала она, погладила сына по щеке и прошла в гостиную мимо Джона, который неожиданно отпрянул от нее, как от зачумленной.

В кухне на стуле лежала стопа пыльных учебников.

10

Как только жемчужно-белый «кадиллак», сияя навощенными дверьми и задними килями, въехал на подъездную дорогу отеля «Татвайлер» в центре Бирмингема, по мраморным ступеням сразу же сбежал пожилой швейцар-негр в темно-красной униформе и фуражке. Проработав уже двадцать лет в «Татвайлере» — лучшем отеле Алабамы, — он привык к знаменитостям и с первого взгляда на «кадди» понял, что за тонированными стеклами автомобиля сидит так называемый американский сахар. Он заметил блестящий хромированный орнамент на капоте — две сплетенные для молитвы руки — и, сойдя на тротуар, потянулся к двери, желая помочь пассажиру выйти.

Однако не успел он коснуться ручки, как дверь словно по волшебству распахнулась, и из машины высунулся великан в ярко-желтом костюме, ослепительно белой рубашке и белом шелковом галстуке. Он не спеша выпрямил все свои шесть с лишним футов, и его грудь стала напоминать желтую стену.

— Великолепное утро, не правда ли? — пророкотал великан. На его высокий лоб падали пряди светлых волнистых волос, а подбородок имел квадратные очертания, что придавало

мужчине сходство с Щелкунчиком, готовым крушить орехи великолепными белыми зубами.

— Да, сэр, конечно, — согласно кивнул швейцар, заметив, что пешеходы на Двадцатой улице стали оглядываться, загипнотизированные силой, исходившей от голоса незнакомца.

Заметив, что он стал центром внимания, мужчина засветился, как солнце в июньский день, и сказал, обращаясь к водителю «кадиллака», молодому парню в льняном костюме:

— Припаркуйтесь прямо за углом.

Длинный блестящий автомобиль, как ленивый лев, съехал с тротуара.

— Да, сэр, хороший день, — повторил швейцар, не в силах оторвать глаза от ослепительного желтого костюма.

Мужчина ухмыльнулся и полез во внутренний карман плаща, переброшенного через руку. Швейцар ухмыльнулся в ответ — «американский сахар!» — и подался вперед, готовясь произнести «благодарю вас, сэр». В его руке хрустнула бумага, и великан, преодолев в два шага мраморную лестницу, как золотой локомотив, скрылся в дверях. Швейцар, будто отброшенный этим локомотивом, отступил назад, а затем принялся разглядывать то, что сжимал в руке. Это был небольшой буклетик, озаглавленный «Грех разрушил Римскую империю». Поперек титульного листа красными чернилами стояла подпись: «Дж. Дж. Фальконер».

В полумраке пышного кожано-деревянного интерьера «Татвайлера» Джимми Джеда Фалькопера встретил молодой адвокат Генри Брэгг. Они пожали друг другу руки и встали посреди обширного вестибюля, разговаривая о состоянии погоды, фермерстве и прочих пустяках.

— Наверху все готово, Генри? — спросил Фальконер.

— Да, сэр. С минуту на минуту ожидаем Форреста.

— Лимонад? — Фальконер поднял свои густые светлые брови.

— Да, мистер Фальконер. Я уже заказал.

Они вошли в лифт, и женщина-лифтер, вежливо улыбнувшись, повернула латунную ручку, увозя их на пятый этаж.

— Вы не взяли с собой жену и сына? — спросил Генри, нацепив на нос очки в черной роговой оправе. Он всего год назад окончил Правовую школу Алабамского университета и носил довольно идиотскую прическу, однако в остальном он был почти безупречным молодым человеком, чьи бдительные голубые глаза редко пропускали какое-либо жульничество. Генри Брэгг был польщен тем, что Дж.Дж. Фальконер запомнил его по совместной работе прошлой весной.

— Не-а. Камилла и Уэйн остались дома. Да, скажу я тебе, управляться с Уэйном — это почти то же самое, что стоять у станка полный рабочий день. — Он засмеялся. — Парень бегает со скоростью гончей.

Номер на пятом этаже был обставлен как офис. В нем стояли несколько столов, телефоны и шкафы для бумаг. Здесь же, в стороне от рабочих столов, находилась импровизированная приемная, вмещавшая несколько удобных стульев, кофейный столик и длинную софу, обрамленную медными светильниками. Рядом с софой стоял мольберт, а на стене висел большой флаг Конфедерации.

Коренастый мужчина с жидкими каштановыми волосами, одетый в светло-голубую рубашку с короткими рукавами и монограммой «Дж.Х.» на нагрудном кармане, оторвался от разбросанных на одном из столов бумаг и, улыбаясь, поднялся навстречу вошедшим.

Фальконер пожал ему руку.

— Рад тебя видеть, Джордж. Как семья?

— Прекрасно. А как Камилла и Уэйн?

— Жена очаровательна как никогда, а сын растет как на дрожжах. Теперь-то я вижу, кто лучший работник в этой конторе.

Он похлопал Джорджа Ходжеса по плечу, бросив косой взгляд на Генри, с лица которого исчезла мимолетная улыбка.

— Что это у тебя?

Ходжес пододвинул к нему пару папок.

— Предварительный бюджет. Налоговая ведомость. Сумма уплаченных за последние три года налогов. Расход на тридцать процентов выше, чем год назад.

Фальконер бросил на спинку стула плащ, тяжело опустился на софу и принялся изучать документы организации.

— В прошлом и позапрошлом году нам достались значительные пожертвования от «Петерсон констракшн», а в этом году их в списке нет. В чем дело?

Он в упор взглянул на своего менеджера.

— Мы связывались с ними дважды, приглашали старика Петерсона на обед на прошлой неделе, — объяснил Ходжес, затачивая карандаш. — Похоже, его сын в этом году приобрел в их фирме больший вес, а он считает, что палаточные проповеди... ну, старомодны, что ли. Компании необходимо снизить налоги, но...

— Ага, значит, в данном конкретном случае мы лаем не на то дерево. Господь любит щедрого дарителя, однако он берет в любом случае и в любом размере, если это способствует распространению его слова. — Фальконер улыбнулся, а за ним улыбнулись и остальные. — Вероятно, нам стоит поговорить с младшим Петерсоном. Я позвоню ему сам. Джордж, дайте мне его домашний телефон, хорошо?

— Мистер Фальконер, — сказал Брэгг, присев на один из стульев, — мне кажется — мне это только кажется! — что Петерсон попал в самую точку.

Ходжес напрягся и взглянул на Брэгга. Фальконер медленно поднял голову, оторвав взгляд от документа, который просматривал, и его голубовато-зеленые глаза блеснули.

Брэгг смущенно заерзал, ощутив страшный холод в поясничке.

— Я просто... хотел обратить ваше внимание на то, что мои исследования показали: большинство самых удачливых евангелистов перенесли акцент с радио и уличных проповедей на телевидение. Я думаю, что именно телевидение в течение следующего десятилетия станет могучей социальной силой и что с вашей стороны было бы мудрее...

Фальконер внезапно расхохотался.

— Послушай-ка этого молодого ученого, Джордж! — Он закашлялся. — Мне не надо напоминать, мальчик, насколько хорошо у тебя варит котелок. — Фальконер подался вперед, и с

его лица внезапно исчезла улыбка, а в глазах появилась сталь. — Я вот что тебе хочу сказать, Генри. Мой папа был задрипанным баптистским проповедником. Ты знаешь, что означает слово «задрипанный»? — Его рот искривился в грубой усмешке. — Ты вышел из обеспеченной семьи и скорее всего понятия не имеешь, что такое быть постоянно голодным. Моя мать от забот к двадцати пяти годам превратилась в старуху. Мы все время перебирались с места на место, словно бродяги. Это были тяжелые дни, Генри. Великая Депрессия. Никто не мог найти работу, поскольку все предприятия закрылись.

Фальконер покосился на флаг Конфедерации, и его глаза потемнели.

— Однажды кто-то пожалел нас и подарил родителям старую потрепанную палатку. Для нас, Генри, это был шикарнейший особняк. Мы разбили лагерь на обочине дороги, отец смастерил из досок крест и прибил к дереву плакат с надписью «КАЖДУЮ НОЧЬ ПАЛАТОЧНЫЕ ПРОПОВЕДИ ПРЕПОДОБНОГО ФАЛЬКОНЕРА! ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ!». Он проповедовал бродягам, которые шли в Бирмингем в поисках работы. Он был неплохим священником, однако именно под пологом этой палатки что-то вкладывало в его душу серу и огонь; он изгнал Дьявола из стольких мужчин и женщин, что Ад не успевал вербовать новых последователей. Люди восхваляли Бога, а демоны разлетались как ошпаренные. Незадолго до смерти у моего отца стало столько работы, что он уже не справлялся. Сотни людей искали его день и ночь. Поэтому мне пришлось помогать ему, а затем продолжить его дело.

Фальконер смерил взглядом Брэгга.

— Я согласился использовать радио-шоу десять лет назад. Радио-шоу — это прекрасно, но как быть тем, у кого нет радио? Что делать тем, у кого нет телевизора? Разве они не заслуживают внимания? Знаешь, сколько людей обратились к Иисусу прошлым летом, Генри? Минимум пятьдесят за ночь, пять раз в неделю с мая по август! Так, Джордж?

— Совершенно верно, Джи-Джи.

— Ты многообещающий молодой человек, — обратился Фальконер к адвокату. — И у тебя на уме идея экспансии.

Правильно? Порвать региональные связи и выйти на общегосударственный уровень? Это прекрасно, как раз за такие идеи я тебе и плачу. О да, все правильно, в конце концов так и будет, однако у меня в крови спесь! — Он усмехнулся. — С Иисусом в сердце и спесью в крови можно победить Сатану одной левой!

В дверь постучали, и в комнату вошел портье с тележкой, на которой стояли стаканы и кувшин холодного лимонада. Портье разлил лимонад и удалился, сжимая в руке религиозный буклетик.

Фальконер отхлебнул холодную жидкость.

— Здорово прочищает мозги. Кстати, насколько я понимаю, мистер Форрест забыл о нас?

— Я разговаривал с ним сегодня, Джи-Джи, — ответил Ходжес. — Он сказал, что с утра у него деловая встреча, но он приедет сразу же, как освободится.

Фальконер хмыкнул и уткнулся в газету алабамских баптистов.

Ходжес открыл папку и стал разбирать стопку писем и прошений — «писем фанатов Бога», как называл их Джи-Джи, — присланных со всего штата, в каждом содержалось приглашение «Крестовому походу Фальконера» посетить их город этим летом.

— Петиция из Гроу-хилла, подписей штук сто, — сообщил он Фальконеру. — Большинство прислали пожертвования.

— Господь не сидит без дела, — прокомментировал Фальконер, листая газету.

— А вот действительно интересное письмо. — Ходжес развернул перед собой линованную бумагу, покрытую в некоторых местах бурыми пятнами от жевательного табака. — Послание из города Готорна...

Фальконер оторвался от газеты.

— Это примерно в пятнадцати милях от Файета и в десяти милях от моего дома, если по прямой. Что там написано?

— Пишет некий Ли Сейер, — продолжил Ходжес. — Еще в феврале город остался без священника, и они с тех пор ограничиваются воскресными чтениями Библии. Когда мы в послед-

ний раз гастролировали по соседству с вашим родным городом, Джи-Джи?

— Года четыре назад или больше, — нахмурился Фалькопер. — Без священника... Вероятно, они уже истосковались по направляющей руке. Он не пишет, что стало с прежним священником?

— Он говорит, что священник заболел и уехал из города, чтобы сменить климат. Кроме того, Сейер пишет, что побывал на вашей проповеди в Тускалузе в прошлом году и спрашивает, не могли бы мы посетить Готорн этим летом.

— От моего города до Готорна практически рукой подать, — пробормотал Фалькопер. — Соберется народ из Окмэна, Пэттон-Джанкшна, Берри и дюжины других мелких городишек... Может, пора прокатиться по родным местам? Возьми на заметку это письмо, Джордж, и давай попробуем найти место в расписании.

Открылась дверь, и в комнату, первно улыбаясь, вошел тощий мужчина средних лет в мешковатом коричневом костюме. В одной руке он держал пузатый портфель, а другой прижимал к себе папку, с какими обычно ходят художники.

— Прошу прощения за опоздание, — извинился мужчина. — Встреча в офисе затянулась на час...

— Закрой дверь, а то здесь сквозняк. — Фалькопер приветственно помахал рукой и поднялся на ноги. — Посмотрим, что твои рекламщики подготовили для нас в этом году.

Форрест бочком подошел к мольберту, поставил портфель на пол и пристроил папку на мольберт так, чтобы всем присутствующим было видно. Под мышками у Форреста проступили темные круги.

— Настоящее пекло сегодня, да? Должно быть, все лето будет очень жарким. Могу я... э-э?.. — Он сделал движение в сторону тележки с лимонадом и, когда Фалькопер утвердительно кивнул, налил себе стакан. — Я думаю, вам понравится то, что мы сделали в этом году, Джи-Джи.

— Посмотрим.

Форрест поставил наполовину опустошенный стакан на кофейный столик, глубоко вздохнул и развернул три модели плакатов.

Затейливая надпись на первом плакате гласила: «СЕГОДНЯ НОЧЬЮ! ТОЛЬКО ОДНУ НОЧЬ! СМОТРИТЕ И СЛУШАЙТЕ ДЖИММИ ДЖЕДА ФАЛЬКОНЕРА И СТАНОВИТЕСЬ БЛИЖЕ К БОГУ!» Под надписью размещалась глянцевая фотография Фальконера с поднятыми в пламенном призывном жесте руками.

На втором плакате Фальконер стоял около книжного шкафа, обрамленный с двух сторон флагами Соединенных Штатов и Конфедерации. Он протягивал зрителю Библию, и на его лице сияла широкая улыбка.

Ниже простыми печатными буквами была нанесена надпись: «ВЕЛИЧАЙШИЙ ЕВАНГЕЛИСТ ЮГА ДЖИММИ ДЖЕД ФАЛЬКОНЕР! ТОЛЬКО ОДНА НОЧЬ! ПРИХОДИТЕ И СТАНЕТЕ БЛИЖЕ К БОГУ!»

Третий плакат представлял собой сплошной рисунок, изображающий Фальконера, поднявшего вверх разведенные в умиротворяющем жесте руки. Внизу на рисунок были наложены белые буквы: «ТОЛЬКО ОДНА НОЧЬ! СМОТРИТЕ И СЛУШАЙТЕ ДЖИММИ ДЖЕДА ФАЛЬКОНЕРА И СТАНОВИТЕСЬ БЛИЖЕ К БОГУ!» Фальконер подошел к мольберту.

— Последний рисунок просто замечательный, — сказал он. — Мне нравится. Мне действительно нравится! С такой рекламой сбрасываешь десяток лет, верно, Форрест?

Форрест улыбнулся, согласно кивнул и достал из кармана трубку и кисет. Прикурив со второй попытки, он выпустил клуб голубого дыма.

— Я рад, что плакат вам понравился, — проговорил он с облегчением.

— Но, — подчеркнул Фальконер тихим голосом, — что касается текста и шрифта, больше всего мне понравилась надпись на среднем плакате.

— О, нет проблем, мы можем совместить их как угодно.

Фальконер подошел еще ближе, пока не оказался в нескольких дюймах от своей фотографии.

— Это то, что мне нужно. Этот плакат убеждает. Мне нужно пять тысяч копий, но с другой надписью и шрифтом. К концу этого месяца.

Форрест прочистил горло.

— Ну... это несколько затруднительно... Но мы справимся. Нет проблем.

— Прекрасно. — Фальконер, сияя, отвернулся от плаката и вытащил трубку изо рта Форреста, как соску у младенца. — Я не терплю опозданий, мистер Форрест. И еще раз напоминаю: я не переношу запах дьявольского сорняка.

В его глазах что-то ярко блеснуло. С лица Форреста исчезла улыбка, а Фальконер опустил трубку в стакан с лимонадом. Раздалось легкое шипение.

— Курение вредно для здоровья, — тихо произнес Фальконер, будто разговаривал с непослушным ребенком, — но полезно для Дьявола.

Он оставил «виновника» в стакане, потрепал Форреста по плечу и снова стал любоваться плакатом.

Зазвонил один из телефонов. Ходжес быстро снял трубку.

— «Крестовый поход Фальконера». О, привет, Кемми, как у тебя... Да, конечно, секундочку. — Он протянул трубку Фальконеру. — Джи-Джи, это Камилла.

— Скажи, что я перезвоню, Джордж.

— Похоже, она чем-то встревожена.

Фальконер сделал паузу, а затем двумя широкими шагами подошел к телефону.

— Привет, дорогая. Чем могу помочь? — Он смотрел, как Форрест убирает плакаты, а затем вытаскивает из стакана намокшую трубку. — Что-что? Дорогая, очень плохо слышно. Повтори сначала. — Его лицо неожиданно вытянулось. — Тоби? Когда? Сильные повреждения? Я же предупреждал тебя, что эта охота за автомобилями до добра не доведет! Хорошо, успокойся... Попроси Уэйна помочь. Погрузите Тоби в трейлер и отвезите к доктору Консайдайну. Он лучший ветеринар в округе, и он не откажет тебе... — Фальконер не договорил и прижал трубку поплотнее к уху. Его рот открывался и закрывался, как у вытащенной на берег рыбы.

— ЧТО? — Голос проповедника прозвучал так безжизненно, что трое мужчин, находящихся в комнате, с удивлением пе-

реглянулись. Они никогда не видели Дж.Дж. Фальконера в подавленном настроении.

— Нет, — прошептал он. — Нет, Кемми, этого не может быть. Ты ошиблась. — По мере того как он слушал, его лицо начало бледнеть. — Я не... знаю, что делать... Ты абсолютно уверена? — Его мясистые руки готовы были переломить телефонную трубку пополам. — Уэйн с тобой? Хорошо, тогда слушай меня внимательно. Это не мое дело, просто слушай. Отвези пса в лечебницу, и пусть его как следует проверят. Не говори никому, кроме доктора Консайдайна, и еще скажи ему, что я просил сохранить это в тайне. Поняла? А теперь успокойся! Я буду дома через пару часов, выезжаю сразу, как только освобожусь. Ты точно в этом уверена? — Он помолчал и глубоко вздохнул: — Ну ладно. Целую тебя. Пока.

Фальконер положил трубку.

— Что-нибудь случилось, Джи-Джи? — спросил Ходжес.

— Тоби, — тихо ответил Фальконер. — Моя собака. Ее сбил грузовик.

— Примите мои соболезнования, — произнес Форрест. — Хорошую собаку трудно...

Фальконер обернулся. Его губы были растянуты в торжествующей улыбке, а лицо приобрело свекольно-красный оттенок. Он сжал кулаки и воздел их к потолку.

— Джентльмены! — Его голос захлестывали эмоции. — Неисповедимы Пути Господни!

3. ПАЛАТОЧНОЕ ШОУ

11

Июльским субботним утром Джон Крикмор выехал из дома. В воздухе еще веяло ночной прохладой, хотя солнце уже взошло и висело над холмами, как огромный оранжевый шар. Джон

ехал на работу в магазин Ли Сейера, и из-под колес его старого «олдса» поднималась пыль, медленно плывущая по полю, на котором виднелись сухие коричневые стебли кукурузы.

Последний дождь был в июне. Джон знал, что наступает критический момент. Его кредит в продуктовом магазине почти истощился, а на прошлой неделе Сейер сказал, что, если дела не улучшатся — а это маловероятно, учитывая время года и ужасную жару, — ему придется отказаться от его услуг до осени. Как и большинство местных фермеров, Джон уже залез в неприкосновенный семейный запас. Сейчас самыми счастливыми существами в готорнской долине были, наверное, местные свиньи, которые пожрали большую часть кукурузы, и какой-то умелец из Бирмингема, скупавший по смехотворно низким ценам сухие кочерыжки от кукурузных початков, делал из них трубки и продавал в аптеках.

К счастью, в Файете скоро откроется ярмарка. Вышивки Рамоны всегда покупают охотно. Джон вспомнил женщину, купившую одну из работ Рамоны со словами «она выглядит так, будто сделана бабушкой Мозес». Джон понятия не имел, кто такая бабушка Мозес, однако понял, что это комплимент, поскольку женщина спокойно рассталась с пятью долларами.

Утреннее марево превратило Готорн в плывущий мираж, готовый вот-вот исчезнуть. Джон беспокойно заерзал на сиденье, проезжая мимо все еще никем не купленного и быстро разваливающегося дома Букеров. У дома была дурная репутация, и вряд ли кто-нибудь согласится поселиться здесь. Только оставив позади это обвитое лозами и сорняками строение, Джон позволил себе вспомнить тот ужасный апрельский день, когда он увидел учебники Билли, лежащие на ступеньках «дома убийства». До сих пор у мальчика иногда случаются кошмары, но он ничего не стал объяснять, а Джон решил не расспрашивать. В лице Билли что-то изменилось; его глаза стали беспокойными, и за ними угадывался какой-то секрет, которого Джон почему-то боялся. Больше чем когда-либо он жалел, что в Готорне нет настоящего священника, который смог бы разобраться в проблемах мальчика. Весь город остро нуждался в проповеднике:

субботние ночи становились все более буйными, случайные ссоры часто перерастали в драки, а в Дасктауне как-то раз даже была перестрелка. Шериф Бромли работал не покладая рук, однако Готорн почти вышел из-под его контроля. Джон понимал, что городу как никогда необходим решительный и сильный слуга Божий.

Давным-давно он сам хотел стать священником, однако фермерские гены взяли верх, притянув его к земле.

Как-то раз, августовской ночью, во время палаточной проповеди, он наблюдал, как его отец в экстазе катался по опилкам, а люди вокруг страшными голосами кричали «аллилуйя!»; на всю жизнь в память Джона врезался образ долговязого рыжего мужчины с отсутствующим взглядом на искаженном лице и вздувшимися на шее венами. Джон боялся вечерних сумерек, когда, как говорил отец, Божий Глаз, словно горящее солнце, рыщет по миру в поисках грешников, которые должны умереть этой ночью. Всем ясно, что Жизнь — это божий дар, а Смерть — вмешательство Сатаны в совершенный мир, созданный Господом. Когда человек умирает духовно, за этим неминуемо следует смерть физическая, и бездна Ада раскрывается, чтобы принять грешную душу.

Отец был хорошим семьянином, но с глазу на глаз говорил Джону, что все женщины, начиная с Евы, коварные и лживые создания, за исключением его матери, лучшей из женщин, когда-либо созданных Господом, и что он должен все время остерегаться их. Женщины поклоняются страшным предметам, любят деньги и наряды и раз в месяц кровоточат, чтобы искупить Первородный Грех.

Но когда в двадцать лет на танцплощадке Джон Крикмор разглядывал шеренгу местных девушек, ожидающих приглашения к танцу, его сердцу как будто приделали крылья. Он заметил смуглую девушку, одетую в белое платье; в ее длинные рыжевато-коричневые волосы были вплетены белые цветы. Их глаза на мгновение встретились, а затем она отвернулась и вздрогнула, как игривый жеребенок. Джон смотрел, как она танцует с каким-то парнем, чьи башмаки ступают по ее ногам,

как лошадиные копыта, но она только улыбалась и приподнимала подол платья, чтобы оно не запачкалось. Запах канифоли, распространявшийся от смычков скрипачей, смешивался с запахом табака, а от топанья ног танцующих с чердака сарая, словно конфетти, сыпалось сложенное там для просушки сено. Когда смуглая девушка и ее партнер оказались довольно близко от Джона Крикмора, он вклинился между ними, подхватил девушку и быстро повел ее в танце так, что мистеру Большое Лошадиное Копыто осталось только взмахнуть руками, чертыхнуться и пнуть ногой клок сена, поскольку соперник по комплекции превосходил его раза в два. Девушка робко улыбнулась, но в ее карих глазах вспыхнули золотые искорки, и когда танец закончился, Джон спросил, не могли бы они встретиться как-нибудь вечером.

Поначалу он ничего не знал о Ребекке Фейрмаунтейн, матери Рамоны. А позже отметал все рассказы о ней как глупые слухи. Он не послушался советов отца и женился на Рамоне, а потом стало слишком поздно, и Джон попеременно обращался то к луне, то к Библии. Конечно, его предупреждали. Даже Рамона несколько раз пыталась поговорить с ним, но он ничего не желал слушать. Джон цеплялся за Библию, за память об отце, который говорил, что порядочный мужчина никогда не уйдет от женщины и от Бога. И жизнь пошла своим чередом. С тех пор случилось два благословенных события: во-первых, родился Билли, а во-вторых Ребекка Фейрмаунтейн, оставшаяся после смерти мужа совсем одна, переехала в дом аж за пятьдесят миль от Готорна, поскольку тамошняя земля была богата глиной, необходимой ей для гончарных работ.

Какой-то тип, которого Джон никогда не видел, городской, насколько можно было судить по одежде, прибивал к телефонному столбу рядом с магазином Сейера красочный плакат. Джон притормозил и вытаращил глаза. На плакате был изображен мужчина, воздевший руки к небесам, надпись под изображением гласила: «ВЕЛИЧАЙШИЙ ЕВАНГЕЛИСТ ЮГА ДЖИММИ ДЖЕД ФАЛЬКОНЕР! ТОЛЬКО ОДНА НОЧЬ! ПРИХОДИТЕ И СТАНЕТЕ БЛИЖЕ К БОГУ!» Ниже была вторая

надпись, набранная более мелким шрифтом: «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЦЕЛИТЕЛЬСКОЙ СИЛЫ СВЫШЕ В ЛИЦЕ МАЛЕНЬКОГО УЭЙНА ФАЛЬКОНЕРА!»

Сердце Джона громко застучало. «Благодарение Господу!» — подумал он. Его молитвы услышаны. Он уже давно знал о Джимми Джеде Фалькопере и его палаточных проповедях, спасших тысячи грешников; ему всегда хотелось попасть на них, однако каждый раз проповеди проходили слишком далеко от Готорна.

— Эй, мистер! — позвал он.

Незнакомец обернулся, его загорелое лицо ярко-красным пятном полыхнуло на фоне ослепительно белой рубашки.

— Когда и где будет выступать этот проповедник?

— Вечером, в среду, в семь часов, — ответил мужчина и ткнул молотком в направлении поля для софтбола, — вон там.

— Спасибо, — улыбнулся Джон. — Большое спасибо.

— Не за что. Придете? Приводите всю семью.

— Можете в этом не сомневаться! — Джон взмахнул рукой и поехал дальше. Его настроение поднялось от мысли о том, что он обязательно возьмет с собой Билли. Пусть мальчик послушает великого евангелиста, который, несомненно, вернет жителям Готорна почтительность к Господу.

12

В среду вечером, нарядившись в колючий темно-серый костюм, который был как минимум на размер меньше, чем нужно, Билли стоял на террасе. Запястья мальчика торчали из коротких рукавов, а галстук душил его, как удавка. Этим утром они с отцом ездили в парикмахерскую, и мистер Пил укоротил его шевелюру дюйма на два. Впереди волосы удерживались от порывов ветра слоем бриолина, но непослушный хохолок на затылке уже преодолел сопротивление жирной мази. Билли распространял вокруг себя сильный запах «Виталиса» — аромат, который он очень любил.

Несмотря на то что костюм стеснил все движения, Билли нетерпеливо ждал начала палаточной проповеди; он не понял, что представляет собой данное мероприятие, однако жители города уже несколько дней обсуждали это событие и то, кто что наденет и кто с кем сядет. Когда сегодня утром они с папой проезжали мимо поля для софтбола, Билли видел огромную палатку, которую устанавливали рабочие, и грузовик с опилками, передвигающийся по полю, как гигантский жук. Хрупкая с виду палатка заняла все поле для софтбола. Ее полог трепал пыльный бриз. От второго грузовика, на котором стояла лебедка, в палатку тянулись черные электрические провода. Билли хотелось остаться и понаблюдать за происходящим, поскольку он еще никогда не видел в Готорне такой активности, но отец слишком торопился домой. Проезжая мимо развалин дома убийства, они оба молча посмотрели на них, и Билли крепко зажмурил глаза.

В небе поднималась полная луна, а Билли зачарованно смотрел, как длинный луч света медленно описывает круги на поле для софтбола. Он услышал голоса родителей, доносящиеся из дома, и хотел уже испугаться, когда понял, что они не спорят; сегодня все будет прекрасно, потому что мама согласилась пойти вместе с ними на проповедь. Когда она поначалу отказывалась, стены дома содрогнулись от негодующих воплей Джона. Пререкания продолжались почти два дня. Они заключались в том, что Рамона холодно молчала, а Джон бегал вокруг нее, стараясь разозлить. «Но теперь, — думал Билли, — мы пойдем на проповедь все вместе, как дружная семья».

Через несколько минут Рамона и Джон вышли на террасу. Джон облачился в старый коричневый костюм и слегка желтоватую рубашку, на шее у него красовался черный бант. В руке он сжимал потрепанную Библию.

На Рамоне были темно-синее платье и белая шаль. Ее волосы свободно спадали по спине. Она согласилась пойти не из-за евангелиста и не из-за того, чтобы успокоить Джона, а потому, что слишком давно не выходила из дома; она хотела увидеть людей, хотя знала, что, увидев ее, люди вряд ли будут прыгать от радости.

Сегодня Рамона решила держать себя в руках. Если она увидит черную ауру, то отвернется, но скорей всего она ничего не увидит, и все будет великолепно.

— Готов, парень? — обратился Джон к сыну. — Тогда вперед!

Они сели в автомобиль и поехали прочь от дома. «Не хочу видеть это сегодня, — подумала Рамона, и ее ладони покрылись потом. — Нет, лучше не видеть это никогда...»

Легковые автомобили и грузовики заполнили все пространство вокруг огромной палатки, и длинная вереница автомобилей стояла в ожидании под длинным транспарантом, который гласил: «СЕГОДНЯ ПРОПОВЕДЬ! ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ!» Люди с фонариками указывали водителям место для стоянки, и Джон увидел, как подъехали полные людей школьные автобусы. Рядом с палаткой, отделенный от стоянки козлами для пилки дров, стоял блестящий серебристый трейлер. Воздух наполняли пыль и многочисленные голоса. Джон услышал, как поскрипывает транспарант, когда они проезжали под ним, чтобы вырулить на поле.

Человек с фонариком заглянул в кабину и улыбнулся.

— Добрый вечер, братья. Поворачивайте направо и следуйте вон за тем мужчиной, который укажет вам место парковки. — Он приподнял ведро, полное мелочи. — Четвертак за стоянку, пожалуйста.

— Четвертак? Но... это же общественное поле.

Человек потряс ведро, и монеты внутри зазвенели.

— Только не сегодня, парень.

Джон покопался в карманах и извлек пятнадцатицентовую монету. Рамона открыла кошелек, нашла десятицентовик и отдала его мужу. Место для стоянки нашлось в дальнем конце поля между двумя школьными автобусами, и пока они прошли пятьдесят ярдов до входа в палатку, их тщательно выглаженная одежда покрылась слоем пыли. Когда они переступили полог палатки, Джон взял Билли за руку.

Внутри палатки собралось столько людей, сколько Джон еще ни разу не видел, и народ все прибывал и прибывал, быст-

ро заполняя деревянные раскладные стулья, установленные вокруг большой возвышающейся платформы. От висящих под высоким потолком ламп, закрытых плафонами, струился золотистый свет. Возбужденный, но сдержанный гул голосов перекрывался звуками церковного органа, исполнявшего «Старый тяжкий крест». Музыка разносилась из двух мощных динамиков, расположенных по обеим сторонам платформы. Над платформой висели американский флаг и звезды Конфедерации, причем «Старая Слава» выше, чем его соперник. К Крикморам подошел швейцар в белом сюртуке и галстуке-бабочке, чтобы помочь им найти свободные места, и Джон попросил его устроить их как можно ближе к платформе.

Пока они шли по узкому проходу между рядами, Джон с беспокойством ловил недобрые взгляды, направленные на Рамону. По ряду пожилых матрон, составляющих «Общество Доркас», прокатился шепот, они даже отложили свои рукоделья, чтобы было удобнее сплетничать. Джон почувствовал, что краснеет, и пожалел о том, что принудил жену поехать вместе с ними, хотя, с другой стороны, он и не рассчитывал, что ему удастся ее уломать. Он оглянулся и увидел, что Рамона идет прямо, с высоко поднятой головой. Заметив три свободных стула гораздо дальше от платформы, чем ему хотелось бы, Джон не выдержал и сказал швейцару:

— Вот здесь будет хорошо.

За пять минут до начала в палатке негде было яблоку упасть. Швейцары завернули пологи палатки, чтобы хоть немного проветрить помещение, но воздух внутри сделался душным и влажным. Орган закончил «В райском саду», и ровно в семь из-за занавеса с правой стороны платформы вышел черноволосый мужчина в синем костюме. Он пощелкал по микрофону и, убедившись, что тот включен, одарил собравшихся веселой белозубой улыбкой.

— Приветствую вас! — громко произнес мужчина и представился Арчи Кейном, священником Свободной баптистской церкви Файета. По мере того как на платформе собирались хористы, одетые в желтые робы, он говорил о том, как он счаст-

лив видеть здесь столько народа. Билли, который быстро сник в удушливой жаре, вновь встрепенулся.

Кейн дирижировал хором, исполнившим сначала несколько гимнов, а затем длинную молитву, прерванную криками из зала, восхваляющими Господа. Кейн усмехнулся, вытер платком потное лицо и сказал:

— Братья и сестры! Тем, кто меня знает, я еще надоем по воскресным утрам! Таким образом... сегодня я хочу представить вам одного джентльмена! — Над толпой разнеслись охи и ахи. — Прекрасного джентльмена и Божьего человека, родившегося у нас, в округе Файет! Я думаю, вы уже знаете его имя и любите его так же, как я, тем не менее повторюсь: величайший евангелист Юга Джимми Джед ФАЛЬКОНЕР!

Последовал взрыв аплодисментов и криков, люди вскочили со своих мест. Толстый мужчина в мокрой от пота рубашке встал прямо перед Билли, загородив ему платформу, но Джон, вставший вместе со всеми, поднял сына так, что он смог увидеть направляющегося к платформе мужчину в ярко-желтом костюме.

Джимми Джед Фалькопер улыбнулся и поднял руки. Неожиданно у него за спиной начал разворачиваться огромный плакат: черно-белый Джимми Джед Фалькопер почти в той же позе, что и оригинал. Наверху плаката большими красными буквами светилась надпись: «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФАЛЬКОНЕРА».

Фалькопер подождал, пока стихнут аплодисменты и крики, затем быстро шагнул к микрофону и произнес хорошо поставленным гудящим голосом:

— Хотите знать, как разговаривает Бог, ближние мои? — Не дожидаясь ответа, он вытащил из кармана пистолет и выстрелил в воздух: ба-бах! Женщины закричали, а мужчины насторожились.

— Вот как он говорит! — прогремел Фалькопер. — Господь говорит, как пистолет, но никто не знает, когда Он заговорит и что Он скажет, поэтому вам лучше быть на Его стороне.

Билли видел, как от выстрела вверх поднимается голубой дымок, но пулевого отверстия не было. «Холостой», — подумал он.

Фальконер положил пистолет на платформу и обвел аудиторию напряженным голубовато-зеленым взглядом, похожим на свет прожектора, ощупывающего небо над палаткой. Билли показалось, что евангелист заглядывает всем прямо в души, и по его телу пробежала дрожь.

— Давайте помолимся, — прошептал Фальконер.

Когда началась молитва, Рамона открыла глаза. Сначала она посмотрела на сына, который сидел, низко наклонив голову и зажмурившись, а затем перевела взгляд на хилого мальчика, сидящего на другом конце палатки, она заметила его еще до того, как начал говорить Арчи Кейн. Сердце Рамоны тревожно забилось. Вокруг ребенка сиял пульсирующий иссиня-черный злобный свет. Его голова наклонилась, а руки сцепились в молитве. Он сидел между матерью и отцом, тощими людьми, одетыми в жалкие обноски выходных костюмов. Пока Рамона наблюдала за мальчиком, мать обняла его за плечи и осторожно прижала к себе. Казалось, она цепляется за последнюю соломинку надежды. На глаза у Рамоны навернулись слезы; маленький мальчик чах от какой-то болезни и скоро умрет: через неделю, день, несколько часов — она не знала, когда это произойдет, однако черная аура, предвестник смерти, который она так боялась увидеть в палатке, жадно вцепилась в свою жертву. Рамона опустила голову, задавая себе тот же самый вопрос, который задавала всегда, когда видела это: «Что я могу сделать?»

И, как всегда, получила ужасный ответ: «Ты не можешь сделать ничего!»

— Аминь, — произнес Джимми Джед Фальконер, и собравшиеся подняли головы, готовясь к взрыву огня и искр.

Однако он начал тихим шепотом:

— Грех.

Звук его голоса заставил Билли затрепетать. Джон подался вперед, в его широко открытых глазах сияло восхищение. Рамона увидела, как умирающий ребенок положил голову на плечо матери.

— Грех, — повторил Фальконер, сцепив пальцы. — Что вы знаете о нем? Что такое, по-вашему, грех? Что-то, что вы не

должны делать, говорить или о чем вы не смеете думать? — Он на секунду прикрыл глаза. — О Великий Боже, грех... это зло, которое проникает в кровь, в наши сердца, умы и... развращает нас, заставляет загнивать, распадаться...

Он оглядел собрание, на его лице блестели капельки пота. Затем в одно мгновение умиротворенное выражение лица проповедника изменилось; губы искривились, глаза расширились, и он проревел:

— ГРЕ-Е-Е-Е-ЕХ... Вы можете его почувствовать, вы можете его обонять, вы можете его увидеть? Знаете ли вы, ближние мои, когда вы грешите? Я ясно и недвусмысленно объясню вам: грех — это уход из-под Божьего света, вот что это такое!

По его румяному лицу пробегали волны эмоций, а голос превратился в орган, играющий гаммы. Фалькопер ткнул пальцем в аудиторию, не в кого-то конкретно, но вместе с тем в каждого.

— Покидали ли вы когда-нибудь свет? — прошептал он. — И оказывались ли в темном месте?

Билли напрягся, сидя абсолютно прямо.

— Я имею в виду те-о-о-о-омное место, — произнес евангелист глубоким замогильным голосом. — Я имею в виду место настолько темное и злое, что вы не могли найти выход. Ответьте себе: были ли вы в таком месте?

«Да, — подумал Билли. — И оно все еще у меня в голове, оно приходит ко мне по ночам, когда я пытаюсь заснуть».

— Не имеет значения, что это за место — раздевалка в бассейне, игорный дом, тир или просто самогон, — есть надежда, ближние мои. Но место может быть еще темнее: Похоть, Зависть или Супружеская Измена. Если вы попали в одно из этих темных мест, вы — гость Сатаны!

Глаза Билли округлились, а сердце забилось еще сильнее. Мальчик вспомнил последний кошмар, который видел пару ночей назад: он сидел на своей кровати и глядел на черную гору угля, скользящую к нему по комнате, затем оттуда вылезла ужасная белая рука, схватила простыню и медленно стянула ее на пол.

— САТАНА ЗАВЛАДЕЛ ВАМИ! — заорал Фальконер, и на его шее вздулись вены. — Копытный, рогатый, змееязыкий Дьявол схватил вас своими когтя-а-ами, — он поднял правую руку и сжал ее левой, делая вид, что отрывает плоть от костей, — и собирается задавить вас, сформировать по своему образу и подобию!.. И если вы гость в доме Сатаны, если ваше сердце открыто мраку, то вам не место на моей проповеди!

Глаза евангелиста полыхали огнем; он взял микрофон и начал ходить по платформе нервно и энергично.

— Вам нравится дом Сатаны? Вам нравится быть в темном месте в его-о-о компании? — Фальконер остановился, рассек кулаками воздух и повысил голос так, что динамик почти взорвался. — Я пришел сюда, чтобы сказать вам: у вас еще есть НАДЕЖДА! Вы можете ВЫРВАТЬСЯ из дома Сатаны! Вы можете бороться с этим сладкоголосым Дьяволом, и вы можете ПОБЕДИТЬ, да, ПОБЕДИТЬ! Потому что в любом самом темном месте — в раздевалке, в борделе, в Измене — вы можете услышать голос Иисуса-а-а! Он может звучать очень слабо. Но если вы последуете за ним, он будет звучать громче и громче и в конце концов непременно выведет вас из темноты! Свет Иисуса спасет вас от греха и уничтожения! — Он направил указательный палец в землю, и кто-то сидящий прямо за Билли крикнул:

— Аминь!

Фальконер улыбнулся.

— Хвала Господу, давшему нам силы! — Он поднял голову и стал похож на собаку, воющую на луну. — Хвала Свету! Хвала искуплению Греха-а-а!

Оказавшись на краю платформы, проповедник упал на колени и, сцепив руки, прошептал:

— А знаете ли вы, как найти этот свет, люди? Знаете ли вы, как замолить грехи и вырваться из тьмы? Вы должны исповедаться! — Он поднялся и прошелся по краю платформы; его лицо было мокрым от пота. — Исповедаться! Довериться Иисусу! Вы должны представить это темное место на обозрение Господу!

«Исповедь, — подумал Билли. — Неужели это именно то, что я должен сделать, если хочу избавиться от кошмаров?» Вокруг него люди плакали и стонали. Папа склонил голову в молитве, а мама не отрываясь смотрела на евангелиста стеклянным взглядом. «Исповедь?» — спросил себя Билли и ужаснулся. Но если он не исповедуется, как он сможет вырваться из темного места?

— Исповедь! Исповедь! Исповедь! — кричал Фалькопер, тыча пальцем в аудиторию. Широкобедрая женщина в ситцевом платье поднялась со своего места и принялась трястись; из ее горла раздавались странные булькающие звуки, а глаза закатились. Она подняла вверх руки крича «Слава Господу!» вперемежку с бормотанием. Вслед за ней какой-то работяга в синем халате начал подпрыгивать словно в танце, поднимая вокруг себя облака опилок.

— ИСПОВЕДЬ! ИСПОВЕДЬ! — ревел евангелист. — Прочь из тьмы, завладевшей вашими душами! Откройте их Господу!

Он прошелся по платформе, поднимая людей с их мест одним взмахом руки, как будто они были привязаны к его пальцам невидимыми нитями. Джим поднялся и потянул за собой Билли.

— Да святится имя Господне! — крикнул Джон.

Фалькопер снова вцепился в микрофон.

— С нами ли сегодня Святой Дух, ближние мои?

— Да!

— Готовы ли мы открыть сегодня свою душу Господу?

— Да!

— Хвала Святому Духу! А теперь, люди, я хочу сказать вам, что без вас и без Десницы Божьей, которая направляет вас так, как Ему угодно, «Крестовый поход Фалькопера» не смог бы делать то, чем он занимается год за годом! Сейчас мы пускаем по залу подносы для пожертвований, и я хочу, чтобы вы заглянули как можно глубже в свои сердца! Помните: Сатана не желает, чтобы вы жертвовали! Старый проходимец хочет, чтобы вы проиграли эти деньги или потратили их на самогон! Если же вы ощущаете, что с вами Святой Дух, если вы желаете ис-

поведаться в своих грехах, то покопайтесь в карманах и жертвуйте. Аллилуйя!

Из динамиков понеслись звуки органа. Хор запел «Любовь возвышает меня», а Фалькопер вернул микрофон на подставку и начал хлопать в такт музыке, пока вместе с ним не захлопал весь зал. В струящемся золотистом свете кружились опилки, тяжелый воздух пропитался запахом пота. Когда один из подносов проносили мимо, Билли увидел, что на нем полно долларовых банкнот.

Когда процесс сбора пожертвований свершился и подносы унесли, Фалькопер, сняв свой желтый пиджак, одарил аудиторию сияющей улыбкой. Его рубашка прилипла к спине и обширному животу.

— Люди, — сказал он, — может быть, вы пришли сюда не только послушать проповедь. Может быть, у вас есть другие причины встретиться со мной. Сейчас я представлю вам того, кто действительно близок моему сердцу. Вы уже слышали об этом юноше. Это мой сын... Маленький Уэйн Фалькопер!

Собравшиеся громко зааплодировали, и маленькая фигурка в ярко-желтом костюме, вбежав по ступеням на платформу, бросилась в объятия отца. Евангелист, улыбаясь, взял сына на руки и поднял над головой. Билли вытянул шею, чтобы лучше видеть. Маленький Уэйн Фалькопер обладал густой кудрявой рыжей шевелюрой, а его улыбка была еще ослепительнее, чем у отца. Глядя на него, Билли неожиданно почувствовал странное потягивание под ложечкой. Взгляд мальчика скользнул по толпе и определенно задержался на Билли. Билли ощутил странное желание подбежать к платформе и коснуться маленького Фалькопера.

— Уэйн, — спросил евангелист, — ты ощущаешь Присутствие в этой палатке?

Наступила полная тишина.

— Да, папа, — ответил маленький мальчик в микрофон.

— Не просит ли тебя Присутствие совершить чудеса?

— Да, папа, просит.

— Чудеса! — крикнул Фалькопер собравшимся. — Вы не ослышались! Господь пожелал действовать через моего сына!

Этот мальчик обладает такой силой, что вы будете потрясены! — Он поднял ребенка еще выше, и Уэйн снова улыбнулся, а Билли снова почувствовал желание броситься к платформе. — Нуждается ли кто-нибудь в этом зале в исцелении?

— Да! — ответил многоголосый хор. Рамона заметила, что мать умирающего ребенка — иссиня-черный кокон корчился, выпуская маслянистые щупальца, — со слезами на глазах подняла обе руки. Ребенок обнял ее за шею, а отец гладил его по головке и что-то шептал.

— Уэйн, Присутствие будет сегодня действовать через тебя?

Глаза маленького мальчика заблестели. Он утвердительно кивнул.

Фальконер поставил сына на пол, взял микрофон и передал его Уэйну. Затем поднял руки и закричал, обращаясь к собравшимся:

— ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В ЧУДЕСА?

Палатка заполнилась шумными криками, а люди начали вскакивать со своих мест и придвигаться ближе к платформе. Воздух как будто наэлектризовался. Сидящий рядом с Билли Джон в изумлении взирал на происходящее.

Уэйн Фальконер встал в позицию боевого петуха на краю платформы. Его сжатые губы свидетельствовали о решительности, однако его глаза нервно бегали по палатке.

— Кто сегодня хочет чуда? — спросил Уэйн голосом, по мощности почти равным голосу отца.

Люди стали проталкиваться вперед, многие из них плакали. Рамона видела, как пара с умирающим ребенком встала в очередь, которая образовалась в проходе.

— Подходите! — кричал Уэйн. — Не бойтесь!

Он посмотрел на отца и протянул руку к первому в очереди пожилому мужчине в красной рубашке.

— Пусть Бог сотворит чудо!

Мужчина вцепился в руку Уэйна.

— В чем твоя болезнь, брат? — спросил Уэйн и поднес микрофон к губам старика.

— У меня болит желудок... мои конечности, о Господи, они все время горят огнем, и я совсем не сплю... Я болен...

Уэйн положил ладонь на коричневый морщинистый лоб мужчины и крепко закрыл глаза.

— Сатана вызвал сии страдания, потому что люди с Богом в душе не болеют! Изыди прочь, Сатана боли и болезни! Я приказываю тебе: изыди... прочь!

Мальчик задрожал как осиновый лист, а у мужчины подкосились ноги. Швейцар хотел помочь ему отойти, но он уже плясал, подбоченясь, с широкой улыбкой на лице.

— Иди с Богом! — крикнул Уэйн.

Очередь тех, у кого болели колени, ухудшился слух, затруднялось дыхание, двинулась вперед. Уэйн вылечил их всех, приказывая бесам плохих коленей, плохого слуха и затрудненного дыхания убираться прочь. Стоящий рядом Фальконер гордо улыбался и приглашал желающих вставать в очередь.

Рамона увидела, как пара с больным ребенком добралась до платформы. Уэйн поднес микрофон к губам женщины.

— Джонни такой слабый, — произнесла она прерывающимся голосом. — Доктора говорят, что у него что-то не в порядке с кровью. — Она безнадежно всхлипнула. — Мы бедные грешники и можем позволить себе только одного ребенка, поскольку больше нам не прокормить. Бог карает меня, потому что я продала нашего малыша человеку в Файете...

Уэйн взял ребенка за голову, и тот тихонько заплакал.

— У этого мальчика в крови Сатана! Я приказываю тебе, Сатана, изыди прочь! — Малыш дернулся и завыл. — Больше ему не нужен доктор!

Рамона взяла Билли за руку, и трепеща, крепко сжала ее. Черная аура вокруг ребенка стала еще гуще. Родители, смеясь и плача, обнимали свое чадо, а аура продолжала распухать. Рамона смотрела на Уэйна Фальконера округлившимися глазами.

— Нет, — прошептала она. — Это же неправда...

К платформе, покачиваясь и опираясь на палочку, подошла пожилая женщина. В нее тоже вцепилась черная аура. Женщина заговорила в микрофон о болях в сердце, о том, что она принимает лекарства, но очень надеется на чудо.

— Выбрось эти лекарства, женщина! — проскрипел Уэйн, когда швейцар помогал женщине отойти от платформы. — Ты излечилась, они не нужны тебе!

Вокруг несчастной пульсировал черный ореол.

— Нет! — произнесла Рамона и начала подниматься со стула. — Это не...

Но тут Билли вырвал руку и побежал по проходу.

— Билли! — закричала Рамона, но на ее плечо легла рука Джона.

— Оставь его! — сказал он. — Мой сын знает, что делает!

Когда Билли добрался до платформы, улыбающийся швейцар поднял его повыше, чтобы мальчику было удобнее говорить в микрофон. Вблизи глаза юного евангелиста — ровесника Билли — блестели, как голубые кусочки льда. Уэйн потянулся, чтобы коснуться Билли, но его рука застыла на полпути, улыбка увяла, а в глазах промелькнула тревога. Билли почувствовал, как волосы на затылке у него становятся дыбом.

— Грех! — взвыл Билли и не в силах больше сдерживать себя заплакал. — Я грешен, я забрел в темное место и нуждаюсь в исповеди!

Уэйн немного поколебался и снова потянулся к Билли. Внезапно он задрожал, а его рука сжалась в кулак. Он отступил назад, и отец быстро заслонил его, перехватив микрофон.

— Исповедуйся, сын мой, — сказал Фальконер-старший Билли.

— Я забрел в темное место! — Билли испугала громкость собственного голоса, выходящего из динамиков, а затем он увидел, что Уэйн Фальконер и все окружающие неотрывно смотрят на него. — Я... Я видел Зло! Оно было в подвале, и...

Рамона внезапно вскочила со своего места.

— ...оно вылезло из кучи угля, и оно... оно выглядело, как Вилл Букер, но его лицо было совсем прозрачным! — Слезы ручьями текли по щекам Билли. — Оно говорило со мной... и просило меня сказать людям... где оно находится...

— Билли! — закричал Джон, нарушив гробовую тишину. Он стоял, сжав в руках спинку стула, его лицо исказилось от ужаса.

— Я грешен в том, что пошел в темное место! — плакал Билли. Он хотел взять Фальконера за руку, но проповедник испуганно отшатнулся. Он чувствовал, что назревает скандал, и видел ядовитые взгляды окружающих.

И вот в дальнем конце палатки раздался возглас:

— Демон!

Какой-то мужчина — Джон узнал голос Ральфа Лейтона — закричал:

— Мальчишка проклят, как и его мать! Мы все это знаем!

— У него внутри темное семя!

— Его мать готорнская ведьма!

Палатка взорвалась безобразными криками. Билли, стоя на платформе, почувствовал, как на него обрушилась волна ненависти и страха.

— Он детеныш колдуньи! — кричал Лейтон из глубины палатки. — Его мать — Рамона Крикмор, и им здесь не место!

Лицо Фальконера покрылось потом. Он чувствовал настроение толпы и уже знал, что следует предпринять. Он схватил Билли за шиворот.

— Демон, вы говорите? Этот мальчик и его мать — отродья Сатаны?

Когда прозвучало имя Рамоны Крикмор, внутри у него раздался сигнал тревоги: Рамона Крикмор, колдунья Готорнской долины, женщина, разговаривающая с мертвецами и ткущая злые чары. А это ее сын? Шоу достигло наивысшей точки.

— Сегодня мы выгоним Дьявола из этого мальчика! Дадим Старому Козлу пинка и...

Наступила полная тишина. По проходу, не глядя по сторонам, шла Рамона Крикмор. Дойдя до платформы, она произнесла тихим повелительным голосом:

— Уберите руки от моего сына.

Фальконер разжал пальцы, его глаза сузились.

Рамона помогла Билли спуститься. За Фальконером она увидела испуганное лицо Уэйна, и внутри нее все перевернулось.

— Вы, испуганные бараны, — сказала она, обращаясь к толпе, и голос ее проник во все углы палатки. — Никто здесь сегод-

ня не излечился! Людям, которым мерещилось, что они больны, сказали, что они здоровы, каковыми на самом деле они и являются, а вот те, кто действительно нуждался в помощи, теперь обречены из-за ложной надежды! — Ее сердце разрывалось. — То, что здесь делают эти двое, равносильно убийству!

— Заткни свою пасть! — раздался женский визг. Это кричала молодая мать, прижимающая к себе умирающего ребенка.

Рамона посмотрела на Фальконера.

— Убийству, — повторила она, сверкая глазами, — потому что в глубине души вы знаете, что это ложь.

Она посмотрела на дрожащего мальчика, который снова попался ей на глаза.

— Знаешь ли ты, что такое Смертный Грех? — заревел евангелист. — Видеть Мощь Господа и называть ее Работой Дьявола! Ты потеряна для Бога, женщина! — В толпе зазвучали одобрительные голоса. — Ты потеряна!

Когда швейцары выпроваживали их из палатки, Билли оглянулся и увидел за проповедником неподвижно стоящего с полуоткрытым ртом мальчика в желтом костюме. Их взгляды встретились, и Билли почувствовал праведный гнев, горечь и страсть, исходящие от Уэйна Фальконера.

Потом сын и мать оказались на поле, и швейцары предупредили их, чтобы они не смели снова заходить в палатку.

Они подождали десять минут, но Джон так и не появился. Собрание запело громкими голосами, и Билли почувствовал, как его мать вздрагивает при каждом раскате голоса Фальконера. Наконец Рамона взяла сына за руку, и они в темноте двинулись по направлению к дому.

13

— Билли, сынок, проснись! Проснись!

Билли сел на кровати и стал тереть глаза. Спустя несколько секунд он разглядел неясные очертания фигуры, стоящей рядом, и узнал голос отца. Билли уговорил себя заснуть несколь-

ко часов назад, когда мама сказала ему, что отец сердится на них и может не прийти домой. Билли удивился и не мог понять, что случилось. Сила юного евангелиста вытянула его на подмостки, но когда он начал исповедоваться, все пошло кувырком. Ну теперь по крайней мере папа вернулся домой.

— Прости, — сказал Билли. — Я не хотел...

— Ш-ш-ш-ш! Нам надо вести себя тихо. Мы же не хотим, чтобы нас услышала мама?

— Почему?

— Потому что она уснула, — ответил Джон. — Не надо ее будить. Пусть это останется между нами, мужчинами. А теперь обуйся. Нет-нет, не переодевайся, сойдет и пижама. Я хочу тебе что-то показать. Пошли быстрее, но тихо.

Голос отца звучал довольно грубо, но Билли, занятый ботинками, этого не заметил.

— Пошли, — сказал Джон. — Мы немного прогуляемся. Ты и я.

— Я включу свет?

— Открой папе входную дверь и не забывай о тишине.

Во влажной ночной темноте стрекотали цикады. Билли следовал за смутно различимым силуэтом отца. Они пошли по дороге к шоссе. Когда Билли попытался взять отца за руку, тот отшатнулся и прибавил шагу. «Он все еще злится на меня», — подумал мальчик.

— Я что-нибудь сделал не так? — спросил Билли. Этот вопрос он задавал матери в течение всей дороги до дома. — Я хотел исповедаться в своем грехе, как советовал проповедник.

— Ты правильно поступил. — Джон замедлил шаг. Теперь они шли по обочине шоссе, удаляясь от Готорна. — Очень правильно.

— Тогда почему все словно с цепи сорвались? — Его папа был почему-то чуточку выше, чем раньше. — Почему ты не поехал домой вместе с нами?

— У меня были на то причины.

Они прошли еще немного. На ночном небе сияли россыпи звезд. Билли все еще не проснулся и не мог понять, куда это отец ведет его. Джон теперь шел на два шага впереди и чуть-чуть ближе к дороге.

— Папа, — сказал Билли, — когда тот мальчишка поглядел на меня, я... почувствовал внутри себя что-то страшное.

— Страшное? Объясни.

— Я не знаю. Я думал об этом по дороге домой и рассказал все маме. Это было очень похоже на то, что я чувствовал в доме Букеров. Я не хотел лезть в подвал, но чувствовал, что должен... Почему так, папа?

— Не знаю.

— Мама говорит, это потому, что Уэйн обладает... — Билли запнулся, пытаясь вспомнить незнакомое словосочетание, — Божьим даром. Чем-то в этом роде.

Джон некоторое время молчал, затем внезапно остановился и стал всматриваться в темноту. Билли не помнил, чтобы его отец был таким высоким.

— Давай перейдем дорогу, — тихо предложил Джон. — То, что я хочу тебе показать, находится на той стороне.

— Да, сэр.

Билли двинулся за отцом. Его глаза начали закрываться, и он зевнул.

Бетонное покрытие шоссе завибрировало у него под ногами.

Из-за закрытого деревьями поворота в тридцати футах от Билли выскочил огромный трейлер с прицепом, ослепив мальчика фарами, оглушив шумом двигателя и обдав выхлопными газами.

Билли, стоявший на середине шоссе, был ослеплен и испуган. Его ноги налились свинцом, и он увидел впереди себя тень отца.

Но это был уже не Джон Крикмор. Это был огромный массивный зверь — семифутовый неуклюжий монстр. Голова зверя крутилась, как на шарнире, глубоко посаженные глаза светились темно-красным; Билли он показался похожим на дикого вепря. Монстр усмехнулся и исчез в темноте.

Водитель, не спавший почти что сутки, только краем глаза заметил темное пятно рядом с грузовиком, а затем увидел маленького мальчика в пижаме, стоящего посреди шоссе. Заорав

от ужаса, он ударил по тормозам и начал лихорадочно выворачивать руль.

— Билли! — раздался вдали голос Рамоны.

Его звук вывел Билли из ступора; мальчик прыгнул в кювет, потерял ботинок и скатился на дно канавы как раз в тот момент, когда колеса грузовика пронеслись у него над головой. Он почувствовал, как в бок ударила горячая струя выхлопных газов, а затем уткнулся лицом в грязь и траву.

Грузовик со скрипом остановился, оставив после себя пятидесятифутовый тормозной след.

— Ты, придурок маленький, — закричал шофер. — Какого черта ты здесь торчал?

Билли не ответил. Он лежал в канаве, трясясь, пока его не нашла Рамона.

— Это был папа, — безнадежно прошептал мальчик, не обращая внимания на крики водителя. — Это был папа, но это был не папа. Он хотел, чтобы я умер. Он хотел убить меня!

Рамона обняла сына и, извинившись перед водителем, попросила его ехать дальше. «Боже милостивый! — думала она. — Неужели это уже началось?» Она тревожно вглядывалась в темноту и не знала, как можно сохранить Билли жизнь.

14

Наступил вечер, а Джон все не возвращался. Рамона, как обычно, сидела на террасе, работая над очередным рукодельем и высматривая на шоссе машину мужа. Воспоминание о том, что произошло прошлой ночью, заставляло ее содрогаться от ужаса. Оно пробралось в их дом, а она даже не слышала его! Оно обмануло Билли и пыталось убить его.

Рамона чувствовала подводное течение Зла в долине, которое двигалось подобно илу на дне реки. Оно клубилось в доме у Букеров в ту кошмарную ночь; оно застыло в глазах у Джона, когда он однажды ночью вернулся домой, весь пропахший дегтем; и оно веселилось на проповеди, надрывая живот

от смеха, когда больным говорили, что в них был Сатана и что теперь они могут выбросить свои лекарства. Идея о том, что болеют только грешники, казалась Рамоне нелепой, тем не менее Фальконеры извлекали выгоду из этого бесчеловечного утверждения.

Семнадцать лет назад, как только она увидела на танцах высокого рыжеволосого юношу и ее сердце громко застучало, а голова закружилась, она решила, что он должен знать о ней все. Ее мать была того же мнения, и Рамона несколько раз пыталась поговорить с Джоном, но он категорически не желал ничего слушать. Конечно же, после свадьбы он все узнал. Как она могла скрывать это от собственного мужа? В маленьких деревушках, разбросанных по всей Алабаме, люди охотно сплетничали о ее матери, Ребекке. Первые несколько лет после женитьбы Джон был спокойным, добрым и любящим... а потом все изменилось.

Рамона вспомнила тот день тринадцать лет назад, когда ее приехал повидать мужчина по имени Хэнк Кротти из Саллиджента, и удивленный Джон впустил его. Кротти рассказал, что сначала он обратился к Ребекке Фейрмаунтейн, но старуха отослала его к Рамоне, просив передать: «Теперь твой черед».

Неисповедимый Путь звал ее, как же она могла отказаться?

Два месяца назад брат Кротти погиб на охоте в результате несчастного случая. Но — тут лицо Кротти стало чернеть от отчаяния, а лицо Джона бледнеть — призрак покойника пытается вернуться домой, к жене и детям.

Глубокой ночью что-то бьется в дверь, пытаясь войти. Из глаз Кротти хлынули слезы, и сквозь них он стал умолять о помощи.

Вот так Джон и узнал о наследии своей жены: ее индейская кровь имела силу над мертвецами.

Рамона прожила одна в доме под Саллиджентом два дня, пока не появился призрак. Сначала это был слабый серо-голубой огонек между деревьями, который по мере приближения к дому приобретал туманные голубоватые очертания мужской фигуры. В конце концов он принял вид мужчины в

маскировочном охотничьем костюме, прижимающего руки к ране на животе. Рамона вышла на крыльцо, и призрак остановился, продолжая мерцать в темноте; Рамона почувствовала его смущение и страдание. Это была частица человеческого существа, отчаянно пытающаяся зацепиться за уходящую жизнь, не понимая, что она может покончить с болью и страданиями, перейдя в другое, лучшее место. Мать научила Рамону, что следует делать, и она стала мягко разговаривать с призраком, притягивая его к себе силой воли. Несчастный дрожал, как маленький ребенок, видящий впереди освещенную дверь, но не решающийся дойти до нее по темному коридору. Этой дверью для него была Рамона, которая собиралась принять на себя весь его страх и земные эмоции, чтобы он мог уйти свободным.

Наконец после долгих уговоров и попыток объяснить, что он больше не может оставаться в мире живых, призрак скользнул к ней, как будто хотел упасть в ее объятия. Дикая боль его страданий качнула Рамону назад. Она чувствовала боль в животе, чувствовала страшное по силе стремление прикоснуться к жене и детям, чувствовала сотни других эмоций, которые испытывал умирающий.

В следующее мгновение она осталась одна и рухнула на землю, всхлипывая от ужаса. Призрак исчез, сбросив свою боль, как старую кожу.

Еще долгое время Рамона чувствовала эту боль. В ночных кошмарах ей снилась рана в животе. Потом пришла посылка от матери, в которой лежали набор для рукоделия и записка: «Я слышала, ты совершила доброе дело. Я горжусь тобой. Но все еще впереди. Помнишь, я говорила, что, если ты сделаешь это, ты должна научиться управлять теми чувствами, которые остались внутри тебя? В детстве ты любила вышивать. Сделай для меня красивую картину. Я люблю тебя». Джон долго боролся с собой, прежде чем позволил себе снова прикоснуться к жене. Но затем пришел второй проситель, за ним третий... и Джон превратился в испуганную ледышку. Последние несколько лет она внимательно наблюдала за Билли. Наконец у него

случился первый, тоже чрезвычайно сильный контакт с призраком, который очень нуждался в его помощи. Рамона надеялась, что его минует способность видеть черную ауру смерти, хотя сама научилась видеть ее только к двадцати годам. Для Рамоны это было хуже всего: знать, что кто-то умирает, и не иметь возможности помочь.

Рамона подняла глаза и задержала дыхание. На шоссе показались огни приближающейся автомашины; автомобиль явно направлялся к их дому. Рамона встала на подгибающихся ногах и схватилась за перила террасы. Но это был темно-синий «понтиак».

Машина остановилась, и из нее вылез шериф Бромли.

— Добрый вечер, миссис Крикмор, — поздоровался он, растягивая слова, и поднялся на террасу. Шериф был крупным мужчиной с большими квадратными челюстями и плоским, как у боксера, носом; он был одет в рыжевато-коричневую рубаху и такого же цвета брюки, над которыми слегка нависал живот. На голове Бромли красовалась ковбойская шляпа. Единственной уступкой профессии был форменный ремень с притороченными к нему фонариком, наручниками и «спешиал» тридцать восьмого калибра.

Входная дверь распахнулась, и на пороге показался Билли с масляной лампой в руках. Он выбежал из дома, рассчитывая встретить отца, но, увидев шерифа Бромли, остановился, будто наткнувшись на кирпичную стену.

— Привет, Билли, — поздоровался шериф с легкой смущенной улыбкой. Он прочистил горло и снова обратился к Рамоне. — Я... э-э-э... посетил прошлой ночью палаточную проповедь. Да там был почти весь Готорн. Я сожалею, что с вами обошлись так грубо, но...

— Что-то случилось с Джоном?

— Нет, — ответил Бромли. — Разве он не здесь? — Он продел большие пальцы рук в ременные петли на брюках и некоторое время смотрел в темноту. — Нет, я не насчет Джона. Я хотел задать несколько вопросов Билли.

— Каких вопросов?

Шериф замялся.

— О Вилле Букере.

— Билли, поставь лампу на стол, чтобы было светлее. Ты слышал слова шерифа. Ты ответишь на его вопросы правдиво?

Билли настороженно кивнул.

Бромли посмотрел на мальчика.

— Я должен задать тебе их, Билли. Но это не значит, что я хочу их задавать.

— Все в порядке.

— Так... Когда ты спускался в подвал дома Букеров?

— В конце апреля. Я не собирался ходить туда, я знал, что это частная собственность, но...

— Почему ты решил туда спуститься?

— Я слышал... — Он взглянул на мать, но Рамона смотрела на шоссе, предоставив Билли возможность отдуваться самому. — Я услышал постукивание. За дверью в подвал.

— Ты был в подвале после того, как... увидел то, о чем говорил?

— Нет, сэр. Я не мог вернуться туда.

Бромли некоторое время смотрел Билли в глаза, затем вздохнул и кивнул.

— Я тебе верю, мальчик. А теперь могу я поговорить с твоей мамой наедине?

Билли оставил лампу на плетеном столике и вернулся в дом. В лесу среди деревьев мелькали светлячки, в зеленом пруду квакали лягушки. Рамона сидела молча и ждала, пока Бромли заговорит.

— После того как Дейв Букер убил их, — начал шериф усталым отрешенным голосом, — он запихнул тело Джули-Энн под кровать, а тело Кэти запер в шкафу. Было впечатление, что он хотел избавиться от них или притвориться, что ничего не произошло. В поисках Вилла мы обыскали весь дом, искали в лесу, под террасой, во всех мыслимых местах. Мы искали в печке, опускали водолаза в колодец, даже протралили озеро Симмс. Мы искали и в этой угольной куче... но мы так и не догадались искать в земле под ней. — Он снял шляпу и почесал затылок. —

Там-то мы и нашли тело Вилла, в мешке. Похоже, его забили насмерть чем-то вроде лопаты, у него были переломаны все кости. Да, это чертовски срапое дело... Простите мой плохой французский. — Он снова водрузил шляпу на голову. — Линк Паттерсон, Кейл Джойнер и я нашли Вилла сегодня утром. Я повстречал на своем веку много паршивых случаев, но этот... — Он неожиданно подался вперед и схватился за подпорку террасы так, что у него побелели костяшки пальцев. — Миссис Крикмор, — произнес он хрипло, будто борясь с эмоциями, на которые, по его мнению, шериф просто не имел никакого права. — Я весьма сожалею о том, что случилось на проповеди. Я, наверное... должен был что-нибудь предпринять...

— Не было необходимости.

— Вы... знаете, что про вас рассказывают? Я тоже слышал эти рассказы, но никогда не придавал им особого значения. — Его губы с трудом произносили малопонятные слова. — Так это правда?

Рамона не ответила. Она знала, что он отчаянно хочет понять, узнать ее секреты, и на мгновение ей захотелось довериться ему, потому что, может быть — только может быть, — внутри этого неуклюжего медвежьего тела тлеет искра Неисповедимого Пути. Но мгновение промелькнуло, и она поняла, что больше не доверится ни одному человеку в Готорне.

— Я не верю в духов! — негодующе произнес шериф. — Это... сказки для дураков! Но ответьте мне на один вопрос: как Билли узнал, что Вилл Букер находится под угольной кучей?

Последовала долгая пауза, во время которой тишину нарушало только квакапье лягушек и стрекотание цикад. Наконец Бромли произнес:

— Потому что он такой же, как вы, так?

Рамона слегка приподняла подбородок.

— Да, — ответила она. — Как я.

— Но он всего лишь маленький мальчик! Во что... во что же превратится его жизнь, если он обречен видеть духов и... Бог знает кого еще!

— У вас к нам все, шериф?

Бромли неуверенно замигал, чувствуя, как из глаз Рамоны изливается огромная сила.

— Да... за исключением одной вещи. Джимми Джед Фальконер — уважаемый и любимый в нашем округе человек, а его сын — настоящий чудотворец. После того, как вы встали и стали кричать «Убийца!», вам вряд ли удастся избежать сети сплетен, которую на вас накинут.

— Сплетни? Это когда о ком-то говорят неправду? Тогда мне нечего беспокоиться, не так ли? Это сам Фальконер или кто-нибудь из его «Крестового похода» просил вас сказать мне это?

— Может, да, может, нет. Просто прислушайтесь к моим словам. А теперь у меня все. — Бромли пошел к своему «пантиаку», но на полпути обернулся. — Вы понимаете, что у Билли жизнь здесь уже никогда не будет идти по-старому?

Он сел в автомобиль и вырулил на шоссе.

Рамона подождала, пока автомобиль шерифа скроется из виду, а затем взяла лампу и ушла в дом. Билли сидел на отцовском месте, на столе перед ним лежала «Тайна пропавших друзей». Рамона поняла, что он слышал каждое слово, произнесенное на террасе.

— Шериф Бромли нашел тело Вилла, — сказал Билли.

— Да.

— Но как же я мог видеть Вилла, если Вилл уже умер?

— Я не думаю, что это был Вилл, с которым ты дружил, Билли. Я думаю, это была... какая-то часть Вилла, одинокая и испуганная. Она ждала от тебя помощи.

Билли задумался, двигая челюстями.

— А я мог ей помочь, мама?

— Не знаю. Наверное, мог. Я думаю, Вилл не хотел, чтобы его оставили лежать одного в подвале. Кому охота просыпаться в темноте, где вокруг нет ни единой души?

Билли долго обдумывал следующий вопрос и наконец с трудом выдавил его из себя:

— Вилл попал в Рай или в Ад?

— Я думаю... он достаточно времени провел в Аду, верно?

— Да.

— Пойду приготовлю ужин, — сказала Рамона и погладила мальчика по щеке. После вчерашней ночи из его глаз исчезла вся веселость, но остались невысказанные вопросы. — Я подогрею суп и пожарю кукурузные лепешки, идет?

— А папа не вернется?

— Вернется рано или поздно. Но сейчас он испуган. Пойми, далеко не каждый мог видеть то, что осталось от Вилла Букера, и очень немногие могли помочь ему.

— Я понимаю, — неуверенно ответил Билли. Его лицо состояло из лоскутиков оранжевого света и черных теней.

— Как бы я хотела помочь тебе во всем разобраться, — тихо произнесла Рамона. — Но есть вещи, которые ты должен понять сам. Хотя... может быть, тебе поможет твоя бабуля, потому что есть вещи, которые я сама не понимаю...

— Бабуля поможет мне? Как?

— Она начнет с самого начала. Она переформирует тебя так же, как кусок глины на гончарном круге. Она сформировала меня много лет назад, а ее папа сформировал ее. Твоя бабуля научит тебя тому, чего я не знаю.

Билли минуту поразмышлял, хмуря брови. Ему нравилось место, где поселилась бабушка — белый домик на трех акрах заросшей лесом земли с достаточным количеством извилистых тропинок, — но что скажет отец?

— Когда мы поедем? — спросил он.

— Скорее всего завтра утром. Мы сядем в автобус около продовольственного магазина и к полудню будем на месте. Но мы поедем только в том случае, если ты сам этого захочешь.

— А чему я должен научиться?

— Особым приемам, — ответила Рамона. — Приемам, которым ты нигде больше не научишься. Некоторые из них довольно легкие и веселые, а некоторые... не очень; кое-что может даже причинить тебе боль. Ты стоишь на грани созревания, Билли, и, может быть, некоторые вещи ты лучше поймешь этим летом, чем следующим.

Темное мерцание глаз Рамоны и тревожило Билли, и возбуждало его любопытство; это было то же самое, что видеть ка-

кой-то блеск в дальнем уголке леса, который ты еще не осмелился исследовать.

— Хорошо, я поеду, — решился он.

— Тогда тебе нужно собрать кое-что из одежды. Возьми из своего комода нижнее белье и носки, а я пока соберу свои вещи. Потом мы поужинаем. Хорошо?

Передвинув лампу, Билли открыл ящик своего комода, достал оттуда трусы и несколько маек и положил их на кровать. За ними последовали носки, футболки и его любимые подтяжки а-ля «Одинокий странник». Его куртки и джинсы лежали в родительском гардеробе, и Билли решил взять их позже. Он залез под кровать и вытащил оттуда большой бумажный пакет с коробкой из-под сигар «Датч Мастерс», в ней хранились все его сокровища.

Мальчик решил положить в пакет свои вещи, а пока сел на кровать, положил на колени сигарную коробку и открыл крышку, все еще хранящую легкий запах дорогого табака.

В коробке лежали зеленые «кошачьи глаза», гладкие коричневые гальки, камень с отпечатком листа древнего растения, йойо, который свистел, двадцать пять вкладышей от жевательной резинки с изображениями кровопролитных битв времен Гражданской войны и...

Билли разглядывал содержимое коробки, и его глаза медленно расширились; затем он выкрутил фитиль лампы — внезапно ему показалось, что в комнате слишком темно.

Отражая оранжевый свет коптилки, в коробке лежал маленький кусочек угля. «Я не клал его сюда, — думал Билли. — Или клал?» Он не помнил; нет, он был уверен, что не клал. На первый взгляд кусок угля выглядел довольно обычно, но по мере того как Билли глядел на него, в памяти всплывало лицо Вилла Букера, и он вспомнил о том, как прекрасно они проводили время. Билли вынул уголь из заветной коробки и поднес поближе к глазам, изучая его острые грани.

Он не знал, как попал сюда этот кусочек, но понял, что на то есть причина. Вилл мертв, да, Билли знал это, но в его памяти жил образ друга. «А если вы помните — в самом деле помните, — думал Билли, — то вы можете остановить время, и никто

никогда не умрет». Он медленно сжал уголь в кулаке, и мягкое тепло разлилось от его ладони к локтю.

Билли вспомнил о событиях прошлой ночи и нахмурился. Как на него смотрел этот юный Уэйн Фальконер! Он не понял, почему мама назвала действия евангелистов «сродни убийству», но догадывался, что она почувствовала в их методах страшное, даже страшное, нечто такое, что он не мог до конца осознать.

Билли прислушался к ночным звукам в надежде услышать шум папиного автомобиля, но ничего не услышал. Вдруг без предупреждения в его памяти всплыл образ зверя, освещенного фарами грузовика. Билли содрогнулся, положил кусочек угля в сигарную коробку и начал складывать вещи в пакет, готовясь к завтрашнему отъезду.

15

Джимми Джед Фальконер проснулся на рассвете от лая Тоби. Он полежал немного рядом со спящей женой, красавицей-блондинкой Камиллой, прислушиваясь к тому, что делается возле дома. «Гоняет кроликов», — решил он, когда собачий лай затих на лесной опушке. Подумав о Тоби, он естественным образом вспомнил о первом чуде, которое собственными руками сотворил его маленький Уэйн.

Это случилось в один из апрельских дней. Кемми мыла на кухне тарелки, когда услышала крик Уэйна и выскочила из дома, чтобы посмотреть, в чем дело. Уэйн бежал к ней, держа в руках окровавленный мешок собачьей плоти, и выкрикивал что-то невнятное. Он споткнулся, упал, а когда Кемми подбежала к сыну, то увидела, что Тоби бьется в агонии; из его разорванной груди вырывалось слабое дыхание. Мускулистое тело пса превратилось в месиво из мяса и раскрошенных костей, голова была вывернута набок, а из ушей шла кровь.

— Его сбил грузовик! — кричал Уэйн. — Я видел, как это случилось! Позови кого-нибудь помочь Тоби!

Но Кемми не знала, что делать. От вида крови ее затошнило. Ошеломленная женщина отступила назад, и тогда ее сын, по расцарапанному, пыльному лицу которого текли слезы, пронзительно закричал: «ПОЗОВИ КОГО-НИБУДЬ!» — и этот крик потряс ее до глубины души. Кемми побежала к телефону, чтобы позвонить Джимми Джеду в Бирмингем, где у него была деловая встреча, но она знала, что Тоби осталось жить несколько минут. У двери она оглянулась и увидела, что Уэйн в измазанных кровью и грязью джинсах склонился над собакой.

Она только успела связаться с телефонисткой, когда Уэйн издал душераздирающий вопль: «То-о-о-о-би-и-и-и!» Кемми бросила трубку, и волосы у нее на голове встали дыбом. Она хотела успокоить сына, но остановилась, увидев, что Уэйн поднял Тоби и медленно, поднимая ботинками пыль, двинулся к террасе.

Он улыбался. От уха до уха. А его глаза, заплаканные и распухшие, горели каким-то страшным внутренним огнем. Кемми от страха сползла по перилам террасы.

— Теперь Тоби лучше... — произнес Уэйн хриплым голосом.

Он положил Тоби на пол, и Кемми чуть не упала в обморок. Кости собаки были вправлены так, будто этим занимался садист... или безумный ребенок. Шея пса страшно искривилась, передние лапы вывернулись вовнутрь, а задние наружу, на спине появился верблюжий горб. Короче, бедняга Тоби теперь напоминал персонаж шоу уродцев, однако дыхание его стало ровным, и хотя он не мог держаться на ногах или открыть глаза, Камилла видела, что пес вне опасности. Она наконец сумела взять себя в руки и дозвониться до Бирмингема.

Фальконер усмехнулся. Он видел рентгеновские снимки, сделанные доктором Консайдайном: кости Тоби, переплетаясь самым причудливым образом, образовывали сложную головоломку, однако они прекрасно срослись, и только едва заметные рубцы указывали места переломов. Ветеринар искренне удивился и сказал Фальконеру, что данный случай необъяснim для науки... совершенно необъяснim. Движения пса были ограничены, поэтому конечности ему пришлось сломать заново и срастить уже подобающим образом. Что же касается горба и криво

посаженной головы, то к этому Тоби почти уже приспособился и снова подобно молнии носился по владениям Фальконера. После этого случая проповедника все время занимал один и тот же вопрос: если Уэйн сумел излечить ЖИВОТНОЕ, то что же он сможет сделать с ЧЕЛОВЕКОМ?

Ответ пришел в виде голубого «форда»-пикапа, в котором сидели хмурый мужчина, женщина и маленькая девочка с кукольным личиком. Их фамилия была Гиатт, и жили они на другом конце Файета. Один из друзей рассказал им о сыне Дж.Дж. Фальконера, услышав историю Тоби из уст помощника ветеринара. Маленькая дочка Гиаттов не могла ходить; мужчина сказал Фальконеру, что «ее ножки уснули и не хотят просыпаться».

Фальконер поднялся наверх в комнату Уэйна, где с потолка свисали модели аэропланов. Мальчик, сидя за столом, терпеливо склеивал фюзеляж «Ревелла Р-38». Фальконер несколько минут понаблюдал за его работой. Мальчик рос мастером на все руки, и ему очень нравились аэропланы.

— Кое-кто хочет видеть тебя, — наконец сказал евангелист.

— Кто, папа?

— Мужчина, женщина и их маленькая дочка. Ей семь лет, и ее зовут Черил. Ты знаешь, почему они здесь?

Уэйн отрицательно покачал головой осторожно приклеивая на место крыло.

— Они узнали, что ты вылечил Тоби. Помнишь, когда ты увидел, что Тоби умирает, твое сердце забилось так, как будто хотело выскочить из груди, а затем ты почувствовал, что должен дотронуться до Тоби, и захотел больше всего на свете, чтобы он выздоровел?

Уэйн отложил работу и удивленно поглядел на отца ярко-голубыми глазами.

— Да, сэр.

— Ты еще говорил, что думал только о том, чтобы кости Тоби срослись, и что твои руки дрожали, а там, где ты касался Тоби пальцами, кости двигались сами собой?

Уэйн кивнул.

Фальконер очень осторожно взял сына за плечи.

— Черил и ее родители приехали сюда за твоей помощью. У девочки заснули ноги, и их нужно вылечить.

Уэйн ничего не понял.

— Она попала под машину?

— Нет. Скорее всего это из-за нервов. Но Черил нужно... то, что ты сделал для излечения Тоби. Как ты думаешь, удастся тебе это повторить?

— Я не знаю. Это... это другое дело. Может быть, я никогда больше не смогу никого исцелить, может быть, я все силы потратил на Тоби. Из-за этого случая мое сердце так болело, папа...

— Да, я знаю. Но не стало ли тебе после этого легче? Не вдохновило ли это тебя, не слышал ли ты голос Бога и не чувствуешь ли ты Его Силу внутри себя?

— Возможно, но...

— Ты целитель, сынок. Живой чудодейственный целитель! — Он обнял сына за плечи. — В тебе есть сила, которая должна служить вполне определенной цели. Черил и ее родители ждут внизу. Что им передать?

— Я... Я сделал это, потому что очень любил Тоби. А эту Черил я даже не знаю!

Фальконер наклонился к нему и понизил голос.

— Сделай это, потому что любишь меня.

Мистер Гнатт положил дочку на бок на простыню, расстеленную на обеденном столе. Черил задрожала и схватилась за руку матери, когда Уэйн склонился над ней, не зная, что предпринять. Фальконер ободряюще кивнул ему; Кемми, не в силах следить за происходящим, вышла из гостиной и села на ступеньки террасы, дожидаясь окончания процедуры. Когда Уэйн наконец коснулся ноги девочки, он закрыл глаза, в его висках застучала кровь, и он принялся растирать круглые холодные колени больной. Девочка глядела в потолок и что-то тихо шептала.

Это продолжалось около часа, пока лицо Уэйна не заблестело от пота, а руки не перестали слушаться. Родители Черил, не говоря ни слова, отнесли дочку в грузовик. Уэйн стоял на

террасе, пока «форд» не скрылся за поворотом; встретившись глазами с отцом, он разразился рыданиями и убежал наверх в свою комнату.

Фальконер вернулся к себе в кабинет, закрыл двойную, обитую дубом дверь и сел за письменный стол, буравя столешницу взглядом. Затем для восстановления бодрости духа он решил обратиться к Библии, каждая страница которой была для него откровением. Он наугад открыл тринадцатую главу Евангелия от Матфея на речи Христа о семенах, посеянных на камнях, в сорняках и на плодородной почве, медленно прочитал три страницы и наконец уловил суть послания. Оно оглушило его как удар молнии. «Конечно! — подумал Фальконер и почувствовал странное возбуждение. — Поскольку слово Божье доходит не до всех, то же самое происходит и с чудесами!» Если Черил не исцелилась, значит, ее родители недостаточно верят или они ужасные грешники, стоящие слишком далеко от света. Проблема не в Уэйне, а в девочке либо в ее родителях!» Он уже хотел пойти и поговорить с Уэйном, как вдруг зазвонил телефон.

Это был мистер Гнатт, звонивший с бензоколонки «Тексако», расположенной на другом конце города. По дороге Черил неожиданно начала дрожать и говорить, что плохо себя чувствует, поэтому они завернули на бензоколонку. Миссис Гнатт отнесла дочку в туалет, где ее сразу же вырвало. Неожиданно девочка закричала, что чувствует, как в ее ногах течет кровь, и испуганная мать поставила ее на пол. Черил упала, но затем поднялась и сама добралась до грузовика, где отец подхватил ее на руки и стал кричать о том, как Уэйн Фальконер исцелил его дочь.

Три дня спустя в «Крестовый поход Фальконера» пришло письмо от Гнаттов, внутри которого лежал завернутый в тонкую оберточную бумагу десятидолларовый банкнот. Спустя некоторое время телефонные звонки и письма понеслись селевым потоком, и Фальконер решил, что ему пора передать сыну все, что он знает о публичных выступлениях и о том, как надо управлять толпой, зажигая в сердцах грешников любовь к Господу. Мальчик обладал врожденным талантом артиста, и в нос-

леднюю минуту Фалькопер добавил на свои рекламные плакаты имя Уэйна.

Фалькопер встал с постели, стараясь не потревожить Кемми, прошел через холл к комнате Уэйна и осторожно приоткрыл дверь. Слабые лучики восходящего солнца отражались на фюзеляжах разнокалиберных моделей самолетов — «Б-52», пары «Хеллкетов» морского базирования, английского «Спада», «Констеллейшн» и других, — свисающих на нитях с потолка.

Уэйн сидел на стуле около окна. Легкий утренний ветерок колыхал занавески. За окном расстилались луга тридцатишестиакрового поместья Фалькопера.

— Уэйн. — Мальчик резко обернулся. — Что-то ты рано сегодня проснулся, а? — Фалькопер вошел в комнату пригнувшись, чтобы не задеть зеленый «Спитфаэр».

— Да, сэр. Мне надо кое-что обдумать.

— И это «кое-что» так важно, что нужно недосыпать? Ты же знаешь, сегодня вечером нас ждут в Декатуре. — Он зевнул и потянулся, предчувствуя долгую дорогу. — О чем же ты думал?

— Я думал о том, что случилось в Готорне, папа. Я думал о том мальчике и его маме.

— Да? — Фалькопер взъерошил волосы рукой и присел на кровать, откуда ему было видно лицо Уэйна. — Ты слышал, что о них рассказывали. Они — странные люди, а эта женщина пришла на проповедь исключительно для того, чтобы спровоцировать скандал. Но это не должно тебя волновать.

— А это правда, что она ведьма? И что мальчик — демон?

— Я не знаю, но в Готорне все думают именно так.

Уэйн несколько секунд молча смотрел на отца, а затем сказал:

— Почему же тогда мы их не убили?

Фалькопер испугался.

— Уэйн, убийство противозаконно...

— Но ты говорил, что законы Бога превыше законов человека. А если эта женщина и мальчик — Зло, то им ведь нельзя жить среди людей?

— Э-э-э... — Фальконер чувствовал себя так, будто перекувыркнулся через голову. — Господь позаботится о них, Уэйн. Не беспокойся.

— Она говорила: то, что я делаю, — это убийство.

— Да, она так говорила. Но это только доказывает ее ненормальность. Она попыталась разрушить твою работу и использовала для этого мальчика.

— Я все делаю правильно, папа?

Вопрос прозвучал как удар грома. Фальконер растерянно заморгал.

— Что ты имеешь в виду, сынок?

— Я имею в виду... Я знаю, что этим летом излечил много людей, но... первый раз, с Тоби, я чувствовал: что-то произошло внутри меня, моя кровь словно закипела и... В детстве я воткнул вилку в розетку. Мне было больно, и когда все закончилось, я еще долго чувствовал какое-то неудобство. После случая с Тоби было то же самое. Но с тех пор ко мне никогда больше не приходило то чувство; иногда я испытывал зуд, иногда головную боль, но... совсем не то, что в первый раз. А помнишь, на прошлой неделе в Силакауге? Того слепого? Я старался, очень старался, папа, но я не смог вернуть ему зрение. А еще там были другие, которых я даже не коснулся...: я хотел, но...

Уэйн замолчал, и на его лице отразилось глубокое беспокойство.

— Я думаю, что эта Крикмор все-таки заставила тебя усомниться в своих способностях. Это как раз то, что ей нужно! Когда ты сомневаешься в себе, ты слабеешь. Я тоже думал о слепом и ему подобных; возможно, что ты не можешь вылечить некоторых людей потому, что Господь желает их оставить такими, какие они есть. Они или сильно согрешили и вообще отошли от Света, поэтому, не исповедавшись, они не могут получить исцеления. Ни в коем случае не сомневайся в себе, Уэйн, иначе демоны победят. Ты понял?

— Я... думаю, что да.

— Хорошо. — Фальконер потрепал его по плечу. — Ты будешь готов сегодня к Декатуру?

Уэйн кивнул.

— Тебя еще что-то беспокоит?

— Да, сэр. В этом мальчике есть... нечто такое, что меня пугает. Я не знаю, что это, но... когда я поглядел ему в глаза, у меня душа ушла в пятки...

Фалькопер тихо хмыкнул и посмотрел в окно.

— Страх — это нормальная реакция, — ответил он. — Просто ты чувствуешь в его сердце грех. Уэйн, ты стоишь на пороге большой и прекрасной жизни, в которой ты встретишь много хороших людей, но тебе обязательно будут встречаться люди с Сатаной в душе. Тебе придется бороться. Понял?

— Да, сэр.

— Хорошо. До завтрака еще пара часов. Не хочешь немного вздремнуть?

— Я попробую.

Уэйн слез со стула и забрался под одеяло. Отец поправил простыни и поцеловал сына в лоб.

— А теперь отдыхай спокойно, дружище, — сказал Фалькопер. — Я разбужу тебя к завтраку. Хорошо? — Он улыбнулся и направился к двери.

Голос Уэйна остановил его.

— Я все делаю правильно, да, папа?

— Да. Я клянусь тебе. А теперь спи. — Фалькопер закрыл дверь.

Довольно долго Уэйн лежал, глядя в потолок. Ласковый ветерок раскачивал пластмассовые самолеты, и они словно лавировали между облаками. В лесу лаял Тоби. Мальчик крепко закрыл глаза.

16

На ферме Крикморов тоже вставало солнце. Рамона проснулась в седьмом часу, разбуженная звуком подъехавшего к дому автомобиля. Она слышала, как открылась дверца, но не услышала щелканья закрывшегося замка. Потом кто-то начал возиться с ключами, пытаясь отпереть входную дверь.

Рамона быстро накинула халат, зажгла лампу и вышла в холл, но дверь неожиданно распахнулась, и в дом неуклюже ввалился Джон. От него исходил резкий запах пота и самогона, лицо заросло рыжей щетиной, а на куртке отсутствовала пара пуговиц.

— Привет, родная, — поздоровался он, широко улыбнулся и сделал несколько нетвердых шагов в сторону Рамоны.

— Нет.

Джон остановился, словно его ударили, но клоунская улыбка продолжала сиять на его лице. Красные воспаленные глаза, казалось, вот-вот взорвутся.

— Ав-в-в, не надо так, — пробормотал Джон. — Немножко погуляли и все. Видел Мака ван Хорна и старого Винта; ты не поверишь: они все еще занимаются той дорогой в лесу! — Джон моргнул и провел грязной рукой по лбу. — Куда, интересно, запропастился тот мул, после того как меня треснули по башке? — Он засмеялся, пытаясь сфокусировать взгляд на Рамоне. — Почему бы тебе не пойти и не причесаться? Надень что-нибудь из того приятно пахнущего барахла, которое мне так нравится. Тогда ты встретишь меня как настоящая жена...

— Ты грязный, — тихо ответила Рамона, — и пахнешь, как отхожее место!

— ЧЕРТОВСКИ ВЕРНО! — прогрохотал Джон с исказившимся от гнева лицом. — А ты что, ждала, что я приеду домой в веночке из роз? На проповеди ты извозила меня в дерьме, женщина, и я подумал, что немножко нужно привезти с собой! — Он дрожал от ярости. — Ты сделала из меня дурака, — продолжал он. — Ты опозорила мое имя! Ты все спланировала, не так ли? Вот почему ты неожиданно согласилась пойти, потому что ты рассчитывала отколоть на проповеди какой-нибудь номерок! И я не сойду с этого места, пока ты...

Джон поперхнулся, увидев, что из темноты за спиной Рамоны появился Билли.

— Билли, — обратился к нему Джон. — Сынок. Папа вернулся домой. Я знаю, что выгляжу не очень, но... но со мной приключилось несчастье, я думаю...

— Иди одевайся, — сказала Рамона Билли. — Побыстрее.

Билли замялся, глядя на отца, и вышел из комнаты.

— Куда спешите?

— Я везу Билли к бабушке.

— О!

Исторгнув из себя целое облако самогонных паров, Джон закачался на ногах, и комната медленно поплыла перед его глазами. На пару секунд у него перехватило дыхание, и он не мог произнести ни слова. Но затем его прорвало:

— Понятно. Теперь все понятно. Хочешь забрать у меня сына после того, как я отшил тебя, да?

Джон шагнул вперед, и Рамона увидела, как сквозь пелену опьянения в его глазах мерцает красный огонь.

— Нет. Ты знаешь, почему я так поступаю...

— Значит, ты хочешь сделать его таким же, как ты! — завизжал Джон. — Значит, ты хочешь высыпать все это... это дерьмо ему на голову! Я тебе не позволю, клянусь Господом! Я не дам его тебе!

— Билл видел часть сущности Вилла Букера, оставшуюся после его смерти, Джон. Зови это привидением, духом, даже душой. Но он видел это в подвале, и он должен понять, что ждет его впереди...

— Нет! — Джон отшатнулся назад и заслонил своим телом дверь. — Я не позволю, чтобы его поглотила ересь! Я согласился терпеть ее от тебя, но я не позволю, НЕ ПОЗВОЛЮ вмешивать в это мою кровь!

— Твою кровь? — тихо переспросила Рамона. — Но он и моя кровь. В нем есть и от тебя, и от меня, но в нем сильна кровь чокто, Джон. Билли — следующее звено в цепи, неужели ты не видишь? Он несет этот дар...

Джон прижал ладони к ушам.

— Зло-зло-зло-зло-зло-зло-зло...

При виде жалкого пьяного мужчины, закрывающего собой дверь дома в надежде воспрепятствовать уходу сына, у Рамоны из глаз потекли слезы.

— Это не зло, Джон. И никогда им не было.

— Ты говоришь мне, что смерть не зло? Это твоя жизнь, Мона! Но не моя и не мальчика! И в ней всегда будут смерть, призраки и демоны! — Он потряс головой, чтобы стоящий в ней

шум хоть немного улегся. — О Господи, пошли прощение ее душе! Пошли прощение моей душе за то, что я внемлю ее лжи!

В этот момент в золотом круге, очерченном лампой, появился Билли, одетый в джинсы и полосатую куртку. В руках он держал бумажный пакет с вещами.

— Пошли, Билли. — Джон потянулся к сыну. — Пошли покажем ей, что такое мужская дружба.

— Мама... говорит, что я должен ехать. Она говорит, что мне надо учиться.

— Нет. Она ошибается. Хочешь знать, чему она будет тебя учить? Чепухе о духах и смерти. Ты послушный, богобоязненный мальчик, и тебе не следует даже думать о таких вещах.

— Я не хотел видеть Вилла Букера, папа. Но он ждал меня в том подвале и нуждался в моей помощи.

Билли показал отцу кусочек угля, лежащий на его ладони.

— Что это? Откуда?

— Я не знаю, но я... я думаю, теперь Вилл хочет помочь мне. Я думаю, он посылает мне это, чтобы я знал, что... был прав, когда спустился в подвал, и что если что-то темное и страшное, то это еще не значит, что оно злое...

Из груди Джона вырвался стон.

— Отравлен, — прошептал он, глядя на уголь. — Яд в крови. В крови! Боже милостивый, порази меня на месте, если я не был хорошим отцом...

— Прекрати! — резко оборвала его Рамона.

Внезапно Билли бросил бумажный пакет с вещами, пробежал через комнату и вцепился в ногу отца. Сквозь рыдания мальчик простонал:

— Я буду хорошим, папа, я буду хорошим, я буду...

Джона передернуло — от эмоций или от отвращения, Рамона не знала, — он схватил Билли за шиворот и подтолкнул к матери.

— В ТАКОМ СЛУЧАЕ ЗАБИРАЙ ЕГО! — крикнул он и швырнул на пол ключи от автомобиля. — Уходите оба! Убирайтесь из моего...

Его голос надломился, и из горла вырвалось ужасное рыдание. Билли заплаканными глазами смотрел на отца, и тот закрылся ладонью от этого взгляда.

— ...дома, — прошептал Джон.

Он, шатаясь, прошел по комнате и упал на стул у камина. Его лицо освещали лучи восходящего солнца.

— Я не смог это сделать, Господи, — тихо произнес он, прижав ладони к лицу и закрыв глаза. — Я не смог прогнать из них тьму...

Затем он умолк, и в комнате послышалось его громкое дыхание.

— Сходи за вещами, — сказала Рамона Билли и прошла в спальню, чтобы надеть носки, туфли и взять дорожную сумку. Она может вести машину и в халате, а переоденется потом. Сейчас ей хотелось поскорее уехать с Билли из этого дома. В кухне Рамона взяла из тайника несколько долларов и пятьдесят центов мелочью, а также глиняный кувшин в форме яблока, сделанный для них Ребеккой. Затем она вернулась в переднюю и подобрала ключи от машины. Билли опухшими от слез глазами стоял около отца. Он осторожно коснулся руки Джона, но тот только что-то простонал в своем мучительном пьяном сне.

— Иди в машину, — сказала Рамона. — Я сейчас подойду.

Когда Билли вышел, Рамона пригладила грязные, торчащие в разные стороны рыжеватые кудри мужа и заметила, что морщины на его лице стали еще глубже. Тыльной стороной ладони она вытерла глаза и принесла из спальни покрывало. Рамона накрыла Джона и понаблюдала за тем, как он свернулся клубком. И тихо застонал во сне. Она повернулась и вышла из дома.

4. ГОНЧАРНАЯ ГЛИНА

17

Измазанные глиной руки старухи словно сами собой двигались над бесформенным куском глины, лежащем на вращающемся гончарном круге. «Ваза или кувшин?» — спрашивала

она себя. Ее ноги ритмично нажимали на горизонтальную деревянную планку, управляющую скоростью вращения круга. Смазанные маслом колеса тихо шелестели. Ребекка была неравнодушна к вазам, однако кувшины раскупались быстрее. Миссис Блирз, владелица магазина сельскохозяйственных принадлежностей в Сельме, расположенном в двадцати милях отсюда, говорила, что на ее маленькие широкогорлые кувшины, раскрашенные в темные цвета, образовался настоящий спрос. Эти кувшины можно использовать как угодно, начиная от емкостей для хранения сахара и заканчивая местом для складывания губной помады. А если на донышке кувшина вдобавок стоит автограф Ребекки Фейрмаунтейн, то покупатели расхватывают их в мгновение ока. Как-никак о Ребекке писали и «Сельма джорнел», и «Алабама крафтсмен», а четыре года назад на алабамской ярмарке она получила первый приз за самую оригинальную гончарную скульптуру. Теперь она делала скульптуры изредка, чтобы не потерять навык, зато изготовила огромное количество кувшинов, ваз и кружек — одним лишь искусством не проживешь.

Солнечный свет лился в окна, растекался по деревянному полу мастерской и отражался в стоящих на сосновых полках законченных работах: здесь были чашки и блюдца цвета осенних листьев, темно-синие, как полночное небо, тарелки, набор кувшинов всех оттенков — от розового до темно-пурпурного, черные кружки, бока которых были похожи на ствол сосны, необожженные образцы с ярко раскрашенными фигурками чокто. Мастерская представляла собой мешанину цветов и очертаний, в центре которой сидела старуха, куря глиняную трубку и рассматривая кусок глины. Она разгладила его бока, время от времени окуная в чан с водой, чтобы не дать глине засохнуть. Она уже сделала несколько неудачных заготовок, которые наверняка треснут при обжиге в сушильной печи. Наконец пришло время решать.

В этом образце Ребекка видела вазу. Высокую вазу с рифленым краем ярко-красного цвета, как кровь женщины в тот момент, когда она находится рядом с любимым мужчиной. «Да, — подумала она, — высокая красная ваза для белых диких

цветов». Она добавила немного глины из стоявшего рядом ящика, еще раз смочила пальцы и принялась за работу.

Крепкое, испещренное глубокими морщинами лицо Ребекки Фейрмаунтейн было забрызгано глиной. Ее кожа имела оттенок красного дерева, а глаза напоминали кусочки угля. Из-под широкополой соломенной шляпы выбивались пряди седых волос, которые свободно падали ей на плечи. Когда Ребекка начала работать, ее глаза сузились от напряжения, а из правого уголка рта стали вырываться клубы голубого дыма; она курила кроличий табак, который сама собирала в лесу, и его характерный аромат быстро наполнил мастерскую. Дом Ребекки стоял вдалеке от шоссе и со всех сторон был окружен девственным лесом. Электрическая компания, невзирая на трудности, протянула линии к некоторым из ее соседей, но сама Ребекка отказалась от этого фальшивого мрачного света.

Выводок перепелок брызнул из дальних кустов и рассыпался по небу. Их полет привлек внимание Ребекки; она некоторое время наблюдала за ними, гадая, почему птицы покинули свое убежище. Затем увидела клубы пыли и поняла, что к дому приближается автомобиль. «Почтальон? — удивилась она. — Слишком рано. Налоговый инспектор? Не дай Бог!» Ребекка неохотно остановила гончарный круг и подошла к окну.

Когда она увидела машину Крикмора, ее сердце запрыгало от радости. Последний раз она видела дочь и внука на Рождество. Она открыла дверь и направилась к белому домику, стоявшему немного в стороне от мастерской, где остановился «олдс». Рамона и маленький Билли уже вышли из машины, но где же Джон? Когда Ребекка увидела лица своих гостей, то поняла, что случилась беда. Она, прихрамывая, перешла на бег и заключила в объятия дочь, чувствуя, что вокруг нее саваном обернуто напряжение.

Ребекка сделала вид, что не замечает распухшие глаза Билли. Она взъерошила его волосы и сказала:

— Малыш, облака скоро станут мешать тебе расти дальше.

Ее скрипучий старческий голос дрожал от возбуждения.

Билли слабо улыбнулся.

— Нет, бабуля. Я никогда не стану таким высоким!

— В тебе почти уже пять футов! Дайте-ка мне на вас наглядеться! — Ребекка вынула из рта трубку и в восхищении потрясла головой. — Рамона, ты прекрасна, как апрельский день!

Она снова обняла свою дочь, чувствуя, что у той вот-вот хлынут слезы.

— Хотите сассафрасового чаю?

— Да, конечно.

Они направились к дому: старуха — обнимая дочь, Рамона — держа за руку сына. На террасе лежала большая поленница дров; рядом с домом, там, где лес был вырублен, находился колодец, а на краю леса стояла коптильня. В уютном, но бедно обставленном доме, на кухонной плите, растапливаемой дровами, Ребекка вскипятила ароматный сассафрасовый корень.

— Билли, — позвала она, — я только что закончила одну вещь. Она стоит на гончарном круге. Сбегай посмотри на нее и скажи, что ты думаешь по поводу ее будущего цвета.

Мальчик пулей выскочил из кухни, чтобы побыстрее оказаться в мастерской с ее необузданными красками и формами. Рамона села за кухонный стол с чашкой чая, и Ребекка тихо проговорила:

— Я хочу услышать все, пока мальчик не вернулся.

Рамона уже не могла сдерживать рыдания; она крепилась при Билли, но теперь силы оставили ее. Она дрожала и всхлипывала, а мать гладила ее по шее и плечам, стараясь снять напряжение. Рамона начала с трагедии Букеров и закончила событиями сегодняшнего утра.

— Ты бы слышала... что говорил сегодня Джон... при Билли...

Старуха прикурила от длинной спички и выпустила клуб голубого дыма.

— А чего ты ждала? — спросила она. — Что Джон отпустит тебя с наилучшими пожеланиями? Нет, он не видит Зло в тебе или в Билли, он просто перестал понимать, что плохо, а что хорошо. Все, чего он боится, или то, что заставляет его думать, кажется ему черным, как адская кочерга. Проклятие, девочка!

Я знала, что все так получится... я, наверное, болтаю, как любая другая бабка, да?

— Мне все равно, что делает Джон. Я беспокоюсь за Билли.

— О нет! — Ребекка покачала головой. — Не говори так. В нашей семье и без тебя слишком много мучеников. Итак, ты пошла на проповедь Фалькопера и подумала, что это ОН, верно?

— Да, — кивнула Рамона, — я знаю, что это он.

— Откуда ты это знаешь?

— Если бы я могла объяснить, тебе пришлось бы признать, что ты меня совсем не знаешь. Как я жалею, что пошла туда! Какая же я дура!

— Что сделано, то сделано, — блеснула глазами Ребекка. — Ты разговаривала с Билли?

— Нет.

— Почему?

— Я... я думала, что еще слишком рано. И я не знаю, как он это воспримет. Прошлой ночью... нечто — Билли думал, что это его отец — пришло за ним и отвело на дорогу, где его чуть не раздавил грузовик.

Ребекка нахмурилась и мрачно кивнула.

— Оно уже вышло на него. Билли может обладать способностью видеть, но не обладает способностью понимать увиденное или способностью помогать. В нашей семье полно как хороших, так и червивых плодов. Были, конечно, и те, кто не в счет, вроде твоего прадяди Николя К. Хэнкока, ставшего королем мошенников, торгующих духами, которого пристрелили за жульничество во время игры в покер. Потом твоя прапрабабушка Руби Стиил, основавшая в Вашингтоне организацию по изучению загробной жизни. Я говорю тебе это вот к чему: если Билли лишен способности помогать, то и видеть ему совершенно незачем. Если он не сумеет двигаться вперед, он двинется назад. Для этого в нем достаточно крови белых людей, Рамона.

— Я думаю, он научится помогать. Он уже помог.

— Ты хочешь, чтобы он вступил на Неисповедимый Путь?

— Я хочу, чтобы мой сын продолжил его, поскольку он уже начал там, в подвале.

— Может быть. Но ты знаешь о Пути, так же как и я: если Билли недостаточно силен, если у него нет врожденной способности понимать тайный смысл событий, ритуал может повредить ему. Мне было пятнадцать, когда отец провел со мной этот обряд; тебе — шестнадцать. А мальчику всего десять. Только один человек вступил на Путь в таком раннем возрасте: Томас К. Коди, живший в начале девятнадцатого века. Интересный человек. Говорят, что наш Старый Враг настолько ненавидел его, что поднял его труп из могилы и бродил в его обличье с ножом в одной руке и топором в другой. Томас и эта штука боролись на краю утеса в течение двух дней, пока не свалились вниз.

— Ты веришь в это?

— Я верю, что Томас был очень силен. Я верю, что Враг показал нам еще не все свои трюки. Изменение образов — только часть их.

— Тогда тем более важно, чтобы Билли начал свой Путь сейчас, — сказала Рамона. — Я хочу объяснить ему, что́ собиралось убить его прошлой ночью.

— Если он не готов, ритуал повредит ему. Ты ведь знаешь это, не так ли?

— Да.

Входная дверь распахнулась, и в кухню ворвался Билли с вымазанным глиной лицом. В руках он держал довольно большую сосновую шишку, надеясь, что она понравится бабушке.

— Да, здоровенная шишка. — Ребекка положила подарок на стол и посмотрела на Билли. — Как ты смотришь на то, чтобы погостить у меня несколько дней?

— Нормально. Но мы вернемся к папе?

— Да, — утвердительно кивнула Рамона. — Конечно.

— Ты видел мою новую заготовку? — спросила Ребекка. — Это будет высокая ваза.

— Да. Я видел. Думаю, она должна быть... — Он задумался. — Красной. Темно-красной, как кровь чокто.

Ребекка согласно кивнула.

— Да, — произнесла она, и глаза ее странно блеснули, — я об этом не догадалась.

18

Билли разбудила бабушка. Она стояла рядом с его кроватью, держа в руках лампу. Через открытое окно в комнату доносился похожий на звук циркулярной пилы стрекот цикады, сидящей в траве, то затихающий, то снова усиливающийся в полночной тиши. Билли показалось, что он чувствует запах дыма.

— Одевайся, — сказала Ребекка и, держа в руке лампу, шагнула к стулу, на спинке которого висела одежда мальчика. В кармане джинсов лежал кусок угля, который она внимательно осмотрела, когда Билли показал ей его; вечером Ребекка покрыла его шеллаком, чтобы он не рвал карманы и не мог порезать Билли пальцы своими острыми гранями.

Мальчик протер глаза.

— Сколько сейчас времени?

— Время начинать, — отозвалась Ребекка. — Вставай.

Билли вылез из кровати и оделся. Он ощущал тяжесть в животе и чувствовал, как внутри все переворачивается. Он испугался, что его снова стошнит. После ужина, состоявшего из овощного супа и куриных крылышек, бабушка дала ему кружку чего-то черного и маслянистого, очень похожего на патоку. Она объяснила, что это нужно для того, чтобы его организм остался «правильным», однако через двадцать минут мальчик уже был на улице, выдавливая свой ужин на траву. Его рвало до тех пор, пока желудок не опустел, и теперь он чувствовал легкость в голове и слабость.

— Можно мне попить? — спросил Билли.

— Попозже. Надевай ботинки.

Он зевнул и начал борьбу со шнурками.

— Что случилось? Куда мы идем?

— На улицу, чуть-чуть прогуляемся. Твоя мама пойдет вместе с нами.

Билли стряхнул с себя остатки сна. Бабушка была в том же фартуке и юбке, что и вчера, однако шляпу сменил яркий шарф,

повязанный вокруг головы. Серебряные волосы Ребекки сверкали в свете лампы.

— Иди за мной, — сказала она, когда Билли оделся.

Они вышли из дома через кухонную дверь. Все небо было усыпано звездами, а луна напоминала пузатую оранжевую тыкву. Билли шел за бабушкой к маленькой коптильне, из трубы которой поднимался столб белого дыма. Неожиданно из темноты появилась Рамона и положила руку ему на плечи. Сердце мальчика забилось чаще — он понял, что тайные уроки, ради которых он приехал к бабушке, вот-вот начнутся.

Рамона одернула на нем рубашку и поправила воротник, будто сын собирался в церковь. Она улыбнулась, но в ее глазах Билли заметил тревогу.

— У тебя все прекрасно получится, — сказала она тихим голосом.

— Да, мэм. — Он храбрился, нервно поглядывая на коптильню.

— Ты боишься?

Билли утвердительно качнул головой.

Бабушка внимательно поглядела на него.

— Очень боишься?

Билли помедлил, зная, что они не станут учить его, если он сам этого не захочет; однако ему очень хотелось понять, почему он видел Вилла Букера, вылезающего из кучи угля.

— Нет, — ответил он. — Не очень.

— Когда это начнется, остановиться будет невозможно, — в последний раз предупредила обоих Ребекка. Затем она, кряхтя, наклонилась к Билли и осветила лампой его лицо. — Ты сильный мальчик?

— Да, у меня есть мускулы, и я могу...

— Нет. Есть ли у тебя сила здесь? — Бабушка постучала его по груди. — Достаточно ли ты силен, чтобы ходить в темные места и возвращаться обратно?

Во взгляде старушки был вызов. Билли оглянулся на столб белого дыма, нащупал в кармане кусочек угля, выпрямился и спокойно ответил:

— Да.

— Хорошо. Тогда мы готовы.

Ребекка выпрямилась и отперла дверь коптильни. Из помещения медленно выкатилась волна пепла, а пламя в лампе затрепетало. Рамона взяла Билли за руку и вслед за матерью вошла внутрь. Дверь сейчас же снова заперли на щеколду.

Костер из сосновых веток, обложенный камнями, полыхал на земляном полу; прямо над ним, в нескольких футах от потолка, располагался круглый металлический дымоход. Билли понял, что костер разожгли давно — по углям то и дело пробегали красные и оранжевые сполохи, вдоль стен висели деревянные крюки и рамы для подвешивания мяса; Ребекка повесила лампу на ближайший крюк и жестом пригласила Билли сесть у огня. Когда он устроился и жар от костра тугой маской стянул ему щеки, бабушка развернула тяжелое одеяло, которое лежало на полке, и обернула им плечи Билли так, что наружу остались торчать только его руки и лицо. Все стены коптильни были завешаны разноцветными шерстяными одеялами, чтобы удерживать внутри тепло и дым. На одном из крюков, блестя перьями, висела темно-красная керамическая сова, с другого свисала странная красная керамическая маска, с третьего — что-то похожее на руку, сжимающую сердце, а на четвертом висел ухмыляющийся белый керамический череп.

Рамона села справа от Билли. Ребекка потянулась к дымоходу, тронула маленький рычажок, и заслонка с лязганьем закрылась. Дым начал медленно расползаться по помещению. Затем Ребекка подошла к сумке, стоявшей в углу, и вернулась с охапкой мокрых листьев; она бросила их в костер, и дым сразу же стал еще гуще, сменил цвет на голубовато-серый и зазмеился над самым полом. Старуха достала из сумки еще три предмета — черненую глиняную трубку, кожаный кисет, расшитый синими и желтыми бусинами, и потрепанную старую Библию в кожаном переплете. Затем она опустилась на пол слева от Билли.

— Мои старые кости не выдержат слишком долго, — тихо сказала она, раскладывая перед собой трубку, кисет и Библию.

Языки пламени прыгали, рисуя на стенах корявые тени; мокрые листья трещали и сыпали искрами. Дым становился все

гуще и начал щипать глаза; по лицу и груди Билли катились капли пота.

— Это начало, — сказала Ребекка, глядя на мальчика. — Отныне все для тебя будет новым. Перво-наперво ты должен знать, кто ты есть и что ты есть. Цель поет в тебе, Билли, но чтобы понять ее, ты должен выучить песню.

Ребекка наклонилась к внуку, в ее глазах сверкали отблески пламени.

— Песню чокто, песню жизни, посланную нам Дарующим Дыхание. Он в этой книге. — Она прикоснулась к Библии. — И везде: внутри, снаружи, в твоем сердце и душе, везде...

— А я думал, он живет в храме, — сказал Билли.

— Да. В храме тела. Камни и бревна здесь ни при чем.

Старуха развязала кисет и начала набивать трубку темной маслянистой смесью древесной коры, трав и кусочков похожего на папоротник растения, растущего на берегах далекого ручья.

— Сотни лет назад все это принадлежало чокто. — Она повела вокруг себя рукой, разгоняя неподвижную завесу дыма. — Алабама, Миссисипи, Джорджия... Наш народ жил здесь в мире, привязанный к земле. Когда пришли бледнолицые, они отняли у нас эту землю, поскольку увидели, как она хороша; Дарующий Дыхание велел нам принять чужаков и научиться жить в их мире, в то время как другие племена начали войну и были истреблены. Чокто выжили, но стали народом, о котором никто не помнит. Тем не менее наша кровь сильна, а наши знания не потеряны. Дарующий Дыхание — Бог чокто, но он ничем не отличается от Бога белых людей, — тот же самый Бог, любящий всех мужчин и женщин. Он говорит с нами бризом, дождем и дымом. Он обращается к нашим сердцам и может сдвинуть горы руками человека.

Она закончила набивать трубку, прикоснулась тлеющим угольком к табаку и принялась раскуривать его. Закончив, она вынула трубку изо рта и передала ее изумленному Билли.

— Возьми, — сказала Ребекка. — Это для тебя. Рамона, нам нужно еще листьев. Принеси, пожалуйста.

Пока мать скармливала костру порцию листьев, Билли взял трубку в руки. После пробной затяжки ему показалось, что его голова взлетает куда-то вверх. Он содрогнулся от приступа кашля. Дым и тепло обступили его со всех сторон, он едва мог дышать. Мальчик ощутил приступ паники, но в этот момент бабушкина рука опустилась ему на плечо.

— Все хорошо. Расслабься и попробуй еще раз.

Билли попробовал, дым от трубки царапал горло, в глазах появились черные точки.

— Ты привыкнешь, — успокаивала его Ребекка. — Так о чем я? Ах да. Дарующий Дыхание. Бог чокто. Бог белого человека. Он также награждает талантом, Билли, талантом делать добро. Все время вдыхай дым. Так, правильно. Одни люди рисуют прекрасные картины, другие сочиняют красивую музыку, третьи имеют золотые руки, четвертые — острый ум... В каждом человеке заложено семя таланта. И шлифовать свой талант, выращивая из семени прекрасный плод, — наша основная задача.

Билли снова затянулся и ужасно закашлялся. Одеяло на его плечах промокло от пота, а сердце продолжало стучать все быстрее.

— А во мне, бабуля? Есть это семя во мне?

— Да. Особенно в тебе.

Ребекка достала платок, вытерла слезящиеся глаза и передала его дочери, которая промокнула лицо и шею.

Билли глядел на огонь. Постепенно табачный дым стал казаться ему удивительно сладким. Языки пламени стали ярче и заиграли всеми цветами радуги. Он как бы со стороны услышал свой голос.

— И что же это за семя?

Билли дрожал, глядя на пламя, выстреливающее зеленооранжевыми искрами. Сквозь завесу дыма мальчик видел тени, пляшущие на стенах.

— Нет, — прошептал он. — Это зло, как... как говорит папа!

— Твой отец ошибается, — возразила Рамона. — Он просто боится. В смерти есть благородство. Но иногда... появля-

ются те, кому надо помочь перейти в иной мир. Например, Вилли Букер. Вилл не мог успокоиться, пока лежал отдельно от своей семьи, и его дух, его душа — восстала. Не важно, как называть их — призраками, привидениями или духами, — но некоторые из них после смерти цепляются за мир людей из-за смущения, боли или страха, некоторые из них в растерянности бродят и ищут помощи. Но все они должны обрести покой — отбросить эмоции и чувства, имевшиеся у них в момент смерти, если они связывают их с этим миром. Я не понимаю смерть и не представляю, как выглядят Рай и Ад, но смерть сама по себе не зло, Билли, это сигнал к отдыху после тяжелого трудового дня.

Билли открыл глаза и дрожащей рукой дотронулся до лба. «Ты в те-о-о-омном месте», — шипело в его голове. Постепенно шипение превратилось в рев Джимми Джеда Фальконера. «ТЫ ВО ВЛАДЕНИЯХ САТАНЫ!»

— Я не хочу попасть в Ад! — неожиданно простонал он и попытался сбросить с себя одеяло. — Я не хочу, чтобы Сатана забрал меня!

Ребекка быстро обняла его за плечи.

— Ш-ш-ш-ш! Все хорошо. Ты в безопасности.

Она ласково качала его, пока Рамона подбрасывала листья в костер. Спустя минуту мальчик успокоился, но продолжал дрожать. Жара усилилась, но дым теперь поднимался к потолку и клубился там толстыми слоями.

— Возможно, Ад придумали сами люди, — тихо произнесла Ребекка, — чтобы пугать им друг друга. Я думаю, если Ад существует, то он находится прямо здесь, на земле... как и Рай. Нет, смерть не имеет с этим ничего общего, смерть — это очередной шаг в познании человеческой сущности. Мы оставляем на земле глину, а наша душа улетает. — Старуха погладила лицо Билли и заглянула ему в глаза. — Но это не значит, что нет таких вещей, как Зло.

Билли замигал. Фигура Ребекки превратилась в темный силуэт, окруженный бело-красным сиянием. Он почувствовал страшную усталость, но не хотел закрывать глаза.

— Я буду... бороться с этим, — забормотал он невнятно. — Я ударю это... и пну ногой... и...

— Хотела бы я, чтобы это было так просто, — вздохнула Ребекка. — Зло может принимать любое обличье. Оно даже бывает прекрасным. Иногда ты не замечаешь, как оно оставляет рубец на твоей душе и вцепляется в тебя когтями. Весь окружающий мир может быть злым местом и пропитать людей жадностью, ненавистью и завистью. Зло — это ненасытная свинья, которая старается уничтожить любую искру добра.

Словно во сне Билли поднял трубку и снова затянулся. Дым показался ему мягким, как лакричная палочка. Он внимательно слушал бабушку и разглядывал клубы дыма под потолком.

Старуха откинула со лба потную прядь волос.

— Ты боишься? — осторожно спросила она.

— Нет, — ответил Билли. — Но я... хочу спать.

— Хорошо. Теперь отдохни, если сможешь.

Она взяла у него трубку и вытряхнула угли в костер.

— Не могу, — пробормотал Билли. — Не сейчас.

Затем его глаза закрылись, и он уплыл в темноту, слыша тихое потрескивание костра; темнота вокруг казалась ему теплой и безопасной.

Ребекка осторожно положила внука на землю, подоткнув одеяло так, чтобы Билли продолжал потеть. Рамона подбросила охапку листьев в костер, и они обе вышли из коптильни.

19

Билли проснулся, как от толчка. Он был один. Костер почти догорел, оставив после себя мерцающие угли; жара оставалась невыносимой, а под потолком продолжал неподвижно висеть густой серо-синий дым. Сердце мальчика гулко забилось в груди, и он попытался сбросить одеяло. Улыбающийся керамический череп блестел темно-красным светом.

Неожиданно с костром что-то произошло. Языки пламени затрещали и зашипели. Билли словно зачарованный наблюдал,

как из кучи углей появилось большое огненное кольцо. Оно трещало, разбрасывая во все стороны красные искры.

Затем из костра поднялась горящая пикообразная голова с глазами из шипящих углей. Красные кольца, переплетаясь и корчась, выпихивали огненную змею прямо на Билли. Глаза мерзкой твари уставились на беззащитную жертву, а из раскрытой пасти стали сочиться рубиновые капли огненного яда. Змея подползала все ближе и ближе, шурша, как листки рассыпающейся бумаги. Билли хотел отползти, но запутался в одеяле. От ужаса у него пропал голос. Змея тем временем коснулась одеяла, которое тут же вспыхнуло, и откинулась назад, готовясь к броску.

Билли собрался ударить ее, но не успел поднять руку, как что-то серое и почти прозрачное упало из облака дыма вниз.

Это был огромный орел с телом и крыльями из призрачного, колеблющегося дыма. С высоким злым криком, эхом отозвавшимся в голове мальчика, он бросился на пламя-змею, которая подалась назад, разбрызгивая искры. Орел пролетел над ее головой и снова нырнул вниз; его дымные когти вцепились в змеиный затылок. Несколько секунд враги жестоко боролись, а затем змея крутанула хвостом и ударила им орла так, что тот отлетел в сторону.

Балансируя лохмотьями крыльев, орел-дым снова бросился вниз, и на этот раз его когти вцепились в тело змеи прямо за головой. Пламя-змея погрузила клыки в грудь орла, и Билли увидел, как они рвут серое оперение. Но орел неожиданно ударил противницу клювом, и клочья змеиного тела полетели в разные стороны, превращаясь в красные искры. Кольца пламени обвились вокруг тела орла и закружились в сумасшедшем круговороте. Крылья птицы тянули их вверх, к клубам дыма под потолком, и вдруг все исчезло, кроме нескольких язычков пламени, которые упали обратно в угли.

Пот ослепил Билли, и он стал неистово тереть глаза, ожидая возвращения страшных бойцов.

— Это грех, Билли, — раздался чей-то тихий голос прямо у него за спиной.

Мальчик испуганно обернулся. Там, в фартуке и рабочих шароварах, сидел его отец, худой, с грустными глазами.

— Папа! — в изумлении закричал Билли. — Что ты здесь делаешь?

— Это грех, — тяжело покачал головой мужчина. — Все, до мельчайшей частицы.

— Нет-нет! Бабуля говорила...

Джон подался вперед, и в его глазах вспыхнул свет костра.

— Это гнилое, грязное, черное зло. Эта женщина пытается пометить им твою душу, чтобы ты всю оставшуюся жизнь принадлежал Сатане.

— Но мне надо кое-чему научиться! У меня есть предназначение...

Отец глухо застонал, словно слова Билли причиняли ему физическую боль.

— Вся эта болтовня ничего не значит, сынок. Ты умный и честный мальчик, и ты никогда не верил в сказки про привидения. Этот Неисповедимый Путь смертельно опасен. — Он потянулся к сыну. — Дай мне руку, Билли, и я выведу тебя из этого гнусного места. Давай. Верь своему папе.

Билли почти коснулся его ладони. Глаза отца смотрели умоляюще, словно говорили о том, сколько бед этот человек перенес из-за своей семьи. И все же... что-то было не так.

— Как... как ты сюда добрался? — спросил Билли. — Мы приехали на машине, поэтому... как ты сюда добрался?

— Я приехал на автобусе так быстро, как только смог, чтобы спасти тебя от вил Сатаны. И он пырнет тебя ими, Билли. О да, он пырнет тебя, и ты будешь кричать от боли, если останешься в этом темном месте...

— Нет. Ты ошибаешься. Бабуля говорила...

— Меня не интересует, что она говорила! — закричал мужчина. — Возьми меня за руку.

Только тут Билли разглядел его пальцы. Ногти на них были черные.

— Ты не... мой папа, — прошептал мальчик, отшатнувшись от ужаса. — Ты... Нет!

Внезапно лицо мужчины стало таять, как восковая свеча, и Билли ясно увидел то, что было под ним. Нос размяк и сполз вниз толстым наплывом плоти, обнажив черное, отвратительное рыло. Щека отвисла к подбородку, а затем отвалилась совсем. Нижняя челюсть отпала, и из-под нее показался тонкий рот с двумя желтыми кривыми клыками. Один голубой глаз выпал из глазницы, а на его месте сверкнуло маленькое глазное яблоко, похожее на глаз дикого вепря. Пока лицо менялось, этот глаз не мигая смотрел на Билли.

— Уходи, — прошептало существо голосом, напоминающим скрежет ногтей по поверхности классной доски, — уходи отсюда! Беги! Беги и прячься, придурок!

У Билли подкосились ноги. Ужасное лицо монстра — то самое, которое он видел на дороге, — все приближалось и приближалось к нему в красных отблесках костра.

— Беги! — гремело чудовище.

Но, как и в прошлый раз, Билли парализовало от страха.

«Ты сильный? — вспомнил он бабушкин вопрос. — Есть ли сила в твоем сердце?»

— Да, я сильный, — хрипло произнес Билли. — Я сильный.

Существо замерло на месте, а затем разразилось смехом, от которого у Билли заломило в висках. Второй голубой глаз шлепнулся на пол, и теперь на Билли глядели два красных зрачка. Мальчик уже хотел броситься бежать, но в его голове всплыл образ величественного орла, и он заставил себя остаться на месте. Он смотрел в лицо зверя, стараясь ничем не выдать свой страх. Смех утих.

— Хорошо, — прошептало существо и стало потихоньку отходить от Билли. — У меня есть дела поважнее. Учи все, что сможешь, и учи хорошо. Только никогда не поворачивайся ко мне спиной.

Существо стало таять, превращаясь в черную маслянистую лужу на полу. Бесформенный рот произнес.

— Я буду ждать тебя, — и фигура полностью растворилась.

Лужа вспыхнула голубым огнем и через мгновение тоже исчезла.

Кто-то коснулся его плеча, и Билли резко обернулся.

— Бог мой, мальчик, — произнесла Ребекка, сузив глаза. — Что с тобой случилось? — Она снова села около костра, а Рамона подбросила в огонь дрова и листья. — Ты трясешься как осиновый лист! Мы вышли только на пять минут! — Она внимательно присмотрелась к внуку и напряглась. — Что случилось?

— Ничего. Ничего не случилось!

Ребекка кинула быстрый взгляд на дочь, а затем снова посмотрела на мальчика.

— Хорошо. Можешь рассказать нам об этом после, когда захочешь.

Ребекка помогла Билли снова устроиться у огня, и он уставился на него невидящим взглядом, пока она разминала его шею и плечи сильными коричневыми руками.

— Иметь такой дар, такой талант, очень нелегко. Бремя настоящей ответственности никогда не бывает легким. Но иногда ответственность встает стеной между тобой и другими людьми; они не могут заглянуть в твои мысли, они не могут понять твою цель и высмеивают то, что ты делаешь. Некоторые люди будут бояться тебя, а кое-кто ненавидеть...

Пока старуха говорила, Рамона смотрела на сына внимательно, изучая его лицо. Она знала, что он вырастет красивым молодым человеком, за которым начнут увиваться девчонки, когда он пойдет в файетскую окружную школу. Но как сложится его жизнь? Вдруг он отдалится от других людей, которые будут его бояться и ненавидеть? Рамона вспомнила шерифа Бромли и его слова о том, что жизнь Билли уже никогда не потечет по-прежнему, и почувствовала острую боль в сердце. Билли стал взрослым только что, на ее глазах, однако тому, кто встал на Неисповедимый Путь, необходимо всегда сохранять в себе кусочек детства — убежище от жизненных штормов. И еще потому, что восприятие ребенка гораздо полнее, чем жесткое, рациональное видение мира взрослыми.

— ...Но правильно использовать свой талант гораздо труднее, — говорила Ребекка. — Ты, Билли, должен думать о себе как о вратах на границе двух совершенно разных миров. Ты

должен научиться открывать себя, чтобы дать возможность пройти всем нуждающимся. Но ты должен впитывать в себя их страх и боль, как губка впитывает воду, чтобы они не уходили с отягощенной душой. Это очень непросто, и я не могу научить тебя этому. Ты поймешь все сам, когда подойдет твое время. Однако то, что ты сможешь сделать это в первый раз, отнюдь не означает, что дальше будет проще, ты только убедишься в своих способностях. И все-таки первый раз — самый трудный, ведь ты не знаешь, чего ожидать.

— Это больно?

— В какой-то степени да. Но это не та боль, которую ощущаешь, когда тебе делают укол или когда ты поцарапаешь колено о камень. У тебя будет болеть здесь. — Ребекка коснулась груди. — И здесь. — Она дотронулась до лба. — Это боль, которую ты заберешь у тех, кому попытаешься помочь. Коме того, я не утверждаю, что ты сможешь помочь абсолютно каждому; некоторые духи просто не хотят покидать этот мир. И если при жизни они были подлыми и ненормальными, они попытаются делать... плохие вещи, например, причинять людям неприятности. — Ребекка чувствовала, как напряглись плечи мальчика. — Или, вернее сказать, они тем или иным способом будут пытаться заставить людей причинять боль друг другу, например, пугая их.

Билли смотрел, как скручиваются, чернеют и сгорают мокрые листья. Он сидел, вспоминая лицо и угрозы зверя, и ломал голову над тем, что говорит ему бабушка.

— Я думал... что переход — это как сон, и если ты хороший, то просыпаешься в Раю. Это правильно?

— А что, если ты должен идти спать, но не хочешь? Разве ты не вертишься в кровати, и разве бессонница не вызывает у тебя чувство раздражения? А что ты скажешь, если вечером в тот момент, когда ты делаешь что-то важное, гаснет свет? Или если ты пытаешься уснуть при зверской головной боли? Во всех этих случаях тебе необходима помощь, не так ли? Конечно, далеко не все духи цепляются за мир людей; многие сами находят свою дорогу. За всю жизнь тебя, может быть, позовут на помощь два

или три раза, но позовут обязательно, и тебе придется что-то предпринимать...

— Например?

Билли слизнул с верхней губы капельку пота. Голос Ребекки доносился до него как раскаты эха из темной, глубокой пещеры.

— Я обретаю покой, сидя за гончарным кругом, — ответила Ребекка. — Твоя мама — за вышиванием. Твой прадедушка субботними вечерами принимал горячие ванны. И тебе придется найти какую-нибудь отдушину, когда внутри тебя скопится столько боли, что ты почувствуешь — надо либо избавиться от нее, либо... — Она умолкла.

— Либо что, бабуля? — быстро спросил Билли.

— Либо заблудиться в чужой боли, — тихо ответила Ребекка. — Несколько наших родственников... заблудились, и их жизнь превратилась в сплошное отчаяние. Кое-кто из них пытался найти спасение в алкоголе или наркотиках. Один твой дядя давным-давно сошел с ума и умер в сумасшедшем доме...

Эти слова обрушились на Билли как удар грома. Из его глаз ручьями хлынули слезы. «Может быть, я уже начал сходить с ума? Я отчетливо видел рядом с собой орла-дым и огонь-змею. Затем что-то злое, одетое в кожу отца». Мальчик всхлипнул и прерывающимся голосом рассказал бабушке и Рамоне все, что он видел. Женщины напряженно слушали, и Билли показалось, что глаза бабушки превратились в черные угольки на коричневом морщинистом лице.

Когда он закончил, Ребекка сняла с головы свой шарф, окунула его в ведро с холодной водой, которое принесла Рамона, и вытерла лицо внука. Влажная прохлада принесла Билли громадное облегчение, успокоив его разгоряченное сознание.

— Это были всего лишь картинки в твоей голове, Билли. Их будет еще много. Я думаю, в каждом из нас живет что-то от орла и что-то от змеи; они борются между собой за то, чтобы либо вознести твой дух в небо, либо пригнуть его к земле. Вопрос заключается в следующем: кому из них ты позволишь победить и какой ценой? Что касается второго виденного тобой суще-

ства, — по лицу старухи пробежала тень, — то об этом я тебя предупреждала. Ты не должен показывать ему, что боишься... Но это будет не так-то легко. Рамона, ты не подашь мне вон тот кувшин?

Она вынула пробку из коричневого сосуда, который принесла Рамона, и налила в чашку густую темную жидкость с запахом сассафраса и корицы.

— Может наступить такой момент, — тихо продолжала Ребекка, — когда зло попытается уничтожить тебя, как человек, который задувает свечу. Оно попытается использовать твои слабости, повернув все так, что белое покажется тебе черным, а черное белым. Я тоже видела это существо, Билли, оно выглядело настолько отвратительно, что на него невозможно было смотреть. Оно повадилось шутить со мной по ночам, когда я была еще моложе твоей матери. Однажды утром я обнаружила, что все мои глиняные поделки разбиты и валяются на полу в мастерской. Незадолго до этого безо всяких видимых причин в моем доме вспыхнул пожар. Ты помнишь желтую собачонку, которую я звала Шефом? Я никогда не рассказывала тебе, что с ним произошло; я нашла кусочки его тела, разбросанные в лесу вокруг моего дома. Шеф был последней собакой, которую я завела. Существо, которое ты видел — мой отец звал его Меняющим Облик, потому что он может принять любое обличие, — наш Враг уже долгое, долгое время. Каждый член нашей семьи его видел; это опасный и хитрый зверь, Билли. Он пытается вредить нам с помощью людей и животных, о которых мы заботимся. Он выискивает наши слабости, и поэтому мы всегда должны оставаться сильными. Если мы ослабнем, он сможет повлиять на наш мозг, а может быть, повредить нам физически.

— Что это такое? — Голос Билли опустился до слабого шепота. — Это Дьявол, бабуля?

— Понятия не имею. Я знаю только, что он очень старый, — даже первые целители чокто упоминали о «звере с телом из дыма». Рассказы о Меняющем Облик пришли к нам из глубины столетий. Некоторые члены нашей семьи, которые не обладали достаточной силой сопротивления, были либо обмануты

его ложью, либо разорваны в клочья его ненавистью. Никто никогда не знает, что он затеял, но он почувствовал исходящую от тебя угрозу, иначе он не пришел бы сюда.

— Почему, бабушка? Почему он так ненавидит нас?

— Потому что это ненасытное существо, которое жаждет власти. Он, как свинья в кормушке, питается человеческим отчаянием, муками и замешательством; иногда он отлавливает духов и не дает им уйти из этого мира. Он питается их страданиями, и именно это есть Ад. Когда мы освобождаем несчастных, принимая на себя их боль, мы лишаем его обеденного стола. Мы посылаем бедные души туда, где Меняющий Облик не властен над ними. Именно поэтому зверь хочет любой ценой оборвать твой Неисповедимый Путь.

— Что же мне делать? — прошептал Билли.

— Ты должен поверить в себя и в Дарующего Дыхание. Ты должен идти вперед, не обращая внимания на происходящее и не отказываться от своих обязанностей. Если ты оступишься, Меняющий Облик сожрет тебя. Зверю больше не интересны я или твоя мама — основную часть своей работы мы уже выполнили; но ты — молодая кровь, поэтому он будет наблюдать за тобой.

— Он может повредить мне, бабушка?

— Не знаю. — Ребекка вспомнила труп Шефа, куски которого висели на ветках кустарника.

— Я хочу, чтобы ты выпил этот настой, Билли. Он поможет тебе уснуть. Мы обговорим все позже.

Старуха подала ему чашку с темной жидкостью. Билли почувствовал сильный пряный аромат. Его голова закружилась. Он подумал, что может уснуть и без напитка, но все равно сделал большой глоток. Жидкость оказалась сладкой и приятной на вкус, несмотря на то, что сквозь сладость пробивался мускусный запах поганок.

— До дна, — приказала Ребекка. Билли повиновался. Она улыбнулась: — Очень хорошо.

Билли улыбнулся в ответ. Образ зверя затуманился, как со временем происходит с любым кошмаром. Мальчик смотрел на

угли и различал все оттенки от ярко-оранжевого до темно-фиолетового; его глаза стали закрываться. Последнее, что он видел перед тем, как погрузиться во тьму, была керамическая сова, висящая на крюке.

Женщины оставили его лежать на полу, закутав в одеяло, как в тяжелый саван. Ребекка заперла дверь снаружи.

— Нет нужды присматривать за ним до утра. — Она потянулась, захрустев костями. — Похоже, он понял все, но нужно еще выработать в нем уверенность. Мы приступим следующей ночью.

— Он будет в безопасности? — спросила Рамона, направляясь к дому вслед за Ребеккой.

— Надеюсь. Он видел двойственность своей натуры, борьбу добра и зла в собственной душе, и он встретился лицом к лицу с Меняющим Облик. — Они подошли к входной двери, и Рамона обернулась, взглянув в сторону контильни. Ребекка обняла ее за плечи. — Билли уже потыкали в поисках слабого места. Я не знала, что это может начаться в столь раннем возрасте. На сей раз он устоял, но зверь больше не вернется в таком обличье. Нет, Враг силен и хитер. Но Билли будет хитрее и сильнее.

— Нужно рассказать ему о черной ауре?

— Нет. Он сам научится видеть ее так же, как и ты. Я не хочу слишком загружать его. — Старуха взглянула на дочь, склонив голову набок. — Мальчик проспит весь день. Если ты услышишь, что он плачет, не надо бежать и будить его. Старая жизнь уходит, и ей на смену приходит новая, понимаешь?

— Да, — ответила Рамона. — Но... он там совсем один.

— Да, так и должно быть. В течение трех дней ты можешь поддержать его, но дальше он пойдет один. Ты знала это, когда привела Билли ко мне. — Ребекка осторожно сжала плечи дочери. — Я ошибалась насчет своего внука, его кровь разбавлена, но душа и сердце сильны. Ты будешь гордиться им, девочка. А теперь пойдем, я приготовлю нам чаю.

Лежа на полу контильни, Билли свернулся клубком, как младенец, готовый появиться на свет.

5. ЧЕРНАЯ АУРА

20

— Билли, — крикнул Кой Грейгер из-под маленького прилавка продуктового магазина. — Нашел, по твоему заказу! — Он помахал пыльным пластиковым набором для рукоделия. — Он завалился за коробку. Тебе еще нужны кровельные гвозди?

— Да, сэр. Пара упаковок.

Парень оторвал взгляд от спортивного журнала и быстро подошел к прилавку. Стоял май 1969 года, и Билли Крикмору исполнилось семнадцать лет. Он уже вымахал ростом со своего отца, но был очень худым, просто кожа да кости. Из коротких рукавов старой синей рабочей куртки торчали кисти рук, покрытые пятнами масла и смазки: Билли работал на бензоколонке. Из-за худобы его скулы угловато выпирали под кожей, а темно-карие глаза сверкали янтарем, когда юноша смотрел на солнце. Кожа Билли по цвету напоминала ореховую скорлупу. Его темные волосы были хитросплетением кудрей, в беспорядке спадающих на лоб. Причина этого беспорядка заключалась в том, что Куртис Пил наконец прочитал в одном из журналов для парикмахеров, что длинные волосы — это «символ» его молодых клиентов, наиболее огорчительный для родителей, которые вставали на дыбы, если слышали по радио музыку «Битлз».

За те семь лет, которые прошли с тех пор, как он посетил свою бабушку и пропотел до изнеможения в ее коптильне, Билли превратился в красивого молодого человека. В его глазах сквозила осторожность — щит, ограждающий от слухов, порой долетавших до него в коридорах средней школы файетского округа. О нем они могли говорить все что угодно — его это не волновало, но когда он слышал что-нибудь о Рамоне или Ребекке Фейрмаунтейн, то немедленно набрасывался на обидчика. Однако он не был подлым и презирал подлые приемы, кото-

рые использовали в драках другие ребята, выросшие точными копиями своих отцов; удары ниже пояса и по глазам были обычным делом, в результате чего Билли часто оказывался в кругу кричащих подростков, и его глаз налетал на чью-то коленку. Близких друзей у юноши не было, хотя, мечтая о популярности, он ездил субботними ночами в Файет в компании общительных ребят, которые, казалось, жаждали одного — веселиться. Билли понадобилось много времени, чтобы уяснить тот факт, что люди его боятся. Он видел это в глазах одноклассников, понимал это, когда при его появлении прерывался разговор. Он отличался от других — хватало уже того, что он был темнокожим, — и с момента прибытия в среднюю школу оказался в изоляции. Его осторожность удвоилась, защищая самоуважение и сохранившуюся детскую способность удивляться окружающему миру.

Читал он много — истрепанные романы в твердых и мягких обложках, которые иногда находил в лавке при гараже. Несколько недель назад он наткнулся на настоящую находку: ящик старых выпусков «Нэйшнл джиографикс», принесенных кем-то из подпола. Путешествия — через леса по заброшенным железнодорожным путям и старым полузаросшим дорогам — уводили Билли все дальше и дальше от дома; часто, когда позволяла погода, он уносил одеяло в лес и ночевал там, прислушиваясь к таинственным звукам, нарушающим ночную тишину. На бархатном черном небе можно было увидеть сотни падающих звезд, а иногда тусклые проблесковые огни самолета, летящего в Бирмингем. Днем Билли наслаждался солнечным светом и мог не хуже любого охотника выследить оленей, иногда подходя к ним почти вплотную, прежде чем они замечали его присутствие.

Любопытство толкало его вперед, заставляя сделать еще один шаг, дойти до следующего поворота или подняться на следующий холм; мир звал и тянул Билли прочь из Готорна и из дома, где его дожидались молчаливая мать и хмурый отец.

— Вот, — произнес Грейгер и положил упаковку гвоздей на прилавок рядом с другими покупками — хлебом, беконом, са-

харом, молоком и мукой, — которые сделал Билли. Джон задолжал Грейгеру кучу денег и в последнее время посылал за покупками сына; Грейгер знал, что Крикморы едва сводят концы с концами и что эти кровельные гвозди пойдут на то, чтобы лачуга, которую они называют домом, продержалась еще одно жаркое лето. В последний раз, когда Грейгер сказал, что решил закрыть им кредит, это было в конце зимы, Билли стал работать у него после уроков бесплатно; сейчас он работал на бензозаправочной станции, отрабатывая бензин и машинное масло для старенького отцовского «олдса».

— Занести это на ваш счет? — спросил Грейгер, стараясь прогнать из голоса металлические нотки: он искренне любил Билли, но счет Крикморов вызывал у него тревогу.

— Нет, сэр. — Билли выложил на прилавок несколько долларов.

— О! Джон так рано отправился на рынок в этом году? — спросил Грейгер, делая пометку в записной книжке.

— Мама продала несколько работ дилеру в Файете. Вряд ли это покроет весь долг, но...

— Все нормально. — Грейгер отсчитал сдачу и протянул Билли несколько монет. — Плохо, что Джона не взяли на лесопилку. Говорят, Четемы хорошо платят.

— Да, сэр, но им требовалось всего пять человек, а кандидатов было больше пятидесяти. — Билли начал складывать в сумку покупки. — Я думаю, из-за этой засухи очень многие нуждаются в деньгах.

— Да, — согласился Кой. Не только Крикморы испытывали нужду. Самой оплачиваемой работой в Готорне была работа на лесопилке. Предприятие принадлежало семейству Четем уже сорок лет и располагалось в обветшалом деревянном здании. Двигатели и приводы для вращения пил были очень стары. — Ну, может быть, к концу года у них еще появятся вакансии. А ты задумывался о своем будущем?

Билли пожал плечами. Мистер Доусон, преподававший в школе автомеханику, говорил, что он довольно неплохо разбирается в механизмах и из него, возможно, выйдет приличный

механик; школьный воспитатель мистер Мербери говорил, что его знания достаточно высоки, но не настолько, чтобы поступить в колледж.

— *Не знаю. Наверное, некоторое время буду помогать отцу.*

Кой хмыкнул. Земля Крикморов вот уже три года не приносила урожая.

— Тебе нужно заняться строительным делом. Строители редко сидят без работы и хорошо получают. Знаешь, я думаю, что Готорн не место для такого шустрого молодого человека, как ты. В тебе есть Божья искра. Нет, Готорн не для тебя, Билли.

— Я нужен моим предкам, — улыбнулся юноша. — Я единственный, кто поддерживает «олдс» на ходу.

— Ну, это не будущее.

Над дверью звякнул колокольчик. Билли оглянулся и увидел, как в магазин вошли миссис Петтус и Мелисса. Голубоглазое лицо девушки было обрамлено копной волос цвета льна. Билли задержал дыхание; он ежедневно видел Мелиссу в школе, однако низ его живота словно прошило электрическим током. До школьного бала — Майской ночи — осталось менее двух недель, и Билли пытался набраться храбрости, чтобы пригласить девушку на бал раньше, чем это сделает кто-то другой, но когда он чувствовал, что вот-вот решится осуществить свое намерение, он вспоминал, что у него нет денег, водительских прав, а его одежда — с чужого плеча. Мелисса всегда щеголяла в ярких платьях, и рядом с ней он будет смотреться как огородное пугало. Билли поднял сетку с продуктами, желая уйти прежде, чем Мелисса увидит его запачканные руки и куртку.

— Ба! — воскликнул Кой. — Какие красавицы к нам пожаловали!

— Леди всегда должны быть в форме! — весело ответила миссис Петтус. Увидев Крикмора, она обняла дочь за плечи.

— Привет, — ляпнул, не задумываясь, Билли.

Мелисса улыбнулась и кивнула в ответ, но мать тут же потянула ее к прилавку.

У двери Билли оглянулся и увидел, что девушка украдкой наблюдает за ним. Его сердце гулко забилось. В следующую секунду под потолком звякнул колокольчик, и юноша со всего размаху врезался в чей-то живот.

— Эй, Билли, — воскликнул Линк Паттерсон, стараясь посторониться, — ты что, охотишься за скальпами?

Он добродушно усмехнулся, но в следующее мгновение нервно вздрогнул, потому что Билли уставился на него, вытаращив глаза.

У Билли в жилах застыла кровь. Линк Паттерсон выглядел здоровым и сытым, он был одним из немногих счастливчиков, принятых на работу на лесопилку, и в его жизни сразу же произошел поворот к лучшему: его жена ждала второго ребенка, и он внес первый взнос за трейлер, стоявший сейчас на улице прямо возле входа. Тем не менее Билли видел вокруг мужчины страшный туманный кокон иссиня-черного цвета, который медленно пульсировал.

Линк издал нервный смешок.

— Что случилось? Ты что, увидел... — Слово «привидение» тяжелой гирей повисло у него на языке.

Билли медленно протянул руку и коснулся тумана, но ничего не почувствовал. Линк отступил назад.

— Парень, какого черта с тобой случилось?

Кой Грейгер, миссис Петтус и Мелисса наблюдали за происходящим. Билли зажмурился и потряс головой.

— Ничего, мистер Паттерсон. Простите. Я... Простите.

В следующее мгновение он выскочил за дверь и быстрым шагом, прижимая к себе сетку с продуктами, двинулся по шоссе. Пройдя несколько шагов, он и вовсе перешел на бег, чувствуя боль и страх. «Что я видел?» — спрашивал он себя и не мог остановиться, даже миновав зеленые развалины дома Букеров.

— Пачку «Кента», Кой, — попросил Линк Паттерсон. Пока Грейгер доставал сигареты, Линк подошел к окну и посмотрел вслед убегающему Билли. Он слышал, как за окном раздавался высокий голос циркулярных пил. Через пятнадцать минут ему заступать на смену.

— Этот парень, Крикмор... действительно странный, не правда ли? — спросил Линк, ни к кому особо не обращаясь.

— Он носит в себе злое семя, — ответила миссис Петтус. — Мелисса каждый день видит его в школе и говорит, что он постоянно затевает драки.

— Нет, мама, — вмешалась Мелисса и высвободилась из объятий матери. — Я этого не говорила.

— Он постоянно дерется. Такой симпатичный мальчик и такая дурная кровь.

— С Билли все в порядке, — встрял Кой. — Он умный мальчик и далеко пойдет, если развяжется с этой фермой. Вот твои сигареты, Линк. Как работается на лесопилке?

— Все крошится и режется, — пошутил Линк, стараясь улыбаться. Взгляд Билли заставил его занервничать. Он заплатил за сигареты и, сев за руль своего фургона, направился к лесопилке.

Линк припарковал грузовик на посыпанной гравием площадке и пару раз затянулся дымом, чтобы успокоить взвинченные нервы. Затем бросил окурок и взял тяжелые защитные брезентовые перчатки. Он прошел несколько ярдов, отделявших стоянку от лесопилки, между желтых штабелей из сосновых бревен, лежащих по обеим сторонам железнодорожных путей; их привезли недавно, и они еще распространяли вокруг себя аромат смолы. Через несколько минут Линк поднялся по шатким ступенькам, ведущим в обветшалое здание.

Пока он стоял за дверью, шум работающих пил просто раздражал, но внутри, в золотистом тумане опилок, резкий крик механизмов ударил его по мозгам, словно кузнечный молот. Линк выудил из кармана затычки и засунул их в уши, но они помогали мало. От запаха свежего дерева и пыли у Линка запершило в горле. Он отметился в стеклянной кабине, где за столом Лемер Четем, сидя с телефонной трубкой у уха, набирал номер на другом телефоне. Лесопилка работала на полную мощность. Линк увидел свое рабочее место — мастер-пильщик Дарки работал на распиловочной машине, выравнивая бревна, отсутствие напарника существенно замедляло дело, — и поспе-

шил к дальнему концу конвейера. Он занял место у жужжащей распиловочной машины и начал манипулировать длинной ручкой, которая увеличивала или уменьшала скорость вращения циркулярной пилы. Дарки сортировал свежие стволы и направлял их так, чтобы они подходили к пиле под правильным углом и с соответствующей скоростью. Линк перемещал рукоятку в соответствии с его криками.

Бревна подходили все быстрее и быстрее. Линк влился в работу, следя за пахнущим маслом индикатором, указывающим скорость вращения пилы.

Лампы без плафонов свисали с потолка и освещали лесопилку колеблющимся ненадежным светом. Многие рабочие теряли здесь пальцы именно из-за слабого освещения, потому что не могли точно оценить расстояние до быстро вращающегося лезвия. Линк, превратившись в часть дрожащей распиловочной машины, позволил себе расслабиться. Его мысли вернулись к новому трейлеру. Это была хорошая покупка, кроме того, теперь он, Сьюзи и их сын Джефф могли выехать из лачуги, где они жили последние годы. Похоже, судьба наконец улыбнулась ему.

— Это рыхлое, как гнилой зуб, — крикнул Дарки и вонзил в бревно крюк. — Проклятие, что за дерьмо они нам подсовывают!

Он пододвинул бревно на несколько дюймов, чтобы оно правильно легло, а затем указательным пальцем увеличил скорость подачи. Линк передвинул рычаг. Бревно поползло вперед, и из-под вонзающихся в него зубьев полетели желтые опилки. Неожиданно распиловочная машина завибрировала, и Линк подумал: «Эта сукина дочь собирается...»

В этот момент раздался громкий треск. Линк увидел, как по бревну побежала трещина, и пила вылетела из него.

— ВЫРУБАЙ! — заорал Дарки, и Линк дернул рычаг вниз, повторяя: «Я спокоен, я спокоен, я спокоен, я...»

Что-то промелькнуло в воздухе, словно желтый топор. В следующий момент трехдюймовая щепка пронзила левый глаз Линка с такой силой, что его голова откинулась назад. Линк

закричал от ужасной боли, схватился за лицо и потерял равновесие; чтобы удержаться на ногах, он инстинктивно вытянул руку вперед... и жужжание пилы сменилось голодным чавканьем.

— Помогите! — закричал Дарки. — Кто-нибудь, вырубите основной рубильник!

Линк зашатался, кровь отхлынула от его лица. Он поднял правую руку, чтобы протереть глаза, и увидел сквозь красную пелену шишку белой кости, торчащей из искалеченного предплечья. Его рука с дергающимися пальцами и окровавленной перчаткой ползла по ленте конвейера.

В следующую секунду из обрубка, как из пожарного шланга, хлынула кровь.

Кто-то выключил основной рубильник. Оборудование обесточилось, но пилы продолжали вращаться по инерции. У Линка подкосились колени. Он хотел закричать, но не смог; в его голове раздавался звук циркулярной пилы, вопящей ужасным металлическим голосом. Линк с трудом перевел дыхание. Он лежал в опилках, думая о том, что испачкается и не хочет, чтобы Сьюзи увидела его в грязной куртке.

— ...Не в таком виде, — простонал он, баюкая изуродованную руку, словно ребенка. — О Боже... О Боже, не в таком виде...

Сквозь окутывающий его красный туман прорвались голоса:

— *...быстро зовите доктора...*

— *...перевяжите ее... жгут в...*

— *...кто-нибудь позвоните его жене!*

— Моя рука, — шептал Линк. — Найдите... мою руку...

Он уже забыл, что случилось с его рукой, но знал, что ее обязательно нужно найти, чтобы доктор мог пришить ее обратно. Опилки под Линком были мокрые, его одежда была мокрая, все вокруг было мокрым. Перед его глазами пронеслась черная волна.

— Нет, — прошептал он. — Это нечестно, только не так!

По его щекам, смешиваясь с кровью, покатились слезы. Линк почувствовал, что кто-то перевязывает рубашкой его пред-

плечье; все вокруг двигалось в замедленном темпе, все казалось сумасшедшим и неправильным.

— *...слишком много крови, это проклятая штука не...* — пробился издалека бестелесный голос. Крик «скорая помощь!» разнесся эхом и затих вдали.

Снова накатилась черная волна, которая, казалось, приподняла Линка над полом. Это испугало его, и он начал сопротивляться, скрежеща зубами.

— НЕТ! — закричал он. — Я не дам... совершиться... этому...

Голоса над ним слились в неясное бормотание. Но, что хуже всего, его глаза заливала кровь, и он ничего не видел.

— Протрите мне глаза, — попросил Линк, но, похоже, этих слов никто не услышал. Его захлестнула горячая волна гнева. Ему еще столько нужно сделать. Его жена, о которой нужно заботиться! Второй ребенок! Трейлер, которым он так гордился и в который вложил столько труда! «Я не хочу, не хочу!» — закричал он про себя.

Свет померк.

— Я не хочу, чтобы темнело, — проговорил Линк.

Склонившийся над ним бледный, заляпанный кровью Дарки оглядел стоявших вокруг людей и спросил:

— Что он сказал? Кто-нибудь слышал? Боже, ну и месиво!

Дарки опустился на колени, баюкая голову Линка. Пилы уже остановились, и они услышали сирену «скорой помощи», раздававшуюся на другом конце Готорна.

Белая рубашка Лемера Четема была заляпана брызгами крови. Он дрожал, и его пальцы беспомощно сжались в кулаки. Мозг бешено работал в двух направлениях: как побыстрее возобновить работу и как получше преподнести этот случай инспекторам по технике безопасности. Он заметил руку Линка, лежащую на ленте конвейера, как большой раздавленный паук. Воздух вокруг провонял свежей кровью и стал просто ледяным.

Дарки поднялся на ноги. Он издал громкий вздох и покачал головой.

— Пусть кто-нибудь закроет ему глаза. С меня достаточно.

Он вышел, не оглянувшись на Четема.

21

Джон Крикмор задыхался в надетом не по сезону старом черном костюме. Пока преподобный Лейкем говорил, он оглянулся через плечо и заметил фигуру, сидящую на склоне холма в пятидесяти ярдах от места похорон. Когда Джон пришел, Билли уже сидел между надгробными плитами. Юноша не пошевелил ни единым мускулом, но Джон понял, что остальные тоже видели его сына. Джон отвел взгляд от Билли, попытался сосредоточиться на словах нового священника Готорна, но не смог. Он беспокойно переминался с ноги на ногу, не зная, куда деть руки.

— Аминь, — произнес преподобный Лейкем. Гроб опустили вниз, и Сьюзи стала так ужасно рыдать, что Джон поспешил отойти от нее подальше. Некоторое время он наблюдал за сыном. Билли сидел неподвижно. Джон сунул руки в карманы и осторожно двинулся в его сторону, скользя по ковру из свежих сосновых иголок. Лицо юноши напоминало плотную маску секретов; Джон знал, что Рамона и Билли имеют от него кучу секретов — темных вещей, которые они проделывали, когда гостили у бабушки. Джон не желал знать, в чем они заключаются, опасаясь осквернить себя, и был рад только одной вещи: Ребекка Фейрмаунтейн получила свое адское вознаграждение два года назад. Рамона и Билли нашли ее на следующий день после Рождества сидящей с закрытыми глазами в мягком кресле. Рядом с ней на столе стояла пожелтевшая фотография ее мужа и красная ваза с лесными цветами.

Джон подошел к сыну.

— Что ты здесь делаешь?

— Я захотел прийти.

— Люди видят, что ты здесь сидишь. Почему ты не спустился вниз?

Билли покачал головой, и в его глазах вспыхнули янтарные огоньки. Когда он увидел черный туман, вцепившийся в Линка Паттерсона, то понял, что случится нечто ужасное. Но он ничего не рассказывал матери до тех пор, пока весь город не узнал о

несчастном случае. Глядя, как опускается гроб, Билли размышлял о том, смог бы он изменить судьбу мистера Паттерсона, предупредив его об опасности, или никакие слова и поступки уже не имели значения.

— Зачем ты пришел? — спросил Джон. — Я думал, ты сегодня работаешь на заправочной станции.

— Я отпросился. В любом случае это не имеет значения.

— Черта с два не имеет! — Лицо Джона вспыхнуло от беспричинного гнева. — Люди видят, что ты сидишь здесь, между могил, и сплетничают. Проклятие, парень! Неужели в тебе уже не осталось ни капли здравого смысла?

Он хотел схватить Билли за шиворот и поднять, но взял себя в руки. Слишком долгое время его нервы были натянуты до предела, и он сорвался, как безголовый дурак. «Это же мой сын, — одернул себя он, — а не чужак, которого я никогда не видел!» Он закашлялся.

— Ты идешь домой?

Они вместе спустились с холма и мимо свежей могилы, усыпанной яркими цветами, двинулись к «олдсу».

Старый автомобиль больше напоминал кучу ржавого металлолома. Двигатель, когда наконец заводился, стучал так, будто внутри у него перекатывались болты и гайки. Джон и Билли выехали с кладбища и направились к дому.

Джон увидел его первым: белый фургон с красной надписью на борту «БРАТЬЯ ЧЕТЕМ», стоящий около их террасы.

«Что еще случилось?» — спросил он сам себя, а затем подумал: это же работа! Его руки сжали рулевое колесо. Конечно! Четемам нужен новый человек на конвейер, поскольку Линк... Джону стало плохо от промелькнувшей мысли, но — плохо или хорошо — его сердце забилось от радостного предчувствия!

Лемер Четем собственной персоной сидел с Рамоной на террасе. Но, завидев приближающийся «олдс», он вскочил и подошел к перилам.

Джон остановил машину и вышел.

— Как дела, мистер Четем?

— Привет, Крикмор.

— Мы с Билли ездили отдать последний долг Линку Паттерсону. Это очень прискорбно, но, по-моему, человек не может быть слишком осторожен рядом с этими пилами. Ведь если работать быстро, надо точно знать, что делаешь. — Он поймал мрачный взгляд Рамоны и опять почувствовал прилив гнева. — Я слышал, что лесопилка временно закрылась.

— Верно. Я ждал вас, чтобы поговорить.

— Да? Ну и чем я могу вам помочь?

Холеное лицо Лемера Четема было мертвенно-бледным, а вокруг голубых глаз залегли серые круги.

— Не вы, Крикмор, — ответил он. — Я ждал вашего сына.

— Моего сына? Для чего?

Четем вынул зубочистку изо рта.

— Я хотел пойти на похороны, — сказал он, — но у меня были дела. Я послал цветы, вы, вероятно, видели их. Орхидеи. Кстати о похоронах: они — финал пребывания человека на этом свете, не правда ли?

— Я думаю, да, — согласился Джон.

— Да. — Четем перевел взгляд на поле, где очередной урожай кукурузы и бобов боролся с засухой. — Я приехал к вашей жене, и мы долго беседовали о... разных вещах. Но она сказала, чтобы я обратился к Билли. — Он снова взглянул на Джона. — Ваша жена сказала, что Билли сделает все, что нужно.

— Что? Что нужно сделать?

— Билли, — тихо произнес Четем, — мне нужно поговорить с тобой, мальчик.

— Говорите со мной, черт побери! — Лицо Джона вспыхнуло.

Голос Рамоны был мягким как холодный бриз, но вместе с тем в нем чувствовалась сила.

— Расскажите ему, — сказала она.

— Хорошо. — Четем снова принялся за зубочистку, переводя взгляд с Джона на Билли и обратно. — Хорошо, мэм, я расскажу. Перво-наперво я хочу сказать, что не верю... в привидения. — На лице Четема появилась виноватая улыбка, выдававшая его смущение. — Нет! Лемер Четем никогда не поверит в то, чего не видел. Однако мир полон суеверий, и люди верят в

кроличьи лапки, демонов и... особенно в привидения. А теперь представьте себе суровых мужиков, работающих на производстве, которое, возможно — я подчеркиваю, возможно, — опасно. Да они могут быть суевернее деревенских баб. — Он издал первый смешок, и его щеки раздулись, как у жабы. — Линк Паттерсон мертв уже три дня, и сегодня его похоронили. Но... иногда суеверия могут глубоко засесть в сознании человека и буквально глодать его. Они могут сжевать человека полностью.

— Как эта проклятая пила — Линка, — горько проговорил Джон. Все его надежды на получение работы окончательно испарились. Мало того, этот ублюдок Четем что-то хочет от Билли!

— Да. Может быть, и так. Но лесопилка теперь закрыта. Выключена.

— Тогда у вас есть шанс сделать кое-какой ремонт. Я слышал, приводные ремни и двигатели не менялись уже много лет.

— Вы правы. Но лесопилка закрыта совсем по другой причине. Она закрыта потому, что люди отказались работать. Я нанял новых. Они ушли от меня вчера через час после начала смены. Весь план летит к черту. У нас есть небольшой запас, но еще несколько дней простоя и... — Четем свистнул и провел указательным пальцем по шее, — это скажется на всем городе. Черт возьми, Готорн неотделим от лесопилки.

— Какое отношение это имеет к нам?

— Я приехал к вашей жене, зная, кто она и что в соответствии со своей репутацией может сделать...

— Убирайтесь с моей земли.

— Секундочку...

— УБИРАЙСЯ, Я СКАЗАЛ! — проревел Джон и бросился на террасу.

Четем стоял, как дуб, приготовясь к драке. В молодости он был лесорубом и частенько принимал участие в заварушках, возникающих в лесных лагерях, где права отстаиваются только мускулами. Его поза и взгляд охладили Джона, который остановился на середине лестницы. Его кулаки были крепко сжаты, а жилы на шее напряглись как струны рояля.

— Конечно, у вас есть деньги, — прорычал Джон, — вы носите дорогие костюмы и перстни и можете заставить человека вкалывать как лошадь, но это моя земля, мистер! И я велю вам убраться с нее немедленно!

— Крикмор, — сквозь зубы процедил Лемер Четем, — мне принадлежит половина этого города. Моему брату — другая половина. Любой документ можно порвать, понимаешь? Он может потеряться. Слушай, я не хочу неприятностей. Черт, я предлагаю твоему парню работу и плачу за нее! А теперь — отойди с дороги и не мешай!

Сидящая на террасе Рамона видела, что Джон дышит как загнанный зверь, и у нее защемило сердце.

— Я не... Я не хочу... чтобы он ходил туда...

Неожиданно на крыльце рядом с отцом появился Билли.

— Вы угрожаете моему отцу, мистер Четем?

— Нет. Конечно, нет. Просто иногда надо выпустить некоторое количество пара. Так, Джон?

— Черт тебя побери... Черт тебя побери... — шептал тот.

— Для чего я вам нужен? — спросил Билли.

— Как я уже говорил, я долго беседовал с твоей матерью, мы пришли к взаимопониманию, и она посоветовала мне обратиться к тебе...

Джон захрипел, будто его душили; затем спустился вниз и остановился, прижав ладони к ушам.

Четем не обратил на него никакого внимания.

— Я не верю в привидения, Билли. В моем словаре нет такого слова. Но многие верят. Они отказываются работать, и мне пришлось закрыть лесопилку из-за... из-за пилы, под которую сунул руку Линк Паттерсон.

— Пила? При чем тут пила?

Четем смущенно взглянул на Рамону, затем снова на Билли. В глазах юноши плясали янтарные огоньки, и его взгляд так глубоко проник в душу Четема, что по спине у хозяина лесопилки побежали мурашки.

— Пила кричит, — ответил он. — Кричит совсем как человек.

22

Лесопилка темнела на фоне золотисто-голубого неба. Лучи заходящего солнца косо падали на посыпанную гравием парковочную площадку. Штабеля строевого леса отбрасывали темно-синие тени.

— Ты уже выпиваешь? — спросил Лемер Четем, выключая двигатель фургона и вынимая ключи зажигания.

— Нет, сэр.

— Пора бы начать. Открой отделение для перчаток и вынь бутылку.

В бутылке был самогон, Билли почувствовал это еще до того, как Четем открыл бутылку. Мужчина сделал глоток и закрыл глаза. Билли видел, как багровеет его лицо.

— Ты помнишь, я говорил, что не верю в такие вещи, как привидения?

— Да, сэр.

— Так вот, я проклятый лжец, мальчик. Дерьмо! Мой старый папаша любил рассказывать страшные истории, от которых у меня волосы скручивались на заднице! Меня невозможно подтащить к кладбищу ближе, чем на милю, вот где правда! — Он передал бутылку Билли. — Что касается вас, то меня не интересует, что ты или твоя мама можете сделать, а что не можете. Я слышал рассказы о твоей матери, и я был на палаточной проповеди Фальконера. Там было чертовски шумно. Раз ты пришел на мою лесопилку, то... поработай так, чтобы я вернул обратно всех моих парней. И поверь, они все до единого узнают, что помог им именно ты... даже если на самом деле ты будешь ни при чем. Улавливаешь?

Билли кивнул. Его внутренности дрожали. Когда он сказал, что поможет мистеру Четему, отец посмотрел на него, как на прокаженного. Но мистер Четем сказал, что заплатит ему пятьдесят долларов. «Разве это плохо, — подумал Билли, — если я помогу родителям в меру своих возможностей?» Однако он не знал точно, что ему следует сделать. Он захватил с собой на счастье кусочек угля, но понимал: то, что ему нужно, придет

изнутри его самого, и он будет полностью предоставлен самому себе. Прежде чем они уехали, мама позвала его в дом и дала ему наставления, объяснив, что пришло его время. Она говорила ему, что тоже могла бы поехать, но это уже его работа; на лесопилке, возможно, вообще ничего нет, но если есть, то это наверняка часть Линка Паттерсона, сбившаяся с пути. «Привлеки ее доверием и помни, чему тебя научила бабушка. Самое важное: изгони из себя страх и дай найти себя. Призрак ищет помощи, и он потянется к тебе», — звучали слова матери в голове у Билли.

Когда Билли садился в фургон, Рамона вышла на террасу и сказала:

— Помни, сынок: нет страха. Я люблю тебя.

Темнело. Билли понюхал самогон и сделал глоток. Его горло словно обожгла горящая лава, которая медленно потекла по кричащим внутренностям в желудок; жидкость напоминала ему то, что бабуля заставила его выпить, перед тем как идти в коптильню.

Иногда по ночам он заново переживал это странное приключение. Он просидел в душной коптильне три дня, завернутый в тяжелое одеяло, без еды, а в качестве питья у него были только самодельные лекарства. Убаюканный страшной жарой, он плыл в темноте, потеряв ощущение времени и пространства; он чувствовал, что тело обременяет его, оказываясь чем-то вроде скорлупы, в которую заключена его реальная личность. Сквозь сон Билли ощущал, что за ним наблюдают мама и бабушка, он чувствовал разницу в ритме их дыхания, аромате их тел и звуках, издаваемых ими при движении. Треск горящих поленьев превратился в нечто вроде музыки, нечто среднее между тихой гармонией и грубой какофонией. Дым под потолком шелестел, как шелковая рубашка на ветру.

Когда он наконец проснулся и ему позволили выйти из коптильни, утренний солнечный свет иголками заколол его кожу, а шелест листвы показался ужасным шумом. Только через несколько дней его чувства притупились настолько, что он снова ощутил себя более или менее сносно. Тем не менее Билли оставался фантастически чувствителен к цветам, запахам и звукам;

поэтому ему было очень больно, когда после их возвращения отец ударил Рамону по лицу, а затем долго охаживал Билли ремнем. Затем дом наполнился голосом отца, разрывающимся между вымаливанием прощения у Бога и громким чтением Библии.

Билли поглядел на золотистые потоки облаков, бегущих по небу, и представил, как будут выглядеть декорации в гимнастическом зале файетской средней школы в Майскую ночь. Он очень хотел пойти на этот бал вместе со всеми, он знал, что это его последний шанс. Если он скажет «нет» мистеру Четему, если он даст понять всем, что он просто напуганный парнишка, ничего не знающий о привидениях и духах, то, может быть, он все-таки решится пригласить Мелиссу Петтус, и, может быть, она пойдет с ним на Майскую ночь, и он устроится механиком в Файете, и все будет прекрасно до конца жизни. Кроме того, он едва знал Линка Паттерсона. Так что же ему здесь делать?

— Я хочу покончить с этим до наступления темноты, — нервно произнес Лемер Четем. — Хорошо?

Плечи Билли медленно подались вперед, и он вылез из фургона.

Они молча прошли по шатким ступеням к дверям лесопилки. Перед тем как войти, Четем поднял руку и включил несколько рядов тускло сияющих ламп, которые свисали с потолочных балок.

Густо смазанные маслом машины блестели в неровном электрическом свете и последних оранжевых лучах заходящего солнца, просачивающихся сквозь ряды высоких узких окон. В пыльном воздухе плавали запахи щепок и машинного масла. Четем закрыл дверь и двинулся в дальний конец помещения.

— Это случилось здесь. Я покажу тебе, — гулко прозвучал в тишине его голос.

Он остановился в десяти футах от пилы и указал на нее пальцем. Билли подошел, поднимая башмаками облачка пыли, и осторожно коснулся больших изогнутых зубьев.

— Он должен был надеть защитные очки, — сказал Четем. — Это не моя вина. Пильные деревья попадаются регулярно, такова жизнь. Он... он умер примерно там, где ты стоишь.

Билли посмотрел на пол. На опилках виднелось огромное коричневое пятно. Он сразу вспомнил запятнанный пол в доме Букеров, отвратительные знаки смерти, прикрытые газетами. Зубья пилы холодили пальцы. Если он должен был чувствовать что-то особенное, то ничего не случилось: ни электрического разряда, ни неожиданного просветления в мозгах. Ничего.

— Я собираюсь включить ее, — тихо сказал Четем. — Тебе лучше отойти.

Билли отступил назад и засунул руки в карманы, сжав в правом кулаке заветный кусочек угля. Четем открыл красную коробочку, прикрепленную к стене, — внутри находился ряд красных кнопок и красный рычаг. Он медленно потянул рычаг вниз, и Билли услышал, как заработал главный генератор. Свет стал ярче.

Звякнула приводная цепь, и двигатель запыхтел, набирая мощность. Циркулярная пила начала вращаться, поначалу медленно, а затем все быстрее и быстрее, пока не превратилась в серебряно-голубое сияние. Она жужжала. «Обычный звук, — подумал Билли, — совсем не похоже на человеческий голос». Он чувствовал, что мистер Четем наблюдает за ним. Вот здорово одурачить его, притвориться, что он что-то слышит. Но нет, нет, это было бы нехорошо. Билли оглянулся через плечо и повысил голос, чтобы перекрыть шум машины.

— Я не слышу никакого...

Голос пилы внезапно изменился; она издала пронзительный звук, похожий на испуганный крик боли, а затем нечто похожее на резкое удивленное ворчание. Затем снова зазвучал обычный машинный стрекот. Билли с отвисшей челюстью уставился на агрегат. Он сомневался в том, что услышал; теперь пила снова работала тихо, вращаясь почти бесшумно, если не считать лязганья приводной цепи. Он отступил назад и услышал резкое дыхание Четема.

В следующее мгновение раздался ужасный крик — дикая смесь человеческого голоса и звука вращающейся пилы, — эхом разнесшийся по лесопилке.

Крик утихал и снова нарастал, постепенно становясь все более неистовым и мучительным. От его третьего раската в ра-

мах зазвенели стекла. Билли прошиб холодный пот, желание бежать прочь от этого места стало нестерпимым. Он повернулся и увидел белое как мел лицо Лемера Четема. Мужчина протянул руку к рукоятке выключения оборудования.

Крик превратился в безнадежно умоляющий стон; он повторялся и повторялся. Билли принял решение: что бы это ни было, нельзя от него бежать.

— Нет! — крикнул он, и рука Лемера Четема замерла. — Не выключайте!

Каждый крик теперь казался громче предыдущего. Билли хотелось выйти и все обдумать, он хотел решить, что можно предпринять. Он больше не собирался терпеть этот звук. Еще немного, и его голова расколется...

Билли повернулся и, прижав ладони к ушам, направился к двери. «Это шум станков, — говорил он себе. — И не больше... не больше... не...»

Тон звука неожиданно изменился. Сквозь крик прорезался приглушенный металлический шепот, пригвоздивший Билли к полу.

— Би-и-и-илли-и-и-и...

— Иисус Христос! — выдавил Четем. Он привалился к стене, и его лицо блестело от пота. — Оно... знает, что ты здесь! Оно знает тебя!

Билли развернулся и закричал:

— Это просто шум, и все! Это просто... — Слова застряли у него в горле, когда голос зазвучал снова. Это был бешеный крик:

— Ты мертв! Ты мертв! Ты...

Над распиловочной машиной вспыхнула и взорвалась осветительная лампа. Затем другая, в соседнем ряду; из патронов посыпались голубые искры.

— Это демон! Это сам Дьявол!

Четем схватился за красный рычаг, но над его головой тут же взорвалась очередная лампочка. Осколки стекла впились в затылок мужчины. Он вскрикнул от боли и рухнул на пол, прикрываясь руками. Еще две лампочки взорвались одновременно, образовав голубую дугу электрического разряда. В воздухе

сильно запахло озоном, и Билли почувствовал, как у него на макушке затрещали, наэлектризовавшись, волосы.

— Би-и-и-илли-и-и-и... Би-и-и-илли-и-и-и... Би-и-и-илли-и-и-и...

— ПРЕКРАТИТЕ!

Теперь лампы лопались по всей лесопилке, осколки стекла падали на станки с приглушенным звуком играющего рояля. Билли охватила ужасная паника, однако он остался стоять на месте, ожидая, когда приступ пройдет. «Нет страха», — вспомнил он слова матери. Юноша почувствовал во рту вкус крови и понял, что прокусил себе нижнюю губу. Он сконцентрировался на том, чтобы стоять спокойно и думал о том, что ему говорила Рамона перед отъездом. Большая часть ламп уже взорвалась, остальные отбрасывали резкие тени.

— ПРЕКРАТИТЕ! — снова закричал Билли. — ПРЕКРАТИТЕ ЭТО, МИСТЕР ПАТТЕРСОН!

В противоположном конце лесопилки взорвалась еще одна лампочка. Крик пилы сменился низким стоном, от которого начал вибрировать пол. «Я назвал существо по имени, — понял Билли, — и сразу последовала реакция». Он переступил через скрючившегося на полу человека.

— Вы не должны больше здесь оставаться! — крикнул Билли. — Вы должны... вы должны идти туда, где вам нужно находиться! Понимаете?

В ответ мягко прошелестело:

— Би-илли-и... Би-илли-и... Би-илли-и...

— Вы больше не принадлежите этому миру! Вы должны уйти!

— Би-илли-и...

— СЛУШАЙТЕ МЕНЯ! Вы... не можете больше жить дома со своей женой и детьми. Вы должны... прекратить попытки остаться здесь. Нет смысла в...

Что-то обрушилось на него, опрокинув на спину. Билли застонал, чувствуя, как внутри у него черным цветком распускается паника. Он встал на колени, и в следующую секунду дикая боль пронзила его левый глаз. В горле запузырились злость и

страдание, а затем его рот открылся, и Билли услышал собственный крик:

— Нет, нет, мое время еще не пришло! Я хочу вернуться назад! Я потерялся, я потерялся и не могу найти дорогу обратно!

Четем жалобно заскулил, увидев, как корчится и дергается Билли.

Мальчик затряс головой, чтобы привести ее в порядок.

— Вы не можете вернуться! — закричал он. — Я был сегодня на похоронах Линка Паттерсона! Вы не можете вернуться, вы должны оставить все как есть!..

— Нет, я просто потерялся, я найду дорогу назад!..

— Вы должны успокоиться и забыть о боли! Вы должны...

— Помоги мне! Я потерялся, о Боже! Помоги мне!

В следующее мгновение Билли мучительно закричал, поскольку ясно увидел, как пила отрезала ему правую руку; он прижал призрачный обрубок к груди и начал покачивать его вперед-назад. Слез бежали по его щекам.

— Я чувствую это! — простонал он. — Я чувствую, как это было! О Боже... пожалуйста... сними эту боль, пусть все... успокоится и потечет своим чередом. Нет страха... нет страха... нет...

Распиловочная машина дрогнула, почти вырвав из пола крепления. Билли поднял голову и увидел между собой и машиной какой-то едва различимый голубой туман. Постепенно он начал принимать очертания человека.

— Вы не должны бояться, — прошептал Билли. Его рука пылала, и он заскрипел зубами, чтобы сдержать рвущийся наружу крик. — Я принял вашу боль. Теперь...

Голубой туман двинулся в его сторону, клубясь и уплотняясь; когда он коснулся Билли, юношу пронзили холод и страх. Билли отшатнулся. Ужас неведомого охватил его, и он уперся руками в пол, будто сопротивляясь громадной тугой волне. Он снова услышал свой крик:

— ...По-о-ошли-и-и!..

Стекла в окнах задребезжали, как от выстрела, и выдавились наружу.

Затем пила снова зажужжала и начала медленно останавливаться.

Последняя горящая лампочка замигала и взорвалась, из патрона посыпались искры. Пила жужжала все тише и тише, пока наконец в тишине не стал слышен только гудящий генератор.

Лежа на боку, в пыли, Билли услышал, как хлопнула дверь лесопилки. Через полминуты раздался звук автомобильного двигателя и шорох разбрасываемого шинами гравия. Юноша с усилием приподнял голову и увидел, что мистера Четема в помещении нет. Билли снова повалился на бок, полностью обессиленный. В душе у него бурлили потоки страха. Он был уверен, что теперь хранит в себе чувства, которые связывали Линка Паттерсона с этой лесопилкой, с этим миром, возможно, даже с моментом физической смерти. Он сомневался, что все сделал правильно, но мистер Паттерсон наконец ушел; его дух перенесся, оставив здесь свою боль.

Билли с трудом поднялся на ноги. Он выключил генератор, и пила беззвучно замедлила ход. Билли взял левой рукой правую и начал ее сгибать. Ощущение было такое, будто внутрь руки поместили множество иголочек; так бывает, когда ее отлежишь. Сквозь разбитые окна в помещение проникал мягкий теплый ветерок; в воздухе плыл красивый золотой туман из опилок, который оседал на умолкшем оборудовании лесопилки.

Когда к Билли вернулась способность передвигаться, он направился домой. Ноги будто налились свинцом, а в висках шевелилась тупая боль; его радовало только одно: к правой руке постепенно снова возвращалась чувствительность. Билли срезал дорогу, свернув в темный тихий лес, освещаемый улыбающимся лунным человечком. Весь путь до дома он молил, чтобы такое больше никогда не повторилось. «Я еще недостаточно силен, — думал он. — И никогда не буду».

Около Готорна он заметил какую-то фигуру, двигающуюся по гребню холма между валунами и соснами. В облике незнакомца было что-то настораживающее, животное. Билли замер, вслушиваясь и всматриваясь, но фигура уже исчезла. Когда же

он стал подниматься на холм, ему показалось, что в лунном свете блеснули кривые острые клыки.

И тут он вспомнил обещание зверя.

«Я буду ждать тебя».

23

— Накормим огонь, братья и сестры! — проревел Джимми Джед Фалькопер, одетый в ярко-желтый костюм. Его лицо освещало пламя костра. — Накормим огонь и уморим голодом Дьявола.

Он стоял в середине деревянной платформы, установленной на пыльном пустыре рядом с Бирмингемом. Занавесом служило огромное знамя «Крестового похода Фалькопера».

Фалькопер улыбался. Перед ним трещал огромный костер, которому уже скормили сотни фунтов бумаги и несколько сотен черных виниловых дисков. Шеренга подростков застыла в ожидании сигнала бросить в костер остальные свои пластинки, а рядом с ними стояла шеренга здоровенных парней с ящиками книг из школ и публичных библиотек. Служба продолжалась уже три часа. Вначале собравшиеся слушали пение псалмов. Вслед за этим началась одна из самых лихих проповедей Фалькопера о Дьяволе, пытающемся поглотить американскую молодежь. Затем прошел часовой сеанс исцеления, во время которого люди пели и танцевали.

Горящие страницы носились в воздухе, как огненные летучие мыши. Пластинки трещали и плавились.

— Ну-ка дай мне это, сын мой.

Фалькопер осторожно наклонился над краем платформы и взял несколько дисков из рук крепкого молодого парня с короткой стрижкой. Он взглянул на психоделические изображения на обложках и показал толпе диск, принадлежавший группе «Крим».

— Да, это именно «взорвет тебе мозги», не так ли? Это послано из Ада, вот откуда!

Под аплодисменты и крики он бросил пластинку в огонь. Вслед за ней полетели «Джефферсон Эйрплейн», Поль Ревер и «Рейдерс».

— Разве Бог хочет, чтобы вы слушали это? — спросил проповедник, окидывая взглядом собравшихся. — Разве он хочет, чтобы вы отпускали волосы до пят, принимали наркотики и «взрывали себе мозги»? — Он кинул в огонь Сэма Шема и «Фараонов».

В толпе послышался шум, когда Фальконер сломал о колено пластинку «Битлз», засунул обломки в конверт и, зажимая пальцами нос, кинул его в огонь.

— Люди, если кто-нибудь скажет вам, что вы должны носить длинные волосы, пичкать себя ЛСД и трусливо улепетывать от коммуняк, ответьте им: я — большая часть Америки, и я горд...

Неожиданно у него пресеклось дыхание. Острая, холодная боль пронзила грудь, и Фальконер почувствовал, что вот-вот может отдать концы. Он отодвинул в сторону микрофон и рухнул на колени, склонив голову под крики и аплодисменты зрителей, уверенных, что это один из трюков знаменитого евангелиста. Фальконер крепко зажмурил глаза. «О Боже, — подумал он. — Не надо... Господи, пожалуйста... убери эту боль». Он попытался вздохнуть, но остался стоять на коленях, поэтому никто не увидел его посеревшего лица.

— Сожжем их! — услышал он веселый громкий крик.

На его плечо опустилась чья-то рука.

— Папа?

Фальконер посмотрел на сына. Мальчик превратился в красивого молодого человека, стройного, щеголеватого. У него было резко очерченное лицо, обрамленное шапкой курчавых рыжих волос. Его глубоко посаженные глаза светились беспокойством.

— С тобой все в порядке, папа?

— Задохнулся, — ответил Фальконер и попытался подняться на ноги. — Дай мне пару минут перевести дыхание.

Уэйн взглянул на аудиторию и понял, что люди ждут какого-то продолжения. Он взялся за микрофон.

— Нет, Уэйн, — произнес Фальконер с улыбкой на потном лице. — Со мной все в порядке. Просто я задохнулся. Это из-за жары.

— На нас смотрят телевизионные камеры, папа, — ответил Уэйн и выдернул микрофон у отца. Как только он выпрямился и повернулся к толпе, его лицо приобрело волевое выражение, голубые глаза расширились, а великолепные белые зубы обнажились в широкой улыбке. Тело юноши напряглось, как будто микрофон ударил его током.

— Благословение Господне сегодня с нами! — прокричал Уэйн. — Оно трепещет в воздухе, заполняет наши сердца и души. Оно повергло моего отца на колени, поскольку это не слабое дуновение ветерка! Если вы хотите слушать сексуальную или наркотическую музыку и читать сексуальные или наркотические книги, вы будете счастливы в Аду! Господь говорит нам ЧТО?

— СЖЕЧЬ ИХ!

Уэйн балансировал на краю платформы, словно сам готовился прыгнуть в костер.

— Господь говорит нам ЧТО?

— Сжечь их! Сжечь их! Сжечь...

Фальконер понял, что парень завладел аудиторией. Шатаясь, он поднялся на ноги. Боль наконец-то стихла, однако ему хотелось немедленно уйти в трейлер и отдохнуть, а затем вернуться и заняться благословением. Фальконер медленно двинулся по платформе к ступеням. Взгляды толпы были прикованы к Уэйну. Фальконер на секунду остановился и, обернувшись, посмотрел на сына. «Сжигание грехов» было его идеей. Новые предложения сыпались из головы юноши полностью сформированными. Он предложил перенести «Крестовый поход» в Луизиану, Миссисипи, Джорджию и Флориду, так, чтобы проводить проповеди круглый год. Было составлено расписание, и последние семь лет «Крестовый поход» расползался, как блохи по дворняге. Теперь Уэйн поговаривал о распространении «Крестового похода» на Техас, где имелось множество крохотных городков, и хотел, чтобы Фальконер купил радио-

станцию Файета, находившуюся на грани банкротства. Уэйн учился водить самолет и уже несколько раз летал на крестовопоходовском «Бичкрафте».

Он вырос сильным и с Богом в сердце, но... что-то тревожило его днем и ночью. Что-то преследовало его и пыталось взять под контроль. У него бывали приступы плохого настроения и раздражения. Иногда он полдня проводил в часовне. А недавно юноша стал жаловаться на страшный повторяющийся кошмар — какую-то чепуху про змею и орла. Фальконер не мог разобраться в его проблемах.

Проповедник устал. Он почувствовал неожиданный приступ ярости. К черту старость, слабость и тяжесть на подъем!

Он направился к трейлеру. Доктора говорили, что сердце его сдает. Почему же он так боится попросить Уэйна вылечить его, поставить заплатки, снова сделать сильным?

Ответ на этот вопрос был очевиден: он слишком боялся того, что излечение Уэйном Тоби было странной — и страшной! — случайностью. И если Уэйн постарается излечить его, но ничего не получится... Семь лет он слышал голос Рамоны Крикмор, колдуньи Готорнской долины, сказавшей на проповеди, что он и Уэйн — убийцы. В душе Фальконера далеко от света, в темном углу, не известном ни Богу, ни Сатане, а только очень испуганному животному, семь лет дрожал тонкий нерв: «Что, если?.. Что... если?..»

Что, если Уэйн все прекрасно знает? Знает с того момента, когда коснулся ног маленькой девочки-калеки, разучившейся ходить?

«Нет, — сказал сам себе Фальконер. — Нет. Через моего сына действует Господь. Он вылечил глупое животное? Он вылечил тысячу людей».

Проповедник потряс головой, желая прервать размышления, прежде чем они принесут ему боль. Он добрался до сияющего серебром трейлера и вошел внутрь. Висящий на стене плакат «Верь!» произвел на него успокаивающее воздействие.

6. МАЙСКАЯ НОЧЬ

24

Они молчали от самого дома. Джон Крикмор следил за дорогой, вьющейся в желтом свете фар; он намеренно ехал медленнее, чем разрешалось на этом участке.

— Ты уверен, что не пожалеешь? — спросил он наконец, поглядев на сына. — Я могу развернуться на следующем проселке.

— Я хочу поехать, — ответил Билли. Он был одет в чистый, но тесный темный костюм, накрахмаленную белую рубашку и яркий галстук.

— Тебе решать. Я сказал все, что мог.

Джон ехал с застывшим и хмурым лицом; он выглядел так же, как рано утром на прошлой неделе, когда, выйдя на террасу, увидел чучело, повешенное за шею на ветке дуба. Оно было обернуто в использованную туалетную бумагу. С того самого вечера, когда Билли и Лемер Четем побывали на лесопилке, атмосфера вокруг дома Крикморов с каждым днем все больше накалялась. Четем ходил по городу и рассказывал всем, имеющим уши, о том, что случилось на лесопилке. Вскоре история начала приукрашиваться различными выдумками вроде того, что Билли командовал демонами, кишащими между машин. Джон понимал, что все это глупости, но объяснить это никому не мог. Когда он в последний раз приезжал к Куртису Пилу, чтобы поиграть в шашки, все сначала замерли, а потом стали разговаривать, совершенно не обращая на него внимания, как будто он был невидим. Через десять минут Пил сказал, что пора расходиться. Однако позднее Джон увидал их всех, сидящих на скамейке перед магазином Ли Сейера. В центре, улыбаясь, как гиена, сидел Ральф Лейтон.

— Это тебя мама надоумила? — неожиданно спросил Джон.

— Нет, сэр.

— Неужели ты не понимаешь, кто там будет, сынок? Почти все из младших и старших классов и изрядное количество их родителей. И все всё знают! — Он попытался сосредоточиться на змеящейся впереди дороге. До файетской средней школы осталось не больше мили. — Ты пригласил кого-нибудь?

Билли покачал головой. Он все-таки набрался смелости и окликнул в коридоре Мелиссу. Девушка повернулась и побледнела так, словно он был гремучей змеей.

— Тогда я не понимаю, зачем ты поехал.

— Это Майская ночь. Это школьный бал.

Джон хмыкнул.

— А я думаю, ты идешь туда, чтобы что-то себе доказать. — Он бросил взгляд на сына.

— Я хочу пойти на Майскую ночь, вот и все.

«Он упрямый, как мул, — подумал Джон, — и чертовски мужественный. Совсем как я. Но у него огромная сильная воли, и он гораздо настырнее. Глядя в его глаза, видишь приближающийся шторм, но не знаешь, в какую сторону этот шторм повернет и с какой скоростью он движется».

— Если ты думаешь, что ты такой же, как все, — тихо сказал Джон, — то ты ошибаешься. Господь свидетель, я молился за тебя, Билли, и за твою маму тоже. Я молился, пока у меня не начинала трещать голова. Но Господь не захотел изменить тебя, сынок, не заставил отвернулся от этой... черной веры.

Некоторое время они ехали молча. На горизонте уже появились огни Файета.

— Я не понимаю этого. Может быть, я не прав, но, по-моему, на лесопилке находилась часть мистера Паттерсона, папа. Она была слишком испугана и растеряна для того, чтобы знать, что де...

— Ты не понимаешь, что несешь, — отрезал Джон.

— Понимаю, папа. — Сила его голоса испугала Джона. — Я помог мистеру Паттерсону. Я знаю это.

Джон почувствовал огромное желание влепить Билли пощечину. Мальчишка не имеет права оговариваться с отцом. В представлении Джона Билли был сломанным смоляным чело-

вечком, и Джон боялся, что к нему может прилепиться дурная смола.

Окружная средняя школа стояла на окраине Файета. Это было большое двухэтажное здание из красного кирпича, которое последний раз ремонтировали в начале сороковых годов. С тех пор оно, как непокорный динозавр, сопротивлялось причудам погоды, вандализму и урезаниям ассигнований на образование. В середине пятидесятых к школе пристроили гимнастический зал — квадратное кирпичное здание с вентиляционными окошками на шиферной крыше. За гимнастическим залом лежало футбольное поле — место обитания «Файетских бульдогов». На стоянке стояло множество разношерстных автомашин — от проржавевших фургонов до сверкающих автомобилей. В здании школы свет не горел, но из открытых окон гимнастического зала вырывались потоки света, а в воздухе плавали звуки бас-гитары и взрывы смеха.

Джон замедлил ход и остановился.

— Приехали. Ты уверен, что хочешь идти?

— Да, сэр.

— Может, не надо?

— Надо.

— Ты обрекаешь себя на страдания.

Но Билли уже открыл дверь, и Джон понял, что его не переубедить.

— Во сколько за тобой заехать?

— В десять.

— В половине десятого, — ответил Джон. Он смерил Билли тяжелым взглядом. — Когда ты войдешь в эту дверь, ты будешь предоставлен самому себе. Если с тобой что-то случится, я не смогу помочь. Ты взял деньги?

Билли пошарил в кармане пару долларов.

— Да, сэр. Не беспокойся, внутри есть дежурные, которые следят за порядком.

— Ну, — вздохнул Джон, — тогда я поехал. Если кто-нибудь скажет тебе что-нибудь не то, помни... ты Крикмор и должен гордиться этим.

Билли захлопнул дверь и направился к гимнастическому залу. Джон высунулся в окно и крикнул ему вслед:

— Ты прекрасно выглядишь, сынок!

Затем, не дождавшись ответа, он развернулся и поехал прочь.

Билли шел к гимнастическому залу. Его нервы и мускулы напряглись. Ворота, ведущие на футбольное поле, были открыты, и Билли увидел огромную гору щепок и поленьев — отходов лесопилки, — которая будет подожжена позже, вечером, и сыграет роль традиционного Майского костра. Оставшиеся угли потом разбросают по полю перед летней обработкой земли и пересадкой травы к новому сезону. Из открытых дверей гимнастического зала раздавались звуки электрогитар, играющих «Дворовую кошку». Над входом висел огромный золотисто-голубой плакат, на котором было написано: «МАЙСКАЯ НОЧЬ! ТАНЦЫ ДЛЯ СТАРШИХ И МЛАДШИХ! ВХОД 25 ЦЕНТОВ» — и нарисован коренастый бульдог в футбольной амуниции.

Билли заплатил за вход. Симпатичная темноволосая девушка выдала ему билет и пропустила в зал. Внутри между металлическими потолочными балками были протянуты золотисто-голубые ленты, а в центре с потолка свисал огромный зеркальный шар, отражающий свет на танцующих. На кирпичной стене позади сцены, где расположилась местная группа «Пурпурное дерево», висело большое знамя, надпись на котором гласила: «СТАРШЕКЛАССНИКИ ПРИЕМА 1969 ГОДА! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВОЗРАСТ ВОДОЛЕЯ!»

Дежурный — тощий преподаватель геометрии — материализовался рядом с Билли и ткнул в него пальцем.

— Если вы хотите оставаться в зале, снимите ботинки. В противном случае поднимитесь на трибуну.

Заметив море ботинок, брошенных в углу, Билли снял свои легкие кожаные туфли. «Как обувь снова попадет к своим хозяевам, непонятно», — подумал он, встал у стены под американским флагом и стал наблюдать за танцующими, которые изгибались в такт скрипящим гитарным аккордам. Билли ви-

дел, что почти все присутствующие разбились на пары. Несколько ребят, которым не повезло с дамами из-за того, что они были толстыми или прыщавыми, сидели на зеленых банкетках. По залу туда-сюда сновали дежурные. Мимо Билли в поисках своей обуви прошла приклеившаяся друг к другу парочка. Повеяло запахом самогона.

— Ба, — сказал кто-то. — Это Билли Крикмор скучает там в одиночестве?

Билли оглянулся и увидел прислонившегося к стене Ральфа Лейтона. Ворот его рубашки был расстегнут и казался острым, как бритва.

— Где твоя дама, Билли?

— Я пришел один.

— Ты никого не пригласил? Ну, это не мое дело. Как поживает твоя мама? Я не видел ее почти месяц.

— Она здорова.

— Сегодня здесь куча симпатичных девчонок, — сообщил Лейтон бархатным голосом. Он улыбался, но в его глазах Билли увидел ненависть. — Правда, у них уже имеются кавалеры. Досадно, конечно, что тебе не с кем потанцевать и пообниматься. Мой парень здесь со своей подругой. Ты знаешь Дюка?

— Да, сэр.

Дюка Лейтона, держиморду старшеклассников, знали все. Он на год был старше Билли, но остался сидеть в восьмом классе. Благодаря ему «Бульдоги» два сезона подряд выигрывали Всеамериканские соревнования, и Дюк теперь получал специальную «футбольную» стипендию.

— Он пришел с Синди Льюис, — продолжал Лейтон. — Отличницей из Индиан-хиллз.

Билли знал эту школу — в ней учились дети богатых родителей.

— Ты знаешь здесь многих, Билли. И многие знают тебя.

Лейтон говорил все громче и громче. Билли с беспокойством заметил, что некоторые из ребят уже поглядывают в их сторону и шушукаются.

— Да! — очень громко произнес Лейтон, стараясь перекричать грохот музыки. — Все знают Билли Крикмора! Все слы-

шали, какое дельце ты провернул на лесопилке у Четемов. Это правда, а?

Билли не ответил; он чувствовал, что на него смотрят, и неловко переминался с ноги на ногу. Неожиданно он заметил маленькую дырку на своем носке.

— Что ты там сделал, Билли? Что-то вроде уборки? Ты исполнил индейский танец или...

Билли отвернулся и двинулся прочь, но Лейтон догнал его и схватил за рукав.

— Почему бы тебе не показать всем индейский танец? Эй! Кому нравятся индейские танцы?

— Отпустите мою руку, мистер Лейтон, — произнес Билли тихим угрожающим голосом.

— А если не отпущу, что ты сделаешь? — усмехнулся толстяк. — Наложишь на меня проклятие?

Билли встретился с его свирепым безрассудным взглядом и решил подыграть мучителю. Он наклонился к Лейтону так, что их лица разделяло всего несколько дюймов, и прошептал:

— Да. Я сделаю так, чтобы твои ноги сгнили до основания. Я сделаю так, чтобы твои волосы сгорели, а в твоем толстом животе поселились лягушки.

Рука Лейтона разжалась, и он вытер пальцы о брюки.

— Конечно, ты это можешь. А теперь слушай меня, парень. Никто не хочет видеть тебя здесь. Никто не хочет видеть тебя в этой школе и в этом городе. Достаточно одной проклятой колд... — Он осекся, увидев, как блеснули глаза Билли, и отступил на несколько шагов. — Почему бы тебе не убраться отсюда к черту?

— Оставьте меня, — сказал Билли и отошел со стучащим сердцем. «Пурпурное дерево» заиграло «Дуплет», и толпа совсем обезумела.

Билли двинулся к прилавку, где торговали кокой и корндогами. Он купил коку, выпил и собирался выбросить стакан в урну, когда чьи-то пальцы коснулись его щеки. Юноша обернулся. Послышался резкий вскрик, и четыре фигуры отпрянули прочь.

— Я дотронулась до него, Терри! — раздался полный благоговейного ужаса девичий голос. — Я в самом деле до него дотронулась!

Раздался взрыв смеха, и кто-то спросил:

— Ты познакомишь нас с каким-нибудь духом, Крикмор?

Билли по-утиному наклонил голову и оттолкнул в сторону парня в куртке с эмблемой «Бульдогов»; его лицо горело, он понял, что его попытка представить себя таким же, как все остальные, было ужасной ошибкой. Не оставалось ничего другого, как только попытаться уйти отсюда и по возможности отдалиться от людей. Вдруг кто-то толкнул его в бок, и он чуть не упал. Повернувшись, Билли увидел восемь или девять улыбающихся физиономий. Понятно. Парни не прочь подраться, чтобы покрасоваться перед своими девушками. Билли отвернулся и начал пробиваться через забитый танцевальный зал, лавируя среди кружащихся тел. Крепко сбитый парень с копной темных волос толкнул свою партершу на Билли; девушка запищала, а кавалер притянул ее обратно и сжал в объятиях.

«Они используют меня, чтобы пугать подружек, — подумал Билли, — как будто я — сошедший с экрана персонаж фильма ужасов». Однако эта мысль не разозлила его, а развеселила. Он ухмыльнулся и сказал «Бу-у!» следующей девушке, которую подтолкнул к нему ее приятель. Несчастная чуть не упала в обморок, а затем все, кто узнавал его — это были ребята, с которыми Билли каждый день встречался в школьных коридорах, — стали уступать ему дорогу, образовав нечто вроде тропинки. Билли рассмеялся, наклонился вперед и, размахивая руками, как обезьяна, двинулся между танцующими. «Покажи им шоу! — думал он. — Это то, что они хотят!» Девушки визжали, и даже их рыцари отходили в сторону. Теперь все внимание переключилось с «Пурпурного дерева» на него. Билли понимал, что ведет себя как дурак, но хотел показать присутствующим, как беспочвенны все их страхи. Он состроил рожу и потянулся к девушке, приятель которой быстро хлопнул его по рукам и смешался с толпой. Билли, пританцовывая, дернул головой, будто его внезапно парализовало. Люди вокруг рассмеялись. Он понял, что почти прорвал... почти что прорвал...

Внезапно он остановился как вкопанный. Рядом стояла Мелисса Петтус в розовом платье, с розовыми бантами в длинных волосах. Она прижималась к парню по имени Хэнк Орр и пряталась от Билли.

Билли взглянул на нее и немедленно выпрямился.

— Тебе не надо бояться, — сказал он, но его голос потонул в грохоте «Пурпурного дерева», заигравшего «Вниз, в Бундок».

Что-то мокрое ударило ему в лицо, и несколько секунд Билли ничего не видел. Сбоку раздался взрыв смеха. Протерев глаза, юноша увидел ухмыляющегося Дюка Лейтона. Это был неуклюжий, уже толстеющий парень. На его плече висела тощая рыжая девица. В руке Дюк сжимал пластиковый водяной пистолет.

Билли почувствовал резкий характерный запах и понял, что Лейтон зарядил пистолет кислым пивом. Это была одна из его традиционных шуток. Если теперь дежурный учует запах, Билли немедленно выгонят. Он вонял, как сортир в жару.

— Хочешь еще, Привиденьице? — спросил Лейтон сквозь шумный смех. Он хитро улыбался, точь-в-точь как его отец.

Билли охватила злость. Он бросился вперед между парами, стараясь схватить обидчика. Но тот рассмеялся и выпустил в Билли вторую пивную струю, а кто-то подставил ногу, и Билли, споткнувшись, растянулся на полу. Юноша пытался подняться, когда кто-то грубо схватил его за плечо; он резко повернулся, чтобы ударить нападавшего.

Им оказался дежурный — низенький коренастый преподаватель по фамилии Китченс; он снова схватил Билли за плечо и потряс его.

— Никаких драк, мистер!

— Это не я! Это Лейтон нарывается на неприятности!

Китченс был почти на два дюйма ниже Билли, но шире в плечах и с крепкой грудью. Он носил короткую стрижку с тех пор, как служил во флоте. Его маленькие темные глазки переместились на Дюка Лейтона, стоящего в окружении друзей-футболистов.

— Что такое, Дюк?

Лейтон поднял вверх пустые руки, и Билли понял, что водяной пистолет уже уплыл в надежное место.

— Я просто стою здесь, а старине Привиденьицу захотелось подраться.

— Это наглая ложь! У него был...

Китченс наклонился к Билли.

— Я чувствую запах пива, мистер! Где вы его спрятали, в своем автомобиле?

— Нет, я не пил! Я...

— Я видел у него фляжку, мистер Китченс! — крикнули из толпы, и Билли узнал голос Хэнка Орра. — Выгоните его!

— Прошу, мистер, — пригласил Китченс и стал тянуть Билли по направлению к двери. — Такие нарушители порядка, как вы, должны научиться немного уважать других!

Билли знал, что сопротивляться уже бесполезно, и, кроме того, может, оно и к лучшему, что его выкинут с Майской ночи.

— Мне следовало бы отвести вас к воспитателю, вот что я должен бы сделать, — говорил Китченс. — Пьянство и драка — это ужасное сочетание.

Билли оглянулся и увидел, как свет отражается в волосах Мелиссы; Хэнк Орр обнял ее за талию и тянул в сторону танцующих.

— Ну, забирайте обувь и уходите отсюда.

Билли остановился, не обращая внимания на дежурного. Он увидел нечто такое, отчего у него по спине побежали мурашки. Он заморгал, надеясь, что ему померещилось, но все оставалось, как прежде...

Мерцающий черный туман окутал Хэнка Орра и Мелиссу Петтус. Он совершал волнообразные движения, выбрасывая уродливые пурпурные щупальца. Билли услышал свой стон, а Китченс замолчал и уставился на него, вытаращив глаза. Билли видел, как черная аура окутала еще одну пару на краю танцплощадки, затем девушку из старшего класса, Сандру Фолкнер, танцующую джорк со своим приятелем. Билли охватила паника, он понимал, что приближается какая-то катастрофа. Черная аура пульсировала вокруг миссис Карсон, преподавательницы биологии. Очень слабая аура, скорее пурпурная, чем

черная, окутала ведущего футболиста Гаса Томпкинса. Наконец Билли увидел, как она вцепилась в толстого парня, который жевал корндог.

— О Боже, — выдохнул Билли. — Нет... нет...

— Пошли, — нетерпеливо произнес Китченс. Но отступил назад, потому что парень неожиданно стал выглядеть так, будто его вот-вот вырвет. — Ищи ботинки и убирайся.

— Они должны умереть, — хрипло прошептал Билли. — Я это вижу... В этом помещении смерть...

— Вы пьяны, мистер? Что такое?

— Вы ничего не видите? — Билли сделал несколько шагов по направлению к толпе. — Неужели никто этого не видит?

— В ботинках или нет, но ты должен унести отсюда свой зад!

Китченс схватил его за руку, но Билли с неожиданной силой освободился и, скользя носками по полу, побежал к танцующим. Он оттолкнул в сторону киоск и почти упал, поскользнувшись на разлитой коке. Протолкавшись к Мелиссе Петтус, Билли хотел коснуться ее сквозь черную ауру и предупредить о грозящей ей смерти. Девушка отшатнулась и закричала. Хэнк Орр, черная аура которого раскинула во все стороны пурпурные щупальца, вырос на пути у Билли, и его кулак, описав дугу, попал юноше по затылку. Билли пошатнулся и упал, крики «ДРАКА! ДРАКА!» звенели у него в ушах. Вокруг вырос лес ног, а «Пурпурное дерево» продолжало играть «Плывущий по реке».

— Убирайся! — сказал стоявший над Билли Хэнк Орр. — Давай, ты... чудак! Или я разворочу твою задницу!

— Подождите же... подождите... — бормотал Билли. Из глаз у него сыпались искры. — Черная аура... Я вижу ее... Вы должны ухо...

— ДРАКА! ДРАКА! — раздался чей-то веселый крик. «Пурпурное дерево» умолкло на половине аккорда. В зале эхом раздавались крики и смех.

— Ты должен умереть! — взвыл Билли. Хэнк побледнел, поднял сжатые кулаки, но не осмелился еще раз тронуть Билли Крикмора. — Ты... и Мелисса... и Сандра Фолкнер... и...

Внезапно вокруг наступила ошеломляющая тишина, нарушаемая только смехом ребят на другом конце зала. Билли поднялся на ноги; его левая губа распухла, как воздушный шар. В этот момент толпа расступилась, пропуская вперед воспитателя, мистера Мербери, который, как паровоз, выпускал сизый дым из зажатой в зубах черной трубки. Сзади спешил мистер Китченс. Мербери схватил Билли за воротник, поставил его на ноги и проревел:

— ВОН ОТСЮДА!

Он потащил Билли к выходу с такой скоростью, что юноша заскользил по полу мимо киоска прямо к куче обуви.

— От него разит, как от скунса, — говорил Китченс. — Второй раз пытался затеять драку.

— Я знаю этого парня. Он большой хулиган. Пьян, да? Где ты набрался?

Билли счел за лучшее потихоньку вырваться, но его тут же протащили до самой двери, где Мербери развернул его к себе лицом.

— Я задал вопрос, Крикмор!

— Нет! Я не... пил... — Он едва шевелил распухшими губами. — Я не пил! Что-то должно случиться! Я видел... видел черную ауру!..

— Видел что? Ну ты и надрался, парень! От тебя разит, будто ты купался в озере самогона! Я должен немедленно выкинуть тебя из школы!

— Нет... Пожалуйста... выслушайте меня! Я не знаю, что здесь произойдет, но...

— Зато я знаю! — прервал его Мербери. — Ты уберешься из этого зала. А в понедельник придешь с родителями, и у нас будет долгий разговор! А теперь уходи! Если хочешь пить или драться, тебе здесь не место!

Он вытолкнул Билли за дверь. Среди наблюдающих за происходящим лиц Билли узнал лицо Ральфа Лейтона. Мербери повернулся к Билли спиной и гордо двинулся к двери, а затем снова взглянул на него.

— Я сказал, убирайся отсюда!

— Как насчет моих туфель?

— Мы пришлем их тебе по почте, — ответил Мербери и исчез за дверью.

Билли посмотрел на Китченса, который тоже начал двигаться к двери.

— Они все должны умереть, — сказал он преподавателю. — Я пытался предупредить, но они не захотели слушать. Вернитесь назад, мистер Китченс, и помогите ребятам прочистить себе мозги.

Китченс несколько секунд смотрел на него, а затем развернулся и скрылся за дверью.

Билли остался один в темноте, переминаясь с ноги на ногу.

— ОНИ ВСЕ ДОЛЖНЫ УМЕРЕТЬ! — крикнул он, и кто-то закрыл двери в зал. Он бросился вперед и начал барабанить по металлу, чувствуя, как он вибрирует в такт звучания басгитары. «Пурпурное дерево» снова заиграло какую-то мелодию, и все снова начали веселиться. «Я не смог предотвратить это, — понял Билли, — что бы это ни было, я не смог это предотвратить! Но я должен продолжить попытку! Я остановлю их, когда они выйдут». На слабых, ватных ногах он подошел к обочине и уселся лицом к автостоянке. Он видел смутные очертания людей, теснившихся в автомобилях, и блики лунного света, отражавшиеся от бутылки, лежащей на заднем сиденье шикарного красного «шевроле». Ему хотелось завыть и закричать, но он стиснул зубы и подавил в себе это желание.

Через пятнадцать минут на футбольном поле послышались смех и крики. Танцующие вышли из зала и окружили свалены ные в кучу щепки и бревна. Пара дежурных поливала все это бензином, и костер вот-вот должен был загореться. Молодые люди гонялись друг за другом по полю, как дикие скакуны, а девушки экспромтом начали выкрикивать лозунги «Бульдогов». Билли стоял около ограды, вцепившись руками в холодные металлические прутья. Блеснул огонек зажигалки, и пламя в нескольких местах коснулось пропитанного бензином дерева. Огонь мгновенно охватил всю кучу до самого верха. Школьники столпились вокруг, как только пламя разгорелось как следует. Костер имел двенадцать футов в высоту, а на верхушку кучи какой-то шутник положил старый стул. В небе за-

танцевали искры, и Билли увидел, как некоторые из ребят взялись за руки и запели гимн Файетской средней школы:

В тихой долине гнездится
Дом, что мы любим всегда;
Вздымаются над альма-матер
Холмы и леса...

Костер превратился в огромный огненный палец. Билли облокотился на ограду, щупая свою распухшую губу. Сквозь дым он увидел Мелиссу Петтус и Хэнка Орра, которые, взявшись за руки, стояли в первом ряду. Аура вокруг них сгустилась и выпустила огромное количество щупалец. Он увидел освещенное лицо Сандры Фолкнер. На девушку словно накинули черное покрывало. Гас Томпкинс стоял слева от нее в десяти футах.

Билли из последних сил сжал прутья решетки, когда внезапно его осенила догадка: все ребята, окруженные черной аурой, стояли рядом или вблизи костра. Черные щупальца цеплялись именно за них.

В центре костра пульсировало красное сияние. Под аплодисменты и вздохи стул свалился в пламя.

...Мы благодарны Богу за дары
Под синим и благословенным небом;

Дом, научивший нас всему,
Ах, альма-матер, округ Файет...

— ОТОЙДИТЕ ОТ ОГНЯ! — крикнул Билли.

Но в следующую секунду костер распух, словно что-то выросло в его середине, и оглушительные выстрелы сразу остановили смех. Из центра костра вырвались три разноцветных вихря, которые ударили в разные стороны.

«Римские свечи, — подумал Билли. — Как римские свечи могли оказаться внутри костра?..»

В этот момент раздался чудовищный грохот, и гора пылающих бревен взорвалась изнутри. Билли успел увидеть острые щепки, летящие, как ножи, прежде чем ударная волна отброси-

ла его на спину. Земля вздрагивала снова и снова; воздух наполнился свистом и криками людей.

Билли сел. В голове звенело, кожу на лице стянуло от жара. Он едва осознавал, что все руки у него в крови. Вдоль изгороди валялись щепки, которые могли зарезать его не хуже, чем нож мясника. Римские свечи летали по всему полю, высоко в воздухе распустился золотой цветок искр, а из центра разваливающегося костра зигзагом вылетали красные, синие и зеленые ракеты. Люди бежали, кричали, катались по земле. Те, кого охватил огонь, теперь танцевали новый, ужасный танец. Другие медленно шли, как слепые. Билли поднялся на ноги; сверху падал дождь из тлеющих углей, а в воздухе стоял запах черного пороха. Билли увидел мальчика, ползущего прочь от взрывающегося костра, и побежал на помощь. Он схватил ребенка за почерневшую рубашку и оттащил его в сторону — подальше от взрывов. Какая-то девушка вновь и вновь звала маму. Но когда Билли схватил ее за руку, чтобы оттащить от огня, кожа с руки слезла, как перчатка; несчастная застонала и потеряла сознание.

Над ухом у Билли просвистела зеленая молния; он увернулся, но волосы у него на макушке начали тлеть. В небе взорвалась красная звезда, осветив все поле кровавым светом. На крыше школы душераздирающе взвыла сирена противовоздушной обороны, прорезая ночь, как тревожный набат.

Билли дернул за воротник парня в рубашке, разорванной на боку, и закричал:

— Я ГОВОРИЛ ВАМ! Я ХОТЕЛ ВАС ПРЕДУПРЕДИТЬ!

Лицо парня было белее бумаги, и он пошел мимо, словно никого не видел перед собой. Билли лихорадочно оглянулся и увидел Джун Кларк, скорчившуюся на земле в позе эмбриона, Майка Блейлока, лежащего на спине с пронзенной обломком дерева правой рукой, Энни Огден, стоящую на коленях и словно молящуюся костру. Перекрывая крики, послышался вой сирен, приближающийся со стороны Файета. Колени Билли подогнулись, и он сел на черную землю, хотя фейерверк еще продолжался.

Кто-то вышел из окружающего тумана и остановился, глядя на него сверху вниз. Это был мистер Китченс, из ушей кото-

рого текла кровь. За его спиной что-то взорвалось, выбросив в небо белый сноп искр. Лицо преподавателя дергалось, как будто он никак не мог открыть рот. Наконец он проговорил хриплым, страшным шепотом:

— Ты!..

25

Крикморы нашли своего сына сидящим на полу в переполненной приемной файетского окружного госпиталя. Они услышали вой сирен, и Рамона почувствовала, что произошла трагедия.

На распухшем от жара лице Билли не было бровей. На плечи юноши кто-то накинул тонкое одеяло. Забинтованные руки покоились на коленях. Ослепительный верхний свет отражался от его покрытого вазелином лица. Глаза Билли были закрыты, и казалось, он спит, отключив себя от шума и напряжения одной только силой воли.

Джон стоял позади жены, и от взглядов остальных родителей по его спине пробегали мурашки. В школе кто-то сказал им, что Билли погиб и его тело уже увезли в больницу. Однако Рамона отвергла это утверждение, сказав, что, если бы ее сын умер, она бы сразу же об этом узнала.

— Билли, — позвала Рамона дрожащим голосом.

Юноша, превозмогая боль, приоткрыл глаза. Он с трудом мог видеть сквозь щелку опухших век. Доктор сказал, что в его лице застряло примерно сорок заноз, но ему следует подождать, пока окажут помощь обгоревшим.

Рамона осторожно обняла сына, положив голову ему на плечо.

— Я в порядке, мама, — проговорил Билли распухшими губами. — О Боже... это было ужасно...

Лицо Джона посерело, когда он увидел множество тел, накрытых одеялами, каталки с обожженными подростками и родителей, кричащих, всхлипывающих и вцепившихся друг в дру-

га. Ночь то и дело вспарывала очередная сирена, а в помещении госпиталя, словно коричневый туман, плыл запах горелого мяса.

— Твои руки, — сказал он Билли. — Что с ними случилось?

— Потерял несколько кусочков шкуры, и все.

— Боже мой, мальчик! — Лицо Джона сморщилось, и он схватился руками за стену, чтобы не упасть. — Боже милостивый, Боже милостивый, я никогда не видел ничего подобного!

— Что произошло, папа? Сначала это был костер, как костер. А затем что-то взорвалось.

— Я не знаю. Но все эти щепки... Они покалечили многих детей, разрезали их в клочья!

— Один мужчина сказал, что это сделал я, — произнес Билли безразличным тоном. — Он сказал, что я был пьян и подстроил так, чтобы костер взорвался.

— Это грязная ложь! — Глаза Джона вспыхнули. — Ты не имеешь к этому ни малейшего отношения!

— Он сказал, что во мне живет Смерть. Это правда?

— НЕТ! Кто тебе это сказал? Покажи его мне!

Билли покачал головой.

— Теперь это не имеет значения. Все закончилось. Я просто... хотел повеселиться. И не я один.

Джон схватил сына за плечо и почувствовал, как что-то похожее на ледяную корку сломалось у него в груди. Взгляд Билли был страшно темен и пуст, будто случившееся сожгло все предохранители в его мозгу.

— Все хорошо, — сказал Джон. — Слава Богу, ты остался жив.

— Папа, я был не прав, заявившись на праздник?

— Нет. Человек ходит туда, куда хочет, а иногда туда, куда не хочет. Я думаю, этой ночью ты ходил и так, и так.

Недалеко, в коридоре, кто-то взвыл то ли от боли, то ли от горя, и Джон вздрогнул.

Рамона вытерла глаза рукавом и осмотрела занозы на лице у Билли — некоторые находились в опасной близости от глаз. Потом она задала вопрос, хотя в ответе была почти уверена.

— Ты знал?

Он кивнул.

— Я хотел рассказать, я старался предупредить их, но я... я не знал, как это будет выглядеть. Мама, почему это произошло? Я мог бы все изменить, если бы действовал по-другому? — По его намазанным вазелином щекам текли слезы.

— Я не знаю, — ответила Рамона; обычный ответ на вопрос, мучивший ее всю жизнь.

В дальнем конце приемной возникла какая-то суматоха. Оглянувшись, Рамона и Джон увидели, как люди толпятся вокруг толстопузого мужчины с седыми вьющимися кудрями и высокого рыжеволосого юноши, примерно ровесника Билли. В следующее мгновение Рамона узнала вошедших, и ее словно пронзило током. Ужасная ночь палаточной проповеди стала прокручиваться перед ее глазами: за все эти семь лет она не смогла избавиться от мучительных воспоминаний. Какая-то женщина схватила Фальконера за руку и поцеловала, прося его помолиться за ее пострадавшую дочь; мужчина в рабочей одежде толкнул ее, чтобы подойти к Уэйну. За несколько секунд вокруг евангелистов образовалось плотное кольцо из рук и плеч родителей пострадавших детей. Они пытались схватить Фальконера и его сына, привлечь их внимание, коснуться их, как будто они были ходячими талисманами, приносящими счастье. Фальконер позволил несчастным окружить себя, но юноша в замешательстве отступил назад.

Рамона встала. К толпе, окружающей Фальконера, подошел полицейский и попытался навести порядок. В следующий момент жесткий взгляд Рамоны скрестился со взглядом евангелиста, и мягкое, холеное лицо Фальконера начало темнеть. Он двинулся вперед, к ней, не обращая внимания на просьбы о молитве и исцелении. Прищурившись, он взглянул на Билли, а затем снова перевел глаза на Рамону. Сзади стоял Уэйн, одетый в джинсы и голубую вязаную рубашку с аллигатором на нагрудном кармане. Он покосился на Билли, и их взгляды на мгновение встретились; затем глаза юноши тоже впились в Рамону. От его зрачков исходил жар ненависти.

— Я вас знаю, — мягко произнес Фальконер. — Я запомнил вас сразу, как только увидел. Рамона Крикмор.

— Правильно. Я тоже вас помню.

— Произошел несчастный случай, — начал объяснять Фальконеру Джон. — Мой мальчик был там. У него порезаны руки, и... он видел ужасные вещи. Вы помолитесь за него?

Фальконер не отрываясь смотрел на Рамону. Он услышал о взрыве костра по радио и приехал в госпиталь, чтобы предложить людям утешение. Снова нарваться на эту колдунью было последнее, на что он рассчитывал. Кроме того, ее присутствие может вредно повлиять на Уэйна. Рядом с Фальконером Рамона казалась карликом, однако под ее жестким оценивающим взглядом евангелист почувствовал себя маленьким и беззащитным.

— Вы привели сюда мальчика для того, чтобы он занялся исцелением?

— Нет. Он будет помогать мне во время службы.

Рамона повернулась к юноше, и Билли заметил, как сузились ее глаза. Она явно увидела в молодом Фальконере нечто такое, что напугало ее и что он сам не увидел.

— Почему вы так смотрите? — спросил Уэйн.

— Не обращай внимания. Она ненормальная.

Фальконер обнял сына за плечи и повел его прочь; внезапно какой-то мужчина в футболке и джинсах с пустым взглядом вскочил со своего места и схватил Уэйна за руку.

— Пожалуйста, — произнес он хрипло. — Я знаю, кто вы и что вы можете делать. Я уже видел вас раньше. Пожалуйста... мой сын сильно пострадал, его привезли только что, и врачи не знают, сможет ли он... — Мужчина вцепился в Уэйна так, будто у него отказали ноги. Какая-то женщина в домашнем халате вскочила со стула, чтобы поддержать его.

— Я знаю, что вы можете сделать, — прошептал мужчина. — Пожалуйста... спасите моего сына!

Уэйн быстро взглянул на отца.

— Я заплачу вам, — продолжал мужчина. — У меня есть деньги. Я обращусь к Богу, буду ходить каждое воскресенье в

церковь и перестану пить и играть в карты. Только спасите его, не дайте этим... этим докторам убить моего ребенка!

— Мы помолимся за него, — сказал Фальконер. — Как его имя?

— Нет! Вы должны коснуться его, излечить его, как вы это делали по телевизору! Мой сын сильно пострадал, у него сгорели глаза!

Мужчина уцепился за рукав Фальконера, вокруг начала собираться толпа.

— Пожалуйста, разрешите вашему сыну исцелить моего мальчика, умоляю вас!

— Да вы только посмотрите, кто здесь находится! — внезапно проревел Фальконер. — Крикморы! Уэйн, ты слышал о них? Мать — безбожная колдунья, а мальчишка общается с демонами! А теперь, в разгар самой ужасной трагедии за всю историю Файета, они стоят здесь как ни в чем не бывало!

— Подождите, — вмешался Джон, — вы ошибаетесь, преподобный Фальконер. Билли тоже был в школе, и он тоже пострадал...

— Пострадал? Вы называете это «пострадал»? Посмотрите-ка на него! Почему он не обгорел, как сын этого несчастного? — Проповедник вцепился в плечо мужчины. — Почему он не умирает, как наши сыновья и дочери? Он был на поле вместе с другими детьми! Почему же он не сгорел?

Все повернулись к Рамоне, явно не ожидавшей такой атаки. Она поняла, что Фальконер пытается сделать из нее и Билли козлов отпущения, чтобы избежать объяснений по поводу того, почему Уэйн не ходит из палаты в палату и не излечивает всех и каждого.

— Я скажу вам почему, — продолжал Фальконер. — За спиной этой женщины и мальчишки стоят силы, общения с которыми честному христианину лучше избегать! Вероятно, эти силы — бог знает что они собой представляют — и защитили мальчишку. Возможно, они находятся у него внутри, и он несет в себе, как чуму, Смерть и разрушение...

— Прекратите! — резко оборвала его Рамона. — Прекратите молоть ерунду! Мальчик! — Она обратилась к Уэйну и подо-

шла к нему, решительно отодвинув в сторону евангелиста. Билли с усилием поднялся на ноги и встал, опираясь на руку отца. — Понимаешь ли ты, что делаешь, мальчик? — мягко спросила Рамона, и Билли увидел, как Уэйн Фальконер задрожал. — Дар исцеления, если он есть, нельзя использовать для обогащения и завоевания власти. Он не может быть частью шоу. Неужели ты до сих пор этого не понял? Если ты действительно хочешь исцелять людей, перестань давать им ложную надежду. Заставь их посещать врачей и принимать лекарства.

Ее рука поднялась и нежно коснулась щеки Уэйна.

Внезапно юноша наклонился вперед и плюнул в лицо Рамоне.

— Ведьма! — закричал он резким испуганным голосом. — Уберите ее от меня!

Джон, сжав кулаки, бросился вперед. Но двое здоровых мужчин тут же загородили ему дорогу. Один отбросил Джона к стене, а другой не давал ему вырваться, схватив за горло. У Билли не было ни единого шанса сопротивляться бросившейся на него толпе.

Однако сквозь крики прорвался голос Фальконера-старшего.

— Успокойтесь, люди! Достаточно с нас несчастья! На сегодня нам хватит и своих забот! Оставьте их!

Рамона вытерла лицо тыльной стороной ладони. Ее взгляд был спокоен, но полон глубокой тоски.

— Мне жаль тебя, — обратилась она к Уэйну, а затем, повернувшись к Фальконеру, добавила: — И вас. Сколько вы тел и душ погубили во имя Господа? Сколько еще погубите?

— Ты безбожная дрянь, — ответил евангелист. — Мой сын несет в себе жизнь, а твой распространяет смерть. На твоем месте я собрал бы свой хлам и убрался из этого округа.

Его глаза сверкали холодным голубым огнем.

— Я все сказал.

Рамона сделала несколько шагов и приказала женщине и мужчине, преграждающим ей дорогу:

— Прочь!

Они отошли. Джон, задыхаясь, тер свое горло и яростно смотрел на Фальконера.

— Поехали домой, — позвала Рамона своих мужчин. Она готова была расплакаться, но скорее бы умерла, чем позволила бы этим людям видеть ее слезы!

— И мы позволим этой мрази уйти отсюда? — закричал кто-то в другом конце приемной.

— Пропустите их, — произнес Фальконер, и толпа расступилась. — Месть в моих руках, говорит Господь. Лучше молись, колдунья! Долго молись!

По дороге к выходу Рамона споткнулась, и Билли едва успел поддержать ее. Джон постоянно оглядывался, опасаясь нападения сзади. Крики и брань сопровождали их до дверей приемной. Они сели в «олдс» и поехали прочь мимо машин «скорой помощи», везущих упакованные в черный брезент тела погибших подростков.

Дж.Дж. Фальконер поспешил увести Уэйна из приемной прежде, чем еще кто-нибудь остановит их. Его лицо горело. Они зашли в кладовую. Фальконер прислонился к стене между метлами и вытер лицо носовым платком.

— С тобой все в порядке? — Лицо Уэйна, освещаемое тусклой лампочкой, было мрачным.

— Да. Это просто... перевозбуждение. Дай мне вздохнуть. — Фальконер сел на ящик с порошком. — Ты выглядишь молодцом.

— Она испугала меня, и я не хотел, чтобы она до меня дотронулась.

— Ты держался прекрасно, — кивнул Фальконер. — Эта женщина — сплошная неприятность. Ладно, посмотрим, что можно с ней сделать. В Готорне у меня есть друзья. Посмотрим...

— Мне не нравится то, что она мне сказала, папа. Мне... мне было больно слушать ее.

— Она говорит языком Сатаны, пытаясь смутить тебя и сделать так, чтобы ты усомнился в себе. Надо что-то делать с ней и с этим... этим ее ублюдком. Вик Четем рассказал мне о том, что

его брат Лемер видел на лесопилке. Этот мальчишка общался с Дьяволом, а потом разъярился и чуть не разнес все вокруг.

— Папа... — Немного помолчав, Уэйн спросил: — Я могу... я могу излечить умирающего, если очень постараюсь?

Фальконер аккуратно сложил платок и убрал его, прежде чем ответить.

— Да, Уэйн. Если ты очень постараешься и будешь усердно молиться, то сможешь. Но этот госпиталь неподходящее место для излечения.

— Почему? — нахмурился Уэйн.

— Потому что... исцеление возможно только в святом месте, где люди собираются для того, чтобы услышать Слово Божье.

— Но... если людям это необходимо прямо сейчас?

Фальконер хмуро улыбнулся и покачал головой.

— У тебя в голове звучит голос этой колдуньи, Уэйн. Она все-таки смутила тебя. О, конечно, она хотела, чтобы ты ходил по палатам и излечивал всех подряд. Но это противоречило бы воле Господа, который наверняка желает, чтобы кто-то из ребят умер сегодня ночью. Так что лучше оставить их на попечение докторов, которые сделают все возможное. Но мы-то знаем, что пути Господни неисповедимы, да?

— Да, сэр.

— Вот и хорошо.

Встав на ноги, Фальконер покачнулся и осторожно дотронулся до своей груди. Боль почти отступила, но он чувствовал себя как после электрошока.

— Ну вот, теперь мне немного лучше. Уэйн, я хочу, чтобы ты сделал мне одолжение. Выйди и подожди меня в машине.

— Подождать в машине? Зачем?

— Эти бедные люди потребуют от тебя исцелений, если ты останешься, поэтому будет лучше, если ты подождешь, пока я помолюсь вместе с ними.

— О! — Уэйна еще беспокоили слова колдуньи. Ее темные глаза заглянули прямо в его душу и отняли у него древний свет. — Да, сэр, я тоже думаю, что так будет лучше.

— Хорошо. Тебе лучше пройти через заднюю дверь. Если ты вернешься в приемную, может опять возникнуть суматоха.

Уэйн кивнул. В его голосе эхом отдавался голос Рамоны Кикмор: «Ты понимаешь, что делаешь, мальчик?» Что-то в его душе забалансировало точно на краю пропасти, и он отдернул себя прочь с дикой мыслью: «Она такое же зло, как сам грех, она и ее демонический сын. Они оба должны быть брошены в костер Господа. Что говорит Господь? СОЖГИ ИХ!»

— Мы справимся с ними, папа?

— Мы справимся с ними, — ответил Фальконер. — Предоставь это мне. Пошли, пора возвращаться. Помни: через заднюю дверь, хорошо?

— Да, сэр.

Внутри Уэйна горело пламя гнева. Как эта женщина осмелилась прикоснуться к нему! Он пожалел, что не ударил ее публично, не сшиб с ног на глазах у всех. Он понял, что тьма пыталась накинуться на него и уничтожить. «Придет время, — сказал он себе, — и тогда...»

Уэйн почувствовал, что у него начинает болеть голова.

— Теперь я готов, — произнес он вслух и вышел вслед за своим отцом из кладовой.

26

Джон лежал в темноте и думал.

Рамона тихонько пошевелилась в его объятиях; три ночи после происшествия в госпитале они спали вместе — впервые за много лет. Горло еще болело, и Джон хрипел весь следующий день до тех пор, пока не согласился выпить чай из смеси корней сассафраса и одуванчика, который заварила Рамона.

Вчера состоялись похороны всех погибших во время Майской ночи. Но в течение последних нескольких дней поездки Джона в город стали совсем короткими: в магазине Ли Сейера никто не пожелал его обслужить, а когда он зашел подстричь-

ся, Куртис Пил неожиданно объявил, что парикмахерская закрыта на перерыв. Таким образом, за кровельными гвоздями Джону пришлось ехать в Файет, а что касается волос, то он решил отрастить их подлиннее. В Файете Джон услышал от одного из клерков, что кто-то спрятал в костре два ящика отборного фейерверка. Полицейские сказали, что взрыв черного пороха, находящегося в римских свечах, был эквивалентен взрыву двух динамитных шашек. Все это напоминало детскую шалость, виновник которой думал, что взрыв приведет всех в восторг, однако сосредоточение такого количества взрывчатого вещества в малом объеме, жар горящего бензина и острые щепки послужили причиной шести смертей и большого количества травм. Например, футболист-старшеклассник Гас Томпкинс все еще лежал в Ожоговом центре Бирмингема — ослепший и в состоянии шока.

Пылая праведным гневом, причиной которого стал Джимми Джед Фальконер, Джон увидел в собственной жизни и вере много удивительных вещей. Он не понимал, почему Фальконер намеренно хотел повредить Рамоне и Билли, пытаясь направить против них толпу; евангелист выплевывал ложь за ложью, пытаясь обвинить в случившемся несчастного мальчика! Эти мысли заставили закрутиться в голове у Джона заржавевшие уже колесики. Да, это было больно, но похоже на то, что впервые за много лет он начал думать абсолютно самостоятельно.

Джон понял, что Фальконер, несмотря на его зажигательные проповеди, всего лишь человек. А его сын может исцелять, но не всегда и далеко не каждого. Конечно, легко сказать, что тот или иной человек принадлежит Богу или Сатане; даже у всенародно признанных праведников бывают плохие дни или плохие мысли, и каждый хотя бы раз в жизни может сползти с праведной дороги. Неужели это обязательно приведет тебя в Ад? Фальконер из-за лжи сам сошел с истинного пути, а его мальчик — из-за своего бездействия; делает ли это их более человечными или это значит, что их ухватил Сатана?

А Рамона и Билли? Что такое их сила, дающая мертвым покой? Откуда она исходит? От Бога? От Сатаны? Ни от кого

или от обоих сразу? И что, если все эти годы он ошибался насчет Рамоны и ее матери?

Джон повернулся на бок и понял, что вокруг стоит странная тишина; обычно в такие теплые ночи стрекочут цикады, а...

Внезапно весь дом наполнился ярким сиянием. Джон, полуослепленный, вскочил с постели и услыхал громкое металлическое клацанье. Он схватил свои брюки и начал лихорадочно одеваться. Рамона проснулась и села в кровати.

— Что это? — испуганно спросила она. — Что это за звук?

Джон отодвинул занавеску и выглянул в маленькое окошко; лучи яркого света резанули его по глазам.

— Оставайся здесь! — сказал он Рамоне и выбежал на крыльцо, прикрывая глаза ладонью. Дом окружали белые сферы, за которыми Джон различил человеческие фигуры, стучащие тарелками, кастрюлями и металлическими трубками. Чудовищная музыка звенела в голове, и вдруг Джона охватил настоящий ужас — он разглядел, что фигуры одеты в клановские балахоны. У стоящих совсем близко автомобилей были включены фары.

— Что вы хотите? — кричал Джон, мечась по террасе, как пойманный зверь. — Убирайтесь с моей земли!

Ритмичное бряцанье продолжалось. Открылась входная дверь, и на террасу выскочил Билли с шелушащимся, как после солнечного ожога, лицом и забинтованными руками. За спиной сына стояла Рамона, завернувшись в свой серый халат; в руках у нее был длинный разделочный нож.

— Прекратите! Эй, вы, проклятые собаки, что вам нужно?

Джон вспомнил о своем старом пистолете, лежащем в выдвижном ящике бельевого шкафа, и дернулся к двери, но тут клацанье прекратилось.

Одна из фигур выступила вперед и вытянула руку в сторону Джона.

— Крикмор, — произнес мужчина, и Джон узнал голос Ли Сейера, хотя он был приглушен капюшоном, — этот город перенес достаточно горя из-за этой женщины и ее парня! Уж ты-то прекрасно знаешь, что они не собираются отрекаться от сво-

его пути! Поэтому мы пришли, чтобы поставить тебе ультиматум...

— Ультиматум? — прервал его Джон. — Ли, о чем ты говоришь?

— Без имен, Крикмор! Ты давал клятву!

— Это в том случае, когда я с другой стороны маски! Кем вы себя считаете? Бдительной дружиной? Командой вешальщиков? Вы принесли деготь и перья? По какому праву вы пригнали свои тарантайки на мою землю и устроили этот дьявольский шум?..

— У нас есть все права! — проревел Сейер. — Мы носим эту униформу и живем в этом городе!

— И мы имеем право отбить тебе задницу, Крикмор! — раздался голос Ральфа Лейтона. — Ты лучше заткнись!

Сейер твердо заговорил:

— Мы хотим, чтобы женщина и парень покинули Готорн. Мы хотим, чтобы они уехали сегодня. Джон, ты и твои родители выросли здесь, и ты всегда оставался добрым, богобоязненным человеком. Много лет ты указывал этой женщине ее место, но теперь, когда демон вселился в мальчишку, они стали сильнее тебя. Мы решили, что ты, если хочешь, можешь остаться здесь. В том, что они сделали городу, твоей вины нет...

— НЕТ! — закричал Джон. — Это наш дом, черт побери! А те, о ком вы говорите, мои жена и сын!

— Решено, — продолжил Сейер. — Мы хотим, чтобы они уехали прежде, чем здесь случится что-нибудь неприятное.

— Мы хотим, чтобы этот проклятый мальчишка убрался из нашего города, — выступил вперед Ральф Лейтон, тыча пальцем в сторону Билли. — После того, как он родился, случился неурожай, и с тех пор земля никогда больше не рожала, как раньше! Затем Дейв Букер убил всю свою семью, а знаешь, кто был лучшим другом букеровского мальчика? Потом Линк Паттерсон разрезал себя на лесопилке, и мы знаем об этом! А теперь эти невинные дети, лежащие в земле и в госпитале. Догадайтесь-ка, кто наблюдал за случившимся? Мой сын получил полное лицо заноз и сломал руку. Слава Богу, он остался жив, иначе я пришел бы сюда с ружьем! Дюк говорит, мальчишка кри-

чал, что все должны умереть, что он проклял всех и произнес какие-то заклинания! Даже Дж.Дж. Фальконер сказал, что он такой же, как его мать! Этот мальчишка сеет смерть везде, где находится!

— Ты лжешь, сукин сын! — закричал Джон, дрожа от ярости.

— Кто прислал вас сюда? — взвизгнула Рамона, она подошла к краю террасы и уставилась на фигуры в балахонах. — Вы похожи на глупый скот, мечущийся туда-сюда под ударами грома! Вы ни капли не понимаете обо мне и моем сыне! Это евангелист толкнул вас на это?

— Хватит! — закричал Лейтон. — Зря тратим время! — Он двинулся в сторону дома, и кольцо клановцев сузилось. — Положи нож, ты, индейская кошка, пока я не взял его и не отрезал твои сиськи...

Он вскрикнул от боли и удивления, потому что Джон прыгнул на него и сбил на землю. Мужчины вцепились друг в друга и катались по земле под крики клановцев, подбадривающих Лейтона.

Камень разбил окно позади Рамоны. Другой ударил ее в плечо. Она вскрикнула и упала на колени, а белая фигура, перегнувшись через перила террасы, выбила из ее руки нож. Но не успел клановец оглянуться, как на него вихрем налетел Билли; он еще не мог сжимать пальцы в кулак, поэтому двинул нападающего плечом так, что тот свалился через перила на землю, словно мешок картофеля.

Джон сорвал с головы Лейтона капюшон и бил его по лицу. Лейтон согнулся и упал на колени. Его балахон почернел от грязи, и он прокричал, еле ворочая разбитыми в кровь губами:

— Кто-нибудь, хватайте этого ублюдка!

Рамона закричала. Билли увидел свет, блеснувший на длинной металлической трубке, поднятой одной из фигур.

— Сзади!

Джон начал оборачиваться, но металлическая трубка со страшной силой уже опустилась ему на голову, отбросив вперед. Лейтон ударил его в живот, и когда Джон упал, трубка опустилась еще раз — с ужасным хрустящим звуком.

Наступила тишина. Джон лежал на животе, его ноги дергались, а пальцы царапали землю.

В следующий миг с криком ярости, прорезавшим ночь, Билли прыгнул с террасы и кинулся на человека, ударившего его отца. Не ожидавший такой атаки клановец отшатнулся и ударился о капот красного «шевроле». Билли с трудом сжал пальцы вокруг металлической трубки и дернул ее на себя, но в этот момент кто-то схватил его за волосы. Юноша протаранил локтем чьи-то зубы и освободился, повернувшись к противнику. Первым ударом он сломал мужчине нос; затем, увернувшись от кастрюли с длинной ручкой, перехватил ее и нанес удар этим импровизированным оружием по незащищенному плечу напарника.

Сзади в его горло вцепилась чья-то рука. Билли ударил каблуком по голени схватившего его человека и вывернулся прежде, чем ему в голову попала алюминиевая кастрюля. Он ткнул трубкой в чей-то живот и услышал, как под колпаком захрипели. Он обернулся и ударил снова, слепо крутя изо всех сил трубой. Мужчина, стоящий прямо перед ним, попятился, но получил скользящий удар кастрюлей, который свалил его с ног.

— Убейте его! — взвизгнул Лейтон. — Вперед, кончайте с ним!

Билли кинулся вперед и ударил Лейтона в коленную чашечку, обтянутую синими джинсами. Клановец охнул от боли и запрыгал прочь на одной ноге, словно травмированная лягушка. Вдруг что-то ударило Билли в бок. Он рухнул в грязь, но приложил все усилия, чтобы быстрее подняться: в любой момент мог последовать удар в затылок.

Внезапно послышался звук, напоминающий треск выхлопной трубы автомобиля, и навалившийся на Билли клановец исчез. Он увидел вокруг себя лес ног, бегущих к спасительным автомобилям. Билли оглянулся и увидел стоящую на террасе мать с пистолетом в трясущихся руках. Вспыхнули искры второго выстрела, и Билли услышал треск разбивающегося лобового стекла. Взревели моторы, и машины умчались прочь, поднимая колесами целые фонтаны грязи.

Два автомобиля столкнулись на узкой проселочной дороге, и Рамона выстрелила еще два раза, после чего старый пистолет дал осечку. Затем ночь наполнили красный свет габаритных огней и скрип шин на шоссе. Когда Билли поднялся на ноги, он увидел, как исчезли огни последнего автомобиля. Он тяжело дышал, голова кружилась, но юноша продолжал сжимать металлическую трубку в горящей руке.

— ТРУСЫ! — закричал Билли. — ПРОКЛЯТЫЕ ГРЯЗНЫЕ ТРУСЫ!

Он услышал всхлипывание матери и, повернувшись, увидел, что она склонилась над телом отца. Он увидел белое как мел лицо Джона и красную кровь, текущую у него из носа и ушей.

— Папа... — прошептал Билли.

Рамона с ужасом взглянула на сына.

— Беги за помощью, Билли! Быстрее!

27

Почти каждый день в июне, а теперь и в июле, мужчина и женщина сидели на террасе. В высокой траве стрекотали кузнечики, а одинокая цикада визжала на ветке большого дуба, передразнивая далекий шум пилы. Легкий ветерок остудил разгоряченное лицо и потную спину Билли, сидящего на крыше и отрывающего ряды сгнившей дранки. Его темные спутанные волосы влажными прядями падали на лоб; летнее солнце окрасило кожу в глубокий бронзовый цвет, а физическая работа, которой он занимался — работа для двоих, хотя выполнял ее он один с тех пор, как пострадал отец, — укрепила мускулы его рук и спины так, что они четко проступали под кожей. Крыша протекала весь июнь, но у Билли не хватало времени ею заняться. Теперь он отдирал дранку в поисках дыр, которые потом нужно будет заделать.

Билли хотел устроиться на работу механиком и обошел все заправочные станции в радиусе пятнадцати миль, но когда хо-

зяева слышали имя Крикмор, их глаза тускнели. Ему предлагали работу уборщика на складе, расположенном в дальнем конце Россланд-Сити, но там было ужасно жарко, воняло какой-то дрянью, а наниматели считали, что из благодарности юноша согласится работать почти что даром; в результате Билли решил, что лучше займется работой на ферме. Все дома и даже времянки в Готорне за последний год были электрифицированы, за исключением дома Крикморов, который стоял так далеко от города, что ребята из «Алабама Пауэр» даже не захотели поинтересоваться их мнением по поводу электрического освещения.

Однако в душе Билли все еще жила страсть к путешествиям. Вчера, вскапывая землю под грядки, он поднял голову, посмотрел в голубое небо и увидел ястреба, оседлавшего ветер, который нес его на восток, и ему захотелось увидеть землю сверху, глазами бесстрашной птицы. Он знал, что за поросшими лесом холмами, окружающими долину, стоят другие города, в которых живут другие люди, есть дороги, леса, моря и пустыни; за холмами находятся вещи прекрасные и пугающие одновременно. Они манили его, используя для этого ястребов, высокие, быстро летящие облака, а также далекую дорогу, видневшуюся с вершины холма.

Билли оторвал еще несколько дранок и скинул их вниз. Он слышал, как мать читает отцу Двадцать седьмой псалом; это был один из его самых любимых псалмов, и не проходило дня, чтобы он не изъявлял желания его послушать. Рамона закончила чтение, и Билли услышал, как отец спросил своим дрожащим голосом:

— Мона, а где Билли?

— Он залез на крышу, чтобы оторвать старые дранки.

— О да. Это нужно было сделать давно. Я сам хотел этим заняться. Как ты думаешь, ему надо помочь?

— Нет, я думаю, он управится сам. Хочешь еще чашечку чаю?

Послышался неразборчивый ответ. Билли отодрал еще две дранки и бросил их через плечо.

— Это все очень хорошо, Рамона. Думаю, ты сможешь почитать мне сегодня Двадцать седьмой псалом? Какое жаркое сегодня солнце, не правда ли? Кукурузному полю вскоре будет необходим полив...

Билли сконцентрировался на работе, пока сознание его отца скакало с одной дорожки на другую, словно игла по заезженной пластинке. Затем Джон замолчал, и Рамона снова начала читать Двадцать седьмой псалом.

Доктор в Файете сказал, что первый удар свинцовой трубы пробил Джону Крикмору череп, а второй вмял осколки в мозг. Две недели Джон лежал в коме в больнице, на благотворительной койке. То, что осталось от него, когда он пришел в себя, больше напоминало ребенка, чем взрослого мужчину; в его глазах застыло мучительное удивление, однако он не помнил ничего из того, что случилось. Он признал Рамону и Билли как своих жену и сына, но перестал что-либо требовать от них и целыми днями сидел в тенечке на террасе или у пруда, слушая лягушек. Он много спал и часто задавал странные вопросы — в голове у него все кипело, и никто не знал, какая мысль следующей всплывет на поверхность этого «супа».

Иногда Билли начинало глодать чувство вины, и он целый день бродил где-нибудь в лесу. Он считал, что отец был бы сейчас здоров, если бы он не пошел тогда на Майскую ночь. Но нет, он хотел доказать, что он такой же, как все остальные... И ошибся. Он не такой, не такой, как кто-либо. И теперь за это расплачивается его отец. Полиция так и не нашла того, кто подложил в костер фейерверк, а шериф Бромли не нашел того, кто ударил свинцовой трубой Джона Крикмора; все имели железное алиби. Действительно, лицо Ральфа Лейтона выглядело так, будто по нему прогулялся конь, однако его жена, сын и четыре приятеля утверждали, что в тот вечер, когда было совершено нападение, они все вместе сидели дома и играли в карты. Они поклялись на Библии, что Ральф упал со ступенек и разбил лицо.

Краем глаза Билли заметил какое-то движение и, повернувшись к шоссе, увидел поднимающиеся клубы пыли. Старенький черный «фольксваген»-фургон свернул на проселочную

дорогу. Вероятно, колея была слишком глубокой для его подвески, потому что в следующий момент машина остановилась, и из кабины водителя вылез мужчина в соломенной шляпе.

— Мама! — крикнул Билли. — К нам кто-то приехал!

Рамона оторвалась от Библии и посмотрела на человека, медленно идущего по дороге.

— Дорогой, похоже, к нам гости.

— Гости, — повторил Джон. Одна половина его лица напряглась, а другая осталась вялой и неподвижной. Он мог говорить только одной половиной рта.

Рамона встала со стула. На черном боку фургона было что-то написано, но из-за расстояния она не смогла прочитать, что именно. Мужчина был низеньким и круглым; на полдороге он остановился, снял полосатый пиджак и перебросил его через плечо. Затем снова двинулся вперед, слегка наклонившись и, по-видимому, пыхтя и чертыхаясь.

Под развесистым дубом он остановился, чтобы перевести дыхание.

— Мэм, я глубоко надеюсь, что это владения Крикморов. Если же я ошибся, то мне придется просить вашего разрешения посидеть здесь, в тенечке, и немного передохнуть.

— Вы не ошиблись. Но кто вы такой?

— А! — Круглое, как у херувима, лицо мужчины озарилось радостной улыбкой. На его щеках виднелись цветные пятна, а над растрепанной козлиной бородкой росли короткие серые усы. — Я остановился в ближайшем населенном пункте, но когда начал задавать вопросы, местные жители стали со мной довольно грубы. А эти дороги, они так петляют и извиваются, да? Итак, вы Рамона Крикмор?

— Может, да, а может, нет. Я еще не услышала вашего имени.

Маленький человечек, напоминающий коротенькую толстую овечку, улыбнулся и достал бумажник. Его улыбка на секунду исчезла, когда он увидел появившегося из-за дома Билли, которому было любопытно взглянуть на посетителя.

— А вы, должно быть, Билли, — сказал мужчина.

— Да, сэр.

Рамона молчала. Когда мужчина достал из бумажника белую визитную карточку, она спустилась с террасы, взяла ее, кинула на нее быстрый взгляд и передала Билли. На карточке витиеватая надпись гласила: «Доктор Реджинальд Чудо, демонстратор необычайностей».

— Мы не нуждаемся ни в каких докторах; мы насмотрелись на них достаточно.

Осторожные серые глаза мужчины скользнули по Джону Крикмору, неподвижно сидящему на своем стуле с Библией в руках.

— О нет, мэм. Вы не поняли. Я не доктор медицины. Я... чудотворец.

— Вы имеете в виду — шарлатан?

Мужчина поднял серые толстые брови.

— Боюсь, так меня называли раньше. Но не здесь и не теперь. Вы позволите?.. — Он взял у Билли карточку и сунул ее обратно в бумажник. — Миссис Крикмор, могу я попросить у вас стакан воды? Я выехал из Хейливилла еще утром, а сегодня такая жара...

Рамона, не доверяя мужчине, колебалась несколько секунд. Наконец она произнесла:

— Хорошо. Билли пока составит вам компанию.

Она поднялась на террасу и ушла на кухню.

— Здравствуйте, — сказал Джон и снова погрузился в молчание.

Доктор Чудо оглядел дом, а затем перевел взгляд на кукурузное поле, где стояло пугало и виднелись тощие побеги.

— Билли, — тихо спросил он. — Тебя кто-нибудь называет Уильямом?

— Нет, сэр.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать. В ноябре будет восемнадцать.

— Ну да. Восемнадцать обычно следует за семнадцатью. Затем будет двадцать и тридцать; и очень скоро тебе исполнится пятьдесят восемь. — Он осторожно положил пиджак на пол террасы и снял шляпу. На его лысине выступили капли пота, а с двух ее сторон, как рога, торчали пряди седых волос.

— Билли, — спросил доктор Чудо, — ты был когда-нибудь на карнавале?

— Нет, сэр.

— Никогда? — недоверчиво спросил Чудо. — Да, а мне было семнадцать лет, я чувствовал запах печеных яблок и воздушной кукурузы за два дня до того, как карнавал входил в город! Ты потерял одну из лучших вещей, которую предлагает жизнь, мой милый, — фантазию.

Рамона появилась из дома со стаканом воды. Чудо одним глотком осушил половину.

— А теперь что вы от нас хотите? — спросила Рамона.

— Хороший у вас домик, — произнес Чудо. Он допил воду, игнорируя суровый взгляд хозяйки. Затем тихонько проговорил: — Я искал этот дом с начала июня. Я уже сомневался, существует ли он на самом деле. Но вот он, и вот вы двое. Я исколесил всю северную часть Алабамы в поисках Рамоны и Билли Крикмор.

— Зачем? — спросила Рамона.

— По роду своих занятий, — объяснил мужчина, — я много путешествую. Я встречаюсь со многими людьми и слышу огромное количество разных историй. Многие из них неправда или в лучшем случае полуправда, вроде слухов о гигантском мальчике-призраке, живущем в лесу около Моундвилла. Или о повстанце, дух которого гуляет по разрушенным плантациям и стреляет в охотников, проходящих поблизости. Или о черной собаке, бегающей по дороге между Коллинзвиллом и Сэнд-Роком. Конечно, во всех этих рассказах есть зерно правды. Сучковатый дуб в лунном свете вполне можно принять за гигантского мальчика. Старый дом трещит и стонет, а кому-то мерещатся шаги призрака. Дикая собака шарахается от света фар. Кто знает, что это такое? — Чудо пожал плечами и пригладил ладонью свои непослушные волосы. — Но... когда слышишь рассказ о ныне здравствующих людях, это совсем другое. Один старик в Монтгомери спросил меня, слышал ли я об индианке с севера Алабамы, которая успокаивает мертвых?

Рамона застыла.

— Поначалу я не обратил внимания на эту историю. Однако моя профессия сталкивает меня с людьми, которые интересуются миром духов, и в течение четырех месяцев я с их помощью смог перевернуть сотню маленьких городков. Вскоре я услышал этот рассказ об индианке снова, и на этот раз прозвучала фамилия Крикмор. В следующем городе я уже сам начал задавать вопросы. И очень скоро услышал и о Крикморе-младшем. Тогда я решил узнать, существуете ли вы на самом деле. И начал поиски. — Мужчина снова улыбнулся, и вокруг его глаз появились морщинки. — Минуло несколько дней, и от одного мужчины, уроженца Чипена, я услышал про Готорн. В Чипене произошел случай с грузовиком и дубом...

— Да, — кивнула Рамона.

— Значит, мои поиски завершены. — Чудо перевел взгляд на Билли. — Рассказы про вас, молодой человек, тоже правда? Вы можете видеть мертвых и говорить с ними?

Вопрос застал Билли врасплох. Он взглянул на мать; та кивнула, и он утвердительно качнул головой.

— Да, сэр, могу.

— Тогда правда ли, что вы изгнали демона из дома, в котором произошло убийство? Что вы обладаете силой, побеждающей саму Смерть? Что вы призывали Сатану на лесопилке?

— Нет. Это вымыслы.

— Обычное дело для рассказов, передаваемых из уст в уста. Песчинка истины обрастает глянцем, словно жемчужина. Но в этих рассказах все-таки имеется песчинка истины?

— Я думаю, да.

— Не надо хмуриться, — сказал Чудо. — Люди боятся вас, но уважают. Как я уже говорил, я артист. У меня собственное шоу, и я путешествую с карнавалами...

— Что за шоу?

— Я рад, что вы задали этот вопрос. Мое шоу — наследство богатых варьете Англии. Я учился у старого мага, который выступал в Лондоне еще до Второй мировой войны.

— Мистер, — прервала его Рамона, — ваш язык вертится быстрее, чем змея в холодной воде.

— То, что я представляю, миссис Крикмор, — улыбнулся Чудо, — называется «Призрак-шоу».

В голове Рамоны прозвенел тревожный звонок.

— До свидания, мистер Чудо, — сказала она. — Мы не интересуемся...

Но тут вмешался Билли:

— А что такое «Призрак-шоу»?

Любопытство, звучащее в его голосе, встревожило Рамону еще больше. Она подумала о вызывающих духов проходимцах, о фальшивых предсказателях будущего, о спиритических сеансах в темных комнатах с танцующими на проволочках скелетами и «предсказанием», произносимым загробным голосом, — все эти гадкие трюки видела Ребекка и велела их остерегаться.

— Хорошо, я расскажу вам. Только, если вы не против, я сяду под этим дубом и дам отдых своим ногам.

Билли и Рамона спустились с террасы, когда Чудо расположился под сенью дерева. Мужчина взглянул на Билли, и в его глазах сверкнули веселые искры.

— «Призрак-шоу», — благоговейно произнес доктор Чудо. — Представь себе, Билли, театр в одном из самых больших городов мира — Нью-Йорке, Лондоне или Париже. На сцене человек — я или даже ты — в черном смокинге. Он просит выйти на сцену добровольцев из аудитории, и они крепко привязывают его к стулу. Затем его оборачивают черной материей и завязывают ее концы. Затем его относят в большой черный шкаф. Двери шкафа запираются, и как только добровольцы возвращаются в зал, свет в театре гаснет. Аудитория ждет минуту, затем другую. Зрители начинают нервно ерзать на своих местах. — Глаза доктора Чудо смотрел то на Билли, то на Рамону. — А затем... приглушенный свист ветра. Зрители чувствуют его дуновение на своих лицах, он дует отовсюду и одновременно ниоткуда. Проносится запах увядших цветов, а затем раздается... отдаленный звук кладбищенского колокола. Над зрителями загорается россыпь ярких огней, которые постепенно принимают очертания человеческих лиц, висящих в воздухе: прибыли духи-проводники. Музыка: аккорды труб и удары барабанов. Затем... БАМ! — Увлеченный собственным рассказом Чудо

хлопнул в ладоши и испугал обоих своих слушателей. — Клубы огня и дыма посредине сцены! БУМ! Еще раз на правом краю сцены. БУМ! На левом краю тоже! Воздух наполняется дымом и запахом серы, и публика понимает, что она отправилась в рискованное путешествие во владения самой Смерти! Завывающая темная фигура стрелой мчится по сцене, высоко подпрыгивает и взлетает к потолку; в воздухе затанцевали странные голубые и пурпурные огоньки; театр наполнили стоны и звон цепей. В центре сцены появляется группа скелетов, сцепившихся руками и стучащих ногами под аккомпанемент диссонирующей музыки призрачного оркестра. В воздухе парят завернутые в простыни духи. Они выкрикивают имена некоторых зрителей и предвещают события, которые могут быть известны только всевидящим мертвым! Когда публика доходит до пика возбуждения и удивления, появляется Костлявая в вихре красных искр! Сжимая косу, она движется по сцене, глядит на аудиторию и произносит ужасным замогильным голосом: «Скажите своим друзьям, чтобы они посетили «Призрак-шоу» доктора Чудо... иначе вами займусь я!» Смерть исчезает с помощью пиротехнических эффектов, но в темноте еще долго горят ее мерцающие глаза. Внезапно включается свет; на сцену возвращаются добровольцы и открывают шкаф. Внутри него все тот же покрытый черной материей стул, под которой сидит мужчина в таком же связанном состоянии, в каком его туда поместили! Он встает и раскланивается под аплодисменты пораженной и восхищенной публики.

Чудо умолк на несколько секунд, как будто хотел перевести дыхание, и улыбнулся Билли.

— Вот что такое «Призрак-шоу», молодой человек. Таинственность. Магия. Восхитительный ужас. Детям очень нравится.

Рамона хмыкнула.

— Если вам удастся собрать последствия этого шоу в мешок, вы неплохо заработаете на удобрениях.

Чудо от души рассмеялся, и его лицо покраснело от смеха. Билли разглядел у него на носу и на щеках синие жилки лопнувших сосудов.

— Ха! Я об этом как-то не подумал! Ха! — Он покачал головой, а его лицо засветилось от удовольствия. — Хорошо, хорошо. Я приму это к сведению.

— Вы фальсификатор, — сказала Рамона.

Чудо перестал смеяться и поднял глаза на Рамону.

— Я артист. Я художник сверхъестественного. Я признаю, «Призрак-шоу» нравится далеко не каждому, а после появления кино и особенно телевидения катастрофически теряет свою привлекательность. Однако оно еще притягивает сельских жителей.

— Вы все еще не ответили на мой вопрос. Зачем вы приехали?

— Через несколько дней я собираюсь присоединиться к «Райдер-шоу-инкорпорейтед». Я буду сопровождать их во время гастролей оставшуюся часть лета; затем, в начале листопада, «Райдер-шоу» станет частью ярмарки в Бирмингe. Я хочу обновить свое «Призрак-шоу», придать ему стиль и блеск; надо как следует поработать над оборудованием — сейчас оно хранится на складе в Тускалузе — и показать шоу в Бирмингe. Мне нужен ассистент. — Он посмотрел на Билли. — Ты уже окончил школу?

— Да, сэр.

— Нет, — отрезала Рамона. — Мой сын и ярмарочный балаган... Нет, я не хочу даже слышать об этом! А теперь я буду вам весьма признательна, если вы сядете в свою печку на колесах и как можно скорее уедете! — Она сердито показала на дорогу.

— Плата будет вполне справедливой, — сказал Чудо, глядя на мальчика. — Сорок долларов в неделю.

— Нет!

Билли засунул руки в карманы. «Сорок долларов — большая сумма, — подумал он. — Можно купить деготь и дранку для крыши, шпаклевку для окон, белую краску для стен; хватит на новые тормозные колодки для «олдса» и хорошие покрышки тоже. Можно будет закупить бензин и керосин для ламп, молоко, сахар, приправы и многое другое. Сорок долларов — это куча денег».

— Сколько недель? — услышал он собственный голос.

— Ярмарка закрывается тринадцатого октября.

Рамона схватила его руку.

— Я запрещаю, — сказала она. — Ты слышишь меня? Это «Призрак-шоу» — настоящее богохульство! Оно высмеивает то, что мы собой олицетворяем!

— Ты говоришь, как отец, — тихо отозвался Билли.

— Я знаю, о чем ты думаешь! Конечно, сорок долларов в неделю — это большая сумма. Но существуют много более достойные пути заработать деньги, чем... чем участие в «Идиот-шоу»!

— Какие, например? — спросил Билли.

Рамона умолкла. Ее мозг напряженно искал ответ. «Какие?»

— Ты будешь моим ассистентом, — сказал доктор Чудо. — Ты почувствуешь реальную атмосферу шоу-бизнеса. Ты научишься держаться перед аудиторией, притягивать ее внимание и заставлять зрителей хотеть большего, чем они увидели. Ты узнаешь... что собой представляет мир.

— Мир, — повторил Билли тихим отсутствующим голосом.

Его глаза потемнели, когда он оглянулся на отца, а затем на мать. Рамона покачала головой.

— Это куча денег, мама.

— Это ничего не значит! — резко ответила она и кинула на Чудо убийственный взгляд. — Я растила своего сына не для этого, мистер! Не для «Шарлатан-шоу», не для одурачивания публики!

— Пятьдесят долларов в неделю, — сказал Билли, и улыбка Чудо растаяла. — Я согласен на пятьдесят — и ни центом меньше.

— Что? Послушай, парень, знаешь, сколько ребят я бы нанял всего за тридцать долларов в неделю? Несколько тысяч, не меньше!

— Если вы столько времени искали меня и маму, вы считаете, что я добавлю в ваше шоу то, что не сможет добавить никто другой. Я считаю, что стою пятидесяти долларов в неделю, и думаю, что вы с этим согласитесь. Потому что, если вы не согласитесь, я не поеду с вами, и все ваши усилия пропадут зазря.

Я также хочу получить аванс за неделю вперед, и мне нужно три дня, чтобы доделать крышу и сменить тормозные колодки у автомобиля.

Чудо вскочил на ноги так, будто его окатили ледяной водой. Его голова едва доходила Билли до плеча.

— Нет! Никогда!

Он вбежал на террасу, схватил пиджак и водрузил на голову шляпу; его брюки испачкались сзади, и он отряхнул их с яростным выражением на красном лице.

— Пытаешься воспользоваться моей слабостью, да? — Он промаршировал мимо Рамоны и Билли, но через десять шагов остановился и глубоко вздохнул. — Сорок пять в неделю и два дня, — кинул он оглядываясь через плечо.

Билли пнул ногой камешек, обдумывая предложение.

— По рукам.

Рамона схватила его за плечи:

— Так быстро? Просто так, без обсуждения?..

— Прости, мам, но я знаю, что ты скажешь. Все не так плохо. Это будет... просто притворство.

Чудо снова подошел к ним, протянул руку, и Билли пожал ее.

— Нет иного бизнеса, кроме как шоу-бизнес! — провозгласил мужчина и улыбнулся. — А теперь тебя устроят тридцать долларов аванса?

Он достал бумажник и широким жестом распахнул его. В пластиковом окошечке Билли увидел пожелтевшую фотографию молодого человека в униформе.

— Сорок пять, — ровно и твердо напомнил Билли.

— Да-да, конечно, — рассмеялся Чудо. — Ты мне нравишься, Уильям. Ты заключил хорошую сделку. Кстати о переездах. У тебя есть права? Нет? Ты умеешь водить автомобиль?

— Я ездил несколько раз на «олдсе».

— Прекрасно. Тебе придется иногда садиться за руль. — Он отсчитал купюры. — Вот. Этим ты почти обанкротил меня, но... я уверен, что эти деньги пойдут на добрые дела. Есть ли здесь поблизости мотель, в котором принимают чеки?

— «Бама Инн». Это в Файете. Или «Тревел-Лодж».

Рамона резко повернулась и скрылась в доме.

— Ага, прекрасно. Тогда увидимся через два дня. Скажем, в четыре? Мы должны объединиться с «Райдер-шоу» в Тускалузе, и я хочу приехать туда до темноты. — Чудо убрал бумажник в карман пиджака, не сводя глаз с Билли, словно опасаясь, что юноша в самый последний момент может передумать. — Мы договорились? Точно?

Билли кивнул. Он принял решение и не собирался его менять.

— Работа трудная, — предупредил доктор Чудо. — Времени прохлаждаться не будет. Но ты быстро во всем разберешься. Дня за два. Счастлив был познакомиться с вами, миссис Крикмор! — крикнул он, но Рамона так и не выглянула. Чудо пошел по дороге, осторожно обходя острые камни. А когда он обернулся, чтобы помахать Билли на прощание шляпой, на террасе неожиданно для всех прозвучал голос Джона:

— Возвращайтесь побыстрей!

28

— Кончено, — сказал Билли и привстал на лестнице, чтобы окинуть взглядом свою работу. Он потрудился на славу — трещины и дыры были заделаны, а новая дранка лежала ровно и гладко. Пока Билли спускался вниз, держа в руках ящик с гвоздями и молоток, полуденное солнце нещадно жгло ему спину. Рукавицы на его руках пропитались машинным маслом, которым были обмазаны гвозди, грязные разводы виднелись на лице и на животе. Он вымыл с мылом лицо и руки, а затем убрал лестницу и ящик.

Пока жаркое солнце сушило ему волосы, Билли смотрел по сторонам. «Я вернусь, — сказал он себе. — Я вернусь в середине октября». Однако он понимал, что, когда вернется, уже не будет тем самым Билли Крикмором, который уехал. Он обошел «олдс» — новые колодки поставлены, покрышки заменены, хотя одна выглядит почти уже лысой.

Затем, обойдя вокруг дома, Билли подошел к террасе. Джон сидел на своем любимом стуле с Библией в руках. Рядышком на столе стоял бокал лимонада. Увидев Билли, Джон улыбнулся:

— Какой жаркий сегодня день.

Билли почувствовал странные спазмы в горле. Попытавшись улыбнуться в ответ, он сказал:

— Да, сэр, конечно.

Рамона сидела в гостиной в старом кресле-качалке. Ее руки вцепились в подлокотники, а глаза были прикованы к старенькому коричневому чемодану сына.

— Со мной все будет в порядке, мама, — сказал Билли.

— Знаешь, Тускалуза не так уж и далеко. Если тебе не понравится то, во что ты себя втянул, садись на автобус и возвращайся.

— Я не ребенок и достаточно выпослив, — возразил Билли. — Я продержусь там столько, сколько смогу.

— Карнавал, — нахмурилась Рамона и покачала головой. Ее глаза покраснели и распухли, но она уже не плакала. Билли собирается уйти в мир, следуя извилистым тропам своего Неисповедимого Пути, а это то, что хочет от него Дарующий Дыхание. — В детстве я была на одном из них. Свет режет глаза, а шум, как на чаепитии в Аду. Со сцены показывают уродцев — несчастных людей, которые не виноваты, что родились такими. А публика вокруг стоит и смеется. — Она помолчала. — Не дай им сделать из себя уродца. Они попытаются, как и жители Горторна, но ты не позволяй им. Тебя не раз будут проверять, помни мое слово.

— Я знаю.

— Ты понимаешь, — подалась вперед Рамона, — что Неисповедимый Путь больше, чем ритуал, который провела с тобой твоя бабушка? Цель всех ее действий заключалась в том, чтобы раскрыть твое сознание, обострить чувства; подготовить к тому, что ждет впереди. Ты начал Неисповедимый Путь в десять лет, когда увидел дух Вилла Буккера, а теперь Неисповедимым Путем стала вся твоя жизнь, точно так же, как и моя.

События будут нанизываться на события, как ожерелье; люди будут сталкиваться с тобой, а ты — с ними, но никогда нельзя недооценивать силу человеческого прикосновения. Оно может творить чудеса. — Рамона вздохнула, и ее глаза засияли. — Ты можешь попасть в темные места, сынок, и тебе придется самому искать выход. Тот, кого ты видел в контильне — Меняющий Облик, — не единственный представитель злых сил в этом мире. Существуют еще человеческое невежество, страдание, боль и мука. Ты все это тоже увидишь. Но Меняющий Облик вернется, Билли. Я уверена в этом. Он не забыл о тебе и будет нападать, причем скорее всего тогда, когда ты не успеешь подготовиться к защите. Твоя бабушка не знала пределы возможностей Меняющего Облик. Я тоже. Во всяком случае, будь готов к неожиданностям.

Билли вспомнил о звере и его обещании ждать его.

— Как ты себя чувствовал, — спросила Рамона, — после того, что ты... сделал на лесопилке?

— Я испугался. И был немножко не в себе.

После событий на лесопилке ему долго снился кошмар, в котором вращающееся лезвие пилы превращало его руку в кровавое месиво. Иногда Билли чувствовал дикую, страшную боль, пронзающую его левый глаз. Но хуже, чем боль, был горячий комок ярости, выросший в нем во время атаки клановцев. Потом боль и ярость постепенно исчезли.

— Это были эмоции, которые держали Линка Паттерсона в этом мире, — объяснила Рамона. — Когда ты уговорил духа освободиться от них, у него появилась возможность перенестись. Ты до сих пор хранишь эти чувства в себе. Что ты собираешься с ними делать? В следующий раз может быть еще хуже. У тебя есть две возможности: ты можешь пустить эмоции на что-то созидательное либо на что-то злое и жестокое. Я не могу выбрать за тебя.

— Я справлюсь с этим.

— И еще одна проблема. — Рамона посмотрела в окно. — Черная аура.

Сердце Билли подпрыгнуло.

— Ты увидишь ее снова. Именно из-за черной ауры я перестала выходить из дома, посещать город и церковь; я не хотела знать, кто умрет следующим. В ту ночь на палаточной проповеди я увидела пару человек, которым мальчик Фальконера сказал, что они исцелены; но поскольку эти люди были тяжело больны и перестали принимать лекарства, ОНИ ВСКОРЕ УМЕРЛИ. Я верю, что человеческое сознание может творить потрясающие землю чудеса. Оно может исцелить тело, а может наслать на него порчу. Как ты думаешь, что творилось в умах людей, чьи родственники посетили «Крестовый поход», а потом выкинули все лекарства, перестали посещать докторов и очень скоро умерли? Они прокляли Бога, поскольку были полны ложной надежды. Их заставили повернуться к смерти спиной, закрыть на нее глаза, и тем страшнее для них была потеря близких. И честные христиане, и грешники болеют одинаково, а доктора существуют для того, чтобы им помогать... Когда Фальконер играет с Богом, он превращает умных, хороших людей в стадо баранов, готовых для стрижки.

— Ты уверена, что эти люди умерли? — спросил Билли. — Вдруг черная аура ослабла, и они восстановили свое здоровье?..

Рамона отрицательно покачала головой.

— Нет. Я видела то, что видела, но лучше бы не видела этого вовсе, потому что теперь я знаю. Я знаю и буду молчать, поскольку что может одна ведьма? — Она замолкла, и Билли увидел в ее глазах странное выражение. — Худое зло — самое худшее. Носит одеяние пастуха и уничтожает того, кто ему доверяет. О Господи... — Женщина глубоко вздохнула и замолчала.

Билли положил ей ладони на плечи, и она накрыла их своими.

— Ты будешь гордиться мною, мама. Вот увидишь.

— Я знаю. Билли, тебе предстоит долгая дорога...

— Только до Тускалузы...

— Нет, — тихо возразила Рамона. — Сначала до Тускалузы. Потом... твой Неисповедимый Путь разойдется с моим. Ты пойдешь дальше и увидишь то, о чем я и не мечтала. С одной стороны, я завидую тебе, а с другой — боюсь за тебя. Да... — Она поднялась из кресла, и Билли увидел, как много у нее седых во-

лос. — Я сделаю тебе несколько сандвичей, пока ты будешь одеваться. Одному Богу известно, когда у тебя будет возможность поесть.

Билли подошел к комоду и достал оттуда чистые голубые джинсы и сине-зеленый пиджак. Он быстро оделся, желая выкроить немного времени для разговора с отцом. Одевшись, он вытащил из грязных рабочих брюк кусочек угля и сунул его в карман. Его сердце стучало, как оркестр ударных инструментов. Он вынес свой чемодан на террасу, где Джон, склонив голову набок, всматривался в даль и к чему-то прислушивался.

— Жаркий денек, — произнес он тихо. — Слышишь, как шелестит кукуруза?

— Папа, — позвал Билли. — Не знаю, поймешь ты меня или нет, но... я ненадолго уеду. Видишь? Мой чемодан собран, и... — К горлу подкатил комок, и Билли пришлось подождать, пока он исчезнет. — Меня не будет до октября.

Неожиданно в его сознании промелькнула мысль: «До октября отец не дотянет». Он отогнал ее прочь, глядя на здоровую половину отцовского лица.

Джон кивнул.

— Кузнечики всегда стрекочут в жару, правда?

— О, папа... — прошептал Билли. Его горло сжалось, и он схватил жесткую руку отца, покоящуюся на подлокотнике. — Прости меня, это по моей вине, прости, прости меня... — Его глаза обжигали слезы.

— Буль! — произнес отец и улыбнулся. — Ты видел? Старая лягушка нырнула в пруд! — Он покосился на дорогу и подался вперед, прикрывая глаза от солнца здоровой ладонью. — Смотри-ка, сынок, к нам едут гости.

Над проселком поднималась пыль. «Не сейчас! — мысленно прокричал Билли. — Еще слишком рано». Из-под колес фургона разлетались птицы; на этот раз «фольксваген» не остановился на полдороге, а мужественно преодолел все рытвины и ухабы до самого дома. На его бортах белыми, в форме привидений, буквами была выведена надпись «ПРИЗРАК-ШОУ ДОКТОРА ЧУДО».

— Кто сегодня у нас в гостях? — спросил Джон, и на его лице появилась однобокая улыбка.

— Мужчина, о котором я тебе рассказывала, дорогой, — ответила Рамона. Она как раз выходила на террасу, держа в руках бумажный пакет с двумя сандвичами с арахисовым маслом и колбасой и парой красных яблок. Ее глаза сузились, когда дверь автомобиля открылась и из него вылез доктор Чудо, выглядевший так, будто он спал в своем полосатом костюме и соломенной шляпе.

— Хороший денек, не правда ли? — крикнул он и направился к дому; с каждым шагом его улыбка таяла под ледяным взглядом Рамоны. Он прокашлялся и, подняв голову, взглянул на крышу. — Все закончено?

— Да.

— Хорошо. Мистер Крикмор, как вы себя чувствуете?

Джон продолжал молча смотреть на Чудо.

Доктор поднялся на террасу.

— Билли! Пора ехать.

Когда Билли наклонился, чтобы поднять чемодан, Рамона задержала его руку.

— Подожди минутку! Обещайте мне одну вещь, доктор Чудо! Вы будете заботиться о моем мальчике! Вы будете обращаться с ним, как с собственным сыном! Он не чурается тяжелой работы, но он не лошадь. Обращайтесь с моим мальчиком хорошо. Вы можете мне это обещать?

— Да, мэм, — ответил Чудо и слегка наклонил голову. — Я даю вам слово. Пожалуй, я даже сам погружу все это в грузовик.

Он взял чемодан и пошел к «фольксвагену», оставив их наедине.

— Билли. — Голос отца был тихим, а голубой глаз затуманили смутные воспоминания о тех днях, когда стоящий перед ним юноша был еще маленьким мальчиком. На здоровой половине его лица мелькнула улыбка.

— Я уезжаю, папа. Я буду много работать и присылать вам деньги. Все будет прекрасно...

— Билли, — произнес Джон, — я... я хочу прочитать тебе. — Эмоции затрудняли речь, и Джон никак не мог подобрать правильное слово. Он постарался сконцентрироваться, взял Библию, открыл Евангелие от Матфея и поискал нужную цитату. Затем с трудом начал читать: — Матфей, седьмая глава, стихи тринадцатый и четырнадцатый: «Входите... тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь... ведущие в погибель, и... многие идут ими; потому что узки врата и узок путь... ведущие в жизнь, и немногие... находят их». — Он закрыл Библию и медленно перевел взгляд на сына. — Я уже стал лучше читать.

Билли обнял отца и поцеловал его в щеку. От Джона пахло «Виталисом», и Билли вспомнил счастливые времена, когда они вместе ходили стричься к Куртису Пилу. Когда он выпрямился, глаза отца сияли.

— До свидания, папа, — попрощался Билли.

Рамона обняла сына, и они направились к фургону доктора Чудо.

— Будь осторожен, — сказала мать хриплым от волнения голосом. — Будь сильным и гордым. Два раза в день чисть зубы и проветривай на ночь одежду. Помни, кто ты такой: ты — Билли Крикмор, и в твоих жилах течет кровь чокто.

— Да, мэм. Я буду присылать деньги каждую неделю, и... — Юноша взглянул на фургон, и его охватил настоящий ужас; он чувствовал себя попавшим в кораблекрушение матросом, которого медленно сносит в океан. — Со мной все будет в порядке, — закончил он, когда страх утих. — Тебе нужно съездить на ближайшую заправочную станцию и подкачать «олдсу» колеса. Я хотел это сделать сам, но... времени было мало...

— Пиши, сынок, слышишь? Помни о хороших манерах и не забывай молиться...

Доктор Чудо открыл дверь машины. Билли вскарабкался в слегка запущенную кабину, и Рамона снова обратилась к нему:

— Помни, кто ты! В твоих жилах течет кровь чокто, и...

Дверь автомобиля захлопнулась. Чудо включил зажигание.

— Ты готов, Билли?

— Да, сэр. — Он взглянул окно, помахал отцу, а затем сказал матери: — Я люблю тебя.

Фургон медленно пополз вперед.

— Я люблю тебя! — крикнула Рамона в ответ и пошла рядом с фургоном, пока тот на маленькой скорости объезжал глубокие рытвины. — Ложись спать пораньше и не засиживайся допоздна. — Она прибавила шагу, потому что фургон увеличил скорость. Из-под его колес начали подниматься клубы пыли. — Веди себя хорошо! — крикнула Рамона.

— Ладно! — пообещал Билли, и в следующее мгновение фургон рванулся вперед. Рамона, прикрыв рукой глаза, видела, как он выехал на шоссе, свернул налево и исчез за занавесью вечнозеленых деревьев. Но Рамона продолжала стоять и смотреть до тех пор, пока звук двигателя не растворился в прозрачном воздухе.

29

Рамона повернулась и, поднимая пыль, направилась к дому. Она несколько минут посидела с Джоном, а затем сказала ему, что ей надо отлучиться часа на два — съездить на заправочную станцию и в магазин в Файет. Муж кивнул и сказал, что все прекрасно. На кухне Рамона достала из кувшина два доллара, проверила, есть ли у Джона под рукой все необходимое, и взяла ключи от машины. Она выехала на шоссе в двадцать минут пятого, рассчитывая попасть в нужный магазин до закрытия в пять часов.

В Файете она припарковала «олдс» рядом с ломбардом и кредитной конторой. Витрину ломбарда украшали дешевые кольца с фальшивыми бриллиантами, приемники, пара электрогитар, тромбон и несколько наручных часов. Над входом висели вывески: «ЗАЛОГИ И ССУДЫ ХЭПА» и «ВЫ ВСЕГДА СЧАСТЛИВЫ, КОГДА ИМЕЕТЕ ДЕЛО С ХЭПОМ». Рамона зашла в контору, где единственный потолочный вентилятор гонял туда-сюда пыльный воздух.

— Могу я видеть мистера Тиллмана? — спросила Рамона у плосколицей женщины, стоявшей за одним из прилавков.

— Хэпа? — Один глаз женщины был стеклянным и смотрел в пустоту, но другой быстро и оценивающе скользнул по Рамоне. — Да, он в своем кабинете. Но если вы хотите его увидеть, при... — Рамона решительным шагом направилась в служебное помещение конторы. — Эй, леди! Туда нельзя!

Рамона отодвинула зеленую занавеску, миновала узкий коридор и без стука вошла в тесный кабинет.

Хэп Тиллман, чудом разместив свое толстое тело на стуле и положив ноги на стол, курил сигару «Свишер Свит» и рассматривал журнал «Стэг». Он вскочил, разъяренный тем, что кто-то без разрешения вторгся в его святилище, и уже собрался метать громы и молнии, но тут увидел Рамону. Из-за ее плеча выглядывала рыжеволосая женщина.

— Хэп, я ей говорила, что сюда нельзя.

— Все в порядке, Дорис. Я знаю миссис Крикмор. Оставь нас.

— Я говорила ей, что сюда нельзя. — Женщина стрельнула в Рамону злым взглядом и закрыла дверь.

На мясистом лице Тиллмана выделялась квадратная нижняя челюсть. Иссиня-черный костюм смешно контрастировал с серыми бровями.

— Так! Миссис Крикмор, какой сюрприз увидеть вас здесь!

Тиллман стряхнул пепел и снова сунул сигару в рот. Его стол окружала баррикада из поставленных друг на друга коробок, угол комнаты занимал черный шкаф, а на стене висел календарь с изображением женщины в бикини, сидевшей верхом на арбузе.

— Чем могу быть полезен?

— Я хочу знать, — ответила Рамона.

— Что? — спросил он. — Я правильно вас расслышал?

— Да, я хочу знать. Прямо сейчас.

— Тихо! — Тиллман подпрыгнул, промчался мимо Рамоны и рывком открыл дверь. Он выглянул в пустой коридор, а затем снова закрыл ее и запер на ключ. — Эта сучка Дорис обожает подслушивать, — объяснил он. — Я ловил ее дважды... Черт побери, леди, у вас ужасно плохая память. У нас с вами был договор. Взаимообязывающий контракт!

— Мне кажется, я уже обо всем догадалась, мистер Тиллман. Но я... я хотела убедиться. Это важно...

— А мне важнее собственная задница! У нас был договор, к содержанию которого у меня не лежала душа. Я потратил на все это кучу нервов! — Он пытался смотреть Рамоне в глаза, но не смог. Качая головой, он пыхнул сигарой и возвратился в свою крепость из ящиков и коробок. Неожиданно его глаза заблестели. — А, понимаю! Конечно. Это шантаж.

— Нет. Это не...

Голова Тиллмана дернулась вперед.

— Лучше бы «не». Потому что я увяз глубоко, но ты — еще глубже! Запомни это на случай, если попытаешься причинить мне какие-нибудь неприятности!

— Мистер Тиллман, — терпеливо произнесла Рамона и подошла к столу. — Я никогда не спросила бы вас об этом, если бы это не было очень, очень важно. Я не собираюсь никого шантажировать. Я не хочу никаких неприятностей.

— Леди, вы подписали контракт...

— Да хоть десять контрактов! — закричала Рамона, и мужчина тут же поднес палец к губам.

— Пожалуйста... пожалуйста, — попросил Тиллман. — Умерьте свой пыл. Сядьте и успокойтесь.

Он указал на стул, и Рамона неохотно села. Некоторое время Тиллман дымил сигарой, обдумывая сложившее положение.

— Черт возьми, леди! — Тиллман вмял сигару в пепельницу, из которой, как маленькие красные кузнечики, запрыгали искры. — Это просто... это просто неэтично! Здесь нужно как следует все обдумать, и я хочу, чтобы вы...

— Я обдумала все, — прервала его речь Рамона. — А теперь вы расскажете мне, или я позову полисмена?

— Не позовешь, — усмехнулся Тиллман. Он сел и какое-то время молча разглядывал посетительницу. Затем он глубоко вздохнул и сказал: — Я родился дураком, иначе не стал бы связываться с ненормальными женщинами!

Он выдвинул верхний ящик письменного стола и, просунув руку в образовавшуюся щель, выложил на стол кусок ре-

зинки, к которому был привязан маленький ключ. Тиллман взглянул на Рамону.

— Никогда больше не показывайтесь в моей конторе, — произнес он мрачно. — Вы поняли меня, леди?

Он встал со стула и отодвинул висящую на стене дешевую репродукцию в рамке. Под ней оказался сейф с кодовым замком. Тиллман набрал код так, чтобы Рамона не видела его манипуляций.

— Вы можете одурачить кого угодно, — сказал он, — но не меня, леди. Дудки! Вы и ваш парень — самые натуральные жулики! Притворяетесь, что разговариваете с духами! Большего идиотизма я никогда не слышал! — Тиллман вытащил из сейфа маленький металлический ящичек и поставил его на стол. — Вас может бояться кто угодно, но не я! Дудки!

Он открыл ящичек маленьким ключом и стал перебирать пронумерованные карточки. «Крикмор», — прочитал он вслух и вытащил одну из них. Карточка слегка пожелтела от времени. Читая ее, Тиллман не смог сдержать злой улыбки. Затем он передал карточку Рамоне.

— Вот!

Рамона взглянула на карточку и хмуро сжала губы.

— Ха! — засмеялся Тиллман. — Спорю, что это не нравится твоей индейской заднице?

Рамона положила карточку на стол и поднялась со стула.

— Я так и думала. Благодарю.

— Да, мальчику повезло, не так ли? — Тиллман убрал карточку в ящик. — Но вы знаете мой девиз: «Вы всегда счастливы, когда имеете дело с Хэпом!»

Рамона взглянула в его мерзкое ухмыляющееся лицо, и ей захотелось влепить ему пощечину. Но что это даст? Изменить положение вещей невозможно.

— Да, вот это номер! — продолжал хихикать Тиллман. Он убрал ящичек в сейф и запер его, крутанув кодовый замок. — Извините, что не могу проводить вас до дверей — дела...

Он повернулся, но Рамона уже вышла. Тогда Тиллман открыл дверь и прокричал ей вслед:

— И НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ!

7. ПРИЗРАК-ШОУ

30

Сатана неуклюжей походкой вошел в красный луч прожектора. В зале раздались смешки. Из-под дурно пахнущей маски зазвучал голос Билли:

— Не забудьте посоветовать своим друзьям посетить «Призрак-шоу» доктора Чудо... или вами займусь я!

Он погрозил пластиковыми вилами дюжине зрителей, сидевших рядом со сценой, и услышал приглушенное «тук!», когда доктор Чудо скользнул обратно в шкаф и запер обе двери. От взорванных дымовых шашек на сцене стоял густой туман. Под потолком шатра раскачивались скелеты из папье-маше. Играла записанная на магнитофон жуткая органная музыка.

Билли с облегчением ушел за кулисы и снял маску Сатаны. Прошлым вечером кто-то бросил в него гнилой помидор. Он повернул рычаг, и все висящие на сцене фигуры втянулись за занавес, затем включился свет. Доктора Чудо «освободили» из шкафа, ложный замок которого не закрывался. На этом последнее ночное шоу было завершено.

Билли проверил блоки и веревки, которые управляли куклами «Призрак-шоу», и принялся выметать из зала окурки и пустые коробки из-под воздушной кукурузы. Доктор Чудо, как всегда по окончании представления, ушел за кулисы, чтобы разложить фигуры по отдельным коробочкам, похожим на маленькие гробики. Они проведут еще одну ночь на автомобильной стоянке торгового центра, а уже завтра карнавал будет на пути к другому маленькому городку.

Закончив уборку, Билли тоже вышел за кулисы, вымыл руки в тазу и переоделся в свежий костюм.

— Куда ты направляешься? — спросил Чудо, осторожно укладывая маленькое привидение в коробочку из-под стирального порошка.

Билли пожал плечами.

— Просто прогуляюсь, посмотрю, что творится вокруг.

— Вокруг творится сплошное жульничество... Ну что ж, посмотрим: чистые руки, свежий костюм, пробор — если мне не изменяет память, то это похоже на «расфуфыривание», которым я занимался в молодости перед встречей с представительницей противоположного пола. У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Нет, сэр.

— А ты случайно не собираешься посетить то самое ночное шоу, которое приводит в такой восторг здешних парней?

Билли усмехнулся.

— Я подумывал насчет этого.

«Джангл Лав-шоу» присоединилось к карнавалу на прошлой неделе. Перед входом висели фотографии девушек и написанный от руки плакат: «СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ ТИГРИЦУ! САНТА ПАНТА! БАРБИ БАЛЬБОА! ЛЬВИЦА ЛЕОНА!» Далеко не все девушки выглядели привлекательно, но одна фотография бросилась Билли в глаза, когда он прогуливался здесь несколько дней назад. У девушки, изображенной на снимке, были короткие светлые волосы, стройные ноги и игривое лицо, выражающее явный сексуальный призыв. Билли чувствовал, что его живот сводит каждый раз, когда он смотрит на эту красотку, но ему пока еще не удавалось выкроить время и полюбоваться невиданным зрелищем.

Чудо покачал головой.

— Я обещал твоей матери присматривать за тобой, а такие развлечения затягивают.

— Со мной все будет в порядке.

— Сомневаюсь. Если юноша увидит обнаженную женщину, вертящуюся на сцене в нескольких футах от его носа, ему захочется этого еще и еще. Давай, вперед, если твои гормоны уже пустились во все тяжкие! А я закончу укладывать детишек в постельки.

Билли вышел из шатра во влажную августовскую ночь. Вокруг сияли огни. Некоторые шоу уже закрылись, но аттрак-

ционы еще работали, унося пассажиров в небеса и ревя двигателями, словно дикие звери. Карусель, украшенная горящими белыми и синими лампами, весело крутилась под аккомпанемент легкой музыки. Чертово колесо, словно бриллиантовое ожерелье, высилось в темноте.

Сегодня Билли наконец получил письмо из дома. Письма подчас опаздывали, хотя он старался сообщать заранее о месте следующей остановки карнавала. В письме были и отцовские каракули: «Надеюсь, у тебя все в порядке. Вчера приходил доктор. Чувствую себя лучше. Люблю, папа». Билли ответил, что у него все прекрасно и дела идут хорошо; он умолчал о том, что выступает в одеянии Сатаны, и не упомянул о том, что в толпе зрителей несколько раз видел черную ауру.

Юноша узнал, что настоящее имя доктора Чудо Реджинальд Меркль, а его самый лучший друг — бурбон «Дж. В. Дант». Несколько раз он вел «Призрак-шоу», едва держась на ногах. Доктор Чудо рассказывал Билли, что начинал дантистом, но понял, что не в состоянии целыми днями смотреть в чьи-то рты. Как-то раз Билли спросил у Чудо о его семье, но тот быстро ответил, что у него нет родственников за исключением призраков и скелетов. Всем своим куклам он дал имена и обращался с ними, как с детьми. Билли интересовала фотография молодого человека, которую Чудо носил в бумажнике, но было ясно, что доктор не намерен обсуждать с ним свою личную жизнь.

Впереди показалась красная неоновая вывеска: «ДЖАНГЛ ЛАВ... ДЖАНГЛ ЛАВ». Внутри раздавалось буханье барабана.

Еще один шатер вырос возле «Призрак-шоу». Его белые дощатые стены были украшены изображениями змей с хищно оскаленными ядовитыми зубами. Вход был сделан в виде открытой змеиной пасти. Вверху красными буквами было написано: «СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ САМУЮ ОПАСНУЮ ЗМЕЮ-УБИЙЦУ В МИРЕ! ЖИВЬЕМ!»

Странно, но за прошедшие четыре дня Билли так и не видел хозяина этого шоу. Единственным признаком жизни в шат-

ре, за исключением посетителей, было то, что вход открывался в три часа дня и закрывался в одиннадцать вечера. Сейчас дверь была слегка приоткрыта. Красные глаза огромной нарисованной на стене змеи, казалось, следили за юношей.

— Остановите! — услышал он чье-то громкое причитание.

— Пожалуйста... слишком быстро!..

Между Билли и павильоном «Джангл Лав» раскинулся аттракцион, напоминающий гигантский зонтик. Четыре гондолы — желтая, красная, фиолетовая и одна, все еще покрытая зеленым чехлом, — вращались на металлических спицах, соединенных с центральным поршневым механизмом. Шипела гидравлика, и гондолы беспорядочно раскачивались в разные стороны. Крики усиливались по мере того, как аттракцион крутился все быстрее и быстрее. Гондолы нырнули к земле, а затем быстро взлетели вверх. Весь механизм стонал, вращая их по кругу. В каждой гондоле сидели по два человека, поверх их голов с целью безопасности были протянуты проволочные каркасы. Худой человек с прямыми каштановыми волосами до плеч держался за рычаг управления. Надпись на плакате, установленном рядом с аттракционом, гласила: «СПРУТ».

— ...Пожалуйста, остановите! — раздался голос в одной из гондол.

Билли заметил, что мужчина прибавил скорость. «Спрут» вибрировал, земля вокруг тряслась. Мужчина усмехался, но его глаза были мертвы. Машиной практически никто не управлял.

Билли подошел к мужчине и тронул его за плечо.

— Мистер...

Голова мужчины резко дернулась. На мгновение Билли увидел в его глазах красное сияние, напомнившее ему взгляд зверя. Потом мужчина моргнул.

— Ё-моё! — закричал он и ударил по тормозам, одновременно выключая двигатель. Раздался пронзительный скрежет, и «Спрут» начал останавливаться.

— Черт побери, парень! — обратился мужчина к Билли. — Больше не подкрадывайся так к людям!

Правую бровь мужчины рассекал уродливый шрам, а когда поток воздуха, поднятый «Спрутом», взъерошил ему волосы, Билли увидел, что у него нет уха. На левой руке хозяина аттракциона было только три пальца.

«Спрут» замедлил вращение. Визг тормозов затих. В наступившей тишине Билли показалось, что он слышит еще один звук: высокий жуткий крик, принадлежащий дюжине голосов, и его тело покрылось мурашками.

Человек подошел к гондолам и открыл защитные колпаки, выпуская разъяренных испуганных пассажиров.

— Подайте на меня в суд! — крикнул он одному из них.

Билли разглядывал «Спрута». Изъеденный ржавчиной металлический корпус, накрытая защитным чехлом гондола. Страшный крик все продолжался и продолжался, то утихая, то нарастая вновь.

— Почему эта гондола закрыта? — спросил он мужчину.

— Необходим ремонт. Ее нужно перекрасить. Тебе что, делать больше нечего, кроме как торчать здесь? — Мужчина взглянул на двух приближающихся подростков и огрызнулся: — Закрываемся!

Внезапно жуткие голоса замолкли, и Билли обнаружил, что стоит возле зачехленной гондолы. У него неожиданно возникло желание забраться в нее, закрыть защитный колпак, дать «Спруту» поднять его высоко в воздух и закрутить. «Это будет самая лучшая в мире поездка, — подумал он. — Самая волнующая. Но для большего впечатления, для наивысшего, необходимо прокрасться к закрытой гондоле...»

Он одернул себя и в следующую секунду понял, что знает.

Знает, что именно с этой гондолой связано нечто ужасное.

— На что ты там смотришь? — первым спросил мужчина. Билли обернулся и увидел появившуюся из темноты крепкую женщину с сердитым лицом и начесанными светлыми волосами.

— Бак, — осторожно позвала она, — время закрываться.

— Не указывай мне, женщина! — рявкнул хозяин аттракциона и умолк, нахмурясь. — Извини, дорогая, — устало сказал он и снова посмотрел на «Спрута».

Билли заметил на его лице странное выражение — смесь страха, страдания и любви.

— Ты права. Пора выключать его на ночь.

Бак направился к главному генератору.

Женщина посмотрела на Билли.

— Отойди от машины, парень. Отойди сейчас же! — предупредила она. В следующее мгновение погасло неоновое название аттракциона.

— С ним что-то не в порядке? — тихо, чтобы не слышал мужчина, поинтересовался Билли.

Женщина покачала головой, но было ясно, что она боится сказать лишнее.

— Иди занимайся своим делом! — крикнул ему Бак. — Это надежный аттракцион! Я все время слежу за ним!

На его лице была мука, и Билли поспешил прочь. Огни вокруг стали гаснуть. Он видел, как потухла вывеска «Джангл Лав», и понял, что опоздал на последнее представление.

«Спрут» прибыл только сегодня утром. Юноша вспомнил, как во время сборки рабочий поранил руку, но Билли не обратил на это внимания, потому что подобные происшествия были обычным делом. Рабочий потерял много крови. Билли решил держаться подальше от этой машины, вспомнив, как мать говорила, что зло иногда гнездится в самых неожиданных местах, например, в дубе.

Или в машине.

«Крики умолкли так, — думал Билли, — будто машина хотела возбудить мое любопытство». Когда он оглянулся, мужчина и женщина уже ушли, улица была пуста.

Билли взглянул на помещение «Джангл Лав-шоу». Возле эротических фотографий маячила чья-то фигура. Юноша решил подойти и узнать, не работает ли этот человек в «Джангл Лав-шоу». Но не успел он сделать несколько шагов, как незнакомец скрылся в темноте между трейлером «Джангл Лав» и лабиринтом «Безумная мышь».

Подойдя к доске, на которой были расклеены фотографии, Билли увидел, что изображение блондинки, взбудоражившей его воображение, исчезло.

31

— Лучше езжай помедленней, — сказала Элен Биттс. — Уэйну это не нравится.

Сидевший за рулем красного, как пожарная машина, «камаро», Терри Дозье увидел, что стрелка спидометра вскарабкалась до отметки «шестьдесят пять». В свете автомобильных фар шоссе казалось желтым тоннелем, прорезающим ночной мрак. Терри улыбался, его глаза коварно светились. Никто, даже его подруга Элен, не знал, что любимым занятием Терри Дозье было вышибание мозгов у бездомных кошек.

Уэйн дремал на заднем сиденье, положив ноги на полупустой ящик с Библиями «Крестового похода Фальконера». Последнюю дюжину ящиков ему помогли распространить Терри и Элен. Жители округа Файет, которые пожертвовали сотню долларов на издание «Байбл Баунти Уик», получили в подарок Библию и посещение маленького Уэйна Фальконера. На это утомительное занятие пришлось потратить весь день, а кроме того, Уэйн попутно излечивал целые семьи. Он излечивал их от всего: начиная болезнями внутреннего уха и кончая пристрастием к никотину. Его беспокойный сон посетили два повторяющихся видения: одно про огненную змею, борющуюся с орлом из дыма, второе — про Крикморов, стоящих в приемной госпиталя. Взгляд женщины проник в его душу, а губы медленно произнесли: «Ты понимаешь, что делаешь, сынок?»

Уэйн боялся, что на него наложено какое-то заклятие, — он не мог заставить себя забыть о Рамоне Крикмор и ее сыне. «Они использовали против меня огромную мощь, — думал он, — чтобы столкнуть меня с прямого, праведного пути». За последнее время Уэйн прочитал множество книг и статей об одержимости демонами и о демонах, которые настолько сильны, что вселяются даже в неодушевленные предметы. Ничто не пугало его больше, чем демоны. К счастью, часовые бдения в домашней часовне на время облегчили его состояние.

Уэйн очнулся от сна и увидел волосы Элен, развевающиеся на ветру. Элен Биттс и Терри учились в колледже на стипен-

дию «Крестового похода Фальконера». «Элен симпатичная девушка, — размышлял Уэйн. — Ее волосы пахнут мятой». Неожиданно он с ужасом обнаружил, что у него началась эрекция, и постарался изгнать из головы мысль о греховном сексе. Иногда в его воображении прыгали обнаженные девушки, приглашая его раздеться и присоединиться к ним. «Прекрати!» — говорил себе Уэйн и крепко зажмуривался. Однако, погружаясь в сон, он думал: «Держу пари, Элен и Терри делают это, делают это, делают это...»

— Куда мы едем? — нервным шепотом спросила Элен. — Ты проехал поворот!

— Я знаю, малышка. Не беспокойся, все путем.

— Скажи мне, Терри!

— У Стива Дикерсона вечеринка. Мы приглашены, ты забыла?

— Да... конечно, но... эта компания не подходит Уэйну. Я имею в виду... что он никогда не общался с ребятами, не посещающими колледж.

— Ну и что? Это пойдет на пользу старине Уэйну. — Терри ущипнул ее за бедро, и девушка любя шлепнула его по руке. — А если кто-нибудь нажрется, то Уэйн одним прикосновением руки изгонит из него де-е-е-емона ал-ко-го-ля! — Он хихикнул, а Элен посмотрела на него с ужасом. — Погоди, Биттс! Ты же не веришь во всю эту чепуху насчет исцеления?

Элен побледнела и обернулась. Уэйн все еще спал. Она с облегчением подумала, что, к счастью, сегодня нет грозы: попасть под удар молнии было бы не совсем приятно.

Дикерсоны жили в двухэтажном доме, стоящем на берегу шестиакрового озера. Почти все пространство перед парадным входом занимал большой изумрудно-зеленый луг, влажно поблескивающий в тех местах, где на него падали прямоугольники света из окон. Терри тихонько свистнул, увидев длинную вереницу новеньких автомобилей, припаркованных у обочины.

Он заглушил двигатель и подмигнул Элен.

— Уэйн! Мы приехали.

— А? Мы дома?

— Ну... не совсем. Мы у дома Дикерсонов.

Уэйн потер заспанные глаза.

— А теперь, чтобы у тебя не было вопросов, — объяснил Терри, — здесь идет вечеринка. Предки Стива уехали на уик-энд, поэтому он всех и пригласил. Я думаю, мы можем отлично...

— Но... — Уэйн посмотрел на дом, — Стив Дикерсон не СПАСЕН.

— Элен и я сегодня уработались, так? Если бы мы отвезли тебя домой, а затем вернулись, было бы уже слишком поздно. Так почему не заехать сюда сразу, хотя бы для того, чтобы просто пообщаться?

— Я не знаю. Папа ждет меня дома к...

— Не беспокойся об этом, — махнул рукой Терри и вылез из машины. Элен злилась на него за то, что он притащил Уэйна на эту вечеринку. Она знала, что здесь будут скандалисты из Индиан-хиллз, те самые, к которым относился и Терри до своего Спасения. Иногда она думала, что Спасение стерло Терри, как старую краску.

Уэйн неохотно двинулся вслед за ними по выложенной плитами дорожке. Из дома неслась громкая музыка.

— Уэйн, это будет очень здорово, — нервно сказала Элен. — Я уверена, на вечеринке найдется достаточно девушек, желающих познакомиться с тобой.

Сердце Уэйна гулко забилось.

— Девушек?

— Да. — Терри позвонил в дверь. — Девушек. Ты знаешь, что это такое, а?

Дверь открылась, и на них обрушился шум и гам вечеринки. В дверях стоял Хэл Бейкер, обнимающий за талию худую блондинку, которая была уже здорово пьяна.

— Где вы шлялись, Терри?! — приветствовал их Хэл. — Заходите! Старина Стив где-то здесь, поблизо... — Взгляд Хэла упал на Уэйна, и его лицо вытянулось. — Это... маленький Фалькопер?

— Ну, — сдавленно засмеялся Терри, — конечно, он. Не беспокойся, мы приехали не для того, чтобы остановить все это мероприятие.

Терри и Элен прошли в холл, а Уэйн задержался на пороге. Внутри раздавалась громоподобная музыка и смех. Соски блондинки просвечивали сквозь фиолетовую блузку. Она улыбалась Уэйну.

— Ну, ты идешь? — спросил Терри.

— Нет... думаю, мне лучше...

— Что случилось, приятель? — спросила Уэйна девушка, на лице которой появилась лисья улыбка. — Ты боишься больших непристойных вечеринок?

— Нет, не боюсь. — И не успев осознать, что делает, Уэйн шагнул вперед. Хэл Бейкер закрыл за ним дверь. В холле гремел голос Эмбоя Дюка, певшего «Путешествие к центру сознания». «Греховная наркотическая музыка», — думал Уэйн, пробираясь вслед за Терри и Элен сквозь толпу незнакомых людей. Они пили, курили и скакали по всему дому, как обезьяны. Спина Уэйна стала прямой и жесткой, как сосновая доска. Он чувствовал себя так, будто оказался на другой планете. Запах жженой веревки обжег его ноздри, а какой-то парень прошел мимо со стаканом вонючего спиртного напитка.

Терри вложил в руку Уэйна бумажный стаканчик.

— Держи. Не бойся, это просто «Севен-Ап».

Уэйн отхлебнул. Это был действительно «Севен-Ап», но он уже выдохся и пах так, будто его наливали из старого башмака. В доме было жарко и дымно, как в Гадесе, и Уэйн принялся сосать лед из своего стаканчика.

— Мы тебя ненадолго оставим, — сказал ему Терри и потянул Элен в толпу. Он не осмелился сказать ей, что разбавил напиток Уэйна джином.

Уэйн никогда еще не был на подобной вечеринке. Он бродил по дому, содрогаясь от отвращения и в то же время восхищаясь. Он увидел множество симпатичных девушек в обтягивающих шортах, и одна из них улыбнулась ему. Уэйн вспыхнул и поспешил удалиться, обеспокоенный шевелением в брюках. Во внутреннем дворике, выходящем на темное тихое озеро, гости танцевали под рев стереосистемы. «Танцы! — подумал Уэйн. — Это приглашение к греху!» Однако он как завороженный смотрел, как трутся друг о друга пригвожденные к одному

месту тела. Это напоминало языческое буйство. Запах жженой веревки продолжал преследовать Уэйна, и он заметил компанию, курящую самокрутки. Его глаза начали слезиться. На другой стороне заднего двора он увидел Терри, разговаривающего с длинноволосой девушкой. Уэйн попытался привлечь внимание Терри, поскольку в голове у него зашумело и он почувствовал, что пора домой; однако Терри и Элен стали танцевать под музыку «Степпенвульф», и Уэйн направился к берегу озера, подальше от всего этого шума.

Вечеринка напоминала ему нервный срыв.

Он чуть было не споткнулся о пару переплетенных тел, лежащую на земле. Мелькнули обнаженные груди, Уэйн извинился и двинулся дальше, сопровождаемый неразборчивыми проклятиями. Отойдя подальше, юноша уселся на берегу возле двух привязанных каноэ и снова принялся сосать лед. Он жалел, что переступил порог этого дома.

— Ты совсем один? — раздался чей-то голос. Девичий голос с сильным акцентом. Так говорили те, кто живет по другую сторону холмов.

Уэйн поднял голову. Он не видел лица, но заметил пышные волосы и решил, что это та самая девушка, с которой разговаривал Терри. Незнакомка была одета в крестьянскую блузу с низким вырезом и брюки-колокольчики, завернутые так, будто она собиралась зайти в воду.

— Хотите, составлю компанию?

— Нет, благодарю вас.

Девушка отхлебнула пиво из банки.

— Эта вечеринка трахнутая. Дикерсон подмешал в пунш кислоту. Чтобы он лучше трахнул по мозгам, каково?

Уэйн дернулся, когда девушка первый раз произнесла это ужасное слово; но повторное употребление вызвало у него приятное ощущение внутри живота. Он понял, что незнакомка относится как раз к таким, которые делают это.

— Представьте, что я слепая. — Девушка присела на корточки перед Уэйном и провела ладонью по его лицу. Уэйн отшатнулся — от красотки сильно пахло пивом. — Смотрите, я

слепая и пытаюсь выяснить, как вы выглядите. Вы ходите в Индиан-хилльз?

— Я уже окончил школу. — Сквозь запах пива пробивался сильный, мускусный, запретный аромат женщины. Уэйн приказывал себе встать и вернуться в автомобиль, но не мог двинуться с места.

— Меня зовут Лонни, а вас?

— Уэйн.

Он почти что сказал «Фальконер», но фамилия застыла на его губах. Он немного подвинулся, надеясь, что девушка не заметит его разбухшего пениса. «Скажи ей, кто ты, — говорил он себе, — и она сразу же оставит тебя одного!»

— Вы знаете Рэнди Лича? Мы разошлись с ним вчера. Сукин сын собирается в Сэмфордский университет в Бирмингеме и говорит, что будет назначать свидания другим девушкам. Дерьмо! — Лонни снова отпила из банки и предложила пиво Уэйну, но тот отрицательно покачал головой. — Я потратила целое лето на этого ублюдка!

— Сочувствую.

— Да, такова жизнь. — Девушка взглянула на Уэйна и улыбнулась. — Эй, что случилось? Ты выглядишь таким испуганным, словно шлюха в церкви!

«Ересь и святотатство!» — подумал Уэйн. Он взглянул на Лонни, но в темноте увидел только бледный овал лица. Он не мог сказать, симпатичная она или нет, но он точно знал, что Лонни была потерянной грешницей.

— Ты СПАСЕНА, девушка? — спросил он ее.

Последовала пауза. Затем Лонни громко рассмеялась.

— Ох! А я уж подумала, ты серьезно! У тебя был голос, как у моей чертовой мамочки, которая вечно бегает за мной, пытаясь затащить в церковь! Ты богат?

— Богат? — эхом откликнулся Уэйн. — Я... думаю, да, — ответил он правдиво.

— Я догадывалась. А знаешь почему? Потому что в тебе есть что-то пискливо-чистенькое. И ты не пьешь пива, потому что для тебя это бурда. В какой ты ходишь колледж?

— В Теннесси. — Не говорить же ей, что это Юго-восточный библейский колледж!

Уэйн заметил, что девушка пристально разглядывает его.

— Ты милый, — нежно сказала она. — С кем ты приехал?

— С Терри Дозье и Элен Биттс.

— Не знаю их.

Она села рядом и стала смотреть на озеро. Уэйн почувствовал тепло ее тела и опять беспокойно заерзал. В его мозгу крутились гадкие картины, и он чувствовал, что находится на краю грехопадения.

— Я встречалась со многими парнями, — помолчав, продолжила Лонни. — И каждый парень, с которым я гуляла, хотел заняться со мной сексом.

«Иезавель!» — промелькнуло в голове у Уэйна.

— Конечно, у меня красивое тело и все такое. Я участвовала в конкурсе на звание «Мисс старшеклассница Файета» в прошлом году и больше всего очков набрала тогда, когда девушки выходили на сцену в купальниках. Однако создается впечатление, что все пытаются воспользоваться мной. Интересно почему?

— Я не знаю, — произнес Уэйн хриплым голосом. Из темного уголка сознания выплыла непристойная мысль: «Она хочет сделать это с тобой и говорит сексуальные слова».

Прежде чем Уэйн успел отодвинуться, Лонни наклонилась к нему и прошептала на ухо:

— Почему бы нам не прокатиться на одном из этих каноэ?

— Я не могу. Я... На мне дорогая одежда.

Она хихикнула и потянула его за брюки.

— Ну так сними ее!

— Тебе лучше вернуться на вечеринку. Тебя там кто-нибудь ищет.

— Ищет меня? Ха! Рэнди уже ушел с какой-нибудь шлюшкой! Пошли, милый, поплаваем на каноэ. Хорошо? Ты так напрягся, что случилось? Маленькая Лонни нервирует тебя?

Девушка взяла его за руку и стала тянуть, пока Уэйн не поднялся на ноги, а затем потащила его к ближайшему каноэ.

Голова Уэйна кружилась, пульсируя в такт рок-музыке, доносившейся с заднего двора. Вода в озере мягко плескалась о берег.

— Я не вижу весел.

Лонни забралась в каноэ и внимательно его осмотрела.

— Вот оно. — Девушка подняла весло. — Только одно, правда, но грести можно. — Она уселась. — Чего ты ждешь, милый?

— Я... сомневаюсь, что нам следует плыть в темноте.

— Я доверяю тебе, — ответила Лонни нежно и призывно.

Уэйн оглянулся на дом, где танцевали гости. Его охватило странное чувство изолированности, чувство, что что-то не так. Он хотел понять, что именно его тревожит, но мысли ускользали. Может быть, неправильно, что он человек?

— Поплыли, милый, — прошептала девушка.

Уэйн оттолкнул каноэ от берега и прыгнул в него, едва не свалившись в воду. Лонни засмеялась. Затем каноэ заскользило по темной поверхности озера прочь от шума вечеринки.

— Видишь? — спросила Лонни. — Разве это не прекрасно?

Уэйн услышал, как под каноэ журчит вода. Его дорогие туфли пришли в негодность, поскольку, прыгая, он зачерпнул ими воду. Взошел месяц, и его янтарный серп был так близок, что казалось, вот-вот перережет горло. С берега раздавалось квакание лягушек, ночь еще сильнее сгустилась вокруг.

Лонни издала глубокий сексуальный вздох, и Уэйн подумал, что его голова сейчас расколется, как яичная скорлупа.

— В тебе есть что-то ужасно знакомое, — сказала девушка. — Голос, по-моему. Где я могла его слышать?

— Не знаю.

Музыка превратилась в отдаленное бормотание, а дом Дикерсона — в светлое пятно на берегу.

Впереди мелькнула какая-то тень.

— Что это? — спросил Уэйн, и в следующий момент каноэ уткнулось в прямоугольную деревянную платформу для ныряния. Он вынул весло из воды и положил себе на колени. Сердце глухо стучало, и голос Лонни стал для него настоящим бальзамом.

— Давай отдохнем здесь немного.

Уэйн чуть не рассмеялся. Отдохнем? О, грешница Иезавель! Она хочет его, он знал это. Она хочет раздеться и сделать это.

— Если ты настаиваешь, — услышал он собственный голос, звучащий как бы со стороны.

Уэйн нащупал веревку, свешивающуюся с платформы, и привязал к ней каноэ. Когда он помогал Лонни подняться на платформу, девушка прижалась к нему, и он почувствовал ее соски. Сердце Уэйна громко забилось, а голова раскалилась так, что он не мог думать ни о чем другом.

— Я замерзла, — прошептала она. — Пожалуйста, обними меня, я замерзла.

Уэйн обнял ее и понял, что на самом деле дрожит он сам.

Лонни завалила его на платформу. Вокруг хихикали волны, в воздухе висел запах водорослей. Дамба, сдерживающая желания внутри Уэйна, затрещала по швам — она хочет это, и вокруг никого, никто не узнает! — и он с участившимся дыханием принялся ощупывать ее одежду. Его руки блуждали по телу девушки, а она придвигалась к нему все ближе и ближе, подгоняя призывным шепотом. Ее блузка распахнулась. Уэйн немного повозился с лифчиком, и в его руках оказались ее мягкие груди. Лонни прижалась к нему всем телом, и его пенис налился теплом. Она потерлась о его промежность и принялась расстегивать ремень, кусая его за шею. Его брюки стали опускаться.

— Быстрее, — шептала она. — Быстрее, быстрее, пожалуйста...

Когда вниз сползли его трусы, Лонни взяла его пенис в руку.

В этот момент в голове Уэйна раздался голос отца, словно плетью ударивший его по спине: «Грешник! Ты лег с Иезавелью!»

От возбуждения у него закружилась голова. Сознание разрывалось между тем, что он хочет, и тем, что он не должен делать. Лонни сжала его пенис, и Уэйн открыл глаза.

Он увидел зверя, дикого вепря, красноглазого и усмехающегося.

Уэйн попытался оттолкнуть его, но в следующее мгновение видение исчезло, и перед ним снова была Лонни, темноволосая Лонни, безлицая Лонни.

«Грешник! Ты лег с Иезавелью!»

— Нет! — крикнула Лонни. — Сделай его снова большим! Сделай его большим!

— Я... не могу... Я...

Он попытался сконцентрироваться, но в голове словно труба Судного дня звучал голос отца: «Грешник! Ты будешь гореть в Аду из-за этой шлюхи! Тебя обдурил Сатана!»

— Сделай его большим! — говорила Лонни с нотками обиды в голосе. Она держала пенис Уэйна, как маленькую веточку. — Давай, неужели ты не можешь его поднять?

Спустя минуту или две она села на край платформы, чтобы надеть лифчик и блузку.

— Извини, — сказал Уэйн, лихорадочно натягивая брюки. Он чувствовал грязь от прикосновения Иезавели, но безнравственные мысли и желания все еще бродили в его голове. — В следующий раз. Просто... я не могу сейчас. Хорошо?

— Забудь. Мне нужен мужчина, а не маленький мальчик, у которого даже не может встать. Давай-ка отвези меня на берег!

Ее голос показался Уэйну безобразным.

— Я... ты не расскажешь никому об этом, да?

— Что с тобой? Ты педик?

— Нет! Пожалуйста... не рассказывай никому, хорошо?

Лонни застегнула блузку. Уэйн увидел, что она в раздумье наклонила голову набок, а затем медленно повернулась к нему.

— Почему? Над этим можно хорошо посмеяться.

— В тебе Сатана, — прошептал Уэйн. — Сатана.

— Что? — Ему показалось, что девушка улыбнулась.

— Ты — Иезавель, грязная грешница, и... О Боже, я не должен был приезжать сюда!

— Теперь я знаю, где я слышала твой голос! — торжествующе заявила Лонни, и Уэйн съежился. — Мамаша заставила меня слушать эту крестовопоходовскую муть по радио! Ты... Вот это да! Ты же целитель, верно? — Она задохнулась от сме-

ха. — Точно! Ты маленький Уэйн Фальконер! Ого, все от смеха надорвут жи...

— Нет. — Уэйн проговорил это так, что девушка умолкла. — Ты никому ничего не скажешь!

— Да кто ты такой? Отвези меня или я закричу!

Он должен дать ей понять! Он должен доказать ей, что он праведный юноша!

Лонни внезапно повернулась в сторону к берегу и закричала:

— ПОМОГИТЕ!

— Заткнись! — прошипел Уэйн и толкнул ее. Девушка вскочила на ноги.

— ПОМОГИТЕ! — снова крикнула она, и ее голос эхом пронесся над водой.

Уэйн взорвался. Он толкнул ее изо всех сил, и Лонни, оступившись на скользком, поросшем водорослями краю платформы, упала на спину, размахивая руками. Когда ее голова ударилась об угол платформы, раздался ужасный треск.

Девушка скатилась в озеро, и темная вода сомкнулась над ее головой.

Уэйн сейчас же кинулся вперед, чтобы подхватить ее, но Лонни нигде не было видно. Со дна озера поднимались пузыри и запах болотной тины. Уэйн наклонился и в панике пошарил руками под водой. Затем перебежал на другую сторону платформы, взял из каноэ весло и попытался нащупать им дно. Он посмотрел на берега, пытаясь понять, надо ли звать на помощь. «Нет! — подумал он. — С ней все в порядке! Она легонько ударилась и всплывет через несколько секунд!»

— Лонни! — прошептал он. — Где ты? Отзовись!

Темные волны вздыхали вокруг платформы. Уэйн снова сунул руку под воду... и нащупал волосы. Он дернул их вверх. Это был кусок гнилого дерева, обросший зелеными водорослями.

Уэйн хотел прыгнуть в воду и поискать девушку, но решил, что, если вернется мокрым, все на вечеринке узнают о его похождениях. Возможно, Лонни уже доплыла до берега.

— Лонни! — позвал он немного громче. Ему ответили только кузнечики и лягушки.

Уэйн заплакал и начал молиться так, как никогда еще не молился. Тихий голос в его мозгу шептал: «Это была Иезавель, грязная грешница, она получила то, что заслуживает!» Он долго сидел на платформе, трясясь и качая головой.

Спустя час Терри и Элен нашли Уэйна на заднем сиденье «камаро». Его лицо было бледным как мел. «Это от джина», — подумал Терри.

— Где ты был? — спросил Терри, садясь за руль. — Мы искали тебя.

Улыбка сделала лицо Уэйна похожим на череп.

— Просто гулял вокруг. Музыка была слишком громкая.

— Ты познакомился с какой-нибудь симпатичной девушкой?

— Нет.

— Прекрасная вечеринка, правда? — Терри завел двигатель. — Слушай, Уэйн, поскольку я получаю эту стипендию, ты... э-э-э... ничего не расскажешь своему отцу? Учти, я не пил и не курил.

— Нет, не расскажу.

— Вот и прекрасно. — Терри подмигнул Элен. — Это будет нашим маленьким секретом, договорились?

— Да, — согласился Уэйн.

32

Было уже одиннадцать, и Уэйн опаздывал домой. Джимми Джед Фальконер в халате и тапочках, стоя на террасе, вглядывался в темноту.

Он не стал будить Кемми, чтобы жена не беспокоилась зря. Его живот под халатом напоминал барабан, однако желудок продолжал урчать, требуя пищи. «Куда мальчик может запропаститься в такой поздний час?» — гадал проповедник. Он постоял на террасе еще несколько минут, а затем прошел в кухню.

Фальконер открыл холодильник и вытащил кусок черничного пирога, который Эстер, кухарка, приготовила сегодня

днем. Налив себе стакан холодного молока, он начал жадно жевать.

Лето почти закончилось. Что это было за восхитительное лето! «Крестовый поход» провел палаточные проповеди в Алабаме, Миссисипи и Луизиане — в больших городах и в мелких городишках, — а в следующем году он доберется и до Техаса, и до Арканзаса. Были куплены хилая радиостанция Файета и издательская компания в Южной Каролине — первый номер «Форварда», журнала «Крестового похода», выйдет в октябре. За лето Уэйн излечил несколько тысяч человек: мальчик стал настоящим оратором и держался на сцене так, словно родился артистом. Когда Уэйн заканчивал свою часть программы с исцелением, тарелки для пожертвования приходили полными до краев. Уэйн был хорошим парнем, но в нем имелась и жилка упрямства. Например, он упорно стремился на летное поле, где стоял его «Бичкрафт Бонанза», и летал на нем без инструктора, выделывая в воздухе сумасшедшие петли и «бочки». Такие шутки пугали Фальконера до смерти: а что, если самолет потерпит аварию? Уэйн был хорошим пилотом, но любил рисковать и, похоже, наслаждался опасностью.

Фальконер отхлебнул молока и проглотил кусок пирога. Да, господа! Это было великолепное лето!

Неожиданно он почувствовал, что левая рука немеет. Странно, в кухне было жарко: он даже начал потеть.

«Понимаешь ли ты, что делаешь, сынок?»

Фальконер замер с очередным куском пирога во рту. Он много раз вспоминал Майскую ночь и вопрос, который готорнская ведьма поставила перед Уэйном. Этот вопрос всплывал в голове, когда Фальконер наблюдал за лицами больных, стоящих в очереди Исцеления и с надеждой протягивающих Уэйну трясущиеся руки. Внезапно черничный пирог приобрел вкус угля. Фальконер бросил вилку и дотронулся до груди в том месте, где ее пронзила острая игла боли. «Вот все и кончилось. Боль ушла. Хорошо», — уговаривал он себя.

Однако его мысли оставались в запретной зоне. Что, если... Что, если... женщина-колдунья была права? Он знал, что сила Уэйна идет на убыль, поэтому никогда не просил сына выле-

чить его сердце. А что, если Уэйн понимает это и продолжает играть свою роль только потому... потому, что он способный ученик и хороший артист?

«Нет! — подумал Фальконер. — Уэйн вылечил Тоби. И есть тысячи писем с благодарностями от людей, которые излечились от одного прикосновения Уэйна или его присутствия!»

Проповедник припомнил письмо, полученное давным-давно, примерно через неделю после палаточной проповеди в Готорне. Оно пришло от женщины по фамилии Пози, и Фальконер порвал его сразу же после того, как прочитал:

Дорогой преп. Фальконер, хотим сообщить вам, что Иисус забрал нашего сына Джимми. Ваш мальчик излечил его на проповеди в Готорне, но у Иисуса, видимо, были свои планы по поводу нашего Джимми. Я заплатила за свой ужасный грех — продажу нашего второго малыша мистеру Тиллману. Да будет Господь с вами и всеми вашими учениками. Искренне ваша Лаура Пози.

Фальконер сделал все возможное, чтобы Уэйн не увидел ни этого письма, ни нескольких дюжин аналогичных, полученных «Крестовым походом». Нет, будет лучше, если мальчик никогда не начнет сомневаться в себе.

С трудом поднявшись из-за стола, Фальконер прошел в кабинет и уселся в кресло-качалку. Вставленный в рамку плакат «Крестового похода Фальконера», на котором он выглядел моложе, смелее и сильнее, освещался специальной подсветкой.

Неожиданно грудь проповедника пронзила острая боль. Он хотел встать и подняться наверх, в спальню, но тело отказывалось повиноваться. Может быть, нужно принять лекарство? Его мучила мысль о Рамоне Крикмор, смотревшей на Уэйна и понимающей, что все это ложь; у нее глаза Сатаны, а этот ее парень просто ходячая Смерть. До встречи с ними у Фальконера никогда не болело сердце.

«Понимаешь ли ты, что делаешь, сынок?»

«ДА, ОН ПОНИМАЕТ! — гневно подумал Фальконер. — ОН ПОНИМАЕТ, ТЫ, СУЧЬЕ ОТРОДЬЕ САТАНЫ!»

Когда Уэйн вернется домой, Фальконер расскажет ему, как он выгонит Крикморов из Готорна, выгонит, как собак, и отправит подальше, туда, где их злая воля будет бессильна. Боль в сердце то уменьшалась, то нарастала, скручивая ребра.

— Кемми! — простонал Фальконер. — Кемми!

«Вышвырнем их! — думал он. — Вышвырнем их!»

— Кемми!

Его руки вцепились в подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. Боль ударила снова, и сердце беспомощно затрепыхалось в груди. Голова Фальконера запрокинулась назад, а лицо приобрело глубокий красно-синий цвет.

В дверях, не в силах двинуться с места, застыла Кемми.

— Сердце... — прохрипел Фальконер. — Позови... кого-нибудь...

Кемми вышла из ступора и подбежала к телефону. Она слышала, как муж позвал Уэйна, а затем, будто в кошмарном сне, начал бормотать — или это ей только послышалось:

— Крикмор... вышвырнем их... о Боже, вышвырнем их...

33

Дорогие мама и папа!

Привет, я надеюсь, с вами все в порядке и вы чувствуете себя хорошо. Я пишу вам из Дотана, где карнавал остановился на ярмарочной площади. Мы будем здесь до первого сентября, а затем отправимся на неделю в Монтгомери. Доктор Чудо говорит, что наши дела неплохи, и рассчитывает попасть в Бирмингем в начале октября.

Папа, стал ли ты читать еще лучше? Пару дней назад я видел тебя во сне. Мы с тобой гуляли вдоль шоссе, как обычно, а все кричали нам «привет!» и махали руками. По-видимому, это было в апреле, поскольку на деревьях набухли свежие почки, а небо сияло апрельской голубизной, которая сохраняется до наступления жары. Во всяком случае, мы отправились погулять, и ты выглядел, как новенькая скрипка. Было очень приятно услышать

твой смех, хотя бы и во сне. Может, это означает, что ты скоро поправишься, как ты думаешь?

Мама, если ты читаешь это письмо отцу вслух, пропусти следующую часть. Это только для тебя. Две недели назад к карнавалу присоединился новый аттракцион под названием «Спрут». Его владельца зовут Бак Эджерс, и он кочует вместе с карнавалами уже четыре года. Сезонные рабочие рассказывали мне, что на «Спруте» как-то раз произошел несчастный случай. Маленькая девочка и ее отец погибли, когда гондола — часть карусели, в которой сидишь и крутишься, — оторвалась. На ярмарке во Флориде из той же самой гондолы во время вращения выпал подросток. Я не знаю, погиб ли он, но два года назад в Хантсвилле у одного мужчины во время катания на «Спруте» случился сердечный приступ. В результате для того, чтобы местный инспектор по технике безопасности дал разрешение на эксплуатацию «Спрута», мистеру Эджерсу пришлось сменить фамилию, однако, похоже, инспектора всегда пропускают «Спрут», так как не могут найти в аттракционе ничего опасного. Мистер Эджерс работает круглые сутки, ремонтируя свое детище. Создается впечатление, что он не может оставить карусель без надзора даже ночью. Но если его спрашиваешь, над чем он трудится или как он ухитряется поддерживать «Спрут» столько лет в хорошем состоянии, его взгляд чуть не рассекает тебя пополам.

Мама, с этой каруселью что-то не то. Когда я говорю об этом окружающим, они смеются, однако я чувствую: многие сторонятся «Спрута». Не далее как вчера, когда мы устраивались на новом месте, один из рабочих, помогавших мистеру Эджерсу устанавливать аттракцион, разбил себе ногу какой-то деталью. Мне кажется, он сделал это нарочно. Потом у нас случилось несколько драк, чего ни разу не было до того, как к нам присоединился «Спрут». Люди нервничают и все время нарываются на неприятности. Рабочий по фамилии Чалки исчез незадолго до того, как мы покинули Андалузию, а пару дней спустя мистеру Райдеру позвонили из полиции и сказали, что тело Чалки обнаружили в поле, неподалеку от того места, где стоял карнавал. Шея несчастного была сломана, но каким образом, полиция

не установила. Кроме того, в воздухе витает страх. Я тоже боюсь «Спрута», возможно, даже больше других, потому что чувствую: ему нравится вкус крови. Но не знаю, что делать.

Мы с доктором Чудо часто беседуем после шоу ночи напролет. Я уже писал, что он хотел стать зубным врачом? А о машине, которую изобрел Томас Эдисон для общения с духами? Эдисон сделал наброски, но умер прежде, чем успел ее построить. Доктор Чудо говорит, что никто не понял, куда делись все чертежи. Доктор Чудо довольно часто пьет, а когда выпьет, обожает поговорить. Как-то раз он сказал мне одну интересную вещь: оказывается, существуют специальные институты, где ученые изучают нечто, называемое парапсихологией. Эта наука занимается мозгом, душой и телом человека. Я никогда не рассказывал доктору Чудо о Вилле Букере, лесопилке и черной ауре. Я никогда не рассказывал ему про бабулю и Неисповедимый Путь. А он явно хочет узнать обо мне побольше, хотя никогда не спрашивает напрямую.

Ну а теперь мне нужно идти спать. Доктор Чудо хороший человек, и он прав в одном: карнавал должен быть у тебя в крови.

Я уверен, что вам пригодятся эти тридцать пять долларов. Напишу еще, когда будет время. Люблю вас обоих.

Билли.

34

Уэйн Фальконер сидел вместе с матерью на заднем сиденье черного «кадиллака». Они направлялись в Катклиффский паникидный дом, расположенный в деловой части Файета. Джимми Джед Фальконер скончался два дня назад, и сегодня утром его должны были хоронить.

Кемми рыдала все утро и никак не могла остановиться. Ее глаза покраснели, нос распух, а лицо раздулось и покрылось пятнами. У Уэйна ее вид вызывал отвращение. Лучше бы мать держала себя достойно, как это пытается делать он. Уэйн был одет в легкий черный костюм и черный галстук с красными

крапинками. Прошлой ночью, когда Кемми, приняв лекарства, наконец заснула, он взял ножницы и разрезал рубашку и брюки, испачканные в тине, на тонкие полосы, которые без всякого труда сжег в бочке для мусора за амбаром. Улики исчезли вместе с дымом.

Уэйн вздрогнул, когда мать снова зарыдала. Она сжала его руку, но он осторожно высвободился. Уэйн презирал мать за то, что она слишком поздно вызвала «скорую помощь», презирал за то, что она не сказала ему про болезнь отца. Он видел в госпитале лицо покойника: синее, как иней.

Последним словом, которое Фальконер произнес, прежде чем погрузиться в глубокий вечный сон, была фамилия. Кемми долго ломала голову, стараясь понять, что он имел в виду, но Уэйн уже догадался. Эту ужасную ночь готовили во мраке демоны; они, улыбаясь и хихикая, плели сеть вокруг Уэйна и его отца. Один появился в образе безликой девушки, чье тело — если, конечно, Лонни вообще существовала во плоти и крови — до сих пор покоится на дне озера. На следующий день Уэйн просмотрел все газеты, но не нашел никаких упоминаний об утопленниках. Вчера ему звонил Дозье, чтобы принести соболезнования, но и он ничего не сказал о пропавшей девушке. Уэйн лихорадочно думал о том, существовала ли вообще эта Лонни... или же ее тело зацепилось за подводный камень... а может быть, смерть отца затмила смерть этой бедной девушки.

Второй демон явился, чтобы похитить сердце отца; он был послан готорнской ведьмой в отместку за то, что его отец собрал несколько готорнских жителей и велел им испугать Крикморов так, чтобы они убрались из округа. «Это будет на благо общества, — вспомнил Уэйн речь отца, которую он произнес перед мужчинами, чьи лица омывались пламенем свечей. — Если вы освободите Готорн от этой скверны, Господь наградит вас». Уэйну тогда казалось, что в дальнем углу темной комнаты он заметил какое-то движение. На мгновение — только на мгновение — он увидел дикого вепря, стоящего на задних ногах, высотой более семи футов. Но когда юноша пристальнее вгляделся в тот угол, существо исчезло. Теперь Уэйн понял, что

это был Сатана, шпионивший по просьбе женщины-колдуньи и ее сына.

Долги всегда нужно отдавать. Руки Уэйна на коленях сжались в кулаки.

Генри Брегг и Джордж Ходжес сказали ему вчера, что «Крестовый поход», Фонд Фальконера, радиостанция, журнал, земельные участки в Джорджии и Флориде, акции и облигации, трейлер и все дорожное оборудование теперь принадлежат ему. Он провел все утро, подписывая бумаги, но прежде прочитывая каждую несколько раз, чтобы точно знать, к чему это приведет. Кемми получила ежемесячные отчисления с личного счета Джи-Джи, но все остальное имущество и ответственность за него переходили к Уэйну.

Злой голос, словно ветер в камышах, нашептывал ему: «Ты не справишься с этим...»

Когда лимузин подъехал к панихидному дому, его окружили репортеры и фотокорреспонденты. Уэйн начал помогать матери выходить из машины, и немедленно вокруг защелкали камеры, к счастью, Кемми хватило ума накинуть на лицо черную вуаль. Уэйн отмахивался от вопросов, когда навстречу им вышел Джордж Ходжес.

Внутри панихидного дома было очень холодно, тихо и пахло, как в цветочном магазине. Каблуки стучали по мраморному полу. Около мемориальной комнаты, где лежал Джимми Джед Фальконер, столпилось множество людей. Уэйн начал обходить их по очереди и благодарить за приход. Женщины из Женской баптистской лиги окружили Кемми и утешали ее. Высокий седовласый мужчина пожал руку Уэйна. Это был священник близлежащей епископальной церкви.

Уэйн выдавил из себя улыбку. Он знал, что этот мужчина считался врагом его отца — одним из тех, кто входил в коалицию священников, оспаривающих свободную трактовку Фальконером Евангелия. Фальконер завел несколько досье на священников, которые были против «Крестового похода», и Уэйн планировал пополнить их в самое ближайшее время.

Юноша подошел к матери.

— Ты готова войти внутрь, мама?

Кемми едва заметно кивнула, и Уэйн ввел ее через большие дубовые двери в комнату, где был выставлен гроб. Большинство собравшихся последовали за ними на почтительном расстоянии. Небольшой зал утопал в цветах; его стены украшали бледные фрески в голубых и зеленых тонах — поросшие травой холмы с пасущимися стадами, за которыми присматривали играющие на лирах пастухи. Из скрытых динамиков лилась органная музыка. Исполнялся «Старый тяжкий крест» — любимый гимн Дж.Дж. Фальконера. Блестящий дубовый гроб был обтянут белой материей.

Уэйн почувствовал, что не может больше находиться рядом с матерью. «Я не знал, что он болен! — мысленно кричал он. — А ты мне ничего не сказала! Я бы вылечил его, и он не лежал бы сейчас в этом доме!» Неожиданно он понял, что остался совсем один.

А шепчущий злобный голос все повторял: «Ты не потянешь это...»

Уэйн посмотрел на гроб. Еще три шага, и он заглянет в лицо Смерти. Юноша задрожал от страха, снова стал маленьким мальчиком, не знающим, что ему делать, когда все вокруг смотрят на него. Он закрыл глаза, оперся на край гроба и заглянул внутрь.

Он почти рассмеялся. «Это не мой отец! — подумал Уэйн. — Кто-то ошибся!» Труп, одетый в желтый костюм, белую рубашку и черный галстук, был так прекрасно убран, что напоминал манекен в витрине дорогого магазина. Волосы причесаны прядь к пряди, плоть розовела, словно живая. Губы были крепко сжаты, как будто покойный боялся выдать какой-то секрет. Ногти на скрещенных руках были наманикюрены. Уэйн подумал, что Дж.Дж. Фальконер отправляется на Небеса в виде гигантской куклы.

Последняя мысль пронзила его как молния. Отец умер, остался только маленький мальчик, играющий на сцене и мямлющий свои исцеляющие заклинания в ожидании озарения, которое посетило его, когда он держал на руках умирающую собаку. Он не готов остаться один, о Боже, он еще не готов, не готов...

Глаза Уэйна наполнились слезами — не слезами горя, а слезами бессильной ярости. Он дрожал и не мог остановиться.

— Уэйн, — позвал кто-то сзади.

Он резко повернулся ко всем этим людям, собравшимся здесь, чтобы поглазеть на чужое горе.

— УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА! — заорал он.

Наступила тишина. Кемми закрылась руками, словно ожидая удара.

Уэйн двинулся на толпу.

— Я ЖЕ СКАЗАЛ: УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА! — заорал он еще раз, и гости, наступая друг другу на ноги, покинули комнату.

— УБИРАЙТЕСЬ! — закричал он на замешкавшегося Джорджа Ходжеса и наконец остался в комнате наедине с трупом отца.

Уэйн прижал ладони к лицу и застонал; слезы текли сквозь пальцы. Он подошел к двери и запер ее.

Затем повернулся к гробу.

Это должно быть сделано. Да. Если он очень сильно захочет, он сделает это. Еще не поздно, поскольку отец еще не в земле! Он должен воскресить Дж.Дж. Фальконера, Величайшего Евангелиста Юга. Тогда все сомнения относительно его способностей разлетятся, как сечка на сильном ветру. Потом они с отцом объявят настоящую войну этим Крикморам и навсегда пошлют их гореть в Аду.

Да. Это должно быть сделано.

Кто-то подергал дверную ручку.

— Уэйн? — послышался мягкий голос. Затем: — Похоже, он заперся!

— Господи, дай мне силы сделать это, — прошептал Уэйн, заливаясь слезами. — Я знаю, я грешен, именно поэтому ты позволил демонам забрать моего отца. Но я не готов остаться один! Пожалуйста... если ты позволишь мне сделать только это, я никогда больше ни о чем тебя не попрошу.

Он застыл в ожидании электрического разряда, Голоса Господня, знака, знамения или еще чего-нибудь.

— ПОЖАЛУЙСТА!

Он подбежал к гробу и схватил отца за тощие твердые плечи.

— Вставай, папа! Давай покажем им, чего на самом деле стоит моя сила. Вставай сейчас же. Ты нужен мне, вставай...

Уэйн сжимал руки все сильнее и сильнее. Закрыв глаза, он попытался сконцентрироваться на своем желании. Но молния его не ударила, голубого сияния, исходящего из ладоней, не появилось.

— Вставай, папа, — прошептал Уэйн и, откинув голову назад, закричал: — Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ, ВСТАВАЙ И ИДИ!

— Уэ-э-эйн! — завыла за дверью Кемми. — Во имя Господа, не надо!..

— Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ СБРОСИТЬ ОКОВЫ СМЕРТИ! СЕЙЧАС ЖЕ! СЕЙЧАС ЖЕ!

Он трясся, как громоотвод на ветру, его пальцы крепко вцепились в желтую материю, а по лицу текли струйки пота и слез. Макияж цвета человеческого тела стал сползать со щек трупа, открывая бело-серую кожу. Уэйн почувствовал, что в глубине его души закипел вулкан, изрыгая дикие языки пламени. Он думал только о том, как оживить покоящееся в гробу тело, вернуть ему Жизнь.

Внезапно в его мозгу что-то взорвалось. Перед глазами возникла странная картина смертельной схватки орла и змеи. В голове Уэйна пульсировала черная боль, а из его левой ноздри на белую обивку гроба закапала кровь. Руки юноши начали зудеть, потом чесаться, потом гореть...

Труп Фальконера дернулся.

— Да! — закричал Уэйн. — ВСТАВАЙ!

Внезапно труп задрожал, как будто сквозь него пропустили высокое напряжение, он начал изгибаться, вытягиваться, лицевые мускулы покрылись рябью. Руки с идеальными ногтями начали ритмично сжиматься в кулаки.

В следующее мгновение веки, зашитые работниками морга тонкими нитками телесного цвета, распахнулись. Глаза, глубоко утонувшие в глазницах, были цвета серого мрамора. Губы растягивались, растягивались... и раскрылись, порвав белые швы. Во рту покойника виднелись куски материи, засунутые

туда, чтобы щеки казались полными. Голова задергалась словно в агонии, а тело затрепетало в руках Уэйна.

Кто-то дико забарабанил в дверь.

— УЭЙН! — закричал Джордж Ходжес. — ПРЕКРАТИ!

Но Уэйна переполняла праведная исцеляющая сила. Он должен был искупить грехи, вытянув Дж.Дж. Фальконера из темного места. Все, что ему оставалось, это еще немного сконцентрироваться. Еще чуть-чуть...

— Возвращайся, папа, — шептал Уэйн дергающемуся трупу. — Пожалуйста, возвращайся...

В измученном мозгу юноши возник образ мертвой лягушки, жесткой и пахнущей формалином, лежащей на столе в классе биологии. Ее ножные мышцы были соединены с маленькими электродами; когда включали ток, лягушка прыгала. Прыгала. Прыгала. «Прыгай, лягушка», — подумал Уэйн и разразился истеричным смехом. Труп Фальконера трепетал и дергался, руки хватали воздух. «Прыгай, лягушка, прыгай...»

— Уэйн! — закричала мать, находясь на грани истерики. — Он мертв, мертв, оставь его в покое!

И Уэйн с болезненной очевидностью осознал, что потерпел провал. Все, что он делал, просто заставляло лягушку прыгать. Отец умер.

— Нет, — прошептал он. Голова Фальконера повернулась набок, рот раскрылся еще шире.

Уэйн расцепил пальцы и отступил назад. В тот же момент труп, лязгнув зубами, затих.

— Уэйн?

— Отопри дверь!

— Пусти нас, сынок, дай нам поговорить с тобой!

Уэйн заметил капельки крови на мраморном полу и тупо вытер нос рукавом. Все кончено, он проиграл. В единственном, о чем он просил, заветном желании, ему отказано. И почему? Потому что он лишился милости Господа. Ну что ж, пусть Крикморы торжествуют. Уэйн потрогал гудящую голову окровавленными руками и уставился на овечек и пастушков на противоположной стене.

За дверью мемориальной комнаты Кемми Фальконер и собравшиеся проститься с евангелистом услышали ужасный грохот. «Было впечатление, — скажет потом своей жене методистский священник, — что в комнату ворвалась сотня беснующихся демонов». Только когда шум затих, Джордж Ходжес и еще двое мужчин осмелились взломать дверь. Они нашли Уэйна съежившимся в углу комнаты. Вазы с цветами были разбиты о стены, с которых слетели все фрески. На полу стояли лужи воды. Труп выглядел так, будто Уэйн пытался вытащить его из гроба. Кемми увидела окровавленное лицо сына и упала в обморок.

Уэйна доставили в госпиталь с диагнозом нервного истощения, поместили в отдельную палату и накачали транквилизаторами. На протяжении долгой ночи его посетили два сновидения: в первом подле его кровати стояла ужасная тень, улыбающаяся в темноте. Во втором в смертельной схватке сцепились орел и змея — крылья орла тянули его в чистое небо, но зубы змеи наносили удар за ударом, и яд, отнимая силы у птицы, тянул ее к земле. Уэйн проснулся в поту, прежде чем закончилось сражение, но он знал, что на этот раз змея победила.

В черных очках, жуя транквилизаторы, он наблюдал, как в десять часов утра Величайшего Евангелиста Юга предали земле.

Его долг был ему предельно ясен.

8. ЗМЕЯ И СПРУТ

35

Доктор Чудо был пьян и распространял запах бурбона «Дант», словно запах дешевого одеколона. Фляга, полная этой бурды, стояла на столе возле его локтя. Официант принес тарелку с вареной сосиской и жареными бобами. В воздухе плавала пыль — грузовики и краны устанавливали

оборудование на ярмарочной площади Гадсдена. На следующей неделе карнавал прибудет в Бирмингем, и на этом сезон закончится.

Билли сидел рядом с Чудо под деревянной крышей летнего кафе. Шатер «Призрак-шоу» уже поставили и подготовили для ночного представления. Доктор Чудо с отвращением посмотрел на свою еду, глотнул из фляги и предложил ее Билли.

— Давай, от этого не умирают. Господи, чтобы переварить такую пищу, необходима солидная доза антибиотиков! Знаешь, если ты рассчитываешь и в будущем работать на карнавале, тебе лучше побыстрее привыкнуть к алкоголю.

— Работать в будущем? — Билли помолчал, наблюдая за шеренгой грузовиков. «Спрут» находился где-то там, в облаке пыли. — Я не планировал оставаться с карнавалом после того, как он покинет Бирмингем.

— Тебе не нравится карнавал?

— Ну... нравится, конечно, но... меня ждет работа дома.

— Ах да, — кивнул Чудо. Он был небрит, а его глаза затуманились после ночного переезда и срочной установки шатра «Призрак-шоу». — Твой дом. Я совсем забыл: у людей есть дома. Я думал, тебе будет интересно взглянуть на мою мастерскую, где я собираю все персонажи для «Призрак-шоу». Она находится в моих владениях в Мобиле — во владениях, заметь, а не дома. Мой дом — здесь. — Он обвел рукой карнавал. — Я люблю эту пыль и тому подобное. В следующем году «Призрак-шоу» будет большим как никогда! В нем будет в два раза больше призраков, гоблинов и оптических эффектов! Я думал... ты поможешь мне в этом.

Билли отхлебнул черный кофе.

— Я давно хотел узнать одну вещь. Я думал, вы сами скажете, но вы молчите. Почему вы хотели, чтобы именно я стал вашим ассистентом?

— Я говорил тебе. Я слышал про тебя и твою мать...

— Нет, сэр. Дело не в этом. Вы могли бы нанять любого, но искали меня. Почему?

Чудо посмотрел на желтые клубы пыли и отхлебнул из фляжки. Его нос был испещрен красными и голубыми жилками, а белки имели болезненно-желтый цвет.

— Ты правда умеешь делать... то, о чем говорят люди? — спросил он наконец. — Правда, что ты и твоя мать обладаете способностью общаться с умершими?

Билли кивнул.

— Многие говорят, что могут. Я вот никогда не видел ничего хотя бы отдаленно напоминающее привидение. Конечно, мне показывали фотографии, но их можно легко подделать. О, я бы отдал все, все на свете, чтобы увидеть... что-нибудь из потусторонней жизни, что бы это ни было. Знаешь, существуют институты, которые изучают жизнь после смерти... Я тебе, по-моему, уже рассказывал. Один в Чикаго, другой в Нью-Йорке. Я писал в Чикаго однажды, и они прислали опросник, но было уже поздно.

— Что было поздно? — поинтересовался Билли.

— Кое-что. — Чудо поглядел на Билли. — Если ты видишь привидения, значит, ты веришь в потустороннюю жизнь?

— Я никогда не думал, что ее нет.

— А! Слепая вера? Как же ты пришел к такому заключению? Через религиозные убеждения? Столпы веры? — В усталых глазах Чудо мелькнули злость и гнев. — Черт побери, — сказал он тихо. — Что есть Смерть? Конец первого акта или финальный занавес? Ты можешь мне ответить?

— Нет, сэр, — ответил Билли.

— Хорошо, я скажу тебе, зачем я тебя искал. Потому что я безумно хотел верить в то, что рассказывали про тебя и твою мать; я хотел найти человека, который... помог бы мне разобраться в этой нелепой шутке, называемой Жизнь. Что это все значит?

Он широким жестом обвел кафе, людей, обедающих рядом, пыльную площадь.

— Я не знаю.

Взгляд доктора Чудо уперся в стол.

— Да, конечно. Но у тебя есть шанс узнать, Билли, если все, что ты рассказал о себе, правда. Моя жена Элен тоже имела такой шанс.

— Ваша жена? — Это был первый случай, когда Чудо упомянул о своей жене. — Она в Мобиле?

— Нет. Не в Мобиле. Я был у нее за день до того, как приехал в Готорн. Элен — постоянный пациент сумасшедшего дома в Тускалузе. — Он взглянул на Билли, и его лицо вдруг стало непроницаемым. — Она... видела что-то в том доме в Мобиле. Или ей показалось? Во всяком случае, теперь она целыми днями причесывается и красит ногти.

— А что она видела?

Чудо достал бумажник, вытащил фотографию молодого человека и кинул ее Билли.

— Его звали Кеннет. Корея. Он попал под минометный обстрел... Когда это было? Я же так долго держал в памяти точную дату! Короче, в августе 1951 года. По-моему, это была среда. Мне все говорили, что он очень похож на меня. Ты тоже так думаешь?

— Да, глазами.

Чудо убрал бумажник в карман.

— В среду в августе. Как безысходно это звучит! Наш единственный ребенок. Я видел, как Элен медленно тонет в бутылке с бурбоном, чем сейчас я и сам иногда занимаюсь. Может ли мертвый ожить? Спустя год после похорон Элен несла на чердак корзину с бельем и увидела, что наверху, у последней ступеньки лестницы, стоит Кеннет. Она уверяла меня, что почувствовала запах его напомаженных волос, а он взглянул на нее и сказал: «Ты слишком беспокоишься, ма». Он всегда так говорил ей, чтобы подразнить. Потом Элен моргнула, и он исчез. Когда я пришел домой, она ходила вверх-вниз по лестнице в надежде, что сможет снова увидеть сына. Но... — Он покосился на внимательно слушающего Билли и беспокойно заерзал на стуле. — Я останавливаюсь в этом доме в межсезонье и провожу там большую часть зимы. Иногда мне кажется, что за мной наблюдают; иногда — что Кен зовет меня, и его голос эхом раздается в коридорах. Я мог бы продать этот дом и уехать, но... что, если Кен еще там, пытается связаться со мной, а я не могу его увидеть?

— Поэтому вы хотите, чтобы я поехал с вами в Мобиль? Узнать, появляется ли ваш сын в этом доме?

— Да. Я хочу узнать.

Билли обдумывал эту просьбу, когда из облака пыли, смеясь и переговариваясь, появились три женщины. Одна из них была тощей брюнеткой, другая — грубоватой рыжухой... но третья казалась ходячей картинкой. Один взгляд — и Билли застыл, как статуя; это была та самая девушка, чьей фотографией он восхищался возле «Джангл Лав»!

Она шла скользящей чувственной походкой. На ней были голубые, словно покрашенные из пульверизатора джинсы, зеленая футболка с надписью «Я — девственница (Это очень старая футболка)» и оранжевая спортивная кепочка, из-под которой выбивались светлые локоны. Когда она проходила мимо их столика, Билли увидел золотисто-зеленые глаза под светлыми ресницами. От девушки исходил аромат, напоминающий запах соломы июльским утром. Она держала себя с гордой сексуальностью и, казалось, отлично знала, что у всех мужчин вокруг потекло. Было совершенно ясно, что она привыкла к пристальным взглядам. Несколько работяг присвистнули, когда девушки подошли к прилавку, чтобы выбрать еду.

— Эх, молодежь! — Даже у доктора Чудо свело живот. — Похоже, это танцовщицы из шатра неподалеку от нас.

— Да, сэр.

Билли до сих пор так и не побывал внутри. Вечером после работы у него хватало сил только доползти до своей кровати позади шатра.

Девушки взяли еду и сели за соседний столик. Билли не мог оторвать глаза от блондинки в кепочке. Он наблюдал, как она ела хот-дог, разговаривала и смеялась с подружками. Билли заметил, что она косится на столик у стойки, где сидели двое парней, пожиравших девушек такими же, как у Билли, голодными глазами.

— Она старше тебя лет на десять, — тихо сказал доктор Чудо. — Кстати, если твой язык отвиснет еще немного, ты начнешь подметать им пол.

В груди у Билли вспыхнуло пламя. Он даже не слышал доктора Чудо. Неожиданно девушка обернулась и посмотрела на него блестевшими глазами. Билли почувствовал дрожь возбуждения. Девушка задержала на нем взгляд всего на секунду, но этого хватило, чтобы в мозгу у Билли возникли дикие фантастические картины.

— Насколько я понимаю, твоя... э-э-э... любовная жизнь была несколько ограничена, — заметил доктор Чудо. — Тебе почти восемнадцать, и я не имею права встревать со своими советами, но я обещал твоей матери присматривать за тобой. Поэтому вот мой совет, а ты сам смотри, воспользоваться им или нет: некоторые женщины недотроги, а некоторые давалки. Последние имеют несколько подвидов. Билли! Ты слышишь меня?

— Я пойду возьму еще кофе. — Юноша взял свою чашку и пошел к прилавку.

— Век живи, век учись, сынок, — мрачно констатировал доктор Чудо.

Билли налил себе кофе и вернулся. Он так нервничал, что едва не опрокинул чашку, решая, что ему сказать этой девушке. Что-нибудь остроумное, что разбило бы лед. Он немного подумал, пытаясь соединить слова так, чтобы они произвели впечатление; а потом шагнул вперед, и девушка насмешливо посмотрела ему в глаза.

— Привет, — поздоровался Билли. — Мы нигде не встречались?

— Вместе путешествовали, — ответила блондинка, и ее подружки захихикали.

Внезапно около ее носа появилась фляжка.

— Выпьете? — спросил доктор Чудо. — «Дж. В. Дент», лучший бурбон в мире.

Девушка подозрительно взглянула на него и понюхала содержимое фляжки.

— Почему бы и нет?

Она сделала глоток и пустила фляжку по кругу.

— Позвольте представиться. Я — доктор Чудо, а это моя правая рука, мистер Билли Крикмор. Мистер Крикмор желает

пригласить симпатичных леди посетить «Призрак-шоу» в любое удобное для них время.

— «Призрак-шоу»? — спросила рыжеволосая. — Что это еще за чепуха?

— Вы имеете в виду тот забавный маленький шатер? Да, я видела его. — Блондинка потянулась, и ее груди затряслись под футболкой. — Чем вы занимаетесь, предсказываете судьбу?

— Ну что вы, прекрасная леди. Мы проникаем в мир духов и разговариваем с ними.

Девушка рассмеялась. На ее лице было больше морщинок, чем казалось на первый взгляд, однако Билли все равно нашел ее прекрасной и сексуально привлекательной.

— Ерунда! У меня хватает забот с живыми, чтобы соваться к мертвым!

— Я... я видел вашу фотографию, — сказал Билли, наконец обретая голос. — Перед входом в шатер.

Она отодвинулась от него.

— Так это ты тот ублюдок, который украл ее?

— Нет.

— Хорошо, если нет. Они стоят кучу денег.

— Нет... это не я, но я понимаю, почему так случилось. Я... думаю, вы действительно очень привлекательны.

Она одарила его лучезарной улыбкой.

— Ну что ты, благодарю.

— Нет-нет, правда. Я действительно думаю, что вы очень привлекательны.

Он бы долго продолжал в этом духе, если бы доктор Чудо не стукнул его под ребра.

— Ты индеец, мальчик? — спросила блондинка.

— Частично индеец. Чокто.

— Чокто, — повторила она, и ее улыбка стала чуть шире. — Ты похож на индейца. А я наполовину француженка, — ее подружки прыснули, — а наполовину ирландка. Меня зовут Санта Талли. А эти две сучки напротив имен не имеют, поскольку вылупились из кукушкиных яиц.

— Вы все танцовщицы?

— Мы артистки, — поправила его рыжеволосая.

— Я хотел посмотреть ваше шоу, но у входа написано, что лицам до двадцати одного года вход воспрещен.

— А тебе сколько?

— Восемнадцать. Почти.

Девушка быстро окинула его оценивающим взглядом. Симпатичный, особенно эти странные серые глаза и кудрявые волосы. Он напомнил ей чем-то Чалки Дэвиса. Хотя у Чалки были карие глаза, и этот мальчик выше. Новость о смерти Чалки, убийстве, как она слышала, все еще волновала Санту, хотя они спали вместе всего два или три раза. Интересно, не связан ли этот сопляк с теми отвратительными вещами, которые случились с ней за последние несколько недель. Кто-то положил на ступени ее трейлера полдюжины сухих роз, а потом, ночью, она слышала шум, как будто кто-то бродил около ее двери. Поэтому Санта не любила спать одна. Однажды ночью на прошлой неделе она готова была поклясться, что кто-то залез к ней в трейлер и рылся в ее костюмах.

Но глаза этого юноши смотрели вполне дружелюбно. Она увидела в них блеск желания.

— Приходите на шоу, оба. Скажите старой летучей мыши у входа, что вас пригласила Санта. Хорошо?

Доктор Чудо взял пустую фляжку.

— Поживем — увидим.

Санта взглянула в глаза Билли и решила, что не вышвырнет его из постели, даже если он будет есть в ней крекеры. «Он выглядит смущенным и... девственным?» — удивилась она.

— Приходи на шоу, чокто, — сказала девушка и подмигнула. — И чем скорее, тем лучше.

Доктор Чудо почти волоком потащил Билли из кафе.

Санта засмеялась. Парни у стойки продолжали пожирать ее взглядом.

— Девственник, — сказала она. — Ставлю двадцать баксов.

— Не принимается, — ответила брюнетка.

Прикрываясь от пыли и стараясь не угодить под колеса очередного грузовика, доктор Чудо качал головой и бормотал:

— Артистки, как же.

36

— Последнее шоу этой ночью! — Крики платиновой блондинки усиливались микрофоном. — Эй, ты, в шляпе! Как насчет поволноваться? Давай, давай! Прямо здесь пять прекрасных, молодых, чувствительных девушек, которые любят свое дело! Эй, мистер, почему вы пришли сюда без жены? По-моему, она подошла бы на роль мужчины в нашем замечательном шоу! Последнее шоу этой ночью! Слышите барабаны? Аборигены не дремлют, и неизвестно, кого они собираются поиметь... Я имею в виду, что они собираются поиметь сегодня, ха, ха!

Билли стоял вместе с другими заинтересовавшимися мужчинами около «Джангл Лав-шоу». Он хотел войти внутрь, но нервничал, как кошка в комнате, полной рокеров. Мужчина в соломенной шляпе и ярких брюках крикнул:

— Эй, леди, а они там танцуют голыми?

— А не пойти ли тебе?..

— Уж ты-то точно не танцуешь голой, моя курочка!

Девица хрипло засмеялась, тряся круглыми щеками.

— Неужели вы не хотите, мальчики? Последнее шоу! Пятьдесят центов, пятьдесят центов! Всего полбакса заплатите, входите внутрь и грешите! Давайте в очередь!

Билли задумался. Доктор Чудо говорил ему, что если он действительно собрался на это стрип-шоу, то должен оставить бумажник дома, дабы его не вытащили, и сесть подальше от тех, у кого на коленях лежит шляпа.

Когда Билли проходил мимо «Спрута», на него обрушилась волна ужаса, и ему показалось, что он услышал жуткий крик, доносящийся из закрытой гондолы. Но никто больше, казалось, этого не слышал. Бак одарил его убийственным взглядом, предупреждающим, чтобы он держался подальше. «Спрут» звенел и стонал, из старого двигателя сочился дым; зеленый брезент, которым была накрыта облупленная гондола, трещал на ветру. Рабочие объяснили Билли, что снять гондолу нельзя, иначе «Спрут» разбалансируется и покатится между шатрами сеющим смерть волчком. Бак пытался держать пассажиров подаль-

ше от этой гондолы, он сам боялся того, что может случиться, если кто-нибудь сядет в нее. А в отсутствие регулярных жертв карусель, по-видимому, кормилась его телом и душой — разрезала ему руку, отрубила пальцы и ухо — для того, чтобы поддерживать свою черную силу и мощь.

— Пятьдесят центов, пятьдесят центов! Не стесняйтесь, заходите!

«В конце концов так я жертвую только собой», — подумал Билли. Он двинулся вперед, и билетерша кивнула в сторону сигарной коробки.

— Пятьдесят центов, дорогуша. Если тебе двадцать один, то я девица Энни, но черт с ним...

Внутри, в дымчатом зеленом свете, возле сцены, расположенной на фоне нарисованных кричащими красками джунглей, стояла дюжина длинных скамеек. Из динамиков раздавался бой барабанов. Билли сел в первый ряд. Помещение стало заполняться свистящими и кричащими мужчинами. Они хлопали в такт барабанам и хриплыми голосами требовали начала шоу. Внезапно блондинка-билетерша показалась на сцене, и барабанный бой смолк. Женщина начала говорить в микрофон, который шипел и свистел из-за обратной связи.

— Хорошо, успокойтесь! Через минуту мы начинаем! А пока прошу вас взглянуть на колоду карт, которую я держу в руке, только не подходите слишком близко, чтобы у вас не обгорели ресницы! Да, прямо из Франции, из Парижа, с такими картинками, которые заставляют мужчину вскочить и закукарекать! Таких вам не купить в местной лавке! Но вы можете купить их здесь, всего за два доллара и семьдесят пять центов! Они-то знают, во что играют в Париже!..

Билли беспокойно заерзал на лавке. Рядом с его лицом клубился сигарный дым. Кто-то закричал:

— Сгинь со сцены или раздевайся, малышка!

Билли охватило смутное и неприятное ощущение, что за ним наблюдают, но, обернувшись, юноша увидел только массу возбужденных лиц, испачканных зеленым светом.

Шоу началось. Под громкие звуки рок-музыки мясистая рыжеволосая женщина в черном бикини — одна из тех, кото-

рые были с Сантой, — важно вышла на сцену, держа в руках плюшевого шимпанзе. Ее бедра призывно тряслись. Она прижала шимпанзе к своей едва прикрытой груди, а затем стала двигать его по всему телу. Мужики разом утихли, словно загипнотизированные. После минуты или двух вращения бедрами женщина покатилась по полу и сделала вид, что ужасно смутилась тем, что ее груди выскочили из своего убежища. Она легла на спину, усадив шимпанзе на свою промежность, и начала стонать и корчиться, сводя и разводя в воздухе ноги. Ее бедра тряслись все быстрее и быстрее, обнаженная грудь трепетала. Билли казалось, что его глаза вот-вот вылетят из орбит. Затем зеленый свет погас, а когда зажегся снова, на сцене снова стояла билетерша, предлагая купить какие-то комиксы про Тихуану.

Следующей танцовщицей была тоненькая негритянка, которая принимала позы, совершенно недоступные для нормального человека из мяса и костей. Большую часть выступления ее промежность, обтянутая тонкими трусиками с нарисованным на самом интересном месте кошачьим глазом, была предложена обозрению публики, в то время как голова девушки покоилась на полу. Музыка ревела и грохотала, но танцовщица двигалась очень медленно, как бы подчиняясь своему внутреннему ритму. Билли удалось поймать ее взгляд, и он увидел, что ее глаза ничего не выражают.

После того как блондинка попыталась продать лекарство от импотенции, на сцену вышла высокая ширококостная девушка в ярко-желтом платье. Огромная грива всклокоченных желтых волос падала ей на спину. Однако в середине номера, когда из-под обтягивающего материала выскочили ее громадные груди и стало совершенно ясно, что под платьем девица абсолютно голая, она неожиданно сорвала эту гриву, и все увидели, что на голове у нее нет ни единого волоса. Раздался общий вздох, а затем танцовщица показала публике, что у нее нет волос и еще кое-где.

За девушкой-львицей последовала грубоватая, немного полная брюнетка в тигровой шкуре. Она главным образом сто-

яла на месте, тряся грудями, ударяя пальцами по соскам и сжимая ягодицы. Затем она сделала несколько глубоких поклонов, которые дались ей явно с трудом, что было видно по мгновенно вспотевшему лицу. Когда она удалилась, блондинка предложила зрителям «Французские щекоталки», а затем сказала:

— Хорошо, вы готовы поджариться? Вы готовы к тому, что из ваших яиц сделают яичницу, сварят, а затем повесят сушиться на солнышке?

Послышались вопли согласия.

— Тогда встречайте Санту... Девушку-Пантеру...

Свет на несколько секунд погас, а когда зажегся, в центре сцены, свернувшись, лежало что-то черное. Снова забили барабаны. Пятно красного света медленно скользило по стене, словно солнце в африканском вельде. Билли подался вперед, полностью заинтересованный происходящим.

Из черного комочка поднялась вверх одинокая нога и снова спряталась. Следом появилась потягивающаяся рука. Черная фигура зашевелилась и медленно начала вставать. Санта была одета в длинную мантию из гладкой черной шкуры, которую обернула вокруг себя, оглядывая аудиторию. Волосы девушки горели в красном свете прожектора. Она улыбнулась — слабо, со скрытой угрозой, — и в следующую секунду, хотя казалось, девушка не сделала ни одного движения, черная мантия начала спускаться все ниже и ниже, пока не спустилась до груди. Санта схватила мантию одной рукой и стала медленно и изящно двигаться под бой барабанов, приоткрывая на мгновение то живот, то бедра, то темный треугольник между ними. Она не отрываясь смотрела на аудиторию, и Билли понял, что девушке нравится, когда на нее смотрят, когда ее хотят.

И Билли, хоть он и знал, что похоть — это смертный грех, хотел ее так сильно, что казалось, что его штаны сейчас разойдутся по швам.

Черная мантия продолжала падать, но медленно, со скоростью, которую задавала Санта, а не аудитория. Стояла тяжелая тишина, нарушаемая только боем барабанов, а висящий

в воздухе дым напоминал туман в джунглях. Мантия наконец соскользнула на пол, и Санта осталась в узеньких черных трусиках.

Ее бедра двигались все быстрее и быстрее. Лицо излучало горячее желание, мускулы гладких бедер напряглись. Девушка подалась вперед, разрезая пальцами потоки дыма, опустилась на колени, потянулась, словно прекрасная кошка, и легла на спину, подняв ноги вверх и медленно сводя и разводя их. В голове у Билли загромыхали барабаны, он понял: еще чуть-чуть — и произойдет катастрофа. Санта поджала ноги к подбородку, и в следующее мгновение ее трусики, расстегнувшись, упали, обнажив влажную щель между бедер.

Свет погас.

Из десятков легких вырвалось тяжелое дыхание. Вспыхнул ослепительный белый свет, обнажая все трещины и подтеки декорации, а блондинка пронзительно прокричала:

— На этом все, джентльмены! Теперь выходите, ясно?

Послышалось несколько возгласов «Еще!» и яростный свист, но шоу уже закончилось. Билли несколько минут не мог тронуться с места — он боялся, что либо испортит брюки, либо оторвет себе яйца. Когда наконец он встал, шатер уже опустел. Юноша представил себе, что бы сказали его родители, если бы узнали, где он сейчас находится, и похромал к выходу.

— Я думала, ты уже ушел. Эй, чокто!

Билли обернулся. Санта снова стояла на сцене, завернутая в свою мантию. Его сердце замерло.

— Как тебе понравилось?

— Это было... неплохо, я думаю.

— Неплохо? Черт, да мы порвали свои задницы ради вас, ребята! И все, что ты можешь сказать, это «неплохо»? Я пыталась тебя разглядеть, но в этом проклятом свете иногда трудно различить лица. Как тебе понравилась Леона? Ну, девушка-львица.

— Э-э... она замечательная.

— Она присоединилась к нашему шоу только в начале июня. Когда она была маленькой, то подхватила какую-то заразу, и у

нее выпали все волосы. — Санта засмеялась, увидев его изумленный взгляд. — Не все волосы, глупый. Там она их бреет.

— О!

Появилась блондинка-билетерша, сматывающая микрофонный провод. Она курила «Черутес» и ухмылялась с таким выражением, которое могло бы испугать даже зеркало.

— Иисус! Ты когда-нибудь видела столько жмотов? Дешевые ублюдки! Пидоры, не способные купить даже упаковку щекоталок! Ты идешь на день рождение к Барби?

— Не знаю, — ответила Санта. — Может быть. — Она взглянула на Билли. — Хочешь пойти на день рождения, чокто?

— Я... мне лучше вернуться...

— Пошли! Кроме того, мне нужен помощник, чтобы отнести мой кейс с гримом в трейлер. И мне неудобно за мое поведение днем.

— Лучше соглашайся, пока есть возможность, — посоветовала блондинка, не глядя на Билли. — Санта еще никогда не трахалась с индейцем.

— Всего лишь день рождения, — сказала Санта и мягко улыбнулась. — Пойдем, я не кусаюсь.

— Ты... оденешься?

— Да, конечно. Надену пояс целомудрия и стальной лифчик. Как ты на это смотришь?

Билли засмеялся.

— Хорошо, я иду.

— Тебе не надо отметится у этого старого призрака, на которого ты работаешь?

— Не-а.

— Прекрасно. Ты будешь моим рыцарем и проведешь меня мимо местных рогатых стариков, ждущих у входа. Пошли в раздевалку.

Билли помедлил несколько секунд, а затем прошел за Сантой за сцену. В его голове роились варианты, и он думал о том, как прекрасно чувствовать себя влюбленным.

— Еще один клюнул на пыль... — пробормотала блондинка и выключила свет.

37

«Быть пьяным, — думал Билли, пробираясь между шатров, — почти так же хорошо, как и быть влюбленным. Голова крутится, как волчок, и тебе кажется, что ты можешь свернуть все горы, но не помнишь точно, где они находятся». Как прошли последние два часа, Билли помнил смутно. Он отнес кейс Санты в ее жилище, а затем они пошли в другой трейлер, где народ пил и смеялся. Санта представила его как чокто, кто-то вложил ему в руку бутылку пива, и уже через час он с глубокомысленным видом созерцал лысую башку Леоны, рассказывающей всем желающим историю своей жизни. Трейлер был переполнен людьми, громыхала музыка. После шестой бутылки пива Билли обнаружил у себя во рту окурок, который обжигал ему легкие и очень напоминал трубку, которую он выкурил в детстве со своей старой бабушкой. Только на этот раз он не видел орла и змею, а глупо хихикал, как обезьяна, и рассказывал истории про привидения, которые тут же на месте выдумывал своей раскалывающейся головой. Билли помнил зеленый огонь ревности, который загорелся у него в груди, когда Санту обнял другой мужчина; он помнил: мужчина и Санта ушли с праздника вместе, но теперь это не имело значения. Утром — может быть. Когда он наконец собрался уходить, Барби, черная женщина-змея, обняла его и поблагодарила за то, что он пришел, и теперь Билли изо всех сил старался идти не кругами и не боком.

Он был не настолько пьян, чтобы не обойти «Спрут» подальше. Вдоль дороги между шатрами и трейлерами клубился бледный туман. Юноша смутно размышлял по поводу того, какой он дурак, что влюбился именно в Санту, которая старше, чем он, и более опытная. Может быть, она играет с ним и смеется за его спиной? «Черт, — подумал он, — я же едва ее знаю!» Но она, конечно же, мила, даже со всей этой лабудой на лице. Возможно, стоит завтра с утра пройтись мимо ее трейлера, чтобы посмотреть, как она выглядит без грима. «Никогда не трахалась с индейцем». Надо пресечь такие мысли в корне, иначе даже пиво не поможет ему уснуть.

— Парень! — позвал кто-то тихо.

Билли остановился и осмотрелся по сторонам; ему показалось, что он слышал чей-то голос, но...

— Я здесь.

Билли по-прежнему никого не видел. До шатра «Призрак-шоу» осталось всего несколько ярдов. Если ноги пересекут дорогу, не уронив его, все будет в порядке.

— А? Где?

— Прямо перед тобой. — Двери шоу «Змея-убийца» медленно открылись, как будто нарисованная рептилия разинула пасть, приглашая в нее Билли.

— Я не вижу вас. Включите свет.

Наступила пауза.

— Ты боишься, да?

— Проклятие, нет! Я Билли Крикмор, индеец чокто, и знаете что? Я могу видеть призраки!

— Это прекрасно. Значит, ты похож на меня и умеешь наслаждаться ночью.

— Угу. — Билли взглянул в сторону шатра «Призрак-шоу». — Пора баиньки...

— Где ты был?

— Вечеринка. Чей-то день рождения.

— Ну, разве это не прекрасно? Почему бы тебе не зайти внутрь? Мы поговорим.

Билли уставился на темный вход, то и дело двоившийся у него в глазах.

— Нет. Я не люблю змей. У меня от них мурашки.

Послышался тихий смех.

— О, змеи удивительные существа. Они отлично ловят крыс.

— Да. Ладно... — Билли взъерошил волосы пятерней. — Приятно было побеседовать с вами.

— Подожди! Мы можем поговорить о... о Санте, если хочешь.

— О Санте?

— Да, о том, как она прекрасна. И в глубине сердца невинна. Мы с ней очень близки; она рассказывает мне все свои секреты.

— Санта?

— Да. — Голос понизился до шелкового шепота. — Заходи и поговорим.

— Что за секреты?

— Она мне рассказывала о тебе, Билли. Заходи, я включу свет.

— Я могу задержаться только на минуту. — Билли было страшно, но его мучило любопытство, что это за мужчина и что ему могла сказать Санта. — Никакая змея сейчас здесь не ползает?

— О нет. Ни одна. Что я, сумасшедший?

Билли усмехнулся.

— Нет, не похоже.

Он сделал первый шаг и обнаружил, что второй сделать гораздо легче. Юноша вступил в холодную, влажную на ощупь темноту и попытался нащупать своего собеседника.

— Эй, где...

Дверь у него за спиной захлопнулась. Щелкнул замок. Билли резко развернулся: его мозг, затуманенный алкоголем, работал ужасно медленно. В следующий момент вокруг его шеи обвилась толстая веревка. Под ее тяжестью юноша упал на колени и попытался освободиться, но к его ужасу веревка заскользила под пальцами и затянулась крепче. Голова Билли отяжелела.

— Парень, — прошептала приближающаяся фигура, — у тебя на шее боа-констриктор. Если ты будешь сопротивляться, он задушит тебя.

Билли застонал, по его щекам потекли слезы ужаса. Он схватил змею, тщетно пытаясь скинуть ее на пол.

— Я позволю ему убить тебя, — торжественно предупредил мужчина. — Ты пьяный, ввалился сюда, не соображая, куда попал... Я же не буду отвечать за твою ошибку! Не сопротивляйся, парень. Просто послушай.

Билли замер, сдерживая крик. Змеелов встал рядом с ним на колени так, чтобы шептать Билли на ухо.

— Оставь эту девушку в покое. Ты знаешь, кого я имею в виду. Санту. Я видел тебя вечером в шоу и видел позже, на вечеринке. О, ты меня не видел.. но я был там. — Змеелов схва-

тил Билли за волосы. — Ты умный парень, да? Умнее, чем Чалки. Скажи: «Да, мистер Фиттс».

— Да, мистер Фиттс, — прохрипел Билли.

— Вот и хорошо. Санта такая красивая девушка. Прелесть. — Он произнес это слово словно название экзотического яда. — Но я не могу следить за всеми мужчинами, увивающимися вокруг нее. Она не понимает. А когда поймет, ей не понадобится пень вроде тебя. Ты должен оставить ее в покое, а если нет — я сам позабочусь об этом. Понятно?

У Билли перед глазами поплыли красные круги. Когда он попытался кивнуть, боа еще сильнее сжал его шею.

— Хорошо. Эта машина шепчется со мной по ночам. Ты понимаешь, о чем я говорю, — «Спрут». О, она сообщает мне все, что нужно. И знаешь что? Она наблюдает за тобой. Поэтому я буду знать все, что ты делаешь. Я могу открыть любой замок, парень... а мои змеи могут проникнуть куда угодно. — Он отпустил волосы Билли и сквозь отчаянный стук крови в висках юноша услышал шипение и шелест, раздающиеся где-то внутри шатра.

— А теперь не двигайся, — предупредил Фиттс. Он медленно снял боа с шеи Билли, и тот упал лицом в пыль. Фиттс поднялся на ноги и пнул Билли носком под ребра.

— Если собираешься блевать, то выйди наружу. Давай убирайся отсюда.

— Помогите мне подняться. Пожалуйста.

— Нет, — прошептал человек-змея. — Ползи.

Щелкнул замок, дверь открылась, и Билли, трясясь, пополз мимо мужчины, очертания которого вырисовывались в темноте. Дверь за ним тихо закрылась.

38

Уэйн Фальконер проснулся, когда что-то начало стягивать с него простыню.

Он резко сел и увидел смутную фигуру, сидящую в ногах кровати. В первый момент юноша испугался, ему показалось,

что это та самая фигура, которую он видел во сне и которая теперь явилась воочию; но затем он присмотрелся и понял, что это его отец, одетый в желтый похоронный костюм. На его румяном, здоровом лице играла слабая улыбка.

— Привет, сынок, — тихо произнес Джи-Джи.

Глаза Уэйна расширились, дыхание стало прерывистым.

— Нет, — сказал он. — Нет, ты в земле... Я сам видел, как тебя опускали в могилу...

— Видел? Ну что ж, значит, я в земле. — Проповедник улыбнулся, показав идеально белые зубы. — Но... может быть, ты частично возвратил меня к жизни, Уэйн. Может быть, ты гораздо сильнее, чем думаешь.

Уэйн затряс головой.

— Ты...

— Мертв? Для тебя я никогда не умру, сынок. Потому что ты любишь меня. И ты понял, как я тебе нужен, да? Поддерживать «Крестовый поход» на плаву — тяжелая работа, не так ли? Работа с бизнесменами, адвокатами, бумагами и счетами, дальнейшее развитие предприятия... Ты только начал, но уже догадался, что все это гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Я прав?

У Уэйна разболелась голова. После похорон головные боли стали гораздо мучительнее. Он пачками глотал аспирин.

— Я не могу... Я не могу справиться с этим в одиночку.

— В одиночку. Какое ужасное слово. Оно похоже на слово «мертв». Но ты не будешь одиноким, как я — мертвым... если только ты не захочешь обратного.

— Нет! — сказал Уэйн. — Но я не...

— Ш-ш-ш-ш, — Фальконер прижал палец к губам, — твоя мать в холле, и мы не хотим, чтобы она нас услышала.

Серебристый луч лунного света, проникший в окно, отражался в пуговицах отцовского пиджака; тень Фальконера казалась огромной и бесформенной.

— Я помогу тебе, сынок, если ты поможешь мне. Я могу быть с тобой и направлять тебя.

— У меня... болит голова. Я... не способен думать...

— Ты просто пытаешься делать сразу несколько дел. А ты всего лишь мальчик, тебе еще нет восемнадцати. Неудивительно, что у тебя болит голова из-за всех этих проблем и размышлений. Но в первую очередь мы должны обсудить с тобой то, о чем ты не должен рассказывать ни единой живой душе.

— Что... обсудить?

Фальконер наклонился к Уэйну. Юноше показалось, что в глубине его бледных, голубовато-зеленых глаз мелькнули красные искорки.

— Девушка, Уэйн. Девушка в озере.

— Я не желаю... вспоминать об этом. Пожалуйста, не надо...

— Но ты должен! Ты должен принять в расчет последствия своих действий.

— Она не утонула! — всхлипнул Уэй. — О ней не было ни слова в газетах! Никто ее не нашел! Она... просто убежала, и все!

— Она под платформой, Уэйн, — тихо сказал Фальконер. — Она зацепилась. Труп уже раздулся, как пузырь, и скоро лопнет, и то, что останется, упадет на дно. Рыбы и черепахи довершат остальное. Это была дурная, грешная девушка, Уэйн, и ее родители думают, что она просто убежала из дома. Никто и не подумает связать ее с тобой, даже если всплывут останки. А они всплывут. В ней был демон, Уэйн, и он ждал тебя.

— Ждал меня? — прошептал Уэйн. — Но зачем?

— Затем, чтобы задержать твое возвращение домой, когда мне стало плохо. Ты ведь мог бы спасти меня, если бы знал?

— Да.

Фальконер кивнул.

— Вот видишь! Демоны работают всюду. Эта страна гниет от грехов, а зараза исходит от маленькой разваливающейся лачуги в Готорне. Ты знаешь, что я имею в виду. Ты знаешь уже давно. Эта ведьма и ее парень очень сильны, Уэйн; за ними стоят Смерть и Ад. Они хотят уничтожить тебя, как уничтожили меня, ослабив мою веру, а я понял это слишком поздно. Теперь они работают над тобой и твоей верой, пытаясь сделать так, чтобы ты усомнился в своем даре исцеления. Они сильны и злы. И должны быть преданы огню.

— Огню, — повторил Уэйн.

— Да. У тебя есть шанс послать их в адово пламя, если ты позволишь мне направлять тебя. Я буду с тобой всегда, когда ты будешь нуждаться в поддержке. Я помогу тебе управлять Походом. Ну что, ты решил? Я не умру, если ты этого не захочешь.

— Нет! Мне... необходима твоя помощь, папа. Иногда я просто... Я просто не знаю, что делать! Иногда я гадаю, правильно я поступил или нет...

— Тебе не придется больше так беспокоиться, — успокоил его Фальконер ободряющей улыбкой. — Все будет прекрасно, если ты мне доверишься. А от мигрени тебе необходимо принять перкодан. Скажи Джорджу Ходжесу, чтобы он достал тебе.

Уэйн нахмурился.

— Папа... ты же говорил, что пить лекарства — грех, а те, кто принимает их, исполняют волю Дьявола.

— Все верно. Но если тебе очень больно, если ты смущен, нужно что-нибудь предпринять, чтобы непадолго снять с себя это бремя. Я не прав?

— Я думаю, прав, — согласился Уэйн. Тем не менее он не помнил, чтобы отец когда-либо принимал лекарство с таким названием. Он сказал «перкодан»?

— Я приду, когда возникнет необходимость, — продолжал Фальконер. — Но если ты кому-нибудь расскажешь обо мне, даже матери, я не смогу возвращаться и помогать тебе. Понимаешь?

— Да, сэр. — Уэйн немного помолчал, а затем прошептал: — Папа, а что это значит — быть мертвым?

— Это... как черная дыра, сынок, черная, насколько можно себе представить, а ты стараешься выбраться из нее, но не знаешь, где верх, а где дно.

— Но... разве ты не слышал пения ангелов?

— Ангелов? — Фальконер усмехнулся, но его глаза остались ледяными. — О да. Они прекрасно поют.

Вдруг он приложил палец к губам и быстро взглянул на дверь. В следующее мгновение послышался тихий стук.

— Уэйн? — раздался дрожащий голос Кемми.

— Что такое?

Дверь приоткрылась на несколько дюймов.

— Уэйн, с тобой все в порядке?

— А что со мной может случиться?

Юноша осознал, что снова остался один; фигура в желтом костюме исчезла, и комната была пуста. «Мой папа жив!» — мысленно закричал Уэйн с бьющимся от радости сердцем.

— Мне... показалось, что ты с кем-то разговариваешь. С тобой точно все в порядке?

— Я же сказал, что да! А теперь уходи, у меня завтра тяжелый день!

Кемми первно оглядела комнату, открыв дверь пошире. С потолка свисали модели аэропланов, стены украшали постеры с изображением военных самолетов. Одежда Уэйна была сложена на стуле.

— Извини, что побеспокоила тебя, — пробормотала Кемми. — Спокойной ночи.

Когда дверь закрылась, Уэйн снова улегся. Он прождал очень долго, но отец так и не появился. «Сука! — негодовал он на мать. — Ты убила его второй раз». Но нет, нет... отец вернется, когда в нем возникнет нужда; Уэйн был уверен в этом. Перед тем как уснуть, Уэйн десять раз повторил слово «перкодан», чтобы выжечь его в своем мозгу.

А в соседней комнате Кемми Фальконер лежала с включенным светом и разглядывала потолок. Ее била крупная дрожь. Это не был голос Уэйна, вот в чем ужас.

То, что она слышала сквозь стену, было гортанным резким ворчанием.

Отвечающим ее сыну.

39

Игровые киоски, аттракционы и шоу как грибы выросли среди грязи, покрывающей ярмарочную площадь Бирмингема. Третий день моросил мелкий дождик, пытаясь смыть к черту карнавальный бизнес. Тем не менее люди хотели развлекаться;

промокшие до костей, они искали убежище в пассажах и закрытых шатрах, но обходили своим вниманием карусели, чьи яркие неоновые вывески шипели под дождем.

«Это замечательно, — думал Билли. — Посетители не могли кататься на «Спруте», и аттракцион, таким образом, лишился всего необходимого». Бирмингем был последней остановкой в сезоне. Если то, что вселилось в «Спрут», собирается ударить, это произойдет в ближайшие четыре дня. Ночью, даже когда по крыше шатра «Призрак-шоу» стучали дождевые капли, Билли слышал, что Бак Эджер трудится над своей машиной; стук его молотка эхом разносился по пустынной площади. Во время установки «Спрута» одному из рабочих размозжило плечо какой-то железкой, упавшей сверху. За машиной прочно закрепилась дурная слава, и теперь все ее сторонились.

Билли стоял у трейлера Санты Талли под легким моросящим дождем, который смывал с улицы последних прохожих. С тех пор как карнавал достиг Бирмингема, юноша приходил сюда дважды: в первый раз он услышал, как внутри смеялись Санта и какой-то мужчина, а во второй раз, пробираясь между рядами трейлеров, заметил футах в десяти от себя низкую лысую фигуру, спрятавшуюся в тени. Мужчина резко повернулся, и Билли успел заметить его испуганное лицо в черных очках, прежде чем тот пустился бежать. Билли немного пробежал за ним, но незнакомец потерялся в лабиринте трейлеров. Юноша никому не рассказывал о происшествии в шатре «Змеи-убийцы» из опасения, что змеелов опять пустит боа-констриктора в дело. Тем не менее ему постоянно хотелось увидеть Санту.

Наконец он набрался храбрости, огляделся, пытаясь удостовериться, что за ним никто не следит, а затем осторожно, словно по горячим углям, шагнул к дверям трейлера. Единственное овальное окно было завешено занавеской, однако сквозь нее пробивался свет; Билли слышал скрипящие завывания в стиле кантри. Он постучал и замер. Музыка прекратилась. Он постучал еще раз, более решительно, и услышал в ответ голос Санты:

— Да? Кто там?

— Билли Крикмор.

— Чокто? — Щеколда отодвинулась, и тонкая дверь открылась. Санта стояла на пороге, освещенная тусклым золотистым светом, одетая в черный шелковый халат, который плотно облегал ее фигуру. Билли заметил, что на лице девушки почти нет косметики. Вокруг ее глаз виднелось немало морщинок, а грустные губы были плотно сжаты. В правой руке она держала маленький хромированный пистолет.

— Ты один? — спросила она.

— Да, конечно.

Санта открыла дверь пошире, чтобы дать ему войти, а затем снова заперла ее на щеколду. Комната одновременно выполняла функции спальни и кухни. Справа от двери стояла старая деревянная кровать, накрытая ярко-голубым покрывалом, за ней вешалка с одеждой на плечиках. На туалетном столике теснились духи, кремы, губные помады. На маленьком кухонном столике рядом со стопкой грязных тарелок стоял двухкассетный магнитофон. На стенах, соседствуя с флагом повстанцев и постером «Дей-Гло Лав» висели плакаты с изображением Клинта Иствуда, Пола Ньюмана и Стива Мак-Куина. Узкая дверь вела в крошечную ванную и душевую.

Билли уставился на пистолет. Санта поставила его на предохранитель и положила в ящик кухонного стола.

— Извини, — сказала она. — Вечером я иногда начинаю нервничать.

Девушка некоторое время смотрела в окно.

— Я жду своего приятеля. Он опаздывает уже на тридцать минут.

— Кто-то особенный?

Санта криво усмехнулась.

— Нет. Просто приятель. Человек, с которым проводишь время.

Билли кивнул.

— Тогда я пойду. Не хочу...

— Нет! — Санта подалась вперед и схватила его за руку. — Не уходи. Поговори со мной, пока не явится Бадди, хорошо? Я ужасно не люблю оставаться вечером одна.

— А что подумает Бадди, когда увидит нас вдвоем?

— Не знаю. Какая разница?

Ее глаза светились в слабом свете настольной лампы, а пальцы холодили мокрую от дождя кожу Билли.

— Может, он подумает... что между нами что-то было?

— А ты хочешь, чтобы между нами что-то было?

— Я... я тебя почти не знаю.

— Ты не ответил на мой вопрос, чокто. Это ты бродишь вокруг моего трейлера по ночам?

— Нет. — «Рассказать ей про змеелова? — подумал он про себя. — Но к чему хорошему это приведет? Санта испугается еще больше, а полиция все равно не докажет причастность этого человека к смерти Чалки. Нет. Через четыре дня ярмарка закончится, Санта уедет, и змеелов больше не сможет ее беспокоить».

— Ну а я думала, что это ты. Я думала, ты шпионишь за мной! Вот глупость! — Она засмеялась и потянула Билли на кровать. — Садись. Хочешь пива?

— Нет. Спасибо. — Юноша оглядывался по сторонам, пока Санта возилась в холодильнике и открывала «Миллер».

— Извини за беспорядок. Иногда я становлюсь ленивой, как книжная страница. — Она отпила пиво из банки, подошла к окну и снова выглянула наружу. — Проклятие! Льет еще сильнее. — Стало слышно, как по крыше трейлера барабанят дождевые капли. — Я хотела сходить на это ваше «Призрак-шоу». — Девушка опустила занавеску и повернулась к Билли. — Ты веришь в привидения?

Юноша кивнул.

— Я тоже. Знаешь, я родилась в Новом Орлеане, а это самый густонаселенный призраками город во всей стране. Они так и кишат в деревянных строениях. Конечно, я не видела ни одного, но... — Она села рядом и вытянула длинные обнаженные ноги. Через разрез халата были видны ее бедра. — Черт побери! Я думаю, Бадди не придет. Ублюдок обманул меня. Обещал дать работу в Бирмингеме после того, как ярмарка закроется.

— И что ты будешь делать?

— Не знаю, может быть, поеду домой. Мои дети живут вместе с бабушкой. Да, не удивляйся! У меня две маленькие девоч-

ки. Я не выгляжу так, будто у меня двое детей, да? — Санта похлопала по своему плоскому животу. — Как ты считаешь, на сколько я выгляжу?

Билли пожал плечами.

— Не знаю. Может быть... года на двадцать два, — сделал он комплимент.

Глаза Санты блеснули от удовольствия. Стук дождя по крыше убаюкивал и гипнотизировал.

— Как ты думаешь, у меня красивое тело?

Билли покраснел.

— Ну... конечно. Симпатичное.

— Я горжусь тем, как выгляжу. Поэтому люблю танцевать. Может быть, когда-нибудь я открою свою собственную школу танцев и буду давать уроки, но пока мне нравится выходить на сцену и чувствовать, что люди наслаждаются, глядя на меня. — Она отхлебнула пиво и озорно посмотрела на Билли. — Ты наслаждаешься, глядя, а?

— Да.

Санта рассмеялась.

— Ха! Чокто, ты побил все рекорды! Сидишь, как священник в борделе! — Внезапно ее улыбка увяла, а глаза потемнели. — Но ты же не думаешь так? Не думаешь, что я шлюха?

— Нет, что ты! — ответил Билли, хотя абсолютной уверенности у него не было.

— Я не шлюха. Я просто... живу своей жизнью, и все. Я делаю то, что мне нравится, когда мне это нравится. Разве это плохо?

Билли отрицательно потряс головой.

— Твоя рубашка совсем промокла. — Санта подалась вперед и стала расстегивать пуговицы. — Ты простудишься, если ее не снимешь.

Он выскользнул из рубашки, и Санта отбросила ее в сторону.

— Так-то лучше, — сказала она. — У тебя красивая грудь. Я думала, у индейцев на теле нет волос.

— Я только частично индеец.

— Ты симпатичный мальчик. Сколько тебе, восемнадцать? Нет, ты говорил, семнадцать. Ладно, по-моему, этот ублюдок Бадди сегодня не придет.

— Я не знаю.

Санта допила пиво и поставила банку на столик. Она глядела на Билли и улыбалась до тех пор, пока он весь не покраснел.

— Ты раньше когда-нибудь был с женщиной?

— А? Ну... конечно.

— Сколько раз?

— Несколько.

— Ага. А луна сделана из сыра.

Санта придвинулась к нему еще ближе и заглянула в глаза. «Очень симпатичный мальчик, — подумала она, — но его глаза скрывают секреты; возможно, такие, которых лучше не знать». Бадди не придет, это ясно. Льет дождь, она одинока, и ей не нравится спать одной, когда тот, кто прислал ей пучок сухих роз, возможно, бродит около трейлера. Она дотронулась пальцем до его груди.

— Ты хотел меня все это время, правда? Ты не должен этого стыдиться. — Ее палец остановился на пряжке его ремня. — Ты мне нравишься. Черт возьми, послушай! Обычно я отбиваюсь от парней! Почему ты другой?

— Я не другой, — ответил Билли, стараясь говорить спокойно. — Я... я просто уважаю тебя.

— Уважаешь меня? Я давным-давно поняла, что уважение не согреет кровать холодными ночами. А я, чокто, пережила много таких ночей. И еще переживу. — Она замолчала, водя пальцем по животу Билли; затем схватила его руку и очень медленно облизала пальцы.

Он сжал ее руку и сказал:

— Я... Не знаю, что надо делать. Я, возможно, не так хорош.

— Я выключаю свет, — ответила Санта, — и ложусь в кровать. Я хочу, чтобы ты разделся и лег вместе со мной. Согласен?

Билли хотел сказать «да», но не мог произнести ни слова. Санта узнала стеклянный блеск в его глазах. Она встала, сброси-

ла халат и обнаженная направилась к лампе. Свет погас. Билли услышал, как зашелестели простыни. Дождь все стучал по крыше, перемежаясь далекими раскатами грома. Билли, как во сне, поднялся на ноги и расстегнул ремень.

Сбросив одежду, он подошел к кровати и увидел на подушке золотые волосы Санты, которая свернулась латинской буквой «S». Она потянулась к Билли, тихо шепча его имя, и когда он прикоснулся к ней, между ними пробежал электрический разряд. Дрожа от возбуждения и смущения, юноша скользнул под простыню: Санта обняла его, нашла его рот, и ее язык стремительно ринулся между его губ. Билли не солгал, когда говорил, что не знает, что делать, но когда Санта сжала ногами его бедра, он очень быстро все понял. Потом было тепло, звук частого дыхания и приближающиеся раскаты грома. Санта возбуждала его все сильнее, больше, но когда он был готов взорваться, заставила его лежать неподвижно, прижимаясь к ней до тех пор, пока он снова не смог продолжать.

Голову Билли наполнили карнавальные огни. Санта положила его на спину и уселась сверху, откинув голову и раскрыв рот так, будто собиралась ловить капли дождя, стучащие по крыше. Она ошеломила его чередованием резких ударов, заставляющих ощущать боль, и продолжительных, медленных и затянутых движений, производящих впечатление падающего пера. Ее язык играл с его телом, словно мягкая кисточка, следуя изгибам мускулов. Потом она рассказала ему, что ей нравится, и ободряла его, когда он прикоснулся к ее соскам, облизал груди и мягкий живот, а потом спустился вниз, в ложбинку между ног. Санта прижала дрожащие бедра к голове Билли, а руками вцепилась в его волосы. Она тихо стонала, и ее терпкий аромат наполнил воздух.

Снаружи, под проливным дождем, в завязанном под подбородком дождевике, стоял Фиттс. Он видел, как Билли зашел в трейлер и погас свет. Его очки с тонированными голубыми стеклами заливал дождь, но ему больше не нужно было ничего видеть. Он знал продолжение. Сердце змеелова стучало от боли и ярости. «Мальчик? — думал он. — Она затащила в постель даже

глупого мальчишку?» Его руки в карманах сжались в кулаки. Неужели она безнадежна? Блеснула молния, за которой последовал оглушительный раскат грома, который, казалось, потряс весь мир. Он испробовал все, что мог придумать, и проиграл. Но осталась еще одна вещь.

Нужно пойти к «Спруту», встать перед ним и ждать голоса, который скажет, что делать. Фиттс еще немного постоял, глядя на темный трейлер, а затем по грязи побрел в направлении карусели. Но еще задолго до того, как он подошел к аттракциону, в его измученном мозгу раздался свистящий шепот: «Убийство».

40

Наступило двенадцатое октября — последний день карнавала. Окружная ярмарка закрывалась. Дождь закончился, и последние два выступления шли успешно. После заключительного представления «Призрак-шоу» Билли помог доктору Чудо прибраться и только усмехнулся, когда Чудо едко спросил его, почему это он наконец-то стал выглядеть таким счастливым.

Билли вышел на улицу и направился по уже привычной дороге. Огни над шатрами начали постепенно гаснуть. Проходя мимо «Спрута», он отключился от голосов, а потом некоторое время прождал около шатра «Джангл Лав», где Санта обещала встретить его. Когда она появилась с опозданием на пятнадцать минут, Билли увидел, что она соскребла с себя большую часть вызывающего макияжа.

В трейлере Санта продолжила образование Билли. Час спустя он лежал совершенно без сил, крепко сжимая ее в объятиях. Сквозь тонкую пленку сна юноша слышал стук молотка Бака Эджера, колотящего по чему-то металлическому. Он проснулся и стал прислушиваться, пока Санта не зашевелилась и не поцеловала его сильно и сладко.

— Я хотел бы, чтобы это продолжалось вечно, — после паузы произнес Билли.

Санта села в кровати. Вспыхнула спичка, и загорелся огонек сигареты; в его сиянии Санта выглядела красивой и ребячливой.

— Что ты собираешься делать после того, как ярмарка закончится?

— Поеду в Мобиль с доктором Чудо. Потом... Наверное, вернусь в Готорн. Это было прекрасное лето. Я не забуду его. И тебя.

Девушка взъерошила ему волосы:

— Эй! Я знаю, что будет действительно прекрасно! Горячий душ! Мы как раз поместимся там вдвоем. Мы намылимся, станем скользкими, и... ох, я трепещу об одной только мысли об этом! Хорошо?

— Конечно, — улыбнулся Билли.

— Тогда вперед, под горячий душ! — Санта соскочила с кровати и, как была, нагая, побежала в крошечную ванную. — Я позову тебя, когда буду готова, — предупредила она, хихикая, как школьница. Затем вошла внутрь и закрыла дверь.

Билли сел на кровати. Его сердцебиение участилось, а внизу живота возникло болезненное ощущение. Он не был уверен, но на секунду, когда на Санту упал прямоугольник света из ванной комнаты, ему показалось, что он видит вокруг девушки светло-серый туман. В затылке забилась тревога, и он направился к ванной.

Санта, вся порозовевшая, протянула руку за зеленую пластиковую занавеску и включила горячую воду. Однако вместо звука воды, падающей на фарфор, раздался другой — мокрый глухой плеск. Санта отодвинула занавеску и посмотрела в ванную.

Вода лилась на большую пеньковую сумку, завязанную сверху. Девушка потянулась за ней, не обращая внимания на голос Билли, раздавшийся прямо за дверью:

— Санта!

Сумка была очень тяжелой и шершавой.

— Санта!

В следующую секунду из сумки выстрелила треугольная голова со сверкающими глазами, и длинное тело подобно пру-

жине взвилось вверх в горячем тумане. Санта инстинктивно отшатнулась назад, но кобра ударила ее в щеку, и девушка откинулась к стене, ударившись головой о кафель. Она булькающе закричала, поскользнулась в ванной и упала боком в крутой кипяток.

Билли ворвался в ванную, ничего не видя из-за пара. Кобра прыгнула в его сторону. Он отдернул голову, и клыки прошли в нескольких дюймах от его лица. Кобра выползла из ванной. Билли видел, что Санта обварилась, и попытался схватить ее за колени. Кобра зашипела, расправив капюшон, и снова попыталась ударить его. Билли отступил. Змея подняла голову и наблюдала за ним своим ужасным гипнотизирующим взглядом, а пар продолжал наполнять ванную комнату.

Билли был раздет, но об одежде не думал. Он рванулся к выходу, отодвинул щеколду, но дверь даже не шелохнулась. Он ударил ее плечом и услышал звон замка в дужке. Но Санта сняла замок, когда они пришли! Только тут он понял, что произошло: змеелов приходил сюда и принес змею в ванную комнату заранее, чтобы убить их обоих, а потом, пока они спали, закрыл трейлер своим замком. Он снова ударил в дверь и позвал на помощь.

Пар начал выползать из ванной. Билли ощупью нашел настольную лампу, поставил ее на пол и щелкнул выключателем. Скупой свет осветил помещение, и юноша увидел, что кобра уже в комнате. Она снова стояла в стойке, неотрывно глядя на Билли, и тут послышался низкий, страшный стон Санты. Кобра зашипела и поползла вперед, стараясь защитить свою новообретенную территорию.

Билли бросился к кухонному столу. Открыв ящик, он выкидывал из него губную помаду и косметику, пока его рука не наткнулась на хромированный пистолет. Когда он повернулся, кобра подползла уже совсем близко, ее голова раскачивалась вперед-назад. Билли схватил с кровати подушку, и в тот же момент кобра прыгнула вперед. Ее удар по силе был равен удару кулака взрослого мужчины. К счастью, он пришелся в подушку. Билли поднял пистолет и спустил курок, но ничего не произошло. Предохранитель! Змея лежала не-

подвижно и наблюдала за своей жертвой. Билли нужно было отбросить подушку, чтобы освободившейся рукой снять пистолет с предохранителя. Но кобра все еще находилась на расстоянии удара, поэтому юноша отступил назад, насколько это было возможно.

Кто-то забарабанил в дверь. Голова кобры повернулась в сторону нового источника вибрации, и в тот же момент Билли с гортанным криком бросил в нее подушку. Когда голова кобры стала выбираться наружу, он уже сдернул предохранитель, и пистолет был готов к употреблению. Билли выстрелил — раз, два, три, четыре! В воздухе завоняло порохом, а кобра начала дико дергаться — ее голова почти оторвалась от тела. Она попыталась встать в стойку, но рухнула на пол и стала корчиться, зацепившись хвостом за ножку кухонного стола. Билли подошел к поверженной противнице и поднял пистолет. Змея глянула на него ужасным глазом, и ее голова разлетелась от пятой пули.

Дверь распахнулась, и двое мужчин отпрянули при виде извивающейся на полу змеи. А Билли уже вбежал в заполненную паром ванную комнату и вытащил Санту из горячей воды. Ее бок был покрыт волдырями. Билли увидел змеиный укус и заметил, что серая аура потемнела.

— Вызовите «скорую»! — крикнул он мужчинам. — Быстрее! Ее укусила змея!

Они завернули девушку в простыню, а Билли натянул свои штаны. Возле трейлера собралась толпа любопытных, пытающихся выяснить, что произошло. Когда приехала «скорая помощь», Билли объяснил санитару, что Санту укусила кобра, поэтому надо поторопиться. Он посмотрел, как машина уносится прочь, завывая сиреной, а затем услышал, как кто-то сказал, что вот-вот приедет полиция.

Продолжая сжимать пистолет в руке, Билли вернулся в трейлер и нашел в ящике кухонного стола коробку с патронами. Вставив новую обойму, он миновал толпу, оживленно обсуждающую происшествие, и направился к основному проходу между шатрами. Он слышал сирену подъезжающей полицейской машины, но не остановился. Проходя мимо «Спрута»,

он услышал высокий визгливый смех. Бак Эджерс, держа в руке молоток, оторвался от работы и посмотрел на Билли тревожными, глубоко запавшими глазами, но юноша не обратил на него никакого внимания. У входа в шатер «Змеи-убийцы» Билли снял пистолет с предохранителя, его сердце громко стучало, требуя мести. Он двинулся вперед и не удивился, когда дверь — рот рептилии — бесшумно отворилась.

— Выходи, ублюдок! — закричал Билли.

Внутри стояла непроглядная тьма. Не было заметно никакого движения, однако Билли показалось, что он слышит шорох домашних животных Фиттса.

— Я сказал, выходи, или я вытащу тебя оттуда! — Он направил пистолет в темноту. — Ты, ублюдок, у меня пистолет!

Он постарался успокоиться и шагнул в темноту. Его рука почти припаялась к пистолету.

— У меня пистолет! — снова предупредил он, напрягшись и ожидая атаки. Но все было тихо, и постепенно юноша разглядел смутные очертания стоящих рядами клеток. Над головой блеснула колба электрической лампочки; Билли нашарил выключатель и повернул его. Лампочка вспыхнула, слегка покачиваясь и отбрасывая вокруг огромные искаженные тени.

У дальней стены на матрасе лежал низенький лысый мужчина в коричневом костюме. Его руки сжимали тело серо-зеленого боа, обвившегося вокруг его шеи. Очки мужчины упали, а лицо имело бледно-синий цвет. К пиджаку мужчины булавкой была приколота записка. Она гласила: «УБИЙСТВО УБИЙСТВО УБИЙСТВО УБИЙСТВО САМОУБИЙСТВО». Билли смотрел на записку, пытаясь понять, какое безумие заставило этого мужчину обернуть боа вокруг собственной шеи и лечь умирать. Он приколол записку обратно, чтобы ее могла найти полиция, и внезапно его захлестнула волна мучительной боли. Он видел, что Санту окружала серая аура, а не черная: но что это означало? Его глаза опалили слезы; Билли вышел из шатра и посмотрел в ту сторону, где между трейлеров мигали красно-синие огни полицейского автомобиля.

Подул холодный ветерок, и его тело покрылось мурашками. Вдоль улицы летели клочки бумаги, крутящиеся в мини-

атюрном торнадо. Взгляд Билли упал на «Спрут». Бак Эджерс работал как заведенный.

— Билли! Боже мой, что с тобой случилось?

Из грузовика «Призрак-шоу», припаркованного рядом с «фольксвагеном», выбрался доктор Чудо в старых панталонах и пижамной рубахе. От него исходил резкий запах бурбона. Он заметил пистолет и остановился.

— Билли?

— Все в порядке. Санту забрали в госпиталь. Ее укусила кобра. Это произошло в ванной комнате, когда она... — Его голос прервался.

Чудо осторожно вынул из руки юноши пистолет.

— Ты выглядишь так, будто тебя обласкала смерть. Пошли, я налью тебе стаканчик бурбона, и ты все мне расскажешь...

— Нет. Не сейчас.

Не обращая внимания на то, что происходило вокруг, Эджерс поднимал и опускал молоток на болт, который, вероятно, никогда и не выпадал из своего гнезда. Билли подумал, что «Спрут» износил Эджерса, все время командуя им, используя как марионетку. Возможно также, что он захватил какую-то часть змеелова. Билли слышал слабые крики и знал, что «Спрут» хочет и его. Он хочет сожрать его, всосать его душу и силы в свои жадные черные цилиндры и клапаны.

«Силен ли ты? Силен ли ты сердцем?»

Рука юноши скользнула в карман и нащупала кусочек угля. Билли не помнил, когда положил его в эти брюки; он думал, его талисман все еще лежит вместе с другими вещами в чемодане под одеялом в дальнем углу шатра «Призрак-шоу». Кусочек угля напомнил ему о силе, которой он обладает, о риске, который его ждет в том случае, если он продолжит свой Неисповедимый Путь. Если же он отступит, если перестанет доверять своему внутреннему голосу, тогда то, что населяет «Спрут», победит и каким-то ужасным образом станет еще сильнее. Билли сжал уголек в кулаке и положил его обратно в карман.

— Билли, — позвал доктор Чудо. — Куда ты собираешься?

— Ты можешь пойти со мной, если хочешь. Но не пытайся остановить меня. Я должен это сейчас сделать. Немедленно.

— Сделать... что? Бог мой, ты что, потерял рассудок?

Тем не менее Чудо поспешил за ним, держа пистолет двумя пальцами подальше от себя, как мертвую рыбу.

Когда Билли подошел к аттракциону, Эджерс прекратил стучать молотком. Он оторвался от своей работы и повернулся. Черты его лица исказила отвратительная улыбка. В глазах светилось нетерпение. Билли понял, что «Спрут» захватил его целиком. Перед ним стоял Бак Эджерс.

Увидев эту улыбку, доктор Чудо остановился.

— Билли, — сказал он нервно, — по-моему, тебе не обязательно...

— Ну наконец-то, дружок! — прогудел Бак, сверля Билли взглядом. — А я уж подумал, что ты никогда не придешь!

— Я здесь.

— Тогда прошу! Ты особый гость, поэтому тебе не нужно этого долбаного билета! Я хранил карусель исключительно для тебя!

Эджерс подошел к закрытой гондоле и сорвал брезент. Ржавая дырявая посудина была покрыта остатками оранжевой краски. Эджерс откинул защитную сетку, открыв заляпанные ржавчиной внутренности гондолы.

— Идеально подходит для тебя.

— Я бы на твоем месте не садился в это ржавое корыто, — сказал доктор Чудо, потянув Билли за руку. — Нет, я просто запрещаю! Я обещал твоей матери присматривать за тобой, и я запрещаю тебе делать это! Слушай, пойдем в шатер и...

— Заткни свою пасть, старый пердун, — тихо проговорил Бак Эджерс, сверкнув глазами. — Парень вырос. Он стал мужчиной. У него свой ум, и он сам знает, что ему делать. Шоу вот-вот начнется! — Он сделал приглашающий жест, указывая на гондолу.

Билли высвободился из объятий доктора Чудо. Он должен сделать это сейчас, пока в нем бушует ярость. Он двинулся вперед, но неожиданно путь ему преградила жена Эджерса. Ее круглое лицо побледнело от ужаса.

— Нет, пожалуйста... — пролепетала она. — Мальчик, не делай этого. Ты не понимаешь. Ты не видишь...

— ЗАТКНИСЬ, ЧЕРТОВА СУКА! — проревел Эджерс, замахиваясь на нее молотком. Женщина вздрогнула, но не отступила.

— Эта машина, — продолжала она, глядя на Билли, — детище Сатаны. Бак приобрел ее по дешевке в Джорджии и с первого же дня перестал заниматься чем-либо, кроме как ее ремонтом. Она рассекла ему лицо, сломала обе ноги и...

— ЗАТКНИСЬ, ЗАТКНИСЬ, ЗАТКНИСЬ! — Эджерс захромал к ней, подняв молоток.

— Пожалуйста, Бак, не надо! — закричала женщина и увернулась от страшного удара, который мог раздробить ей плечо. Она упала на четвереньки, а ее муж встал над ней, дыша, как загнанный зверь. Женщина кинула на него умоляющий взгляд и сказала:

— Я люблю тебя, Бак...

Билли увидел, как выражение лица Эджерса изменилось. Он неуверенно заморгал, а его ужасная улыбка уменьшилась на несколько дюймов. На мгновение он стал просто измученным человеком, который никак не может поймать удачу; затем его губы опять растянулись, а глаза полыхнули огнем.

— Прекрасно. Оставайся здесь и веди себя как послушная девочка, — сказал он жене.

— Давай! — крикнул Билли. — Я жду тебя!

— О да! Конечно! Хозяин приказывает, слуга подчиняется. Сейчас-сейчас!

Он хихикал и наблюдал за тем, как Билли карабкается в гондолу. Сиденье представляло собой неудобную искореженную массу винила, а сквозь дырки в полу можно было увидеть землю. Билли вытянул ноги и оперся о спинку сиденья. Затем обнаружил ремень безопасности и крепко привязал себя над коленями. Подошел Эджерс, со звоном закрыл проволочный защитный колпак и вставил маленький металлический стержень в дужку для замка.

— Все чики-чики? Отлично. Тогда можно начинать.

Эджерс проковылял к генератору и включил его. Огни карусели мигнули и ярко вспыхнули. Исправные лампы, которые складывались в название аттракциона «СПРУТ», жужжали, как

рассерженные пчелы. Эджерс встал около пульта управления и включил двигатель, который застонал, задребезжал и начал раскручивать свои колеса и поршни.

— Попался! — крикнул Эджерс, нажимая на ручку газа. Его лицо покраснело, глаза вылезли из орбит.

— Билли! — закричал доктор Чудо, отступая от «Спрута».

Гондолы медленно набирали скорость. Голова Билли откинулась назад. Но Эджерс жал и жал на рукоятку газа, и щеки юноши покраснели от возрастающей силы тяжести. Гондолы начали подниматься — пять футов, десять футов, пятнадцать...

В следующую секунду море криков, стонов и рыданий — звуков ужаса, некоторые из них были высокими, а некоторые такими низкими, что Билли не слышал, а чувствовал их своим телом, — окружили его со всех сторон. Вначале они были тихими, но постепенно становились все громче и громче. Билли слышал какофонию голосов, молящих о помощи, неожиданные, пронзающие его мозг вопли. Эта гондола была злым сердцем «Спрута», и внутри нее обитали бестелесные духи его жертв — одному Господу известно, какое количество.

Неожиданно гондола дернулась вверх, а затем со страшной скоростью стала падать. Не долетев до земли, она душераздирающе скрипнула и снова прыгнула вверх. «Спрут» начал вращаться быстрее, мир за бортом гондолы слился в сплошное месиво. Билли с перекошенным ртом попытался сконцентрироваться на голосах, сфокусировать свою энергию и притянуть к себе духов.

«Нет страха, — думал он. — Нет страха. Я могу помочь вам. Я могу...»

Внезапно его голову заполнил рев: «Нет, не можешь! Ты не можешь достать их! Я не позволю тебе достать их!»

Гондола поднималась и падала. От толчков голова Билли стучала о предохранительный колпак. Он закрыл глаза, вцепившись в потрескавшиеся виниловые подлокотники. Леденящий холод стал постепенно охватывать его тело, и в какой-то момент Билли понял, что в его мозгу вспыхивают мысли и образы по меньшей мере дюжины жертв «Спрута».

— Нет страха, — выдохнул Билли. — Просто коснитесь меня... Нет страха...

Неожиданно его словно ударило током и что-то темное появилось в гондоле рядом с ним, что-то смеющееся и вопящее.

В его голове раздалось триумфальное кудахтанье: «Теперь ты мой, мальчик!»

— НЕТ! — закричал Билли. Голос зажурчал и стих. Билли понял, что прикоснулся к злому сердцу этой машины. — Я знаю тебя! Я знаю, кто ты теперь!

«Да ну, малыш? Тогда присоединяйся ко мне».

Что-то звенело, и Билли открыл глаза. К своему ужасу он увидел, как длинные болты, удерживающие на месте защитный проволочный колпак, отворачиваются сами собой. Винты, которыми был привинчен запор колпака, уже выкрутились. Сетка сорвалась и улетела прочь. В лицо юноше ударил ветер. Отвернулся еще один болт рядом с коленками Билли. Трещины в проржавевшем корпусе расползлись, словно дыры на рваном платье. Гондола разваливалась на куски. Когда она развалится совсем, он разобьется, а карусель разбалансируется, сорвется с места и покатится по ярмарочной площади, таща за собой высоковольтные кабели.

— ОСТАНОВИ! — заорал Билли Баку Эджерсу, сгорбившемуся над панелью управления и сжимающему ручку газа. В центральном механизме, который прикреплял гондолы к телу «Спрута», раскрутилось еще несколько болтов. Один из кабелей оторвался и грохнулся вниз, роняя оранжевые искры.

Но в гондоле вокруг себя Билли чувствовал присутствие духов. Он снова сконцентрировался на их измученных голосах и увидел слабый туман, который клубился, образовывая многорукую и многоголовую фигуру. Эта фигура тянулась к нему, словно испуганное животное.

— О Боже, — прошептал Билли, — помоги мне, пожалуйста, помоги...

Болты продолжали выкручиваться. Под ногами у Билли отвалилась секция пола, и доктор Чудо еле увернулся от пролетевшего у него над головой острого, зазубренного листа железа.

Билли погрузил руки в массу из призраков, и ему показалось, что он нырнул в пруд с ледяной водой. Его начало трясти.

— Вы можете уйти отсюда... через меня! — закричал он ветру. — Я заберу вашу боль, если вы мне ее отдадите!

«Нет! Ты попался! Вы все попались!»

— Пожалуйста! Я заберу ее у вас! Она останется со мной, и вы сможете уйти отсюда! Пожалуйста, дайте мне...

Гондола задрожала и покачнулась, выпав из поддерживающей ее штанги. Сквозь Билли потекли потоки ужаса.

Туманная фигура заволновалась, дюжина рук потянулась к Билли. Дюжина искаженных ужасом лиц клубилась, словно дым. С металлическим скрежетом упал вниз правый борт гондолы.

«Я их хозяин, их хранитель, тебе не одолеть меня!»

— Нет! Ты питаешься их страданиями, чтобы сделаться еще сильнее! — Гондола резко упала вниз, а затем прыгнула вверх, заставив юношу клацнуть зубами. Билли вцепился в духов, его руки были словно заморожены.

— Позвольте мне увести вас отсюда! Пожалуйста!

В следующий момент призрачная фигура стала обтекать его со всех сторон. Ледяные куски белого вещества покрыли его лицо, волосы, плечи. Тело Билли заполнило множество людей, событий, эмоций, и он закричал от давления дюжины жизненных опытов, вошедших в его мозг. Разноцветные руки сцепились, и холодная масса стала всасываться в него.

«Ты не можешь! Я не...»

— ...позволю тебе! — крикнул Бак, сверкая глазами. Вне себя от ярости, он жал на рукоятку из последних сил, а затем навалился на нее всем телом. Деревянная рукоятка треснула, и Эджерс с торжествующей улыбкой отшатнулся в сторону. Теперь карусель стала неуправляемой и должна была крутиться до тех пор, пока не отлетит висящая всего на двух винтах гондола. — Я выиграю! Посмотрите на летающего мальчика! Посмотрите, как он упадет!

Чудо приставил пистолет к затылку Эджерса.

— Останови эту проклятую машину, или я пристрелю тебя!

Эджерс обернулся; его глаза закатились и были видны только залитые кровью белки. Он усмехнулся, словно череп, и прошептал слова песенки:

— Давай поиграем в малберри-буш, в малберри...

— ОСТАНОВИ СЕЙЧАС ЖЕ, Я СКАЗАЛ!

— Ты не застрелишь меня, старик! Ты не осмелишься застрелить меня!

Чудо нервно сглотнул и отступил на шаг. Он видел, что гондола вот-вот отвалится. Искрящие кабели мотались в воздухе.

— Черта с два! — крикнул Чудо и ударил Эджерса по лицу пистолетом. Из разбитого носа брызнула кровь. Демон с рыбьими глазами захохотал. Чудо нанес второй удар, разбив ему бровь. Эджерс зашелся смехом и выплюнул изо рта несколько зубов.

— Давай поиграем в малберри-буш, в мал...

Внезапно раздался треск, и на землю посыпались искры. Жена Эджерса, вооружившись деревянной палкой, исступленно молотила ею по генератору, пытаясь вырвать кабели.

— НЕТ! ОТОЙДИ ОТ НЕГО! — закричало существо внутри Бака Эджерса. Он двинулся вперед, оттолкнув доктора Чудо, но кабели уже оторвались, и деревянная палка в руке женщины вспыхнула ярким пламенем. Огни, украшающие карусель, погасли. Чудо изо всех сил нажал на педаль тормоза. «Спрут» начал медленно останавливаться.

— НЕТ! — завыл Эджерс, и его лицо стало желтым, как лист пергамента. Гондолы медленно опускались вниз.

— Это несправедливо! Несправедливо... — заскулил Эджерс. Его голос начал замедляться, словно звук проигрывателя, если его выключить, оставив тонарм на пластинке.

— Не-е-е-спра-а-аве-е-едли-и-иво-о-о. Не-е-е-спра-а-аве-е-едли-и-иу-у-уо-о-о...

Он упал в опилки, свернувшись, словно эмбрион, и зарыдал.

Когда «Спрут» остановился, Чудо бросился вытаскивать Билли из остатков гондолы. Мальчик явно замерз и дрожал как осиновый лист. Чудо обнял Билли за плечи и потащил его сквозь болтающиеся на ветру мертвые кабели. Как только они отбежали на несколько шагов, внутри машины что-то треснуло; в разные стороны полетели болты, гондолы упали на землю, и в следующий момент машина развалилась, превратившись в кучу металлолома, как будто цемент, связывающий «Спрут»

воедино, внезапно растворился. Поднявшаяся пыль желтыми клубами унеслась на ярмарочную площадь.

— Нет страха, — бормотал Билли, — пожалуйста, позвольте мне сделать это, я не хочу умирать, дайте мне выйти, нет страха, нет боли...

Чудо склонился над ним.

— Все хорошо. Все закончилось... Боже мой!

Юношу мучила какая-то невидимая боль, заставляя его трепетать и мерзнуть. Он стонал и всхлипывал, его голова дергалась взад-вперед. Чудо оглянулся и увидел, как женщина склонилась над своим рыдающим мужем.

Она обняла его, качая, как ребенка.

— Наконец-то, — говорила она сквозь слезы, текущие по лицу. — О всемогущий Боже, наконец-то мы избавились от этого монстра!

Та малость, которая осталась от «Спрута», не годилась даже для свалки. Чудо поежился, вдруг осознав ту силу, которой обладал Билли Крикмор; он не понимал ее, но она заставляла кровь стынуть в жилах.

Неожиданно Билли вздохнул и открыл глаза, словно выныривая из кошмара. Его белки стали рубиново-красными.

— Они ушли? — прошептал юноша. — Я сделал это?

— Я... думаю, да, — ответил Чудо, заметивший фигуры, появившиеся из темноты. Он сжал руку Билли. Его пальцы были такими холодными, какими, по мнению Чудо, могли быть только пальцы покойника.

Для исполнителей «Призрак-шоу» ярмарка закончилась.

41

Они прибыли в Мобиль вечером следующего дня в грузовике с оборудованием. Поскольку Билли был не в состоянии управлять машиной, «фольксваген» пришлось оставить на стоянке в Бирмингеме. Чудо решил нанять кого-нибудь, чтобы перегнать его.

«Мальчик болен», — мысленно повторял Чудо всю дорогу до Мобиля. Билли попеременно трясся то от холода, то от жары; большую часть дороги он проспал, но издаваемые им стоны и дрожь свидетельствовали о кошмарах, терзающих его во сне. Чудо хотел посадить юношу в автобус и отправить в Готорн, но Билли отказался, сославшись на то, что обещал съездить в Мобиль, и уверяя, что с ним будет все в порядке, когда он немного отдохнет.

Наконец бледность Билли перешла в серо-коричневый цвет, и он свернулся калачиком под зеленым армейским одеялом. В груди у него шипели эмоции, а ужас пробирал его до самых костей.

Они ехали по плоскому пляжу Мобиля, и маленькие волны с грязно-зеленой пеной наползали на голый коричневый берег. Чудо покосился назад и увидел, что Билли проснулся.

— Ну что, тебе лучше?

— Да. Лучше.

— Когда мы остановимся, тебе надо поесть.

Билли покачал головой.

— Мне кажется, я не смогу даже посмотреть на пищу.

— Я не жду от тебя помощи в этих условиях. Во всяком случае, после того, что произошло. Ты слишком болен и слаб.

— Со мной все будет в порядке.

Билли задрожал и поплотнее закутался в грубое одеяло, хотя воздух Мексиканского залива плавился от жары. Он смотрел в окно на перекатывающиеся волны, пораженный видом такого огромного количества воды; солнце садилось в серые облака, заливая пляж жемчужным сиянием.

— Мне следовало бы посадить тебя в автобус и отправить домой, — сказал Чудо. — Ты знаешь, я... не понимаю, что произошло прошлой ночью, и, может быть, не хочу понимать, но... мне кажется, ты очень необычный юноша. И эта способность, которой ты обладаешь, накладывает на тебя очень необычные обязанности.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты со своей... силой, даром, способностью — называй это как хочешь — должен помочь тем пара-

психологам, о которых я тебе рассказывал. Если ты умеешь общаться с умершими — «класть мертвых на покой», кажется, так ты это называешь, — то тебе следует работать с учеными, а не путешествовать с карнавалами или прозябать в городишке размером с почтовую марку. Билли, у тебя есть что им предложить; возможно, ответ на огромное количество загадок... или, может быть, начало новых. Скажи... это всегда на тебя так действует?

— Это со мной только второй раз. Тогда тоже было плохо, но сейчас просто... агония. Это все равно что запереть внутри себя страшный крик и не найти голоса, чтобы дать ему вырваться. Я чувствую себя так, словно горю, но одновременно мне холодно. Моя голова забита до отказа, и я не могу... нормально думать.

Он вздохнул, издав звук, более похожий на стон, и, закрыв глаза, уронил голову на сиденье, но снова быстро открыл их, потому что в его мозгу пронеслось странное видение — последнее, что видели люди, погибшие на карусели: вращающееся небо и сияющие огни, пальцы, вцепившиеся в сетку защитного колпака, мир, с ужасающей скоростью превращающийся в мешанину цветов.

Доктор Чудо проехал по длинному мосту и свернул на улицу, где стояли старенькие деревянные дома. Большинство из них представляли собой обшарпанные двухэтажные строения, вид которых напоминал о беспощадной руке времени и ветровой эрозии. Чудо остановил грузовик около большого дома с верандой и окнами, закрытыми ставнями. Белая краска местами облезла, оголив серое дерево. Они еще немного посидели в грузовике, глядя на сгущающиеся сумерки.

— Ты не должен так делать.

— Я знаю. Судя по тому, как я себя чувствую, я не выдержу еще раз.

— То, что ты сделал, стоило этой боли?

Билли обдумал вопрос, а затем кивнул:

— Да. Стоило.

— И в следующий раз ты снова сделаешь это?

— Я стараюсь... думать, что достаточно силен, но я боюсь. А когда я боюсь, то становлюсь слабее. — Билли устало взглянул на Чудо. — Я не хочу быть таким, какой я есть. Я никогда не просил об этом. О Боже, как бы мне хотелось хоть ненадолго забыть о духах, черной ауре и Смерти!.. Я хочу стать таким, как все другие.

— Все другие тоже боятся, — тихо сказал Чудо. — И разве ты не понимаешь, что ты, возможно, единственный из людей, кто не должен бояться, потому что ты обладаешь способностью заглянуть сквозь Смерть на другую сторону жизни? Ты знаешь, что уход в землю — это еще не конец жизни; и если ты сможешь помочь другим людям осознать это, то тем самым... твоя жизнь перевернет устоявшийся порядок вещей! Бог мой, что за перспектива у тебя! Если бы у меня хватило смелости и силы духа, я бы уговорил тебя совершить со мной турне по стране, демонстрируя общение с миром духов! Мы бы стали либо миллионерами, либо нищими!

Билли мрачно улыбнулся.

— Однако, — продолжал Чудо, — твое будущее никак не связано с карнавалами. Подумай про институт парапсихологии в Чикаго, о котором я тебе рассказывал. Ладно?

— Ладно. Я подумаю.

— Хорошо. Ну, ты готов? Мы оставим оборудование в грузовике.

Они вылезли из кабины, и Билли двинулся вслед за доктором Чудо по заросшей тропинке. У него едва хватило сил взойти по ступеням на веранду.

Скудная обстановка дома удивила юношу. Все вокруг было покрыто толстым слоем пыли, воздух казался затхлым, хотя комнаты были большими и когда-то, по-видимому, выглядели великолепно. В холле на полу громоздились ящики и коробки; свернутый и покрытый паутиной ковер стоял в углу рядом с шаткой бледно-зеленой софой и кофейным столиком, заваленными газетами и журналами. По обе стороны от камина стояли книжные полки. Календарь, свешивающийся с гвоздя, застыл на апреле 1968 года.

— Извини за беспорядок, — сказал Чудо. Он распахнул дверь пошире, чтобы проветрить помещение. — Я забил окна после того, как прошлым летом мне побили стекла. Это дешевле, чем вставлять новые. Слава Богу, что электричество еще работает.

— У вас есть телефон?

Билли хотел позвонить в госпиталь в Бирмингеме, чтобы справиться о здоровье Санты Талли. Ранним утром он звонил туда дважды, но дежурная сестра сказала, что Санта все еще находится в критическом состоянии, хотя ей сразу ввели вакцину, специально привезенную из Флориды.

— Нет, к сожалению, нет. Мне некому звонить. Присаживайся, пожалуйста.

Он собрал газеты с софы и бросил их на пол.

— Я знаю, что ты беспокоишься о своей подруге, но я уверен, в больнице сделают все, чтобы спасти ее. Если захочешь, мы найдем попозже телефонную будку.

Билли кивнул и направился к книжным полкам. Он видел вокруг девушки бледно-серую ауру, а не черную — означает ли это, что у нее есть шанс выжить?

— Почему бы тебе не сесть и не отдохнуть? — спросил Чудо. — Я загляну на кухню, возможно, там найдется что-нибудь поесть. Хорошо?

Билли кивнул, и Чудо прошел в заднюю часть дома.

— Как ты относишься к вермишели с курицей? — послышался через некоторое время его голос. — Она консервированная, так что, думаю, ее можно есть.

— Чудесно, спасибо.

Билли заглянул в соседнюю комнату. Там стояли разобранный письменный стол и пианино с желтыми клавишами. Юноша нажал на несколько клавиш и услышал звук, похожий на мяуканье рассерженной кошки. Через другую дверь он вышел в переднюю и увидел лестницу, о которой ему рассказывал доктор Чудо. Над верхней ступенькой с потолка свешивалась одинокая лампочка, излучающая мрачный серый свет.

Билли коснулся перил и услышал, как доктор Чудо на кухне сражается с кастрюлями и сковородками. Он стал медленно

подниматься по лестнице, крепко сжимая перила, и, достигнув верха, уселся на последней ступени. На кухне текла вода.

— Кеннет? — тихо позвал Билли.

Он подождал несколько минут, пытаясь сосредоточиться и преодолеть стену остаточного ужаса.

— Кеннет? — прошептал он.

У подножия лестницы показался Чудо. Некоторое время он стоял неподвижно, а затем поставил ногу на нижнюю ступеньку.

Билли вздохнул и покачал головой.

— Я не думаю, что здесь кто-то есть или когда-либо был.

— Я знаю, — тихо ответил Чудо. — Я... надеялся, что Кеннет приходил сюда, но... это просто самообман. И если бы здесь осталась какая-то его часть, то это означало бы, что он в беде, не так ли?

Билли кивнул.

— Я не знаю, что видела Элен, если видела что-то вообще, но мы оба взвалили себе на плечи большую боль. Я думаю... увидев призрак Кеннета, Элен получила шанс начать общение с миром умерших, но вместо того, чтобы положить мальчика на покой, она попыталась воскресить его. Кеннет был отличным парнем. Он бы тебе понравился. Здесь... здесь ничего от него не осталось?

— О да. — Билли поднялся на ноги. — Вы вернули его к жизни, когда вспомнили о нем. Воспоминания не должны быть мрачными, потому что таким образом вы можете навсегда оставить с собой своего сына — в своем сердце и в своей памяти. Я думаю, что сейчас он покоится с миром и освободился от ожидания, но он все еще жив внутри вас.

— Да, — понимающе улыбнулся Чудо. — Я тоже думаю, что это очень хорошо. В моей памяти Кеннет навсегда останется симпатичным юношей в военной форме и самым лучшим сыном, которого только можно себе пожелать. — Он опустил голову, и Билли услышал глубокий вздох. — Пойду посмотрю, как там суп. Они у меня часто выкипают.

Чудо вернулся в кухню.

Билли еще немного постоял на лестнице, держась за перила. Но ничего не происходило. Ничто не нарушало чистоту воз-

духа, ничто не пыталось наладить с ним отчаянный контакт, ничто не умоляло забрать его земные боли и страдания. В доме стояла мирная тишина. Билли спустился по лестнице и вернулся в комнату, где стояло пианино. Он прикоснулся к потрескавшемуся от жары дереву и провел пальцами по шатким изношенным клавишам. Затем сел на стул и извлек одну ноту, которая, дрожа, повисла в воздухе. Затем еще одну, из басового регистра, — она застонала, словно ветер в зимнюю ночь. Юноша извлек одновременно три ноты и вздрогнул от их диссонансного причитания. С третьей попытки у него получился сладкий гармоничный аккорд, который словно бальзам остудил его воспаленный мозг. Глядеть на клавиатуру, понимать ее было тайной само по себе: почему одни клавиши белые, а другие черные? Как люди извлекают из них музыку? Для чего нужны эти педали?

Внезапно он ударил по клавиатуре обоими кулаками. Клавиши застонали и заверещали, и Билли почувствовал, как завибрировали сначала его кулаки, затем руки, плечи, шея и, наконец, голова. Звук был ужасным, однако каким-то образом его энергия расколола горячий котел в мозгу музыканта, сделала в нем крошечную трещину, через которую хлынул тонкий ручеек. Билли ударил снова, левым кулаком. Затем правым. Затем на клавиатуру, словно молотки, упали оба кулака, и весь дом наполнился грубым дребезжанием, которое, возможно, и являлось музыкой ужаса и замешательства. Старое пианино, казалось, вот-вот взорвется; несколько клавиш из слоновой кости вылетели под беспощадными ударами, словно гнилые зубы. Когда Билли наконец смог остановиться и прислушался к затихающему эху, оно показалось ему похожим на музыку: ужасную гармонию дилетантски нажатых клавиш, затухающую и как бы растворяющуюся в самих стенах дома. Билли понял, что котел внутри него раскололся надвое и все эмоции излились в инструмент. Он почувствовал громадное облегчение.

Внезапно он вспомнил, как бабушка давным-давно говорила, что ему нужно будет найти выход эмоциям, которые он заберет у духов. Она нашла выход, занявшись гончарным делом, так же как его мать — вышиванием, а у него... Что может быть

ближе к человеческим эмоциям, чем музыка? Но как извлечь настоящую музыку из совокупности дерева и металлических струн? Как приласкать ее вместо того, чтобы забивать кулаками? Как научиться осушать боль, а не вырывать ее?

— Да, — произнес у него за спиной доктор Чудо, держащий в руках поднос с двумя тарелками супа. — Я рад, что мой дом устоял, но полиция, думаю, уже выехала. Придется предложить им присоединиться к пирушке.

— Это ваше? Вы знаете, как на нем играть?

— Я? Нет, я не смыслю в этом ни бельмеса. Моя жена... была когда-то преподавателем музыки. Осмелюсь сказать, что ты далеко не Ван Клиберн.

— Кто?

— Не имеет значения. С другой стороны, и Ван Клиберн не Билли Крикмор. Пошли поедим в холле, а то здесь темно.

Но Билли остался сидеть на стуле и снова начал тыкать пальцами в клавиши, будто пытаясь найти сокровища капитана Кидда.

— Возможно, научиться нетрудно, — сказал Чудо. — Я никогда не пытался, однако в подвале валяется целая куча старых учебников. Тебя это интересует?

Билли извлек высокую ноту и прислушался к ее звучанию.

— Да, сэр.

— Тогда я откопаю их для тебя. Возможно, они немного заплесневели, но... — Чудо поставил поднос на пианино. Он заметил, что глаза Билли блестят, а его кожа наконец-то приобрела более здоровый оттенок. — Ты очень помог мне. Я ценю все, что ты для меня сделал. Я... не знаю, что ждет тебя впереди, но думаю, я о тебе услышу. По крайней мере надеюсь, что ты напишешь мне, как у тебя дела.

— Да, сэр, обязательно.

— Я считаю тебя человеком слова. Это качество — большая редкость в наши дни. Утром я отвезу тебя на автобусную остановку; я бы мог предложить тебе ощутимую надбавку к зарплате, если бы ты присоединился ко мне на карнавале следующим летом, но... по-моему, у тебя есть дела поважнее. — Чудо улыбнулся — в голове промелькнула мысль, что сейчас он теряет

второго сына, — и дотронулся до плеча Билли. — Суп остывает. Пошли есть.

Он отнес поднос в холл, и Билли, еще чуть-чуть полюбовавшись клавиатурой, присоединился к нему. «Юноша, — думал Чудо, — я желаю тебе огромной удачи. Это самое меньшее, что тебе потребуется на твоем Пути».

И возможно — «Нет, вероятно», — сказал себе Чудо, — что еще до наступления зимних холодов он вернется в Готорн на грузовике, вернется в ту маленькую лачугу в стороне от дороги и привезет с собой пианино, которое, возможно, научится петь снова.

9. ОТКРОВЕНИЯ

42

В первую очередь Билли решил навестить отца. На простом гранитном могильном камне была нехитрая надпись: «ДЖОН БЛЕЙН КРИКМОР, 1925—1969». Он стоял на склоне холма, рядом с могилой Линка Паттерсона, между соснами, защищающими его от дождя и солнца. На земле еще виднелись следы лопат.

— Он пошел спать, — сказала Рамона. Ее выбившиеся из-под шарфа седые волосы развевал ветер. Вокруг ее глаз залегли глубокие морщины, но она все еще отказывалась повиноваться времени и держалась с достоинством, высоко подняв подбородок. — Вечером я читала ему Библию, и мы хорошо поужинали. Он много говорил о тебе и сказал, что очень старается понять... что мы такое. Сказал, что ты станешь великим человеком, и он будет гордиться тобой. Потом он решил вздремнуть, и я отправилась мыть посуду. А когда попозже зашла проведать его, он... был спокоен, как младенец. Я прикрыла его одеялом и пошла за врачом.

Билли коснулся гранитных букв. С холмов дул холодный ветер. Несмотря на то что стояла только середина октября, зима уже стучалась в двери. Билли приехал вчера и домой от остановки автобуса «Грейхаунд» у магазина Грендера шел пешком, неся в руках свой маленький чемоданчик. Подходя к дому, он увидел, что мать собирает в поле пеканы. Стул отца одиноко стоял на террасе. «Олдсмобиль» исчез. Как он потом выяснил, его сдали в металлолом, чтобы заплатить за гроб. Дом сохранился отлично, отремонтированный и покрашенный на деньги, которые он присылал, но жизнь изменилась. На лице матери появились глубокие морщины. С ее слов Билли понял, что отец умер примерно тогда, когда он увидел сон о том, как они гуляют по дороге, ведущей в Готорн.

— Ты должна была знать, — сказал Билли. — Ты должна была видеть ауру.

— Да, я видела ее, — тихо ответила Рамона. — Я знала, что он умрет, и он тоже знал. Твой отец примирился с окружающим его миром и главным образом с самим собой. Он вырастил тебя, день и ночь работая на нас. Он не всегда соглашался с нами и понимал нас, но это не имеет значения: перед смертью он любил нас так же сильно, как и всегда. Он был готов к смерти.

— Готов? — *Билли потряс головой, не веря своим ушам.* — Ты имеешь в виду, что он... хотел умереть? Нет, я не поверю в это!

Рамона взглянула на него холодным оценивающим взглядом.

— Он не боролся со смертью. Он не хотел. У него было сознание ребенка, и, как у любого ребенка, у него была вера.

— Но... я... должен был приехать! Ты обязана была мне написать! Я... даже... не попрощался с ним!..

— Что бы это изменило? — Рамона покачала головой и взяла сына за руку. По щеке Билли покатилась слеза, и он не вытер ее. — Теперь ты здесь. И несмотря ни на что, ты всегда будешь сыном Джона Крикмора. Он навсегда останется в твоей крови. Так умер ли он на самом деле?

Билли чувствовал, как ему в спину дует неутомимый ветер. Он понимал, что отец живет в его воспоминаниях, и все же... разлуку так тяжело перенести. Так тяжело потерять кого-то и

оплакивать его; гораздо легче наблюдать смерть на расстоянии, чем столкнуться с ней лицом к лицу. Он слишком долго жил в центре карнавала с его шумом и сияющими прожекторами, поэтому здесь, в долине, окруженной поросшими лесом холмами и накрытой сверху серыми облаками, Билли казалось, что он находится в центре величайшей тишины. Он провел ладонями по шершавому могильному камню и вспомнил, как отец прижимался своим небритым лицом к его щеке. «Мир вращается слишком быстро!» — подумал он. Ветер меняется слишком часто, и последнее лето его детства, похоже, осталось в прошлом. Билли радовало только одно: вчера утром, перед отъездом из Мобиля, он позвонил в госпиталь в Бирмингем, и ему сказали, что Санта Талли пошла на поправку.

— Зима уже в пути, — сказала Рамона. — Она будет очень холодной, судя по тому, какими толстыми стали сосны.

— Я знаю. — Билли взглянул на мать. — Я не хочу оставаться таким, какой я есть, мама. Я никогда не просил об этом. Я не хочу видеть духов и черную ауру. Я хочу жить как все.

— В твоей крови заговорил отец, — усмехнулась Рамона. — Я тоже не хочу. Никто никогда не обещал тебе, что это будет легко...

— Но у меня не было выбора.

— Это правда. Но его и не должно было быть. О, ты можешь жить как отшельник, порвав с внешним миром, как это пыталась сделать я после твоего рождения, но рано или поздно судьба постучит в твою дверь.

Билли сунул руки в карманы и поежился от порывов холодного ветра. Рамона обняла его. Боль сына почти разбила ей сердце. Но она знала, что боль укрепляет душу, закаляет волю, и когда он наконец переживет ее, то станет еще сильнее.

Вскоре Билли вытер глаза рукавом и сказал:

— Со мной все в порядке. Прости, что я... вел себя, как ребенок.

— Пойдем, — предложила Рамона, и они вместе стали спускаться к дороге. До дома было больше двух миль, но они не спешили.

— Что мне теперь делать? — спросил Билли.

— Не знаю. Посмотрим.

Рамона некоторое время молчала, и Билли понял, что Рамона размышляет о чем-то важном. Они дошли до ручья, журчащего между плоских камней, и Рамона внезапно остановилась.

— Мои ноги уже не те. В детстве я могла бегом преодолеть весь этот путь, даже не задохнувшись, а теперь я уже икаю, как лягушка. — Она села на камень, на котором были нацарапаны чьи-то инициалы. Билли лег в траву на живот, наблюдая, как поток воды огибает камни. — Есть кое-что, о чем я должна тебе рассказать. Я молчала при жизни отца, но он прекрасно об этом знал. Выслушай меня и не прерывай, а потом сам решишь, как тебе поступить.

— О чем ты хочешь мне рассказать?

Рамона посмотрела вверх, на стаю ворон. Далеко в вышине солнце отражалось от карабкающегося к облакам самолета.

— Мир меняется слишком быстро, — сказала она словно сама себе. — Люди дерутся на улицах, убивают и ненавидят друг друга; дети употребляют наркотики; то тут, то там безо всяких причин вспыхивают войны... мне становится жутко, потому что зло ходит, не оглядываясь, и меняет свое обличье и голос в поисках новых жертв. Оно рыщет повсюду, желая все больше и больше. Ты видел его однажды давным-давно в коптильне.

— Меняющий Облик, — утвердительно произнес Билли.

— Правильно. Он проверял тебя еще раз на карнавале, но ты оказался сильнее, чем он предполагал.

— А ты когда-нибудь видела его?

— О да. Несколько раз. — Рамона взглянула на него, прищурив глаза. — Он все время насмехался надо мной и старался обмануть меня, но я все время его раскусывала. Я не позволила ему проникнуть в мое сознание; я не позволила ему заронить во мне сомнение относительно моих способностей. Но теперь моя работа почти закончена, Билли. Теперь Меняющий Облик не видит во мне угрозы; он хочет тебя и сделает все возможное, чтобы до тебя добраться.

— Но со мной будет все в порядке, да? До тех пор, пока я не дам ему проникнуть в мое сознание?

Рамона молчала, прислушиваясь к шуму ветра в ветвях деревьев.

— Меняющий Облик никогда не сдается, Билли, — тихо сказала она. — Никогда. Он стар, и он умеет ждать. Он рассчитывает захватить тебя врасплох, когда ты этого не ожидаешь, в момент твоей слабости. И он очень опасен, когда питается умершими, как зверь, который гложет кость. Он вытягивает у духов энергию, чтобы стать сильнее. И я не знаю пределов его силы, пределов его возможностей. О, как много тебе еще нужно узнать, Билли! — Некоторое время она молча смотрела на него. — Но я не могу тебя этому научить. Жизнь научит.

— Тогда я научусь, — ответил Билли.

— Обязательно. — Рамона глубоко вздохнула. — Так вот что я хотела тебе сказать: ты пришел в этот мир не один.

— Что? — Билли непонимающе нахмурился.

— Вас было двое, — объяснила Рамона, глядя на деревья. — Ты родился первым, а вслед за тобой — твой брат. Вы лежали в моей утробе так близко, что доктора услышали стук только одного сердца, ведь тогда медицинская аппаратура была не такой совершенной. Итак, холодной ноябрьской ночью в грузовичке-никапе у меня родились двое. Вы оба родились в водяной оболочке, которая считается признаком духовной силы. Твоя закрывала тебе лицо. Его... была порвана, и он сжимал ее в своих пальцах. Уже тогда что-то внутри твоего брата не хотело, чтобы он вступил на Неисповедимый Путь. Вы не были идентичными близнецами: ты был больше похож на меня, а твой брат на отца. — Она торжественно взглянула на Билли темными глазами. — Ты знаешь, мы были бедны. Мы едва могли прокормить себя. Мы ждали одного ребенка, и нам пришлось сделать выбор. Это было самое ужасное решение в моей жизни, сынок. Есть... человек по фамилии Тиллман, который продает и покупает младенцев. Он купил твоего брата и обещал поместить его в хороший дом. — Руки Рамоны сжались в кулаки, а лицо напряглось. — Для нас это... был единственный выход, но мы долго находились в трансе. Конечно, мы пришли в себя, но твой отец уже никогда не стал прежним. Нам пришлось выбирать, и мы выбрали тебя. Понимаешь?

— Я... думаю, да.

Билли вспомнил женщину, которую он видел много лет назад на палаточной проповеди. Несчастная говорила, что продала своего ребенка. Боже, как же было больно в этот момент его матери!

— Много лет я думала, что наши пути не пересекутся. Мы с отцом частенько гадали, что произошло с твоим братом, но у нас был ты, и мы отдали тебе всю нашу любовь и внимание. А потом... я увидела его и сразу же поняла, кто он такой. Я знала, что он тоже обладает особой силой, но она должна была отличаться от твоей... По его глазам я догадалась, что он пользуется ею неосознанно. Я видела его той самой ночью в шатре «Крестового похода». Он был очень похож на твоего отца и в достаточной степени на Джимми Джеда Фальконера, чтобы тот мог выдавать его за своего сына.

Билли остолбенел.

— Нет, — прошептал он. — Нет, только не он...

— Ты сам знаешь, что это правда. Я видела, как вы смотрели друг на друга. Вы наверняка чувствовали что-то вроде удивления и притяжения. Я думаю... вы нуждаетесь друг в друге. Ты знаешь значение своего Неисповедимого Пути, а Уэйн испуган и блуждает в темноте.

— Почему? — спросил Билли, поднимаясь на ноги. Он был зол и смущен. Его с первой же минуты потянуло к молодому евангелисту, но он всегда противился своему желанию. — Почему ты мне это сейчас рассказала?

— Потому что Фальконер этим летом скончался. Он был единственным, кто стоял между Уэйном и усердно работающими механизмами этой крестовопоходовской машины. Уэйн теперь бизнесмен, и его сознание запечатано оттиском большого пальца Величайшего Евангелиста Юга. Он пошел по пути проповедника, но не знает, что ожидает его в конце. В молодости он научился использовать силы страха и ненависти, называя это религией. Он слаб духом, Билли, а Меняющий Облик ищет слабости, и если он решит использовать Уэйна против тебя, он может сделать это в любую минуту.

Билли поднял камешек и бросил его в ручей. Из убежища в кустарнике выпорхнула птица.

— Почему он так ненавидит нас?

— Он чувствует то же притяжение, что и мы. Но решил, что мы хотим столкнуть его с праведной дороги. Он не понимает нас, как не понимал Фальконер.

— Ты думаешь, что он действительно может... исцелять? — спросил Билли Рамону.

— Я не знаю. У него есть дар, в этом нет сомнения. Уэйн может заставить человека поверить, что он излечился, даже если на самом деле у него ничего не болело. Фальконер приложил свою руку к обучению сына. Но если мальчик на самом деле излечивает, то он должен обнаружить внутри себя огромную силу, силу, которую обнаружил ты, когда имел дело с духами. При этом он, как и ты, должен чувствовать боль. «Крестовый поход» требовал, чтобы он излечивал от звонка до звонка и без перерывов. Я думаю, Уэйн только притворялся и на проповедях не чувствовал никакой боли, если, разумеется, он вообще когда-либо ее чувствовал. О, он мог бросить в толпу пару искр. Но если бросать искры слишком часто, их может не хватить, чтобы разжечь огонь, когда в этом действительно возникнет необходимость.

— Что же с ним может произойти?

— Уэйн может надломиться под весом «Похода», а может найти в себе силы устоять на ногах. Тогда он скорее всего уйдет от жадных людей, окруживших его, словно стая голодных волков, узнает много нового о своем даре и перестанет каждый день продавать его со сцены. — Рамона покачала головой. — Но я все же думаю, он не покинет «Крестовый поход». Он забрел слишком далеко в темноту.

У Билли опустились плечи. Рамона устало предложила:

— Нам лучше поспешить домой, пока не стемнело.

— Нет, не сейчас. Мне нужно... немного побыть одному, подумать. Хорошо?

Рамона утвердительно кивнула и встала.

— Сколько тебе будет угодно.

Она погладила Билли по щеке и вышла на проселочную дорогу.

— Ты боишься его? — крикнул он ей вслед.

— Да. Что-то внутри него хочет вернуться домой, но он не знает дороги.

Рамона решительно двинулась к Готорну.

Билли посмотрел на нее, а затем перепрыгнул через ручей и исчез.

43

Под непривлекательным октябрьским небом группа мужчин в деловых костюмах медленно шла вдоль общественного бассейна на окраине Файета. Воду в бассейне спустили, и стало заметно, что ему необходима покраска.

— Я хочу его перестроить, — говорил Уэйн Фальконер О'Брайену, архитектору из Бирмингема, — в форме креста. Вон там, — он указал на здание концессии, — должна быть церковь. Я хочу, чтобы это была самая большая церковь, которую только видели жители этого штата. А в центре бассейна мне нужен фонтан. С цветными огнями. Вы сможете это сделать?

О'Брайен пожевал зубочистку и медленно кивнул.

— Думаю, да. Основная проблема будет с проводкой. Нежелательно, чтобы кого-нибудь ударило током. Вы рассчитываете на визуальный эффект? — Он усмехнулся. — Я имею в виду освещение.

Генри Брэгг и Джордж Ходжес засмеялись. Брэгг все еще был похож на юношу, несмотря на то что седина коснулась его модно остриженных русых волос; как правило, он носил синие блейзеры и серые брюки с острыми, как лезвие, стрелками. Четыре года назад он перевез свою семью в Файет и стал главным адвокатом «Крестового похода Фальконера».

Джордж Ходжес в отличие от него старился менее грациозно. Он облысел, на лице под влиянием силы тяжести образовались складки. Он был одет в мягкий коричневый костюм, из нагрудного кармана которого торчали авторучки.

— Я хочу, чтобы это была самая большая купель для крещения в мире, — сказал Уэйн. Недавно «Поход» купил этот бассейн за полтора миллиона долларов. — Сюда отовсюду начнут съезжаться люди, желающие быть окрещенными. Конечно, здесь будет и обыкновенный бассейн — для молодых христиан, — но крещение останется основным пунктом программы. Мы устроим христианский плавательный клуб без оплаты членских взносов. Здесь же будут приниматься пожертвования на мемориал Фальконера... — Уэйн замолчал и посмотрел на вышку для ныряния, «Тауэр». Он вспомнил, как в десять лет наконец преодолел свой страх и вскарабкался на нее, чтобы попытаться спрыгнуть. Балансируя на краю, он чувствовал предательскую дрожь в коленях... А затем дети постарше внизу, в бассейне, стали кричать ему: «Прыгай, прыгай, Уэйн!» Было очень высоко, бассейн казался листом тонкого голубого стекла, которое могло разрезать его на куски. Осторожно спускаясь вниз, Уэйн поскользнулся, упал и прикусил губу, а затем, плача, побежал туда, где стоял церковный автобус, — подальше от смеха и ехидных взглядов.

— Это убрать, — тихо сказал Уэйн архитектору. — «Тауэр». Его убрать в первую очередь.

— Он стоит здесь уже двадцать лет, — возразил Джордж Ходжес. — Это своего рода символ...

— Убрать, — повторил Уэйн, и Ходжес замолчал.

В дальнем конце бассейна Уэйн неожиданно отпустил Брэгга и О'Брайена. Когда они ушли, Ходжес с тревожным нетерпением приготовился слушать. Юноша взглянул на бассейн, достал из кармана маленькую бутылочку и вытряхнул себе в рот таблетку. Его глаза были почти одного цвета с облупившейся краской бассейна.

— Я знаю, что могу доверять тебе, Джордж. Ты всегда рядом со мной, когда я нуждаюсь в этом.

Ходжес долгие годы работал главным менеджером «Похода» и теперь смог купить себе дом в колониальном стиле в нескольких милях от поместья Фальконера.

— Это так, Уэйн, — ответил Ходжес.

Уэйн смерил его взглядом.

— Отец снова приходил прошлой ночью. Он сел у меня в ногах, и мы долго беседовали.

Лицо Ходжеса вытянулось. «О Боже! — подумал он. — Опять!»

— Он сказал, что колдунья Крикмор и ее сын хотят добраться до меня, Джордж. Они хотят уничтожить меня, как уничтожили его.

— Уэйн, — тихо сказал Ходжес, — пожалуйста, не надо. Эта женщина живет в Готорне. Она не опасна. Почему бы тебе просто не забыть о ней и не...

— Я чувствую, она хочет, чтобы я пришел к ней! — прервал его Уэйн. — Я чувствую на себе ее взгляд и слышу ее грязный голос, зовущий меня по имени! А этот парень такой же реней, как она! Иногда он залезает в мое сознание, и я не могу его оттуда выгнать!

Ходжес кивнул. Кемми звонила ему чуть не каждую ночь и сводила с ума своими жалобами на припадки безумия Уэйна. Однажды ночью на прошлой неделе он уехал в аэропорт, сел на принадлежащий компании «Бичкрафт» и начал, словно маньяк, выделывать в воздухе петли. Уэйну нет еще восемнадцати, а он уже столкнулся лицом к лицу с проблемами, которые могут заставить согнуться бизнесмена со стажем. «Вполне вероятно, — думал Ходжес, — что Уэйну кажется, что он советуется с призраком своего отца. Это облегчает ему его ношу».

— Отец говорит, что Крикморы должны гореть в Аду, — продолжал Уэйн. — Он говорит: «Вы не можете позволить колдунам жить среди людей».

— Уэйн, мы послали своего человека в Готорн, чтобы разузнать о ней, как ты хотел. Рамона Крикмор живет сама по себе, ни с кем не общаясь, ее сын недавно уехал и присоединился к бродячему цирку, а ее муж не так давно умер. Она странная, но что из этого? Она самая обыкновенная мошенница. Если бы она действительно могла видеть духов и прочую чепуху, почему она не проводит сеансов и тому подобное для богатых людей? А твой папа умер, Уэйн. Он не может приходить к тебе ночью. Он не может давать тебе советы по поводу нашего бизнеса. Пожалуйста, Уэйн, оставь это.

Уэйн моргнул и дотронулся ладонью до лба.

— Я устал, — сказал он. — Все эти встречи и совещания утомляют меня. Как бы я хотел уснуть ночью. Мне нужно еще снотворного. То, которое ты дал мне в прошлый раз, недостаточно сильное.

— Да оно сшибает с ног лошадь! — Ходжес схватил Уэйна за руку. — Послушай меня. Перестань принимать так много таблеток! Клянусь Богом, лучше бы я перерезал себе глотку, чем принес тебе этот проклятый перкодан! Теперь тебе нужны лекарства, чтобы уснуть, и лекарства, чтобы проснуться.

— Так велел отец, — сказал Уэйн безо всякого выражения на лице.

— Нет. Больше никаких таблеток. — Ходжес отрицательно потряс головой и повернулся, чтобы уйти.

— Джордж! — Голос Уэйна был мягок и шелковист. Ходжес резко остановился, уперев руки в бока. — Джордж, ты забыл. Если я не буду спать, то я не смогу общаться с людьми, с которыми мне нужно встретиться. Я не смогу участвовать в радио- и телевизионных шоу. Я не смогу просматривать материалы для журнала. Я не смогу спланировать маршрут «Похода» на будущий год. Ведь так?

Ходжес повернулся с покрасневшим лицом.

— Тебе не следует больше принимать эти проклятые таблетки, Уэйн!

— Принеси их. Или я найду еще кого-нибудь, кто принесет.

«О, это будет просто превосходно!» — подумал Ходжес. Если кто-нибудь за пределами организации узнает, что маленький Уэйн Фалькопер превратился в наркомана и к тому же постоянно видит странные галлюцинации, пресса растерзает «Крестовый поход» на клочки!

— Тебе нужна помощь специалиста, а не таблетки.

Глаза Уэйна вспыхнули.

— Я сказал, принеси их, Джордж! Я хочу спать и не слышать, как эта колдунья и ее сын зовут меня!

Ходжес знал, что должен сказать «нет». Он знал, что должен рассказать о галлюцинациях Генри. Уэйн расползается по швам. Под угрозой само существование «Похода». Однако его рот открылся, и он произнес хриплым голосом:

— Проклятие, в последний раз! Ты слышишь меня? Если ты попросишь еще раз, я уйду! Клянусь!

Уэйн улыбнулся.

— Прекрасно. А теперь еще вот что: я хочу, чтобы к моему приезду из Нэшвилла поместье обнесли электрической изгородью. И замените сторожа. Возьмите помоложе. Дома я должен чувствовать себя в безопасности.

Ходжес мрачно кивнул, и Уэйн потрепал его по спине.

— Я рад, что могу положиться на тебя. Отец всегда о тебе хорошо отзывается.

С этими словами Уэйн направился к стоящим поодаль Брэггу и О'Брайену.

Джордж Ходжес пришел в отчаяние. Мальчик убивает себя этими таблетками! Он обещал Джи-Джи помочь Уэйну в делах, но теперь им всем грозит опасность быть сожранными огромной машиной, которая не имеет ничего общего с личным поклонением. Христианские рок-группы, интерпретации молитв и клоуны от Иисуса на проповедях — это уж слишком!

— Джордж! — позвал его Брэгг. — О чем ты задумался?

«Я должен отойти от этого, — сказал себе Хоржес. — Да. Сразу же, как только смогу». Однако он включил на лице улыбку и произнес:

— Ни о чем. Ребята, не хотите ли сходить на ленч? Я знаю место, где готовят прекрасное копченое мясо.

10. КРИПСИН

44

Свет в кинозале погас. Мистер Найлз поднес к уху трубку телефона, вделанного в подлокотник.

— Мистер Крипсин готов.

В экран ударил узкий луч света.

На пустынном пляже стояла прекрасная брюнетка в черном бикини. Она стала укладывать свои длинные роскошные волосы, и по ее груди лениво скользнули чьи-то ладони. Брюнетка посмотрела в камеру и улыбнулась, растирая по животу масло для загара. Затем она сняла верхнюю часть бикини и отбросила ее в сторону.

«Симпатичная женщина, — подумал мистер Найлз, — несколько грубоватая, но симпатичная». Камера работала бесшумно, но дышала, казалось, сама комната; слышались отдаленные звуки работающего оборудования и шипение искусственно нагнетаемого воздуха. Найлз был худым мужчиной неопределенного возраста; в его волосах серебрилась седина, но его лицо оставалось гладким, как у подростка. Глубоко посаженные глаза казались почти бесцветными. Он был одет в легкий темно-синий костюм, рассчитанный на условия климата Палм-Спрингс. Комната вокруг тихо пульсировала: воздух очищался вновь и вновь, проходя через лабиринт каналов, спрятанных в толстых стенах без окон. Пахло сосновой хвоей.

На экране женщина первно улыбнулась и сняла низ бикини. На ее животе темнело маленькое родимое пятно. Плотный мужчина в брюках цвета хаки появился в кадре, повернулся спиной к камере и без церемоний разделся.

— В это время суток изображение получается особенно чистым?

Большая расплывчатая фигура, едва поместившаяся в специальном кресле двойной ширины через два стула от Найлза, слегка шевельнулась. Толстые пружины скрипнули. Лысая голова наклонилась набок, и маленькие глазки блеснули в толстых складках плоти.

— Да-да, очень хорошо. В этом фильме вы увидите все детали.

Дыхание толстяка напоминало хриплый рев — он хватал воздух в паузах между словами.

— Мне не понравились два последних фильма. Слишком зернистые.

— Да, сэр. — Найлз безо всякого интереса наблюдал за сексуальной акробатикой на экране.

— Попкорн? — спросил толстяк, протягивая коробку.

— Нет, спасибо.

Толстяк хрюкнул и погрузил одну руку в масляный попкорн, затем наполнил им рот. Еще один человек, тощий, с татуировкой на плече, присоединился к происходящему на экране.

Найлз никогда не знал, какие фильмы им предстоит смотреть. Порой это были просто пародии на «Роадраннера» или «Тома и Джерри», иногда старые и редкие немые фильмы. Однако по большей части они были похожи на этот, присланный из Мексики сеньором Альвардо. Они не особо интересовали Найлза, и он считал их просмотр пустой тратой времени.

Брюнетка, закрыв глаза, лежала на животе. По всей видимости, она была обессилена. На экране снова появился первый мужчина. В руках он нес молоток.

Гора мяса и костей подалась вперед. Толстяк сыпанул себе в рот попкорн и отбросил пустую коробку на пол. Небесно-голубой кафтан размером с шатер затрещал.

— Она ничего не подозревает, да? — тихо спросил Август Крипсин. — Она, наверное, собиралась пойти получить свои деньги и купить себе новое платье?

— Да, сэр.

Молоток поднялся и упал. Руки Крипсина сжались. Второй мужчина, теперь уже одетый в черную маску, тоже вернулся в кадр. Он включил электрическую пилу, и его руки завибрировали.

Крипсин шумно дышал; его глаза перебегали с одной фигуры на другую, как будто в фильме наступил кульминационный момент. Когда экран погас, Найлз услышал легкий вздох наслаждения. Киномеханик был достаточно умен, чтобы не включать свет сразу. Некоторое время спустя Крипсин произнес детским плаксивым голосом:

— Мне нужен свет, мистер Найлз.

Найлз быстро передал распоряжение по телефону. Когда свет зажегся, Крипсин откинулся в своем кресле с кислородной маской на лице и закрыл глаза.

Некоторое время Найлз молча смотрел на хозяина. Он работал на Августина Крипсина почти шесть лет, сначала в качестве связного между Крипсином и организованной преступностью в Мексике, теперь — в качестве компаньона и правой руки здесь, в

Палм-Спрингс. Тем не менее он очень мало знал этого человека. Крипсин правил построенной тяжким трудом империей. Он приехал в эту страну из Греции еще до Второй мировой войны. Восхищался он только двумя вещами: смертью и болезнью. Он относился к каждой из них с невероятным интересом и смотрел гнусные фильмы так, будто видел в расчленении трупа торжество Вселенной. Крипсин построил свою крепость в Палм-Спрингс, чтобы отгородиться от мира, и редко покидал ее.

Телефон в ручке кресла тихо зажужжал. Найлз поднял трубку.

— Да?

— Мистер Найлз? — спросила телефонистка. — На линии Джек Брэддок из Нэшвилла.

— Мистер Крипсин просил его не беспокоить. Скажите Брэддоку...

— Секундочку, — прервал его Крипсин. — Джек Брэддок? — Он несколько раз глубоко вздохнул, а затем отложил кислородную маску. — Я поговорю с ним.

Организация Крипсина прибрала к рукам «Эссекс Рекордс Компани» Брэддока несколько лет назад. Но «Эссекс» терял доходы, а два года назад разразился скандал по поводу пиратского использования записей, из которого «Эссекс» вывернулся с большим трудом. Крипсин начал жалеть, что оставил на посту такого незадачливо менеджера, как Брэддок, — «Эссекс» использовался главным образом для отмывания грязных денег.

Найлз велел телефонистке переключить линию, и Крипсин взял телефонную трубку.

— Что вы хотите?

Через полторы тысячи миль пронесся испуганный вздох.

— Э-э... извините за беспокойство, мистер Крипсин, но произошло нечто чрезвычайное, и мне необходимо...

— Почему бы вам не брать уроки красноречия, мистер Брэддок? В Нэшвилле все говорят так, будто год хорошо не срали? Я пришлю вам гомеопатические пилюли.

Брэддок нервно захихикал.

— Я надеюсь, ваша линия зеленая, — сказал Крипсин. Линии с установленными на них прослушивающими устройствами он

называл красными. После дела о пиратских записях Крипсин подозревал, что телефоны «Эссекса» прослушивает ФБР.

— Я звоню вам из автомата.

— Хорошо. В чем дело?

— Вчера утром ко мне приходил адвокат по имени Генри Брэгг. Он представляет «Крестовый поход Фальконера». Они хотят наладить выпуск записей и ищут независимую компанию...

— «Крестовый поход Фалькопера»? Что это такое?

— Религиозная группа. У них есть печать, радио и другие вещи. Вы случайно не смотрели по телевизору передачу «Час силы Уэйна Фалькопера»?

— Я не смотрю телевизор. Он излучает радиацию, а радиация вызывает рак костей.

— Да, сэр. Ну так вот, этот мистер Брэгг имеет кучу денег. Они хотят сделать «Эссексу» предложение.

Некоторое время Крипсин молчал.

— «Эссекс» не продается, — наконец ответил он. — Никому. Мы потратили слишком много сил, чтобы выкрутиться из неприятностей с властями. Это и есть то самое чрезвычайное событие, по поводу которого вы звоните?

На другом конце линии раздалось покашливание. Крипсин знал, что Брэддок курит сигары, и подумал: рак горла. Кровожадные клетки, распространяющиеся по организму. Зараза, порождающая заразу.

— Есть еще одна вещь, которая, как мне кажется, должна вас заинтересовать, — продолжил Брэддок. — Уэйн Фальконер. Он управляет «Крестовым походом» из маленького городка в Алабаме. Ему всего двадцать лет, но он чертовски хороший проповедник. А кроме того, он целитель.

На лице Крипсина появилось задумчивое выражение.

— Целитель? — переспросил он. — Или просто хороший актер?

— Огромное количество людей верит в него. И как я уже сказал, этот «Поход» купается в деньгах.

— Да? — Крипсин хмыкнул, и его маленькие глаза заблестели. — Целитель? Мистер Брэддок, я поспешил. Я хочу, чтобы вы связались с этими людьми. Покажите им «Эссекс». Погово-

рите. Я вышлю мистера Найлза в качестве представителя корпорации. Вы будете работать вместе, и я хочу как можно больше узнать об этом Фальконере. Понятно?

— Да, сэр.

— Хорошо. И еще одно: я не хочу, чтобы мистер Найлз вернулся в Палм-Спрингс в насквозь прокуренном костюме. А теперь немедленно свяжитесь с Брэггом. — Он повесил трубку и повернулся к Найлзу. — Ты едешь в Нэшвилл сегодня же. Я хочу, чтобы нечто, известное как «Крестовый поход Фальконера», было скрупулезно исследовано. Я хочу знать все о его хозяине.

— Да, сэр, — ответил Найлз. — Могу я спросить, зачем это вам?

— Затем, что Уэйн Фальконер либо изощренный шарлатан, либо выдающийся целитель. И если верно последнее, то он нужен мне здесь. А теперь пора делать массаж.

Найлз помог Крипсину встать из кресла. Массивное тело хозяина — более четырехсот фунтов весом и пяти футов шести дюймов высотой — оставило отпечаток на кожаной обивке. Когда они подошли к выходу, включился механизм, который одновременно открыл дверь и направил в коридор поток подогретого воздуха.

Как только они ушли, в комнату вошла мексиканская девушка в длинном белом комбинезоне и начала пылесосить ковер. На ней были безукоризненно белые перчатки, белые шелковые тапочки, а нижнюю половину лица закрывала белая хирургическая маска.

45

Сегодня в почтовом ящике Билли нашел письмо от доктора Чудо. Он прочитал его, возвращаясь домой ясным позднеоктябрьским днем.

Доктор Чудо писал, что присмотрел себе домик во Флориде, спрашивал, прочитал ли Билли последние книги по спири-

тизму, которые он ему прислал, и как продвигаются уроки игры на пианино. Он также спрашивал, что Билли надумал по поводу визита в институт парапсихологии в Чикаго.

Билли засунул письмо обратно в конверт. После той страшной осени, три года назад, доктор Чудо часто писал и часто присылал ему книги. Однажды, спустя три месяца после того, как Билли вернулся домой и обнаружил, что его отец умер, Чудо приехал в Готорн собственной персоной и привез старое пианино, настроенное и починенное, которое стояло теперь в гостиной.

Спустя шесть месяцев пришло заказное письмо из Чикаго и адресованное мистеру Билли Крикмору. Обратный адрес был: Чикаго, Креста-стрит, 1212, институт Хиллберна. В хрустящем белом конверте лежала страничка машинописного текста, в котором говорилось, что доктор Мери Найвенс Хиллберн послала это письмо из-за переписки, которую институт имел с мистером Реджинальдом Мерклем из Мобиля. Меркль, писала доктор, утверждал, что Билли заинтересует ее и штат института. Существуют ли другие доказательства «якобы паранормальных способностей» Билли? Юноша дал прочитать это послание матери. Больше из института ничего не приходило.

Окна выкрашенного в белый цвет дома блестели на солнце. Из каминной трубы поднимался дымок. Деревья, посаженные вокруг дома, были окрашены в разные цвета, а в дыхании ветра чувствовалось приближение зимней стужи. Возле террасы стоял старый коричневый грузовик, уродливая и ненадежная железка, купленная на деньги, вырученные от продажи кукурузы еще год назад. Дом Крикморов оставался одним из последних, не имеющих электричества, но Билли не обращал на это внимания. Темнота его не пугала, а поздним вечером Рамона зажигала керосиновые лампы, мягкий золотистый свет которых нравился ему гораздо больше, чем резкое белое электрическое освещение.

Через месяц Билли пойдет третий десяток. За последние три года он вырос еще на два дюйма и набрал двадцать фунтов сплошных мускулов, явившихся результатом тяжелой полевой работы. Его лицо повзрослело и посуровело, глаза светились

проницательностью, но иногда в них вспыхивали веселые озорные искорки. Билли поднялся на террасу и вошел в гостиную, обогнув стоявшее справа от входа пианино. Последние два года он брал уроки у бывшего учителя музыки за два доллара в неделю и за это время достиг определенных успехов, научившись играть простейшие гаммы. Долгими зимними вечерами Рамона сидела со своим рукодельем и вполуха слушала аккорды, очень похожие на настоящую музыку.

— Почта есть? — крикнула она из кухни.

— Одно письмо от мистера Чудо. Он шлет тебе привет. — Билли сел на стул возле камина и перечитал письмо. Когда он закончил и поднял глаза, то увидел, что мать стоит рядом, вытирая руки о полотенце.

— Он снова упоминает то место? — тихо спросила она.

Билли кивнул и протянул ей письмо, но Рамона только покачала головой.

— Чикаго. Интересно, что это за город?

— Грязный, наверное, — ответил Билли. — И с гангстерами.

Рамона улыбнулась.

— Так было давным-давно. А сейчас гангстеры встречаются повсеместно. — Она потерла свои мозолистые, грубые пальцы. Глубоких морщин на ее лице стало больше. — Интересно, на что похож этот институт? Ты когда-нибудь думал об этом?

— Нет.

— Мы можем позволить себе купить билет на автобус, если ты захочешь поехать. Насколько я помню, они были заинтересованы в том, чтобы ты ответил.

— Они, наверное, принимают меня за какого-нибудь чудака, — проворчал Билли, глядя на тоненькие язычки пламени в камине.

— Ты боишься ехать?

— Я не хочу ехать.

— Я имею в виду другое. — Она еще несколько секунд постояла над ним, а затем подошла к окну и выглянула наружу. Ветер шевелил краснеющие листья. — В ноябре тебе стукнет двадцать один. Я знаю... что с тобой произошло, когда ты присоединился к этому «Призрак-шоу». Я знаю, что ты вернулся

домой со шрамами в душе. Это нормально. Только научившие опытом люди имеют шрамы. Может быть, мне не следует совать нос в чужие дела, но... я считаю, что ты должен поехать в этот институт, я думаю, ты должен узнать их мнение.

— Я там не нужен...

— Нет, — повернулась к нему Рамона. — Ты не нужен здесь. Пока. Земля и дом в прекрасном состоянии, и теперь ты целыми днями пытаешься придумать себе работу. Что за жизнь будет у тебя в Готорне? Ответь мне.

— Хорошая жизнь. Я буду много работать, много читать и заниматься музыкой...

— ...И пройдет еще год. Мальчик, неужели ты позабыл все, что мы с бабушкой рассказывали тебе о Неисповедимом Пути? Что ты должен стать достаточно сильным и следовать туда, куда он ведет, и открывать новые земли? Я научила тебя всему, что связано с церемонией, — как приготовить джимсонвид и анашу, как распознать и высушить грибы, порошок из которых нужно добавлять в состав для курения. Я научила тебя всему, что знала о Меняющем Облик и о том, как он может использовать в борьбе с тобой другие души. Я научила тебя гордиться своими предками, и я считала, что ты уже научился видеть.

— Видеть? Видеть что?

— Свое будущее, — ответила Рамона. — Чокто не выбирают, кому идти Неисповедимым Путем; этот выбор может сделать только Дарующий Дыхание. О, многие до тебя потеряли веру или храбрость, или их умы стирались злыми силами. Но если злу удастся прервать цепочку Неисповедимого Пути, все, что было сделано предыдущими поколениями, лишится всякого смысла. Накопленный опыт и перенесенная боль пропадут зазря. Я знаю, те лето и осень оставили в твоей душе шрам, но ты не должен позволить Злу одержать победу. Церемония — это очень важно, но гораздо важнее то, что находится за пределами этих стен. — Рамона кивнула в сторону окна. — Мир.

— Это не мой мир, — ответил Билли.

— Он станет твоим. Ты боишься? Ты отступаешь?

Билли молчал. Случай со «Спрутом» нанес ему глубокую рану, а частые ночные кошмары постоянно бередили ее. Иног-

да он видел во сне выпрыгивающую из темноты кобру, а иногда держал в руках пистолет и не мог выстрелить в ползущее на него ужасное существо. Вскоре после возвращения домой он на автобусе направился в Бирмингем, в госпиталь, чтобы повидать Санту Талли, но медсестра сказала ему, что Санта Талли выписалась вчера и уехала в Новый Орлеан. Билли постоял в палате, где она лежала, понял, что больше никогда ее не увидит, и мысленно пожелал ей удачи.

— Я не боюсь, — сказал он. — Я просто не хочу, чтобы... со мной обращались, как с чудаком.

— И ты думаешь, что в институте в Чикаго с тобой будут так обращаться? Ты понимаешь, кто и что ты есть. А если в институте работают именно с такими, как мы, они смогут обучить тебя... и сами чему-нибудь научиться. Я думаю, там в тебе нуждаются.

— Нет.

Рамона вздохнула и покачала головой.

— Значит, я ошиблась. Ты еще недостаточно силен. Твоя работа еще не закончена — она еще и не начиналась, — а ты уже требуешь себе отдых. Ты пока его не заслужил.

— Проклятие! — резко выдохнул Билли и неожиданно вскочил со стула. — Оставь меня в покое! — Он разорвал письмо доктора Чудо в клочки и выбросил их в камин. — Ты не знаешь, как выглядел этот «Спрут»! Ты не слышала его голос! Ты не чувствовала его! Оставь меня в покое! — Он кинулся к двери.

— Билли, — тихо позвала Рамона и показала ему кусочек угля, лежащий у нее на ладони. — Я нашла это на твоем ночном столике утром. Зачем ты достал его из ящика?

Билли не помнил, доставал он его или нет. Рамона перекинула ему уголек. Тот был теплым на ощупь и сверкал, как черный таинственный амулет.

— Твой дом здесь, — сказала она. — Он всегда будет здесь. Я сама позабочусь о саде, о доме и земле; я делала это раньше. А ты должен отправиться в другой мир и побольше узнать о себе. Если ты этого не сделаешь, то потратишь зря все, что в тебе заложено.

— Мне нужно подумать, — ответил Билли. — Я пока не понял, что следует делать.

— Ты понял. Ты просто тянешь время.

Билли сжал кусочек угля в кулаке.

— Я буду спать этой ночью в лесу. Я должен остаться один.

Рамона кивнула.

— Я соберу тебе еду, если ты...

— Нет. Я буду есть только то, что поймаю или выкопаю. Мне нужен только спальный мешок.

Рамона вышла, чтобы найти то, что ему нужно. Билли положил кусочек угля в карман и вышел на террасу. Ему хотелось лежать под южным ночным небом, смотреть на звезды и ни о чем не думать. Это правда, что институт Хиллберна в Чикаго тянул его. Билли было интересно, что он собой представлял, как, впрочем, и сам Чикаго. Город казался ему таким же далеким, как и Китай, и таким же чужим. Правдой было и то, что он боялся.

Юноша взглянул на горизонт, блистающий красками поздней осени. Терпкий запах мертвого лета был похож на запах старого вина. Ему не хотелось взваливать всю работу на плечи матери, но он знал, что она права: Неисповедимый Путь тянул его вперед, и он должен идти.

«Готов или нет, — подумал он, вспоминая игры в прятки с Виллом Букером, подарок которого сейчас у него в кармане, — иду искать...»

46

Серебристо-синий «Челленджер» авиакомпании «Кэнад Эйр» находился в воздухе меньше часа и летел над центральным Арканзасом на высоте двадцати трех тысяч футов. Позднеоктябрьское небо было ослепительно белым, хотя внизу, под брюхом самолета, грозовые тучи полностью закрыли Литтл-Рок.

Уэйн Фальконер, сидящий в «тихом кармане» — сразу за кабиной пилотов, — не успевал удивляться и восхищаться. По сравнению с этим бесшумным орлом его «Бичкрафт» выглядел неуклюжим мотыльком. Вылет из аэропорта Файета был

одним из наиболее грандиозных ощущений, которые он пережил. А здесь, в небе, где стало вдруг так ясно и сине, ему казалось, будто он сбросил все свои земные обязанности и оставил их далеко внизу. Он хотел такой же реактивный самолет, он сделает все, чтобы его получить, и точка.

Интерьер самолета был выдержан в сине-черных тонах с вкраплениями хромированных и полированных деревянных деталей. Вращающиеся кресла с автоматизированным наклоном покрывали черные чехлы, а рядом с баром фруктово-овощных соков стояла комфортабельная софа. Столики из датского тика на случай болтанки были прикручены к полу; на одном из них лежали экземпляры красочного крестовопоходовского журнала. Все вокруг сияло невероятной чистотой, как будто кто-то специально отполировал каждую мельчайшую деталь. Джордж Ходжес заметил, что на овальных плексигласовых иллюминаторах нет ни единого отпечатка пальцев. Он решил, что этот Август Крипсин на редкость привередливый человек, хотя в демонстрации журналов «Похода» его что-то настораживало. Это было, пожалуй, чересчур умно и выглядело попыткой стремительно завоевать Уэйна. Помощник Крипсина, мистер Найлз, тоже настораживал Ходжеса. Он был вежливым, интеллигентным и много знал о деловых начинаниях «Похода», но его глаза беспокоили Ходжеса; они были слишком бездушными и слишком часто задерживались на Уэйне.

Ходжес сидел на несколько кресел позади Уэйна, ближе к высокому визгу спаренных реактивных двигателей, расположенных в хвостовой части самолета. Найлз, как заметил Ходжес, поспешил занять место через проход от Уэйна. Генри Брэгг листал «Поле и ручей», расположившись через два ряда у него за спиной. Брэгг радовался любой возможности отдохнуть вдали от жены и трех детишек мал мала меньше; он цедил через соломинку имбирный эль и смотрел, как за иллюминатором плывут облака. На его лице играла мечтательная улыбка.

Бет, привлекательная длинноногая стюардесса, прошла по проходу с бокалом апельсинового сока для Уэйна. Салон был более восьми футов в высоту, так что она могла свободно добраться до юноши.

— Вот, пожалуйста, — сказала она с ослепительной улыбкой. — Могу я предложить вам журнал?

— Нет, благодарю вас. Какова сейчас скорость самолета, мэм?

— Меня зовут Бет. Мы летим со скоростью пятьсот миль в час. А вы пилот?

— Да, мэм, то есть, простите, Бет. Я летал на «Бичкрафте Бонанза», но здесь все иначе. Я всегда любил самолеты и любил летать. Когда я летаю, то... В воздухе я всегда чувствую себя свободным.

— Вы когда-нибудь были в Калифорнии?

Уэйн покачал головой, отхлебнул из бокала и поставил его на свой откидной столик.

— Солнце и развлечения! — сказала Бет. — Это тамошний стиль жизни.

Уэйн натянуто улыбнулся. Бет напоминала ему полузабытый кошмар. Темноволосую девушку, оступившуюся на скользкой платформе, ужасный звук ударившейся о край головы, вздох боли и воду, сомкнувшуюся над телом, словно черный занавес. За последние три года Уэйн поправился, а его рыжие волосы стали плотными и жесткими. Его глубоко посаженные глаза были почти одного цвета с небом за бортом самолета. Но это были неспокойные глаза, хранящие множество секретов и скрывающие пурпурные пустоты. Он был очень бледен за исключением нескольких колоний угрей, цветущих на щеках.

— Бет, — спросил он. — Вы ходите в церковь?

Перед вылетом из Палм-Спрингс мистер Найлз дал Бет подробнейшие инструкции относительно Уэйна Фальконера.

— Да, — ответила девушка, все еще улыбаясь. — Мой отец был священником, как и ваш.

В кресле через проход Найлз закрыл глаза и еле заметно улыбнулся. Бет весьма находчивая особа и может найти ответ с лету.

— Евангелист, — поправил ее Уэйн. — Мой отец был Величайшим Евангелистом Юга.

— Я никогда не видела вас по телевизору, но думаю, это хорошее шоу.

— Я надеюсь, что оно приносит пользу. Это то, что я пытаюсь делать.

Он деланно улыбнулся и очень обрадовался, когда Бет ответила ослепительной улыбкой и ушла, предоставив его своим мыслям и апельсиновому соку. Уэйн только что закончил трехдневный сеанс целительства в Атланте. По его грубым прикидкам, он прикоснулся к пяти тысячам человек. А также прочитал три зажигательные проповеди насчет адского огня и краеугольного камня. Он чертовски устал, но на следующей неделе в расписании «Крестового похода» значился Хьюстон. «Если бы я только нашел запись шума реактивных двигателей в полете, — думал Уэйн, — то, может быть, спал бы лучше». Этот звук успокаивал его, унося далеко-далеко от «Похода», и нес по усыпанному звездами небу.

Студию звукозаписи ему подсказал купить его отец. Он также велел Уэйну слушаться мистера Крипсина и доверять всему, что тот скажет. Это для блага дела.

— Уэйн? — Рядом, улыбаясь, стоял мистер Найлз. — Хочешь пойти со мной в кабину пилотов?

Найлз шагнул вперед и отодвинул зеленую портьеру. При виде кокпита с его великолепной панелью управления, с мерцающими рычагами, циферблатами и шкалами у Уэйна перехватило дыхание. Пилот, рослый мужчина с широким загорелым лицом, добродушно усмехнулся:

— Привет, Уэйн. Садись в кресло второго пилота.

Уэйн опустился на мягкую кожу. В кабину шум двигателей не долетал, и единственным более или менее громким звуком здесь было шипение воздуха вокруг носа «Челленджера». Лобовое стекло давало широкий обзор ярко-голубого неба с крапинками перистых облаков. Уэйн заметил движение расположенного напротив штурвала и понял, что самолет летит под управлением автопилота. Инструменты на панели — альтиметр, измеритель скорости ветра, горизонт. указатель крена и другие, ему неизвестные, — располагались буквой Т, точно так же, как на панели «Бичкрафта», но, конечно, их было гораздо больше. Кресла пилота и второго пилота разделяла консоль с дросселями двигателей, пультом управления радаром, ручкой экст-

ренного снижения скорости и другими, неизвестными Уэйну приспособлениями. Юноша с восхищением уставился на панель.

— Здесь все просто, — заметил пилот, — если знаешь, куда смотреть. Меня зовут Джим Кумбс. Рад приветствовать тебя на борту. — Он пожал Уэйну руку коротким, твердым рукопожатием. — Мистер Найлз говорил мне, что ты летчик. Это правда?

— Да, сэр.

— Отлично. — Кумбс потянулся к расположенной над головой приборной панели и выключил автопилот. Штурвал прекратил совершать корректирующие движения, оживлявшие элероны и рули высоты. «Челленджер» начал медленно поднимать нос вверх. — Хватай руль. Посмотрим, как он будет тебя слушаться.

У Уэйна вспотели ладони, когда он вцепился в штурвал и поставил ноги на покрытые жесткой резиной педали управления.

— Следи за приборами, — напутствовал его Кумбс. — Скорость все еще на автомате.

Уэйн двинул штурвал вперед, и «Челленджер» немедленно повиновался: серебряный нос начал опускаться. Однако юноша перестарался, и нос спустился вниз градусов на шесть. Самолет слегка развернуло вправо, и Кумбс позволил Уэйну поработать штурвалом и педалями до тех пор, пока машина снова не уравновесилась. «Челленджер» реагировал на малейшее движение пилота, по сравнению с ним управление «Бичкрафтом» казалось борьбой с самолетом. Уэйн усмехнулся и спросил слегка дрожащим голосом:

— Ну как?

Кумбс рассмеялся.

— Прекрасно. Конечно, мы миль на сто отклонились от курса, но для новичка ты справился вполне сносно. Хочешь быть моим вторым пилотом до Палм-Спрингса?

Уэйн просиял.

Через два часа «Челленджер» приземлился в муниципальном аэропорту Палм-Спрингса. Из кресла второго пилота Уэйн внимательно наблюдал за действиями Кумбса при посадке.

Самолет поджидали два лимузина «линкольн-континенталь». Найлз посадил Уэйна в первый, а Ходжес и Брэгг сели во второй. Однако через десять минут после того, как они выехали из аэропорта, водитель-мексиканец второго лимузина сказал, что «что-то не так» и съехал на обочину. Он вышел из машины, осмотрел ее и сообщил, что спустило левое заднее колесо. Ходжес проследил, как автомобиль Найлза и Уэйна скрылся из глаз, и коротко бросил шоферу:

— Чините!

Но водитель уже достал какое-то похожее на альпеншток приспособление и открыл багажник, чтобы достать запаску.

В окно лимузина Уэйн рассматривал большое поле для гольфа. Вдали змеились розовые очертания гор. Зеленая трава на поле постоянно увлажнялась водой из разбрызгивателей, вокруг яркими зелеными веерами росли пальмы. Лимузин свернул в фешенебельные кварталы, где из-за высоких заборов виднелись только крыши домов да верхушки пальм. Привратник в ливрее поприветствовал их взмахом руки и открыл двустворчатые широкие железные ворота. Лимузин вырулил на аллею, вдоль которой росли яркие цветы, аккуратно подстриженные кустарники и несколько видов крупных кактусов. Везде работали садовники — что-то подрезали, поливали и опыляли. Уэйн заметил красную шиферную крышу с башенками, и в следующий момент его глазам предстало огромное строение, которое было, вероятно, самым странным из виденных им жилых домов.

Оно было построено из светло-коричневого камня и представляло собой нагромождение углов и выступов, высоких башен, мансард, крыш, фронтонов, готических арок и скульптур, геометрических фигур и чего-то, похожего на статуи. Складывалось впечатление, что здесь потрудился десяток ненормальных архитекторов, которые решили воздвигнуть свои творения на одном участке и соединить их арками, парапетами и закрытыми переходами. Уэйн заметил, что строительство все еще продолжается: на строительных лесах рабочие поднимали наверх огромные камни. Юноша не сумел сосчитать этажи, по-

скольку в одном месте строение вроде уже заканчивалось, а в другом поднималось еще выше. Но удивительнее всего оказалось то, что окна имелись только на первом этаже.

Лимузин въехал под навес, и мистер Найлз показал Уэйну массивную входную дверь. Дворецкий — мексиканец с коричневым морщинистым лицом, одетый в белый костюм, — распахнул обе створки и сообщил:

— Мистер Крипсин ждет вас, мистер Фальконер. Вы можете подняться сейчас же.

— Сюда, — махнул рукой Найлз. Он провел Уэйна по блестящему паркетному полу к лифту. Когда двери лифта открылись, на вошедших обрушился поток холодного сырого воздуха. Уэйн услышал тихий звук работающего оборудования, который усиливался по мере подъема.

— Почему мы не подождали остальных? — спросил он.

— Остальные скоро будут. — Двери лифта широко распахнулись.

Они стояли в пустой белой комнате, напротив лифта за стеклянной дверью начинался освещенный коридор. За стенами стучало и шумело какое-то оборудование, и Уэйн почувствовал в воздухе отчетливый запах дезинфицирующего средства.

— Не будешь ли ты так любезен, — обратился к нему Найлз, — снять туфли? И надеть вот это. — Он подошел к столу с хромированной столешницей и вынул из ящика несколько пар хлопчатобумажных тапочек. На столе стояла коробка с хирургическими перчатками. — А если у тебя в карманах есть деньги, будь добр, сложи их в этот пластиковый пакет. Мелочь тоже.

Уэйн снял ботинки и сунул ноги в тряпочные тапочки.

— Зачем все это?

Найлз сделал то же самое, вынул из кармана деньги и положил их в пластиковый пакет.

— Обувь и деньги переносят бактерии. Пожалуйста, надень эти перчатки. Готов? Тогда следуй за мной.

Он нажал на кнопку в стене, и стеклянные двери раздвинулись, словно в супермаркете. Воздух в коридоре был холоднее и суше. Когда Найлз и Уэйн перешагнули порог, двери за ними резко захлопнулись, словно медвежий капкан. Коридор, осве-

щаемый потайными лампами, был совершенно неотделан; толстые каменные стены излучали холод, а где-то за ними тихо свистела воздухоочистная система.

В конце коридора виднелись большие дубовые двери. Найлз нажал на вделанный в стену звонок, и через несколько секунд Уэйн услышал автоматическое жужжание.

— Иди, дверь отперта, — пригласил его Найлз. И Уэйн, у которого на нервной почве уже начались спазмы в животе и головная боль, шагнул вперед.

В комнате были скелеты. Скелеты рыб, птиц и даже один человеческий, с костями, соединенными проволочками. Мелкие скелеты ящериц и грызунов красовались на застекленных стеллажах. Двери за Уэйном автоматически закрылись, тихо щелкнул замок.

— Добро пожаловать.

Уэйн оглянулся. Около книжных шкафов стоял стол из тикового дерева с зеленым пресс-папье на столешнице. В черном кожаном кресле с высокой спинкой сидел мужчина. От его белой лысой головы отражался свет ламп. Комната была отделана деревянными панелями, а на полу лежал темно-синий персидский ковер с золотыми фигурами. Уэйн подошел поближе и увидел, что лысая голова венчает гору плоти, одетую в странный кафтан; лицо — складка на складке, маленькие блестящие глазки. Мужчина улыбнулся, показав мелкие белые зубы.

— Я так рад, что ты приехал. Можно я буду называть тебя Уэйн?

Уэйн опасливо глянул на громоздящиеся вокруг скелеты. В углу стоял целый скелет лошади, застывшей в прыжке.

Август Крипсин подождал, пока Уэйн дошел до стола, а затем протянул ему руку. Только после того, как Уэйн пожал ее, он понял, что Крипсин тоже надел свежие хирургические перчатки.

— Садись, пожалуйста. — Крипсин указал на стул. — Могу я тебе что-нибудь предложить? Фруктовый сок? Витамины?

— Нет, спасибо. — Уэйн сел. — Я съел сандвич в самолете.

— А, в «Челленджере»! Как он тебе понравился?

— Он... чудесный. А мистер Кумбс хороший пилот. Я... я не знаю, что произошло с моими спутниками. Они ехали в другой машине...

— Они скоро приедут, не сомневайся. Я вижу, тебя заинтересовала моя коллекция, да?

— Ну... я никогда не видел ничего подобного.

Крипсин усмехнулся.

— Кости. Каркас любого тела. Жесткий, прочный, устойчивый к болезням и вместе с тем... к сожалению, самая первая вещь, которая ослабевает в организме. Я восхищаюсь тайнами человеческого тела, Уэйн; его трещинами и ошибками, так же как и сильными сторонами. — Он указал на человеческий скелет. — Что за величественная конструкция, не так ли? Однако... обреченная рассыпаться в пыль. Если, конечно, ее не обработать, не отлакировать, не скрепить проволокой так, чтобы она не смогла развалиться за сотни лет.

Уэйн кивнул и сцепил руки на коленях.

— Ты симпатичный молодой человек, — сказал Крипсин. — Двадцать один в следующем месяце, я прав? Жил в Файете всю жизнь? Знаешь, в южном акценте есть что-то очень земное. Кстати, ты мне начинаешь нравиться. Я попросил мистера Найлза достать несколько видеозаписей твоих шоу и просмотрел их все по нескольку раз. Ты умеешь держаться перед публикой.

— Спасибо.

Голова Крипсина кивнула в знак принятия благодарности.

— Насколько я понимаю, вы с отцом проделали большую работу. Теперь у тебя есть телевизионное шоу, радиостанция, приносящая по меньшей мере сто тысяч годового дохода, и издательская компания, которая начнет приносить доход лишь лет через пять. Ты ежегодно выступаешь перед полумиллионом слушателей, а твой фонд планирует строительство Христианского университета с четырехлетним обучением.

— Вы проверяли мои дела, — заметил Уэйн.

— Точно так же, как мистер Ходжес наводил справки о «Тен-Хае Корпорейшн». Это нормально для любого бизнеса. — Крипсин пожал массивными плечами. — Я уверен, ты знаешь все, что тебе необходимо: я владею «Тен-Хае». «Тен-Хае» владеет конт-

рольным пакетом «Эссекс Рекордс» ценой в полтора миллиона, поэтому ты сидишь в моем кабинете.

Уэйн кивнул и спокойно спросил:

— «Эссекс» стоит так дорого?

Крипсин тихо засмеялся.

— Ха! Мой мальчик, это твое предложение. И разве для тебя это дорого?

— «Эссекс» только за последний год потерял двести тысяч, — ответил Уэйн. — Интерес к кантри-музыке падает, а «Эссекс» не в состоянии заинтересовать исполнителей хитов. Я собираюсь закачать в компанию новые деньги и начать все сначала под флагом евангелистов.

— Я так и понял, — тихо сказал Крипсин. — Ты очень умный юноша, Уэйн. У тебя... дар провидения наряду с весьма своеобразными способностями. Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос, и я обещаю, что сохраню твой ответ в секрете. Я много раз пересмотрел твои телевизионные шоу. Я видел выражения лиц тех, кто прошел — как вы это называете — процедуру Исцеления. — Сердце Крипсина застучало, челюсти и грудь напряглись. — Ты на самом деле целитель? Или... это просто трюк?

Уэйн молчал. Ему очень хотелось подняться и убежать из этой комнаты, из этого странного дома и от этого мужчины с маленькими черными глазками. Но он помнил, что папа велел ему доверять мистеру Крипсину. А папа не станет его обманывать.

— Я целитель, — ответил он.

— И ты можешь вылечить любое недомогание? Любой вид... болезни?

Разрезая пространство и время, в ушах Уэйна послышался голос: «Понимаешь ли ты, что делаешь, сынок?» Но юноша отмахнулся от всех сомнений, которые терзали его по ночам.

— Да.

Крипсин вздохнул и кивнул:

— Да. Ты можешь. Я вижу это по твоему лицу; я видел это по лицам тех, кого ты исцелил. Ты побеждаешь распадающуюся плоть и ломающиеся кости. Ты побеждаешь грязь болез-

ни и отгоняешь микробов Смерти. Ты... несешь в себе силу Жизни, так?

— Нет. Через меня действует Господь.

— Господь? — растерянно замигал Крипсин, а затем снова улыбнулся. — Конечно. Я подарю «Эссекс Рекордс» «Крестовому походу». Однако я бы предпочел остаться в компании в качестве консультанта. Мне нравится идея евангелизации. На этом можно заработать приличные деньги.

Уэйн нахмурился. На мгновение ему показалось, что за спиной Крипсина стоит нечто темное и огромное — нечто звероподобное. Но видение быстро пропало.

— Ты, несомненно, устал от перелета, — сказал Крипсин. — Ты и я достигнем больших успехов, Уэйн. Мы еще поговорим об этом. А сейчас мистер Найлз ждет тебя в конце коридора. Он отведет тебя на ленч и организует прекрасное утреннее купание — мой бассейн в твоем распоряжении. Мы встретимся вечером, хорошо?

Уэйн поднялся со стула, неуверенно улыбаясь. Крипсин наблюдал, как он выходит из комнаты в стерильных тряпичных тапочках. Затем снял хирургические перчатки и бросил их в корзину для мусора.

— Поговорим позже, — тихо сказал он сам себе.

47

— Приехали, — сказал водитель такси и подрулил к тротуару. — Ты уверен, что не ошибся?

— Да, сэр, — ответил Билли; по крайней мере это было то самое место. Кривая табличка гласила: «Креста-стрит», а на маленьком доме из коричневого кирпича висел номер: «1212». На другой стороне улицы был разбит унылый маленький парк с ржавыми качелями и несколькими деревцами. Со всех сторон его подпирали жилые дома, по большей части заброшенные. Вдали, просвечивая сквозь серый туман, возвышались высотные дома центральной части Чикаго.

Билли заплатил водителю («четыре пятьдесят за проезд в автомобиле?» — поразился он) и остановился, держа свой потрепанный чемоданчик, напротив железных ворот и изгороди, которая отделяла дом 1212 от других строений. Он не знал точно, как должен выглядеть институт, но это здание не имело ничего общего с тем, что он воображал. Билли толкнул ворота, и они, заскрипев, отворились. Юноша прошел по дорожке к входной двери, нажал кнопку звонка и услышал тихий звон колокольчика.

В двери имелся маленький глазок, и в какой-то момент Билли показалось, что за ним наблюдают. Затем замок начал открываться — раз, два, три. Неожиданно у Билли возникло страшное желание быстро выскочить за ворота и бегом пробежать все расстояние до остановки «Грейхаунд», но он сдержался и остался стоять на месте.

Дверь открылась, и на порог вышла молодая девушка лет шестнадцати или семнадцати. У нее были длинные темные волосы, падающие почти до пояса, — Билли показалось, что она испанка. В ее красивых настороженных глазах сквозила печаль. Она посмотрела на его чемодан.

— Да?

— Э-э... может быть, я не туда попал. Это институт Хиллберна?

Девушка утвердительно кивнула.

— Ну... меня зовут Билли Крикмор, и мне нужно видеть доктора Хиллберн.

Он порылся в кармане, нашел конверт и отдал его девушке.

— Входите. — Девушка пропустила его в небольшую прихожую.

Внутренняя отделка дома оказалась для Билли приятным сюрпризом. Темное дерево блестело олифой и полировкой. На паркетном полу лежали симпатичные коврики, а изобилие комнатных растений приятно дополняло интерьер. В воздухе плавали соблазнительные ароматы хорошей еды. На второй этаж вела широкая лестница, а слева от двери в гостиной какие-то люди самого разного возраста смотрели телевизор, читали или

играли в шашки. Появление Билли на время оторвало их от этих занятий.

— Меня зовут Анита, — представилась девушка. — Если хотите, можете оставить здесь свой чемодан. Мистер Пирлмен, — обратилась она к одному из мужчин, сидящих в гостиной, — сегодня ваша очередь помогать на кухне.

— Да, конечно. — Мужчина отложил «Ридерс дайджест» и вышел в коридор.

— Следуйте за мной, пожалуйста. — Билли и девушка поднялись наверх, а затем прошли мимо похожих на общие спальни хорошо прибранных комнат. На дверях белели таблички: «Испытательная лаборатория № 1», «Аудиовизуальная», «Конференц-зал», «Исследовательская лаборатория № 1». В коридоре с полами, покрытыми зеленым линолеумом, и кафельным потолком стояла тишина. Билли попались навстречу несколько человек, некоторые из них были одеты в белые лабораторные халаты. Из дверей испытательной лаборатории вышла молодая девушка одного возраста с Билли. Когда их глаза встретились, на ее лице промелькнул явный интерес. Девушка была одета в джинсы и голубой свитер, и Билли заметил, что глаза у нее разные: один бледно-голубой, а другой странного темно-зеленого цвета. Девушка отвернулась первой.

Они повернули за угол и остановились у двери с табличкой: «Доктор философии Хиллберн, директор». Анита постучала и стала ждать. Прошло несколько секунд, а затем женский голос недовольно крикнул:

— Войдите!

Доктор Хиллберн сидела за обшарпанным столом в маленьком кабинете, заваленном книгами и бумагами. Бежевые стены украшали грамоты в рамках и медные доски, а окно выходило в парк. На столе стояли лампа под зеленым колпаком, пресс-папье, металлический стакан с набором ручек и несколько фотографий. Билли решил, что это муж и дети хозяйки кабинета. Рука доктора Хилберн держала телефонную трубку.

— Нет, — твердо произнесла она, — я не могу с вами согласиться. Нам обещали деньги в прошлом году, и я буду бороться за них в самой столице, если понадобится. Меня не волнует, что

фонды исчерпаны, да я и не верю в это! Я что, должна прекратить работу и выгнать всех на улицу? Мы и так уже почти что лишились всех помещений! — Она подняла голову и жестом попросила Аниту закрыть дверь. — Скажите уважаемому сенатору, что мне был обещан соответствующий кредит, доллар в доллар. Нет! Мы и так уже урезали свой штат до полутора землекопов! Эд, скажите ему, что я больше не потерплю надувательства. Я жду вашего звонка завтра днем. До свидания. — Она положила трубку и покачала головой. — Знаешь, что стоит перед нами в повестке дня при рассмотрении бюджета, Анита? Выделение ассигнований на исследование образцов мусора на северном побережье! Я просила у них пятнадцать тысяч долларов на поддержание программы на будущий год, и... — Ее ясные серые глаза сузились. — Вы кто, молодой человек?

— Меня зовут Билли Крикмор. Ваши люди послали мне это письмо.

Билли подошел к столу и протянул женщине конверт.

— Алабама? — с неподдельным удивлением спросила доктор Хиллберн. — Вы проделали большой путь.

Это была хрупкая женщина в белом лабораторном халате, с глубоко посаженными настороженными и очень умными глазами. Билли решил, что ей либо около пятидесяти, либо чуть больше. Ее темно-коричневые с проседью волосы были коротко подстрижены и зачесаны назад над широким морщинистым лбом. Несмотря на то что доктор Хиллберн выглядела очень женственной, юноша подумал, что когда она злится, то грызет ногти.

Прочитав письмо, доктор Хиллберн некоторое время молча рассматривала конверт.

— Да, мы послали вам это когда-то. Мне кажется, я припоминаю сообщение, полученное от нашего друга мистера Меркля. Анита, будь добра, попроси Макса заглянуть в папку на букву «М» и принести письма от мистера Реджинальда Меркля. — Едва она произнесла имя, Анита удалилась. — Так. Что я могу для вас сделать, мистер Крикмор?

— Я... приехал, потому что так написано в вашем письме.

— Я ожидала ответа на письмо, а не вашего приезда. И кроме того, это было давно. Вы здесь в Чикаго с семьей?

— Нет, мэм. Я здесь один.

— О! А где вы остановились?

Билли сделал паузу, уже догадавшись, что будет дальше.

— Остановился? Ну я... оставил свой чемодан внизу. Я думал, что смогу остановиться здесь.

Доктор Хиллберн кивнула и протянула руку к пресс-папье.

— Молодой человек, здесь не отель, а мастерские и исследовательский центр. Людей, которых вы, возможно, видели внизу и в лабораториях, пригласили сюда после долгих консультаций. Я ничего не знаю о вас и, откровенно говоря, даже не могу припомнить, почему мы вам написали. Мы пишем сотням людей, которые нам не отвечают. Наши лаборатории, конечно, не так хорошо оборудованы, как, скажем, в Дюкском университете или в Беркли, но мы существуем на те крохи, которые нам выделяет Чикагский университет, и на маленькие ассигнования. Этих средств едва хватает на тестирования и исследования тех, кого мы выбрали; и, конечно же, здесь нет места для кого-нибудь с улицы.

— Я не с улицы! — запротестовал Билли. — Я проделал долгий путь!

— Я не спорю, юноша. Но я говорю, что...

В кабинет вошел мужчина средних лет в роговых очках и лабораторном халате. В руках он держал большую кожаную папку.

— Спасибо, Макс, — сказала Хиллберн мужчине и, когда он вышел, достала очки для чтения и вынула из папки несколько писем. Билли узнал почерк доктора Чудо.

— Что это за место? — спросил Билли. — Чем здесь занимаются?

— Простите, а вы не знаете? — Она взглянула на него. — Институт Хиллберна — клиника по изучению жизни после смерти, частично оплачиваемая Чикагским университетом. Но как я уже говорила... — Она умолкла, погрузившись в чтение.

— А что делают те люди, внизу?

— Они... они общаются с духами. Каждый по-своему. — Доктор Хиллберн оторвалась от писем и сдвинула очки на лоб. — Юноша, — тихо сказала она, — вы, несомненно, произвели на нашего друга мистера Меркля глубокое впечатление. События, описываемые им здесь... достаточно интересны. — Она помолчала, убрала письма в папку и предложила: — Садитесь.

Билли сел напротив нее, а доктор Хиллберн развернулась в кресле так, чтобы смотреть из окна на парк. Ее лицо осветилось бледно-серым светом. Она сняла очки и убрала их в карман жакета.

— Юноша, — спросила она, — как вам понравился город?

— Очень шумный, — ответил Билли. — И все куда-то бегут.

Он не сказал ей, что дважды видел черную ауру — один раз она окружала старого негра в автобусе, а второй — молодую девушку неподалеку от автобусной остановки.

— Вы когда-нибудь бывали так далеко от дома?

— Нет, мэм.

— Значит, вы считаете, что способность, которой вы обладаете — не важно, в чем она заключается, — нечто особенное. Настолько особенное, что вы покидаете Алабаму и проделываете весь этот путь. Почему вы приехали сюда, мистер Крикмор? Я не говорю о письме. Почему?

Она повернулась к Билли и смерила его острым, внимательным взглядом.

— Потому что... мой друг доктор Чудо сказал, чтобы я поехал. Кроме того, так хотела моя мать. И... может быть, потому что я не знаю, куда мне еще поехать. Я хочу узнать, почему я такой, как есть. Я хочу узнать, почему я вижу то, что другие не видят. Например, черную ауру, или сущности, имеющие вид голубого тумана и несущие в себе столько боли, или Меняющего Облик. Моя мать может видеть то же самое, и ее мать в свое время... И похоже, мой сын или дочь унаследуют то же самое. Я хочу узнать о себе как можно больше. Если я ошибся адресом, скажите, я сейчас же уйду.

Доктор Хиллберн внимательно слушала и наблюдала за юношей. Она была опытным психиатром, а также парапсихологом и искала знаки эмоциональной нестабильности: жесты и

улыбки не к месту, нервные тики, общую нервозность или меланхолию. В Билли Крикморе она уловила только огромную тягу к самопознанию.

— Вы думаете, юноша, что стоит вам появиться здесь, как мы тут же дадим вам ответы на все вопросы? Нет. Это не тот случай. Как я уже говорила, это работа; чертовски трудная работа, надо сказать. И если придется чему-нибудь научиться, мы будем учиться этому вместе. Правда, в основном все исследования проводятся посредством экстенсивных проверок и экспериментов. Мы не имеем дела с шарлатанами, а я их на своем веку повидала великое множество. Некоторые из них сидели там, где сидите вы. Но рано или поздно любой обман раскрывается. Я не знаю о вас ничего, кроме того, что написано в письмах. А вы ничего не знаете об исследованиях жизни после смерти. Возможно, вы обладаете пси-способностями, но это еще придется доказывать. Вас могут публично преследовать. Вы можете попытаться уничтожить работу, которую мы проводим, хотя у нас и без этого хватает различных проблем. Юноша, вы сами верите, что вы можете общаться с мертвыми?

— Да.

— Прекрасно. Я родилась скептиком, мистер Крикмор. Если вы говорите, что огонь светофора красный, я скажу, что он пурпурный просто ради интересного спора. — Ее глаза заблестели. — Если я решу, что вы нам подходите, вы, может быть, проклянете тот день, когда переступили порог этого дома. Я применю к вам любой тест, который только смогу придумать. Я разберу ваш мозг на составляющие, а затем соберу его снова, если сочту это нужным. В течение двух или трех дней вы возненавидите меня, но я привыкла к этому. Ваша спальня будет размером с клозет, и вы будете делать по дому то же, что и другие. Бездельников у нас нет. Ну что, похоже на развлечение?

— Нет.

— Тогда так! — Доктор Хиллберн осторожно улыбнулась. — Завтра утром, в восемь часов, вы должны сидеть здесь, подробно рассказывая мне о своей жизни. Я хочу услышать о вашей матери, о черных аурах, о сущностях, о... как там его? Меняю-

щем Облик? Ну да. Обед через пятнадцать минут, и я надеюсь, что вам понравятся польские колбаски. А теперь почему бы вам не сходить за вашим чемоданом?

Билли встал со стула, растерянный и смущенный происшедшим. В глубине души он хотел уехать отсюда. Денег на обратный билет у него хватало. Но он проделал такой огромный путь и уговаривал себя потратить хотя бы три дня, чтобы выяснить, чем же здесь занимаются. Он не знал, благодарить ли ему доктора Хиллбери или ругать ее. Поэтому он встал и молча вышел.

Доктор Хиллбери взглянула на часы. Она уже опаздывала домой, муж, вероятно, сердится. Однако она решила потратить еще несколько минут, чтобы перечитать письма Меркля. В груди у нее росло возбуждение. «Неужели этот мальчик из Алабамы тот, кого я искала?» — задавала она себе тот самый вопрос, который вставал перед ней каждый раз при появлении нового испытуемого.

Вдруг этот Билли Крикмор действительно предоставит ей доказательства наличия жизни после смерти? Она не могла это знать, но она надеялась. После секундного размышления доктор Хиллбери встала и сняла с вешалки плащ.

48

Крик Уэйна Фальконера расколол тишину, окутывавшую владения Августа Крипсина.

Было два часа ночи. Когда Джордж Ходжес подошел к комнате Уэйна — одной из немногих, имевших окна, — то обнаружил, что Найлз уже там. Он прикладывал ко лбу Уэйна холодное полотенце и был одет так, будто только что вернулся с деловой встречи.

— Кошмар, — объяснил Найлз Хорджесу. — Я шел по коридору и услышал крик. Он собирался рассказать мне, что это было, да, Уэйн?

Протирая глаза, вошел Генри Брэгг.

— Кто кричал? Какого черта...

— С Уэйном все в порядке, — сказал Найлз. — Расскажи мне свой сон, а потом я принесу тебе что-нибудь от мигрени.

Ходжесу не понравились эти слова. Неужели Уэйн снова сядет на перкодан и кодеиновые капсулы?

Прерывающимся голосом Уэйн рассказал о том, что ему приснилось. Он видел призрак Джимми Джеда — скелет в желтом костюме, позеленевший и измазанный могильной землей, кричавший о том, что ведьма из Готорна послала его в Ад, где ему предстоит вечно мучиться, если Уэйн не спасет его. Когда юноша закончил, из его горла вырвался ужасный стон, а в глазах показались слезы.

— Она знает, где я! — прошептал он. — По ночам она бродит снаружи и мешает отцу прийти ко мне!

Брэгг побледнел. Ходжес понял, что навязчивая идея о мертвом отце завладела Уэйном еще сильнее. Последние четыре ночи Уэйну снились кошмары о Джимми Джеде и Крикморах. Прошлой ночью он даже клялся, что видел за окном смеющееся над ним бледное лицо сына Крикморов. «Уэйн рассыпается на куски, — думал Ходжес, — прямо здесь, на солнечном побережье».

— Я не могу спать. — Уэйн схватил гладкую белую руку Найлза. — Пожалуйста... Отец сгнил, и я... не могу теперь воскресить его...

— Все будет хорошо, — мягко успокаивал его Найлз. — Нет нужды бояться, пока ты находишься в доме мистера Крипсина. Это самое безопасное место на свете. Надень халат и тапочки. Я отведу тебя к мистеру Крипсину. Он даст тебе что-нибудь успокоительное...

— Одну секундочку! — раздраженно вмешался Ходжес. — Что означают эти ночные «визиты»? Что происходит? Мы прибыли сюда по делу, а вместо этого слоняемся по сумасшедшему дому мистера Крипсина! У Уэйна есть и другие обязанности. И я не хочу, чтобы он принимал пилюли!

— Гомеопатия. — Найлз подал Уэйну халат. — Мистер Крипсин верит в оздоровительную силу природы. Кроме того, Уэйн подтвердит, что вы можете уехать в любую минуту.

— Что? Оставить его с вами? Уэйн, послушай меня! Мы должны вернуться обратно в Файет! Здесь что-то нечисто!

Уэйн завязал халат и посмотрел на Ходжеса.

— Отец сказал, что я должен доверять мистеру Крипсину. Я хочу остаться здесь еще ненадолго. А если вы хотите уехать, пожалуйста, вы свободны.

Ходжес увидел, что глаза юноши затуманены. Он понял, что Уэйну отказывает чувство реальности... И что это за успокоительное дает ему мистер Крипсин?

— Я умоляю тебя, — прошептал Джордж. — Поехали домой.

— Джим Кумбс возьмет меня завтра на «Челленджер», — ответил Уэйн. — Он говорит, я могу научиться летать на нем. Это совершенно безопасно.

— Но как же «Поход»?

Уэйн покачал головой.

— Я устал, Джордж. У меня все болит. Я сам «Поход», и куда еду я, туда едет и «Поход». Разве это не так? — Он взглянул на Брэгга.

Улыбка адвоката была вымученной и натянутой.

— Конечно. Как скажешь, Уэйн. Я за тебя на все сто.

— Вам не стоило беспокоиться, джентльмены. — Найлз взял юношу за локоть и направился к двери. — Я послежу за Уэйном.

Неожиданно лицо Джорджа Ходжеса покраснело, он пересек комнату и схватил Найлза за плечо.

— Послушайте, вы...

Найлз молниеносно развернулся, и в горло Ходжеса уткнулись два жестких пальца. Ходжес почувствовал короткую ослепляющую боль, от которой у него подогнулись колени. Через сотую долю секунды рука Найлза снова спокойно висела вдоль тела. В его белесых глазах мелькнул тусклый огонек. Ходжес закашлялся и отшатнулся.

— Извините, — сказал Найлз, — но вы никогда не должны касаться меня таким образом.

— Вы... вы пытались убить меня! — прохрипел Ходжес. — У меня есть свидетели! Клянусь Богом, я привлеку вас за все, что вы натворили! Я уезжаю сейчас же! — Он вышел из комнаты, прижимая ладони к горлу.

Найлз посмотрел на Брэгга.

— Урезоньте вашего друга, мистер Брэгг. Ему не выйти из дома ночью, потому что двери и окна заперты гидравлически. Я поступил грубо, но я извиняюсь.

— О... конечно. Не беспокойтесь. Я имею в виду... Джордж немного расстроен...

— Точно. Поэтому успокойте его. Поговорим завтра утром.

— Хорошо, — согласился Брэгг и выдавил из себя слабую улыбку.

Август Крипсин сидел в своей спальне этажом выше, в другом крыле дома. Когда Уэйн впервые увидел эту комнату, она напомнила ему больничную палату: стены были белыми, а потолок разрисован под голубое небо с белыми облаками. Вся обстановка состояла из софы, кофейного столика и нескольких кожаных кресел. Пол покрывали персидские ковры, а торшеры излучали мягкий золотистый свет. Большая кровать, снабженная пультом управления освещением, влажностью и температурой и оснащенная несколькими маленькими телевизионными экранами, была со всех сторон закрыта пластиковой занавеской. Рядом с кроватью стоял кислородный баллон.

Шахматная доска лежала на длинном кофейном столике тикового дерева, там, где ее оставили прошлой ночью. Крипсин, одетый в длинный белый халат, сидел рядом с ней. Когда Найлз ввел в комнату Уэйна, он оценивал варианты продолжения партии. На Крипсине были надеты тапочки и хирургические перчатки. Его тело покоилось в специальном кресле.

— Опять кошмар? — спросил он Уэйна, когда Найлз вышел.

— Да, сэр.

— Присаживайся. Давай продолжим игру.

Уэйн пододвинул себе кресло. Крипсин учил его основам игры; Уэйн безнадежно проигрывал, однако кони, пешки, ладьи и все прочее отвлекали его от кошмаров.

— Они были настолько реальны, да? — спросил Крипсин. — Я думаю, что кошмары более... реальны, чем обычные сны. — Он указал на две пилюли, белую и красную, и на чашку травяного чая, которая стояла напротив Уэйна.

Уэйн без колебаний проглотил пилюли и запил их чаем. Лекарства помогали ему расслабиться, помогали уменьшить мучительную головную боль. Под утро он засыпал и знал, что ему будут сниться только прекрасные сны, в которых он снова превращался в маленького мальчика и играл с Тоби. В этих навеянных лекарствами снах все было безмятежным и счастливым, и Зло не могло найти его.

— Маленький человек боится малопонятных вещей, и только человек с сильным характером чувствует настоящий ужас. Я наслаждаюсь нашими беседами, Уэйн. А ты?

Уэйн кивнул. Он уже почувствовал себя лучше. Сознание прояснилось, затхлые сети страха растаяли. Еще немного, и он засмеется, как маленький мальчик, тревога и ответственность исчезнут, как плохие сны.

— О человеке можно судить по тому, чего он боится, — сказал Крипсин. — И страх может быть орудием, большой рукояткой, с помощью которой можно заставить мир вращаться в любом направлении. Ты лучше других людей должен знать силу страха.

— Я? — Уэйн поднял взгляд от шахматной доски. — Почему?

— Потому что на свете есть два величайших ужаса: Болезнь и Смерть. Ты знаешь, сколько миллионов бактерий населяет человеческий организм? Сколько из них внезапно может стать смертельно опасными и начать высасывать соки из человеческих тканей? Ты знаешь, как хрупок человеческий организм, Уэйн?

— Да, сэр.

— Твой ход.

Юноша начал изучать лежащую перед ним доску из слоновой кости. Он пошел слоном, не имея в голове никакой идеи, кроме как съесть одну из черных ладей Крипсина.

— Ты уже забыл то, что я говорил тебе, — заметил Крипсин. — Ты должен научиться смотреть на пять ходов вперед.

Он протянул руку и съел своей второй ладьей последнего слона Уэйна. Лицо его при этом сияло, как раздутая белая луна.

— Почему вы так живете? — спросил Уэйн. — Почему не выходите наружу?

— Почему же, иногда выхожу. Когда у меня намечена какая-то поездка. Сорок девять секунд от двери до лимузина. Сорок шесть от лимузина до самолета. Неужели ты не понимаешь, что плавает в воздухе? Каждая эпидемия чумы, которая свирепствовала в городах и странах, кося сотни, тысячи людей, начиналась с маленького микроорганизма. Паразита, который выделился при чихании или прицепился к мухе, когда та залезала в крысиную нору. — Он наклонился к Уэйну, и его глаза расширились. — Желтая лихорадка. Тиф. Холера. Малярия. Черная чума. Сифилис. Кровяные нематоды и черви могут инфицировать человека и убить его. Бациллы бубонной чумы могут дремать столетиями, а затем неожиданно истребить полмира. — На черепе Крипсина засверкали маленькие капли пота. — Болезнь, — прошептал он. — Она окружает нас. Она притаилась за этими стенами, прижалась к ним и пытается проникнуть внутрь.

— Но... на такие вещи у людей давно выработался иммунитет... Существуют прививки, — возразил Уэйн.

— Никакого иммунитета не существует! — Крипсин почти кричал. Его губы несколько секунд беззвучно шевелились. — Степень сопротивляемости росла и падала; болезни менялись, вирусы мутировали и размножались. В 1898 году бубонная чума убила в Бомбее шесть миллионов жителей; 1900 году она появилась в Сан-Франциско; бактерии, аналогичные чумным, были обнаружены у земляной белки. Ты понимаешь? Они ждали. Каждый год в Соединенных Штатах регистрируются случаи заболевания проказой. В 1948-м в Штатах чуть не разразилась эпидемия оспы. Болезнь все еще здесь! Кроме того, появились новые бактерии, новые паразиты, которые эволюционировали все это время!

— Если болезни поставить под контроль, то и смерть окажется под контролем, — предложил Крипсин. — Какую силу должен иметь человек, чтобы... не бояться. Эта сила сделает его подобным Богу!

— Я не знаю. Я... никогда не думал об этом с такой точки зрения.

Уэйн взглянул в обрюзгшее лицо Крипсина. Глаза толстяка напоминали бездонные черные омуты, а поры на коже были размером с блюдца. Его лицо, казалось, заполнило всю комнату. По телу Уэйна разлилось тепло и ощущение безопасности. Он знал, что, несмотря на кошмары, посылаемые ему этой женщиной-колдуньей, она не может до него добраться. Ничто не сможет добраться до него: ни обязанности, ни страхи, ни какие-либо болезни.

Крипсин вылез из кресла с ворчанием гиппопотама, выныривающего из черной воды. Он неуклюже подошел к кровати, отодвинул пластиковую занавеску и нажал пару кнопок на пульте управления. В тот же миг на трех видеоэкранах появилось изображение. Уэйн искоса взглянул на них и хмыкнул. Это были видеозаписи его телевизионного шоу, и на всех трех экранах он касался людей, стоящих в очереди Исцеления.

— Я смотрю на это снова и снова, — сказал толстяк, — и надеюсь, что вижу правду. Если это так, то ты единственный человек на Земле, который может сделать для меня то, что я хочу. — Он повернулся к Уэйну. — Мой бизнес — комплексный, требующий много внимания. Я владею компаниями от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка плюс компании в других странах. Для управления ими я пользуюсь телефоном. Люди делают все, чтобы стать ближе ко мне. Однако мне пятьдесят пять лет, мне везде мерещатся болезни, и я чувствую, что дела ускользают у меня из рук. Я не хочу, чтобы это произошло, Уэйн. Я перенесусь в Рай или в Ад, оставив дела такими, как они есть. — Его черные глаза загорелись. — Я хочу отвести от себя смерть.

Уэйн смотрел на свои руки, лежащие на коленях. Голос Крипсина эхом отдавался в его голове, будто он сидел в огромном кафедральном соборе. Юноша вспомнил, как отец говорил ему, чтобы он хорошенько прислушивался к тому, что говорит ему мистер Крипсин — мудрый справедливый человек.

Крипсин положил руку на плечо Уэйна.

— Я рассказал тебе о своем страхе. Теперь расскажи мне о своем.

Уэйн стал рассказывать — поначалу нерешительно, а потом разговорился и высказал все, что лежало у него на душе, зная, что мистер Крипсин его поймет. Он рассказал о Рамоне Крикмор и ее сыне, о том, как она прокляла их с отцом и пожелала отцу скорой смерти. О смерти и воскресении своего отца, о том, как Крикмор стала насылать на него кошмары и как он не может забыть ее лицо и лицо ее сына-демона.

— Из-за нее... у меня болит голова, — объяснил Уэйн. — А теперь этот парень... Иногда я вижу его глаза. Он смотрит на меня так... словно думает, что он лучше меня...

Крипсин кивнул.

— Ты позволишь мне сделать для тебя хорошее дело, Уэйн?

— Да, сэр, конечно.

— Ты чувствуешь себя удобно и комфортабельно в моем доме? Я помогал тебе заснуть и все забыть?

— Да, сэр. Я чувствую... что вы верите мне. Вы слушали меня и вы поняли. Другие... смеялись надо мной, как тогда, около «Тауэра»...

— Тауэра? — переспросил Крипсин. Уэйн не ответил. — Я хочу, чтобы ты доверял мне, сынок. Я положу конец твоим страхам. Это очень просто. Но... если я помогу тебе, то попрошу кое-что взамен. Я должен удостовериться в твоей искренности. Понимаешь?

Пилюли заработали. Комната начала медленно вращаться, все цвета перемешались в длинную радугу.

— Да, сэр, — прошептал Уэйн. — Крикморы должны гореть в адском пламени навечно. Навечно.

— Я могу для тебя послать их в Ад. — Крипсин склонился над Уэйном, сжав его плечо. — Я попрошу мистера Найлза позаботиться об этом. Он религиозный человек.

— Мистер Найлз — мой друг, — сказал Уэйн. — Он приходит по ночам и разговаривает со мной. Он приносит мне перед сном стакан апельсинового сока... — Уэйн заморгал и попытался зафиксировать взгляд на лице Крипсина. — Мне... нужно немного волос колдуньи. Я хочу подержать их в руках...

Огромное белое лицо улыбнулось.

— Это просто, — прошептало оно.

49

Бабье лето сильно затянулось. Синий вечерний свет догорал, желтые листья шелестели на деревьях и, падая, шуршали по крыше дома.

По мере приближения темноты Рамона все больше и больше выкручивала фитили ламп, стоящих в передней. В камине горел слабый огонек, и она придвинула свой стул поближе, чтобы согреться; она следовала традиции чокто, заключающейся в том, чтобы разводить маленький огонь и садиться к нему поближе в отличие от традиций белых людей, которые разводят огромный костер и становятся как можно дальше. Рядом с ней на столе горела керосиновая лампа с металлическим отражателем. Она давала достаточно света, чтобы Рамона могла в третий раз перечитать письмо, полученное сегодня от Билли. Оно было написано на листочке, вырванном из тетради, но на конверте, в левом нижнем углу, красивыми черными буквами было напечатано название института Хиллберна и его адрес. Билли жил в Чикаго уже почти три недели, и это было второе его письмо. Юноша описывал, что он видел в городе, в институте Хиллберна. Писал, что он много разговаривал с доктором Мэри Хиллберн и другими докторами, работающими с добровольцами. Что он познакомился с другими испытуемыми, но большинство из них оказались неразговорчивыми и замкнутыми людьми. Мистер Перлмен, миссис Бреннон, пуэрториканка Анита, заросший хиппи Брайан — все они экспериментировали с тем, что доктор Хиллберн называла «тета-агентами» или «бестелесными существами». Билли также упомянул о девушке по имени Бонни Хейли; он писал, что она очень симпатичная, но держится в стороне, и он видит ее очень редко.

Он проходит тесты. Много тестов. Его искололи иголками, прикрепляли к голове электроды и изучали зигзаги на длинных бумажных лентах, выползавших из странной машины, к которой он был подключен. Его спрашивали, какие изображения отпечатаны на том, что называется картами Зенера, и попросили вести дневник сновидений. Доктор Хиллберн очень

интересуют его встречи с Меняющим Облик, и о чем бы они ни говорили, она всегда записывает разговор на магнитофон. Похоже, она более требовательна к нему, чем к остальным, а недавно сказала, что хочет повидаться с Рамоной. На следующей неделе начнутся сеансы гипноза и испытание бессонницей, что вовсе его не радует.

Билли писал, что любит ее и что вскоре напишет снова.

Рамона отложила письмо и прислушалась к завыванию ветра. Огонь в камине трещал, отбрасывая тусклый оранжевый свет. Она уже написала ответ Билли и собиралась отправить его завтра.

Сынок, ты был прав, когда уехал из Готорна. Не знаю, как все обернется, но я верю в тебя. Твой Неисповедимый Путь вывел тебя в мир, и он не окончится в Чикаго. Нет, он будет вести тебя до конца твоих дней. Каждый идет по своему собственному Неисповедимому Пути, выбирает лучшее из того, что предлагает ему жизнь. Иногда невероятно трудно распознать, что хорошо, а что плохо в этом суматошном мире. Иногда черное может оказаться белым, а то, что похоже на мел, оказывается черным деревом.

Я много думала об Уэйне. Даже съездила в его поместье, но свет в доме не горел. Я боюсь за него. Его притягивает к тебе так же, как тебя к нему, но он испуган и слаб. Следуя своему Неисповедимому Пути, он мог бы обучать других исцелению своего организма, но сейчас глаза ему застилает корысть, и я думаю, он ничего не видит. Скорее всего ты сердишься на него, но если хотя бы раз в жизни у тебя появится возможность помочь своему брату, ты поможешь. Вы связаны кровью, и хотя ваши Пути ведут в разные стороны, вы остаетесь частью друг друга. Ненавидеть просто. Любить гораздо труднее.

Ты знаешь, есть более великая тайна, чем Смерть. Это Жизнь и то, как она крутится подобно ярмарочной карусели.

Кстати, о девушке Бонни было написано с большим чувством, я заметила некоторую петушиность. Видимо, она для тебя что-то значит, раз ты так о ней пишешь.

Я очень горжусь тобой и знаю, что буду гордиться всегда.

Я люблю тебя.

Рамона взяла лампу и вышла в спальню, чтобы собрать рукоделие.

Заметив свое отражение в зеркале, она остановилась и оглядела себя. Она увидела седые волосы и много морщин. Но ее глаза все еще оставались глазами той грациозной девушки, которая увидела Джона Крикмора, стоявшего у стены амбара, и захотела, чтобы этот парень обнял ее так, чтобы затрещали ребра, девушки, которая хотела летать над холмами на парусах мечты. Рамона гордилась тем, что сохранила частицу юности.

Ее Неисповедимый Путь практически закончен. «Но, — думала она, — посмотри, сколько сделано!» Она любила хорошего человека и была любима, вырастила сына, умела защитить себя и делала мучительную работу, которую требовало от нее ее предназначение. Она научилась спокойно принимать радости и печали, видеть Дарующего Дыхание в утренней росе и опавших листьях. Одно только мучило ее — рыжеволосый мальчик — копия своего отца, — которого Дж.Дж. Фальконер назвал Уэйном.

Неутомимый ветер шумел вокруг дома. Рамона надела свитер, взяла рукоделье и направилась обратно в гостиную, где просидела и проработала примерно час. В затылке заныло, но Рамона знала, что это продлится недолго.

Что-то шло сквозь ночь, и оно шло за ней. Рамона не представляла, как оно выглядит, но она хотела взглянуть ему в лицо и дать понять, что не боится.

Когда она смотрелась в зеркало, то видела в нем свою черную ауру.

Наконец Рамона закрыла глаза и позволила себе задремать. Она снова была ребенком, бегающим по зеленому лугу под жарким июльским солнцем. Она легла на траву и стала наблюдать, как облака медленно меняют форму. Вон там дворец с пушистыми башнями и флагами, а...

— Рамона! — услышала она. — Рамона! — Это была мама, зовущая ее издалека. — Рамона, маленькая чертовка! Немедленно домой, слышишь?

Ее щеки коснулась сухая ладонь, и Рамона проснулась. Огонь в камине и лампа почти погасли. Она узнала прикосновение, и ей стало тепло.

Раздался стук в дверь.

Рамона еще несколько секунд покачалась в кресле. Затем подняла подбородок, встала и подошла к двери. Несколько секунд ее рука лежала на задвижке, затем она вздохнула и отодвинула ее.

Высокий мужчина в соломенной ковбойской шляпе и джинсовом костюме стоял на террасе. У него была серая с проседью бородка и темные, глубоко посаженные глаза. За его спиной стоял глянцево-черный грузовик-пикап. Жуя зубочистку, мужчина протяжно произнес:

— Как поживаете, мэм? Похоже, я не туда свернул. Вы не будете так любезны принести мне стакан воды, а то в горле...

— Я знаю, кто вы такой, — сказала Рамона и увидела, что мужчина вздрогнул. «Он не настоящий ковбой, — подумала Рамона, — у него слишком гладкие руки». — Я знаю, зачем вы приехали. Заходите.

Мужчина заколебался, улыбка исчезла с его лица. Он увидел, что она действительно все знает. Под ее твердым взглядом он ощущал себя словно жук, только что вскарабкавшийся на камень. Он хотел уже развернуться, чтобы уйти отсюда раз и навсегда, но вовремя вспомнил, что не сможет забрать свои деньги и убежать; рано или поздно его все равно найдут. Кроме того, он, черт возьми, профессионал.

— Так вы зайдете? — спросила Рамона и открыла пошире дверь.

Мужчина вынул изо рта зубочистку, промямлил «спасибо» и вошел в гостиную. Он не смотрел женщине в лицо, потому что знал, что ей все известно, но она не боится, и это делало его положение невыносимым.

Рамона ждала.

Незнакомец решил сделать все как можно быстрее и безболезненно. И это будет в последний раз, да поможет ему Господь!

Рамона закрыла дверь, чтобы не было сквозняка, и вызывающе повернулась к гостю.

11. ПРОВЕРКА

50

Из горла Билли вырвался приглушенный крик, и он сел на кровати среди сбившихся простыней. Его мысли путались от ужаса. Он включил лампу и закутался в одеяло. За окном стучал дождь.

Юноша не помнил деталей ночного кошмара, но он точно имел отношение к его матери. И к дому. Искры, улетающие в ночное небо. Отвратительная морда Меняющего Облик в ярком свете пламени.

Билли встал с кровати и с трудом вышел в коридор. По пути в мужской туалет он увидел свет, горящий внизу, в гостиной. Он спустился по лестнице, надеясь с кем-нибудь поговорить.

В гостиной горела только одна лампа. Телевизор показывал настроечную таблицу. На софе, свернувшись калачиком и накрывшись коричневым дождевиком, лежала девушка с разноцветными глазами. Правда, сейчас ее глаза были закрыты — Бонни спала. Билли немного постоял над ней, восхищаясь ее каштановыми волосами и тонкими чертами лица. Пока он смотрел, девушка вздрогнула. «Она даже симпатичнее Мелиссы Петтус, — подумал Билли. — Но слишком уж беспокойная личность». От мистера Перлмена он узнал, что ей девятнадцать и ее родственники живут в Техасе. Больше никто ничего о ней не знал.

Неожиданно, будто почувствовав чье-то присутствие, тонкие брови затрепетали. Девушка вскочила так резко, что Билли испугался и отступил на шаг. Она посмотрела на него с сосредоточенностью загнанного животного, но ее глаза оставались мертвыми.

— Они должны сгореть, — прошептала она еле слышно. — Так сказала Кеппи, а Кеппи никогда не врет...

Билли заметил, что ее взгляд проясняется, и понял, что девушка говорила во сне. Бонни неуверенно посмотрела на него, и на ее щеках вспыхнул румянец.

— Что это? Что тебе нужно?

— Ничего. Я просто увидел свет. — Билли улыбнулся. — Не беспокойся, я не кусаюсь.

В ответ Бонни только плотнее закуталась в плащ. Билли заметил, что на ней все те же джинсы и свитер, и подумал, что либо она спит, не раздеваясь, либо совсем не ложится спать.

— По-моему, это совсем неинтересная программа, — сказал он и выключил телевизор. — Ты давно здесь сидишь?

— Некоторое время, — ответила девушка, по-техасски растягивая слова.

— Кто такая Кеппи?

Бонни дернулась, словно ее ударили.

— Оставь меня, — резко сказала она. — Я никого не беспокою и не хочу, чтобы беспокоили меня.

— Я не хотел тебя обидеть. Извини.

Он повернулся к ней спиной. Бонни, конечно, симпатичная девушка, но слишком уж нервная. Билли почти дошел до лестницы, когда услышал ее голос.

— Что в тебе такого особенного?

— Что?

— Доктор Хиллберн думает, что ты особенный. Почему?

Билли пожал плечами.

— Не знаю.

— Я и не сказала, что знаешь. Я сказала, что так думает доктор Хиллберн. Она проводит с тобой так много времени. Можно подумать, что ты важная особа.

Билли остановился на середине лестницы, прислушиваясь к шуму дождя. Бонни сидела, подтянув колени к подбородку и накинув на плечи плащ. В ее глазах застыл страх, и Билли понял, что девушка по-своему ищет компании. Он снова спустился в гостиную.

— Я не знаю почему. В самом деле не знаю.

Пауза затянулась. Бонни смотрела в окно на ледяную бурю.

— Сегодня будет сильный дождь, — сказал Билли. — А миссис Бреннон сказала, что скоро выпадет снег.

Бонни долго не отвечала, а затем тихо произнесла:

— Я надеюсь, что дождь будет идти очень долго. Я надеюсь, что он будет идти и идти неделями. Ведь когда идет дождь, ничего не может загореться, да?

Она трогательно посмотрела на Билли, и он поразился ее естественной красоте. На лице Бонни не было косметики, и она выглядела свежей и здоровой за исключением темных мешков под глазами. «Мало спит», — подумал он.

— Почему ты всегда носишь это? — спросила девушка.

Только после ее вопроса Билли осознал, что сжимает в левой руке кусочек угля. Наверное, он захватил его, выходя из комнаты. Он действительно всегда носил его с собой и даже объяснил его значение доктору Хиллбери, когда она поинтересовалась.

— Это твой талисман?

— Наверное. Я просто ношу его с собой, вот и все.

— А-а.

Билли переступил с одной ноги на другую. Он был одет в пижаму, халат и тапочки, которые ему выдали в институте, вернуться в постель он не спешил.

— А ты откуда, из Техаса?

— Ламеза. Это между Лаббоком и Биг-Спрингом. А ты откуда, из Алабамы?

— Из Готорна. А откуда ты знаешь, что я из Алабамы?

Бонни пожала плечами.

— А ты откуда знаешь, что я из Техаса?

— Наверное, спросил кого-нибудь. — Билли сделал паузу, изучая ее лицо. — Как получилось, что у тебя один глаз голубой, а другой зеленый?

— А как получилось, что у тебя кудрявые волосы, хотя ты индеец?

— Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? — улыбнулся Билли.

— А ты?

— Нет. Я только частично индеец. Чокто. Не беспокойся, я не собираюсь снимать с тебя скальп.

— Я и не беспокоюсь. Все мои предки — охотники на индейцев.

Билли рассмеялся и по искоркам в глазах девушки понял, что Бонни готова рассмеяться вместе с ним, но вместо этого она отвернулась к окну и стала смотреть на дождь.

— Что ты делаешь так далеко от Техаса?

— А что ты делаешь так далеко от Алабамы?

Он решил попробовать подойти с другой стороны.

— Мне кажется, что твои глаза очень красивые.

— Нет. Они просто разные.

— Иногда хорошо быть разными.

— Конечно.

— Нет, в самом деле. Ты должна гордиться своей внешностью. Это ставит тебя несколько особняком.

— Это уж точно.

— Ты не поняла. Это делает тебя особенной. И кто знает? Может быть, ты видишь лучше, чем остальные люди.

— Может быть, — тихо, с тревожными нотками в голосе сказала Бонни. — Но я вижу много того, чего не хотела бы видеть. — Девушка взглянула на Билли. — Ты разговаривал обо мне с доктором Хиллбери?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь про Кеппи? Только доктор Хиллбери знает о ней.

Билли объяснил, что она разговаривала во сне, но его слова вызвали у Бонни приступ раздражения.

— Ты не должен был шляться здесь, — сказала она. — Ты испугал меня, вот и все. Зачем ты сюда прокрался?

— Я не прокрадывался. Мне просто приснился кошмар, который меня разбудил.

— Кошмары, — прошептала девушка. — Да, я много знаю о них.

— Ты хочешь спать?

— Нет. — Она нахмурилась и замолчала. Билли представил ее, скачущей на лошади под солнцем Техаса. Бонни была не-

много худой, но она явно могла сама о себе позаботиться. — Я не люблю спать. Поэтому я здесь, внизу. Я хотела посмотреть телевизор, а затем почитать.

— Почему?

— Ну... потому, что я... иногда вижу сны. Кошмары. Нечто... действительно ужасное. А если я не сплю, то не могу их видеть. Я... даже ходила вечером гулять, пока не начался этот ливень. Я надеюсь, что он зарядил надолго. Как ты думаешь?

— Понятия не имею. Почему это для тебя так важно?

— Потому, — сказала она и пристально посмотрела на Билли. — Тогда то, что показала мне Кеппи, будет неправдой. Ничто не сможет гореть так сильно, как она мне показала.

В ее голосе слышалось отчаяние. Билли сел в кресло и приготовился слушать то, что она, может быть, расскажет.

Девушка рассказала, и он слушал не отрываясь. Начала она неохотно: когда Бонни Хейли было одиннадцать лет, в голой техасской степи в нее ударила молния. У нее сгорели все волосы, а ногти почернели, и она лежала при смерти почти месяц. Она помнила темноту, голоса и желание уйти; но каждый раз, когда у нее возникало желание умереть, она слышала ясный, высокий детский голос, говорящий ей: «Нет, уход из жизни — это не ответ». Голос призывал ее сконцентрироваться и бороться с болью. Бонни так и поступила, медленно, но верно выздоравливая.

В госпитале работала нянечка, миссис Шелтон, и каждый раз, когда она входила в палату, в ушах у Бонни возникал тихий звенящий звук. Она стала видеть странный повторяющийся сон: головной убор нянечки, падающий по движущейся лестнице. Через неделю Бонни узнала, что миссис Шелтон оступилась на эскалаторе в универсальном магазине в Лаббоке и сломала себе шею. С этого все и началось.

Бонни назвала странный, высокий голос в своей голове Кеппи в честь воображаемой подруги, которую выдумала себе в шесть лет. У нее было одинокое детство, большую часть которого она провела на ранчо своего приемного отца неподалеку от Ламезы. Постепенно визиты Кеппи стали все чаще и чаще, а с ней участились и сны. Как-то раз Бонни увидела чемоданы,

падающие с ясного голубого неба, на одном из них она даже разглядела бирку и номер рейса. Кеппи попросила ее быстро кому-нибудь рассказать об этом, но мама Бонни решила, что девочка просто дурачится. А через две недели в небе около Далласа столкнулись два самолета, и багаж разбросало по степи на много миль вокруг. Бонни видела еще много различных снов и предсказаний, которые назвала Колоколами Смерти, пока отчим не позвонил в «Нейшнл стар» и оттуда не приехали взять у нее интервью. Мать Бонни испугалась последовавшего за этим внимания и потока ненормальных писем и непристойных телефонных звонков. А отчим хотел, чтобы девочка написала книгу — о, ты только попробуй! — говорил он ей, — и стала ездить с лекциями о Колоколах Смерти.

В конце концов родители разошлись, и Бонни поняла, что мать боится ее и считает причиной несчастья. Затем опять пришли сны, а вместе с ними и голос Кеппи, настаивающий на конкретных действиях. Примерно в это же время «Нейшнл стар» окрестил ее Ангелом Смерти Техаса.

— Со мной захотели поговорить психиатры из Техасского университета, — рассказывала Бонни тихим, напряженным голосом. — Мама не хотела меня отпускать, но я знала, что должна поехать. Кеппи так хотела. Кроме того, доктор Каллаген работал раньше с доктором Хиллберн, поэтому он позвонил ей и устроил так, чтобы она меня приняла. Доктор Хиллберн считает, что у меня дар предвидения и что молния, возможно, что-то переключила у меня в голове, открыв мой мозг сигналам тех, кого она называет вестниками. Она верит, что в нашем мире остаются сущности тех, чьи тела давно умерли...

— Бестелесные, — подсказал Билли. — Дискарнаты.

— Правильно. Они остаются здесь, чтобы помочь остальным, но не каждый может понять, что они стараются сказать.

— А ты можешь.

Бонни покачала головой.

— Не всегда. Иногда сны довольно расплывчатые. Иногда я едва слышу голос Кеппи, хотя, с другой стороны... Может быть, я просто не хочу слышать то, что она говорит. И не люблю спать, потому что не хочу видеть то, что она мне показывает.

— И совсем недавно ты опять видела сон?

— Да, — прошептала Бонни. — Несколько ночей. Я... я еще не говорила доктору Хиллберн. Иначе она снова прицепит меня к одной из этих машин, а мне от ее проверок становится плохо. Кеппи... показала мне здание, охваченное огнем. Старое здание в старой части города. Огонь распространяется очень быстро, и... и я чувствую на лице сильный жар. Я слышу звук подъезжающих пожарных машин, но тут обрушивается крыша, и я вижу, как люди выпрыгивают из окон. Это... это случится, Билли, я знаю.

— А ты знаешь, где находится это здание?

— Нет, но я думаю, здесь, в Чикаго. Все прошлые сны сбывались в радиусе ста километров от того места, где я находилась. Доктор Хиллберн думает, что я нечто... вроде радара, дальность действия которого ограничена. Кеппи сказала, что люди умрут, если я не смогу им помочь. Она сказала, что загорится старая проводка и огонь очень быстро распространится. Она еще сказала что-то вроде «колючки», но я не понимаю, что это значит.

— Тебе нужно рассказать все доктору Хиллберн. Завтра утром. Может быть, она что-нибудь придумает.

Бонни едва заметно кивнула.

— Может быть. Но я так не думаю. Я так устала от ответственности, Билли. Почему это произошло именно со мной? Почему?

Когда она посмотрела на него, в ее глазах заблестели слезы.

— Я не знаю, — сказал Билли и взял девушку за руку. Они долго сидели вместе, слушая, как завывает буря, а когда дождь неожиданно прекратился, Бонни издала тихий безнадежный вздох.

51

В тот момент, когда в институте Хиллберна Билли Крикмор разговаривал с Бонни Хейли, в доме Ходжесов в Файете зазвонил телефон. Джордж Ходжес зашевелился и, не открывая глаза, нащупал телефон.

Звонил Альберт Вэнс, адвокат, с которым он познакомился в прошлом году на деловой встрече в Форт-Лаудердейле. Ходжес попросил его подождать, растолкал жену и попросил ее повесить трубку, когда он спустится вниз, к другому аппарату. В кабинете он потряс головой, прогоняя сон, и взял трубку.

— Вешай! — крикнул он Ронде, и телефон наверху тихо звякнул.

Ходжес не хотел, чтобы Ронда слышала разговор. А пока он слушал то, что ему говорил Альберт Вэнс, его сердцебиение все учащалось и учащалось.

— Вы не поверите, как глубоко я влез во всю эту канцелярщину. — Вэнс говорил с северным акцентом, режущим ухо Ходжеса. — «Тен-Хае» владеет несколькими компаниями в Нью-Йорке, и внешне они чисты, как полированное стеклышко. Никаких неприятностей с налоговой инспекцией, никаких проблем с профсоюзами, никаких банкротств. Настоящие бойскауты.

— Тогда в чем же дело?

— Дело в том, что я копнул на пять тысяч долларов глубже и теперь заметаю следы. Поэтому я и звоню так поздно. Не хочу, чтобы кто-нибудь в офисе знал, что я раскопал о «Тен-Хае»... на всякий случай.

— Не понимаю.

— Сейчас поймете. «Тен-Хае» может быть связана, а может быть — нет.

— Связана? С чем?

— С серьезными парнями. Уловили? Я сказал, может, да, а может, и нет. Они чертовски хорошо замаскировались. Но судя по тому, что я раскопал, «Тен-Хае» погрузила свои когти в порнобизнес Западного побережья и торговлю наркотиками. Ей принадлежит солидный кусок лас-вегасского пирога, и она контролирует большую часть контрабанды и нелегальных переходов на границе с Мексикой. «Тен-Хае» сильна и смертельно опасна.

— О... Боже... — Пальцы Ходжеса сжали телефонную трубку. Уэйн и Генри Брэгг все еще там! Мальчик пропустил запись на телевидении, проповедь в Хьюстоне и до сих пор не выска-

зал желания возвратиться в Файет! Один Бог знает, что сделал с ним Крипсин! Он слабо забормотал: — Я... Эл, что мне делать?

— Вы просите совета специалиста? Я даю его вам задаром. держите свою задницу подальше от этих людей! Что бы ни случилось между ними и вашим клиентом, это не повод превращаться в корм для собак. Вы поняли?

У Ходжеса онемели губы.

— Да, — прошептал он.

— Тогда все в порядке. Пришлите мне деньги в «дипломате» мелкими купюрами и запомните: вы никогда не просили меня проверить «Тен-Хае». А я никогда раньше не слышал о «Тен-Хае». У этих ребят очень длинные руки. Хорошо?

— Эл, я ценю вашу помощь. Спасибо.

— Приятного сна, — пожелал ему Вэнс, и телефон в Нью-Йорке отключился.

Джордж Ходжес медленно положил трубку на рычаг. Он был потрясен и не мог подняться из-за стола.

Фактически «Крестовый поход Фальконера» — имущество фонды, стипендиальный фонд, все! — был в лапах Августа Крипсина, председателя совета директоров корпорации «Тен-Хае». Генри Брэгг должен был заметить, что происходит. Но должен ли?

Ходжес снова взял трубку и, услышав голос телефониста, сказал:

— Я хочу заказать международный разговор. С Бирмингемом, с Федеральным бюро... — Тут он ощутил во рту нехороший привкус. Что он им скажет? Что он может сказать? Уэйн хотел уехать отсюда. Уэйн чувствует себя в безопасности в этой гробнице, спрятавшись от своих обязанностей.

«У этих ребят очень длинные руки», — предупредил Эл Вэнс.

— Слушаю вас, сэр, — напомнил о себе телефонист.

Ходжес подумал о Ронде и Ларри. Длинные руки. Он вспомнил глаза Найлза: глаза убийцы. У него свело внутренности, и он повесил трубку.

Дело затрещало по швам сразу после смерти Джи-Джи. Теперь оно развалилось окончательно. Ходжес испугался, что может оказаться в самом центре руин.

Но у него есть семья, счет в банке и акции. Его дом и деньги. В конце концов, он живой.

Ходжес со вздохом встал из-за стола. Когда он пересекал комнату, ему показалось, что сквозь разрисованное окно он увидел в небе далекое зарево. «Огонь? — удивился он. — Это рядом с Готорном. Что там может гореть?»

Однако так или иначе, пожар небольшой. Кроме того, до него несколько миль. Утром нужно узнать, что произошло.

— Да поможет мне Бог, — тихо сказал Ходжес, очень надеясь, что его услышат. Потом он выключил свет и поднялся по лестнице. Его душа обуглилась.

52

— Буду с тобой предельно откровенна, Билли, — сказала Мэри Хиллберн. Она надела очки и открыла папку, лежавшую перед ней на столе. — Здесь собраны все результаты твоего тестирования — от карт Зенера до обратной биосвязи. Между прочим, у тебя отличное физическое состояние.

— Спасибо.

Этот разговор происходил через несколько дней после того, как Билли беседовал с Бонни Хейли. Накануне он прошел последнее тестирование из запланированных для него доктором Хиллберн. Это был долгий сеанс гипноза, во время которого доктор Ленсинг пытался проникнуть на разные уровни подсознания Билли. По его разочарованному лицу юноша понял, что ничего интересного врач там не обнаружил.

То же разочарование сквозило в глазах доктора Хиллберн.

— Твои психологические тесты, — сказала она, — можно считать позитивными. Тесты с картами Зенера не выявили у тебя экстрасенсорных способностей. Ты хорошо вел себя под гипнозом, но доктор Ленсинг не зафиксировал необычных или

требующих особого внимания реакций. Дневник твоих снов не выявил их взаимосвязи. Самые высокие результаты у тебя в обратной биосвязи. Это означает, что ты наделен более высокой, чем у нормальных людей, способностью сосредоточиваться. — Доктор взглянула на него поверх очков. — Таким образом, все наши тесты показали, что ты вполне ординарный, здоровый юноша с высокой способностью сосредоточиваться.

— О, — только и смог произнести Билли. «Значит, все было напрасно?» — подумал он. — Тогда... вы считаете, что я ничего не могу, да?

— Снимать боль с мертвых? Я в самом деле не знаю. Тесты...

— Это неправильные тесты, — прервал ее Билли.

Доктор Хиллберн некоторое время размышляла над его словами.

— Возможно, ты прав. Но тогда что представляет собой правильный тест? Ты можешь предложить хоть один? Видишь ли, парапсихология — и изучение жизни после смерти в особенности — очень хитрое предприятие. Это неоперившаяся наука, новая граница познания. Мы применяем тесты, но они сами нуждаются в проверке. Мы изо дня в день пытаемся доказать, что мы серьезные ученые, но большинство серьезных ученых не хотят слышать о наших находках. — Она закрыла папку. — К сожалению, мы ничего не нашли. Никаких доказательств жизни после смерти, никаких доказательств загробного существования... ничего. Но люди все приходят и приходят к нам со вздохами о дискарнатах. Они приходят с вещими снами, с неожиданно обретенной способностью говорить на иностранных языках либо играть на музыкальных инструментах, которые они видят в первый раз в жизни. Я видела людей, которые, впав в состояние, похожее на транс, начинали писать другим почерком. Я слышала о маленькой девочке, которая, тоже в трансе, говорила голосом мужчины. Что это значит? Просто то, что мы достигли границы неизвестного и не можем понять, что лежит впереди.

Доктор Хиллберн сняла очки и потерла глаза. Внезапно она почувствовала страшную усталость. Ведь она так надеялась, что этот парень из Алабамы именно тот, кого она искала.

— Прости меня, — сказала она. — Я не разуверилась в том, что ты рассказал о себе и своей семье. Твой друг мистер Меркль в этом просто уверен. Но... как мы можем доказать существование черной ауры, которую ты видишь? Как мы можем проверить того, кто чувствует, что умирает? До тех пор, пока мы не придумаем новые, поддающиеся анализу эксперименты, мы этого не сможем. Поэтому я собираюсь отослать твою папку другим парапсихологам. Извини, но у меня очень длинный список людей, ожидающих своей очереди. Я вынуждена попросить тебя освободить комнату.

— Вы... хотите, чтобы я уехал?

— Нет, не хочу, но тебе придется. Я могу продержать тебя до конца недели и отправить домой на автобусе. Надеюсь, кто-нибудь из парапсихологов прочитает твою папку...

Лицо Билли вспыхнуло. Он резко встал, думая о деньгах, которые истратил на поездку в Чикаго.

— Я уеду завтра, — сказал он. — И больше никто меня не увидит. Я думал, вы мне поможете!

— Я говорила, что мы проведем ряд тестов. Мы сделали это. Я двигаюсь на ощупь во тьме, так же как и ты, и мне очень хотелось бы найти в институте место для каждого, обладающего психическими способностями, но у меня нет такой возможности. Я не говорю, что не верю тебе, но на сегодняшний день доказать твои утверждения мы не сумели.

— Понятно, — едко ответил Билли. Все это время потрачено зря! — Мне не нужно было приезжать сюда. Я ошибся. Вы не способны понять или помочь мне, потому что стараетесь залезть мне в голову с помощью машин. Откуда машине знать, что у меня в голове или в душе? Моей матери и бабушке не нужно было для работы никаких машин — и мне не нужно.

Он сверкнул глазами и вышел из кабинета.

Доктор Хиллберн не обвиняла его. Она развернулась в своем кресле и поглядела на освещенный серыми полуденными лучами парк. Она всей душой не хотела отпускать Билли Крикмора, потому что чувствовала в нем нечто важное, нечто такое, что не могла точно понять. Но ей требовалось занимаемое им помещение, и с этим ничего нельзя было поделать. Она глубо-

ко вздохнула и углубилась в дневник снов Бонни Хейли. Бонни все еще снилось горящее здание, а ее вестник все еще пытался внушить ей слово. Что-то, звучащее как «колючка». Хиллберн перечитала последние сны Бонни — совершенно одинаковые за исключением мелких деталей — и достала с полки карту Чикаго.

53

За Генри Брэггом пришли в три часа ночи.

Пока он надевал очки, Найлз стоял возле его кровати.

— Вас хочет видеть мистер Крипсин, — сказал он. — Одеваться не нужно. Халата и шлепанцев будет достаточно.

— Что случилось? Который час?

— Рано. Уэйн собирается оказать услугу мистеру Крипсину. Необходимо, чтобы при этом присутствовали вы.

Найлз и крепкий светловолосый телохранитель по имени Дорн провели Брэгга в восточное крыло здания, в личные апартаменты Крипсина. За неделю, прошедшую с тех пор, как уехал Ходжес, Генри Брэгг изнежился, словно принц. Он приобрел отличный загар и пристрастился к пина-коладс. Когда вокруг порхали представленные ему Найлзом молодые девушки, Брэгг начисто забывал о своей жене, детях, доме и практике. На шее он стал носить цепочку со знаком зодиака. Он делал свою работу: находился поблизости от Уэйна. И если вместе с этим он получал кое-какие удовольствия, то разве это его вина?

Найлз нажал на кнопку звонка у двери кабинета Крипсина. Двери открылись, и Брэгг вошел в комнату. Свет торшеров ударил ему прямо у глаза. С перекладин на стенах свешивались темные скелеты. Крипсин сидел за своим столом, сложив руки на животе. Его голова белела в полумраке.

Брэгг прикрыл глаза козырьком ладони, поскольку яркий свет вызвал почти болезненное ощущение.

— Мистер Крипсин? Вы хотели меня видеть, сэр?

— Да, подойдите ближе.

Брэгг шагнул вперед и нащупал ногой что-то твердое. Он посмотрел вниз и увидел большой кусок тонкого пластика, положенного поверх ковра.

— Прекрасно, — сказал Крипсин. — Стойте, пожалуйста, там.

— Что случилось? — усмехнулся Брэгг.

— Уэйн? — Крипсин взглянул на фигуру, скрючившуюся на стуле с высокой спинкой. — Ты готов?

Брэггу понадобилось несколько минут, чтобы узнать Уэйна. Лицо юноши покрывала смертельная бледность, он походил на привидение. Прошло несколько дней с тех пор, как Брэгг видел Уэйна последний раз, и теперь мальчик здорово изменился. Уэйн держал на коленях маленькую коробочку и тер что-то между пальцев.

— Это... волосы? — удивился Брэгг.

— Так как же, сынок? Либо ты готов к проверке, либо нет.

— Эй, — вмешался Брэгг, — кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

Дори накрыл стоящие поблизости скелеты клеенками и отодвинул кофейный столик в дальний угол комнаты. Уэйн не отрываясь глядел на волосы, которые держал в руках; они были совсем седыми и блестели, как звезды. Перебирая их пальцами, он ощущал нечто странное. В его сознании всплыло лицо Крикмора-младшего, и оно теперь не казалось таким злым, как раньше. Но отец говорил ему, что деяния Дьявола не всегда выглядят черными, как грех.

— Я готов, — сказал Уэйн и убрал волосы Рамоны Крикмор в коробочку. Он сможет вызвать это из глубины души, он верил, что сможет. Уэйн поднялся на ноги, сжимая и разжимая кулаки.

— Приступайте, — махнул рукой Крипсин.

Прежде чем Брэгг успел повернуться, Дори схватил его за запястья и заломил ему руки за спину. Брэгг попытался вырваться, но телохранитель сжал его так, что он едва смог дышать.

— Мистер Найлз? — тихо сказал Крипсин.

Найлз достал из черного кожаного мешочка что-то похожее на медные костяшки пальцев. Он надел это на правую руку, и

Брэгг заскулил от страха, когда увидел, что поверхность кастета усыпана кривыми обломками бритвенных лезвий.

— Уэйн! — закричал Брэгг, и его очки соскочили на пол. — Во имя Господа, не дай им убить меня!

Он попытался лягнуть Найлза ногой, но тот спокойно увернулся, схватил Брэгга за волосы и оттянул его голову назад, в то время как Дорн еще сильнее сжал локти адвоката.

В следующий момент рука Найлза описала дугу возле обнаженного горла Брэгга. Брызнули фонтаны крови. Найлз отскочил в сторону, но недостаточно быстро, и его серый костюм покрылся кровавыми пятнами. Лицо Брэгга стало белее мела.

— Отпусти его, — приказал Крипсин Дорну. Брэгг упал на колени, зажимая ладонями рану. Между его пальцев струилась кровь. В тот момент, когда адвокату перерезали горло, Крипсин включил секундомер и стал следить за отсчетом времени. Затем наклонился к Уэйну.

— Теперь излечи его, — сказал он. — До того, как он истечет кровью, осталось три минуты.

— Пожалуйста, — прошептал Брэгг и протянул к юноше окровавленные руки. — О Иисус, о Иисус, не дай мне умереть...

— Быстрее, Уэйн, — поторопил Крипсин.

Схватив скользкую руку Брэгга, Уэйн опустился на колени рядом. По пластику расплывались кровавые лужи. Уэйн зажал свободной рукой страшную рваную рану.

— Излечись, — произнес он дрожащим голосом. — Я.. приказываю тебе, излечись!

Он попытался представить себе, как сращиваются вены и артерии, но знал, что это не сработает.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Пожалуйста, излечись!

Брэгг хрипло застонал и повалился на бок.

Секундомер на столе Крипсина продолжал отсчитывать время.

Уэйн понял, что внутри у него все заржавело. Он чувствовал целительный огонь, когда прикасался к Тоби; он чувствовал его, когда исцелял маленькую девочку с парализованными ногами; он чувствовал его сотню раз, когда еще не был выжат как лимон, исцеляя десятки людей день за днем. Но он не может притво-

ряться, глядя, как умирает Генри. Он должен снова зажечь в себе этот голубой огонь и зажечь как можно быстрее. Он умоляюще взглянул на Крипсина, но лицо толстяка было неподвижно, словно высеченное из камня. Крипсин надел хирургическую маску.

— Уэйн... — прошептал Брэгг.

Юноша прижал к ране обе руки.

— Излечись, излечись, Боже Всемогущий, излечи этого мужчину, излечи его.

Он крепко зажмурил глаза. Где же голубой огонь? Где сила?

— Запеки ее! — крикнул Уэйн.

Снова ничего. Он вспомнил о ведьме, корчащейся в Аду. Он вспомнил о Крикморе-младшем, все еще поганящем землю. С одной покончили навсегда, настала очередь другого.

— ЗАПЕКИ ЕЕ! — закричал он, мысленно оборотившись к мести за смерть своего отца.

Легкая вибрация сотрясала его руки, словно холостая попытка стартера. Одежда Уэйна покрылась кровью и потом. Концентрируясь, он запрокинул голову и закричал, призывая отца помочь ему исцелить Генри Брэгга.

Стартер взревел. Еще. Еще раз.

— Да, я приказываю тебе излечиться! Я приказываю тебе излечиться...

Ужасная боль пронзила его голову. Уэйну показалось, что мозг вот-вот разорвется.

— ИЗЛЕЧИСЬ! — закричал юноша, и из его носа хлынула кровь, а глаза вылезли из орбит.

Тело Брэгга дернулось, рот приоткрылся в стоне.

Крипсин, тяжело дыша, начал подниматься из кресла.

Боль захлестывала голову Уэйна адскими волнами. Его скрюченные пальцы сжали горло Брэгга. В душе разгорался огонь, шипя в плоти, мускулах, коже. Вместе с этим пришла страшнейшая боль, заставившая Уэйна откинуть голову и закричать.

Крипсину показалось, что он чувствует запах горелого мяса.

Юношу затрясло, его глаза закатились, а руки продолжали конвульсивно сжимать горло Брэгга. Тело адвоката тоже затряслось, а рот начал издавал хриплые звуки.

Затем Уэйн упал на спину, словно опрокинутый какой-то неведомой силой, и свернулся в клубок на окровавленном пластике.

— О Боже, помоги мне... — застонал Брэгг, — пожалуйста, помоги мне...

Крипсин со свистом перевел дыхание. Стрелка секундомера перевалила за три минуты.

— Проверьте его, — прохрипел он Найлзу.

Найлз наклонился над Брэггом.

— Пульс прерывистый. Кровотечение почти прекратилось. Я... по-моему, рана затянулась, мистер Крипсин.

— Болит, — прошептал адвокат.

Череп Крипсина качнулся вперед.

— Этот человек должен был уже умереть.

Дыша, словно паровая машина, толстяк встал из-за стола и подошел к пластиковому листу, старательно обходя кровавые лужи.

— Отойди, — приказал он Найлзу, который немедленно отпрянул в сторону. Крипсин медленно наклонился и одним пальцем потрогал корку засохшей крови, которая прочно запечатала рану Брэгга. В следующую секунду он отдернул руку, словно обжегшись.

— Он будет жить, — прошептал Крипсин. А затем крикнул, сотрясая комнату: — Он будет жить!

Уэйн сел, ничего не видя перед собой. Из его носа еще текла кровь, а голова пульсировала от боли.

— Он целитель, — в изумлении выдохнул Крипсин. — Он целитель, целитель, он чертов целитель! Я нашел целителя! — Толстяк повернулся к Уэйну, наступив одной ногой в лужу крови. — Ты всегда знал, что можешь делать это, да? Ты никогда не сомневался в этом! О, как долго я искал такого человека, как ты! Ты можешь лечить все, да? Раки, лихорадки, чуму, все!

«Сын Сатаны, — сквозь пелену боли думал Уэйн, — выпущенный в мир. Дразнящий меня. Я всегда знал, что могу делать это. Смерть заслуживает смерть. Послать демона в Ад, к ведьме. Я всегда знал, что обладаю особой силой!»

— Боже мой, Уэйн! — говорил Крипсин. — Что у тебя за дар! Я дам тебе все, что ты ни пожелаешь! Ты хочешь остаться со мной? Здесь, в моем доме, где безопасно, где никто не нападет на тебя? Что ты хочешь, Уэйн? Я дам тебе...

— Мальчишку-демона, — прошептал Уэйн. — Я... хочу, чтобы он умер. Он выпущен в мир и распространяет смерть, как чуму. Смерть заслуживает смерть.

— Крикмор-младший? Все, что ты пожелаешь, будет исполнено. Все что угодно. Мы знаем, что он в Чикаго, в... — Крипсин пощелкал пальцами, призывая Найлза.

— Институте Хиллберна, — подсказал Найлз. Сегодня утром специальный курьер привез сверток с прядями волос и письмо, которое Тревис Бикстон нашел в доме Крикморов. На конверте стоял адрес института, а внутри лежало послание Крикмора-младшего.

— Точно, — сказал Крипсин. — Но этот парень не может повредить тебе, Уэйн. Ты же боялся его матери. Теперь, когда она...

— Мертв. — Уэйн перевел на него невидящий взгляд. — Мертв, мертв. Я хочу, чтобы этот демон был мертв.

Крипсин быстро переглянулся с Найлзом, а затем снова посмотрел на Уэйна.

— Прекрасно, а теперь иди в свою комнату. Мистер Дорн даст тебе что-нибудь успокоительное. Завтра ты можешь полетать с Кумбсом на «Челленджере». Целый день, если хочешь. Как ты на это смотришь?

— Да, сэр.

Дорн помог Уэйну подняться на ноги. Брэгг пошевелился и прошептал:

— Уэйн, не оставляй меня.

— Генри все еще плох, — изумленно проговорил Уэйн. — Что с ним будет?

— Мы позаботимся о мистере Брэгге. Иди. И еще, Уэйн... Ты великолепно прошел испытание.

Когда юноша ушел, Найлз наклонился к Брэггу и, пока Крипсин восторгался способностями юного Фальконера, обследовал рану на горле адвоката. Найлз был изумлен тем, как быст-

ро засохла кровь; он никогда не видел ничего подобного. Глаза Брэгга неотступно следили за ним. Слава Богу, что очень скоро эту тварь отправят в мусоросжигательную печь.

— Что насчет мальчишки в Чикаго, мистер Крипсин?

— У Уэллса не будет с этим проблем?

— Нет, сэр. — Найлз встал и вытер руки носовым платком. — Никаких проблем. Но вас не удивляет этот Крикмор-младший? Он имеет на Уэйна большое влияние. Может, стоит проверить, с чем это связано?

Крипсин вспомнил, что Уэйн сказал ему в одной из первых бесед: «Крикморы служат Дьяволу и знают все секреты Смерти». Он прищурился и некоторое время оценивающе смотрел на Найлза.

— Что-то, связанное с этой женщиной и ее сыном, давно засело в мозгах Уэйна, — тихо сказал Найлз. — Что это может быть? И можно ли это использовать?

— Уэйн никогда меня не покинет, — покачал головой Крипсин. — Сколько может прожить человек, если он ни разу не заболеет? Сто лет? Сто пятьдесят? — Он помолчал и добавил тихим, мечтательным голосом: — Не умирать и знать все секреты Смерти. Это... сделает человека подобным Богу.

— Крикмор-младший, — продолжил Найлз, — наверняка знает об Уэйне что-нибудь полезное. Возможно, наши действия в отношении этой женщины были чересчур поспешными.

— Каково твое предложение?

Найлз начал объяснять, а Крипсин слушал, не перебивая.

54

Билли упаковывал свой чемодан, когда услышал на первом этаже громкий протяжный крик. Он почти инстинктивно понял, что это был голос Бонни.

Он нашел девушку в гостиной, рыдающей на плече мистера Перлмана. Еще несколько человек молча столпились перед телевизором. Билли оцепенело уставился на экран.

На фоне темноты ночного неба стояло охваченное огнем здание. Прикрываясь и уворачиваясь от летящих сверху потоков искр, пожарные, одетые в кислородные маски, тянули лестницы к верхним этажам. Камера выхватила выпрыгивающих из окна людей.

— ...произошел в два часа ночи в отеле «Алькотт» в южном Чикаго, — говорил голос диктора. — Вероятно, непотушенная сигарета стала причиной самого большого пожара за последнее десятилетие. Эксперты считают, что около полуночи в одной из комнат вспыхнул тлевший матрас, и огонь быстро распространился по зданию, которое с 1968 года служило временным убежищем семьям эмигрантов. Двое пожарных задохнулись в дыму. Что же касается жителей отеля, то, по предварительным данным, погибло более сорока человек. Расчистка места происшествия займет еще несколько дней, и весьма вероятно, что под обломками здания обнаружатся и другие погибшие.

Ночь сменил угрюмый рассвет. Здание лежало в руинах, вокруг копошились пожарные.

— Программа «Око чикагских новостей» снова выйдет в эфир в пять часов. Оставайтесь с нами.

Затем на экране возобновился показ «Волшебника страны Оз».

— Это была не сигарета, — прошептала Бонни, глядя на Билли. — Это была проводка. Это произошло точно так, как я видела во сне, и я не смогла это предотвратить, не смогла ничего сделать...

— Ты в любом случае не смогла бы этого предотвратить, — сказала доктор Хиллберн. Она стояла около лестницы, ведущей на второй этаж, и тоже видела выпуск новостей. Сегодня утром она прочитала в газетах о пожаре в отеле «Алькотт» на Южной Колючей улице — вестник Бонни опять оказался прав.

— Нет могла. Я должна была рассказать кому-нибудь. Я должна была...

— Ты рассказала мне, — заметила доктор Хиллберн. Она взглянула на Билли, обвела взглядом остальных и снова посмотрела на Бонни. — Я нашла Колючую улицу на карте Чикаго. Это старый район Саус-Сайд, полный ночлежек для бродяг. Два дня назад я позвонила в полицейский участок и в бюро по пре-

дотвращению пожаров. Я объяснила, кто я такая, и разговаривала, соответственно, с дежурным сержантом и секретаршей. Мне сказали, что на Колючей улице дюжина отелей для эмигрантов, и проверить их все просто невозможно. Ты сделала все, что было в твоих силах, Бонни, я тоже.

«Погибло сорок человек, — думал Билли. — Может быть, больше, с учетом тех, чьи тела еще не достали из-под завалов. Отель «Алькотт», Южная Колючая улица. Погибло сорок человек».

Он представил себе, как жители отеля просыпались среди ночи от шума огня, ревущего в коридорах. У них не было ни единого шанса спастись. Это, наверное, очень страшная смерть. Сорок человек.

Бонни с распухшим, заплаканным лицом взяла из шкафа свой плащ и вышла на улицу. С опущенной головой она отправилась в парк.

— Она выдюжит, — сказала доктор Хиллберн. — Она боец и знает, что я права. Билли, в котором часу твой автобус?

— В четыре.

— Когда ты будешь готов, я отвезу тебя на автобусную станцию.

Доктор Хиллберн еще некоторое время смотрела вслед Бонни, а затем поднялась на второй этаж.

Билли продолжал думать от отеле «Алькотт». Неясные образы людей, прыгающих из окон, вновь и вновь возникали перед его глазами. Что бы посоветовала ему мать? Он знал ответ, но не знал другого: хватит ли у него сил для такого количества призраков. До отправления его автобуса осталось еще два часа. «Нет, надо забыть об «Алькотте», — сказал он себе. Он собрался домой, туда, где ожидает его судьба.

Доктор Хиллберн хотела войти в кабинет, когда у нее за спиной раздался тихий голос Билли:

— Мне нужно поговорить с вами.

— Да?

— Этот пожар в отеле. Я... думаю, что должен поехать туда.

— Почему? Ты считаешь, что, раз в «Алькотте» имела место быстрая мучительная смерть, там останутся дискарнаты? По-моему, это не основание...

— Меня не интересует, что вы думаете, — твердо сказал Билли. — Я знаю, что некоторым душам необходима помощь. Особенно тем, что лишились своей оболочки мгновенно и не успели даже подготовиться. Некоторые из них — большинство, я думаю, — еще там и продолжают гореть. Они не знают, как им перенестись.

— Что же ты предлагаешь?

— Я хочу поехать туда. Я хочу осмотреть все сам. — Он нахмурился, потому что Хиллберн не отвечала. — То, чему учила меня мать, основано на сострадании, на чувствах. А не на мозговых волнах и импульсах. Душам умерших нужна моя помощь. Я поеду туда.

— Нет, — ответила доктор Хиллберн. — И это не подлежит обсуждению. Ты действуешь на основе эмоционального предположения. Кроме того, руины «Алькотта» ужасно опасны. Пока ты находишься в этом городе, я отвечаю за тебя, и я не хочу, чтобы ты бродил по горящим развалинам. Извини.

Она вошла в кабинет и закрыла дверь.

Лицо Билли помрачнело. Он пошел в свою комнату, надел самый толстый свитер и положил все деньги в карманы джинсов. Ему придется найти отель самому. Анита видела, как он уходил, но никому ничего не сказала. На улице жесткий ветер кружил мелкие снежинки, падающие с мрачного неба. Билли увидел выходящую из парка Бонни и уже хотел подойти к ней, чтобы утешить, но остановился, решив, что ей необходимо побыть одной, а если он задержится с ней, то вдобавок может потерять уверенность, толкающую его к «Алькотту». Он повернул на север и не услышал, как Бонни, оглянувшись, окликнула его по имени.

55

Двери автобуса с шипением отворились, и Билли вышел на тротуар, под холодную смесь дождя и снега. На углу висел ржавый указатель, свидетельствующий о том, что данная улица

называется Колючей. Когда автобус отъехал, Билли засунул руки в карманы и, стуча зубами от холода, двинулся вперед.

Последние полтора часа он пересаживался с автобуса на автобус, все глубже забираясь в мрачный, серый чикагский район Саус-Сайд. Наконец он оказался почти на окраине города, доехав до конечной остановки автобуса. Его окружали обшарпанные разваливающиеся дома. На горизонте заводские трубы выбрасывали в небо клубы коричневого дыма. Окна ближайшего магазина были закрыты металлическими щитами. Вокруг стоял скверный запах гниения.

Билли, дрожа от холода, повернул на юг. Вдали раздавались сирены полицейских автомобилей. Улица была совершенно пустынна. В воздухе шипели снежинки, как будто падали на провода высокого напряжения. Иногда в окне появлялось чье-нибудь лицо, и настороженные глаза долго смотрели вслед незнакомцу.

Пройдя еще квартал, Билли почувствовал, что волосы у него встали дыбом.

Серая дымка между домами сгущалась, и постепенно стало щипать глаза.

Посреди этой дымки находился конечный пункт путешествия Билли — выгоревшее пятиэтажное здание с чудом сохранившимися на фасаде красными буквами «ОТЕ... АЛЬ...ТТ». Все уцелевшие стекла были покрыты сажей и копотью, а частично обвалившаяся степа обнажила комнаты и коридоры отеля. Дымящиеся кирпичи валялись на тротуаре. Вокруг здания было протянуто ограждение и установлены козлы с оранжевыми мигающими огнями, за которыми стояла толпа зевак. Пожарные в длинных брезентовых робах копались в обломках. Группа мужчин в грязной рваной одежде стояла вокруг бочки из-под масла, в которой ярко горел огонь; они передавали по кругу бутылку. На другой стороне улицы стояла пожарная машина, и ее шланги судорожно дергались от напора воды.

Двое пожарных что-то вытаскивали из развалин. Третий поспешил им на помощь, но почерневшее тело, которое ему передали, развалилось у парня в руках, и он, зашатавшись, оперся о стену. Группа пьяных отреагировала на это криками и свистом.

Сердце Билли громко застучало, а от хора сирен по коже побежали мурашки. Он заметил в развалинах двух полисменов. Внутри здания что-то треснуло, сверху посыпались кирпичи, и полисмены быстро отскочили в сторону.

Неожиданно Билли понял, что слышит вовсе не сирены.

Это были высокие, диссонирующие крики, идущие изнутри «Алькотта».

Но слышал их только он один.

— Нашел! — закричал кто-то из пожарных. — Дайте мне мешок, труп в плохом состоянии!

Билли смотрел из-за заграждения на почерневшие остатки вестибюля. Вся мебель превратилась в головешки. Из оплавленных труб сочилась грязная вода. Крики вонзались в его мозг подобно острым пикам, и он понял, что призраков слишком много. Ему не под силу помочь им всем, они убьют его, если захотят пройти одновременно!

— Отойдите назад, — приказал ему полицейский, и Билли с готовностью повиновался.

Тем не менее он понимал, что, если не попытается сделать все, что от него зависит, он будет слышать этот ужасный крик до конца своей жизни. Юноша остановился, ожидая, когда полисмен отвернется. «Я сильный, — говорил он себе, — я смогу это сделать». Однако он продолжал трепетать и никогда в жизни еще не был так неуверен в собственных силах.

Пьяные стали что-то кричать пожарному, застегивающему черный мешок для трупов, и полицейский с покрасневшим от гнева лицом поспешил навести порядок.

В следующий момент Билли перелез через ограждение и нырнул в разрушенный вестибюль отеля «Алькотт».

Он быстро взбежал по ступеням вверх, наклоняя голову, чтобы не удариться о торчащие вокруг трубы и головешки. Лестница стонала под его весом, а в воздухе плавала серая пелена. Звук призрачных голосов перекрывался свистом ветра в верхних этажах отеля. Но как только Билли достиг затопленного водой второго этажа, все звуки внешнего мира исчезли. Юноша слышал только отчаянные крики духов в недрах отеля «Алькотт».

Вдруг его нога провалилась в какую-то яму, Билли рухнул на колени, а лестница содрогнулась. Он поспешно высвободил ногу и заставил себя идти дальше вверх. Его лицо покрылось холодным потом и сажей. Хор призраков привел его на третий этаж; теперь он уже различал отдельные голоса — низкий стон, обрывки криков, вопли ужаса, — которые заставляли вибрировать его колени. Коридор третьего этажа был залит водой и усыпан обугленными обломками. Билли нашел разбитое окно и высунулся наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Внизу, на улице, стоял фургон с надписью «ОКО ЧИКАГО». Трое журналистов — женщина и двое мужчин с камерами через плечо — спорили с полицейским под аккомпанемент криков и свиста пьяных.

Голоса мертвых заставили Билли отпрянуть от окна. Он продолжил свой путь, чувствуя, как что-то вроде холодной руки исследует его лицо на манер слепого. Пол застонал под его весом, и с потолка, словно черный снег, посыпалась сажа. Ботинки Билли разворошили кучу обломков.

Справа валялась выбитая пожарными дверь. За ней виднелся плотный мрак черных углей. Билли почувствовал ледяной холод, сочившийся из комнаты в коридор. Это был холод ужаса, и юноша поежился от его прикосновения.

За этой дверью находилось то, ради чего он пришел сюда.

Билли собрался с силами и перешагнул порог.

Голоса умолкли.

В комнате плавал саван из черной сажи и дыма. Билли огляделся и увидел, что большая часть потолка обрушилась и превратилась в месиво из обгоревших бревен. Вода все еще текла откуда-то сверху, собираясь в лужу вокруг того, что лежало на полу: обгоревших грудных клеток, костей рук и ног, неузнаваемых очертаний того, что прежде было человеческими существами. Над ними, словно колючая проволока, нависала металлическая сетка, сплавившаяся от ужасной температуры. «Кровати, — понял Билли. — Металлические сеточные кровати. Люди спали, когда на них обрушился потолок».

Вокруг стояла тишина ожидания.

Билли чувствовал присутствие духов. Они были в дыму, в углях, в обгоревших костях, в бесформенных очертаниях. Они были в воздухе и в стенах.

Здесь скопилось слишком много страдания; оно клубилось в воздухе, а страх потрескивал, как электричество. Но Билли знал, что бежать уже поздно. Он должен сделать то, что хотел.

Внезапно волосы юноши встали дыбом, а по телу побежали мурашки. В комнате находилось нечто такое, что излучало ненависть. Нечто такое, что было готово разорвать его на клочки.

В дальнем углу шевельнулась зловещая тень. Она имела семь футов в высоту. Узкие глаза отливали красным. Похожее на морду вепря лицо Меняющего Облик усмехнулось.

— Я знал, что ты придешь, — прошептал он тихо. — Я ждал тебя.

Билли отступил назад.

— О, ты не боишься меня, правда? — Меняющий Облик, словно клуб дыма, выплыл из угла комнаты. Его звериный взгляд сконцентрировался на Билли. — Нет, ты никогда не боишься. Ты сильный, да?

— Да, — спокойно ответил Билли. — Я сильный.

И увидел тревогу, мелькнувшую в глазах Меняющего Облик. Он не знал пределов силы чудовища — если таковые вообще имелись, — но было очевидно, что чем сильнее чувствовал себя Билли, тем больше колебался Меняющий Облик. «Возможно, — думал Билли, — зверь не может повредить мне, находясь в демоническом облике, но может воздействовать на мое сознание, например, заставив меня нанести удар самому себе». Однако если Меняющий Облик когда-нибудь найдет способ атаковать физически, он вряд ли сможет устоять перед такой страшной силой.

Очертания зверя затрепетали, как отражение на покрытой рябью поверхности пруда, и внезапно юноша увидел Ли Сейера.

— Ты надоел мне, — сказало чудовище голосом Сейера. — В твоей семье полно надоедливых людей. Некоторые из них не смогли противостоять мне. А ты думаешь, что сможешь?

Билли не ответил, но остался стоять неподвижно.

Лицо Ли Сейера ухмыльнулось.

— Прекрасно! Тогда только ты и я и комната душ в качестве ставки. Думай быстро, парень!

Пол угрожающе затрещал, качнулся, и Билли, упал на колени в лужу. «Это уловка! — подумал он. — Иллюзия, наведенная зверем!»

Вокруг Билли закружились потоки горящих искр, обжигая его лицо и руки. Он закричал и попробовал защитить лицо. «Уловка! Я не горю в действительности, я не горю!..» — Он знал, что если будет достаточно сильным, то одолеет Меняющего Облик. Он посмотрел на искры, обжигающие его щеки и лоб, и попытался увидеть Меняющего Облик не в образе Ли Сейера, а в его истинном обличье. Поток искр иссяк, и перед Билли снова появился зверь.

— Уловки, — произнес Билли вслух и увидел Мелиссу Петтус.

Внезапно потолок пробил огненный шар и похоронил его под пылающими обломками. Билли почувствовал, что горит — почувствовал запах Майской ночи, — и закричал, стараясь выбраться наружу. В панике он бросился в коридор, его одежда вспыхнула.

Не добежав до двери, Билли наступил на скрытую обломками яму в полу.

Проваливаясь, он успел ухватиться за зазубренный искореженный кусок металлической кровати, который глубоко врезался в его руку. Его тело раскачивалось между этажами, а ноги болтались в двадцати футах от груды обломков, усыпанных почерневшими гвоздями. Одежда еще горела, и Билли почувствовал, как начала тлеть его кожа.

— Иди ко мне, Билли, — шептала Мелисса. — Это ведь больно, правда? Гореть — это больно.

— Нет! — крикнул Билли. Если он отпустит железку, то упадет и разобьется насмерть. Меняющий Облик хотел, чтобы он свалился в эту дыру. Паника, ужас, иллюзии и безумие — вот что было главным оружием зверя. — Твоя мать мертва, — сказало симпатичное личико Мелиссы. — Пришел ковбой и не-

перезал ей горло. Твой маленький домик — теперь куча углей. Билли, у тебя из руки течет кровь...

— Эй, есть там кто-нибудь? — послышался голос снизу.

— Разожми кулак, иначе ты истечешь кровью! — поторопил Билли Меняющий Облик в образе Мелиссы.

Билли сконцентрировался на боли в руке, и его тело перестало гореть. Его одежда не была даже опалена. «Я устоял, — сказал он себе, — я могу сопротивляться Меняющему Облик». Образ Мелиссы растаял, и на его месте снова появился зверь. Билли выкарабкался из дыры и встал на четвереньки в луже. Что это существо говорило про его мать? Ложь, все ложь! Ему надо поторопиться, пока его не нашли пожарные.

Вокруг на полу лежали обугленные кости. Поблизости валялась грудная клетка. В углу сидела страшная черная фигура с сохранившимися клочьями одежды, ее голый череп склонился набок.

— Нет страха, — прошептал Билли. — Отбросьте боль, отбросьте...

— Убирайся отсюда! — проревел Джимми Джед Фальконер с горящими праведной ненавистью глазами.

Что-то мягкое как шелк коснулось лица Билли. Бесформенная бледная бело-голубая масса сочилась из стены и нерешительно тянулась к нему. Второй дух подобно паутине растянулся в углу, боязливо прижимаясь к стенам.

— Ты недостаточно силен! — кричал Фальконер. — Ты не сможешь сделать это!

— Отбросьте боль, — шептал Билли, мысленно приближаясь к духам. Он сосредоточился и крепко зажмурил глаза. А когда открыл их, то увидел третьего духа, принявшего человеческие очертания и пытающегося обнять его призрачными руками.

— Вы должны покинуть этот мир, — сказал Билли. — Вы не принадлежите ему.

Он задрожал, когда сзади на него нахлынула волна холода. Она была мягкая, словно бархат, но пробирала до самых костей. Два отростка, которые были руками, сомкнули объятие.

— Нет! — проревел Меняющий Облик, вновь превратившись в зверя.

Дух стал погружаться в Билли, и юноша стиснул зубы, когда его заполнили воспоминания и эмоции этого человека; сначала это была паника, затем агония горящего тела. Потом в сознании Билли возникло видение карточного стола, рука, потянувшаяся за бутылкой «Ред Даггера», золотое ячменное поле, видневшееся из окна быстро несущегося автомобиля, разъяренный полисмен, машущий дубинкой. Воспоминания и эмоции летели сквозь его тело, словно листья, сорванные с деревьев.

Вторая фигура подплыла поближе и ухватила Билли за руку.

Опять нахлынула волна агонии и страха, а потом юношу словно укололи иглой. В дверях стояла тоненькая женщина, баюкавшая ребенка.

Билли затрепетал от боли и эмоций, которые только что принял. Он увидел дюжины белых фигур, двигающихся по комнате, поднимающихся из кучи костей и углей, просачивающихся сквозь стены. Некоторые спешили к нему, а другие, как испуганные дети, жались по углам.

— Отбросьте боль, — шептал Билли, когда фигуры цеплялись за него. — Нет боли, нет страха...

Картины множества жизней мелькали в его сознании: поножовщина в какой-то аллее, бутылка, выпитая до последней капли.

— ПОСМОТРИ НА МЕНЯ, ПАРЕНЬ! — проревел Меняющий Облик и превратился в Фиттса, стоящего с питоном на шее. — Твоя мать мертва, твоя мать мертва! Пришел ковбой и отстриг ей голову!

Духи окружили Билли, и тяжесть оставляемых ими эмоций прижала юношу к полу. Он слышал рев Меняющего Облик: «Это еще не конец! Это еще не все, вот увидишь!» — но закрыл сознание от насмешек и мысленно сосредоточился, притягивая к себе духов.

Меняющий Облик исчез. Вместо него за спиной у Билли в углу зашевелился обгорелый труп. Его мертвые выгоревшие глазницы вспыхнули красным светом. Обгоревший остов мед-

ленно пополз вперед. Черная рука сомкнулась вокруг металлического обломка и подняла его, намереваясь ударить Билли сзади.

Обгоревшие кости треснули, и рука бессильно повисла. Билли обернулся и узнал горящие ненавистью красные глаза Меняющего Облик. Он неподвижно лежал, наблюдая за движущимся скелетом, рот которого открылся и издал хриплый клекот. В следующий момент черный череп откатился в сторону, а остальные кости осели в уголь. Меняющий Облик сбежал.

— Боже милостивый! — закричал кто-то. — Дайте сюда свет!

Через мгновение поток яркого света заполнил комнату. Некоторые призраки бросились в сторону от Билли, спасаясь от жесткой иллюминации, другие словно завороженные остались висеть над полом.

Пожарный, державший фонарь, отпрянул назад и столкнулся с телеоператором, который снимал документальный фильм о пожарах в отелях. В комнате было полно страшных белых субстанций, некоторые из которых имели очертания человеческих фигур.

— Что за черт?.. — прошептал пожарный.

— Барри! — крикнула высокая женщина с рыжими волосами. — Снимай это!

Глаза журналистки были широко раскрыты от ужаса, но она поборола желание без оглядки бежать отсюда и никогда не вспоминать, что было в этой комнате. Оператор замешкался, и женщина сама включила блок питания, висевший у него на боку. Затем вынула из футляра видеокамеру и принялась снимать. Два мощных софита высвечивали каждый уголок.

— Протравите кабель! Быстрее, черт возьми!

Она вошла в комнату, чтобы сделать развернутую панораму.

— Ничего особенного здесь нет, — бормотал пожарный. — Ничего. Это только дым. Только... — Он пулей вылетел из комнаты.

Женщина переступила через лежащего на полу Билли, подергала кабель и принялась снимать белый силуэт, который постепенно начал погружаться в стену.

56

Когда Кемми Фальконер увидела своего сына, то изумилась тому, как он повзрослел. Он стал симпатичным молодым человеком, но начал толстеть. Он сидел за столом около бассейна, трудился над пластмассовой моделью самолета.

— Уэйн, — тихо позвал его Найлз, — к тебе пришли гости.

Уэйн без удивления осмотрел вошедших, и Кемми увидела, что его глаза мертвы. Она выдавила слабую улыбку и подошла поближе.

— Ты не хочешь поздороваться с мамой?

— Ты куришь, — ответил Уэйн. — От твоей одежды воняет.

Он взглянул на рослого кудрявого мужчину, стоявшего позади матери, и нахмурился. «Один из ее приятелей», — понял он. Он слышал, что у Кемми Фальконер появилось много приятелей в Хьюстоне, куда она переехала после того, как Фонд Фальконера выплатил ей кондоминиум.

— Уэйн, это Деррел Уиттон, — смущенно представила она. — Он играет за «Ойлерз».

— Я не люблю футбол. — Уэйн начал склеивать фюзеляж «Конкорда». — Как ты меня нашла?

— То, что ты у Крипсина, не секрет. — Кемми бросила быстрый взгляд на Найлза. — Могу я остаться с сыном наедине? — Найлз согласно кивнул и удалился в дом. — Я так долго тебя не видела.

— Это они послали тебя?

— Нет, — ответила Кемми — и солгала. Ей позвонили сотрудники «Похода» и объяснили, что им требуется ее помощь. Маленький Уэйн находится в Палм-Спрингсе и не хочет возвращаться домой. Генри Брэгг пропал, а Джордж Ходжес покинул «Поход» несколько дней назад. Кемми внутренне содрогнулась, когда Уэйн взглянул на нее; она боялась, что сын увидит ложь своими обжигающими, неестественными глазами.

Уиттон, приветливый деревенщина, взял одну пластмассовую детальку и усмехнулся.

— Могучую работу ты проделываешь здесь, Уэйн. Твоя мама рассказывала, что ты любишь...

На губах футболиста застыла улыбка, когда Уэйн смерил его взглядом. Уиттон прокашлялся, положил детальку на место и пошел прочь по краю большого бассейна.

— Что происходит? — спросила Кемми. За последние месяцы она загорела и, по-видимому, процветала, разбив хрустальный кокон, воздвигнутый вокруг нее Дж.Дж. Фальконером. — Ты не хочешь больше руководить «Походом»?

— Значит, это все же они прислали тебя, да?

— Уэйн, ты глава мультимиллионной корпорации! И сидишь здесь, ковыряясь с детскими игрушечками! Кто такой этот Крипсин и почему он препятствовал нашей встрече? Я звонила раз десять!

— Мистер Крипсин — мой друг, — ответил Уэйн. — Я отдыхаю. А ты приехала повидать меня, да?

Уэйн сконцентрировался на приклеивании крыльев.

— Отдыхаешь? Для чего?

— Для будущего, — ответил юноша. — Но ведь тебя оно не волнует. Оно перестало волновать тебя сразу после смерти папы. Но я все равно расскажу тебе о будущем. Мистер Крипсин собирается помочь мне построить церковь посреди пустыни. Это будет самая большая церковь в мире, и она будет стоять вечно. Я построю ее в Мексике, и скоро мистер Крипсин покажет мне где... — Он умолк и некоторое время смотрел в пространство. — Мы создадим нашу собственную телевизионную сеть. Мистер Крипсин хочет помогать мне во всем.

— Другими словами, этот человек будет контролировать тебя.

Уэйн выстрелил в нее мрачным взглядом.

— Ты не видишь будущее? В Файете у меня не осталось друзей. Там все хотят только использовать меня. Здесь я все еще маленький Уэйн Фалькопер, а там я мистер Уэйн Фалькопер. Здесь я могу иметь все, что хочу, и не должен ни о чем беспокоиться. И знаешь что? Они дают мне летать на реактивном самолете. Днем или ночью, когда угодно. Я летаю над пусты-

ней и чувствую себя так... так свободно. И никто ничего не может потребовать от меня.

— А как же ты обходишься с деньгами?

— О, я перевел свои банковские счета из Файета сюда. У меня также новый адвокат. Мистер Рассо. Мы собираемся положить все деньги фонда в мексиканский банк, потому что там выше проценты. Так что — видишь? — я все еще у руля.

— Боже мой! — с чувством произнесла Кемми. — Ты доверяешь фонд незнакомому человеку? Если об этом узнает пресса, ты пропал.

— Я так не думаю. — Уэйн аккуратно выдавил из тюбика клей. — И папа тоже.

Кемми застыла.

— Что?

— Папа. Он вернулся ко мне, когда эта готорнская ведьма сдохла.

— Нет, — прошептала Кемми. — Уэйн... где Генри? Он здесь, с тобой?

— Генри? О, он уехал в Мексику.

Кемми поняла, что ее сын сошел с ума. Ее глаза защипало от слез.

— Пожалуйста, — сказала она. — Уэйн, послушай меня. Я умоляю тебя. Пожалуйста, возвращайся в Файет. Тебе все объяснят и... — Она прикоснулась к его руке.

Уэйн нервно дернулся, и наполовину готовый самолет скатился со стола на землю.

— Не прикасайся ко мне! — сказал он матери. — Я не просил тебя приезжать сюда! — Его лицо покраснело, когда он понял, что модель, над которой он столько трудился, сломана. — Смотри, что ты сделала! Ты... ты разбила его!

— Уэйн... Пожалуйста...

— Убирайся! — крикнул он зло. — Я не хочу тебя видеть!

— Ты разрушаешь все, что построил Джи-Джи. Не бросай все это! Тебе нужна помощь, Уэйн! Пожалуйста, вернись в Файет...

— УБИРАЙСЯ! — зарычал Уэйн, вскакивая на ноги. Уиттон бросился к Кемми. — Ты Иезавель! — Уэйн сорвал с мате-

ри ожерелье. Жемчужины покатились по земле. — Ты крашеная шлюха. Ты больше мне не мать, поэтому УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!

Стеклянная дверь, отделяющая бассейн от дома, отворилась, из-за нее выглянул Феликс, дворецкий, и побежал сообщить о происходящем Найлзу.

Кемми уставилась на сына. Помогать ему было слишком поздно. Она понимала, что больше никогда его не увидит. Она потрогала красную полосу на шее там, где Уэйн ее поцарапал, и наконец решилась.

— Ты прав, Уэйн, — сказала она тихим, твердым голосом, — я не твоя мать. Я никогда ею не была.

— Не надо, Кемми! — крикнул Уиттон.

Но зло и отвращение стало истекать из нее без остановки.

— Я никогда не была твоей матерью, — продолжала она и увидела, как Уэйн удивленно моргнул. — Ты маленький избалованный приемный ребенок! Джимми Джед Фальконер купил тебя, потому что ему нужен был сын, который унаследует «Поход», и это нужно было сделать быстро. Ты слышишь меня, Уэйн?

Уэйн стоял неподвижно, его глаза превратились в маленькие щелочки, а рот приоткрылся.

— Он заплатил за тебя приличную сумму! — Кемми усмехнулась и, отчетливо выговаривая каждое слово, прокричала: — Джимми Джед Фальконер был импотентом! Один Бог знает, кто твои настоящие мать и отец!

Найлз, который неожиданно появился за спиной женщины, схватил ее за локоть.

— Я хочу попросить вас...

— Уберите свои руки! — Кемми вырвалась. — В какие игры вы тут играете? Почему вы не отпускаете Уэйна?

— Он волен уйти, когда ему вздумается. Так, Уэйн?

Глаза юноши напоминали кусочки льда.

— Ты лжешь, — прошептал он женщине. — Я сын Дж.Дж. Фальконера.

— Ни в малейшей степени. В Файете есть человек, который занимается куплей-продажей младенцев. Все это делалось в секрете, и я хотела сохранить твою тайну навечно... О, Фалько-

нер любил тебя, как родного сына, и я старалась делать то же самое, но я не могу видеть, как ты все разваливаешь!

— Ложь! — прошептал Уэйн.

— Визит завершен, — объявил Найлз. — Феликс, будь добр, покажи этим людям, где находится выход.

— Возвращайся в Файет, — взмолилась Кемми. — Не разрушай плод всей жизни Джи-Джи!

Из глаз женщины хлынули слезы. Уиттон осторожно взял ее за руку, и они двинулись вслед за мексиканцем-дворецким. Кемми оглянулась только раз и увидела, как человек по фамилии Найлз осторожно положил руку на плечо Уэйна.

— Это было несколько жестоко, тебе не кажется? — спросил Уиттон.

Кемми вытерла глаза.

— Отвези меня в бар, Деррел. В любую ближайшую дыру, какую найдешь.

Найлз проводил их взглядом из-под полуприкрытых век.

— Ты в порядке, Уэйн?

— Я сын Дж.Дж. Фальконера, — ошеломленно пробормотал юноша.

— Конечно.

Найлз понял, что Уэйн не в себе, и достал маленькую пластмассовую бутылочку с белыми пилюлями. Выкатив пару штук на ладонь, он сказал:

— Твои лекарства, Уэйн. Прими, пожалуйста.

— НЕТ! — Юноша оттолкнул руку Найлза, и пилюли улетели в бассейн. Его лицо сморщилось, как у старика. — Я сын Дж.Дж. Фальконера!

— Правильно. — Найлз напрягся, готовый ко всему. Если парень выйдет из-под контроля, нельзя заранее сказать, что он может вытворить. — Конечно, ты его сын. А теперь, может быть, ты закончишь свою модель? Эти люди уже ушли; они больше не побеспокоят тебя. — Валиум можно подмешать в апельсиновый сок и снова превратить его в зомби.

— Мой самолет. — Уэйн поглядел на рассыпанные пластмассовые детали. — О, — прошептал он, и по его щекам покатились слезы, — он сломался...

— Мы его починим. Давай садись. — Найлз подвел его к креслу. — С чем тебе смешать апельсиновый сок?

Уэйн нахмурился, глядя на солнце, отражающееся от поверхности бассейна.

— С ванилью.

— Не забудь, завтра рано утром мы уезжаем в Мексику. Тебе нужно поспать. Ты собрал свои вещи?

— Нет, сэр.

— Феликс займется ими.

Найлз не понял всего, что сказала Уэйну эта проклятая женщина, но она дала ему сильную встряску. К обратной стороне столешницы было приделано звукозаписывающее устройство размером с пачку из-под сигарет. Найлз знал, что мистеру Крипсину будет интересно прослушать беседу. Он вышел в коридор и отправился в апартаменты хозяина.

Уэйн собирал разбросанные детали самолета, когда Феликс принес апельсиновый сок и кексы. Сразу после ухода дворецкого он набил кексами рот. Апельсиновый сок показался ему слишком горьким. Поэтому после двух глотков юноша выплеснул содержимое стакана в бассейн и поболтал в нем рукой, чтобы никто ничего не заметил. Мистер Найлз настаивал, чтобы Уэйн съедал все, что ему приносили, и не было смысла его сердить. Потом Уэйн сел на край бассейна и вновь стал твердить себе, что крашеная шлюха врала.

57

Билли Крикмор смотрел по телевизору «Дом на холме призраков», когда в его палату в главном госпитале Чикаго, тихо постучав, вошла Бонни Хейли.

— Привет, — поздоровалась она. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше.

Он сел и попытался привести себя в порядок, проведя ладонью по взъерошенным волосам. Его кости ныли, а аппетит полностью пропал. Сон был путаницей кошмаров, и в жестком

свете экрана телевизора лицо Билли выглядело изможденным и уставшим. Он находился в госпитале уже два дня, обессиленный после шока и нервного истощения.

— А как ты?

— Прекрасно. Смотри, я принесла тебе кое-что почитать. — Девушка протянула ему номер «Трибьюн», который купила в киоске внизу. — Надеюсь, это поможет тебе скоротать время.

— Спасибо. — Билли не сказал ей, что каждый раз, когда он пытался читать, буквы перед глазами расползались, как муравьи.

— С тобой все в порядке? Я имею в виду... с тобой здесь хорошо обращаются? В институте все хотят навестить тебя, но доктор Хиллберн сказала, что пока никому нельзя. Я рада, что ты захотел увидеть меня.

Был поздний вечер, и лучи заходящего солнца просачивались в окно напротив кровати Билли. Доктор Хиллберн провела с ним большую часть вчерашнего дня и сегодняшнее утро.

— Доктор Хиллберн звонила в Готорн?

— Не знаю.

— Я давно ничего не слышал о своей матери. Я беспокоюсь, все ли с ней в порядке. — Билли вспомнил слова Меняющего Облик: «Твоя мать умерла. Пришел ковбой и отстриг ей голову».

Бонни пожала плечами. Доктор Хиллберн просила ее не говорить с Билли о его матери. Владелец магазина в Готорне — Билли дал номер его телефона — рассказал доктору Хиллберн, что Рамона Крикмор погибла, когда среди ночи в ее доме начался огонь. Дом сгорел очень быстро.

— Я так устал. — Билли показалось, что по лицу Бонни пробежало темное облачко. Его мозг все еще переполняли воспоминания и эмоции, поглощенные им в отеле «Алькотт»; он понимал, что чудом избежал смерти от руки Меняющего Облик. Зверь не мог разрушить его мозг или лишить рассудка, но когда Билли вспоминал обгоревший труп, ползущий к нему по углам, то начинал дрожать. Что это было — очередная иллюзия, или же Меняющий Облик действительно обладает способностью использовать мертвых, словно кукол? В его глазах горела настоящая

ненависть — и мрачная безнадежность. Когда Меняющий Облик сбросил скорлупу из обгорелой плоти, его глаза погасли, как спиртовые лампы. И где зверь сейчас? Затаился и ожидает очередного шанса, чтобы уничтожить его?

Они обязательно встретятся снова. Билли даже не сомневался.

— Доктор Хиллберн сказала, что журналисты сделали видеозапись, — тихо сказал Билли. — Они заперли пленку в сейф, но вчера ей ее показали. Она видела, как некоторые духи входили в меня, а некоторые просачивались обратно в стены. Пленка зафиксировала все. Меня, духов в комнате... Доктор Хиллберн сказала, что в «Око Чикаго» еще не решили, показывать эту запись по телевидению или нет, но они обещают прислать в институт ее копию. — Юноша вспомнил восторженный голос доктора Хиллберн, когда она говорила ему, что многие парапсихологи хотят ознакомиться с записью и встретиться с ним и что очень скоро его жизнь изменится. Ему не обязательно оставаться в Чикаго. Чикаго — и особенно институт — лишь первая ступень в его долгом и трудном путешествии. В глазах доктора Хиллберн светилась надежда.

Лоб Билли пронзила острая боль, а тело обмякло, словно куча тряпок.

— Интересно, здесь есть где-нибудь пианино?

— Пианино? Зачем?

— Я *люблю* играть. Разве я не говорил тебе? Я хочу тебе многое рассказать, Бонни. О моей семье и о Неисповедимом Пути. Я хочу показать тебе Готорн. Он неказист, но я там родился. Я покажу тебе мой дом и среднюю школу; я покажу тебе тропинки, по которым любил ходить в детстве. Я возьму тебя туда, где в скалах поют ручьи и где можно услышать голоса тысячи различных птиц. — Он посмотрел на Бонни с надеждой. — Ты хочешь?

— Да, — ответила она. — Я... я думаю, да. Очень.

— Я скоро поправлюсь. Это не займет много времени. — Сердце Билли забилось чаще. — Я также хочу узнать то, что важно для тебя. Ты покажешь мне когда-нибудь Ламезу?

Бонни улыбнулась и нашла его руку под простыней.

— Как ты думаешь, может девушка-ковбой поладить с индейцем? — спросил Билли.

— Да. Я думаю, они прекрасно поладят.

Ведущий телепередачи «Дом на холме призраков» громко закричал, и Бонни вздрогнула, но потом рассмеялась. Звук ее смеха согревал Билли так, будто он стоял у растопленного камина. Он тоже засмеялся. Бонни наклонилась к нему со своими странными светящимися глазами, и их губы соприкоснулись. Девушка отпрянула, но Билли обхватил руками ее голову и притянул к себе. На этот раз их поцелуй был более продолжительным и глубоким.

— Я лучше пойду, — сказала наконец Бонни. — Доктор Хиллберн просила меня вернуться до темноты.

— Хорошо. Но ты придешь завтра?

— Как только освобожусь.

— Передай привет всем остальным, ладно? И спасибо, что пришла навестить меня. Огромное спасибо.

— Отдыхай. — Бонни осторожно поцеловала его в лоб. У дверей она остановилась, чтобы сказать: — Я очень хочу поехать вместе с тобой в Готорн, Билли. Очень-очень.

Девушка вышла, а Билли продолжал улыбаться, не веря, что все складывается так удачно.

«Она мертва, она мертва. Пришел ковбой и отстриг ей голову. Я буду ждать тебя».

Когда в половине шестого дежурная сестра принесла обед, Билли спросил ее насчет пианино. Сестра сказала, что пианино есть на четвертом этаже, в часовне, однако ему нужно лежать и отдыхать. Это приказ доктора.

После ее ухода Билли поковырялся в тарелке, полистал «Трибьюн», а затем быстро надел халат, выданный ему в госпитале, и выскользнул в коридор. Он не заметил крепкого санитара-мексиканца, моющего полы рядом с его палатой. Санитар отложил швабру и достал из кармана передатчик.

На четвертом этаже Билли нашел часовню. У алтаря с большим медным крестом стояло старенькое пианино. Стены были покрыты тяжелыми красными драпировками, которые погло-

щали звук, однако юноша на всякий случай закрыл обе створки двери. Потом сел за пианино и поприветствовал его, словно старого друга.

Полилась тихая песня боли, сотворенная эмоциями духов в отеле «Алькотт». Поначалу это была диссонирующая мелодия, в которой высокие ноты звучали как кричащие голоса. Постепенно, по мере игры, тревога и боль покинули Билли, и музыка стала более гармоничной. Он закончил только тогда, когда почувствовал себя полностью очищенным и обновленным. Как долго он играл, Билли не помнил.

— Это было чудесно, — произнес чей-то голос. Билли обернулся и увидел санитара. — Я наслаждался.

— И долго вы здесь находитесь?

— Пятнадцать минут. Я проходил по коридору и услышал музыку. — Он подошел поближе. Это был крепко сбитый мужчина с коротко подстриженными волосами и зелеными глазами. — Это написали вы?

— Да, сэр.

Санитар остановился рядом с Билли, облокотившись на пианино.

— Я всегда хотел играть на музыкальном инструменте. Однажды даже купил контрабас, но из этого ничего не вышло. Думаю, у меня слишком неуклюжие руки. Как вас зовут?

— Билли Крикмор.

— Хорошо, Билли... Почему бы вам не сыграть еще что-нибудь? Для меня.

Билли пожал плечами.

— Я не знаю, что играть.

— Что-нибудь. Мне всегда нравилась фортепьянная музыка. Знаете что-нибудь из джаза?

— Нет, сэр. Я играю только то, что чувствую.

— Правда? — Мужчина присвистнул. — Хотелось бы мне так научиться. Попробуйте, а? — Он кивнул на клавиатуру с застывшей на широком лице улыбкой.

Билли взял несколько аккордов, а мужчина переместился так, чтобы ему были видны руки юноши.

— На самом деле я играю довольно скверно, — объяснил Билли. — У меня не было должной практики... — Внезапно он почувствовал резкий медицинский запах — крепкая рука прижала к его рту и носу мокрую тряпку.

Через минуту раствор хлороформа подействовал. Вначале «санитар» планировал использовать иглу, но передумал — тот, кто умеет так играть на пианино, заслуживает уважения.

Мексиканец, охранявший дверь снаружи, вкатил в часовню тележку с бельем. Билли уложили на самое дно тележки и засыпали сверху простынями и полотенцами. Затем тележку выкатили в коридор и спустили вниз на лифте. У подъезда госпиталя ее ждал автомобиль, а на маленьком аэродроме к югу от города — самолет. Перед тем как поднять тележку по трапу, Билли сделали инъекцию — он должен был проспать всю дорогу до Мексики.

58

Лунный свет отражался от водной глади. Уэйн включил свет, открыл стеклянную дверь и вошел в помещение бассейна. Он дрожал, а вокруг его глаз залегли синие круги. Юноша старался уснуть, но слова этой женщины не давали ему покоя. Он не стал принимать снотворное и спустил таблетки в унитаз, поскольку хотел сохранить ясность ума и поразмыслить над тем, что сказала Кемми.

Бассейн сверкал ярким аквамарином. Уэйн сел на низкий бортик. Он нервно дергался, а его мозг работал так быстро, что юноша почти ощущал, как сгорают его клетки. Зачем Кемми говорила всю эту чушь? Чтобы причинить ему боль? Она завидовала его силе и положению. Да, она просто завидовала!

У него опять заболела голова. Любил ли он когда-нибудь свою мать, спрашивал себя Уэйн. Почему все так изменилось? Почему все вышло из-под контроля? Он поднял руки и внимательно посмотрел на них. Где Генри Брэгг? В Мексике?

«У меня на ладонях кровь, — подумал он, — кровь».

Это было непорядочно — поступать так с Генри. Он был неплохим человеком. Но что же тогда за человек мистер Крипсин, если он приказал поступить так с Генри?

Конечно, отец велел ему полностью доверять мистеру Крипсину. «Но, — думал Уэйн, — отец не сказал, что купил меня у торговца детьми. Чья же кровь течет в моих жилах? И если отец обманул меня в этом, то почему он не мог обмануть меня и насчет мистера Крипсина?»

Неожиданно в голове Уэйна зазвенела отчетливая мысль: «Мой отец умер. Я хотел оживить его и не смог. Я видел, как засыпали землей его гроб. Он мертв».

Но кто же тогда приходит по ночам в его теле и желтом костюме?

Голова Уэйна превратилась в клубок мучительной боли. Колдунья мертва, и ее сын скоро отправится вслед за ней... Но почему же он ощущает вокруг себя Зло, словно чуму, о которой рассказывал мистер Крипсин? Юноша задрожал и обхватил себя руками, чтобы согреться.

Колдунья мертва. Он может спокойно вернуться домой. И Кемми права: надо столько сделать, чтобы наладить работу «Похода» так, как завещал отец, если, конечно, Джи-Джи в самом деле был его отцом. И только вернувшись в Файет, он узнает, кто в действительности его родители. Уэйн бессмысленно смотрел на воду. Так много решений предстоит принять. Здесь, в Палм-Спрингсе, он в полной безопасности... А церковь, которую они хотели построить?

«Боже, помоги мне, — взмолился он. — Помоги мне принять решение».

И решение пришло к нему с болезненной ясностью: он не должен ехать с мистером Крипсином в Мексику. Ему необходимо вернуться в Файет. Во-первых, чтобы проверить слова Кемми Фальконер, а во-вторых, чтобы привести дела «Похода» в порядок, поскольку вне зависимости от того, кто его родители, он также и дитя «Похода», и пришло время позаботиться о нем.

Кроме того, возможно, узнав о том, кто его настоящие отец и мать, он больше узнает о себе и о целительском даре, который сформировал его жизнь.

Да. Он должен вернуться в Файет.

Уэйн дрожал и чувствовал, что его нервы совсем расшатались. «Мне нужен валиум», — подумал он. Нет, нет... Его голова должна быть абсолютно чистой, чтобы он смог разобраться во всех делах. Ему нужно выгнать все валиумы, далманы и туиналы из своего организма. Однако его трясло от страха, и он не знал, хватит ли у него воли покинуть мистера Крипсина и уехать туда, где придется работать, молиться, проповедовать и исцелять. Похоже, вокруг столько проблем и столько людей ждут его исцеляющей руки. Но если он действительно начнет исцелять всех подряд, если он воспользуется своей очищающей силой и перестанет гримасничать и притворяться, боль может разорвать его.

В голове Уэйна отдаленный голос тихо прошептал: «Понимаешь ли ты, что делаешь, сынок?»

— Нет, — сказал Уэйн и поежился. — Боже, помоги мне, я не...

Он наклонился, опустил руки в воду и замер, прислушиваясь к завыванию ветра над крышей бассейна. Затем его внимание привлекло легкое движение в дальнем углу. Ему показалось, что там движется что-то темное, похожее на клубы черного дыма, но в следующее мгновение все исчезло. Уэйн встал, снял пижаму и нырнул в бассейн.

Достигнув глубокой части, он запыхался и ухватился за доску для ныряния, чтобы передохнуть и расслабился.

Внезапно за его спиной тихо забурлила вода.

Пара иссиня-коричневых полусгнивших рук обвилась вокруг его шеи в любовном объятии. Уэйн почувствовал запах озерной грязи. Черные ногти царапнули его по щеке.

Он закричал, отпустил доску и захлебнулся. В рот хлынула вода. Руки и ноги пытались оттолкнуть схватившее его чудовище. В свете подводных ламп юноша различил смутную фигуру с длинными черными волосами. Костлявые пальцы впились ему в кожу, багровое гниющее лицо пододвинулось ближе. Существо поцеловало его, пытаясь просунуть распухший язык в его рот.

Уэйн с трудом высвободился из ужасных объятий и вынырнул на поверхность. Он бешено поплыл назад, стараясь закри-

чать. Затем почувствовал под ногами бетон и встал в воде по пояс. Он повернулся в сторону глубокого места бассейна, стараясь разглядеть то, что на него напало.

Волны плескались у борта. Под водой ничего не было; ничего между ним и подводным освещением.

Уэйн тихо всхлипнул. «Ничего нет, — подумал он, — ничего...»

Что-то просунулось между ног и схватило его гениталии. Уэйн издал хриплый вой и быстро развернулся.

Она была голая, но ее груди сгнили и отвалились. Из разлагающейся багровой плоти торчали желтые кости грудной клетки. Ее глаза давным-давно вытекли из глазниц, кожа висела вонючими лохмотьями. Нос провалился, в центре лица чернела дыра. Глазные яблоки были готовы промять сгнившие щеки. Но ее волосы остались прежними: длинными, черными и глянцевыми, будто вода законсервировала их на годы.

— Уэйн, — прошептал ужасный рот. В том месте, где голова ударилась о платформу, зиял пролом.

Юноша застонал и отшатнулся назад, к глубине.

То, что осталось от лица Лонни, улыбнулось.

— Я жду тебя в Файете, Уэйн. Я та-а-ак по те-ебе-е-е со-о-оску-у-учила-ась.

Она подошла ближе. Отвалившиеся от гниющего тела кусочки плыли за ней по воде.

— Я все еще там, где ты бросил меня.

— Я не хотел! — закричал он.

— О, я хочу, чтобы ты вернулся в Файет. Я так устала плавать и жду, когда мой милый любовник...

— Не хотел... Не хотел... Не хотел...

Уэйн ступил на глубокое место, захлебнулся и услышал под водой свой крик. Он бешено выгреб на поверхность, но Лонни была уже рядом и грозила ему багровым когтем.

— Ты мне нужен, милашка, — сказала она. — Я жду, когда ты вернешься домой. Я хочу, чтобы ты излечил меня.

— Оставь меня... пожалуйста... Оставь меня...

Он попытался уплыть, но Лонни снова обхватила его за шею. Острые зубы куснули ухо Уэйна, распухший рот прошептал:

— Позволь мне показать тебе, что такое Смерть, Уэйн.

Внезапно ее вес потянул юношу на дно так, будто тело покойницы было из бетона, а не из гниющей плоти и костей. Лонни тянула его все глубже и глубже. Уэйн открыл рот, и из него хлынули пузыри. Они все вращались и вращались, вцепившись друг в друга, словно в каком-то ужасном подводном танце.

Свет потемнел. Его щека царапнула о бетонное дно бассейна.

А затем его потянули вверх и втащили на бортик. Кто-то повернул его на живот и начал жать на спину. Изо рта Уэйна хлынули потоки воды, вслед за ней — обед и три съеденных кекса. Юноша застонал, лег на бок и стал рыдать.

— Все в порядке, — сказал Дорн, вытирая волосы и отряхивая костюм. Он взглянул на стоящих рядом Найлза и Феликса. — Что он хотел, утопиться?

— Не знаю. — «Если бы Феликс не услышал крик, — подумал Найлз, — парень был бы уже покойником». Когда Дорн нырнул, Уэйн лежал на дне, слабо шевелясь, будто боролся с кем-то невидимым. — Принеси мне баллон кислорода, — обратился он к Феликсу. — Быстро. — Тело Уэйна было почти синим. — И захвати одеяло. Давай!

Они накрыли Уэйна одеялом и прижали к его лицу кислородную маску.

Юноша задрожал, застонал и наконец сделал глубокий вдох. Его глаза широко открылись. По щекам потекли слезы. Он схватил руку Найлза, вцепившись в нее ногтями.

— Мистер Крипсин не должен ничего узнать, — тихо сказал Найлз остальным. — Это несчастный случай. Уэйн плавал и захлебнулся. — Он посмотрел на дворецкого и телохранителя потемневшими глазами. — Мистер Крипсин очень огорчится, если узнает, что мы позволили Уэйну... почти убить себя. Поняли? Хорошо, теперь он дышит нормально. Черт, что за день! Феликс, иди на кухню и налей бокал апельсинового сока. Отнеси его в комнату Уэйна.

Юноша сорвал со своего лица кислородную маску.

— Она была здесь, в бассейне. Она схватила меня и хотела, чтобы я умер. Она ждала меня и сказала, что хочет показать мне, что такое Смерть... — Он обхватил ногу Найлза, как маленький ребенок.

— Помоги мне, — сказал Найлз Дорну. — Утром он должен быть готов к отъезду.

— Нет, не дайте мне вернуться, — застонал Уэйн. — Пожалуйста, не дайте мне вернуться. Она ждет меня в озере, она хочет, чтобы я...

— У него поехала его долбаная крыша! — Дорн поднял пижаму, скрипя ботинками.

— Ну и что в этом нового? Давай отведем его наверх.

— Не дайте мне вернуться! — бормотал Уэйн. — Я хочу остаться с мистером Крипсином. Я хочу остаться, и я буду хорошим мальчиком. Я буду хорошим, клянусь, клянусь...

Когда они остановились у стеклянной двери, Найлз оглянулся, и ему показалось, что он видит тень — огромную тень семи футов высотой, которая могла принадлежать какому-нибудь животному, стоящему на задних лапах, — в углу, где никогда не было никакой тени. Он моргнул; тень исчезла.

— Что такое? — спросил Дорн.

— Ничего. Черт возьми, эту дверь нужно запирать!

— Я всегда так думал.

— Навсегда, — сказал Уэйн, размазывая по щекам слезы. — Я хочу остаться здесь навсегда. Не дайте мне уехать... пожалуйста...

Найлз выключил свет. Некоторое время плеск воды в бассейне напоминал нечеловеческий смех.

12. АД

59

Ящерицы разбегались между испекшимся на солнце камнями. Вдали, в сиянии полуденного мексиканского солнца, мерцали острые очертания гор. Когда Найлз вышел из кондиционированного помещения в бетонном бункере Крипсина, он сразу

же нацепил солнцезащитные очки, чтобы не ослепнуть в этом белом раскаленном мире.

Найлз, в безупречном костюме цвета хаки, прошел мимо полицейского «линкольн-континенталь» Томаса Альвардо к цементному гаражу, где стояли несколько электрических каров. Под ярко раскрашенным навесом Уэйн Фальконер посылал мячи для гольфа в пустыню, где кактусы и пальметты образовывали нечто вроде ограды из колючей проволоки. Уэйн никак не мог найти себе занятие, пока Крипсин вел деловой разговор с Альвардо, мексиканским представителем «Тен-Хае».

Уэйн ударил по мячу и прикрыл глаза ладонью, наблюдая, как тот прыгает по каменистой равнине. Мяч остановился в двадцати ярдах от наблюдательной вышки, где скучающий мексиканский охранник мечтал о холодной «маргарите».

— Хороший удар, — заметил Найлз.

Уэйн уставился на него тупыми от избытка валиума глазами. Движения юноши были замедленными и тяжелыми. После происшествия в бассейне несколько дней назад ему стали уделять гораздо больше внимания. А он при каждом удобном случае подхалимничал перед мистером Крипсином, и у Найлза на этой почве началась головная боль. Лицо Уэйна распухло от солнечных ожогов.

— Я почти что расправился с этим ведром мячей, — нетвердым голосом сказал он Найлзу.

— Возьми еще одно...

— Мистер Крипсин говорит, что моя церковь будет самой большой в мире.

— Это прекрасно, — ответил Найлз, стараясь быстрее пройти мимо.

— Вы собираетесь пойти туда? — Уэйн ткнул клюшкой для гольфа в сторону маленького бетонного строения примерно в миле от основного здания. — Я видел, как утром Люсинда носила туда еду. Я видел, как она возвратилась. Кто там, мистер Найлз?

Мужчина не обратил на его вопрос никакого внимания. В следующий момент раздалось шипение разрезающей воздух

клюшки, и мяч для гольфа, срикошетив от стенки гаража, пролетел в опасной близости от головы Найлза. Он напрягся и повернулся к Уэйну.

Юноша улыбался, но улыбка была натянутой, и Найлз почувствовал, что ему объявлена война: в последние несколько дней Уэйн начал ревновать его к Крипсину.

— Вы надеялись одурачить меня? — спросил Уэйн. — Вы думали, что я ничего не узнаю?

— Никто не пытался тебя одурачить.

— О да, конечно. Я знаю, кто там. Я знаю это давно!

— Кто, Уэйн?

— Генри Брэгг. — Улыбка Уэйна стала еще шире. — Он отдыхает, да? И поэтому мне не разрешается ходить туда.

— Правильно.

— Когда я смогу его увидеть? Я хочу перед ним извиниться.

— Ты скоро его увидишь.

— Хорошо, — кивнул Уэйн.

Он очень хотел повидаться с Генри и рассказать ему, что он сделал для мистера Крипсина. Прошлой ночью Крипсин попросил его пощупать у него на шее шишку, потому что он боится, что это рак. Уэйн не смог нащупать никакой шишки, однако сказал, что все будет в порядке.

— Мистер Найлз, у меня опять был кошмар.

— Какой?

— Тот же, что и всегда. Я думал, у меня больше не будет кошмаров, когда умерла колдунья. Орел и змея пытаются убить друг друга, змея укусила орла в шею и притянула к земле. — Юноша заморгал, глядя на горизонт. — Змея победила. Я не хочу, чтобы она побеждала. Но я не могу остановить ее.

— Это ничего не значит. Это просто сон.

— Нет, сэр. Это гораздо больше. Потому что... когда орел умирает, я боюсь. Что-то внутри меня — что-то очень важное — тоже умирает.

— Посмотрим, как ты ударишь следующий мяч, — сменил тему Найлз. — Давай-ка вдарь.

Уэйн повиновался, как безвольный автомат. Мяч опять полетел к вышке.

Найлз вошел в гараж, сел в один из электрокаров и поехал к белому строению. Вокруг его головы вились мухи, а воздух пропитался запахом ржавого металла.

Найлз постучал в дверь. Люсинда, невысокая коренастая мексиканка с седыми волосами и добрым морщинистым лицом, тут же открыла. В убого обставленной гостиной мощный вентилятор разгонял горячий тяжелый воздух.

— Как он? — спросил Найлз по-испански.

Люсинда пожала плечами.

— Все еще спит. Я сделала ему укол час назад.

— Он приходил в себя?

— В достаточной степени, чтобы говорить. Он произнес женское имя: Бонни. Но после того, как утром он размазал завтрак по стене, я больше не рисковала.

— Хорошо. Мистер Крипсин хочет видеть его сегодня вечером. А пока подержим его на игле.

Он открыл деревянную дверь и вошел в темную спальню без окон. Юноша лежал на постели, перетянутый на груди ремнем. Но это была излишняя предосторожность: он крепко спал под действием лекарства, введенного ему Люсиндой. Парень сидел на уколах с тех пор, как несколько дней назад его привезли в бункер Крипсина. Найлз подошел к кровати, пощупал его пульс и посмотрел зрачки. «Неужели Уэйн действительно его боится? — удивился Найлз. — Почему? Что за влияние имели этот парень и его мать на маленького Фальконера?»

— Я позвоню, прежде чем зайти за ним вечером, — сказал Найлз. — Около девяти вечера дай ему немного содиума пентотала. Столько, чтобы он мог предстать перед мистером Крипсином. Хорошо?

Люсинда кивнула. Она разбиралась в наркотиках так же хорошо, как и в жареных маисовых лепешках.

Удовлетворенный состоянием Билли Найлз вышел из белого здания и направился обратно к бункеру. Уэйн занялся следующим ведерком мячей, разбрасывая их во всех направлениях.

Передняя комната бункера была металлической, отделанной дубом и напоминала хранилище банка. Найлз нажал на кнопку маленького карманного передатчика, и электронные

замки открылись. Воздух в фойе перед дверью, ведущий в лабиринты комнат и коридоров, большей частью подземных, пропах антисептиком. Когда Найлз закрывал за собой дверь, он не заметил кружившую у него над головой муху, которая унеслась в коридор вместе со слабым потоком очищенного воздуха.

Найлз нашел мистера Крипсина в кабинете. Он разговаривал с Томасом Альвардо, тощим чернокожим мужчиной с бриллиантом в мочке правого уха.

— Двадцать шесть? — Крипсин жевал печенье, которое брал с подноса. — Когда будет готово к отправке?

— На следующей неделе. Самое позднее в четверг. Мы перешлем их в трейлере с неотделанными шкурами игуан. Они сильно воняют, и таможенники не будут особо туда соваться.

Крипсин хмыкнул и кивнул. Дешевая рабочая сила, поставляемая Альвардо, использовалась «Тен-Хае» повсеместно, от апельсиновых рощ до ранчо «Сандуан» в Неваде. На полу рядом с Крипсином лежала коробка с новым кинофильмом — подарком Альвардо, который владел киностудией, штамповавшей дешевые вестерны, фильмы «ужасов» и кровавые боевики.

— Как он, мистер Найлз?

— Спит.

— Секретный проект? — поинтересовался Альвардо.

— Как сказать, — неохотно ответил Крипсин. На его столе лежала стопка газет, тщательно обрызганных антисептиком. Они пестрели статьями об исчезнувшем чикагском «таинственном медиуме» и фотографиями, сделанными в сгоревшем отеле для эмигрантов. Неожиданное исчезновение юноши из госпиталя вызвало споры по поводу достоверности видеозаписи, и страсти по этому поводу накалились. Крипсин был заинтригован и хотел побольше узнать о Билли Крикморе.

Крипсин рассказал Альвардо, что депозиты «Крестового похода Фальконера» уже переведены в мексиканские банки и что Уэйн полностью захвачен идеей постройки церкви.

— А его люди? От них можно ждать неприятностей?

— Не в их интересах раскачивать лодку, и это в данный момент объясняет им мистер Руссо. Они будут управлять частью

шоу и получать дивиденды. Каждый пенни, заработанный «Походом», сначала пойдет в Алабаму. Через какое-то время мы построим телевизионный центр в Палм-Спрингсе, так что Уэйн сможет продолжить свои телевизионные проповеди.

Альвардо лукаво улыбнулся:

— По-моему, вам поздновато становиться Божьим человеком, сеньор Криспин.

— Я всегда был Божьим человеком, — ответил Криспин, жуя очередное печенье. — А теперь перейдем к следующему вопросу.

60

Когда янтарный овал луны поднялся над окоченевшими горными вершинами, а Уэйн Фальконер заснул у себя в комнате, Найлз и Дори отправились за Билли.

Плавая во мраке, не осознавая, где он находится и как сюда попал, Билли услышал щелканье замка и решил, что снова пришла эта женщина. Он испугался, когда в глаза ему ударил яркий свет. Рядом стояли двое мужчин в костюмах. Билли сделал слабую попытку поднять голову. Он вспомнил поднос с едой и то, как он швырнул его в стену. Женщина со шприцем сказала ему несколько гадких слов.

— Мистер Криспин хочет, чтобы его отмыли, — сказал один мужчина.

Женщина подошла к Билли с мылом и грубой мочалкой и начала тереть его так, что почти содрала с него кожу. Женщина уже немного нравилась Билли. Она подставляла ему судно, когда он хотел в туалет, и кормила его, когда он был голоден.

Ремень ослаб.

Мужчина, который говорил, приложил палец к горлу Билли и проверил пульс.

— Бонни здесь? — спросил Билли. — Где доктор Хиллберн?

Мужчина проигнорировал его вопросы.

— Вставай. Мы принесли тебе одежду.

Он показал на стул, и Билли увидел желтые брюки и бледно-голубую рубашку с короткими рукавами. Что-то в желтых брюках раздражало его: цвет был ужасно знакомым. «Откуда?» — удивился он.

— А теперь поднимайся.

Билли встал, но его ноги подкосились. Двое мужчин терпеливо ждали, пока он поднимется сам.

— Мне нужно позвонить, — сказал Билли.

— Правильно. Давай одевайся. Мистер Крипсин ждет.

Ослабевший и плохо соображающий Билли начал одеваться. Он не понимал, почему ему не принесли обувь. Он чуть не заплакал из-за ее отсутствия, а брюки оказались такими широкими, что висели на бедрах. На рубашке была монограмма: витая буква «У».

— Это не моя одежда, — заявил он мужчинам, которые расплывались в его глазах. — Я всего лишь вышел поиграть на пианино.

— Пошли.

Ночь была холодной. На протяжении всей поездки в автомобиле в лицо Билли дул ледяной ветер и немного привел его в чувство. Юноша разглядел огни на высоких вышках.

— Что это за место? — спросил он, но ответа не последовало.

Они подъехали к какому-то огромному бетонному кубу. Выйдя на тропинку из плит, Билли чуть не упал, и мужчина в сером костюме помог ему. Билли почувствовал, как от мужчины исходит леденящий холод, словно тот был заморожен.

Внезапно он вспомнил слова Меняющего Облик: его мать мертва.

Воспоминания хлынули на Билли лавиной; госпиталь, часовня, мужчина, прижимающий к его лицу мокрую тряпку. Смутное воспоминание о звуке работающих двигателей. Солнце, палящее над шоссе, и белая пустыня до самого горизонта. Он пытался вырваться из объятий мужчины, но тот держал его словно тиски.

Внутри бетонного строения Билли дали надеть пару матерчатых тапочек. В воздухе пахло больницей. Двое мужчин подвели его к запертой двери, и один из них постучался.

— Входите, — ответил чей-то голос.

Они втолкнули его внутрь, и двери захлопнулись.

Юноша поднялся на ноги и попытался сфокусировать взгляд. Самый крупный мужчина, которого он когда-либо видел, ожидал его, сидя в кресле. Рядом на столе стояли лампа и кассетный магнитофон. Мужчина кутался в отделанный золотом просторный белый халат. Он был лыс и сверлил Билли маленькими черными глазками.

— Привет, — поздоровался толстяк и отложил в сторону папку с газетными вырезками. — Садись, пожалуйста. — Он кивнул на стоящее рядом кресло.

«Спасибо», — произнес Билли про себя. Он знал, что его накачали лекарствами, знал, что он далеко от дома. И понимал, что находится в большой опасности.

— Где я?

— В безопасном месте. Почему бы тебе не сесть?

— Нет.

— Меня зовут Август Крипсин. Я друг Уэйна Фальконера.

— Уэйн Фальконер? Что у него общего со всем этим?

— О, все! Уэйн просил, чтобы тебя доставили сюда. Он очень хочет тебя увидеть. Посмотри, чем он занимается. — Крипсин показал Билли папку с вырезками. На всех фотографиях был отель «Алькотт». — Это он сам вырезал. Ты знаменитый юноша, понимаешь?

— Уэйн... здесь?

— Конечно. Он даже одолжил тебе свою одежду. Давай садись. Я тебя не укушу!

— Чего вы от меня хотите? Я играл на пианино. Кто-то подошел ко мне сзади и...

— Только поговорить, — прервал его Крипсин. — Только пару минут, а потом мы отправим тебя куда захочешь. — Он предложил Билли поднос с печеньем и вафлями. — Бери, угощайся.

Билли покачал головой. В его голове все смешалось, он ничего не понимал. Уэйн захотел его видеть? Почему?

— Женщина со шприцами, — сказал Билли, прижав ладонь ко лбу. — Зачем она меня колола?

— Какая женщина, Билли? О, ты, видимо, переутомился. Я имею в виду то, что было в отеле. Об этом пишут все газеты. Уэйн очень заинтересовался тобой. Он хочет, чтобы вы стали друзьями.

— Нет. Я вам не верю. — Билли обессиленно рухнул в кресло. — Я хочу позвонить доктору Хиллберн и рассказать, где я нахожусь.

— Конечно, позвонишь. Обязательно. Завтра утром. Сейчас уже поздно, а телефонная сеть здесь работает с перебоями. Уэйн хотел, чтобы тебя привезли сюда — в Мексику — в качестве его гостя. Я прошу прощения, если ты переутомился, но...

— Почему Уэйн просто не попросил меня приехать?

— Он пытался. Несколько раз говорил с доктором Хиллберн. Но, видимо, эта женщина не хотела, чтобы ты уезжал из Чикаго. Возможно, кто-то из персонала института не так понял предложение Уэйна. Уэйн столько мне о тебе рассказывал, что я чувствую, будто давно тебя знаю. Ты и Уэйн... очень похожи. Вы оба стремитесь к своей цели... и вы оба особенные, верно? Он целитель, а ты... наделен даром видеть другой мир. Ведь фотографии в этих вырезках не подделка?

Билли не хотел отвечать, но находился в таком состоянии, что ему было безразлично.

— Нет, они настоящие.

— Я знал это. Как можно заниматься подделками при таком количестве свидетелей? Значит, ты можешь видеть умерших? И разговаривать с ними?

— Да.

Крипсин съел очередное печенье. Его черные глаза блестели желанием выудить все секреты из головы Билли Крикмора.

— Ты видишь жизнь после смерти? И можешь контролировать мертвых? Ты можешь говорить с ними и заставлять делать то, что хочешь?

— Я не стараюсь управлять ими. Я стараюсь помочь им. Почему вы все это записываете? Почему это для вас так важно?

— Просто... этот предмет волнует меня. И он волнует Уэйна.

— Что вы имеете в виду?

Крипсин улыбнулся.

— Ты действительно не понимаешь? Ты не понимаешь свой собственный потенциал! То, что ты делаешь сейчас, очень важно, но ты можешь делать гораздо большее. О, эти секреты Смерти, которые ты знаешь! Сила, которой ты обладаешь! Ты можешь общаться с любым по ту сторону Смерти, можешь обмениваться сообщениями с потусторонним миром. Ты можешь узнать, где находятся зарытые сокровища, ты можешь узнать такое, что потрясет весь мир! Ты будешь самым знаменитым и могучим юношей! Неужели ты этого не понимаешь?

— Нет.

— Уэйн понимает, — тихо сказал Крипсин. — Он хочет, чтобы ты присоединился к «Походу», Билли. Он хочет, чтобы ты выступал вместе с ним.

— Что?!

— Да. Выступал вместе с ним. Уэйн будет целителем, а ты... медиумом! Со всей этой идиотской публикой проблем не будет! Люди охотно заплатят, чтобы увидеть, как ты общаешься с мертвыми. О, они будут благоговеть перед тобой, Билли! У тебя появится свое телевизионное шоу, и ты будешь говорить с мертвыми прямо в эфире, перед миллионами телезрителей!

Глядя на толстяка, Билли внутренне пожал плечами. Это все равно что раскапывать могилы и предлагать зевакам полюбоваться на кости, все равно что использовать в «Призрак-шоу» настоящих призраков.

— Подумай об этом! — продолжал Крипсин. — Ты только скребешь поверхность! Ты и Уэйн, гастролирующие вместе! Для тебя ведь не существует никаких тайн, Билли, если даже мертвые тебе подвластны!

Билли чувствовал себя разбитым и больным, но, взглянув в черные глаза мужчины, увидел правду. Август Крипсин сам хотел обладать властью над мертвыми. Август Крипсин хотел использовать его как марионетку в кукольном театре, притягивая зрителей мрачными тайнами. Билли не мог поверить, что Уэйн принимает в этом участие!

— Нет, — ответил он. — Я не буду этого делать. Я не хочу.

— Почему нет? Почему? Конечно, сейчас ты, вероятно, испуган, но после того, как ты подумаешь об этом — и после раз-

говора с Уэйном, — ты увидишь свет. С той самой минуты, как я увидел газеты... нет, с той минуты, когда Уэйн рассказал мне о вашей семье, я знал, что в тебе есть нечто особенное. Я знал, что ты обладаешь силой...

Неожиданно в горле у него странно забулькало.

Билли удивленно вытаращил глаза. На руке Крипсина сидела муха.

В следующее мгновение толстяк подпрыгнул, перевернув кресло и стол, и попытался убежать от насекомого. Он дико махал руками, а муха жужжала у него над головой. Мысленно Крипсин снова был на корабле, который вез из Греции его семью, и смотрел, как мухи ползают по окоченевшим трупам его отца и матери, умерших от лихорадки, как и добрая половина пассажиров корабля.

Глаза Крипсина вылезли из орбит. Муха коснулась его. Болезнь преодолела все расставленные ловушки. Крысы, пищащие в трюме, разлагающиеся, полные личинок трупы его родителей. Он закричал от ужаса, когда муха закружилась около его щеки, и упал на колени.

Билли встал и отогнал муху от его лица. Он знал, что сейчас за ним придет мужчина в сером костюме и отведет его обратно к женщине со шприцами. Здесь повсюду опасность. Ему нужно сбросить дремоту и попробовать найти выход! Он повернул дверную ручку и вышел в пустой коридор. За его спиной снова завизжал Крипсин.

Билли двинулся по коридору, стараясь вспомнить, каким путем его привели. Крипсин визжал все пронзительнее. Билли перешел на бег, споткнулся, упал, поднялся и снова побежал. Стены вокруг дышали, как будто он находился внутри гигантского зверя, старающегося переварить его.

Билли повернул за угол и резко остановился.

В десяти футах от него, у открытой двери, стоял голубоглазый рыжеволосый юноша в пижаме. На его обожженных солнцем щеках блестели крупные капли пота.

— Уэйн?! — спросил Билли.

У Уэйна отвисла челюсть.

Билли сделал шаг вперед и заметил, как юноша сжался.

— Что они с тобой сделали? — прошептал Билли. — Уэйн, что они...

Чья-то рука схватила его за плечо. Найлз выкрутил ему руку за спину, чтобы не дать возможности убежать. А Крипсин все кричал и кричал, словно сумасшедший.

Уэйн прижался к стене. Готорнскому демону дали его одежду. Они привезли его сюда, спрятали в белом домике, а теперь дали ему его одежду!

— Вы говорили, что я в безопасности, — прошептал Уэйн Найлзу. — Вы говорили, что, пока я здесь, я...

— Заткнись, черт побери! — крикнул Найлз.

— Уэйн, они привезли меня силой! — крикнул Билли. Боль прочистила ему мозги. — Они пытаются использовать меня, Уэйн, как пытаются использовать тебя!

— Уэйн, — сказал Найлз. — Я хочу, чтобы ты оделся и собрал свою сумку. Немедленно! Мистер Крипсин хочет уехать отсюда через пятнадцать минут.

— Демон, — прошептал Уэйн, прижавшись к стене.

— Иди собирайся! Быстрее!

— Убейте его, — сказал Уэйн. — Прямо здесь. Прямо сейчас. Убейте его, как убили ведьму.

Билли рванулся из последних сил, но Найлз держал крепко.

И тут Уэйн понял всю правду.

— Вы специально привезли его сюда, — сказал он со слезами на глазах. — Почему? Чтобы сделать мне больно? Чтобы мне снились кошмары? Потому что... — тихо простонал он. — Этот парень злой... и мистер Крипсин тоже?!

— Я больше не буду повторять, чтобы ты быстрее двигал своей толстой задницей! — снова крикнул Найлз и потащил Билли обратно по коридору туда, где Крипсин причитал о возвращении в Палм-Спрингс, потому что это место стало заразным.

«Это все обман, — понял Уэйн. — Они никогда не были моими друзьями; они никогда не хотели защитить меня. Они привели демона прямо к моим дверям! Они обманывали меня, чтобы захватить «Поход»!»

В мозгу Уэйна начали роиться дикие мысли. Может быть, они привезли сюда Билли Крикмора, чтобы подменить его самого?!

Даже папа обманул его и на самом деле не был его папой. Его обманывали с самого начала. Ему всегда говорили: излечивай, Уэйн, излечивай, даже если не чувствуешь внутри себя пламя, излечивай...

Его голова раскалывалась. Змея победила.

Но это еще не конец! Он все равно остается Уэйном Фальконером, Величайшим Евангелистом Юга! И у него еще есть возможность уничтожить Зло, которое зажало его в тиски. Уэйн вытер слезы.

Орел еще может победить змею.

61

Джим Кумбс поднял «Челленджер» до шестнадцати тысяч футов. Он проверил все показатели и включил автопилот. Под крылом реактивного самолета, если верить направленному лучу радара, расстилались каменистая пустыня и горы. Прогноз погоды обещал им чистое небо. Взлет и посадка были самыми ответственными моментами при управлении «Челленджером»; но теперь, при почти идеальной видимости и работающем автопилоте, Кумбс мог откинуться в кресле и немного расслабиться. Его разбудили полчаса назад, и Дорн сообщил, что мистер Крипсин желает немедленно вернуться в Палм-Спрингс. Крипсин, переживший, по-видимому, первый срыв, быстро расположился в салоне. Он поднялся на борт в белом халате, с бледным как мел лицом и уткнулся в кислородную маску, как только пристегнулся. Найлз и Дорн вели себя очень тихо. Уэйн сидел молча и размышлял, даже не удосуживаясь ответить на вопросы Кумбса. На борту был еще один пассажир: темноволосый юноша, которого Кумбс привез из Чикаго. Глаза парня были упрямыми и восторженными, лицо светилось яростью и страхом. Кумбс не знал почему, но он очень не хотел бы оказаться на месте этого парня.

Кумбс зевнул, еще не успев стряхнуть с себя остатки сна. К счастью, через пару часов они будут в Палм-Спрингсе.

Со своего места в середине салона Билли видел, как вздымается грудь Крипсина, когда толстяк делает вдох через кислородную маску. Крипсин сел лицом вперед и хрипел, словно умирающий. Внезапно он протянул руку и задернул пластиковую занавеску, отгородив себя от посторонних взглядов. Найлз дремал рядом с Билли, Дори — через проход. Напротив Крипсина, как статуя, сидел Уэйн.

«Что они сделали с ним?» — гадал Билли. Как эти люди смогли прибрать к рукам «Крестовый поход Фальконера»? В глазах Уэйна читались ужас и безумие, и Билли испугался, что ему уже ничем не поможешь. Но он все равно попробует. Это часть его Неисповедимого Пути — пробиться сквозь барьеры страха и помочь Уэйну свернуть с дороги, которая ведет прямо в лапы Августа Крипсина. Его мать — их мать, — вероятно, мертва. Причиной тому было сумасшествие Уэйна, а Крипсин скорее всего просто оказал ему эту услугу. Приемному сыну Джимми Джеда Фальконера в наследство достались страх и ненависть.

Билли вспомнил, что ему говорила мать: Уэйн не в состоянии распознать Зло. Уэйн может оказаться слабым звеном, через которое будет действовать Меняющий Облик. Билли откинул голову и крепко зажмурил глаза. Что бы мать посоветовала ему сделать сейчас? Когда он открыл глаза, Уэйн смотрел на него, оглянувшись через плечо. Они рассматривали друг друга несколько секунд, и Билли почувствовал, как между ними пробежал электрический ток, словно между двумя подключенными батареями. Затем Уэйн встал и двинулся по коридору, избегая взгляда Билли.

— Что такое? — спросил Найлз, когда Уэйн растолкал его.

— Я хочу пройти в кабину пилота, — сказал Уэйн. Его глаза были стеклянными, а в висках пульсировала кровь. — Можно?

— Нет. Иди сядь на место.

— Мистер Крипсин всегда разрешал мне, — настаивал Уэйн. — Я люблю сидеть впереди и смотреть, как работает

оборудование. — Он криво улыбнулся. — Мистер Крипсин хочет, чтобы я был счастлив, не так ли?

Найлз помолчал, а затем раздраженно ответил:

— Да иди ты куда хочешь! Какое мне до тебя дело? — Он снова закрыл глаза.

— Уэйн, — позвал Билли, и юноша оглянулся. — Я не враг тебе. Я никогда не хотел, чтобы все так обернулось.

— Ты должен умереть. — Глаза Уэйна горели, как голубые звезды. — И я помогу тебе, даже если это будет последнее, что я сделаю.

— Послушай меня, — сказал Билли; от Уэйна исходил жар. Он должен сказать ему прямо сейчас и заставить поверить. — Пожалуйста. Я не зло, как и... моя мать. Ты никогда не задумывался, откуда у тебя дар исцеления? Почему именно у тебя? Я тебе объясню. Не отворачивайся! Пожалуйста! Фальконеры не были твоими настоящими родителями, Уэйн...

Уэйн замер. Несколько секунд его рот беззвучно открывался и закрывался, затем он прошептал:

— Откуда ты знаешь это?

— Я знаю, потому что об этом мне сказала моя — наша — мама. Я говорю тебе правду. Твоей родной матерью была Рамона Крикмор, а отцом Джон Крикмор. Ты родился в один день со мной: 6 ноября 1951 года. Джимми Джед Фальконер купил тебя у человека по фамилии Тиллман и вырастил тебя как своего собственного сына. Но это не потому, что наши родители не любили тебя, Уэйн. Они любили. Но они хотели, чтобы ты попал в хороший дом, и они...

— Ложь, — произнес Уэйн придушенным голосом. — Ты лжешь, стараясь спасти свою жизнь.

— Она любила тебя, Уэйн, — продолжал Билли. — Несмотря ни на что. Она знала, кто ты такой, с того самого момента, когда впервые увидела тебя на палаточной проповеди. Она говорила, что тебя используют, но не могла противостоять этому. Посмотри на меня, Уэйн! Я говорю тебе правду!

Уэйн коснулся ладонью лба.

— Нет. Ложь... Все лгут мне. Даже... мой собственный отец...

— В тебе кровь Крикморов. Ты сильный; сильнее, чем думаешь. Я не знаю, что они с тобой сделали, но ты должен бороться с этим. Ты не должен позволить им победить!

Найлз, дремавший в своем кресле, зашевелился и велел Билли заткнуть свой рот.

— Ты будешь гореть в Аду, — сказал Уэйн Билли, повернулся и пошел в кабину пилота. Несколько секунд он стоял и смотрел на Августа Крипсина; толстяк сидел с закрытыми глазами и хрипло вдыхал и выдыхал кислород. — Ну ладно, — прошептал Уэйн и, отодвинув занавес, увидел дремавшего Джима Кумбса.

Кумбс зевнул и сел, быстро оглядев приборы.

— Привет, Уэйн, — сказал он.

— Привет.

— Хорошо, что пришел. Я как раз хотел попросить, чтобы ты подменил меня, пока я схожу в сортир. Мы на автопилоте, так что ничего не трогай. Красивая луна, правда?

— Конечно.

— Ну... — Кумбс потянулся, а затем расстегнул ремни и встал. — Я постараюсь как можно быстрее. Прислушивайся к двигателям. Они хоть кого заставят заснуть!

— Да, сэр. — Уэйн опустился в кресло второго пилота, туго пристегнулся ремнем и взглянул на приборную панель. Скорость — 431 узел. Высота — шестнадцать тысяч. Компас указывал на северо-запад.

— Хорошо, парень, — сказал Кумбс и вышел.

Уэйн прислушался к раздающимся в наушниках сигналам навигационных маяков, затем взглянул на штурвал, двигающийся по команде автопилота. Ощущение власти заставило его щеки вспыхнуть. Они все у него в руках, и он не позволит им привезти его обратно в Палм-Спрингс. Он потерпел поражение с «Походом», потерпел поражение со своей целительской миссией...

Но здесь, высоко в небе, он может не вспоминать об этом. Он поднял трясущуюся руку и выключил автопилот.

— Не делай этого, сынок. — Рядом в кресле пилота сидел Джимми Джед Фалькопер с серьезным, обеспокоенным ли-

цом. — Ты должен доверять мистеру Кринсину; он заботится о тебе. Он позволит тебе сделать с Билли Крикмором все, что захочешь. Но сейчас ты задумал нечто ужасное. Это... это все разрушит...

Уэйн посмотрел на него и покачал головой.

— Ты лгал мне. Все время. Я не твой сын. Я никогда не был...

— Ты мой сын. Не слушай это дерьмо! Слушай меня! Доверяй мистеру Кринсину, Уэйн. Не делай того, что задумал...

В глазах Фальконера Уэйн увидел испуг, и это доставило ему удовольствие.

— Ты испугался, — сказал он. — Ты испугался до смерти, верно? Ты уже мертв...

— НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО, МАЛЕНЬКИЙ СУЧОНОК! — Лицо проповедника стало расползаться, как восковая маска. На Уэйна глянул звериный красный глаз.

Сидя в салоне, Билли почувствовал холод и открыл глаза. Пилот проходил мимо него в туалет, расположенный в хвосте самолета. Юноша дернулся и огляделся вокруг — он увидел нечто такое, что заставило его сердце тревожно забиться.

Пилот замер на месте и оглянулся, наморщив лоб.

— Что-нибудь не так? — спросил он настороженно.

Билли не ответил. Тело Джима Кумбса окружал зловещий иссиня-черный туман, вытянувший во все стороны короткие дымообразные щупальца.

— На что ты смотришь? — спросил Кумбс, пригвожденный к месту его темным, напряженным взглядом.

Билли повернул голову и посмотрел на сидящего через проход Дорна. Черная аура обволокла его, как блестящая темная пелена. Через сиденье протянулась рука Найлза и схватила Билли за плечо. Рука была окутана черным предвестником смерти. Окруженное черной аурой лицо подалось вперед.

— Какие проблемы, малыш?

«Все они умрут», — понял Билли. И он сам, возможно, тоже. Самолет! Кто им управляет? Уэйн? Неожиданно салон наполнил холод смерти. Когда Уэйн вошел в кабину пилота, все внезапно изменилось. Уэйн собирается сделать что-то ужасное. Уэйн собирается всех убить.

— НЕТ! НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО, МАЛЕНЬКИЙ СУЧОНОК! — ревело существо, сидящее в кресле пилота. — НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО!

Маска Дж.Дж. Фальконера растаяла, и Уэйн увидел ужасное существо с горящими красными глазами и кровожадной мордой дикого вепря. Он понял, что видит Зло в истинном его обличье. Существо издало придушенный бормочущий звук, когда Уэйн схватился за штурвал и, нащупав ногой педаль управления рулями, бросил «Челленджер» вправо-вверх, увеличивая подачу горючего в двигатели.

За мгновение до того, как шум двигателей изменился, Билли услышал голос Меняющего Облик. Затем самолет с диким ревом завалился на правое крыло. Тело юноши с такой силой прижало к сиденью, что какое-то время он не мог вздохнуть. Все, что не было привинчено или приварено к полу или стенам — «дипломаты», бокалы, бутылки «Перье», — сорвало с места и понесло по салону, разбивая о переборки. Джима Кумбса развернуло в сторону так резко, что он даже не понял, что произошло; его голова с отвратительным хрустом ударилась о потолок кабины, и тело пилота застыло в таком положении до тех пор, пока самолет не вывернулся и не вышел в горизонтальный полет. Кумбс рухнул в проход. Его глаза были открыты, а зубы глубоко вошли в прикушенный язык. Руки согнулись так, будто он собирался откусить себе пальцы.

Билли задыхался. Самолет внезапно бросило влево, а затем он вошел в глубокое пике. Мимо Билли пролетела бутылка «Перье» и взорвалась, ударившись о переборку. Криспин кричал из-под кислородной маски. Лицо Дорна стало мраморно-белым, а его пальцы вцепились в подлокотники кресла. Телохранитель повизгивал, как ребенок на ярмарочных каруселях.

Существо в кресле пилота заколебалось, словно мираж, и исчезло. На лице Уэйна застыла улыбка, а его щеки втянулись под действием чудовищного ускорения. «Сейчас я им покажу, — думал он. — Покажу всем этим лжецам». Он громко рассмеялся и перевернул самолет кверху брюхом. Доска для бумаг больно ударила Уэйна по голове. Вокруг затанцевали карандаш и

листки бумаги. Юноша подал штурвал вперед, снова бросив «Челленджер» в глубокое пике, прямо в черноту, расстилающуюся внизу. Визжал разрезаемый носом самолета воздух. Уэйн следил за альтиметром. Тринадцать тысяч. Двенадцать тысяч. Одиннадцать тысяч. Десять.

— УЭЙН! — завизжал со своего места Найлз. — ПРЕКРАТИ ЭТО!

Он начал отстегивать пристяжной ремень, но, бросив взгляд на лежащее с разбитым черепом тело Кумбса, понял, что в тот самый момент, когда сделает это, будет мертв.

Уэйн усмехнулся с полными слез глазами. Машина полностью ему подчинялась. Когда альтиметр показал четыре тысячи футов, он резко завалил самолет вправо. Скорость катастрофически упала. Штурвал завибрировал в его руках. Ни разу за всю свою жизнь Уэйн не чувствовал себя таким могущественным. Двигатели стонали, самолет дрожал. Уэйн не мог дышать, перед его глазами запрыгали черные точки.

С усилием, почти вырвавшим ему руки, Билли расстегнул свой ремень и вцепился в переднее сиденье, пытаясь подтянуть себя к кабине пилота.

Уэйн выровнял самолет, а затем снова послал его в пике. Билли словно щепку бросало по салону; он прижал голову к коленям, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Его подбородок ударился о стол, и, ослепнув от боли, юноша рухнул вперед. Левое плечо тоже обо что-то ударилось, и его снова пронзила жгучая боль. Он уцепился за пластиковую занавеску, которая висела вокруг сиденья Крипсина; но та порвалась, и сквозь пелену боли Билли увидел животный страх, перекосивший мертвенно-бледное лицо владельца корпорации «Тен-Хае».

В пятистах футах от земли Уэйн изо всех сил потянул на себя штурвал. Самолет выровнялся, и альтиметр показал пятьсот девяносто два фута. Уэйн видел перед собой какие-то смутные очертания, омытые лунным светом. Он включил дроссели, гася скорость. В следующую секунду что-то огромное, темное и рваное пронеслось всего в пятидесяти ярдах от самолета.

В кабину вошел Билли, и Уэйн оглянулся через плечо, полуоскалясь-полуулыбаясь.

А затем Билли увидел это; оно возникло впереди, закрыв весь обзор. Лунный свет поблескивал на выветренных скалах. Уэйн резко повернулся и инстинктивно попытался поднять самолет. «Челленджер» задрожал от резкого изменения курса, но в следующий момент раздался предсмертный крик раздираемого металла. Правое крыло царапнуло по скале. Резкий толчок отбросил Билли назад. Он задел головой потолок и упал на колени. Из носа брызнула кровь.

Низ фюзеляжа царапнул по скалам, вспоровшим его, как консервную банку; по швам побежали искры, которые засосал двигатель правого борта. В следующую секунду он взорвался, смяв правую сторону фюзеляжа, а затем ворвавшись внутрь салона со стоном и скрежетом вырываемых отовсюду заклепок. Раскаленные докрасна обломки металла пронзили Найлза сзади и насквозь прошили спинку сиденья, на котором раньше сидел Билли. Пылающий кусок обшивки снес Найлзу верхушку черепа, забрызгав мозгами Дорна.

По всей панели управления мигали предупреждающие огоньки. В хвостовом отсеке гудело пламя, двигатель исчез, конец правого крыла и элероны были искалечены. Рули не подчинялись командам, скорость стремительно уменьшалась. «Челленджер» падал вниз, в окруженную горами белую долину. Вспыхнул фюзеляж, и кабину пилота заполнил едкий дым.

Уэйн успел только погасить оставшуюся мощность двигателей. Самолет ударился о землю, подскочил и ударился снова. Пыль залепила стекла. Юношу бросило вперед, потом назад. Ремень чуть не разрезал его пополам, а штурвал вырвался из рук. Самолет в шипящем саване искр рванулся вперед. Затем треснул пополам, потерял крылья, перевернулся и, накренившись, помчался по каменистой пустыне, как по посадочной полосе. Голова Уэйна дернулась и ударилось о колонку штурвала. Остатки «Челленджера» проползли еще сотню ярдов и остановились.

Билли пришел в себя на полу кабины, его прижало сзади к спинке сиденья пилота. Он увидел мешанину горящих прово-

дов и приборов, а дальше, в конце салона, огромную дыру, сквозь которую виднелась плоская пустыня, на три сотни ярдов вокруг усыпанная горящими обломками. Хвостовая часть самолета осталась где-то далеко позади. Сквозь разъедающий глаза дым Билли увидел, что кресло Крипсина тоже оторвалось и исчезло вместе со своим хозяином.

Он попробовал подняться на ноги. Левая рука онемела. Билли взглянул на нее и увидел кость, блестящую в рваной ране на запястье. На него нахлынула волна боли и тошноты, а на лице выступили капли пота. Уэйн тихо застонал и всхлипнул. В пассажирском салоне горели ковер и сиденья. Пластиковая занавеска, которая загораживала кресло Крипсина, плавилась. Билли с усилием встал, прижимая к груди изувеченную руку. Он схватил Уэйна за плечо и откинул на спинку сиденья. Голова юноши болталась из стороны в сторону. Над его правым глазом образовалась багровая шишка, а сам глаз распух и закрылся.

Двигаясь мучительно медленно, Билли попытался поставить Уэйна на ноги.

— Очнись же, очнись, — говорил он, таща его здоровой рукой по дымящемуся салону. Выбиваясь из сил, Билли полунес-полуволок Уэйна как можно дальше от горящего самолета, пока ноги ему не отказали окончательно. Он упал на землю, вдыхая запах своего собственного обгоревшего мяса и волос. Затем его поглотила долгая мучительная боль, и он свернулся калачиком в надвигающейся темноте.

62

Он двигался. Быстро двигался сквозь темноту. Он находился в туннеле и понимал, что скоро достигнет его конца. Боль исчезла. Ему было страшно и любопытно одновременно.

Неожиданно впереди блеснул яркий луч золотистого света. Как будто медленно открывалась дверь.

«Это для меня, — понял он, — для меня».

Это был самый прекрасный свет, который он когда-либо видел. Это были все рассветы и закаты, все золотые летние дни его детства, все оттенки солнечного света, проникающего сквозь разноцветные листья осеннего леса. Он достигнет этого света, если поторопится. Ему ужасно хотелось попасть туда, ощутить его тепло своим телом, согреться и забыть все заботы. Он оглянулся — или только подумал, что оглянулся? — и посмотрел назад. Вдалеке лежало что-то охваченное огнем.

Дверь распахнулась шире, заполнив туннель восхитительным светом. Нужно достичь ее, пока она не закроется снова. Его скорость начала уменьшаться... уменьшаться...

Дверь широко распахнулась, и свет стал таким ярким, что ослепил его. За порогом угадывалось ослепительно голубое небо, зеленые поля и лес, протянувшийся, насколько хватал глаз. В этом прекрасном мире тишины и покоя его ждали чудеса, новые неисследованные тропинки, новые путешествия. Его захлестнула радость, и он вытянул вперед руки.

Неожиданно в дверном проеме возникла темная фигура. Женщина с длинными рыжевато-коричневыми волосами, падающими на плечи, смотрела на него с выражением досады и сострадания.

— Нет, — тихо сказала она. — Ты не можешь уйти. Еще слишком рано.

И дверь начала закрываться.

— Пожалуйста! — взмолился Билли. — Помоги мне... Позволь остаться...

— Еще рано, — ответила женщина.

Он закричал: «Нет!» — но его уже понесло прочь от двери, все быстрее и быстрее, по мере того как свет угасал. Он всхлипывал и сопротивлялся, не желая возвращаться туда, где его ждет боль. В голове пролетели воспоминания: Уэйн за штурвалом, кричащий Крипсин, лайнер, скользящий по земле, огонь, пожирающий пассажирский салон, скрежет отрывающихся крыльев, страшный треск фюзеляжа...

Он застонал и открыл глаза. Две черные птицы, качавшиеся у его головы, с испуганным клекотом расправили крылья и

улетели прочь. Они покружили в сером небе и спикировали на что-то в сотне ярдов от Билли.

«Я еще жив», — подумал Билли. Но воспоминания о золотистом свете и прекрасном пейзаже почти раскололи его сердце. Там была его мать, она ждала его, но отправила обратно. Почему? Потому что его Неисповедимый Путь еще не окончен? Он подтянул к себе правую руку и попытался сесть. Голову пронзила боль; в том месте, где его челюсть ударилась о стол, заскрежетали сломанные кости. Он заставил себя собраться и оглядел пустыню. Первые оранжевые лучи восходящего солнца разрезали небо над грядой малиновых гор. То тут, то там все еще вспыхивали огоньки; большая часть самолета — салон и кабина — сплавились в черную массу покореженного металла. Обломки рассеялись на площади в квадратную милю. Билли увидел, как из-за горной гряды вырвался солнечный свет. Жара уже нарастала; через час она станет невыносимой, а вокруг не было никакого убежища.

Он услышал стон у себя за спиной и с усилием обернулся. Уэйн Фальконер лежал в десяти футах от него, облокотившись спиной на обломок выброшенного взрывом кресла. Его лицо распухло, волосы свалялись, а одежда порвалась и обгорела. Один глаз заплыл и не открывался. Другой, глубоко запавший и ярко-голубой, неотрывно смотрел на обломки «Челленджера». Затем глаз моргнул и остановился на Билли.

— Прекрасный орел, — прошептал Уэйн. — Он мертв. Разорван на части и мертв.

Из его глаза выкатилась слеза, сорвалась вниз и потекла по окровавленной щеке.

Билли наблюдал за кружением и атаками хищных птиц. Некоторые из них дрались над чем-то, скрюченным и обгоревшим.

— Ты знаешь, где мы? — спросил Билли Уэйна.

— Нет. Какая разница? Крипсин мертв; они все мертвы... за исключением тебя.

— Ты можешь двигаться?

— У меня болят голова и бок. Но я посадил его. Мы горели, но я посадил его. Обо что мы ударились?

— По-моему, вот об это. — Билли махнул рукой в сторону горных пиков. — Кто-нибудь поможет нам. Может, увидят дым.

Уэйн посмотрел на поднимающийся вверх столб дыма. Солнце окрасило его разбитое лицо в оранжевый свет.

— Я хотел, чтобы они погибли... но больше всего я хотел убить тебя. И сам я тоже хотел умереть. Я почти ничего не помню после того, как мы ударились о землю, но помню, как кто-то вытаскивал меня из кабины. — Он повернулся и не мигая посмотрел на Билли. — Почему ты не бросил меня гореть в самолете?

— Я не испытываю к тебе ненависти, — ответил Билли. — Мне не важно, что ты обо мне думаешь. Я тебе не враг. Им был Крипсин, потому что он хотел владеть тобой... и мной тоже. Они привезли меня сюда из Чикаго и хотели, чтобы я делал... ужасные вещи. Если ты ненавидишь меня, то в этом виноват только Фальконер, который научил тебя ненавидеть.

— Папа... — тихо произнес Уэйн. — Он навещал меня постоянно. Поздно ночью, когда я ложился спать. Но... он лгал мне, верно? Нет-нет... это был не отец. Это было... что-то еще, что-то, очень похожее на зверя. Я видел его в кабине перед тем, как «Челленджер» начал падать. Он лгал мне все время, заставляя думать, что... папа жив. И он велел мне доверять мистеру Крипсину, оставаться с ним и делать все, что он скажет. Они ранили Генри Брэгга. Перерезали ему горло, но я излечил его. — Уэйн поднял руки и взглянул на них. — Я просто хотел творить добро. И все. Почему это всегда так тяжело? — В его голосе слышалась мольба.

Билли медленно встал. На его ногах все еще были полотняные тапочки, которые ему выдали на асиенде Крипсина. Земля напоминала грубый тротуар из неровных камней, поросших то тут, то там искривленными кактусами и пиками пальметт.

— Нужно найти тень, — сказал он Уэйну. — Ты можешь идти?

— Я не хочу двигаться.

— Солнце еще низко. Но через пару часов здесь будет настоящее пекло. Может быть, нам удастся найти деревню. Может быть... — Его взгляд скользнул по горной гряде, протянув-

шейся к северу, и Билли зажмурился от нестерпимого белого сияния. Горы были не далее, чем в миле от них, расплываясь в горячем мареве. — Там, наверху. Это недалеко. Мы доберемся.

Уэйн немного помедлил, а затем поднялся. Он оперся на плечо брата, и между юношами пробежало что-то, похожее на электрический разряд. Билли почувствовал, что мучительная боль отступила, а голова Уэйна прояснилась, как будто он сделал глоток чистого кислорода. Уэйн испуганно отдернул руку.

— Мы дойдем, — твердо произнес Билли. — Мы должны.

— Я не понимаю, почему ты не хочешь уйти один? Каждый раз, когда я видел тебя и твою мать, когда я слышал ваши имена, я боялся; и начинал стыдиться, потому что любил свою власть. — Лицо Уэйна страдальчески искривилось. — Да, я лгал об исцелении, потому что не мог никого исцелить, но боялся, что меня перестанут слушать. У меня не было этой силы. Даже в детстве я лгал о ней... Но каким-то образом об этом знали и вы, с самого начала знали. Вы видели меня насквозь. Я... я ненавидел вас обоих и хотел, чтобы вы умерли. — Он взглянул на солнце и зажмурился. — Но может быть, это все потому, что я ненавидел то, чем занимался, и сам хотел умереть... Я до сих пор хочу умереть. Оставь меня здесь. Дай мне успокоиться.

— Нет. Я не знаю, что с тобой сделал Крипсин, но тебе нужна помощь. А теперь пошли.

Билли сделал шаг, другой. Камни под ногами были острыми, как стекло. Юноша оглянулся. Уэйн нетвердой походкой следовал за ним.

Они медленно побрели между обломками. Лужи горючего еще пылали. Салфетки с надписью «Тен-Хае, инк.» разлетелись в разные стороны. Повсюду валялись обрывки кабелей, битое стекло, острые, как бритва, куски металла, обломки кресел. Безголовое тело в обгоревшем костюме свисало с остатков софы. Над ним работали птицы, оторвавшиеся от трапезы только затем, чтобы взглянуть на проходящих мимо Билли и Уэйна.

Через пару минут юноши наткнулись на Крипсина. Толстяк, пристегнутый ремнями к креслу, лежал в зарослях острых пальметт, отпугивающих стервятников. Все тело Крипсина, с которого была сорвана почти вся одежда, покрывали иссиня-чер-

ные синяки и ссадины. Распухший язык вывалился изо рта, а глаза выкатились так, что казалось, вот-вот лопнут. Труп уже начал разлагаться, лицо, шея и руки раздулись до невообразимых размеров.

Билли услышал тонкий, высокий крик; он нарастал, становился все громче и вдруг затих. Затем повторился снова.

— Подожди, — сказал он, и Уэйн остановился. Крик был полон страдания и ужаса; Криспин и остальные все еще были здесь, плененные внезапностью своей смерти. Внезапно крики оборвались. Билли прислушался, чувствуя, как у него внутри зашевелился ужас. Вокруг стояла полная тишина.

«Что-то не так, — понял Билли. — Что-то случилось». Волосы у него на голове встали дыбом. Он чувствовал опасность. «Меняющий Облик, — догадался юноша и неожиданно испугался. — Что произошло с Меняющим Облик?!»

— Давай убираться отсюда. Скорее, — сказал Билли и снова пошел вперед. Уэйн, еще немного полюбовавшись на труп Криспина, двинулся следом.

В это время одна из опухших рук Криспина зашевелилась. Пальцы расстегнули ремень, и тело поднялось из кресла. Распухшее лицо широко ухмыльнулось, толстые губы раздвинулись, обнажив темные кривые зубы. Круглая голова повернулась в сторону удаляющихся фигур, и темные глаза полыхнули красным, звериным огнем. Труп выкарабкался из зарослей пальметты, что-то бормоча и хихикая. Подпитываемый волной Зла, самой мощной из когда-либо ощущаемых Билли, Меняющий Облик медленно поднялся на кривых распухших ногах. Он снова посмотрел вслед уходящим юношам, и его пальцы сжались в кулаки. Тело Криспина было еще сильным. Не то что другие, разорванные в клочки стервятниками. Это тело еще можно использовать.

Меняющий Облик побродил между обломками самолета, привыкая к своему плотскому кокону. Он хихикал и бормотал, предвкушая, как будет крушить, ломать и рвать в клочья. Стервятники заклекотали и отлетели в сторону от неуклюже передвигающегося существа. А существо подняло безголовый труп Найлза и вытащило у него из кармана кожаный мешочек, пере-

вязанный шнурком. То, что лежало внутри, не налезало на толстую руку; Меняющий Облик нетерпеливо откусил первые фаланги пальцев и надел кастет на обрубки.

Острые осколки бритвенных лезвий блеснули в солнечных лучах. Это было то самое оружие, которым Найлз перерезал горло Генри Брэггу.

Лицо Крипсина повернулось к движущимся в отдалении фигурам. На распухшей, побитой маске плоти полыхнули красные глаза. Теперь Меняющий Облик имел человеческую форму и сверхчеловеческую, напитанную Злом силу. И он докажет, что с этим надо считаться. Существо махнуло кулаком и радостно ухмыльнулось. Он справится с обоими.

В красных глазах чудовища вспыхнула жажда убийства.

63

Солнце жгло беспощадно. Баюкая свою покалеченную руку, Билли понял, что неправильно оценил расстояние до горной цепи. Они шли уже тридцать минут, а заросшие кактусами подножия гор тянулись по меньшей мере еще на полмили. Горы представляли собой усыпанную булыжниками вздыбленную землю. Красные скалы колыхались в поднимающемся мареве. Тем не менее Билли заметил несколько пещер. Многие из них были просто трещинами в скалах. С Билли ручьями тек пот, в голове гудело от невыносимого жара. Его ступни, рассеченные острыми камнями, оставляли на земле кровавые отпечатки.

Уэйн, шатаясь, плелся сзади. У него опять пошла кровь из носа и привлекла тучи мух. Собственное лицо казалось ему раскаленным листом металла. Подняв вверх свой единственный глаз, юноша увидел, что в небе кружат два стервятника. «По одному на каждого, — подумал он и чуть не рассмеялся. — Одному достанется темное мясо, другому светлое». Им придется умереть здесь. Это произойдет вот-вот, и нет смысла тащиться дальше. Они могут просто лечь на землю и позволить стервятникам приступить к работе. Он остановился и резко сел.

Билли оглянулся.

— Вставай.

— Нет. Я слишком искалечен. И здесь слишком жарко. — Он вдохнул опаляющий воздух, и боль в боку усилилась. Уэйн смотрел, как Билли медленно бредет обратно. — Хочешь, чтобы я излечил тебя? — спросил он и ухмыльнулся. — Хочешь воспользоваться мной и выздороветь? Попробуй.

— Нам осталось совсем немного. Пошли.

Уэйн покачал головой.

— Я выгорел. Ничего не осталось. — Он закрыл глаза. — Змея победила. Она убила орла...

— Что? Какие змея и орел?

— Во сне я видел, как они борются. Змея укусила орла прямо в голову и утянула на землю.

Билли вспомнил, как его орел вонзил клюв в змеиную голову и победил.

— Орел из дыма? — спросил он. — А змея из огня?

Глаза Уэйна широко раскрылись.

— Откуда ты знаешь?

— То, что я говорил в самолете насчет нашей матери, — правда, — объяснил Билли. — Ты должен мне верить. У тебя есть еще время набраться сил и помочь орлу победить.

По подбородку Уэйна катился пот. Капли падали на землю, образуя темную лужицу.

— Я очень хотел летать. Но почему-то... всегда заканчивал ползаньем. Если бы я больше знал о ней. И о тебе тоже. Тогда, может быть, все сложилось бы иначе. А теперь — уходи. Оставь меня одного.

Но Билли, не обращая внимания на его слова, смотрел на завесу черного дыма, поднимающегося над «Челленджером». Он увидел странную фигуру, которая была примерно в сотне ярдов от них. Распухшее тело, шатаясь, двигалось вперед, бешено перебирая ногами.

Уэйн оглянулся через плечо, пытаясь сфокусировать взгляд на приближающейся фигуре.

— Крипсин, — хрипло произнес он. — Значит, он не умер...

Тело двигалось так, будто его дергали за веревочки. Голова моталась из стороны в сторону. Ботинки поднимали тучи пыли. Левая рука качалась, словно маятник.

Нет, подумал Билли, это не Крипсин. Это что-то, надевшее плоть Крипсина, что-то, пытающееся схватить их прежде, чем они достигнут подножия гор.

— Подождите, ребята! — проревело существо, едва не разорвав мертвые голосовые связки Крипсина. — У меня есть для вас подарочек! Смотрите, как блестит! — Оно подняло кулак и описало им широкую дугу. Билли увидел, как солнце блеснуло на чем-то металлическом. — Уэйн! Билли! Подождите меня! Я иду!

«Меняющий Облик», — понял Билли. Только теперь он не играет в игры, не меняет маски, чтобы смутить его или Уэйна. Он надел человеческую плоть и мускулы; он выследил их, задыхаясь от веселья. И в этом обличье ему не нужны никакие уловки. Он просто разорвет их на куски.

— Поднимайся, Уэйн! Быстро!

Уэйн вскочил на ноги, скривившись от боли, и они двинулись вперед.

— ВАМ НЕ УБЕЖАТЬ! — ревело чудовище. — ЗДЕСЬ НЕГДЕ СПРЯТАТЬСЯ!

Оно тоже попыталось перейти на бег, но у тела Крипсина заплелись ноги, и Меняющий Облик рухнул на землю. Плюясь от злости, он неуклюже встал и двинулся дальше.

Жара быстро истощила силы Билли и Уэйна. Но бегемот, подкрадывающийся к ним сзади, сохранял постоянную скорость.

— УЭЙН! — закричал Меняющий Облик. — Он хочет одурачить тебя! Он демон! Сын Сатаны! Он пытается запутать тебе мозги! Ты слышишь меня? Я жив!

— Нет, — прошептал Уэйн, — ты мертв... Ты мертв... Ты...

Голос изменился, став женским:

— Уэйн! Я жду тебя в озере! Хочешь поплавать? Не убегай, Уэйн! Подожди меня! — А затем громогласно: — Я УБЬЮ ТЕБЯ, МАЛЕНЬКИЙ СУЧОНОК!

— Не слушай! — с трудом выдохнул Билли.

— Билли! — позвал Меняющий Облик. — Ты знаешь, кому хочешь помочь? Он приказал убить твою мать. Знаешь, как это было? Ей перерезали горло. Перерезали прямо до позвоночника. А затем подожгли твой маленький домик в Готорне, и от него остались одни головешки! Он хотел убить и тебя! О, он мечтал убить тебя! НУ ЖЕ, СПРОСИ ЕГО!

— Не оглядывайся, — сказал Билли Уэйну; его голос дрожал от противоречивых эмоций.

Они достигли подножия гор и стали карабкаться вверх. Подъем становился все круче. За их спинами Меняющий Облик с кровожадной улыбкой размахивал своим ужасным оружием. Они карабкались по камням с острыми краями, задыхаясь от боли и усталости. Они двигались все медленнее и медленнее, а Меняющий Облик по-прежнему не снижал скорости. Черная, ужасная боль пронзила Билли — он ударился поврежденной рукой о скалу и стиснул зубы, чтобы не закричать. Спустя некоторое время они уже двигались, как улитки, оставляя за собой пятна пота и кровавые отпечатки. Пещера была прямо над ними, всего в пятнадцати футах пути, за нагромождением скальных обломков и камней. Уэйн оглянулся и увидел, что существо сократило отрыв до тридцати футов и, ухмыляясь, продолжает карабкаться вверх. Он узнал оружие, которое поблескивало на его правой руке.

— Испускаете дух, ребята? — крикнул мертвец, показав гнилые зубы.

Билли протянул руку и схватился за край следующего уступа. Его ноги заскользили по камням, но Уэйн подтолкнул его снизу. Он вскарабкался на широкий карниз и оказался под палящими лучами солнца. Немного выше, в двенадцати футах, виднелась большая пещера, но его силы иссякли. Он лежал, задыхаясь от боли, пока Уэйн забирался к нему.

Уэйн попробовал втащить Билли наверх, но он тоже настолько ослаб, что прошел всего несколько футов. В глаза ему попал едкий пот, а когда он протер их, то увидал мертвое лицо Крипсина, показавшееся над карнизом. Уэйн отпустил Билли и пнул существо ногой. В шее трупа что-то хрустнуло, и из носа потекла водянистая кровь, но он продолжал карабкаться. Уэйн

попытался шуть его еще раз, но рука Меняющего Облик заблокировала удар. Его оружие вонзилось в колено Уэйна, прорезав его до кости. Уэйн упал на поврежденный бок, скорчился от боли и замер. Из его колена хлестала кровь.

— Мерзкие дети, — прошептал Меняющий Облик, поднимаясь на ноги. — А мерзких детей надо наказывать.

У Билли не осталось сил, даже чтобы отползти в сторону. Меняющий Облик поймал их. Неисповедимый Путь — его и Уэйна — закончится здесь, на раскаленных каменных плитах, в сотне футов над мексиканской пустыней.

— Ты больше не будешь красть пищу с моего стола, щенок! — Меняющий Облик двинулся вперед. Окровавленная голова Крипсина болталась из стороны в сторону в такт его шагам. — Я собираюсь развлечься. Я хочу насладиться местью. Ты помнишь, что я говорил тебе давным-давно? В коптильне этой старой суки? Я сказал, что мы встретимся. Так все и случилось, да? Маленький мальчик скоро увидит, на что похожа смерть с другой стороны; и я сделаю так, что ты долго-долго будешь кричать... — Он усмехнулся, уже питаясь страхом Билли, который делал его сильнее. От него разило ужасом и злом, которые он вытянул из погибших в самолете мужчин.

Меняющий Облик схватил Билли за волосы и оттянул его голову назад.

— Сначала скальп, — прошептал он, поднимая руку. — Скальп индейца.

Неожиданно Уэйн схватил труп за подбородок и свернул ему голову.

Зазубренные кости с треском вылезли из шеи. Огромная, похожая на футбольный мяч голова откинулась назад, и солнечный свет ослепил Меняющего Облик. Чудовище повернулось к Уэйну, наугад размахивая кастетом с лезвиями.

Уэйн ушел от первого удара, но обратное движение руки, располосовав ему щеку, отбросило юношу к краю карниза. Меняющий Облик заплясал от ярости, разрезая кулаком пустой воздух. Он подходил к Уэйну все ближе и ближе, наконец нащупал его, и они сцепились. Рука Уэйна зажала правое запястье трупа, из последних сил стараясь сдержать бритвы. Они

балансировали на краю карниза. Меняющий Облик не мог смотреть вперед, его голова болталась за плечами.

Уэйн ослабил хватку, и бритвы, блеснув, погрузились в его живот.

Юноша поперхнулся, чувствуя, как теплая жидкость течет по его ногам. В глазах все померкло, но голова оставалась ясной, и первый раз в жизни Уэйн понял, что нужно делать. Меняющий Облик издал торжествующий гортанный звук. Его рука повернулась, погружая лезвия еще глубже в живот своей жертвы.

— НЕТ! — закричал Билли и попытался встать. Он увидел, как над Уэйном сверкнула черная аура; она пульсировала глубоким иссиня-черным светом. Из живота юноши потоком хлестала кровь. Его лицо быстро бледнело.

Но в его незаплывшем глазу не было ни капли страха. Он посмотрел на Билли, а затем быстро перевел глаза на Меняющего Облик. Это существо постоянно насмехалось над ним, обманывало его, принимая обличье Фальконера... и обличье молодой девушки, которая на самом деле существовала только в его фантазиях. Боль, пронзавшая тело Уэйна, притупилась, оплетая сетью его сознание. Он не боялся.

Он еще может научиться летать. Да. Еще есть время победить змею!

«Немедленно! — подумал он. — Сделай это немедленно!»

И он шагнул с карниза, увлекая за собой труп Крипсина.

Билли услышал рев Меняющего Облик, и сцепившиеся фигуры пропали из виду.

Ярко-голубой воздух свистел в ушах Уэйна. Он летел навстречу водной глади файетского бассейна. В конце концов он набрался смелости прыгнуть с «Тауэра», и никто больше не посмеет над ним смеяться. Внизу блестела быстро приближающаяся вода. Он закрыл глаза и увидел дымного орла и огненную змею. Орел был смертельно ранен, но еще силен; он погрузил свои когти в извивающееся тело и схватил горящую треугольную голову клювом. С победным клекотом птица замахала крыльями и начала поднимать змею в небо... Все выше, и выше, и выше, пока змея не превратилась в угли, которые рассеял ветер.

С ним все будет в порядке. Он сделал то, что мог, и теперь готовился воспарить.

Билли услышал гулкий звук падения. Со склона горы посыпались камни, а затем наступила гнетущая тишина, нарушаемая только шорохом гравия. Он с трудом подполз к краю карниза и посмотрел вниз.

Уэйн лежал на животе, широко раскинув руки и ноги. В пятнадцати футах от него оседало взорвавшееся при столкновении с валуном тело Крипсина.

Что-то темное, словно туман, поднялось из тела толстяка и медленно двинулось к Уэйну.

— Убирайся от него! — закричал Билли. — Убирайся!

Призрак остановился и пошевелил Уэйна. Билли увидел повернутую под неестественным углом голову юноши, разорванное колено и торчащую из другой ноги кость. С точки зрения Меняющего Облик это тело было бесполезным. Туман сгустился, приобретая смутные очертания огромного вепря. Его красные глазки мигали; он был поражен и сбит с толку, утратив возможность воздействовать на Билли физически. Из него выплывали различные образы — разноцветная рука, хватающаяся за воздух, голова, напоминающая футбольный мяч, лицо, принадлежавшее, по-видимому, Найлзу, с широко открытым от ужаса ртом. Образы смешались, постепенно теряя свои очертания, будто перевариваясь в желудке зверя.

— Ты проиграл! — крикнул Билли. — А теперь убирайся! Прячься! БЕГИ!

Меняющий Облик огрызнулся, обхватив руками живот; души, которые он захватил, дергались от мучительной боли.

Он посмотрел на разбитое тело Уэйна, и его ужасная морда исказилась гневом и отчаянием. Юноша освободился, и теперь его не достать. Существо начало растворяться, забрав с собой всю свою добычу. Но прежде чем исчезнуть окончательно, оно покосилось на Билли и прошипело:

— У меня будут и другие возможности.

Но голос — смесь голосов Крипсина, Найлза и Дорна — был слаб и дрожал от страха.

— Я учту это, — ответил Билли, но существо уже растворилось, оставив после себя маленькое завихрение пыли и щебня.

Воздух постепенно тяжелел. Жара нарастала, вокруг начали собираться стервятники.

Билли ждал, голова его трещала от сосредоточенности. Он был уверен, что Уэйн ушел в тот самый туннель и теперь находится на другом Неисповедимом Пути. Он хотел похоронить тело брата, однако понимал, что если он сейчас спустится вниз, то назад ему уже не подняться. К счастью, камни, скатившиеся с откоса, на время защитят тело от стервятников. Юноша молча помолился за упокой души Уэйна, а спустя несколько минут начал карабкаться дальше — к самой большой пещере.

Там не было воды, но была густая, прохладная тень. По полу пещеры сновали ящерицы, хватавшие маленьких жуков. Билли опустился в угол и обрывком рубашки перетянул изувеченную руку. Не слишком сильно, но вполне достаточно, чтобы кости не двигались. Его тело пылало, а сердце гулко стучало от жары. Он знал, что если в ближайшее время не найдет воду, то умрет. Он должен идти; это слишком легко — свернуться клубочком и умереть, избавившись и от ответственности, и от боли. Но его мать не хочет этого... Он сам не хочет. Он и Уэйн покинули Готорн, вступив на извилистые, опасные тропки. Их Неисповедимые Пути разошлись в раннем детстве, но в конце концов они приняли бой с Меняющим Облик вместе. И Уэйн оказался сильнее злого существа, игравшего с ним так долго.

Лихорадка иссушила Билли. Ему стало холодно, и он понял, что это дурной знак. Он закрыл глаза, сконцентрировавшись на Бонни, ждущей его в Чикаго. А потом погрузился в сон, на время освободившись от лихорадки и боли.

— Билли? — позвал кто-то тихо.

Он дернулся и открыл глаза.

У входа в пещеру, на фоне резкого белого света, стоял маленький мальчик. Билли не смог разглядеть его лица. «Маленький мальчик? — подумал он. — Здесь? Нет-нет, это сон, галлюцинация». Малыш был одет в чистую рубашку и брюки без единого пятнышка грязи и пота.

— Кто ты? — спросил Билли. Его язык распух и едва шевелился. — Я не вижу, кто ты.

— Это я! Ты помнишь меня, Билли? Это я, мы играли с тобой много лет назад! Помнишь?

— Кто? Я не знаю тебя.

«Меняющий Облик», — подумал Билли и похолодел.

— Убирайся прочь!

— Я не хочу обмануть тебя, Билли. Правда. Я хочу помочь тебе, если смогу. Но ты сам должен помочь себе тоже. Ты не должен лежать здесь. Ты здесь умрешь.

— Может быть.

— Но почему? Ты прошел долгий путь, Билли. Ты... ты вырос. Ты помог мне однажды, много лет назад.

— Я хочу спать. Кем бы ты ни был, оставь меня в покое. Ты больше не сможешь мне навредить.

— Я и не хочу. Я... знаю, как это больно. Тебе может быть в самом деле плохо, но ты не должен сдаваться. Ты никогда не должен сдаваться, и ты пока не готов...

Мальчик некоторое время молча смотрел на Билли, склонив голову набок. Его лицо показалось Билли ужасно знакомым. Неужели это... Нет, нет, не он...

— Выходи, когда стемнеет, — продолжил мальчик. — Но следи за тем, где заходит солнце. Там будет запад. Это направление, которого ты должен придерживаться. Иди прямо на закат. Я не единственный, кто хочет помочь тебе, но иногда это бывает трудно. Ты все еще думаешь, что я пытаюсь одурачить тебя, да? Это не так, честное слово. Ты должен выйти, когда стемнеет. Это будет тяжело, но ты должен идти. Хорошо?

— Нет. Я останусь здесь, пока кто-нибудь не найдет меня.

— Здесь тебя никто не найдет, — быстро ответил мальчик. — Ты находишься далеко от населенных мест. Ты должен сам выбираться отсюда.

— Уходи. Оставь меня одного.

— Нет, сначала скажи, что пойдешь.

Билли закрыл глаза. Меняющий Облик хочет, чтобы он заблудился в пустыне. Он пытается увести его от людей.

— Пожалуйста, Билли.

Последняя мольба повисла в воздухе. Когда Билли снова открыл глаза, у входа в пещеру никого не было. Лихорадка принесла с собой слуховые и зрительные галлюцинации. Нет, ему лучше остаться здесь, он в прохладе и безопасности, и в конце концов кто-нибудь обязательно набредет на обломки «Челленджера». Не может быть, чтобы никто не увидел дым!

Вдруг он заметил, что на его правой ладони что-то лежит. Билли пригляделся, и его сердце забилось часто-часто.

Это был кусочек угля, покрытый шеллаком.

Билли встал и похромал к выходу. Около пещеры не было никаких следов, кроме кровавых отпечатков его ступней. Лучи палящего солнца снова загнали его в тень. Он сел и крепко сжал уголек в кулаке. Как же так? Он остался за две тысячи миль, в Чикаго. Огонь в голове мешал сосредоточиться. Он положил кусочек угля в карман и стал ждать захода солнца.

В темно-синих сумерках Билли осторожно спустился туда, где лежали трупы Уэйна и Крипсина, над которыми трудились стервятники. Они уже оприходовали большую часть Крипсина. И поработали над спиной и ногами Уэйна, но пока не тронули его лицо. Билли снял с Уэйна туфли, засунул в них свои распухшие ступни. И немного посидел рядом с братом. А затем начал обкладывать труп камнями, чтобы оградить его от стервятников.

Когда сумерки сгустились, Билли пошел на запад, оглянувшись лишь однажды, чтобы попрощаться с Уэйном. Его брат ушел, и не было никакой нужды оплакивать его переход на другую сторону. Если бы он знал об Уэйне больше, они непременно научились бы понимать друг друга. Они могли бы стать друзьями, а не идти каждый своей дорогой в поисках ответа на вопрос, что же такое их силы.

Билли повернулся и двинулся вперед.

Он шел всю ночь. Его ноги снова начали кровоточить, а сломанная рука раздулась, но он продолжал идти. Незадолго до рассвета, совсем выбившись из сил и спотыкаясь на каждом шагу, он вышел к лачуге скваттера. Постройка была очень ветхой, но внутри на полу валялся грязный матрас, а на столе стояли тарелки с заплесневевшей едой. Однако рядом с тарел-

ками стояла кофейная чашка, внутри которой, когда Билли взял ее в руки, что-то тихонько заколыхалось. Юноша нетерпеливо вылил несколько капель себе на ладонь; вода была болотно-зеленой и наверняка кишела бактериями. Билли взял одну тарелку, почистил ее о песок и поставил на стол. Оторвал кусочек рубашки, разложил его на тарелке, а потом осторожно процедил через него воду, чтобы задержать наиболее крупные части зеленой растительности. То, что осталось на дне тарелки — едва ли три глотка, солоноватых и неприятных на вкус, — немедленно было переправлено в рот. Влажным куском рубашки Билли обтер лицо, а затем проспал несколько часов на грязном матрасе.

Когда он проснулся, в лачугу сквозь дыры в стенах проникали солнечные лучи. Его била лихорадка, и он очень ослаб. Изувеченная рука налилась свинцом. Из раны сочилась желтая жидкость. Он попытался не думать о боли и сконцентрировался на мыслях о Бонни Хейли. Он собирался показать ей Готори, посмотреть Ламезу и хотел узнать про нее все-все, начиная с самого рождения. Юноша мысленно вспомнил ее лицо, и оно возникло перед его глазами, словно фотография. Он должен вернуться к ней.

Билли вышел из лачуги и остановился как вкопанный.

В трех или четырех милях он увидел облепленное коричневыми холмами большое озеро. Его окружали мотели и рестораны с большими вывесками, которые были видны с автострады, проходящей всего в полумиле от лачуги. По дороге двигались автомобили и бич-багги, а на озере Билли разглядел красный катер, тянущий за собой человека на водных лыжах. Вдоль улиц курортного города, выстроенного на берегу высохшего потока, росли пальмы, махавшие Билли листьями. Вся эта чудесная картина колыхалась в душном мареве, поднимавшемся от земли. Билли замер, ожидая, что все это неожиданно исчезнет, а затем, еле переставляя ноги, направился в сторону миража. На автостраде багги резко вывернули в сторону, чтобы избежать столкновения с каким-то сумасшедшим, вылезшим на шоссе. Билли медленно брел к середине автострады, объезжаемый автомобилями, мотоциклами и багги. На багажниках некоторых

машин стояли катера, из окон махали руками дети. Озеро в лучах солнца блестело, словно расплавленное золото.

Билли остановился на середине шоссе и начал хохотать. Он не мог остановиться даже тогда, когда у него заломило челюсти, и он чуть не упал от слабости. Он продолжал смеяться и тогда, когда рядом затормозил патрульный мотоцикл и офицер мексиканской полиции начал что-то кричать.

13. ДОМ

64

На имя Бонни они арендовали в аэропорту Бирмингема маленький «Гремлин» и под серым позднедекабрьским небом за два часа добрались до Файета. Зима уже началась, и волны холодного ветра кружили опавшие листья. Два дня назад было Рождество.

«Гремлин» проехал мимо большого плаката, пробитого пулями 22 калибра. «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ФАЙЕТ — ДОМ МАЛЕНЬКОГО УЭЙНА ФАЛЬКОНЕРА, ВЕЛИЧАЙШЕГО ЕВАНГЕЛИСТА ЮГА!» Билли заметил, что вторая строка надписи выцвела. Ее не будут обновлять. Теперь домом Уэйна стало тщательно ухоженное кладбище по соседству с владениями Фальконеров. Юношу похоронили рядом с отцом, и на его могиле всегда были живые цветы.

— Я никогда не видела столько холмов, — сказала Бонни. Она заметила, что Билли вздрогнул, когда увидел плакат. — Ламеза плоская, словно блин. Долго нам еще ехать?

— Несколько минут. Готорн сразу же за Файетом.

Под глазами у Билли все еще были заметны темные круги, и ему еще предстояло набрать фунтов пять или шесть, чтобы его лицо округлилось. Он смог ходить без костылей только на прошлой неделе. А еще раньше несколько недель, которые пол-

постью выпали из его жизни, он то приходил в себя, то впадал в беспамятство, борясь с обширной инфекцией. Его раздробленная челюсть зажила очень быстро, как и рука, одетая в толстый гипс. Доктор Хиллберн все время была рядом с ним: врачи не могли понять, почему юноша не погиб в пустыне. Повреждения, полученные им в авиакатастрофе, сами по себе были достаточно серьезными, а заражение, которое он получил из-за рваной раны, должно было покончить с ним стопроцентно.

Доктор Хиллберн промолчала, когда Билли рассказал ей, что он умирал, но его прислали обратно с той стороны: «Люди правы, там так прекрасно». Однако, если доктор Хиллберн не возражает, он еще некоторое время побродит на этом свете.

Доктор Хиллберн улыбнулась и сказала, что ни капельки не возражает.

Позже Билли спросил ее о матери. Доктор Хиллберн подтвердила то, что он уже знал; Рамона Крикмор погибла при пожаре, причина которого неизвестна. Лачуга сгорела полностью.

Бонни сидела с ним днем и ночью, облегчая его страдания. Когда тело юноши излечилось, разноречивые эмоции относительно Уэйна и потери матери хлынули из него горькими слезами. Когда он плакал, Бонни баюкала его голову. Некоторое время Билли снились кошмары. В них Меняющий Облик в распухшем теле Кристина крался за ним и Уэйном по раскаленной пустыне. Как только его тело и сознание привели в порядок, кошмары исчезли, однако когда они с Бонни ступили на борт самолета в Чикаго, чтобы совершить свадебное путешествие, которое было подарком сотрудников и пациентов института Хиллберна, Билли покрылся холодным потом. Самым трудным было пристегнуть ремень, а когда Боинг-747 рейсом до Атланты пошел на взлет, он закрыл глаза и крепко вцепился в руку жены. Правда, когда курс самолета выровнялся, все его страхи пропали, и он даже смог выглянуть в иллюминатор. Авиаперелет был гораздо удобнее, чем поездка на автобусе или поезде. Кроме того, Билли хотел попасть в Готэм как можно быстрее.

Он почти ничего не рассказывал Бонни о том, что случилось в Мексике, но она знала, что ему ужасно тяжело говорить

об этом. Она не хотела его заставлять; когда он захочет ей рассказать, она будет самым внимательным слушателем.

Они проехали Файет. До Готорна оставалось пятнадцать миль.

Пока Билли лежал в госпитале без сознания, ему исполнился двадцать один год. Он понимал, что сильно изменился с тех пор, как уезжал из Готорна в первый раз, чтобы присоединиться к «Призрак-шоу» доктора Чудо. Теперь он ясно видел свою цель и свое место в мире. Он пробил себе дорогу сквозь хитросплетения лабиринта, в который вошел много лет назад, когда оказался в подвале Букеров. Теперь он набрался сил и знал, что в его жизни победил орел.

Неисповедимый Путь тянул его вперед, в мир. Но прежде чем двинуться дальше — в Калифорнийский университет, в Дюк или даже в Оксфорд, где изучившие «алькоттскую ленту» парапсихологи нетерпеливо ждали приезда Билли, — ему нужно было оглянуться назад и сказать «до свидания» людям и местам.

«Гремлин» миновал поворот, и Билли увидел старое, истерзанное непогодой здание средней школы с кирпичной гимнастической пристройкой. На софтбольном поле виднелся большой бесформенный шрам, как будто трава отказывалась расти на месте взрыва.

Билли попросил Бонни остановиться.

Стоянка была пуста. Все ученики разъехались на рождественские каникулы. Билли опустил стекло со своей стороны и посмотрел на софтбольное поле. Его глаза потемнели от воспоминаний, связанных с Майской ночью.

— Здесь что-то случилось? — спросила Бонни.

— Да.

— И что же?

— Пострадало много детей. Некоторые умерли.

Билли посмотрел на новую изгородь, вспоминая боль в ладонях во время взрыва. Он подождал несколько минут, прислушиваясь к шуму ветра, гуляющего по полю. Поодаль качались сосны, а облака, казалось, задевали верхушки холмов.

— Они ушли, — сказал он. — Здесь никого нет. Слава Богу. Поехали дальше.

Они тронулись по дороге на Готорн. Когда Билли увидел кучу обгорелых бревен и каминную трубу там, где когда-то стоял дом родителей, его сердце екнуло. Поле заросло, пугало развалилось, все пришло в упадок. Он не попросил Бонни притормозить, пока они не доехали до бывших владений Букеров.

Заросли на заброшенном участке были расчищены, а на тщательно выровненной площадке стоял трейлер. Он стоял намертво, на бетонных столбах, вкопанных в землю. В окне виднелась рождественская елка с мигающими огоньками. На ступеньках сидел совсем не похожий на Вилла Букера маленький мальчик и играл с большой коричневой собакой, норовящей лизнуть его в лицо. Мальчик заметил «Гремлин» и помахал рукой. Билли помахал в ответ. От трейлера исходило тепло, и Билли надеялся, что люди, поселившиеся здесь, будут счастливы. «Дом убийства» Готорна канул в Лету.

Билли услышал высокий визг лесопилки, когда они подъезжали к автозаправочной станции. Сидящие рядом с бензоколонками фермеры с интересом следили за тем, остановится «Гремлин» или проедет дальше. Кто-то грузил в кузов пикапа тюки. В парикмахерской Куртиса Пила мерцал экран телевизора, и Билли разглядел силуэты людей, расположившихся около старого камина. Все в Готорне текло своим чередом. И хотя кое-где ощущалось влияние цивилизации — на телефонной будке висел плакат, гласящий, что «ТРЕБУЕТСЯ КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ РАБОЧАЯ СИЛА. ОБРАЩАТЬСЯ В ЛИЧНЫЙ ОФИС ЧЕТЕМА — ОФИЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НАНИМАТЕЛЯ», — стиль жизни, легкой и неторопливой, остался прежним. «Может быть, это к лучшему, — подумал Билли, — приятно сознавать, что такие городишки не меняются, несмотря на то что люди в них растут, мужают и учатся на своих ошибках».

— Останови здесь, — попросил он, указав на стоянку рядом с парикмахерской Пила. — Я хочу заглянуть туда. Хочешь пойти со мной?

— Я для этого и приехала, — ответила Бонни.

Когда Билли открыл дверь парикмахерской, трое мужчин, сидящих около камина, оторвались от телевизионного шоу — это было «Делайте ставки» — и замерли. У Куртиса Пила отвисла челюсть. Старый Хайрам Келлер заморгал и снова вернулся к Монти-холлу. Третий мужчина, самый молодой, с кудрявыми русыми волосами и полными щеками, раскрасневшимися от жара камина, подался вперед, как будто увидев мираж.

— Лопни мои глаза! — сказал Пил и встал с кресла. — Это же... Билли Крикмор?

— Правильно. — Билли напрягся, готовый ко всему. Он узнал молодого человека и увидел, как сузились его глаза. Дюк Лейтон.

— Ну черт меня... — Неожиданно лицо Пила расплылось в улыбке. Он шагнул вперед, обнял Билли за плечи и отступил назад. — Н-да... вот уж не ожидал увидеть тебя снова... Я имею в виду, мы...

— Я понял, что вы имеете в виду. Познакомьтесь с моей женой Бонни Хейли. Это Куртис Пил. Это Хайрам Келлер и Дюк Лейтон.

— Привет, — поздоровался Хайрам, не отрываясь от телевизора.

— Не ожидал, что ты узнаешь меня, Билли. — Дюк потрепал свой толстый живот. — Я все-таки немного изменился. Да и ты тоже. Выглядишь так, будто с тобой произошел несчастный случай.

— Возможно.

Наступила долгая пауза, которую прервал Куртис.

— Эй! Молодежь не желает коку? У меня есть и как раз холодная! Нет? Я слышал, погода еще больше испортится. Ночью ожидаются заморозки. Слушайте, берите стулья, устраивайтесь...

— Мы ненадолго, — прервал его Билли. — Я хочу сходить на кладбище.

— О да. Э-э-э... Билли, это была скверная ночь. Огонь распространился так быстро, да еще ветер... Мне... мне очень жаль.

— Мне тоже.

Пил повернулся к Бонни и некоторое время смотрел ей в глаза как загипнотизированный. Затем неуверенно улыбнулся и снова повернулся к Билли.

— Тебе нужно подстричься, Билли. Давай залезай в кресло, мы тебя обслужим. Я помню, ты очень любил запах «Виталиса». Он тебе еще нравится?

— Нет. — Билли слегка улыбнулся желанию Куртиса услужить. — Уже нет. — Он чувствовал на себе немигающий взгляд Дюка Лейтона, и внутри у него закипела злость.

— Да... — Пил нервно закашлялся. — Мы все тут наслышаны о тебе. Ты знаменитость. Я, конечно, не понимаю, что ты собой представляешь и все такое, но... посмотри-ка. — Он подошел к полке с одеколонами, шампунями и помадами и указал на стену. Только тут Билли разглядел самодельный стенд, увешанный вырезками о «таинственном медиуме», «алькоттской ленте» и его фотографиями. — Видишь? Я сохранил их. Люди постоянно приходят сюда, чтобы перечитать их. Ты, можно сказать, наша гордость! А теперь посмотри сюда. Узнаешь?

Он указал на вышивку, вставленную в рамку, — сова, сидящая на дереве. Перья птицы сияли всеми цветами радуги, а пронзительные живые глаза, казалось, наблюдали за зрителем. Билли узнал работу матери.

— Парень из Монтгомери, приезжавший сюда месяц назад, предлагал мне за нее сто долларов, — сказал Куртис и гордо расправил грудь. — Я не взял их. Я сказал, что эта работа сделана местным мастером и не продается ни за какие деньги. Я правильно говорю, Хайрам?

— Да.

— У меня есть еще одна, дома. На ней горы, озеро и парящий в небе орел. Но эта сова — самая красивая вещь, которую я когда-либо видел. Я повесил ее на самое видное место!

Хайрам неожиданно зашевелился и посмотрел на вышивку.

— Прекрасная работа, — сказал он, раскурив трубку и сунув ее в рот. — Трудно найти что-нибудь получше. — Он склонил голову набок и посмотрел на Билли. — Твоя мать была чертовски хорошей женщиной, но нам понадобилось слишком много времени, чтобы понять это. Какая женщина может содержать

в идеальном порядке ферму, делать такие картины и не жаловаться на судьбу?.. Да, я помню ту палаточную проповедь. Мы не хотели слышать, что говорила Рамона, но она обладала огромным мужеством. Похоже, у тебя его тоже хватает. — Он ткнул своей трубкой в стенд.

— Что?!. — слова застряли у Билли в горле. Он был поражен, и на глаза навернулись слезы. — Вы хотите сказать...

Дюк Лейтон начал подниматься со своего места. В его глазах отражался свет камина. Когда он выпрямился и сделал первый шаг, Билли увидел, что он хромает еще ужаснее, чем его отец. По мере приближения к Билли Дюк словно уменьшался в росте, ссыхался и бледнел. Он остановился перед Билли, его нижняя губа подрагивала.

— Это произошло сразу после того, как ты уехал в Чикаго. Я ехал в машине вместе с отцом. Он... он был сильно пьян. Он часто напивался с тех пор, как умерла мама. Во всяком случае... он ехал слишком быстро, и автомобиль свалился под мост. Я отделался порезами и ушибами, но отец умер еще до того, как приехала «скорая помощь». — Лицо Дюка помрачнело. — А неделю спустя Кой Гренгер пришел ко мне и сказал, что видел моего отца, стоящего на обочине у моста, с которого мы слетели...

— Я сам видел, — тихо сказал Хайрам. — Ясно как день. Так, как вижу тебя.

— Отец... не ушел. — Голос Дюка треснул, а глаза наполнились влагой. — Я видел его, звал, и было похоже, что он пытается мне ответить, но не может... не может произнести ни слова. Его... горло было раздавлено во время аварии, и он задохнулся. Когда я пытался прикоснуться к нему, то почувствовал страшный холод. Потом он исчез, просто растаял в мгновение ока. — Дюк беспомощно взглянул на Бонни, а затем снова обратился к Билли. — К кому еще я мог пойти? Я хотел помочь своему отцу!

— И моя мать освободила его?

— Я попросил ее об этом. — Хайрам выпустил клуб голубого дыма. — Мы все попросили. Она встала рядом с мостом, раскинув руки в стороны, и мы все увидели Ральфа Лейтона своими собственными глазами. — Он стиснул челюсти и провор-

чал: — Самая непостижимая вещь изо всех, что мне доводилось видеть. И Ральф... Он перенесся, я полагаю. Рамона упала на землю, и ее отнесли домой...

— Моя жена провела с ней всю ночь, — вставил Пил. — Ухаживала за ней.

Дюк рукавом вытер лицо.

— Извини. Я вел себя... как дурак. Я не верил в призраки до тех пор, пока не увидел своего собственного отца, пытающегося позвать меня...

— Чертовское мужество, — сказал Хайрам. — Она сделала это на виду у всех. О, поначалу некоторые смеялись. Но как только все это произошло... никто больше не улыбнулся.

— Тогда я купил у нее эту картину, — сказал Пил. — Она не хотела брать деньги, говорила, что они ей не нужны. Но я настоял. А на следующую ночь... Огонь был такой сильный, а ветер порывистый, что все закончилось раньше, чем мы туда добрались.

— Я ничего не знал. — Билли обвел взглядом всех троих. — Она никогда не писала мне об этом случае.

— Вероятно, она считала, что тебе хватает своих забот. — Хайрам снова раскурил трубку, зажал ее в зубах и уставился в телевизор.

— Я сожалею о том, что произошло с твоим отцом, — сказал Билли Дюку.

— Спасибо. Честно говоря, в последнее время мы с ним не ладили. После окончания школы он отвез меня на призывной пункт в Тускалузе. Так что я не попал в колледж, как хотел. Я попал во Вьетнам — тоже своего рода колледж. Я служил подрывником, но, по-моему, ты это знаешь. Чудесно, а? Я — и подрывник! — Он попробовал улыбнуться, но его глаза были грустными.

— Чудесно? Почему?

Дюк долго смотрел на него.

— Ты... ты что, ничего не знаешь? Ну да, откуда тебе. Я вернулся из Вьетнама в семьдесят первом, с простреленным бедром и Пурпурным Сердцем. Но это все равно продолжало есть меня изнутри... Поэтому я пошел к шерифу и все ему расска-

зал. Я отсидел один год из положенных двух и вышел недавно, только в октябре. Но я хочу, чтобы ты знал, Билли, — это была не моя идея. Это не я предложил...

— Какая идея?

— Фейерверк, — тихо ответил Дюк. — Я думал, ты знаешь; я думал, все уже знают. Я был среди тех ребят, кто подложил фейерверк в костер. Это... была шутка. Просто шутка. Мы надеялись, что получится красочный салют. Мы надеялись, люди обрадуются. Никто и не думал, что так рванет. Когда мой отец дознался до этого, он быстро сплавил меня военным. Я никогда не забуду ту ночь, Билли. Я плохо сплю. Знаешь, я до сих пор слышу стоны. Билли... ты можешь узнать, остался ли кто-нибудь из них там, на поле? Ты можешь поговорить с ними и помочь?

— Они ушли, — ответил Билли. — Я уверен в этом.

Дюк отрицательно покачал головой.

— Нет, они все еще здесь. — Он открыл глаза и ткнул пальцем в свой лоб. — Они здесь, все до единого. Все, кто погиб в ту ночь. Ты не можешь помочь мне?

— Нет.

— Я так и думал. Я отсидел свой срок и вышел за примерное поведение. Отец хотел, чтобы я уехал на работу в Джорджию. Да... — Он прошел мимо Бонни и снял с вешалки свою шляпу. Это был форменный головной убор работника заправочной станции. — Пойду на работу. Бензин не будет течь сам. Я думал, ты все уже знаешь, Билли. Я действительно так думал.

— Они ушли, — повторил Билли, когда Дюк взялся за дверную ручку. — Тебе больше не нужно хранить в себе их боль.

— Да, конечно, — ответил Дюк. Он открыл дверь — маленький колокольчик весело звякнул у притолоки — и вышел на улицу.

— Мы все ошибались насчет твоей матери, Билли, — смущенно вздохнул Куртис Пил. — Она не было колдуньей. Правда ведь, не была?

Билли покачал головой; его глаза затуманились, и Бонни взяла его под руку, чтобы поддержать.

— То, что произошло с сыном Фальконера, ужасно. Я слышал, что он погиб во время авиакатастрофы в мексиканской пустыне. Один Бог знает, что он там забыл. Я слышал, что он опустился, забросил все дела...

— Не все, — ответил Билли. — А только те, что не имели значения.

— Что?

— Ничего. — Билли снова посмотрел на вышитую сову. Эту прекрасную работу должны видеть все желающие. Куртис Пил не мог придумать лучшего места, чтобы повесить ее.

Пил коснулся его плеча.

— Билли, у меня есть прекрасная идея! Почему бы тебе и твоей юной леди не пообедать у меня сегодня вечером? Я позвоню жене и обещаю вам такого жареного цыпленка, что пальчики оближете! Договорились?

— А для меня местечко найдется? — спросил Хайрам.

— Может быть. Черт... конечно! У нас найдется местечко для всех! Ну что, Билли? Как ты на это смотришь?

Билли улыбнулся, посмотрел на Бонни, а затем кивнул.

— Мы смотрим на это очень положительно.

— Прекрасно! Тогда я начинаю трубить в рог!

— Куртис, — окликнул Билли, когда Пил направился к телефону. — Мне нужно сходить на могилу матери. Ее похоронили на кладбище?

— Да, конечно. Не беспокойся об этом. Мы хорошо заботимся о ней. Сам увидишь.

— Мы скоро вернемся.

Подходя к двери, Билли и Бонни услышали, как Куртис говорит по телефону:

— Ма? Сегодня вечером у нас будет настоящее торжество! Знаешь, кто...

— Большое мужество, — пробормотал Хайрам.

Пятнадцать минут спустя Билли и Бонни стояли у могилы Рамоны. Могила Джона располагалась всего в нескольких футах. Осыпавшиеся сосновые иголки устилали землю, а между деревьев гулял холодный ветер. Билли чувствовал запах сосно-

вой смолы: аромат жизни, ждущей весны, чтобы вырваться к свету.

В изголовье могилы Рамоны Крикмор стоял надгробный камень. На нем были выбиты ее фамилия, имя, даты рождения и смерти, а внизу рука мастера вывела печатными буквами: «ДОЧЬ ГОТОРНА».

Билли обнял Бонни. Он знал, что матери здесь нет; ее тело вернулось обратно земле, как и положено всем телам, но ее душа — та самая часть, которая делала ее не такой, как все, — по-прежнему следовала по своему Неисповедимому Пути. И его душа тоже уйдет туда, куда ушла ее. Он еще не раз встретит Меняющего Облик, потому что тот — земное воплощение Зла, но теперь он знал, что орел всегда может победить змею. Смелость побеждает страх.

Недалеко от могилы Рамоны в кустах росло несколько стеблей голденрода. Билли сорвал несколько штук, рассыпая по земле желтые цветы.

— Цветы для умерших, — произнес он. — И для живых.

Он протянул Бонни оставшийся стебелек и увидел, как засияли ее странные и прекрасные глаза.

Они стояли рядом под медленно плывущими в небе бело-серыми облаками. Ветер принес с собой снежные хлопья, которые цеплялись за волосы и ресницы, и Билли вспомнил свои первые шаги по Неисповедимому Пути, когда он и отец вышли прогуляться по снегу и зашли в дом Букеров. Теперь рядом с ним должен идти кто-то другой... Кто-то, кто понимает и верит в его силу.

— Я знала, что ты вернешься, — сказала Бонни. — Ты оставил кусочек угля, и я подумала, что ты вряд ли оставил его надолго. Я хранила его под подушкой, пока однажды утром он не исчез. Той ночью мне приснился сон...

— О чем?

— О тебе, — ответила Бонни. — И обо мне. Мы были... вместе и были старыми. Мы были уставшими, но это была хорошая усталость, вроде той, какую испытываешь после плодотворного труда и знаешь, что тебя ждет мирный сон. Я не знаю, где это было, но мы сидели на солнце и видели океан. Мы держались

за руки. — Ее лицо залилось румянцем. — После этого сна я поняла, что с тобой все будет в порядке. Я поняла, что ты вернешься. Чудно, да?

— Почему?

— Потому что это был первый сон, которого я не испугалась.

Пора было уходить. Они спустились с холма и сели в машину. Билли понимал, что Неисповедимый Путь вот-вот утащит его и, возможно, Бонни очень далеко от Готорна. Жизнь и Смерть — это две части одной головоломки, две части загадочного процесса роста. Он надеялся когда-нибудь сам поработать в парапсихологических лабораториях, заняться исследованиями, узнать столько, сколько сможет; он хотел помочь людям понять, что Смерть — это еще не конец, и что сама Жизнь — удивительная тайна, полная загадок и случайностей.

— Ты когда-нибудь хотела поехать в Англию?

— Зачем?

Билли мягко улыбнулся.

— Доктор Хиллберн говорила мне, что в этой стране больше всего домов с привидениями в пересчете на квадратный дюйм.

Они отъехали от кладбища. Но Билли смотрел назад до тех пор, пока белая пелена снега не закрыла мраморное надгробие. «Сколько предстоит сделать! — подумал он. — Сколько предстоит узнать!»

Через пару минут Билли сосредоточился на дороге, которая через Готорн уходила в мир. Он навсегда сохранит в себе слова матери: «Нет страха».

СОДЕРЖАНИЕ

ВААЛ 5
НЕИСПОВЕДИМЫЙ ПУТЬ 273

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Маккаммон Роберт
Ваал
Неисповедимый Путь

Фантастические романы

Художественные редакторы О.Н. Адаскина, И.А. Сынкова
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Роберт МАККАММОН | Robert R. McCAMMON

Ваал. Неисповедимый Путь

Роберт Маккаммон.

«Живой классик» литературы «ужасов».

СОПЕРНИК Стивена Кинга?

Писатель, в произведениях которого Зло пытается завладеть не душами людей, но — ВСЕМ нашим миром.

Звучит дико?

О нет!

Звучит ПРАВДИВО.

Потому что УЖАС в произведениях Маккаммона НИКОГДА не приходит ИЗВНЕ. Мы сами ПРИДАЕМ ЕМУ СИЛУ!..

В эту книгу вошли классические произведения Роберта Маккаммона — романы «Ваал» и «Неисповедимый Путь».